

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 1 (57)

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ
И КУЛЬТУРЫ:
ВАРИАТИВНОСТЬ,
ФУНКЦИИ, ИДЕОЛОГИИ
В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Часть I

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

Выпуск № 1 (57)

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ: ВАРИАТИВНОСТЬ,
ФУНКЦИИ, ИДЕОЛОГИИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Материалы международной научно-практической конференции
VI Фирсовские чтения
19–21 октября 2023 года

Часть I

Москва – Тамбов
2024

УДК 40 Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК
ББК 80 Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.
K57 Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2024 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Ломакина О.В., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Потанина Н.Л., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

K57 Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008–

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 1 (57): Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте. Материалы Международной научно-практической конференции VI Фирсовские чтения. 19-21 октября 2023 г. Часть I / отв. ред. вып. О.В. Ломакина. – Москва : Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2024. – 425 с.

ISBN 978-5-209-12191-6

В данном сборнике представлены работы по актуальным направлениям современной когнитивной лингвистики, среди которых изучение полинациональных языков в когнитивном аспекте, когнитивные исследования медиадискурса, парадигмальные сдвиги в современном мире, лексико-фразеологические единицы как средство вербализации концептов, метафора в языке и культуре, когнитивный аспект в переводе, когнитивный подход к компьютерной лингвистике.

Сборник адресован специалистам в сферах когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, фольклора, а также исследователям в области взаимодействия языка и мышления, языка и культуры, корпусной и компьютерной лингвистики.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-209-12191-6 (Вып. №1 (57). Часть I) © ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2024

ISBN 978-5-89016-442-1 © ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», 2024
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2024

ISSN 2071-9639

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION**

Cognitive Studies of Language

Volume # 1 (57)

**MODERN LANGUAGES AND CULTURES:
VARIETIES, FUNCTIONS, IDEOLOGIES
IN COGNITIVE ASPECT**

**Papers of the International Scientific and Practical Conference
VI Firsova Readings
19–21 October, 2023**

Part I

Moscow – Tambov
2024

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS 77-52638.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2024. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;

Lomakina O.V., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);

Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S.G., Doctor of Philology;

Panasenko L.A., Doctor of Philology;

Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;

Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;

Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;

Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

Kozlova E.A., Candidate of Philology (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N.N. Boldyrev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Derzhavin Tambov State University, The Russian Cognitive Linguists Association. – Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2008–

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 1 (57): Modern languages and cultures: varieties, functions, ideologies in cognitive aspect : Papers of the International Scientific and Practical Conference VI Firsova Readings held 19-21 October 2023. Part I / Volume's editor-in-chief O.V. Lomakina. – Moscow: RUDN, 2024. – 425 p.

ISBN 978-5-209-12191-6

This volume presents papers on topical areas of modern cognitive linguistics, including the study of multinational languages in cognitive aspect, cognitive studies of media discourse, paradigm shifts in the modern world, lexical-phraseological units as a means of concept verbalization, metaphor in language and culture, cognitive aspect in translation, cognitive approach to computer linguistics.

The collection is addressed to specialists in the fields of cognitive linguistics, discourse analysis, folklore, as well as researchers in the interaction of language and thinking, language and culture, corpus and computer linguistics.

ISBN 978-5-209-12191-6 (Vol. #1 (57). Part I) © FSBEI HE «Derzhavin Tambov State University», 2024

ISBN 978-5-89016-442-1 © FSAEI HE RUDN, 2024

© The Russian Cognitive Linguists Association, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

I. МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

<i>Алесенкова В.Н.</i> Двойной механизм сценической метафоры	15
<i>Антонян К.В.</i> Концептуализация восприятия в китайском языке	18
<i>Воронцова Ю.А.</i> Метафора как элемент юридического дискурса.....	21
<i>Захарова О.С.</i> Деинтенсификаторы положительной оценки в англоязычном аналитическом обзоре валютного рынка	25
<i>Козлова Л.А.</i> Авторская метафора как отражение специфики художественного мышления...28	
<i>Кондратьева О.Н., Шиллер С.В.</i> Метафорическая интерпретация конституционной реформы в политико-правовом дискурсе (гендерный аспект)	32
<i>Красильникова С.В.</i> Когнитивная метафора «Северная Фиваида» в культурной памяти (на примере описания паломничества А.Н. Муравьева).....	35
<i>Кудрявцева Н.А.</i> Метафорические переносы в речи современной французской молодежи (на материале англоязычных заимствований).....	39
<i>Кузьмина О.А.</i> Роль метафоры во французском молодежном арго.....	43
<i>Кузубина Е.В., Тимралиева Ю.Г.</i> Метафора болезни при представлении экономического кризиса в европейском медиадискурсе	47
<i>Лебедева И.С.</i> Роль вопросительной структуры в конструировании дискурса судебного заседания	50
<i>Лепеньшева А.А.</i> Особенности реализации концептуальной метафоры в мемах как креолизованных текстах	53
<i>Литвиненко Т.Е.</i> Тайное имя как интертекстуальная метафора.....	57
<i>Мезит А.Э.</i> Метафора в подъязыке работников гидроэнергетической отрасли.....	61
<i>Миньяр-Белоручева А.П.</i> Концептуальные метафоры в дискурсе холодной войны в исторической ретроспективе	64
<i>Мотожанец А.А.</i> К вопросу о грамматической метафоре в английском языке (на материале форм длительного вида)	68
<i>Мэнмэн В.</i> Концептуальная метафора в понимании китайского интернет-выражения “内卷” (нэйцзюань).....	71
<i>Низовцева К.В.</i> Метафорический перенос как основной вариант развития значения цветообозначения в составе фразеологизмов (на примере латышского языка)	75
<i>Плисов Е.В.</i> Лексические средства конструирования социальной реальности (на материале обращений немецких политиков к этническим группам)	78
<i>Поречная В.И.</i> Некоторые особенности реализации кода культуры в базовых метафорах с пространственным значением	82
<i>Семенихина М.В., Тимралиева Ю.Г.</i> Флористическая метафора в поэзии Ф.Г. Томпсона	85
<i>Сыщикова Е.С., Верещинская Ю.В.</i> Метафора как способ образования вторичной номинации в топонимике испаноязычных стран	89
<i>Тяньцзяо В.</i> Концептуальные метафоры в русской паремиологии с компонентом <i>совесть</i> ...92	
<i>Чуксина Е.А.</i> Метафорическая репрезентация концепта <i>Fear</i> по модели <i>fear – human being</i> .96	
<i>Шмелева Е.С.</i> Лингвокреативный потенциал реализации метафоры и метонимии в медийном дискурсе (на материале англо- и русскоязычных таблоидов 2000-2022 гг.	99
<i>Шутемова Н.В.</i> Метафора в документации проекта «Всемирное наследие».....	103

II. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Васильева Ю.А.</i> Лингвокогнитивные стимулы вербализации агрессии в межкультурной коммуникации.....	107
<i>Грибанова Т.И.</i> Когнитивные аспекты хеджирования в англоязычном семейном дискурсе	110
<i>Дубинина Н.В., Мерай М.И., Борисенко Е.А.</i> «Белый диалект» как язык межнационального общения в арабском языковом пространстве.....	114
<i>Kolar K.</i> Pristojnost or пристойность: finding a linguocultural equivalent.....	117
<i>Косар С.А.</i> Прагмасемантические особенности русских и персидских коллокаций со словом «Английский»	121
<i>Laiche S.</i> The use of positive politeness strategies in teacher-student interactions in Algerian classroom.....	124
<i>Литвинова А.В.</i> Прагматические ходы как средство смягчения отказа в американской и русской коммуникативных культурах (на примере отказа на просьбу о помощи). 127	
<i>Лю Ж., Карабулатова И.С., Гапанюк Ю.Е., Сунь Ч., Терехов В.И.</i> Моделирование би-/полилингвизма у детей в смешанных семьях в российско-китайском приграничье с использованием методов нейросетей.....	130
<i>Макарова Н.С.</i> Лингвистическая типология в преподавании РКИ.....	135
<i>Saadna S.</i> Politeness strategies in Algerian and Russian students' requests	138
<i>Садовская Е.Ю.</i> Тематическая направленность шуток о поколениях в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах.....	142
<i>Smirnova Yu.B., Tutova E.V.</i> Addressing a Stranger in American English.....	146
<i>Soomro M.A.</i> Value of Hierarchy in Address Forms Among the Bilingual Students of Pakistani Universities	148
<i>Фирсова М.А.</i> Межкультурное взаимодействие в образовательном пространстве прикаспия.....	152
<i>Фурс Л.А.</i> Гармонизация как стратегия бесконфликтной коммуникации.....	156
<i>Qing Zh.</i> Categories of Address Forms in Contemporary Chinese Academic Discourse in The Situation “Teacher - Student”	159
<i>Шабельская Н.К., Карабулатова И.С.</i> Эстетический компонент в номинации косметической продукции Китая как средство персуазивности	163

III. ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

<i>Бражникова И.Е.</i> Отражение идентичности мексиканцев в мексиканском национальном варианте испанского языка	167
<i>Говорова Л.А.</i> Когнитивные параметры идентичности латиноамериканских мигрантов	170
<i>Кошкарлова Н.Н.</i> Лингвоаксиологические особенности анекдотов из серии «Армянское радио»	173
<i>Никифорова С.А.</i> О культурах испаноязычных народов в аспекте высокого и низкого контекста.....	177
<i>Шелепова Н.В.</i> Ментальные механизмы внимания как способ формирования мифоконцептов (на материале английского языка).....	180
<i>Чернышев А.Б.</i> Когнитивно-словообразовательная модель «иметь – видеть» в глаголах индоевропейских и бенуэ-конголезских языков	184

IV. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ. КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

<i>Белозерцева Н.В., Бондарева Д.А.</i> Реализация стратегии коммуникативно равноценного перевода текстов с запрещенным контентом в условиях информационных ограничений.....	188
<i>Билялова А.А., Цыганова Е.Б.</i> Перевод метафорических моделей в текстах экономического дискурса.....	191
<i>Васильева М.Ю.</i> Особенности языковой репрезентации культурных реалий и реалий искусства российских немцев (на примере романов Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого “Wir selbst” / «Мы сами»)	195
<i>Гусейнова Л.Д.</i> Интернет-мемы как единица французского социокультурного пространства.....	199
<i>Гияязева Э.Н.</i> Синонимические отношения в русской и немецкой терминосистемах банковской сферы	203
<i>Гишкаева Л.Н., Келехсаева А.А., Гишкаева Л.И.</i> Способы перевода испанской экспрессивно окрашенной лексики на русский язык	206
<i>Губочкина Л.Ю.</i> Способы передачи антропоморфных понятий в художественном переводе	212
<i>Епимахова А.С.</i> Переводные соответствия в словаре-справочнике	215
<i>Zherdeva O.N., Frolova O.V., Skubieva E.N.</i> Poetic translation as an aspect of cognitive linguistics (Based on a comparative analysis of the translations of H. Heine’s poems by A. Fet and F. Tyutchev)	219
<i>Зоткина А.С.</i> Особенности перевода лексических интенсификаторов (на материале массмедиадискурса).....	222
<i>Ильина Е. В.</i> Метонимический перенос как стратегия перевода русских глаголов с приставкой при- на английский язык (на материале рассказов И.А. Бунина и А.П. Чехова)	226
<i>Корнеева М.И.</i> Прагматические трансформации в переводе романа Жоржа Перека “La disparition” («Исчезание»)	229
<i>Корчуганова А.А.</i> Когнитивно-прагматическая специфика локализации видеоигр на материале видеоигры "Horizon zero dawn").....	233
<i>Кузнецова В.Ю.</i> Особенности перевода окказиональных метафор в речи политиков: теоретический аспект рассмотрения	236
<i>Lebedev L.V.</i> Cognitive competences of the bilingual author and author-translator V. Nabokov (based on the work “Camera obscura” / “Laughter in the dark”)	240
<i>Никитин М.Ю., Бородина М.А.</i> Особенности перевода фильмонимов с английского языка на примере мультсериала	243
<i>Новикова А.С.</i> Дискурсивные стратегии киноcritики на фильм «Голубой ангел» в современных немецких кинокритиках	247
<i>Новикова В.Р.</i> Интерпретации глаголов движения лететь и летать на английский язык с учетом когнитивных структур текста (на материале корпуса НКРЯ)	251
<i>Пак Н.С.</i> Машинный перевод и автоматическое извлечение ключевых слов в исследовании грамматики англоязычного медицинского дискурса.....	254
<i>Парфенова М.А.</i> Особенности перевода юридического дискурса	258
<i>Пастухова О.Д., Степанова А.С.</i> Особенности локализации сайтов вузов (на материале сайта СПбГУ)	260
<i>Смирнова Д.Л.</i> Особенности трансформации концептуально значимого высказывания при переводе на английский романа Ф.М. Достоевского «Идиот»	264
<i>Соколова А.В.</i> Анализ особенностей синхронного русско-английского перевода высказываний-хеджей, описывающих когнитивные операции говорящего (на материале корпуса устного перевода)	267
<i>Сулейманова О.А.</i> Русские абстрактные существительные в английском переводе.....	271

<i>Сяолин В.</i> Межкультурная адаптация при переводе художественной литературы	275
<i>Таканова О.В.</i> К вопросу о переводе метафор.....	278
<i>Чибисова О.Б.</i> Синтаксис испанского юридического текста как причина когнитивных затруднений при переводе.....	281
<i>Шавтикова А.Т.</i> Актуальность лексических трансформаций при переводе названий египетских фильмов.....	284
<i>Юйхань, Лазарева О.В., Новоспаская Н.В.</i> Лингвозкологические особенности формирования терминологии сферы международной торговли в русском и китайском языках.....	287

V. КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

<i>Алюнина Ю.М.</i> Русское в зарубежном кинематографе: на материале англоязычных субтитров	292
<i>Georgiou P.</i> <i>Georgios</i> Leveraging Machine Learning Algorithms for The Estimation of Speech Perception Patterns in A Second Language.....	296
<i>Тивьяева И.В.</i> Моделирование когнитивных процессов на основе корпусных данных	298
<i>Фролова Е.А.</i> Формирование эмпирической базы в когнитивных исследованиях: роль наречия градуатора в английской конструкции с расщепленным инфинитивом	302
<i>Чулкова Е.Д.</i> Когнитивно-ономасиологический анализ события (на материале события «Тегеранская конференция 1943 г.»)	305
<i>Шипунов М.А.</i> Корпусный подход к исследованию медиатекстов (на материале публикаций о событиях 11 сентября 2001 г. в американских и британских электронных СМИ)	309
<i>Эйсмонт П.М.</i> Соматизмы в определении интуиции: конструкции с глаголом ЧУЯТЬ.....	313
<i>Яхина Р.Р., Мифтахова Л.Б.</i> Компьютерная лингвистика в современном информационном обществе: англицизмы и их частотность	317

VI. СОВРЕМЕННАЯ КОГНИТИВИСТИКА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Алтынбекова Б.А.</i> Переключение кодов как характерная черта повседневной речи кыргызов билингвов (на материале сериала «Баарыбиртууган»)	321
<i>Архипенкова А.Ю.</i> Нейрокогнитивная реабилитация школьников с аутизмом	325
<i>Vagiyun A.Y.</i> Conceptual linguistic engineering of professional identity: in search of a new systemic methodology.....	329
<i>Баранов Е.С.</i> Концептуальные метафоры в онтологической категории времени в японском языке.....	332
<i>Borodina M., Trilobova E.</i> Features of the use of youth slang in contemporary film discourse and social media	335
<i>Бутузова Ю.В.</i> Лексико-фразеологические особенности авиадискурса	338
<i>Вашунина И.В., Зимина М.В.</i> Особенности восприятия поликодовых текстов на родном и иностранном языках.....	343
<i>Владимирова В.Е.</i> Когнитивная обработка грамматического рода существительных русского языка билингвами	347
<i>Гарифуллин А.Ф.</i> Особенности применения коммуникативно-когнитивного подхода на занятиях по английскому языку.....	350
<i>Глухова О.В.</i> Когнитивная лингвистика: современные тенденции	353
<i>Горбачева А.В.</i> Об индексальности знаков в поликодовом тексте.....	357

<i>Давидюк Т.И.</i> Лично-числовое согласование с подлежащими, сочиненными союзами или и или ... или: экспериментальное исследование	361
<i>Зимарева О.Л., Карамышев Е.А.</i> Динамизм семантики многозначного слова (на примере английской лексемы trunk)	365
<i>Киреенкова Е.Е.</i> Способы фиксации англоязычных терминов лингводидактики в рамках специальной области знаний.....	368
<i>Кожухова И.В.</i> Речевые жанры шейминга и оскорбления: точки соприкосновения.....	372
<i>Косова К.О.</i> Категория “langue maternelle” во французской социолингвистической традиции.....	375
<i>Ли Кэжу.</i> Гендерная дискриминация в диалектах провинции шаньси	378
<i>Ли Сюэ.</i> Этнические категории в кнр: особенности семантики номинации ‘минь цзу’	382
<i>Логунова А.А.</i> Использование сетевых ресурсов для анализа семантики предикатов depend on / rely on / count on	385
<i>Маркова М.Д., Уланов И.В.</i> Анализ тональности как метод распознавания контента: на примере феномена «скулшутинг»	389
<i>Михеева С.Л.</i> Роль имен прилагательных в структурировании представлений о пространстве	392
<i>Налдеева Л.Е.</i> Многозначность двухкомпонентных сложных слов-зоонимов.....	396
<i>Рябова И.Ю.</i> Языковая личность субъекта парресиастического высказывания как лингвокогнитивный и психосоциальный феномен	399
<i>Рябко О.П.</i> Когнитивные аспекты иронии.....	403
<i>Семенова Ю.В.</i> Развитие методов когнитивной поэтики в зарубежных исследованиях	405
<i>Сергеева Е.Е.</i> Особенности семантики английских предикатов со значением приближения в пространстве (типа to go up/to come up).....	409
<i>Тимофеева Э.О.</i> Отклонения от стандарта в современных песнях аборигенов австралии на английском языке	413
<i>Freidkin I.L.</i> Beginner level hebrew language education (level aleph-1) as an opportunity to inform the students of culture and geography of the country being studied.....	416
<i>Шахаева А.А.</i> Когнитивный подход в лингводидактике китайского языка	419
<i>Яруллина Л.Р.</i> Настольные игры в обучении иностранному языку как способ преодоления языкового барьера на примере немецкого языка	422

CONTENTS

I. METAPHOR IN LANGUAGE AND CULTURE

<i>Alesenkova V.N.</i> Double mechanism of stage metaphor.....	15
<i>Antonyan K.V.</i> Conceptualization of perception in Chinese.....	18
<i>Vorontsova Yu.A.</i> Metaphor as an element of legal discourse.....	21
<i>Zakharova O.S.</i> De-intensifiers of positive evaluation in the anglophone analytical review of the foreign exchange market.....	25
<i>Kozlova L.A.</i> The author's metaphor as the manifestation of the artistic thinking specificity.....	28
<i>Kondratyva O.N., Shiller S.V.</i> Metaphorical interpretation of constitutional reform in political and legal discourse (gender aspect).....	32
<i>Krasilnikova S.V.</i> The cognitive metaphor of the "Northern Thebaid" in cultural memory (on the example of the description of A.N. Muravyov's pilgrimage).....	35
<i>Kudriavtseva N.A.</i> Metaphorical transfers in the modern French youth speech (on the material of English-language borrowings).....	39
<i>Kutsubina E.V., Timralieva J.G.</i> The metaphor of disease in the presentation of the economic crisis in the European media discourse.....	43
<i>Kuzmina O.A.</i> The role of metaphor in French youth argot.....	47
<i>Lebedeva L.S.</i> Interrogative structures in discourse construction in courtroom.....	50
<i>Lepenysheva A.A.</i> Conceptual metaphor in memes as creolized texts.....	53
<i>Litvinenko T.E.</i> The secret name as an intertextual metaphor.....	57
<i>Mezit A.E.</i> Metaphor in the sublanguge of employees of the hydropower industry.....	61
<i>Minyar-Beloroucheva A.P.</i> Conceptual metaphors within the cold war discourse in historical retrospective.....	64
<i>Motozhanets A.A.</i> Towards grammatical metaphor in the English language (based on the category of continuous).....	68
<i>Mengmeng W.</i> Conceptual metaphor in the understanding of Chinese internet expression "内卷" (neijuan).....	71
<i>Nizovtseva K.V.</i> Metaphorical transference as the main variant of the development of the meaning of color connotation in phraseological units (using the example of the Latvian language).....	75
<i>Plisov E.V.</i> Lexical means of constructing social reality (based on the appeals of German politicians to ethnic groups).....	78
<i>Porechnaia V.I.</i> Some features of the culture code implementation in basic metaphors with spatial meaning.....	82
<i>Semenikhina M.V., Timralieva Y.G.</i> Floristic metaphor in the poetry of F.H. Thompson.....	85
<i>Syschikova E.S., Vereshchinskaya Yu.V.</i> Metaphor as a way of secondary nomination formation in toponymy of Spanish-speaking countries.....	89
<i>Tianjiao W.</i> Conceptual metaphors in Russian paremiology with component conscience.....	92
<i>Chuksina E.A.</i> Metaphorical representation of the fear concept according to the fear – human being model.....	96
<i>Shmelyova E.S.</i> Linguocreative potential of metaphor and metonymy in media discourse (based on English and Russian language tabloid articles dated 2000-2022).....	99
<i>Shutemova N.V.</i> Metaphor in statements of outstanding universal value of world heritage sites.....	103

II. COGNITIVE LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>Vasileva J.A.</i> Linguocognitive motivations for verbalization of aggression in intercultural communication.....	107
<i>Gribanova T.I.</i> Cognitive aspects of linguistic hedging	110
<i>Dubinina N.V., Merai M.I., Borisenko E.A.</i> Characteristics of interethnic communication of native speakers of Arabic	114
<i>Колар К.</i> Pristojnost или пристойность: поиск лингвокультурного эквивалента.....	117
<i>Kosar S.A.</i> Pragmasemantic features of Russian and Persian collocations with the word “English”	121
<i>Лауш С.</i> Использование стратегий позитивной вежливости во взаимодействии учителя и ученика в алжирских классах	124
<i>Litvinova A.V.</i> Pragmatic moves in refusal: a case study of refusal to help in American and Russian communicative cultures.....	127
<i>Liu Zh., Karabulatova I.S., Sun Ch., Gapanyuk Yu.E., Terekhov V.I.</i> Modeling of bi-/polylinguism in children in mixed families in the Russian-Chinese border area using neural network methods	130
<i>Makarova N.S.</i> Linguistic typology in teaching Russian to foreign students	135
<i>Саадна С.</i> Стратегии вежливости в речевом акте «просьба» алжирских и русских студентов.....	138
<i>Sadovskaya J.Y.</i> Thematic focus of jokes about generations in Russian and English linguacultures.....	142
<i>Смирнова Ю.Б., Тутова Е.В.</i> Формы обращения в американском варианте английского языка: социокультурный аспект.....	146
<i>Соомро М.А.</i> Значение иерархии в формах обращения среди двуязычных студентов пакистанских университетов	148
<i>Firsova M.A.</i> Cross-cultural interaction in the educational space of the Caspian Sea.....	152
<i>Furs L.A.</i> Harmonization as a strategy for conflict-free communication	156
<i>Цин Ч.</i> Категория форм обращения в современном китайском академическом дискурсе в ситуации «преподаватель – студент»	159
<i>Shabelskaya N.K., Karabulatova I.S.</i> Aesthetic component in the nomination of Chinese cosmetics as a mean of persuasiveness.....	163

III. THE STUDY OF PLURICENTRIC LANGUAGES IN A COGNITIVE PERSPECTIVE

<i>Brazhnikova I.E.</i> Reflection of Mexican identity in the Mexican national variant of the Spanish language	167
<i>Govorova L.A.</i> Cognitive parameters of identity of Latin American migrants.....	170
<i>Koshkarova N.N.</i> Linguoaxiological characteristics of radio Yerevan anecdotes.....	173
<i>Nikiforova S.A.</i> About the cultures of Spanish-speaking nations in the aspect of high- and low-context	177
<i>Shelepova N.V.</i> Mental mechanisms of attention as a way of forming mythocepts (based on the English language analysis)	180
<i>Chernyshev A.B.</i> Cognitive and word-formation model “have – see” in verbs of 178 Indo-european and Benue-congolese languages.....	184

IV. TRANSLATION STUDIES IN A COGNITIVE PERSPECTIVE

<i>Belozertseva N.V., Bondareva D.A.</i> Rendering texts with illegal information content under information constraint: in search of communicative equivalence	188
<i>Bilyalova A.A., Tsyganova E.B.</i> Translation of metaphors in economic discourse texts.....	191
<i>Vasilyeva M.Yu.</i> Features of language representation of cultural realities and realities of art of Russian Germans (based on the example of novels by G. Yakhina “A Volga Tale” and G. Savatsky “Wir selbst” / “We Ourselves”).....	195
<i>Guseynova L.D.</i> Internet memes as a unit of French socio-cultural space	199
<i>Gilyazeva E.N.</i> Synonymic relations in the Russian and German terminology systems of the banking sector	203
<i>Gishkaeva L.N., Kelekhshaeva A.A., Gishkaeva L.I.</i> Translating Spanish evocative vocabulary into Russian language	206
<i>Gubochkina L.Yu.</i> Methods of interpreting anthropomorphic characters in literary translation ..	212
<i>Epimakhova A.S.</i> Equivalents in a dictionary/handbook	215
<i>Zherdeva O.N., Frolova O.V., Skubieva E.N.</i> Poetic translation as an aspect of cognitive linguistics (Based on a comparative analysis of the translations of H. Heine’s poems by A. Fet and F. Tyutchev).....	219
<i>Zotkina A.S.</i> Rendering lexical intensifiers in media text.....	222
<i>Ilyina E.V.</i> Metonymy as a strategy in translation of Russian prefixal verbs into English (exemplified by A.P. Chekhov and I.A. Bunin’s stories).....	226
<i>Korneeva M.I.</i> Pragmatic Transformations in translation of G. Perec’s novel “La disparition”.....	229
<i>Korchuganova A.A.</i> Cognitive and pragmatic specifics of video game localisation (on the material of the video game “Horizon zero dawn”).....	233
<i>Kuznetsova V.Yu.</i> Peculiarities of translation of occasional metaphors in the speech of politicians: theoretical aspect of consideration.....	236
<i>Лебедев Л.В.</i> Когнитивные компетенции автора-билингва и автора-переводчика Владимира Набокова (на примере произведения «Камера Обскура» / “Laughter in the dark”).....	240
<i>Nikitin M.Y., Borodina M.A.</i> Features of the translation of filmonyms from English on the example of an animated series	243
<i>Novikova A.S.</i> Discursive strategies of film criticism for the film “The Blue Angel” in modern German film reviews	247
<i>Novikova V.R.</i> Verbs of movement LETET’ (ЛЕТЕТЬ) and LETAT’ (ЛЕТАТЬ) in Russian-to-English translation considering text cognitive structures: a corpus study	251
<i>Pak N.S.</i> Machine translation and automatic keywords extraction in studying grammatical features of English medical discourse	254
<i>Parfenova M.A.</i> Features of legal discourse translation.....	258
<i>Pastukhova O.D., Stepanova A.S.</i> Localization peculiarities of university websites (on the material of St. Petersburg University website).....	260
<i>Smirnova D.L.</i> Characteristics of the transformation of a concept statement under translating F.M. Dostoevsky’s novel “The Idiot” into English	264
<i>Sokolova A.V.</i> Russian-to-English simultaneous interpretation analysis of hedge structures describing the speaker’s cognitive operations (consecutive translation corpus).....	267
<i>Suleimanova O.A.</i> Russian abstract nouns in English translation.....	271
<i>Syaolin V.</i> Intercultural adaptation when translating fiction.....	275
<i>Takanova O.V.</i> On the question of translation metaphors	278

<i>Chibisova O.B.</i> Syntax of Spanish legal text as a cause of cognitive difficulties in translation	281
<i>Shavtikova A.T.</i> The relevance of lexical transformations when translating Egyptian film titles.....	284
<i>Yuhan, Lazareva O.V., Novospasskaya N.V.</i> Linguo-ecological features of international trade terminology formation in Russian and Chinese	287

V. COMPUTATIONAL LINGUISTICS: A COGNITIVE APPROACH

<i>Alyunina Y.M.</i> Russian in foreign movies: corpus analysis of English subtitles	292
<i>Георгуи П. Георгуос.</i> Использование алгоритмов машинного обучения для оценки моделей восприятия речи на втором языке.....	296
<i>Tivyaeva I.V.</i> Corpus-based modelling of cognitive processes.....	298
<i>Frolova E.A.</i> Empirical data in cognitive research: the role of gradation adverbs in the English construction with a split infinitive	302
<i>Chulkova E.D.</i> Cognitive onomasiological analysis of event (featuring the event of Tehran conference, 1943).....	305
<i>Shipunov M.A.</i> Representing 9/11 in American and British media in longitudinal perspective...	309
<i>Eismont P.M.</i> Somatism in the designation of intuition: constructions with the verb CHUYAT'	313
<i>Yakhina R.R., Miftakhova L.B.</i> Computational linguistics in the modern information society: anglicisms and their frequency	317

VI. MODERN COGNITIVE LINGUISTICS: THEORY AND METHODOLOGY

<i>Altynbekova B.A.</i> Code switching as a feature of the everyday speech of bilingual kyrgyz (based on the series “Baarybirtuugan”)	321
<i>Arkhipenkova A.Y.</i> Neurocognitive rehabilitation of ASD students	325
<i>Багьян А.Ю.</i> Концептуальный лингвистический инжиниринг профессиональной идентичности: в поисках новой системной методологии.....	329
<i>Baranov E.S.</i> Conceptual metaphors in the ontological category of time in the japanese language	332
<i>Бородина М., Трилобова Е.</i> Особенности молодежного сленга в современном кинодискурсе и социальных сетях	335
<i>Butuzova Y.V.</i> Lexical and phraseological features of aviation discourse	338
<i>Vashunina I.V., Zimina M.V.</i> Peculiarities of perception of polycode texts in native and foreign languages	343
<i>Vladimirova V.E.</i> Cognitive bilingual processing of the grammatical gender of Russian nouns	347
<i>Garifullin A.F.</i> Peculiarities of application of communicative-cognitive approach in english language classes	350
<i>Glukhova O.V.</i> Cognitive linguistics: current trends	353
<i>Gorbacheva A.V.</i> On sign indexality in multimodal texts	357
<i>Davidyuk T.I.</i> Agreement with disjoined subjects in Russian: an experimental study	361
<i>Zimareva O.L., Karamyshev E.A.</i> Dynamism of a polysemous word semantic structure (on the example of the English lexeme trunk).....	365
<i>Kireenkova E.E.</i> The fixing methods of English-language linguodidactics terms in the special knowledge field	368
<i>Kozhukhova I.V.</i> Shaming and insulation as speech genres: common points.....	372
<i>Kosova K.O.</i> The category “langue maternelle” in the French sociolinguistic tradition	375

<i>Li Kezhu</i> . Gender discrimination in the dialects of Shanxi province.....	378
<i>Lee Xue</i> . Ethnic categories in the PRC: features of the semantics of the nomination ‘min tsu’...	382
<i>Logunova A.A.</i> Experimental methodics for analysing semantics of predicates depend on / rely on / count on	385
<i>Markova M.D., Ulanov I.V.</i> Sentiment analysis as a method for recognizing content related to the school shooting	389
<i>Mikheeva S.L.</i> The role of adjectives in structuring ideas about space.....	392
<i>Naldeeva L.E.</i> Formation of figurative meanings of two-component compound words – zoonyms	396
<i>Ryabova I.Y.</i> Linguistic personality of the subject of a parrhesiastic utterance as a linguocognitive and psychosocial phenomenon	399
<i>Ryabko O.P.</i> Cognitive aspects of irony	403
<i>Semyonova Y.V.</i> Development of cognitive poetics methods in the foreign studies	405
<i>Sergeeva E.E.</i> Semantic features of English predicates denoting movement towards an object.....	409
<i>Timofeeva E.O.</i> Non-standard linguistic phenomena in modern Australian aboriginal english songs.....	413
<i>Фрейдкин И.Л.</i> Изучение начального уровня иврита (уровень алеф-1) как возможность информирования обучающихся о культуре и географии изучаемой страны	416
<i>Shakhaeva A.A.</i> A Cognitive linguistics approach to teaching Chinese	419
<i>Yarullina L.R.</i> Board games in teaching a foreign language as a way to overcome the language barrier on the example of the German language.....	422

I. МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

В.Н. Алесенкова (Саратов, Россия)

Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова

alesenvic@gmail.com

ДВОЙНОЙ МЕХАНИЗМ СЦЕНИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Исследование сконцентрировано на анализе метафоры как механизма организации смысла в контексте театра. Материалом послужили невербальные сценические образы и языковые формы их восприятия. Применяя метод когнитивного моделирования, автор раскрывает потенциал и процедуру формирования метафорических концептов на основе театрального дискурса.

Ключевые слова: сценическая метафора, метафорический концепт, метаязык, когнитивное моделирование, театр, механизм метафоризации.

Поэтичность сценического языка всецело зависит от наличия метафорических связей и проекций, однако феномен метафоры в контексте театра все еще остается основательно не изученным. Фактическая размытость границ между знаком, метафорой и символом привела к тому, что в театре «любой способ косвенного и образного выражения смысла» [Арутюнова 1990: 7] называют метафорой. Вместе с тем современный театр активно осваивает невербальный язык общения со зрителем, конструируя сложное ментальное пространство спектакля, в котором метафора, рассматриваемая как механизм мышления и системный элемент организации смысла, заслуживает особого внимания. Поскольку когнитивная наука занимается «мышлением, и теми ментальными (мыслительными) процессами и состояниями, которые с ними связаны» [Кубрякова 1997: 58], то актуальным и востребованным методом анализа ментальных образов на основе образов сценических представляется именно когнитивное моделирование.

Метафора как «инструмент мышления» (термин Э. Кассирера) или «необходимое орудие мышления» (термин Х. Ортега-и-Гассета) соединяет два уровня восприятия (формальное и ментальное пространства) и развивается в спектакле в обратной перспективе. Визуальные события, художественно воплощенные режиссером, зритель транслирует в языковые значения. По сценическому действию Эдмон поджигает на себе одежду – в нем загорается «огонь страсти» («Король Лир» И. Шаца); Гамлет после встречи с Призраком становится босиком на кусок льда – его душа «леденеет от страха» («Гамлет» Э. Някрошюса); Эдип пьет из чаши и подвергается истязанию – он испил «чашу страдания» («Царь Эдип» В. Гассмана); Калигула, прикасаясь руками поочередно к земле и своим вискам, – «заземляет мысль» («Калигула» Э. Някрошюса); нить, которую фея Пата Сола перематывает с клубка на клубок и вплетает в полотно, читается как «нить повествования», «нить судьбы» или «нить жизни», вплетенная в «полотно истории» («Елизавета I» П. Вуткарэу).

Так, в ходе зрительского восприятия формальное пространство занимает невербальное действие, а ментальное пространство – словесная форма его осмысления. Метафоричность в данном контексте проявляется как распознавание на основе театральных знаков, бытующих в естественном языке метафор. Здесь стоит отметить,

что метафора пользуется на формальном уровне структурой знака, но не должна идентифицироваться с ним. Любой объект на сцене, в результате обыгрывания получающий не свойственное ему в жизни значение, является знаком (индексальным, иконическим или символическим, в терминах Ч. Пирса), а не «изобразительной метафорой». Доски, обыгранные как баня, деревья или тропа через болото («А зори здесь тихие» Ю. Любимова); подушки, обыгранные как трон или могилы («Гамлет» П. Брука); зонт, обыгранный как крылья («Гамлет» П. Вуткарэу); солярий, используемый в качестве гроба («Карамазовы» К. Богомолова) – знаки. Наличием замещения по подобию они лишь имитируют метафору.

Театральные знаки становятся, в терминах Р. Якобсона, языком-объектом, а узнаваемые (или считаваемые) метафоры – метаязыком. В обратной последовательности процесс воплощения режиссером собственного метатекста, когда «словесный знак подавляется изобразительным знаком» [Якобсон 1990: 118], можно назвать пластической материализацией слова, которая присутствует и в актерской практике. Опыт преобразования словесных выражений, главным образом глагольных метафор, в физическое (видимое) действие заложен в технику «психологического жеста» [Чехов 1995: 189] и значительно расширяет коммуникационные возможности театра. Зритель в этом случае занимает творческую позицию и играет «активную роль в формировании значений и выборе языковых средств выражения» [Болдырев 2014: 33], становясь сотворцом спектакля.

Как обнаружилось в результате проведенного анонимного опроса зрителей после просмотра записи спектакля Э. Някрошюса «Отелло», в переносе смысла с формального на ментальный уровень восприятия задействовано преимущественно метафорическое мышление. Своеобразные движения рук Яго в момент планирования злодеяния получили следующие интерпретации: «просчитывает ходы», «играет на нервах», «вяжет замысел», «цепляется за идею», «плетет паутину интриги». Знаменитая пластическая сцена Дездемоны с дверью, обыгранной в качестве объекта, была осмыслена как череда метафор, на основании которых моделируется художественный концепт. Метатекст при этом приобретает дискурсивный характер: Дездемона «взвалила тяжесть решения», «взошла на Голгофу любви» (дверь – ноша, крест); «закрыла дверь для прошлого», «открыла запретную дверь», «перешла во взрослую жизнь» (дверь – переход); «похоронила себя для будущего», «умерла для отца» (дверь – гробовая доска); «душа Дездемоны – закрытая дверь», «душа открыта для мужа и закрыта для отца» (дверь – душа). Механизм метафоры действует как бы в два этапа – изобразительный знак переводится в словесную метафору, которая затем проецируется в концепт.

Последовательность и логику формирования значений интересно проследить на примере из спектакля Т. Кантора «Мертвый класс». В сцене, которая запускает процесс метафоризации, уборщица, орудуя шваброй как косой, заставляет учеников падать замертво. Апеллируя к бытующей во многих европейских языках метафоре «смерть косит», зритель переносит значение смерти на уборщицу. В результате означивания закладывается концептуальная основа восприятия сценических образов: метафора «смерть – уборщица» создает новый семантический контекст, в котором люди (в период мировых войн) идентифицируются с мусором, культурный опыт и знания превращаются в ненужный хлам, перечеркивая смысл человеческой жизни.

Солидаризируясь с Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в том, что процессы мышления метафоричны, надо признать, что разработанный учеными принцип концептуальной метафоры успешно работает в реалиях сценического искусства. Если

в языке метафора позиционируется как «прежде всего способ постижения одной вещи в терминах другой» [Лакофф 2004: 62], то в театральном дискурсе концептуальная метафора складывается в результате постижения значений, придаваемых сценическому объекту через совершаемые над ним (или им самим, если это персонаж) смысловые действия.

Механизм трансляции смысла из визуального пространства в ментальное был изучен в процессе анализа концептов ГОСУДАРСТВО и ВЛАСТЬ на материале нескольких спектаклей разных режиссеров. Как было обнаружено, комплекс информации, который аккумулируется в ряде словесных метафор, может быть структурирован в обобщающий метафорический концепт. Выявленные в результате метафорические связки: «государство – сооружение»; «власть – самоутверждение», «власть – служение» [Алесенкова 2018], согласно теории Лакоффа и Джонсона, являются концептуальными метафорами. На уровне визуальной формы (в качестве знаковых выражений) задействованы различные сценические объекты и невербальные действия, объединенные одной интенцией. На уровне метаязыка словесные метафоры и фразеологизмы являются необходимой базой для формирования концепта.

Метафора в театре не только «может служить средством понимания концепта благодаря своей эмпирической природе» [Лакофф 2004: 42], но и осуществлять проекцию смысла от знака до концептуального символа, способствуя познанию метафизических процессов. Например, ментальный образ души в качестве концептуального символа вмещает метафорические концепты театрального дискурса (КОЛЕБАНИЕ, СВЯЗЬ, СТИХИЯ) и их проекцию в мифические (или символические) концепты (РАВНОВЕСИЕ, ЦИКЛИЧНОСТЬ, АМБИВАЛЕНТНОСТЬ). Так, для зрителя акт узнавания объекта перерастает в познание, а метафорическое мышление развивается в символическое (или мифическое). Известно, что «чем мифичнее мышление, тем более оно представляется источником познания» [Потебня 1989: 240].

Подводя итоги, можно зафиксировать, что метафора, как механизм мышления, осуществляет двойную функцию переноса смысла между формальным и ментальным уровнями зрительского восприятия. В контексте театрального искусства, пользуясь структурой знака, метафора получает развитие как метаязык – вторичная смысловая надстройка над невербальным языком сценического действия. Процесс метафоризации осуществляется в два этапа: 1/ словесные метафоры на основе визуальных образов; 2/ метафорические концепты на основе словесных метафор. Моделирование метафорических концептов на расширенном материале театрального дискурса открывает перспективу когнитивного анализа сценического искусства и формируемой им концептосферы.

Литература

Алесенкова В.Н. Опыт когнитивного театроведения: от концептуальной метафоры к концептуальному символу // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII, 2018. С. 765-770.

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 3-33.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Фил. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Потебня А. Слово и Миф. М.: Правда, 1989.

Чехов М. Литературное наследие. В 2-х т. Т.2. Об искусстве актера. М.: Искусство, 1995.

Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 110-132.

V.N. Alesenkova (Saratov, Russia)

Saratov State Conservatoire named after L.V. Sobinov

DOUBLE MECHANISM OF STAGE METAPHOR

The study focuses on metaphor as a mechanism of organizing meaning in the context of theater. As the research material were selected nonverbal stage images and the linguistic forms of their perception. The author reveals the potential and procedure of metaphorical concepts formation on the basis of theatrical discourse by applying the method of cognitive modeling.

Key words: stage metaphor, metaphorical concept, meta-language, cognitive modeling, theater, metaphorization mechanism.

К.В. Антонян (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

kvantonian@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель работы – исследование концептуализации восприятия в китайском языке. Материалом исследования являются глаголы восприятия. Проводится анализ сочетаемости глаголов восприятия с глагольными модификаторами, обозначающими успешность акта восприятия. Используется понятие аффиксальной парадигмы глагола – матрицы его сочетаемости с модификаторами. Как основные типы метафор выделяются «движение к цели» и «вычленение», а как ведущая модальность – зрительная.

Ключевые слова: концептуализация восприятия, метафора, китайский язык, глагольные модификаторы.

Целью данной работы является исследование концептуализации восприятия и метафор восприятия в современном китайском языке (СКЯ).

Концептуализация восприятия в различных языках и культурах все более привлекает внимание исследователей. Состав и членение семантического поля, образованного глаголами восприятия, распределение значений, семантические связи между элементами поля, полисемия, метафорические значения единиц поля и их связь с другими полями – все это варьирует как от языка к языку, так и от диалекта к диалекту.

Специалисты, работающие в области когнитивных наук, исходят из того, что ощущение не есть простая физиологическая реакция организма. Оно всегда представляет собой «культурную производную», продукт сложного взаимодействия тела и разума и формируется в результате усвоения и «присвоения» индивидом культуры, в которой он воспитывается [Howes 2006; Нагорная 2015].

С нашей точки зрения, изучение материала китайского языка представляет значительный интерес для исследования концептуализации восприятия.

Мы полагаем, что мощным средством для этого является изучение сочетаемости глаголов, обозначающих восприятие, с глагольными модификаторами, обозначающими успешность акта восприятия, с которыми они сочетаются в рамках так называемой результативной конструкции.

Результативная конструкция (РК) – это сочетание глагола, обозначающего некоторое действие, с глаголом или прилагательным, обозначающим результат этого действия. Второй компонент РК называется в отечественной традиции модификатором. Класс модификаторов открыт. Особую замкнутую подгруппу образуют глагольные модификаторы со значением направления. РК неразрывны, за исключением возможности инфиксации морфем 得/不 *de/bu*, с помощью чего образуются формы потенциального наклонения, и обладают свойствами сложного слова. При этом класс РК открыт, а оба компонента конструкции являются синтаксически самостоятельными, что сближает РК со словосочетаниями [Антонян 2003: 15-22].

Сочетаемость глаголов с модификаторами является важной характеристикой глагола. Мы полагаем, что состав модификаторов, с которыми сочетаются глаголы восприятия, являются важным свидетельством того, как концептуализируется в китайском языке тот или иной акт восприятия.

Подобный подход был реализован М.А. Кронгаузом на материале приставочных глаголов в русском языке [Кронгауз 1998]. Кронгауз ввел понятие приставочной парадигмы глагола, под которой понимается набор префиксов, или, точнее, набор значений префиксов, с которыми может сочетаться тот или иной глагол [Кронгауз 1998: 257]. На материале ряда глаголов, в частности, глаголов речи, он показал, что анализ такого набора префиксов способствует уяснению механизмов концептуализации того или иного действия в языке: интересно, что глагол *молчать*, сочетаясь с различными префиксами, ведет себя как глагол речи, обозначая различные речевые акты, ср. *промолчать*, *смолчать*, *отмолчаться* [Кронгауз 1998: 232-233]. Вообще говоря, глагольные модификаторы в китайском языке типологически не вполне соответствуют аффиксам; в частности, они обладают знаменательным значением и способны к самостоятельному употреблению. Однако в составе РК они выражают успешность действия, достижение действием того или иного результата, что делает их функционально подобными аффиксам. Это позволяет нам экстраполировать введенное Кронгаузом понятие приставочной парадигмы на материал китайского языка и говорить об аффиксальной парадигме глаголов, в частности, глаголов восприятия.

Группа исследуемых глаголов была выделена на основании переводных словарей и словарей синонимов. Группа включает глаголы 看 *kan* 'смотреть', 瞧 *qiao* 'смотреть' (*разг.*), 听 *ting* 'слушать', 闻 *wen* (1) 'слушать', 闻 *wen* (2) 'обонять', 嗅 *xiu* 'нюхать', 尝 *chang* 'пробовать на вкус'; а также глаголы осязания - 触觉 *chujue*, 触摸 *chumo*, 摸 *mo* 'щупать', 'осязать'. Были рассмотрены также глаголы, обозначающие восприятие как общее понятие: 感到 *gan(dao)* '(по)чувствовать', 感觉 *ganjue* 'ощущать', 觉察 *juecha* 'заметить, ощутить', 觉得 *juede* 'чувствовать'.

Мы распределили глаголы, обозначающие ощущение и восприятие, по подгруппам в соответствии с пятью модальностями, выделяемыми в психологии: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание [ПС 1999: 56, 200]. Мы рассмотрели сочетаемость этих глаголов, а также глаголов, обозначающих восприятие вообще, с модификаторами, обозначающими успешность акта восприятия, ср. 看 *kan* 'смотреть' + 见 *jian* 'видеть' – 看见 *kan-jian* 'увидеть'.

Сочетаемость глаголов восприятия с модификаторами была выявлена на основании словарей DCYF, QBT и ХНВС, в которых она представлена в специальных зонах словарной статьи, а также Корпуса современного китайского языка Пекинского университета (CCL).

Основные выводы таковы.

1. Для обозначения успешности акта восприятия в СКЯ используются следующие модификаторы (в алфавитном порядке): 出 *chu* 'вывести наружу', 出来 *chulai* 'вывести наружу (к говорящему)', 到 *dao* 'достигнуть', 见 *jian* 'увидеть', 着 *zhao* 'коснуться'. Отдельно необходимо упомянуть морфему 得 *de* 'получить', входящую в состав сложного слова 觉得 *juede* 'чувствовать', этимологически восходящего к РК.

2. По выделенным подгруппам модификаторы, обозначающие успешность акта восприятия, распределяются следующим образом.

Зрительная модальность (visual modality):

见 *jian* 'увидеть', 到 *dao* 'достигнуть', 着 *zhao* 'коснуться',

出 *chu* 'наружу', 出来 *chulai* 'наружу (к говорящему)'

Слуховая (auditory): 见 *jian* 'увидеть', 到 *dao* 'коснуться'

Обонятельная (olfactory):

见 *jian* 'увидеть', 到 *dao* 'достигнуть', 着 *zhao* 'коснуться',

出 *chu* 'наружу', 出来 *chulai* 'наружу (к говорящему)'

Вкусовая (gustative): 见 *jian* 'увидеть', 到 *dao* 'достигнуть', 着 *zhao* 'коснуться', 出 *chu* 'наружу'

Осязательная (tactile):

到 *dao* 'достигнуть', 着 *zhao* 'коснуться',

出 *chu* 'наружу', 出来 *chulai* 'наружу (к говорящему)'

Восприятие как общее понятие:

到 *dao* 'достигнуть', 出 *chu* 'наружу', 出来 *chulai* 'наружу (к говорящему)'

3. Успешность восприятия с помощью одних органов чувств может выражаться модификаторами, обозначающими восприятие с помощью других органов чувств. Так, успешность восприятия на слух, а также с помощью обоняния концептуализируется, в частности, через зрение – обозначается модификатором 见 *jian* 'увидеть', а успешность зрительного восприятия – не только через зрение, но и через прикосновение (модификаторы 见 *jian* 'увидеть' и 着 *zhao* 'коснуться').

4. Материал СКЯ дает основание предположить, что для современного говорящего ведущей модальностью является визуальная. Об этом свидетельствует тот факт, что модификатор 见 *jian* 'видеть' используется для обозначения успешности акта восприятия не только с глаголами, обозначающими зрение, но также и с глаголами, обозначающими слух (ср. 听见 *ting-jian* 'услышать') и обоняние (ср. 闻见 *wen-jian* 'ощутить запах').

Косвенным подтверждением этого является также то, что в иероглифе 覺 (современное написание 觉), задающем один из центральных для семантического поля восприятия слогознак *jue* 'чувствовать', графемой-детерминативом, или ключом, является 见 (современное написание 见) 'видеть'.

5. Основными метафорами восприятия в СКЯ является ДВИЖЕНИЕ К ЦЕЛИ (о чем свидетельствует их употребление с модификатором 到 *dao* 'достигнуть') и ВЫЧЛЕНЕНИЕ (употребление с модификаторами 出 *chu* и 出来 *chulai* 'вывести

наружу'). Метафора ДВИЖЕНИЕ К ЦЕЛИ сближает эти глаголы с глаголами, обозначающими мыслительную деятельность, ср. 想到 *xiang-dao* 'думать' + 'достигнуть' – 'прийти в голову', 'додуматься до ч.-л.'.

6. Остается открытым вопрос о существовании единой метафоры для всех видов восприятия, а также вопрос о том, являются разные типы метафор согласованными или совместимыми (*coherent vs. consistent*) [Лакофф и Джонсон 2004: 68-73].

Литература

Антонян К.В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М.: Муравей, 2003.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Нагорная А.В. Перцептивные феномены как объект исследования в современных гуманитарных науках // Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании / ред.-сост. Нагорная А.В. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 27-38.

ПС – Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1999.

Howes D. *Sensual relations: Engaging the senses in culture and social theory*. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 2006.

CCL – Center for Chinese Linguistics. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai (дата обращения: 16.08.2023)

DCYF – *Dongci yongfa cidian* [Словарь сочетаемости глаголов]. Shanghai, 1987.

QBT – *Quxiang buyu togshi* [Словарь и грамматическое описание модификаторов со значением направления в китайском языке] / Liu Yuehua zhu. Beijing: Beijing language and Culture University Press, 2008.

XHBC – *Xiandai Hanyu babai ci* [Словарь «Восемьсот слов современного китайского языка». Beijing, 2007.

*K.V. Antonyan (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics (RAS)*

CONCEPTUALIZATION OF PERCEPTION IN CHINESE

The paper studies the conceptualization of perception in Chinese. It analyzes the combinability of verbs denoting perception with complements of result and direction. It draws the following conclusions: (1) there are different metaphors involved in the conceptualization of perception; (2) the main metaphors for perception are MOVING TO A GOAL and EXTRACTION/SINGLING OUT; (3) the leading modality for modern speakers of Chinese is the visual one, for it is morpheme 见 *jian* 'to see' that is used for denoting the successful result of looking, hearing and smelling.

Key words: conceptualization of perception, metaphor, Chinese, resultative verb compounds.

*Ю.А. Воронцова (Белгород, Россия)
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
vorontsova73@mail.ru*

МЕТАФОРА КАК ЭЛЕМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается метафора как способ лингвистической репрезентации институционального общения в юридическом дискурсе. Отмечается, что метафорическая

терминология является значимым элементом в процессах порождения и интерпретации правовых текстов.

Ключевые слова: метафора, метафорический термин, юридический дискурс, институциональное общение.

Юридический дискурс в аспекте институциональной принадлежности определяется рамками статусно-ролевых отношений, поэтому он пользуется строго выстроенной и иерархически упорядоченной системой профессионально ориентированных знаков, диктумный смысл которых выражается целым комплексом лексических и грамматических средств. (Батюшкина М.В., Карасик В.И., Кожемякин Е.А., Колтунова М.В., Палашевская И.В., Попова Т.П., Хомутова Т.Н., Цуканова Е.В., Шефер Е.А. и др.).

Традиционное понимание метафоры как художественного тропа и стилистической фигуры речи делают ее важным способом достижения образности языка. В современных исследованиях аккумулируется восприятие метафоры как средства представления и осмысления действительности (Арутюнова Н.Д., Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., Москвин В.П., Попова Т.Г., Складневская Г.Н., Телия В.Н., Чудинов А.П. и др.), в них утверждается, что «значительная часть социальной реальности осмысляется в метафорических терминах» [Лакофф, Джонсон 2004: 176]. Очевидна трансформация понимания метафоры, которая позиционируется не только как украшение речи, но и как метод познания и категоризации действительности, как «наиболее продуктивный способ номинации и порождения языковых единиц» (см. подробнее в [Кубрякова 2010]). Это позволило метафоре функционировать в качестве когнитивного механизма, лежащего в основе познавательной и мыслительной деятельности, стать инструментом, обеспечивающим получение, обработку, оперирование знанием, быть средством обработки, осознания, объяснения, понимания, использования информации.

Сфокусируем свое внимание на метафоре как специфическом элементе юридического дискурса.

Отметим обоснованное доминирование метафоры в художественном дискурсе. Однако в настоящее время наблюдается смещение исследовательской плоскости в сторону изучения феномена метафоры в разных дискурсивных практиках. Один из постулатов современной теории метафоры гласит, что «механизм метафоризации универсален, свойствен языку в целом, независимо от его дискурсивной дифференциации» [Ярошук 2022: 603]. Метафора стала рассматриваться как средство структурно-смысловой организации текста с четко определенными функционально-прагматическими, когнитивно-дискурсивными признаками, что позволяет ей быть элементом разных типов дискурса, включая те, которые в течение длительного времени характеризовались как лишённые эмоциональной нагрузки. Метафора стала не только органическим компонентом, но и заняла прочную нишу в бытовом, научном, политическом, публицистическом дискурсах, а также в креолизованных текстах.

Отметим, что моделирование тезауруса правовой коммуникации не предусматривает присутствие эмоциональности и придерживается буквального, а не метафорического значения слов и выражений, что обусловлено требованиями эксплицитности, точности изложения и однозначности понимания текста, поэтому использование метафоры не соответствует традициям юридического дискурса.

Анализ научных работ показывает, что мнения исследователей относительно функционирования метафоры в юридическом дискурсе разделились. Одни исследователи отмечают «неуместность, неудобство и даже недопустимость

использования метафоры» [Арутюнова 1990: 7], что обусловлено спецификой юридического дискурса, задача которого «состоит в создании такой языковой картины, которая не допускает двусмысленной интерпретации» [Гальперин 1958: 434], при этом подчеркивается несовместимость метафоры «с прескриптивной и комиссивной функциями речи», реализуемыми в процессе институционального общения, т.е. «во всем, что должно неукоснительно соблюдаться, выполняться и контролироваться, а следовательно, подлежит точному и однозначному пониманию» [Арутюнова 1990: 7]. Другие считают, что метафора является эффективным языковым инструментом категоризации действительности, неотъемлемой частью юридического языка несмотря на высокий уровень его формализации (Баранов В.М., Богачева Е.А., Власенко Н.А., Исупова М.М., Коптелова И.Е., Семенова Э.В. и др.), она «обеспечивает связь между социальной реальностью и миром правовых абстракций и категорий» [Ярошук 2022: 606]. Основным критерием допустимости и уместности употребления метафоры в правовой коммуникации является абстрактность юридических понятий, «посредством которых фиксируется динамическая и многообразная экстралингвистическая реальность» [Ярошук 2022: 607]. Третьи присутствие метафоры в юридическом тексте объясняют с позиции прагматики. Будучи прагматическим феноменом права, метафора «преследует цели законодательной экономики» [Черданцев 2016: 288], только использовать ее необходимо «при наличии точности, понятности, образности, безусловности и корректности. <...> Она уместна там и тогда, когда без нее невозможно с надлежащей точностью отобразить содержание и формы функционирования юридически значимой деятельности» [Баранов, Власенко 2019: 17]. В данном случае использование метафоры как средства категоризации действительности соответствует коммуникативно-прагматическим установкам юридического дискурса. Например, метафорические выражения *борьба с преступностью, отмывание денежных средств, расследование преступления по горячим следам, противодействие преступности, юридическое лицо, примирение сторон, веские доказательства*, являясь языковым элементом структурирования институционального общения, «теряют свою эмоциональную функцию и становятся условными формулами» [Гальперин 1958: 433], тем самым демонстрируют обусловленность своего функционирования условиями правовой коммуникации.

В юридическом дискурсе при метафорическом моделировании используются простые и конкретные образы, ориентированные на массовое сознание, необходимые для объяснения и осмысления элементов правового пространства. Например: *Автомобилист устроил словесную перепалку с инспектором ДПС, которая быстро переросла в конфликт. Сотрудниками полиции пришлось применить силу. Презумпция доброй воли также избавляет человека от доказывания его добросовестности. Добросовестное заблуждение заявителя относительно события преступления. В действиях потерпевшей не было агрессивного намерения*. Метафорические термины *словесная перепалка, перерасти в конфликт, применить силу, добрая воля, добросовестное заблуждение, событие преступления, агрессивное намерение* образовались посредством семантической деривации, в результате сформировалась «гносеологическая структура для представления отдельного феномена» [Мишанкина 2012: 33].

Метафоры прочно встроены в понятийную систему юридического дискурса, многократность их употребления ведет к утрате образности с сохранением информационной ценности, в результате они воспроизводятся в качестве фразеологизированных терминологических наименований. Например, в рамках

юридического дискурса механизм действия метафоры является катализатором процесса конвенционализации смысла фразеологического оборота *отмывание денег* и появления производных лексических значений «легализация денежных средств, полученных преступным путем», «зарабатывать обманным путем», «придавать видимость законного происхождения денежных средств» и т.д. В подобных случаях можно говорить о переходе метафоры в кодифицированную терминологию.

В условиях юридического дискурса метафоры актуализируются «в номинативной, коммуникативной, метаязыковой и когнитивной (категоризация, концептуализация и оценка действительности) функции, что, разумеется, не исключает также использования прагматического и эстетического потенциала метафоры» [Чудинов 2014]. Подчеркнем, что в правовой коммуникации реализуемая функция метафоры определяется ситуацией, целями, составом участников и другими условиями институционального общения. Например, в судебном дискурсе наблюдается корреляция карательной и констатирующей функций: *заключить под стражу, конструирование событий преступления*; в адвокатском дискурсе преобладает охранительная функция: *давление на свидетеля, громкий уголовный процесс*; в полицейском дискурсе доминирует суггестивная функция: *производство уголовного дела прекратить*. Однако «исключительную важность имеет и аргументативная функция метафоры как средства убеждения в правильности (правдоподобности) выдвигаемых тезисов и постулатов» [Константинова 2011: 11].

Таким образом, использование метафоры мотивировано коммуникативно-прагматическими условиями институционального общения. Метафора является средством маркирования правовой сферы, она используется в процессе когнитивно-дискурсивного конструирования действительности. Лингвистическая репрезентация институционального общения осуществляется с помощью специфических метафорических терминов, которые упрощают, схематизируют, синтезируют значительный объем информации в компактной языковой форме. Метафорическая мотивированность юридической терминологии актуализирует сущностные признаки правовых явлений на основе восприятия и осмысления базовых категорий человеческого мышления.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
- Баранов В.М., Власенко Н.А. Метафоры права: методологическая опасность и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 11-19.
- Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.
- Константинова М.В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): автореф. дисс. канд. филол. наук. Курск, 2011.
- Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2010.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: под ред. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Мишанкина Н.А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32-45.
- Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: Монография. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016.
- Чудинов А.П. Идеи и принципы политической метафорологии // Филология и человек. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-i-printsipy-politicheskoy-metaforologii> (дата обращения: 24.08.2023).

Ярошук И.А. Метафоры в праве: методологические основания исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 596-610.

Yu.A. Vorontsova (Belgorod, Russia)
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs in Russia
named after I.D. Putilin

METAPHOR AS A ELEMENT OF LEGAL DISCOURSE

The article considers metaphor as a way of linguistic representation of institutional communication in legal discourse. It is noted that metaphorical terminology is a significant element in the processes of generation and interpretation of legal texts.

Key words: metaphor, metaphorical term, legal discourse, institutional communication.

О.С. Захарова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский Государственный Университет
st111446@student.spbu.ru

ДЕИНТЕНСИФИКАТОРЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

В работе рассматриваются деинтенсификаторы положительной оценки в жанре обзора валютного рынка на материале англоязычного сайта аналитического агентства “TopBrokers”. Объектами положительной оценки становятся ситуации стабильности на рынке, соответствующие планам и прогнозам, рост курса валюты, умеренная и предсказуемая инфляция, достаточная информированность участников рынка. К средствам, выражающим ослабление позитивной характеристики рынка, отнесены наречия, местоимения, существительные, а также сочетания интенсификаторов с отрицательной частицей “not”.

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, категория оценки, положительная оценка, деинтенсификаторы положительной оценки.

Исследование нацелено на изучение способов репрезентации категории оценки в англоязычных обзорах валютного рынка. В качестве предмета рассмотрения в данной статье выступают деинтенсификаторы положительной оценки в обозначенном жанре. Материалом послужили статьи, размещенные на сайте аналитического агентства “TopBrokers”.

Растущая значимость аналитических обзоров валютного рынка в экономической, политической и социальной сферах жизни современного человека в совокупности с ключевым значением деинтенсификационных оценочных суждений в процессах коммуникации в данной области знания обуславливают актуальность выбранной тематики.

Оценка, понимаемая как универсальная понятийная категория, эксплицирующая ценность объекта и сопряженная с процессами познания мира человеком [Арутюнова 1998; Вольф 1985; Шутемова 2022], на основании общеаксиологического параметра «хорошо – плохо» подразделяется на позитивную, нейтральную и негативную [Арутюнова 1998] с возможностью перемещения по оценочной шкале в процессе интенсификации или деинтенсификации путем усиления или ослабления признака «хорошо» или «плохо». Деинтенсификация оценочного суждения направлена

на снижение категоричности высказывания, внося в него элемент рациональности. Деинтенсификация бывает истинная (выражающая подлинное положение вещей) и ложная (не совпадающая с истинным речевым намерением, иногда являющаяся замаскированной интенсификацией). Деинтенсификация происходит с использованием показателей количества признака и актуализируется посредством деинтенсификаторов, которые могут быть умеренными (“enough”), интенсивными (“slightly”) и предельными (“a bit (of)”), однословными (“slightly”) и составными, эксплицированными словосочетаниями (“more or less”) [Вольф 1985, Ильина 1984, Телия 1991].

Исследование позволило выявить истинную деинтенсификацию и показало, что к деинтенсификаторам положительной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка могут быть отнесены наречия (“enough”, “slightly”), местоимения (“somewhat”), существительные (“a bit”), а также сочетания интенсификаторов с отрицательной частицей “not” (“not very”). Рассмотрим примеры, иллюстрирующие приведенные классификации деинтенсификаторов.

Положительная оценка ситуации стабильности на рынке, соответствующей планам и прогнозам, репрезентированная наречием “curiously”, показывающим заинтересованность в происходящем вокруг, людях или вещах (“in a way that shows that you are interested in learning about people or things around you”), или характеризующим что-то как странное, необычное (“strangely, in a way that is unusual”) [Cambridge Dictionary], ослабляется умеренным однословным деинтенсификатором, актуализированным наречием “enough”, означающим достаточное количество чего-либо (“as much as is necessary; in the amount or to the degree needed; as much as or more than is wanted”) [Cambridge Dictionary]: “Curiously **enough**, the market did not run to the strategy “buy on rumors, sell on facts”; instead, it went by the trend” (Как ни странно, рынок не поддался стратегии «покупай на слухах, продавай на фактах»; вместо этого он пошел по тренду) [TopBrokers 2023a].

Положительная трактовка ситуации роста курса валюты, при последующем незначительном снижении ослабляется предельным однословным деинтенсификатором, актуализированным существительным “a bit” со значением небольшого количество чего-либо (“a small piece or amount of something”) [Cambridge Dictionary], и интенсивным однословным деинтенсификатором, реализованным наречием “slightly”, показывающим небольшое количество или степень чего-либо (“in a small amount or degree”) [Cambridge Dictionary]: “The major currency pair is falling **a bit** on Thursday after rising the day before. EURUSD is **slightly** retreating on Thursday after adding some weight in the middle of the week” (Основная валютная пара немного снижается в четверг после роста днем ранее. Пара EURUSD немного отстывает в четверг после некоторого увеличения веса в середине недели) [TopBrokers 2022a].

Положительная оценка данных отчета дается посредством прилагательного “satisfactory”, характеризующего что-то как хорошее или достаточно хорошее для конкретной потребности или цели (“good or good enough for a particular need or purpose”) [Cambridge Dictionary], но ослабляется при помощи составного деинтенсификатора “more or less” («более или менее»), поскольку в целом ситуация не внушает оптимизма, что показывает последующая экспликация: “While the first report is **more or less** satisfactory, the second one allows for no optimism as base prices remain high and may start growing at any moment” (В то время как первый отчет является более или менее удовлетворительным, второй не внушает оптимизма, поскольку базовые цены остаются высокими и могут начать расти в любой момент) [TopBrokers 2023b].

Рост инфляции оценивается с долей настороженности, однако ситуация на рынке воспринимается позитивно, что показывает предваряющая высказывание экспликация, поэтому тенденция нарастания инфляции характеризуется с применением деинтенсификатора, реализованного местоимением “somewhat”, подчеркивающим позитивные ожидания и настроения ввиду ее незначительности: “All this is good. However, base inflation in March remained growing by 0.4%. Year by year, this figure **somewhat** exceeded the February one” (Все это хорошо. Тем не менее, базовая инфляция в марте продолжила расти на 0,4%. Из года в год этот показатель несколько превышал февральский) [TopBrokers 2023c].

Положительная оценка стабильной ситуации на рынке при достаточной информированности участников, чувствующих себя уверенно на фоне отсутствия неожиданных новостей, репрезентированная прилагательным “replete”, номинирующим состояние хорошей обеспеченности (“well supplied”) [Cambridge Dictionary], ослабляется деинтенсификатором, выраженным сочетанием интенсификатора “very” с отрицательной частицей “not”: “Moreover, global capital markets continue escaping risks, and that’s another signal in favour of the American currency. Today’s economic calendar is **not very** replete with the statistics – the US will report on the Trade Balance for March” (Более того, мировые рынки капитала продолжают избегать рисков, и это еще один сигнал в пользу американской валюты. Сегодняшний экономический календарь не очень насыщен статистикой – США опубликуют отчет по торговому балансу за март). Предваряющая экспликация подтверждает позитивную трактовку положения на рынке [TopBrokers 2022b].

Анализ показал разнообразие средств актуализации деинтенсификаторов положительной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка, объектами которой становятся ситуации стабильности на рынке, соответствующие планам и прогнозам, рост курса валюты, умеренная и предсказуемая инфляция, достаточная информированность участников рынка.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1998.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Ильина Н.В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1984.

Телия В.Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991.

Шутемова Н.В. Параметр значимости в реализации категории оценки в искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3. С. 469-472.

TopBrokers. EURUSD IS FOLLOWING THE STATISTICS. 2022a. URL:

<https://topbrokers.com/forex-brokers/roboforex-review/analytics/416139> (accessed: 16.05.2023).

TopBrokers. NEW LOWS IN EURUSD. 2022b. URL: <https://topbrokers.com/forex-brokers/roboforex-review/analytics/425952> (accessed: 16.05.2023)

TopBrokers. EUR RENEWED APRIL PEAKS. 2023a. URL: <https://topbrokers.com/forex-brokers/roboforex-review/analytics/461009> (accessed: 15.05.2023).

TopBrokers. USD FANS NEED TO BE PATIENT. 2023b. URL:

<https://topbrokers.com/forex-brokers/roboforex-review/analytics/468994> (accessed: 15.05.2023).

TopBrokers. EUR TEACHES US TO BE CONFIDENT. 2023c. URL:

<https://topbrokers.com/forex-brokers/roboforex-review/analytics/472214> (accessed: 23.06.2023).

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 23.06.2023).

DE-INTENSIFIERS OF POSITIVE EVALUATION IN THE ANGLOPHONE ANALYTICAL REVIEW OF THE FOREIGN EXCHANGE MARKET

The paper considers the de-intensifiers of positive evaluation in the genre of the foreign exchange market review based on the material of the English-language website of the analytical agency “TopBrokers”. The objects of positive evaluation are market stability situations that correspond to plans and forecasts, currency exchange rate growth, moderate and predictable inflation, sufficient awareness of market participants. Adverbs, pronouns, nouns, as well as combinations of intensifiers with the negative particle “not” are attributed to the means expressing the weakening of the positive characteristics of the market.

Key words: anglophone discourse, analytical review of the foreign exchange market, evaluation category, positive evaluation, positive evaluation de-intensifiers

*Л.А. Козлова (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
lyubovkozlova@list.ru*

АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

В статье рассматривается авторская метафора как продукт деятельности художественного мышления. Автор показывает специфику художественного концепта и место авторской метафоры в его вербализации. Анализ эмпирического материала статьи демонстрирует некоторые способы отступления от канона, которые лежат в основании авторских, оригинальных метафор.

Ключевые слова: авторская метафора, художественное мышление, художественный концепт, концептуальная интеграция, бленд.

Анализ многочисленных направлений, сложившихся сегодня в когнитивной лингвистике, показывает, что одно из центральных мест в ней занимает теория метафоры, что вполне закономерно, поскольку именно метафора как концептуальная сущность отражает весь путь познания от восприятия, концептуализации, интерпретации окружающего мира до представления результатов этого познания, т.е. концептов в том или ином семиотическом коде: жесте, музыке, живописи, но прежде всего в слове. Не будет преувеличением сказать, что к числу базовых, во многом пионерских исследований метафоры в когнитивном ракурсе по праву относятся работы Дж.Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004], а также работы Ж. Фоконье и М.Тернера [Fauconnier, Turner 1995; Turner, Fauconnier 1998]. При этом, несмотря на общность подхода этих авторов к пониманию концептуальной сущности метафоры, между ними прослеживаются существенные различия в том плане, что Дж.Лакофф и М.Джонсон в большей степени описывают роль метафор в отражении коллективного знания и обыденного сознания, а работы Ж.Фоконье и М. Тернера по концептуальной интеграции сфокусированы на креативном, динамическом характере метафоры, отражающей результат работы творческого мышления и основанной на индивидуальном, субъективном опыте познания мира.

На существенные различия между обыденным и художественным мышлением, находящие отражение в языке, указывал Н.И. Жинкин, отмечая, что на этапе перехода от внутренней речи к внешней автор нередко обнаруживает невозможность передать все богатство мысли узуальными средствами языка, а потому пытается найти иные, нестандартные формы выражения мысли, в результате чего и формируется механизм художественного мышления, «задаются новые, так сказать, более «свободные» правила отождествления, логика ограничивается, выражаемое определяется неповторимостью ситуаций и индивидуальностью интонаций» [Жинкин 1998: 159 – 162].

Можно полагать, что мысль Н.И. Жинкина о существовании художественного мышления нашла свое дальнейшее развитие в контексте когнитивной парадигмы, прежде всего в работах Ю.С. Степанова, который говорит о необходимости выделения художественных концептов как средств выражения индивидуальных смыслов, находящихся свое воплощение в произведениях искусства. Ю.С. Степанов не дает строгого определения художественного концепта, но в ходе анализа различных произведений культуры он выделяет основные свойства художественных концептов. Так, представляя «Галерею концептов» во вкладках в своей книге, он пишет: «Наша «Галерея концептов» состоит из «текстового» и «изобразительного» проявлений. Надо только помнить, что концепт не заключается в «картинке» или «подписи». Он – во внутреннем соединении (слиянии), совершающемся в сознании их «воспринимателя», читающего и смотрящего человека. Поэтому во многих случаях концепт сложно или даже невозможно поименовать: не скажем же мы, что сейчас перед нами «концепт ночного кафе» [Степанов 2007: 64-65 (вклейка)].

Обобщая замечания Ю.С. Степанова и других исследователей об особенностях художественного концепта как продукта художественного мышления, мы можем выделить его следующие основные черты:

- это достояние индивида, как автора произведения искусства, так и реципиента;
- художественный концепт обладает широким ассоциативным потенциалом, он активизирует в сознании реципиента различные образы, способные вызывать эмоциональные и эстетические переживания, он не только мыслится, но и переживается;
- он содержит отсылки к национальным культурным ценностям и отражает особенности национального характера, которые представлены через призму индивидуального сознания автора художественного произведения;
- он с трудом поддается точному определению, не имеет строгих границ и поэтому допускает множественность интерпретаций;
- средой его реализации является концептосфера произведения искусства, в том числе художественный текст.

Сложность в поисках точного имени художественного концепта, которую отмечает Ю.С. Степанов, позволяет допустить, что значительная роль в вербализации таких концептов принадлежит именно авторской метафоре. Уместно вспомнить в этой связи слова М.В. Никитина, который считал, что метафора не порождает новый концепт, а лишь способствует его четкому формированию и словесному выражению, в чем и состоит ее когнитивная функция. По его образному выражению, метафора служит «повивальной бабкой», помогающей концепту выйти из сумерек сознания и вербализоваться в речи [Никитин 2001: 34]. Мы полагаем, что эта характеристика относится прежде всего к оригинальной, авторской метафоре, которая зачастую возникает не по традиционным канонам создания метафоры, а вопреки им. При этом

пути ухода от этих канонов при порождении авторских метафор могут быть различными. Рассмотрим лишь некоторые из них.

В основе канонической, стертой метафоры лежит коллективный, конвенциональный опыт, а перенос осуществляется от конкретного (области-источника) к абстрактному (области-цели). В основе оригинальной, авторской метафоры лежит индивидуальный культурный, профессиональный и интеллектуальный опыт, который может отличаться от конвенционального, что приводит к созданию живых, индивидуальных метафор, не следующих канонической модели метафорического переноса. Так, в романе Джона Фаулза *“The Magus”* встречаем метафоры, в которых областью-источником служат стилистические приемы, поскольку эта область является для Фаулза наиболее привычной, хорошо известной, и он опирается на нее при метафорическом описании людей или явлений, ср.: *She was a kind of human oxymoron. The landscape was a simile of my life* (J. Fowles). Смысл таких метафор может быть понятен читателю, знакомому со стилистическими приемами, и автор оказывает кредит доверия таким читателям.

В отличие от стертых метафор, в основе которых лежат закрепленные в коллективном сознании метафорические схемы, авторские метафоры носят спонтанный, динамический характер, они создаются «здесь и сейчас» на основе личного, зачастую эмоционального опыта, и сферой-источником такой метафоры может стать обыденный факт, который получает метафорическое осмысление и порождает оригинальную словесную метафору. Обратимся к примеру из романа Э.Торпа *“Ulverton”*. В послесловии автор пишет о том, что после выхода романа он приехал в Лидс на его презентацию, которая не состоялась, поскольку на нее был продан всего один билет. Прошло несколько лет, роман уже получил признание, и только потом он узнал, что билет на эту презентацию купила сестра его близкого друга Тима, который был участником событий, описанных в романе и который скончался от разрыва аневризмы в день презентации. Размышляя над этими событиями и их взаимосвязью, Э Торп пишет: *So what did it all mean? Not just the tragedy, but the overlapping strata. The ticket, the day, the death. Being connected to his too-early death by the faintest of echoes. By a ticket. A ticket to something that never happened. A ticket to nothing. Either the meaning of this true story is also a ticket to nothing or it provides an entry to a world where connections are deeper more mysterious than those we find in fiction, at least in a fiction that aims to imitate ‘real’ life* (A.Thorpe. *Ulverton*). Как видим из примера, данная метафора возникает в процессе размышления автора над этим странным совпадением, и в результате слово *ticket* получает метафизическое осмысление и порождает авторскую метафору – билет на участие в событии, которое не случилось, или билет в мир, в котором связь между событиями зачастую бывает гораздо сложнее и загадочнее, чем в реальной жизни. Такие метафоры показывают способность творческого мышления увидеть нечто новое в обыденном факте и придать ему глубокий метафизический смысл.

Спецификой авторской метафоры является также тот факт, что сам акт метафоризации может носить не однократный, а многоступенчатый характер, при этом сферой-источником может служить не один, а два образа сознания, что приводит к их интеграции. Обратимся к строке *the sea’s tumultuous marble* из стихотворения ирландского поэта Луиса Макниса «Поезд в Дублин». *“And I give you the sea and yet again the sea’s / Tumultuous marble* (L.MacNeice. *Train to Dublin*). Данная метафора привлекает внимание тем, что в ней представлены как будто противоречащие друг другу образы сознания – образ буйного движения морских волн и образ неподвижного

мрамора. Можно предположить, что в глубинном основании данной метафоры находят свое отражение два этапа действия когнитивного механизма метафоризации, которые можно представить в виде следующих пропозиций: *The sea waves are tumultuous* > *The waves are streaked with white foam* > *The foam streaks resemble the marking on marble*. Содержание второй пропозиции – образ белой морской пены с причудливым рисунком – не отражено прямо в авторской метафоре, этот образ реконструируется в процессе интерпретации, но именно он лежит в основе аналогии между рисунком пенистой волны и рисунком мрамора, что и создает необычность и оригинальность такой «слоистой» метафоры. Именно такие этапы имеют место в процессе концептуальной интеграции, при которой на первом этапе создается общее ментальное пространство (*generic space*), а на втором – совмещенное пространство (*blend*), которое лежит в основе метафоры, представляющей собой синтез *movement-in-stillness vs stillness-in-movement* (движение в покое и покой в движении).

В заключение отметим, что, как отмечает А. Музолф, процесс интерпретации смысла таких метафор является не менее креативным, чем их создание, поскольку он требует творческого мышления интерпретатора [Musolf 2019]. Реконструкция когнитивных процессов, лежащих в основании авторских метафор, приоткрывает окно в творческое мышление автора, находящее свое выражение в яркости и необычности образов сознания, лежащих в их основании.

Литература

- Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество (Избранные труды). М.: Лабиринт, 1998.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. М.: Едиториал, УРСС, 2004.
- Никитин М.В. Концепт и метафора // *Studia Linguistica*. Проблемы теории европейских языков. Вып. 10. СПб.: 2001. С. 16-35.
- Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: ЯСК. 2007.
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // *Cognitive Science*. 1998. № 22. P. 133-187.
- Musolff A. Creativity in Metaphor Interpretation // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. V. 23 № 1. P. 23-39.
- Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. V. 10. № 3. P. 183-204.

L.A. Kozlova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

THE AUTHOR'S METAPHOR AS THE MANIFESTATION OF THE ARTISTIC THINKING SPECIFICITY

The article analyses the author's, or original metaphor as the product of artistic thinking activity. The author reveals the specificity of the artistic concept and the role of the author's metaphor in its verbalization. The analysis of empiric material reveals the ways of deviating from the canon of metaphor generation that lie in the basis of the author's, or original metaphors.

Key words: the author's metaphor, artistic thinking, artistic concept, conceptual integration, blend.

О.Н. Кондратьева, С.В. Шиллер (Кемерово, Россия)
Кемеровский государственный университет
Olnik25@mail.ru; Schiller.svet@yandex.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Цель статьи – исследование особенностей метафорической интерпретации в мужском и женском вариантах политико-правового дискурса, посвященного конституционной реформе в России. На материале сборников фонда «Либеральная миссия» демонстрируется, что эксперты-женщины, используя метафоры, в основном акцентируют внимание на процессе принятия поправок, а эксперты-мужчины – на результатах реформы и ее возможных последствиях.

Ключевые слова: политическая лингвистика, гендерная лингвистика, политико-правовой дискурс, метафорическая интерпретация, конституционная реформа.

Интерес к политической сфере способствовал развитию такого актуального направления как политическая лингвистика, изучающая различные варианты политического дискурса, используемые его акторами стратегии и тактики, а также задействованные в процессе интерпретации событий мира политики метафоры [Чудинов 2003: 17-29]. Поскольку политический дискурс находится в тесном взаимодействии с иными видами дискурса (правовым, медийным, бытовым и др.), возникают гибридные типы дискурса, одним из которых является политико-правовой дискурс, получивший широкое распространение в связи с тем, что политика и право находятся в тесном взаимодействии и отражают ценностно-смысловые приоритеты общества [Басова 2018, Стремouxов 2018 и др.].

Также в последние десятилетия особый интерес вызывает изучение гендерного фактора в политическом дискурсе и его разновидностях [Будько 2017, Мукашева 2016 и др.]. Такое внимание к изучению мужской и женской речи связано, прежде всего, с интенсивным развитием гендерной лингвистики и с активным участием женщин в современных политических процессах. Гендерный фактор в подобных исследованиях реализуется в процессе изучения коммуникативных практик лиц мужского и женского пола, выявления предпочитаемых ими когнитивных схем представления событий и фактов, а также репрезентирующих их языковых средств.

Особое внимание при этом уделяется метафорам, представляющим собой когнитивные механизмы, отражающие способ постижения, интерпретации и оценки разнообразных объектов из сферы политики и права, соответственно, метафоры не только передают необходимую информацию, но и преобразуют существующую политико-правовую картину мира в сознании адресата, воздействуя на эмоционально-волевою сферу. Исходя из основных постулатов политической, гендерной и когнитивной лингвистики, нами была рассмотрена метафорическая интерпретация как проявление гендера.

В 2020 г. в России произошло важное событие политико-правового характера – принятие поправок к Конституции РФ. Реформа вызвала широкий общественный резонанс: по данному вопросу высказывались как обычные граждане, так и эксперты в области политики и права, использующие для обоснования своей позиции и воздействия на адресатов метафоры.

Цель исследования – выявить специфику в метафорической интерпретации конституционной реформы в мужском и женском вариантах политико-правового дискурса. Для этого были проанализированы сборники «Новая (не) легитимность» (2020) и «Деконструкция Конституции» (2020), подготовленные фондом «Либеральная миссия». Рассмотрено по 5 статей мужчин (С. Андрейчук, К. Рогов, В. Гельман, М. Краснов, С. Шпилькин) и женщин (И. Алебастрова, О. Кряжкова, Е. Лукьянова, Е. Мишина, Т. Морщакова), являющихся специалистами в сфере политики и права (общим объемом – 166 страниц). Результаты анализа выявили следующее.

Для выражения оценки конституционной реформы и процедуры ее проведения эксперты-мужчины выносят метафоры в заголовок, что усиливает их воздействующий потенциал:

(1) **«Деконструкция конституции»** (Рогов, 2020); **«Режим продления: *continuité* по-русски и сконструированное большинство»** (Рогов, 2020);

(2) **«Механизмы эрозии: полупрезидентская или суперпрезидентская?»** (Рогов, 2020);

(3) **«Поражение без сражения: российская оппозиция и пределы мобилизации»** (Гельман, 2020);

(4) **«Исправить треугольник: несбалансированность системы власти — главная драма конституции»** (Краснов, 2020).

В заголовках авторы используют для характеристики и оценки конституционной реформы метафоры из разных сфер-источников (строительство, война, театр и др.), но все метафоры обладают деструктивной семантикой и указывают на разрушительный характер процесса: *деконструкция, эрозия, поражение*.

Метафоры используются также и в текстах статей. Например, широкое распространение получила метафора, посредством которой конституция предстает в качестве ткани, материала, который подвергается кройке и шитью (*вторжение в конституционную ткань, перекраивание конституции* и др.):

(5) **«В настоящее время мы являемся свидетелями (увы, только свидетелями) *массированного вторжения в конституционную ткань, направленного на расширение всевластия президента*** (Краснов, 2020);

(6) **«Российская оппозиция и российское общество не смогли оказать заметного сопротивления *перекраиванию конституции*** (Рогов, 2020).

Эксперты-женщины, также, как и эксперты-мужчины, часто используют метафоры, вынося их в заголовок для максимального воздействия на адресата:

(7) **«*Правовой иллюзион: можно ли считать новую конституцию принятой надлежащим образом?***» (Кряжкова, 2020);

(8) **«*Ширма или цель? Возможные подходы к устранению конституционных дисбалансов***» (Алебастрова, 2020);

(9) **«*Конституция, международное право и права человека: симбиоз, а не конфронтация***» (Морщакова, 2020);

(10) **«*Формулы регресса: карманный суд и возврат к доктрине трансформации***» (Мишина, 2020).

Как видно из приведенных заголовков, авторы-женщины используют метафоры из разных сфер-источников (театр, биология, война, математика и др.), но все они обладают негативным прагматическим потенциалом и указывают на скрытость истинных причин, целей и механизмов происходящего от обычных граждан (*ширма*), на срежисированность реформ (*правовой иллюзион, карманный суд*).

Женщины-эксперты используют метафоры и в самих статьях. Например, Тамара Морщакова использует театральную метафорику (*декорация*) и метафоры разрушения (*эрозия*):

(11) **Текст Конституции должен служить идеям правового государства, а не превращаться в декорацию. ...Эрозия конституционных механизмов** началась с того времени, когда была смягчена идея о несменяемости судей, то есть в 1995 г. были первые замашки топнуть ногой на Конституцию (Морщакова, 2020).

Театральные метафоры, эксплицирующие признаки постановочности и иллюзорности, активно задействованы в статьях женщин-экспертов: Елена Лукьянова и Ирина Алебастрова используют метафору «демократической ширмы»:

(12) **В очередной раз свидетельствует об имитационном характере российского политического режима и сохранении некой демократической ширмы, имитационного фасада** (Лукьянова, 2020);

(13) **Ширма или цель? Возможные подходы к устранению конституционных дисбалансов** (Алебастрова, 2020).

С театральной метафорой ширмы по семантике и прагматике схожа строительная метафора фасада, скрывающего то, что находится внутри, т.е. саму суть происходящего:

(14) **В очередной раз свидетельствует об имитационном характере российского политического режима и сохранении ... имитационного фасада и его авторитарного характера** (Лукьянова, 2020).

Также к строительным метафорам относятся метафоры хрупкой или разрушающейся конструкции, характеризующие конституцию. Например, Елена Лукьянова отмечает следующее:

(15) **В ходе конституционной инволюции можно будет сделать вывод об окончательном разрушении конституционной конструкции** (Лукьянова, 2020).

Таким образом, метафоры используются экспертами-женщинами для отрицательной оценки конституционной реформы и основной акцент делается на нарушениях, имевших место, по их мнению, в процессе принятия поправок. В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что эксперты-мужчины и эксперты-женщины достаточно активно используют метафоры для обоснования своей позиции и формирования негативного образа конституционной реформы. Однако в использовании метафор наблюдается гендерная специфика: авторы-женщины чаще акцентируют внимание на нарушениях, которые происходили в процессе принятия поправок, т.е. описывают происшедшие события и сосредоточены на настоящем и прошлом, в то время как авторы-мужчины анализируют результаты данной реформы и ее возможные последствия, т.е. сосредоточены на будущем, на прогнозировании. Данные выводы подтверждают наличие существенных различий в когнитивных стилях мужчин и женщин.

Литература

- Басова Л.В. Современный политико-правовой дискурс: функционально-стилистический аспект // Мир русского слова. 2018. № 1. С. 26-29.
- Будько Д.В. Гендер и политика: языковые особенности женщин-политиков // Вестник Башкирского университета. 2017. № 2. С. 506-509.
- Мукашева Р.М. Значение гендерного фактора в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 12 (751). С. 101-112.
- Стремоухов А.В. Политико-правовой дискурс по проблеме депутатского мандата и его видах // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 206-215.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2013.

O.N. Kondratyva, S.V. Shiller
(Kemerovo, Russia)
Kemerovo State University

METAPHORICAL INTERPRETATION OF CONSTITUTIONAL REFORM IN POLITICAL AND LEGAL DISCOURSE (GENDER ASPECT)

The aim of the article is to explore the features of metaphorical interpretation in the male and female versions of the political and legal discourse on the constitutional reform in Russia. The collection book of the fund "Liberal Mission" serve as the material for the analysis. It is shown that female experts, using metaphors, mainly focus on the very process of adopting amendments, while male experts focus on the results of the reform and its possible consequences.

Key words: political linguistics, gender linguistics, political and legal discourse, metaphorical interpretation, constitutional reform.

С.В. Красильникова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
Mnemozina04@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА «СЕВЕРНАЯ ФИВАИДА» В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ОПИСАНИЯ ПАЛОМНИЧЕСТВА А.Н. МУРАВЬЕВА)

В статье рассмотрена когнитивная метафора «Северная Фиваида» в художественном дискурсе автора паломнических текстов А.Н. Муравьева, введившего духовные константы восточного православия в пространство культурной памяти России во второй половине XIX в. С позиции семиотики, концептуального и нарративного анализа выявлена метафорическая модель осмысления сакрального пространства севернорусских монастырей как фронтальной зоны в контексте порождения мифа о Святой земле. Описаны образы и смыслы метафоры «Северная Фиваида», вступающие в диалог с универсалиями текстов о древних монахах-пустынниках первых веков христианства в Египте в культурной памяти. Сделан вывод о том, что в художественном дискурсе описания паломничества по святым местам происходит идентификация образов «земного» и «небесного» в процессе религиозной и шире национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: когнитивная метафора, паломнический сюжет, «Северная Фиваида», культурная память, фронт Рурского Севера, нарративные стратегии, метафорическая модель, область-источника, область-цели, языковая картина мира.

Дефиниция «когнитивная метафора» в контексте антропологической парадигмы в гуманитарных исследованиях стала точкой пересечения научных интересов лингвистов и литературоведов, философов и психологов, историков и культурологов. Общим местом междисциплинарного научного поля в изучении данного конструкта стало признание метафоры не только видом тропа, но и необходимым источником мысли. По выражению Г.Г. Шпета, поэтическая метафора – это «костюм мысли» [Шпет 1914: 217]. В когнитивном направлении лингвистики метафора и метафорическое

моделирование представляются как ментальные операции и способы осмысления и представления действительности.

По мнению А.П.Чудинова, когнитивная метафора есть концептуальная модель осмысления национального образа мира, отражающая представления о мире и взаимоотношениях с другими [Чудинов 2008: 86-93]. Однако важно подчеркнуть, что метафора не столько модель отражения национальных мифов, сколько инструмент конструирования новых смыслов в аспекте открытия себя и других в акте семиотического осмысления знаков культуры. В схеме данной модели осуществляется связь между понятийными сферами «области-источника» и «области-мишени» в форме «метафорической проекции», как считают авторы когнитивной теории метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2004: 148].

Продуктивной моделью для исследования концептуальных метафор является «метафорическая модель» (далее – М-модель) [Баранов 1993: 94; Баранов, Караулов 1991]. В тематически связанных полях данной модели объединяются сигнификативные дескрипторы – слова-концепты, представляющие понятия из самых разных семантических полей. Например, сигнификативные дескрипторы, описывающие такие семантические зоны активной метафоризации [Стернин 1999: 69-75; Телия 1988:173–204], как «Религия», «Путь-Дорога», «Внутренний мир человека», «Пространство», «Время». В паре с денотативными дескрипторами, отражающими культурные и социальные феномены, данные языковые единицы представляют синтагматическую модель реализации М-модели в дискурсе. С этих теоретических позиций в исследовании проведен анализ языковых репрезентаций метафоры «Северная Фиваида» в тексте А.Н. Муравьева в аспекте выявления конструируемого автором индивидуального смысла путешествия по святым местам.

Данные вопросы решаются на материале книги русского духовного писателя, историка церкви и путешественника Андрея Николаевича Муравьева «Русская Фиваида на Севере» (1855), созданной в контексте традиций паломнической литературы, например, сочинения К. Бронникова, Д. В. Дашкова, А. Н. Муравьева, А. С. Норова, инока Парфения [Александрова-Осокина 2015]. Именно процесс моделирования концептуальных метафор в такого рода текстах способствует воссозданию образа событий [Уайт 2002: 52].

Текст в этой связи представляет особые вариации построения паломнического сюжета в соответствии с развитием реальных событий путешествия в авторской интерпретации, проявляющейся в метафорическом представлении действительности с целью выявления индивидуального смысла и репрезентации его.

В событийном плане сюжет паломничества А.Н. Муравьева является комплексом следующих сюжетных линий: реального путешествия к святому месту; метафизического путешествия в пределы божественной вечности через нарративы о святых подвижниках Севера; духовного преображения личности автора паломнического путешествия, закреплявшего сакральные смыслы территории в культурной памяти XIX-XXI вв.

В 1853 г. Андрей Николаевич Муравьев посетил древние монастыри Белозерского края и Вологодской губернии, которые впервые называет «Русской Фивидой на Севере» по аналогии со знаменитой Фивайдой Южной. Историк был уверен: эта севернорусская страна монастырей нисколько не уступает по историческому значению египетской прародине монашества. Введенное в русскую культуру метафорическое определение вошло постепенно в широкий обиход писателей и историков культуры XIX-XXI вв. Так, Г.П. Федотов посвятил отдельную главу «Северная Фиваида» в труде

«Святые Древней Руси» обзору культурного и миссионерского освоения учениками Сергия Радонежского территории Русского Севера, включая учеников Преподобного Кирилла, основателя Кирилло-Белозерского монастыря (вотчины Ивана Грозного), святых Ферапонта, Корнилия Комельского и его последователей в пределах Комельских лесов и Дионисия Глушицкого, основателя Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере [Федотов 2000: 235]. На рубеже XX-XXI вв. данная метафора продолжает моделироваться в художественном дискурсе севернорусских авторов. Мы встречаем большое количество текстов-путеводителей по музеям и святым местам, лекций экскурсоводов, где Северная Фиваида представлена как своеобразный туристический бренд исторической территории, активно использующийся при организации экскурсий по заповедным местам Русского Севера. Рассмотрим ее основные смыслы в описании паломничества А.Н. Муравьева.

В нашем исследовании вслед за Лакоффом и Джонсоном постулируется тезис о том, что область взаимоотношений культуры и пространства имеет метафорическую природу [Lakoff, Johnson 1980]. Северная Фиваида выступает в качестве пространственной и онтологической метафоры культуры. Таким образом, автор закрепляет в пространстве русской культуры традиционные ценности веры с помощью нарратива, представляющего собой «мнемотоп» [Хальбвакс 2007], или «текст памяти» [Красильникова 2012: 162], в рамках которого делается акцент на то, чего нельзя забыть.

Рассмотрим, какие смысловые коннотации создаются в паломническом очерке Муравьева в результате процесса метафоризации.

Внутренний, сакральный смысл сюжета паломничества Муравьева лежит в сфере пересечения / наложения двух разных географических и культурных ландшафтов – исторической области Древнего Египта, бывшей в древности известным местом поселения раннехристианских монахов-отшельников, и Русского Севера (зоны расселения русских на Европейском Севере – «культурные зоны» Вологды, Великого Устюга, Пскова, Вятки, Печоры и др.) с его монастырями, скитами, святыми – Южной и Северной Фиваиды. В семиотическом контексте пересечение осей этих географических и культурных зон образуется место фронта, границы, как территории между двумя культурными пространствами Юга и Севера, в котором в процессе метафорического моделирования преодолеваются культурные и ментальные границы двух разных территорий на воображаемом пространстве единых религиозных представлений [Саид 2006].

«Область-источника» метафорической проекции «Северная Фиваида» представлена хронологической, событийной рамкой сюжета «Северная Фиваида (Святая Русь) как отражение Фиваиды Южной (колыбель монашества)» и включает в себя фабульные эпизоды посещения автором нескольких монастырей Русского Севера. Эти сакральные «места памяти» Русского Севера являются семиотическими знаками конкретного ландшафта, территории: знаками-индексами, знаками-иконами и знаками символами одоженно (по Ч. Пирсу).

«Область-цели» метафорической проекции «Северная Фиваида» представлена репрезентацией символических образов, смыслов и значений, которые с ней связывает автор. В этом пространстве формируется доминирующий концепт метафоры «Северная Фиваида» – «Святость», который определяет ценностные смыслы, транслируемые в пространстве культуры. Ядерный смысл данного концепта мы видим в современном Муравьеву «Словаре Академии Российской» под ред. Е.Р. Дашковой, где указано религиозное значение лексемы «святой»: 1) Всесовершенный, чистый,

праведный. Святая Троица. Святой духъ. 2) Основанный на правилах веры. Святые отцы. Святой человекъ. Святая жизнь. Святые дела. 3) Угодник, наслаждающийся вечным блаженством. Праздник всех святых [Словарь Академии Российской 1822: 94].

Жития отцов-пустынников, собранные, например, в Синайском патерике и хорошо знакомые А.Н. Муравьеву по переводам святителя Игнатия (Брянчанинова) [Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова) 2004], воспроизводят в культурной памяти автора и читателей его произведений архетипы святости. Они укладываются в стереотипные представления о предельном аскетизме первых монахов-пустынников, о пути вслед за Христом через преодоление страстей к обожению, соединению с Богом. Вслед за О.В. Ломакиной, можно выделить фразеологизм-актуализатор многочисленных библеизмов в книге Муравьева – *делать для памяти потомков*, благодаря которому создан фразеологически насыщенный контекст, в котором проявлен новый семантический оттенок: автор Нового времени рассматривает свой писательский труд как дело веры по спасению себя и других [Ломакина 2018: 141].

Таким образом, тексты житий отцов монашества в этой связи транслируют архетипические образы, коды метафоры «Фиваиды египетской», представляющей свернутый миф о Святой земле. Именно он лежит в основе метафорической проекции культурной зоны «Русского Севера». В результате метафорической интерпретации символической связи между бинарными объектами пространства сакральное (святое) / профанное (нечистое. греховное) в мифопоэтическом сознании автора миф о Святой земле трансформируется до сюжета «Фиваида русская как отражение Фиваиды южной» и позволяет А.Н. Муравьеву обозначить внутренний семантический контекст данного конструкта (Ю.М. Лотман).

Литература

Александрова-Осокина О.Н. Паломническая проза 1800-1860-х годов: священное пространство, история, человек: монография. М.: Флинта; Наука, 2015.

Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73-94.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка РАН, 1991.

Красильникова С.В. Конструирование «текста памяти» в мемуарном дискурсе Русского Севера XVIII столетия (на примере историографии В. Кристинина) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 3 (23). С. 162-168.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М.: РУДН, 2018.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб. 2010.

Муравьев А.Н. Русская Фиваида на Севере. М.: Паломник, 1855.

Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. VI. СПб, 1822.

Стернин И.А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: Мевуз. сборник научных трудов. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. С. 69-75.

Стрижев А.Н. Биографический очерк. М.: Паломник, 1999. С. 4-8.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Сб. научн. ст. М.: Наука, 1988. С.173-204.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Федотов Г.П. Собрание соч. в 12 тт. Т. 8: Святые Древней Руси. М.: Мартис, 2000.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007.

Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI в. // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 86-93.

Шнег Г.Г. Явление и смысл. М.: Гермес, 1914.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

S.V. Krasilnikova (Moscow, Russia)

RUDN University

Mnemozina04@mail.ru

**THE COGNITIVE METAPHOR OF THE "NORTHERN THEBAID"
IN CULTURAL MEMORY
(ON THE EXAMPLE OF THE DESCRIPTION OF A.N. MURAVYOV'S PILGRIMAGE)**

This article is devoted the cognitive metaphor "Northern Thebaid" in the artistic discourse of the author of pilgrimage texts A.N. Muravyev, who introduced the spiritual constants of Eastern Orthodoxy into the space of cultural memory of Russia in the second half of the XIX century. The metaphorical model of understanding the sacred space of the Northern Russian monasteries as a frontier zone in the context of the creation of the myth of the Holy Land from the perspective of semiotics, conceptual and narrative analysis is revealed. The images and meanings of the metaphor "Northern Thebaid" are described, entering into a dialogue with the universals of texts about ancient hermit monks of the first centuries of Christianity in Egypt in cultural memory. It is concluded that in the artistic discourse of the description of pilgrimage to holy places, the images of the "earthly" and "heavenly" are identified in the process of religious and broader national-cultural identity.

Key words: cognitive metaphor, pilgrimage plot, "Northern Thebaid", cultural memory, frontier of the Russian North, narrative strategies, metaphorical model, source area, target area, linguistic picture of the world.

Н.А. Кудрявцева (Орел, Россия)

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

natalia_kudryavtseva@inbox.ru

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ
В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ)**

Исследование посвящено выявлению особенностей метафоризации англоязычных заимствований, употребляемых в речи современной французской молодежи. Рассматриваются основные типы регулярных метафор, зафиксированных в арготографических изданиях. Результаты нашей работы позволили классифицировать полученный фактический материал и сделать вывод о том, что метафора является значимым элементом конвергентного словообразования.

Ключевые слова: язык современной французской молодежи, англоязычные заимствования, метафора, регулярные метафорические переносы, конвергентность словообразовательных средств.

All slang is metaphor, and all metaphor is poetry

Gilbert K. Chesterton

Роль молодежной культуры в развитии национального французского языка неоспорима. Современное французское молодежное аргю, базирующееся на

иностранных заимствованиях, является источником неологизмов, отдельные из которых со временем проникают в национальный корпус французского языка, значительно обогащая его. Непрерывные модификации молодежного вокабуляра обуславливают актуальность нашего исследования. Не последнее место в процессе развития лексического состава занимает переосмысление представителями молодежи семантики существующих англоязычных заимствований. Большинство семантических изменений основано на метафоре. Любая лексема, употребляемая в метафорическом значении, приобретает новый смысл, т.е. происходит семантический сдвиг, возникающий «в результате наложения различных значений или оттенков значения одного на другое» [Порошина 2009: 164]. Цель нашей работы – выявить особенности англоязычных метафорических переносов в языке французской молодежи посредством методов корпусного анализа и симптоматической статистики и классифицировать англоязычные метафоры, извлеченные из арготографических изданий [Ретинская 2016; Caradec 2006; Colin 2002; Debov 2015; Goudaillier 2001; Tengour 2013].

Значимым отличием метафоры в арго является «юмористическая трактовка означаемого» [Береговская 1995: 12]. Кроме того, метафора согласуется с экспрессивно-эмоциональной функцией практической речи» [Арутюнова 1990: 15], что придает выразительности молодежным высказываниям. Посредством данного приема в молодежном социолекте также реализуются функция экономии (определяется емкостью метафорических выражений), репрезентативная (связана со стремлением молодежи к образности) и гедонистическая (лингвистическая игра) функции [Копытина 2012: 155].

Для осуществления анализа извлеченных метафор, образованных на основе англоязычных заимствований, была использована классификация регулярных метафорических переносов Г.Н. Скляревской [Скляревская 1993: 80]. Основные типы метафоризации на основе наиболее ярких примеров, полученных в ходе нашего исследования, представим в нижеследующей таблице (таблица 1).

Типы регулярных метафорических переносов

Типы метафорического переосмысления	Примеры метафор
предмет → предмет	<i>brown sugar</i> n.m. «героин низкого качества» < «коричневый сахар»; <i>chips</i> n.m.pl. «двадцатифранковые и пятидесятифранковые купюры» < «хрустящий картофель»; <i>gumschwi</i> n.f. «презерватив» < <i>chewing-gum</i> «жевательная резинка»
предмет → характеристики человека	<i>Barbie</i> n.f. «молодая красивая блондинка» < «кукла Барби»; <i>bounty</i> «чернокожий, желающий во что бы то ни стало походить на европейца» < «шоколадный батончик с кокосовой начинкой»; <i>CD-ROM</i> n.m. «очень худая девушка» < «компакт-диск»; <i>fax</i> n.m. «худая, плоскогрудая девушка» < «факс-машина»; <i>guts</i> n.m.pl. (<i>ne pas avoir les guts de faire qch</i>) «не иметь смелости сделать ч.-л.», «кишка тонка сделать что-либо»; <i>rosbif</i> n.m. «англичанин» < <i>roast beef</i> «ростбиф»
предмет → обозначение частей тела	<i>airbags</i> n.m.pl. «женская грудь» < «подушки безопасности»; <i>skating à mouches</i> loc. «лысина» < псевдоанглицизм <i>skating</i> «каток»
животное → человек	<i>bullpit</i> n.m. < <i>pitbull</i> «очень агрессивная личность» < <i>питбуль</i> «бойцовая собака»
человек → человек	<i>cow-boy</i> n.m. «полицейский» < «ковбой»
физический мир → психический мир	<i>bad-trip</i> n.m. «тревожное состояние, вызванное приемом наркотика», «беспокойство» < «плохое путешествие»; <i>cheufla</i> n.m. «состояние удовольствия, вызванное приемом наркотиков» < <i>flash</i> «вспышка», «яркий свет»; <i>flash</i> n.m. «мгновенное удовольствие» < «вспышка», «яркий свет»; <i>fly</i> adj. «находящийся в состоянии наркотического опьянения», «счастливый» < «летать»; <i>petri</i> < <i>trip</i> «состояние удовольствия от наркотического опьянения» < «путешествие»

Как видно из таблицы (таблица 1), семантические изменения в слове могут развиваться по так называемой модели «конкатенация», при которой трансформация семантики происходит последовательно вследствие переноса наименования с одного предмета на другой; при этом перенос в каждом конкретном случае осуществляется на основании нового признака [Нехорошкова 2014: 213]. Проанализируем основные виды метафорического переосмысления.

1. Перенос значения по типу «предмет → предмет». Первоначальный смысл существительного *chips* – пластинки картофеля, зажаренные в масле, поедание которых сопровождается хрустом. Этот признак лежит в основе обозначения лексической единицей *chips* жестких и хрустящих банкнот, сделанных из специальной бумаги.

2. «Предмет → характеристики человека». Примерами использования качеств предмета для характеристики человека служат описанные ниже варианты. Лексема *Barbie* («молодая красивая блондинка»), которая получает мелиоративную оценку в

результате изменения стилевой характеристики языковой единицы (кукла «Барби»). Преобразование концепта также возможно с ухудшением значения, что связано с оценочной интерпретацией со стороны референтной группы. Так, слово *bounty* наделяется пейоративным оттенком, описывая чернокожего, предпочитающего европейскую культуру, забывающего о своих корнях. Определенные физические качества, не являющиеся отрицательными, но характеризующиеся «избыточностью» [Скляревская 1993: 103], также приобретают уничижительную оценку, как, например, синонимы *CD-ROM* и *fax*, которые обозначают излишнюю худобу представительниц женского пола.

3. «Предмет → обозначение частей тела». Сходство формы подушек безопасности и женской груди способствовало новому осмыслению лексемы *airbags*. Свойство аналогичности поверхностей лысой головы и ледового катка легло в основу появления выражения *skating à mouches*.

4. «Животное → человек». С помощью термина *bullpit* (верланизированной лексемы от *pitbull*) изображается агрессивный человек по аналогии с бойцовой породой собаки. Следует подчеркнуть, что зооморфизмы достаточно распространены во французском языке. Их особенность заключается в том, что они возникают на основании ассоциативной связи между признаками, типичными для животных и поведением людей.

5. «Физический мир → психический мир». Данная категория демонстрирует наличие в молодежном социолекте метафор, ассоциирующихся с путешествиями и физическими явлениями для обозначения состояний, развивающихся после употребления наркотиков. Так, лексема *bad-trip* («неудачное путешествие») характеризует состояние беспокойства, вызванное приемом наркотика. Термины *cheufla* («вспышка»), *fly* («счастливый»), *trip* («путешествие») соотносятся с состоянием удовольствия, испытываемого наркоманом.

Результаты изучения французского молодежного социолекта продемонстрировали синкретичность метафоры «с разнообразными приемами словотворчества» [Ретинская 2012: 26]. Наиболее продуктивным словообразовательным механизмом в молодежном языке является верлан, составляющий основу конвергенции арготического словопреобразования (*bullpit* < *pitbull*, *cheufla* < *flash*, *petri* < *trip*, *gumschwi* < *chewing-gum*).

Таким образом, эмпирический материал, полученный в процессе исследования, внесен в глоссарий, который может определить практическую значимость нашей работы, состоящую в использовании корпуса англицизмов при обучении студентов французскому языку как иностранному, и стать базой дальнейшего изучения языка современной молодежи. Изучив особенности создания метафор в языке современной французской молодежи, можно сделать вывод о том, что метафорические переносы наиболее выражены в таких моделях (таблица 1) как «физический мир → психический мир» и «предмет → характеристика». Востребованность такого словообразовательного средства, как метафорика, объясняется желанием не только закодировать свою речь, но и придать ей эмоциональности и экспрессивности.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры: М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.

Береговская Э.М. Механизмы, формирующие французское аргю // Проблемы социального разноречия. Смоленск: СГПИ, 1995. С. 11-19.

Копытина Н.Н. Метафора во французском молодежном социолекте // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара НИУ БелГУ / отв. ред. Т.В. Самосенкова, Л.Г. Петрова. Белгород: Изд-во БелГУ. 2012, С. 150-156.

Нехорошкова Т.П. Лексико-грамматическая конкатенация как основа многозначности одного из пластов французской лексики // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2014. С. 211-216.

Порошина А.В. Семантический сдвиг как следствие семантической аппликации (на материале поэтических произведений М.И. Цветаевой) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3). С. 164-165.

Ретинская Т.И. Словарь аргю французской учащейся молодежи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.

Ретинская Т.И. Социолингвистический и функционально-стилистический анализ французских профессиональных аргю: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 2012.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб: Наука, 1993.

Caradec F. Dictionnaire du français argotique et populaire. Paris: Larousse, 2006.

Colin J.-P., Mével J.-P., Leclère Ch. Dictionnaire de l'argot français et de ses origines. Paris.: Larousse, 2002.

Débov V. Glossaire du verlan dans le rap français. Paris: L'Harmattan, 2015.

Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches ! Dictionnaire du français contemporain des cités. Paris: Maisonneuve et Larose, 2001.

Tengour A. Le dictionnaire de la Zone. Tout l'argot des banlieues. Paris. Les Éditions de l'Opportun, 2013.

N.A. Kudriavtseva (Orel, Russia)
Orel State University

METAPHORICAL TRANSFERS IN THE MODERN FRENCH YOUTH SPEECH (ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE BORROWINGS)

The research deals with identifying the characteristics of metaphorization of English borrowings used in the modern French youth speech. The main types of regular metaphorical transfers expressed in the lexemes selected from argotographic publications are considered. The results of our work allowed us to classify the obtained factual material and conclude that metaphor is a significant element of convergent word-formation.

Key words: modern French youth language, English-language borrowings, metaphor, regular metaphorical transfers, convergence of derivational means.

О.А. Кузьмина (Орел, Россия)
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
frkuzmina@mail.ru

РОЛЬ МЕТАФОРЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МОЛОДЕЖНОМ АРГО

Статья посвящена одному из системных словообразовательных механизмов французского молодежного аргю – метафоре. В составленном нами глоссарии зафиксировано более двухсот молодежных арготизмов, построенных при помощи этого тропа, что позволяет сделать вывод об образности молодежного нестандартного субъязыка.

Ключевые слова: французское молодежное аргю, метафорика, образность, словообразовательный механизм.

Французский арготический вокабуляр остается в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей уже не один десяток лет, а его образная составляющая обратила на себя взгляды ученых более ста лет назад: Марсель Швоб и Жорж Гиис отмечали продуктивность метафоры в пополнении арготического фонда [Schwob, Guieysse 1889: 21]. Известный французский лингвист румынского происхождения Лазар Сэнеан именовал аргю метафорическим языком, поскольку именно в метафоре он видел наилучшие возможности для «достижения мгновенной цели: быть непонятым непосвященными» [Sainéan 1907: 59-60], что являет собой одну из основных функций (криптическая или криптолалическая) любого аргю. Российский арготолог О. А. Овчинникова, анализируя словообразовательную систему французского аргю 80-90 гг. XX в., также подчеркивают ведущую роль метафорического переосмысления [Овчинникова 2011: 251] в пополнении неконвенционального лексического фонда.

Что касается объекта нашего исследования – французского молодежного аргю, то «это кипящий вулкан, лава которого состоит из метафор и лингвистических находок» [Pierre-Adolphe, Mamoud, Tzanos 1995: 4]. Уточним, что под французским молодежным аргю мы понимаем нестандартный вокабуляр, который используют французские молодые люди (представители хип-хоп культуры, учащиеся колледжей и лицеев, студенты, молодежь пригородов Парижа и других крупных городов, не занятые трудовой деятельностью и не получающие образования) в общении со сверстниками в самых разнообразных целях (сокрыть информацию, самоутвердиться, наладить общение и др.). Материалом для нашего исследования послужил авторский глоссарий, включающий более двух тысяч лексических единиц, извлеченных из лексикографических работ французских авторов [Goudaillier 2019, Mongaillard 2013, Ribeiro 2014, Tengour 2013, Valliet 2018, Vincenti 2018], а также из арготических списков, опубликованных на французских сайтах в период с 2015 по 2018 гг.

Анализируя словообразовательный аспект молодежного аргю, мы пришли к выводу о том, что метафора является высокопродуктивным системным механизмом формирования арготизмов: чуть более 11 % лексических единиц образовано посредством этого приема.

Нами зафиксировано одиннадцать моделей метафорического переноса:

- 1) предмет > человек: *avion* (букв. ‘самолет’) «очень красивая девушка»;
- 2) предмет > предмет: *pneu* (букв. ‘шина’) «низкокачественный гашиш»;
- 3) животное > человек: *yorks* (букв. ‘йоркширский терьер’) «родители»;
- 4) птица > человек: *pigeon* (букв. ‘голубь’) «полицейский»;
- 5) цвет > предмет: *violet* (букв. ‘фиолетовый’) «банкнота в 500 евро»;
- 6) предмет > части тела: *airbags* (букв. ‘подушка безопасности’) «женская грудь»;
- 7) человек > человек: *cousin* (букв. ‘двоюродный брат’) «друг»;
- 8) предмет > действие: *béquille* (букв. ‘костыль’) «удар коленом по ягодицам»;
- 9) абстрактное понятие > предмет: *don* (букв. ‘дар’) «сигарета с марихуаной»;
- 10) природное явление > абстрактное понятие: *vent* (букв. ‘ветер’) «отказ»;
- 11) кулинарное изделие > человек: *kinder surprise* (букв. ‘детское шоколадное яйцо с игрушкой внутри’) «девушка в парандже».

Из вышеобозначенных одиннадцати моделей наиболее продуктивными оказались две: *предмет > человек* и *животное > человек*, что позволяет подтвердить вывод о высокой степени антропоцентричности всякого аргю, в том числе молодежного. Поскольку пользователями аргю в основном являются представители мужского пола, то

в сферу их интересов обязательно входят отношения с противоположным полом, в связи с чем отмечается большое количество метафор, связанных со значением 'девушка', 'красивая девушка': *avion* (букв. 'самолет'), *frappe* (букв. 'ударная сила'), *fusée* (букв. 'ракета'), *turbo diesel* (букв. 'турбодизель'), и наоборот, с пейоративным обозначением девушки с маленькой грудью: *bâtonnet* (букв. 'палочка'), *carte-bleue* (букв. 'пластиковая карта'), *CD-Rom* (букв. 'CD-ром'), *cure-dent* (букв. 'зубочистка'), *fax* (букв. 'факс'), *planche* (букв. 'доска'). Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что благодаря метафоре увеличиваются синонимические ряды некоторых концептов молодежного вокабуляра.

Помимо имен существительных выделим глаголы, которые в устах молодежи получили несвойственное им в общенациональном языке значение:

- *cataloguer* (букв. 'классифицировать') «судить»;
- *démonter* (букв. 'демонтировать') 1) «бить», 2) «овладеть»;
- *enfumer* (букв. 'задымить') «обмануть»;
- *fumer* (букв. 'курить') 1) «исправить», 2) «убить»;
- *imploser* (букв. 'взорваться') «умереть со смеху»;
- *se gaver* (букв. 'объедаться') «получить хорошую оценку»;
- *zapper* (букв. 'переключать телевизионные каналы при помощи пульта') 1) «переходить от одного к другому», 2) «прервать дискуссию», 3) «забыть».

У молодых людей из неблагополучных пригородов крупных городов часто возникают проблемы с полицией из-за противоправного поведения: краж, употребления и продажи наркотиков и др. Многие жители пригородов имеют знакомых или родственников, которые за вышеперечисленные противозаконные действия попадают в тюрьму, поэтому отмечается большое количество метафор именно в этой сфере:

▪ *blanche, neige, poudre*, сформированные по аналогии цвета и консистенции с запрещенным продуктом и заимствованные из традиционного аргю, произносить гораздо безопаснее, нежели «наркотики»,

▪ *ballon* или *placard*, также заимствованные из традиционного аргю и имеющие смысл замкнутого и ограниченного пространства, звучат вместо «тюрьма».

Необходимо отметить, что метафоры из традиционного аргю в значительном объеме взяты на вооружение нынешним поколением французской молодежи. В глоссарии, помимо вышепредставленных, зафиксированы:

- *aquarium* (букв. 'аквариум') «пространство, заполненное дымом марихуаны», «камера задержания»;
- *bleu* (букв. 'синий') «новичок», «полицейский»;
- *capote* (букв. 'защитный кожух') «средство контрацепции»;
- *frère* (букв. 'родной брат') «друг»;
- *pédale* (букв. 'педаль') «гомосексуалист» и др.

Кроме имен существительных и глаголов в анализируемом вокабуляре отражены более шестидесяти словосочетаний. Прочитируем наиболее интересные:

- *aller au tire-fesse* (букв. 'отправиться к ягодицам') «снимать деньги», пластиковая карта, при помощи которой можно снять деньги в банкомате, обычно находится в кошельке, лежащем в заднем кармане брюк;
- *ça sent la douille* (букв. 'это пахнет гильзой') «пахнет жареным» о напряженной ситуации;
- *craquer son string* (букв. 'порвать свои стринги') «сойти с ума»;

• *être made in China* (букв. ‘сделано в Китае’) «быть ненастоящим» (чаще всего относится к девушкам, которые имеют искусственные волосы, увеличивают грудь, наращивают ногти);

• *être refait* (букв. ‘быть переделанным’) «носить только что купленную одежду»;

• *être dans le game* (букв. ‘быть в игре’) «зарабатывать на жизнь противозаконной деятельностью»;

• *faire le boing* (букв. ‘делать боинг’, Боинг – тип американского пассажирского самолета) «сильно шуметь при остановке»;

• *faire péter les boomers* (букв. ‘взорвать громкоговоритель’) «оборудовать багажник машины в ночной клуб, установив в нем низкочастотную музыкальную колонку»;

• *faire son coin-coin* (букв. ‘крякать’) «выпендриваться»,

Говоря о метафоре, как о словообразующем приеме, необходимо отметить, что иногда она выступает как первый этап формирования нового арготизма, который может сочетаться с редупликацией (*blonblon* ‘европеец’ (*blond* ‘блондин’ > *blonblon*), апокопой (*sque* ‘девушка с маленькой грудью’ (*squelettique* ‘костлявый’)), суффиксацией (*bombax* ‘очень красивая девушка’ (*bombe* - букв. «бомба» ‘красивая девушка’ + *ax*), верланом (*bebot* ‘красивая девушка’ (*bombe* - букв. «бомба» ‘красивая девушка’ > *bebot*)).

Таким образом, проанализировав лексический состав французского молодежного арго новейшего синхронического среза, мы делаем вывод об активной роли метафорического переноса в формировании неконвенциональных лексем, что делает речь арготирующих яркой и образной.

Литература

Овчинникова О.А. Картина мира во французском арго 80-90 гг. XX в. // Французская арготология в России: коллектив. моногр. / отв. ред. Э.М. Береговская. Смоленск: Изд-во Смол. гос. ун-та, 2011. С. 233-254.

Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches ! Dictionnaire du français contemporain des cités. Paris: Hémisphères Éditions, 2019.

Mongaillard V. Le petit livre de la tchatche. Décodeur de l’argot des cités. Paris: Editions First-Gründ, 2013.

Pierre-Adolphe P., Mamoud M., Tzanos G.-O. Le dico de la banlieue. 1000 définitions pour tchatcher mortel. Paris: La Sirène, 1995.

Ribeiro S. Dictionnaire Ados Français. Paris: Éditions First. 2014.

Sainéan L. L’argot ancien (1455-1850). Paris: Honoré Champion. 1907.

Schwob M., Guieysse G. Étude sur l’argot français et le jargon de la Coquille. Paris: Allia, 1989.

Tengour A. Tout l’argot des banlieues. Le dictionnaire de la zone en 2600 définitions. Paris: Les Éditions de l’Opportun, 2013.

Valliet B. Lexique ta mère. Belgique: Fortuna. 2018.

Vincenti A. Les mots du bitume. De Rabelais aux rappers, petit dictionnaire de la langue de la rue. Paris: Le Robert, 2017.

O.A. Kuzmina (Orel, Russia)

Oryol State University named after I.S. Turgenev

frkuzmina@mail.ru

THE ROLE OF METAPHOR IN FRENCH YOUTH ARGOT

The article is devoted to metaphor as one of the systemic word-formation mechanisms of the French youth argot. We compiled a glossary of more than two hundred youth argotisms constructed

with the use of this trope, which allows us to make a conclusion about the imagery of the nonstandard sublanguage of the young.

Key words: French youth argot, metaphors, imagery, word-formation mechanism.

*Е.В. Куцубина, Ю.Г. Тимралиева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
geshtinanna7@gmail.com; juliati@yandex.ru*

МЕТАФОРА БОЛЕЗНИ ПРИ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматривается метафорическая модель ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС – БОЛЕЗНЬ в современном европейском медиадискурсе. На основе анализа британских, испанских и немецких СМИ выявляются ключевые сигнификативные дескрипторы данной метафорической проекции, анализируются ее значения и свойства.

Ключевые слова: метафора болезни, экономический кризис, медиадискурс.

В современном мире жизнь граждан любого государства во многом определяется экономической составляющей. Экономическое положение человека напрямую связано с экономической обстановкой в стране, а экономика одной страны не существует отдельно от общемировых экономических процессов. Экономическая ситуация в стране и мире активно освещается средствами массовой информации. При этом особая роль в процессе моделирования и оценки экономической ситуации в СМИ отводится метафоре. Представляя собой «способ познания, пересечение и трансфер знаний из одной концептуальной области в другую» [Лакофф, Джонсон 2004: 25], метафора посредством понятных образов помогает адаптировать для широкой читательской аудитории насыщенный сложными экономическими понятиями текст. Например, очень часто экономика представляется как механизм, в котором все просчитано и отдельные винтики системы способствуют отлаженной работе всей структуры. Не менее популярным является уподобление экономики живому организму, в связи с чем в публицистических текстах все чаще можно встретить словосочетание «живая экономика». И, как любой живой организм, экономика подвержена заболеваниям – кризисам, а экономика одной страны может заразиться от экономики другой страны, что приводит к пандемии – мировому экономическому кризису.

Экономический кризис 2008-2013 гг. стал такой пандемией. И, как при настоящей пандемии, одни страны перенесли болезнь тяжелее (Испания, Португалия, Греция), другие (Германия, Великобритания) – легче. Восприятие кризиса как пандемии нашло отражение в риторике средств массовой информации и официальных заявлений. Так, отвечая на вопрос королевы Елизаветы II, почему никто не заметил предпосылок кризиса, один из ведущих экспертов Банка Англии по финансовой политике Суджит Кападиа отмечает труднопрогнозируемость кризиса, сравнивая его с землетрясением или пандемией гриппа: «... *financial crises were a bit like earthquakes and flu pandemics in being rare and difficult to predict*» [The Guardian, 13.12.2012].

Метафорическую модель ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС – БОЛЕЗНЬ можно с уверенностью отнести к наиболее продуктивным метафорическим проекциям в СМИ периода экономического кризиса 2008-2013 гг. Так Н.В. Бадаева отмечает необычайно высокую частотность медицинской метафоры в период кризиса в сравнении с периодом посткризиса в немецкоязычных СМИ [Бадаева 2022: 128]. Посредством этого

яркого и понятного всем образа эксперты и журналисты пытались осмыслить и представить общественности кризис и его последствия, а люди, не связанные с экономикой, получали возможность разобраться в том, что происходит в их стране и на мировой арене, могли ориентироваться в ходе кризиса и выстраивать свою собственную стратегию выживания в непростых условиях.

Ключевыми сигнификативными дескрипторами (термин [Баранов 2014]) рассматриваемой метафорической проекции выступают лексические единицы со значением «больной/ болезнь, недомогание»: *enfermo, malestar* – в испанском языке; *sick, ill, malaise, disease, illness, sickness* – в английском языке; *krank, erkrankt, Krankheit* – в немецком языке. С их помощью СМИ проецируют образы нездоровой/ болеющей экономики, которая в том числе может стать источником заражения для соседних стран. Приведем некоторые примеры: “*Lógicamente, la quinta economía mundial se resiste a ser considerada **el enfermo de Europa** y tiene algunos argumentos que ofrecer*” [El País 2013]. В данном фрагменте из испанской газеты *El País* речь идет о Франции. Перифраз «пятая экономика мира» подчеркивает статус страны, которая не желает считаться «больным Европы» и всеми силами старается противостоять кризису, чтобы не повторить ситуацию, возникшую в Греции и Испании. В том же 2013 г. британское издание *The Financial Times* в статье об испанском празднике Томатина писала следующее: “*But this year, for the first time, the boisterous participants will be charged an entry fee of €10 in a shift that is being seen as a potent symbol of Spain’s economic crisis and **the financial malaise** that has gripped so many of the country’s cities and villages*” [The Financial Times 2013]. Вступительный взнос в размере € 10 за смену, впервые взимаемый с участников праздника, рассматривается авторами статьи в качестве явного показателя кризиса и представляется симптомом общего «финансового недомогания», охватившего множество городов и сел Испании. В следующем примере из немецкого издания *WirtschaftsWoche* глагол «болеть» используется для характеристики состояния немецкой системы здравоохранения: “*Unser **Gesundheitswesen krankt an mangelnder Kooperation und sektoraler Aufteilung***” [WirtschaftsWoche 2011]. Автор пытается разобраться в причинах ее «болезни», которыми, на его взгляд, являются отсутствие сотрудничества и секторального разделения. Использование метафоры болезни в приведенных примерах демонстрирует масштаб проблем в экономике той или иной страны или отрасли, подчеркивая серьезность ситуации и необходимость принятия мер для разрешения кризиса.

Если вхождение экономики в кризис связывается с болезнью, то выход из кризиса – с выздоровлением. Соответственно к числу значимых сигнификативных дескрипторов рассматриваемой метафорической проекции следует также отнести лексические единицы со значением «здоровый/ здоровье»: *sano, salud* – в испанском языке; *healthy, health* – в английском языке; *gesund, Gesundheit* – в немецком языке. Например, в испанском издании *El Mundo* в статье о банковской системе еврозоны автор пишет о необходимости ускорить «оздоровление банков»: “*La unión bancaria debería contribuir a acelerar **el saneamiento de los bancos***” [El Mundo 2013]. О «здоровье банков» заботится и британская *The Guardian*, используя аналогичную метафору, чтобы подчеркнуть необходимость объединения банков региона под единым регулятором и создания единого фонда поддержки, способных спасти банковскую систему в кризисной ситуации: “*Linking together the region’s banks under a single regulator – the ECB – and establishing a common rescue fund to bail them out if they fail could act as a circuit-breaker by severing the lethal connection between countries’ public*

finances and the health of their banks” [The Guardian 2013]. Посредством прилагательного «здоровый» немецкая *WirtschaftsWoche* подчеркивает улучшение экономических показателей компании Solarworld, одного из крупнейших производителей солнечных батарей в Германии: “*Asbeck betont derweil, Solarworld sei im Kern gesund*” [WirtschaftsWoche 2011].

В следующей группе примеров факт выхода экономики из кризиса вербализуется посредством глаголов «оздоравливать/ выздороавливать/ поправляться/ восстанавливаться»: *recuperarse* (исп.), *recover* (англ.), *gesund werden/ sanieren* (нем.). Например, испанское издание *El País* с помощью метафоры «восстанавливать пульс» подчеркивает улучшение экономической ситуации в США, раньше других стран, преодолевающих кризис: «*Es verdad que Estados Unidos puede recuperar pulso este ejercicio (más consumo, más empleo, más ánimo en la construcción), pero China está en una fase de cierta desaceleración (a pesar de lo cual crecerá en torno al 7%) y Alemania sufrirá una cierta ralentización*» [El País 2013]. В британской *The Guardian* автор рассуждает о преодолении кризиса в Греции, которая стремится «оправиться от травмы последних лет»: «*He told the Guardian that the "good report" would help Greece to recover from the trauma of recent years*» [The Guardian 2013]. В немецкой *WirtschaftsWoche* онлайн-бизнес одного из крупных концернов рассматривается как «случай санации» предприятия: «*Auch das Onlinegeschäft des Konzerns ist ein Sanierungsfall*» [WirtschaftsWoche 2012].

Следует отметить, что наряду с ключевыми лексемами «больной»/ «здоровый» и их производными (болезнь, болеть, выздороавливать, оздоровление и т.д.), образующими ядро сферы-источника метафорической проекции ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС – БОЛЕЗНЬ, в ее приядерной и периферийной зонах представлены многочисленные лексемы, указывающие как на признаки/ симптомы/ проявления болезни (боль, температура, лихорадка, насморк, кашель и др.), так и на признаки/ средства/ методы избавления от нее (терапия, лекарство, инъекция и др.). В следующем примере немецкое издание *Spiegel* описывает актуальную экономическую ситуацию посредством устойчивого метафорического клише: «*Wenn die USA husten, bekommt die Welt einen Schnupfen – selten hat diese alte Ökonomen-Regel sich als so wahr herausgestellt wie in den vergangenen Tagen*» [Spiegel, 14.07.08]. Утверждая, что американский «кашель» провоцирует мировой «насморк», автор подчеркивает взаимосвязанность глобальных экономических процессов и масштаб кризиса, так или иначе охватившего весь мир. Испанская *El Mundo* рассматривает «немедленное вливание (инъекцию) капитала в размере 1 миллиарда евро» в качестве ключевого условия преодоления кризиса в банковской сфере: «*Pero a pesar de esa maniobra, según datos del FMI, tres de los mayores bancos del país necesitan una inyección de capital inminente de 1.000 millones de euros...*» [El Mundo 2013]. Британская *The Guardian* с иронией сравнивает режим строгой экономии, который применялся во всех затронутых кризисом странах, с горчицами, а политиков, которые вводят эти меры, с врачами былых времен: «*Politicians and economists impose austerity now much as doctors once stuck mustard plasters on the skins of the sick*» [The Guardian 2013].

Таким образом, анализ показал, что метафорическая модель ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС – БОЛЕЗНЬ является универсальной продуктивной метафорической моделью в современном европейском медиадискурсе. Метафоры с исходной ментальной сферой «болезнь» широко представлены в британских, испанских и немецких СМИ для репрезентации кризиса, в то время как метафоры оздоровления/ выздоровления активно используются для представления ситуации выхода из кризиса.

Литература

Бадаева Н.В. Модели концептуальной метафоры в экономическом дискурсе немецкоязычных сетевых масс-медиа: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: ЯСК, 2014.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; / под ред. и с предисловием А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004.

E.V. Kutsubina, J.G. Timralieva (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University of Economics

**THE METAPHOR OF DISEASE IN THE PRESENTATION OF THE ECONOMIC CRISIS
IN THE EUROPEAN MEDIA DISCOURSE**

The article examines the metaphorical model ECONOMIC CRISIS IS DISEASE in the modern European media discourse. Based on the analysis of the British, Spanish and German media, the key significant descriptors of this metaphorical projection are identified, its meanings and properties are analyzed.

Key words: metaphor of illness, economic crisis, media discourse.

И.С. Лебедева (Москва, Россия)
*Московский государственный институт
международных отношений МИД России*
lebedeva_irina_68@yahoo.com

**РОЛЬ ВОПРОСИТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ
ДИСКУРСА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

Настоящее исследование посвящено изучению роли вопросительной структуры в конструировании дискурса судебного заседания на этапе перекрестного допроса. Автор показывает, что в конфликтной среде ассиметричного общения вопросительная структура утрачивает свою основную функцию – запрос информации, и становится инструментом воздействия.

Ключевые слова: судебный дискурс, конструирование дискурса, принуждающий вопрос, направляющий вопрос, разделительный вопрос, вежливость.

Дискурс судебного заседания на этапе перекрестного допроса представляет собой социальный конструкт, который зависит не столько от самой информации по делу, сколько от ее интерпретации человеком, который ее представляет. В результате формируется дискурсивное представление события, отличающееся определенной долей субъективности, оно опосредовано личными установками говорящего, его отношением к событию, а также множеством факторов психологического и социолингвистического характера, которые формируют это отношение (внешние факторы). В то же время, конструируемое представление события зависит от ряда внутренних факторов, присущих самому событию, например, характер и степень тяжести совершенного действия, степень участия в событии обвиняемого/ обвиняемых, статус жертвы, степень подготовленности/ планирования события, намерения участников события, обоснованность предпринятых действий и т.д. Каждое из высказываний участников судебного заседания (обвинение, защита, свидетели, судья) представляет собой элемент/ сегмент дискурса, который включает в себя все

представления о реальности, которые формировались соответствующей стороной по делу на протяжении судебного разбирательства. Таким образом, в процессе преобразования знания о событии в лингвистическую форму возникает дискурс, где реальность воссоздается в новой форме, при этом, исходное событие, объект или концепт трансформируются во что-то иное по мере того, как они становятся частью вновь конструируемого дискурса [Bauman & Briggs 1990].

В этой связи пристального внимания заслуживает использование вопросительных структур и их роль в конструировании дискурса судебного заседания. Как известно, основная функция вопроса – запрос недостающей информации, однако, данное определение подходит только для малого числа вопросов, используемых в судебном дискурсе. Использование вопросительных структур в институциональном дискурсе, их функциональные особенности и роль в конструировании дискурса не раз становились предметом исследования в рамках системной функциональной лингвистики, критического анализа дискурса, межличностной прагматики [Кожедуб 2011; Archer 2005; Biscetti 2006; Cotterill 2010; Eades 2010; Felton 2015; Piazza 2002; Ткацѣкова 2010]. На этапе перекрестного допроса вопрос выполняет несколько функций. Во-первых, это – элемент лингвистического принуждения (*coercive, conducive, leading questions*). Ряд исследователей указывают [Дубровская 2010; Harris 1984; Luchjenbroers 1997], что большинство вопросов, задаваемых свидетелям с целью «разрушения» их показаний и ослабления доверия к ним со стороны присяжных заседателей содержат узкие формулировки законченных пропозиций, которые в значительной степени контролируют ход мыслей свидетеля, направляя их в нужное русло и влияют на ответ. Выступления свидетелей в суде ограничиваются предоставлением кратких ответов (Yes/No) на узко сформулированные вопросы. Данная коммуникативная особенность была впервые отмечена К. Либерманом [Lieberman 1981] в ситуациях ассиметричного [Piazza 2002] взаимодействия разно статусных коммуникантов, получила название «добровольное согласие» (*gratuitous concurrence*) и рассматривалась в качестве стратегии приспособления/ защиты нижестоящего [Lieberman 1981: 248-249]. Цель перекрестного допроса, направленная на дискредитацию свидетельских показаний, способствует использованию «добровольного согласия». На этапе перекрестного допроса используются два типа «принуждающих» вопросов: наводящий общий вопрос (*leading yes/no question*) разных структурных типов, включая вопрос с прямым порядком слов, например:

[Mr Justice Gray] What is being talked about is extermination. Do you not agree with that? – [Mr Irving] Yes.

[Mr Irving] Tauber described the cyanide being poured into the gas chamber of crematorium No. (ii) through holes in the roof. That is correct? – [Professor Van Pelt] Yes, that is correct.

[Mr Justice Gray] You do agree? (в данном случае также наблюдается использование интенсифицирующего *do*) – [Mr Irving] Yes.

и разделительный вопрос (*disjunctive questions*) классической структуры (+ –, – +) с падением тона на присоединяемой части, например:

[Mr Rampton] One of the means used, <...>, was carbon monoxide gas from bottles, was it not? – [Mr Irving]: I believe that is correct, yes.

[Mr Justice Gray] Globocnik took this opportunity to explain to me his idea that the action against the Jews <...> that is pretty explicit, is it not, Mr Irving?

[Mr Rampton] That is not the highest security classification, is it, Geheim?

При этом, структурный тип (+ –) преобладает. Также было отмечено использование инвариантных структур разделительного вопроса. Среди них стоит отметить наиболее частотные *is that right?* и *(is that) correct?*

[Mr Justice Gray]: <...> of extermination by methods including gas, is that right?

[Mr Irving] Eventually, he was put on trial by the Germans, is that correct? – [Professor Van Pelt] He was put on trial by the Germans.

Инвариантные формы «разделительных вопросов» функционируют в качестве средств конвенциональной вежливости при выражении просьбы, например:

[Mr Rampton]: Let us read paragraph 5, may we?

[Mr Rampton] No. Well, we will leave that, shall we?

[Mr Rampton] Mr Irving, if you have an application to make for further discovery, make it to his Lordship at the proper time, will you?

«Разделительный вопрос» с аффективной присоединенной частью классической структуры используется для ослабления степени потенциального «вреда» (фактор Rx) [Brown & Levinson 2014], который пропозиция главной части может нанести «лицу» собеседника. Подобное использование структуры характеризует речь вышестоящего.

[Mr Justice Gray] This is a bit second-hand, is it not?

«Разделительный вопрос», где присоединяемая часть выступает в качестве инструмента для повышения степени вежливости Wx [Brown & Levinson 2014], так называемая «стратегия ложных друзей» (“a false friends’ strategy”) [Aldridge & Luchjenbroers 2007, 102] – намеренно демонстрировать высокую степень вежливости Wx используется адвокатами при обсуждении «чувствительных» тем для «разрушения» имиджа оппонента. Подобное использование вежливости создает когнитивный диссонанс, своего рода нарушение в ментальной картине события, тем самым создавая эффект сарказма, например:

[Mr Rampton] You would not describe a fumigation chamber as an *unterkunft*, would you?

В ситуациях повышенной конфликтности и асимметричного взаимодействия, к которым следует относить перекрестный допрос, вопросительная структура утрачивает свою основную функцию – запрос недостающей информации – и выступает в качестве лингвистического средства воздействия и контроля в рамках конструируемой реальности.

Литература

Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Изд-во «Академия. МНЭПУ», 2010.

Кожедуб Н.В. Воздействующая функция наводящих вопросов в судебной речи // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. №13. С. 130-132.

Archer D. Questions and Answers in the English Courtroom: A Sociopragmatic Analysis. John Benjamins Publishing, 2005.

Bauman R., Briggs C. L. Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life // Annual Review of Anthropology. 1990. № 19, P. 59-88.

Biscetti S. Tag Questions in Courtroom Discourse. *Studies in Specialized Discourse* / Ed. by J. Flowerdew, M. Gotti. Peter Lang, 2006. P. 209-239.

Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge, Cambridge University press, 2014.

Cotterill J. Interpersonal issues in court: Rebellion, resistance and other ways of behaving badly. *Interpersonal Pragmatics* / Ed. by Miriam A. Locher, Sage L. Graham. De Gruyter Mouton, 2010. P. 353-379.

Eades D. Sociolinguistics and the Legal Process. Multilingual Matters, 2010.

Felton Rosulek L. *Dueling Discourses: The Construction of Reality in Closing Arguments.* Oxford: Oxford University Press, 2015.

Harris S. Questions as a Mode of Control in Magistrates' Courts // *International Journal of the Sociology of Language.* 1984. № 49. P. 5-28.

Lieberman K. Understanding Aborigines in Australian courts of law // *Human Organization.* 1981. № 40. P. 247-255.

Luchjenbroers, J. "In your own words ...": Questions and Answers in a Supreme Court Trial // *Journal of Pragmatics.* 1997. № 27 (4). P. 477-503.

Piazza R. The Pragmatics of Conducive Questions in Academic Discourse // *Journal of Pragmatics.* 2002. № 34. С. 509-527.

Tkacūkova T. *Representing Oneself. Cross-examination questioning: lay people as cross-examiners.* N. Y.: Routledge, 2010.

I.S. Lebedeva (Moscow, Russia)
MGIMO University

INTERROGATIVE STRUCTURES IN DISCOURSE CONSTRUCTION IN COURTROOM

The present research studies the role of interrogative structures in discourse construction in courtroom cross-examination. The author reveals that in situations of conflict and asymmetric interaction interrogative structures become an effective linguistic tool to affect the representation of the event created in the courtroom and the jurors' post-communicative behavior.

Key words: courtroom discourse, discourse construction, coercive questions, leading questions, disjunctive questions, politeness.

А.А. Лепеньшева (Москва, Россия)
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ
a.lepenysheva@inno.mgimo.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В МЕМАХ КАК КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ

В данном исследовании рассматриваются особенности реализации механизма концептуальной метафоры в мемах. Предлагается ее классификация по форме актуализации компонентов. Делается вывод о наиболее продуктивной модели концептуальной метафоры в исследуемом типе дискурса и роли иконического знака в нем.

Ключевые слова: мем, концептуальная метафора, креолизованный текст, концептуальная интеграция, концептуальное проецирование.

Распространение мемов в современной цифровой культуре вызывает интерес к пониманию механизмов, способствующих их эффективности в качестве коммуникативных инструментов [Ахмадова и др. 2022, Иванова и др. 2021]. Одним из таких механизмов, как показало настоящее исследование, является использование концептуальной метафоры, которая играет важную роль в формировании понятийного мира мемов, позволяет передавать сложные концепты, абстрактные понятия и эмоциональные состояния, в лаконичной и запоминающейся форме.

Цель данной статьи заключается в исследовании особенностей реализации концептуальной метафоры в мемах как креолизованных текстах и выявлении роли

визуального компонента в этом процессе. Для этого в социальных сетях Reddit и VK в 2022 г. были отобраны мемы на русском и английском языке, в которых отмечалась концептуальная метафора, т.е. перенос знания и опыта из одной предметной области (сфера-источник) на другую (сфера-цель) [Sweetser 2017]. В корпусе из 600 мемов, полученных методом сплошной выборки, концептуальная метафора была реализована в 208 из 600, или 35%. Это показывает высокую частотность данного механизма концептуального проецирования в мемах.

Весь собранный материал, содержащий объект исследования можно условно разделить на группу мемов с одной концептуальной метафорой и с несколькими. В группе мемов с одной концептуальной метафорой модели различаются по форме актуализации ее компонентов: 1) оба компонента (источник и цель) могут объективироваться в тексте мема (21 мем из 208, или 10%), 2) оба компонента – в изображении (9 мемов из 208, или 4%), 3) один компонент реализуется посредством текста, а другой при помощи иллюстрации (169 из 208, или 82%). Уже на этом этапе очевиден продуктивный характер креолизации текста в реализации концептуального проецирования как механизма формирования смысла мема, поскольку сочетание текста и изображения для метафоризации встречалось в подавляющем большинстве мемов.

В группе мемов с несколькими концептуальными метафорами (9 из 208, или 4%) компоненты модели «источник-цель» также всегда разнесены (один в тексте, другой в изображении) и благодаря нескольким метафорическим моделям в рамках одного мема актуализируют либо сравнение, либо ситуацию. Рассмотрим каждую группу мемов в отдельности, акцентируя внимание на особенностях их объективации, функции метафоры, а также роли креолизации.

Концептуальная метафора, оба компонента модели которой реализованы в тексте, чаще всего встречается в философских мемах и мемах-«демотиваторах», функция метафоры в которых может сводиться к раскрытию абстрактного понятия. На рис. 1 концептуальная метафорическая модель представлена в тексте: концепт «жизнь» (“life”) как ментальная сфера-цель проясняется посредством проекции или связи с концептом «светофор» (“traffic light”), сферой-источником. Абстрактное понятие объясняется через сопоставление с конкретным, осязаемым предметом, передавая идею о том, что в жизни этапы, обозначенные словами «остановись» (“cease”), «не торопись» (“unhurried”) и «продолжай» (“proceed”) сменяются так же быстро, как цвет светофора.

Рис. 1

Рис. 2

Концептуальная метафора, оба компонента модели которой объективируются в изображении, изучалась в социальной рекламе [Терских 2016], комиксах [Narayan 2000], изобразительном искусстве [Sullivan 2009]. Ее исследование в мемах проводится

в данной работе впервые и выделяются такие основные функции, как демонстрация эмоции героя мема и привлечение внимания аудитории к какому-либо качеству героя или объекта сообщения. На рис. 2 мем иллюстрирует распространенную вербальную метафору «кипеть от злости как чайник». У кота Тома от безуспешной попытки сделать заказ в магазине Икея вскипел мозг и часть головы как крышечка чайника от пара поднялась. Яркий визуальный образ без текстового описания дает представление о переживаниях, которые испытывает кот. Это осуществимо благодаря тому, что концептуальная метафора основана на нашем когнитивном опыте и способности мыслить в абстрактных терминах, используя конкретные представления и метафорические образы [Кульчицкая 2013; Lakoff 1993].

Тем не менее, самый продуктивный тип реализации концептуальной метафоры в меме – это проекция между текстом и изображением. Важно отметить, что во всех мемах данной группы в изученном корпусе сфера-источник концептуальной метафоры всегда реализуется посредством изображения. Так на рис. 3 метафора строится на сравнении граждан, отказавшихся прививаться от антиковидной вакцины, с единственным членом семьи Адамс, внешне похожей на человека, имплицитно подчеркивая идею отрицательного влияния такой прививки на человеческий генофонд. Метафора позволяет передавать и пропагандировать идеологическую установку, что антипрививочник это редкий, вымирающий вид, норма, которой нужно придерживаться, чтобы остаться человеком. Использование в качестве сферы-источника именно изображения позволяет донести достаточно сложную идею кратко и емко.

Рис. 3

Рис. 4

Идея о том, что креолизация мемов необходима для более эффективной передачи абстрактных понятий подкрепляется также использованием авторами приема олицетворения. Благодаря визуальному олицетворению абстрактных явлений они становятся конкретнее, понятнее и ближе адресату. На рис. 4 платформа фейсбук метафорически воплощается в образе навязчивого человека, твердящего «проверь меня» (“check me”), воплощая привычную ситуацию для многих интернет-пользователей, в которой человек не может сосредоточиться на работе, постоянно отвлекается на сообщения в соцсети.

Мемы с несколькими метафорами можно разделить на мемы-сравнения и мемы-ситуации. На рис. 5 представлен мем с двумя концептуальными метафорическими моделями. «Пример в классе» (“example in class”) проецируется на изображение треугольника, вынося на передний план такие свойства задания, выполняемого в классе, как простота. Другая модель в этом меме представлена «целью» «домашнее задание» (“assignment”) и «источником» метафоры, изображением сложной фигуры

паука, подчеркивая сложность такого здания. Весь мем в целом структурно демонстрирует сравнение получившихся метафорических проекций.

Example in class

Assignment

Рис. 5

Рис. 6

В мемах-ситуациях (рис. 6) мем, благодаря изображению, организует две и более метафорические модели в некоторую ситуацию или сценарий. Текстом обозначены действующие лица знакомой адресату ситуации (общение учителя с учеником), а изображение предлагает альтернативную ситуацию (сцена борьбы Микки Мауса с привидением). Благодаря проецированию учителя на Микки, а ученика на привидение, весь диалог («Тебе тонна домашнего задания» (“tons of homework”) «У меня нет дома» (“I don’t have home”) метафоризируется через аналогию с действиями нарисованных героев на изображении. Один угрожает ружьем, другой не дает ружью выстрелить.

Таким образом, представленная классификация мемов по форме актуализации ее компонентов позволяет лучше понять механизмы использования концептуальной метафоры в мемах. Во-первых, продемонстрирована продуктивность креолизации мемов для определения абстрактных понятий, передачи чувств и эмоций, политических и идеологических установок, образов и стереотипов мышления. Во-вторых, визуальный компонент мема играет роль средства выражения сферы-источника концептуальной модели, который высвечивает некоторый признак или элемент структуры сферы-мишени, актуализированного в тексте, помогая осмыслению второго. В-третьих, реализация нескольких метафорических моделей в рамках одного мема благодаря креолизации позволяет актуализировать ситуацию сравнения или некоторый сценарий, который либо более полно раскрывает концептуальные метафоры в составе мема, либо в ходе концептуальной интеграции (binding) рождает новый смысл. В-четвертых, иконического знака может быть достаточно для объективации обоих элементов концептуальной метафоры для передачи эмоционального состояния или указания на качество объекта или субъекта мема.

Литература

Ахмадова Т.Х., Мусаева Л.С., Мамиева З.М. Интернет-мем как современный жанр социальной и межкультурной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 449-451.

Иванова В.А., Капустина И.А., Степанова В.О. Мемы как коммуникативная, манипулятивная и диагностирующая единица // сб. ст. IV Международной научно-практической конференции Актуальные вопросы современной науки и образования / под. общ. ред. М.В. Посновой. Петрозаводск: МЦНП, 2021. С. 109-119.

Кульчицкая Л.В. Когнитивная метафора – концептуальная метафора – метафорическая модель: онтологический статус понятий // *Личность. Культура. Общество.* 2013. Т. 15. № 1 (77). С. 117-124.

Терских М.В. Специфика визуальной метафоризации в дискурсе социальной рекламы// *Лингвокультурология.* 2016. №10. С. 362-386.

Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor// Metaphor and Thought/ Andrew Ortony* (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.

Narayan. S. Mapping in art and language: conceptual mappings in Neil Gaiman's Sandman. Thesis. University of California, Berkeley, 2000.

Sullivan K. The languages of art: how representational and abstract painters conceptualize their work in terms of language // *Poetics Today.* 2009. Т. 30. №3. P. 517-560.

Sweetser E. Opening commentary: Conceptual mappings // *Dancygier B.* (ed.). *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics.* Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 379-384.

A.A. Lepenysheva (Moscow, Russia)

Moscow State University of International Relations (MGIMO University)

CONCEPTUAL METAPHOR IN MEMES AS CREOLIZED TEXTS

This research explores the unique aspects of employing the conceptual metaphor mechanism in memes. It presents a categorization of memes according to how their components are manifested. The study reaches a conclusion regarding the most effective model of conceptual metaphor within the examined discourse and emphasizes the role of iconic signs within it.

Key words: meme, conceptual metaphor, creolized text, binding, mapping.

Т.Е. Литвиненко (Иркутск, Россия)

Иркутский государственный университет

littatiana0424@gmail.com

ТАЙНОЕ ИМЯ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА

В статье рассматриваются варианты актуализации концептуальной метафоры *я есть другой* в дискурсе современной латиноамериканской прозы, проводится анализ имен собственных как средств объективации данной метафоры, раскрывается интертекстуального потенциал описываемого метафорического концепта, в том числе связь метафоры и ее номинантов с религиозным и мифологическим дискурсами.

Ключевые слова: онтологическая метафора, культурно-языковой код, художественный дискурс, имя, интертекст.

Идентификация субъекта в сложном мире существ иной природы, чей образ приводит к построению метафор, *уподобляющих* человека богу и зверю, тварь творцу, а дискурсивное (текстовое) пространство отраженной в нем модели действительности, невозможна вне особой семиотики – культурно-языкового кода, раскрывающего соотношение тождества и различия элементов метафорического концепта.

Важнейшими единицами такого кода выступают имена субъектов, которые не только отображают их бытийный статус, как результат познания (концептуализации/категоризации) последних, но и позволяют «вписать» их в структуру онтологической метафоры [Lakoff 1980], закрепляя проекцию на область цели (*я*) свойств сферы-источника (*не-я*). Иными словами, становясь единицами

ритуально-мифологического, религиозного, а в последствии художественного, психиатрического и иных дискурсов, метафорические имена домена я фиксируют перенос на него свойств домена *другой*, «захватывая» чужие для него денотативные признаки субъекта [Литвиненко 2015].

Обратившись к взятым в качестве примера прозаическим произведениям аргентинского писателя XX в. Хулио Кортасара, мы увидим различные дискурсивные реализации указанной онтологической метафоры. Так, в рассказе «Аксолотль» она получает непосредственное выражение во фразе «Теперь я аксолотль» – *Ahora soy un axolotl* [Cortázar 2016 I], указывая на «присвоение» героем повествования хтонических черт древнего земноводного.

В рассказе «Дальняя» имя фантомной сущности *другой* Алины Рейес объективируется в аналогичной когнитивной структуре, где сфера цели выражена подлинным антропонимом героини, а ее источник – анаграммой, представляющей скрытую, «инобытийную» номинацию персонажа: *Alina Reyes es la reina y...* [Ibid.]. Отметим, что наряду с предикатом *reina* отсылкой к еще одному *не-я* расколотого сознания Алины (*y...*) становится метафорический апеллятив *lejana*, ставший тайным именем для ее новой личности.

В «*Cartas de mamá*» [Ibid.] актуализация названной концептуальной метафоры позволяет автору реализовать сюжетный фрейм, включающий слот отождествления живого и мертвого. Он представлен путем исправления в письмах имени брата, долгие годы не произносимого ни сбежавшим с его невестой в Париж Луисом, ни ставшей его женой Лаурой. Табуированное имя *Nico*, о котором мама неожиданно стала писать, как о живом, было заменено на имя здравствующего дяди – *Victor*. Однако «стертый» *Nico* не исчезает и не утрачивает собственной идентичности, став *другим*. Его тайное имя проявляется как палимпсест, профилируя общие свойства с отмеченным источником метафоризации: три одинаковые буквы, вновь наводящие на мысль об анаграмме, а главное, сходную этимологию двух имен, означавших на латинском и на греческом «победитель».

Следует отметить, что указанная концептуальная метафора может получать и интертекстуальную интерпретацию, расширяя сферу-источник за счет референции к иным текстам и дискурсам [Литвиненко 2008]. Так, в уже упомянутом рассказе «Аксолотль» апеллятив *axolotl*, данный в архаизированной, а не современной форме *ajolote*, прочитывается как элемент культурно-языкового кода Мезоамерики, ее религиозного и мифологического дискурсов. А кроме того, он является анаграммой тайного в границах рассказа имени бога смерти Шолотля (*axólotl* → *Xólotl*), чьей водной инкарнацией как раз и был аксолотль.

Актуализацией сходной когнитивной структуры, чья сфера-источник интегрирует несколько концептов, а скрытое имя анаграмматически отсылает к двум субъектам, является рассказ «*El perseguidor*» [Ibid.]. В нем автор, анализирующий тему личности творца и природы творчества, выбирает для своего главного героя имя *Johnny Carter*, тем самым заменяя указанное в претексте имя реального прототипа: *In memoriam Ch. P.* (→ *Charlie Parker*). Очевидно, что взятые, как и в приведенном эпитафии, первые буквы нового имени героя (*J. C.*), могут служить отсылками одновременно к двум онимам: теониму *Jesús Cristo* – создателю всего сущего и *Julio Cortázar* – демиургу того мира, о котором повествует произведение.

На правомерность сакральной аллюзии в тексте указывает не только строка из Апокалипсиса, ставшая еще одним эпитафием произведения, но и иные цитаты из

Библии, в том числе сравнение другого персонажа, Бруно, – автора книги (*βιβλίον*) о Джонни Картере, как об истинном творце, с «евангелистом».

С данной атрибуцией, получающей в рассказе скорее негативные коннотации, связана проблема подлинности слова и (не)преднамеренных искажений жизнеописаний, комментариев, оценок, и таким образом самого мира дискурса как отражения внеязыковой реальности. Ее вариантом становится проблема вытеснения, стирания подлинных имен и их замена на я-номинации писателя-преследователя. Неслучайно поэтому Джонни (который и сам, судя по имени и некоторым другим деталям текста, является преследователем Абсолюта), прочитав книгу о себе, говорит Бруно о том, что в ней не хватает самого главного – его самого: *¿Que faltan cosas, Bruno? Ah, sí, te dije que faltaban cosas. ... de lo que te has olvidado es de mí [Ibid.]*.

Отметим, что метафорическое обыгрывание прецедентного имени, включающего инициалы J. и C., нашло продолжение и в более позднем произведении автора – рассказе 1974 г. “Los pasos por las huellas” [Cortázar 2016 II].

При очевидных различиях он обнаруживает много общего с рассмотренным выше текстом, причем не только в сюжете, но и на собственно вербальном уровне. Так, оба рассказа включают неожиданно лакунарное в прозе Х. Кортасара существительное *perseguidor* (достаточно сказать, что в главном романе писателя “Rayuela”, насчитывающем несколько сотен страниц, оно не встречается ни разу).

И в первом случае, где это слово становится метафорическим титульным термином, и во втором, где оно связано с ситуативной оценкой персонажа – *el poeta y su perseguidor* [Ibid.] – речь идет о вторичности любого, даже самого талантливого интерпретатора, и в то же время о конфликте, в котором сильное творческое не-я опасно вытесняет я субъекта, посвятившего свою жизнь другому.

Стоит также обратить внимание на то, что название второго рассказа можно рассматривать в качестве дескрипции, объясняющей значение ключевой лексемы обоих текстов: *‘perseguidor’ es el que da pasos por las huellas (del otro)*. Объединяют рассказы и интертекстуальные отсылки к Дилану Томасу, чья строка, взятая в качестве эпиграфа к “El perseguidor” – *O make me a mask!* – содержательно чрезвычайно близка к сюжету “Los pasos por las huellas”.

Что же касается самого названия рассказа 1974 г., то его, на наш взгляд, можно интерпретировать как парафраз библейского фрагмента *1 Pedro 2:21*, данного в разных переводах как:

Pues para esto fuisteis llamados; porque también Cristo padeció por nosotros, dejándonos ejemplo, para que sigáis sus pisadas [Biblia RVR1960],

Para esto fueron llamados, porque Cristo sufrió por ustedes y les ha dado ejemplo para que sigan sus pasos [Biblia NVI] или

Precisamente a eso han sido llamados: a seguir las huellas de Cristo, que, padeciendo por ustedes, les dejó un modelo que imitar [Biblia BLPH].

Отметим, что цитата, призывающая избранных идти по стопам, следуя за Творцом и подражая ему, позволяет, наконец, дать объяснение и именам героев, отсылающим сочетанием своих первых букв – *Jorge (Fraga)* и *Claudio (Romero)* – к создателю мира и к создателю текста.

Говоря же, собственно, о сюжете как о месте и способе развертывания онтологической метафоры я – это другой, снова укажем, что дополнительные интертекстуальные коннотации она получает при сопоставлении с рассказом “El perseguidor” как с претекстом.

Сравнение рассматриваемых произведений позволяет утверждать, что, решая написать парадную биографию, своего рода светское житие Клаудио Ромеро, *преследователь* из второго рассказа Хорхе Фрага фактически *идет по стопам* евангелиста-Бруно. А его собственные *шаги по следам* признанного классика национальной литературы приводят к созданию слащаво-фальшивой книги, где, как и в случае с биографией Джонни Картера, не хватает самого невыдуманного Ромеро. В результате, однако, красивый миф о поэте разрушает все «слишком человеческое», что заключено в нем самом и в стремящемся пройти его путь теряющем собственную идентичность биографе:

Ahora alcanzaba desde lo más hondo su identidad con Claudio Romero, que nada tenía que ver con lo sobrenatural. Hermanos en la farsa, en la mentira esperanzada de una ascensión fulgurante, hermanos en la brutal caída que los fulminaba y destruía. Clara y sencillamente sintió Fraga que cualquiera como él sería siempre Claudio Romero, que los Romero de ayer y de mañana serían siempre Jorge Fraga. Tal como lo había temido una lejana noche de septiembre, había escrito su autobiografía disimulada [Ibid.].

Судьба и имя *другого* становятся единственной реальностью, превращающей различия в тождества, подлинное в симулякр, события в дискурс. И все же скрытое имя произносится не напрасно. Переставая быть тайным и делаясь *узнанным*, оно изменяет мир и знания о нем, добавляет знаки в текст бытия, превращая метафору *другого* в средство познания тайн о самом себе.

Литература

Литвиненко Т.Е. Метафора в религиозном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 5 (716). С. 79-88.

Литвиненко Т.Е. Метафоры интертекста // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Т. 20. С. 175-181.

Biblia RVR1960 – Biblia Reina-Valera // <https://www.biblia.es/reina-valera-1960.php>.

Biblia NVI – Biblia Nueva Versión Internacional // <https://www.biblegateway.com/versions/Nueva-Version-Internacional-Biblia-NVI>.

Biblia BLPH – Biblia La Palabra (versión latinoamericana) // <https://www.bible.com/es/versions/28-BLPH-la-palabra-version-hispanoamericana>.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago. University of Chicago Press. 1980.

Cortázar J. Cuentos completos I (1945-1966). México: Debolsillo, 2016.

Cortázar J. Cuentos completos II (1969-1982). México: Debolsillo, 2016.

*Т.Е. Литвиненко (Иркутск, Россия)
Иркутский государственный университет*

THE SECRET NAME AS AN INTERTEXTUAL METAPHOR

The article discusses the problem of the conceptual metaphor *I am another* and its representation in the modern Latin American prose, examines the role of proper names in the process of metaphor creation, reveals the intertextual potential of the metaphorical concept and its connection with religious and mythological discourses.

Key words: ontological metaphor, cultural and linguistic code, artistic discourse, proper name, intertext.

МЕТАФОРА В ПОДЪЯЗЫКЕ РАБОТНИКОВ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ¹

В статье фокусируется внимание на исследовании когнитивных аспектов мышления работников гидроэнергетической отрасли. Анализ позволяет сделать вывод о преобладании образного характера языкового мышления у специалистов данной сферы. Идентификация человека с машиной оказывается полезной для более глубокого понимания сложной структуры гидроэлектростанции и ее компонентов. Механистическая метафора позволяет более полно раскрыть физический и интеллектуальный потенциал человека, таким образом проецировать на человека более широкие возможности машин.

Ключевые слова: профессиональный подъязык, метафора, термин, профессионализм, профессиональная языковая картина мира, концепт.

В сфере инженерно-технических профессий, где сложные концепции и абстрактные идеи тесно переплетаются с практическими решениями, метафора играет важную роль в формировании и структурировании ментального пространства специалистов. Инженеры, работая над сложными технологическими проектами, используют метафоры, чтобы передать и понять определенные концепции и процессы с максимальной ясностью и эффективностью. Особенности образования и функционирования метафорических номинаций в подъязыках технических отраслей были исследованы в работах лингвистов: Д. З. Гайнутдинова [Гайнутдинова, 2012], Н. Р. Латыпов, [Латыпов, 2007], С. Л. Мишланова [Мишланова, 2002], И. Г. Хухуни [Хухуни, 2022] и др. Однако, несмотря на широкое применение метафор в инженерии, их роль и вклад в ментальное пространство специалистов до сих пор остается малоизученным аспектом. При использовании метафорических единиц в профессиональном подъязыке специалисты проявляют способность рационально отбирать атрибуты, представляющие объект, субъект или явление, минимизирующие при этом использование описательных средств [Ивина, 2003, с. 136].

Гидроэнергетическая отрасль в российской экономике играет существенную роль в обеспечении энергетической безопасности и снижении зависимости от импорта иностранной энергии. Кроме этого, развитие гидроэнергетического сектора способствует достижению устойчивого экономического роста и содействует региональному развитию благодаря созданию новых рабочих мест и привлечению инвестиций.

Все это подчеркивает важность изучения профессионального подъязыка сотрудников гидроэлектростанций. Коммуникативные навыки персонала ГЭС важны для планирования и координации операций, обмена информацией, а также для обеспечения надлежащего технического обслуживания и решения проблемных ситуаций на гидроэлектростанциях. Подъязык сотрудников гидроэнергетической отрасли представляет собой иерархию различных по структуре типов языковой деятельности, одним из которых является метафоризация.

Изучение метафоры в подъязыке сотрудников гидроэлектростанций является актуальным, поскольку помогает в понимании, какие концептуальные рамки и

¹ Участие в конференции осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» № 20230615-03790.

представления лежат в основе мышления и действий важной для страны инженерной отрасли. Анализ может также способствовать улучшению обучения и обмену знаниями в гидроэнергетической отрасли, создавая общую терминологию и понимание между различными специалистами. Это исследование влияет на разработку эффективных образовательных программ, адаптированных к специфике работы в этой отрасли.

Цель данной статьи – анализ специальных единиц метафорического образования, являющихся базой для создания профессионального ментального пространства работников гидроэнергетической отрасли. Источниками исследования послужили тексты разных жанров (ГОСТы, словари, отраслевые журналы), а также данные, собранные с помощью социолингвистических опросов сотрудников крупных гидроэлектростанций России.

Начать анализ необходимо с верхнего регистра профессионального подъязыка – терминологии. В изучаемом подъязыке важное место занимают термины метафорического образования, изучение которых позволяет проследить реализацию закона целостности и равновесия языковой системы. К терминам-метафорам относим однословные термины и терминологические сочетания, включающие словосочетания, метафоризированные единой структурой. Несмотря на характерное явление стилистического снижения лексического состава, некодифицированные лингвистические единицы, проникая в сферу профессионального подъязыка, теряют стилистическую окрашенность и приобретают нейтральный характер, переходя из категории профессионализмов в термины, формирующиеся на основе метафорического образования. Примеры: *подпятник*; *гидроузел*; *каскад гидроэлектростанций*; *ячеистая плотина*; *ядро* и др. Завершение процесса терминологизации данных профессионализмов зафиксировано в ГОСТе, где данные лексемы отмечены как нормативные, рекомендуемые [ГОСТ 19185-73].

В результате анализа специальной лексики профессионального подъязыка сотрудников гидроэнергетической отрасли, включающего изучение их структуры, выделены следующие метафорические структуры.

– Полная метафоризация (метафорический компонент + метафорический компонент), например, *ключ арки*, *пята арки*, *сердце матери* и др.

– Частичная метафоризация (метафорический компонент + неметафорический компонент), например, *глухая плотина*, *гребень плотины*, *тело плотины* и др.

– Частичная метафоризация (неметафорический компонент + метафорический компонент), например, *гидрогенератор зонтичный*, *гидрогенератор тихоходный*, *рабочее колесо* и др.

Обращаясь к нижнему регистру подъязыка гидроэнергетической отрасли, отметим, что метафоризация в изучаемом подъязыке происходит на основе переноса по местоположению (*подполье*); по производимому впечатлению (*бенгальский*); по форме (*шайба*); по функции (*клизма*) и др.

Специальную лексику метафорического образования можно разделить на следующие группы:

1. Антропоморфные метафоры: *мозг ГЭС*, *сердце ГЭС*, *жена*.
2. Бытовые метафоры: *бочка*, *ворота шлюза*, *кастрюля*, *седло плотины*, *утюг*, *штаны*.
3. Зооморфные метафоры: *лапа*, *змея*.
4. Ботанические метафоры: *солома*, *поле*.
5. Архитектурные метафоры: *арка*, *крыша*.

В ходе анализа образного слоя концепта *гидроэлектростанция* выявлены три когнитивные модели, которые в профессиональном подъязыке представлены группами таких концептуальных метафор, как: 1) *ГЭС – живое существо*; 2) *ГЭС – дом*; 3) *ГЭС – часть природы*. Анализируя структуру и содержание концепта гидроэлектростанции, можно выделить несколько дихотомий, которые актуализируются в этом контексте. В частности, наблюдается противопоставление «неживого» и «живого», которое восходит к самой сути данной концепции. Создание гидроэлектростанции включает в себя внедрение и управление нетворческой, неживой энергетической системой в живую и преобразующуюся природную среду. Эта дихотомия выделяет не только технический и природный аспекты, но и подчеркивает существующую взаимосвязь и воздействие между ними. Другая дихотомия, выделяющаяся в структуре концепта, это противопоставление «сложного» и «простого». Гидроэлектростанция является комплексной и технически сложной системой, требующей инженерных и проектных решений для ее эффективной работы. Однако при более глубоком изучении концепта гидроэлектростанции, становится понятно, что он основан на простых принципах и физических законах, которые определяют преобразование потенциальной энергии в кинетическую с помощью воды в движении. Третья дихотомия, возникающая в контексте гидроэлектростанции, – «рукотворное» и «природное».

Эти дихотомии в структуре и содержании концепта гидроэлектростанции выполняют важную роль в ее понимании и концептуализации. Они помогают специалистам в инженерной отрасли осознать сложность и взаимодействие между различными аспектами системы, а также определить влияние человеческого вмешательства на природную среду.

Таким образом, исследование роли метафоры в профессиональном языке сотрудников гидроэнергетической отрасли позволяет увидеть, как метафорические выражения способствуют более глубокому пониманию и моделированию сложных процессов и механизмов, характерных для данной отрасли. Исследование роли метафоры в профессиональном языке сотрудников гидроэнергетической отрасли демонстрирует не только важность анализа метафорического образования в профессиональных дискурсах, но и привлекает внимание к когнитивным аспектам языка, влияющим на процессы понимания и моделирования профессиональной действительности. Эти результаты могут быть полезны для разработки эффективных коммуникационных стратегий и обучения в гидроэнергетической отрасли, где точное и четкое понимание сложных технических процессов является основой успешной работы.

Литература

Гайнутдинова Д.З. Термин-метафора архитектурно-строительного подъязыка: системно-структурный и когнитивно-дискурсивный подходы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2012.

ГОСТ 19185-73. Гидротехника. Основные понятия. Термины и определения. М.: Государственный комитет стандартов совета министров СССР, 1974.

Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учебно-методическое пособие. М.: Академический проект, 2003.

Латыпов Н.Р. Особенности межъязыкового изоморфизма метафорической номинации: на материале русского и английского вариантов профессионального подъязыка авиации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2007.

Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2002.

Хухуни И.Г. Формирование новой научно-технической терминосистемы (на материале беспилотных летательных аппаратов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022.

A.E. Mezit (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

METAPHOR IN THE SUBLANGUAGE OF EMPLOYEES OF THE HYDROPOWER INDUSTRY

The article focuses on the study of cognitive aspects of the thinking of employees of the hydropower industry. The analysis allows us to conclude that the predominance of the figurative nature of language thinking among specialists in this field. Identification of a person with a machine turns out to be useful for a deeper understanding of the complex structure of a hydroelectric power plant and its components. The mechanistic metaphor makes it possible to more fully reveal the physical and intellectual potential of a person, thus projecting wider possibilities of machines onto a person.

Key words: professional sublanguage, metaphor, term, professionalism, professional language picture of the world, concept.

A.П. Миньяр-Белоручева (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ostvera@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В фокусе данного исследования находится метафорическое восприятие холодной войны, которая осмысливается через призму концептов разных областей жизни и деятельности человека. Концептуальные метафоры, расширяющие горизонты познания, являются одним из средств формирования общественного мнения и манипуляции сознанием масс.

Ключевые слова: концептуальная метафора, холодная война, историческая ретроспектива.

На протяжении тысячелетий ученые стремились понять сущностную природу метафор, способную убеждать без аргументов, посредством ярких образов, создающих устойчивые ассоциативные связи, изменять восприятие мира, предопределяя мнения и устремления масс. Многочисленные постоянно создающиеся теории раскрывают новые грани данного сложного феномена, направленного на категоризацию и концептуализацию не только мира настоящего, но и мира исторического прошлого, являясь средством их осмысления. Теория концептуальных метафор [Лакофф, Джонсон 2004] относится к одной из наиболее широко распространенных в научных кругах современности. Будучи единицей мышления, концептуальная метафора рассматривается как когнитивный механизм, объединяющий две понятийные сферы, одна из которых сфера-источник, базирующаяся на ментальном или физическом опыте человека, проецируется на абстрактную сферу-цель [Лакофф, Джонсон 2004: 10], создавая новые понятия по аналогии с уже существующими или объясняя новые институциональные структуры, возникающие в обществе по мере его развития. При этом стержневой материал сферы-источника не растворяется в абстрактных понятиях сферы-цели, а оставляет в ней свой след, программируя человека на принятие

необходимых решений [Lakoff 1990]. В латеральной манипулятивности воздействия метафоры исследователи видят ее силу. Не навязывая готовую мысль, метафора подводит к формулированию заданных ею проблем и принятию соответствующих решений. Посредством видения «одного объекта через другой <метафора> является одним из способов репрезентации знака в языковой форме» [Кубрякова 1996: 55]. Создавая емкий образ, основанный на ярких, зачастую неожиданных ассоциациях, метафора через язык «как продукт культуры» [Безкоровайная, Ломакина, Макарова 2017] реализует устойчивую вербализованную форму, включающую образно-ассоциативную систему смыслов, значений, формирующихся на основе скрытых операций в сознании личности. Концептуальная метафора открывает окно в мышление человека [Лакофф, Джонсон 2004], особенность которого заключается в том, что без опоры на имеющиеся знания и опыт, он не в состоянии «выделить чистое понятие», исходя исключительно из абстрактного. Шарль Балли, подчеркивая данную специфику человеческого мышления, писал: «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других» [Балли 2001: 221]. Таким образом, базовым источником знаний, составляющим концептуальную сферу метафоры, является взаимодействие человека с окружающим миром, способствующее категоризации действительности в виде простых когнитивных структур [Лакофф, Джонсон 2004], необходимых для осуществления метафорических проекций.

Следует отметить, что отношение к метафоре в течение веков было неоднозначным. Так, философы XVII в. считали недопустимым использование метафор при передаче знаний. Джон Локк рассматривал метафоры как чистый обман, считая, что они могут «лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок» [Локк 1985: 567]. Однако несмотря на то, что Томас Гоббс уподоблял метафоры блуждающим огням, считая, что рассуждать при их помощи – значит бродить среди бесчисленных нелепостей» [Гоббс 1936: 63], для концептуализации новой формы публичной власти – государства, он обратился к ним. Функции новой формы политического устройства общества – национального государства философ объяснял через призму человека, возведя метафору BODY-POLITIC – ГОСУДАРСТВО-ЭТО ЧЕЛОВЕК в ранг базовых. Данная прецедентная метафора, впервые использованная философом Солоном в VI в. до н.э для упрощения восприятия нового феномена, развивалась и расширялась, обрастая новыми смыслами, воплощая в себе весь груз человеческого бытия для того, чтобы донести до современников специфику новой политической структуры, в которой им предстояло жить. В эпоху расцвета механики Томас Гоббс соотнес абстрактное понятие государства с механическим человеком, названным им Левиафаном, основная задача которого заключалась в защите людей. Созданный философом метафорический образ государства обобщил реальные функции этой сложной структуры, одновременно позволив человеку самоутвердиться в ней. Посредством языка Томас Гоббс сформировал метафорические модели нового институционального образования, категоризировав ментальные структуры восприятия государства, концептуализировав его ключевые понятия на века, осуществив когнитивные переносы через язык. Ассоциативно-образная природа метафоры позволяет передать большой объем новой информации, которая легко воспринимается и усваивается. Правомерность метода, использованного Т. Гоббсом, была научно доказана триста лет спустя, когда было установлено, что концепты разного уровня сложности и абстракции [Болдырев 2021] формируют метафоры, являющиеся механизмом, посредством которого организуется реальность. В XVIII в.

антропоцентрическая метафора BODY POLITIC получила дальнейшее развитие в трудах Жан-Жака Руссо, который рассматривал государство как живого человека, идущего от колыбели к смерти: “The body politic, like the human body, begins to die from its birth” [Safire 2008: 68]. Со сменой парадигм происходит смена формы публичной власти и ее метафорического восприятия. Образование и развитие национальных государств, начавшееся в 1648 с заключения Вестфальского мира и завершившееся к концу XVIII в., потребовало введения новой концептуализированной структуры их восприятия. Концептуальная метафора NATION AS A PERSON, заимствовавшая все функции метафоры BODY-POLITIC, не заменила свою предшественницу, которая перешла в разряд конвенциональных, а функционировала наряду с ней, активно употребляясь в политическом дискурсе до конца 80-х гг. XX в.. когда в силу сложившихся обстоятельств начался демонтаж национального государства – «ограничителя капитала», представленный метафорическим образованием FADING AWAY A NATION-STATE, реконструкция которого наблюдается сейчас.

Необходимо подчеркнуть, что проблема обеспечения безопасности государства не только в реальном, но и когнитивном пространстве всегда выступала на первый план. Метафорические конструкторы BODY-POLITIC и NATION AS A PERSON могли чувствовать себя неуязвимыми только в STRUCTURE, в здании, которое на концептуальном уровне было воздвигнуто «архитекторами безопасности» на Венском конгрессе в 1815 г. Во второй половине XX в. разделившееся на две части ЗДАНИЕ–STRUCTURE, в виде метафорических ДОМОВ–КОНТЕЙНЕРОВ–CONTAINERS просуществовало в течение сорока шести лет, олицетворяя противостояние двух супердержав периода холодной войны. Стимулом для создания метафоры CONTAINER, определившей эпоху и развившейся в CONTAINMENT–СДЕРЖИВАНИЕ, ставшей на десятилетия ключевой в политическом дискурсе и давшей название политической доктрине – Doctrine of Containment, послужила третья инаугурационная речь президента Франклина Делано Рузвельта, в которой он подчеркнул, что “A nation, like a person, has a body – a body that must be fed and clothed and housed, invigorated and rested, in a manner that measures up to the objectives of our time” [Roosevelt 1941]. Таким образом, метафорический ряд: STATE-IN-A-CONTAINER–ГОСУДАРСТВО В КОНТЕЙНЕРЕ–ГОСУДАРСТВО-КОНТЕЙНЕР–ДОМ-КОНТЕЙНЕР, концептуально сопрягалась с метафорическим обеспечением безопасности – security. Метафоры, направленные на предотвращение security leakage, security penetration, external threats на когнитивном уровне требовали обеспечения устойчивой системы охраны государства, что фактом внешней политики США. Метафорически созданная атмосфера страха, в реальной действительности приводила к увеличению межконтинентальных баллистических ракет, потенциально повышающих опасность ядерного конфликта между супердержавами XX в., что на концептуальном уровне также требовало защиты ДОМА–КОНТЕЙНЕРА–CONTAINER. Метафора, репрезентировавшая американский дом на одну семью, включающий BACKYARD, маркировала государства к югу от границы США, как незащищенный приусадебный участок «эталона демократии», давая право западной супердержаве размещать на этой территории крылатые ракеты для «защиты дома своего», импонировала американским политикам [Chilton, Lakoff 1989]. Однако с очередной сменой парадигм в политике, проявившейся в слиянии административной системы с шоу бизнесом, когда актеры начали занимать государственные посты, метафорический ландшафт холодной войны также претерпел изменения, конкретизировав неопределенное концептуализированное STRUCTURE–СТРОЕНИЕ как THEATRE–ТЕАТР. Рональд Рейган, первый профессиональный актер, ставший

президентом США, использовал свои театральные навыки, чтобы восстановить доверие граждан в своей стране и озадачить своих оппонентов: “through the successes in the theater that was the Cold War <...>. Like all good actors, <Reagan> brought the play at last to an end” [Gaddis 2005: 197], подведя холодную войну к ее окончанию.

Следует отметить, что парадигмальные сдвиги приводят к смене метафор, концептуализирующих не только настоящее, помогая заглянуть за «горизонт мыслимого», но и прошлое, которое постоянно напоминает о себе, расширяя окружающее пространство и является базой метафорического политического ландшафта современности.

Литература

- Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Безкоровайная Г.Т., Ломакина О.В., Макарова А.С.* Лингвокультурологический потенциал фразеосимвола: общее и национально-специфическое (на материале фразеологизмов с компонентом-символом МЕЧ/SWORD/LE GLAIVE в русском, английском и французском языках) // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 6-10.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Гоббс Т.* Левиафан. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
- Кубрякова, Е.С., Демьянков В. З., Панкарь Ю. Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.
- Лаккофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
- Локк Дж.* Соч. в 3-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1985.
- Chilton P., Lakoff G.* Foreign policy by metaphors // CRL. Newsletters. 1989. V. 3. 5. P. 5-19.
- Gaddis J.L.* The Cold War. L.: Penguin Book, 2005.
- Roosevelt F.D.* Third Inaugural address. Washington D.C., January 20, 1941. URL: http://www.emersonkent.com/speeches/inaugural_address_third_fdr.htm (accessed 06.06.2023).
- Safire W.* Safire's Political Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2008.

*A.P. Minyar-Beloroucheva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

CONCEPTUAL METAPHORS WITHIN THE COLD WAR DISCOURSE IN HISTORICAL RETROSPECTIVE

The research is focused on the metaphorical representation of the Cold War, which is perceived through the concepts of different fields of human life and activities. Conceptual metaphors, which expand the horizons of knowledge, are effective means of both shaping public opinion and mass consciousness manipulation.

Key words: conceptual metaphors, Cold War, historical retrospective.

*А.А. Мотожанец (Ростов-на-Дону, Россия)
Южный федеральный университет
aamotozhanets@sfnedu.ru*

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА)

Статья посвящена рассмотрению случаев реализации грамматической метафоры в английском языке на материале форм длительного вида. Показано, что грамматическая метафоризация обусловлена актуализацией семантических, прагматических компонентов и когнитивных аспектов значения длительного вида и их различных комбинаций.

Ключевые слова: грамматическая метафора, формы длительного вида, компоненты значения, транспозиция.

Изучение феномена метафоры имеет долгую историю. Исследования природы и сущности метафоры восходят своими корнями к античности, и за долгое время исследователи прошли несколько этапов осмысления данного явления – от стилистической до когнитивной теории метафоры. Вместе с тем, следует заметить, что в исследовании метафоры прослеживается предпочтение лингвистов заниматься явлениями лексического порядка, в то время как грамматические проявления данного феномена зачастую остаются без должного внимания. При том, что грамматическая метафора становилась объектом исследования отечественных и зарубежных лингвистов [Шендельс 1972; Масленникова 2006; Хахалова 2015; Halliday 1985], данный аспект теории метафоры нуждается в дальнейшем осмыслении. В свете интереса современной лингвистики к изучению языковой картины мира, вопросам отражения в языке национального менталитета и мировосприятия, исследования грамматических явлений как средств выражения этнокультурной специфики языкового сообщества приобретают особую актуальность.

В отечественной лингвистике понятие грамматической метафоры было введено в научный обиход Е.И. Шендельс. Основным признаком грамматической метафоры, по мнению автора, является нарушение грамматической узуральности [Шендельс 1972]. Иными словами, реализация грамматической метафоры основана на транспозиции языковых форм, вследствие которой происходит «интенциональный семантический сдвиг» [Осокина 2012: 283]. Источником грамматической метафоризации как правило становится контраст между грамматической формой и окружающим контекстом – как языковым, так и внеязыковым. Кроме того, диссонанс между лексическим наполнением самой формы и ее грамматическим значением может стать основой грамматической метафоры [Масленникова 2006]. В настоящей статье мы рассмотрим примеры реализации грамматической метафоры на материале форм длительного вида в английском языке и попытаемся проследить, какие свойства и компоненты значения длительного вида способствуют созданию грамматической метафоры.

Примером грамматической метафоры, которая наиболее часто попадает в поле зрения исследователей, является употребление так называемого настоящего исторического – *praesens historicum*. Исследователи отмечают мощную стилистическую окрашенность, присущую настоящему историческому. Так, Г.Н. Россихина, например, связывает реализацию настоящего исторического с «субъективным смещением времени» [Россихина 1995: 7]. Несколько иную трактовку находим у Г.А. Золотовой: автор полагает, что настоящее историческое дает возможность автору повествования визуализировать описываемые события [Золотова 1982]. С.А. Хахалова отмечает, что

в основе воздействующего потенциала *praesens historicum* лежит когнитивный механизм. В момент трансляции информации о событиях прошлого в языковом сознании говорящего происходит активизация нейронного соединения, что свидетельствует о значимости конкретной жизненной ситуации для человека [Хахалова, 2015].

Следует заметить, что реализация настоящего исторического в английском языке может вовлекать употребление различных видовременных форм, в частности форм длительного вида английского глагола. Однако, на наш взгляд, именно сочетание форм длительного вида со свойствами настоящего исторического в наибольшей степени способствует проявлению эмоционально-экспрессивных оттенков. Данный эффект объясняется наложением друг на друга похожих свойств, которыми обладают формы длительного вида, с одной стороны, и настоящее историческое как форма транспозиционного переноса, с другой. Так, способность подчеркивать актуальность действия и передавать эмоциональную вовлеченность субъекта высказывания составляет существенную часть прагматического потенциала форм длительного вида в английском языке [Мотожанец 2009]. Кроме того, указание на перцептивно-когнитивного субъекта, т.е. фигуру Наблюдателя [Верхотурова 2012], «встроено» в значение длительного вида. Таким образом, при наложении свойств длительного вида на функции настоящего исторического стилистический эффект усиливается. Проиллюстрируем данный эффект следующим примером:

*“It happened, then. A kiss that **developed** into a longer one, a breathless one down on the floor among the chairs ... In my mind the kiss **becomes** an urgent, panting undignified scramble. There **is** saliva on my chin and I **can taste** her lipstick. We **are fumbling, clutching, squeezing. I’m pawing** at the buttons on her blouse and **she’s not stopping** me...” [Wallace 1998: 54].*

Грамматическая метафора становится центральным стилистическим приемом в основе описания страстной романтической сцены. Изменение грамматических форм глаголов сказуемых маркирует нарастающее эмоциональное напряжение. В начале описываемой сцены повествование ведется при помощи форм прошедшего времени общего вида, затем повествование переходит в форму *praesens historicum*, и когда накал страстей достигает своей кульминации, происходит переключение на формы длительного вида.

Многие исследователи отмечают, что в современном английском языке происходит неуклонное расширение сфер приложения форм длительного вида, в том числе и на уровне сочетаемости. Употребление глаголов состояния, желания, восприятия в формах длительного вида активно входит в обиход носителей языка и перестает быть нарушением грамматических норм [Удинская 2019]. При этом в результате наложения контрастирующих друг с другом грамматических свойств длительного вида и лексического значения глагола возникает благоприятная ситуация для проявления эмоционально-экспрессивных оттенков значения формы.

Так, реализацию грамматической метафоры мы можем наблюдать при сочетании форм длительного вида с бытийными глаголами, в частности, с глаголом *to be*. Традиционно такое сочетание трактуется как создание качественной характеристики субъекта в определенный момент времени. Например:

“I am saving you! I am being your friend!” (мультипликационный фильм “Home” (<https://movie-sounds.org/cartoon-samples/quotes-with-sound-clips-from-home-2015/i-am-saving-you-i-am-being-your-friend>))

В данном примере в основе грамматической метафоры лежит представление стативного признака, обозначающего состояние, или скорее статус (*быть другом*), как

признака динамического (*вести себя как подобает настоящему другу*). Сиюминутный характер поведения субъекта обусловлен значением ограниченности временного диапазона действия, заложенным в семантическом потенциале длительного вида [Мотожанец 2009]. Помимо темпоральных характеристик в данном случае на передний план также выходит наличие в значении длительного вида указания на фигуру Наблюдателя. Приведенный выше пример интересен тем, что в данном случае роли наблюдателя и объекта наблюдения совпадают – субъект речи анализирует свое собственное поведение и озвучивает субъективную интерпретацию происходящего. Таким образом, состояние, или скорее пребывание субъекта в некоем статусе, представлено как контролируемое действие, течение которого находится во власти субъекта. Глаголы в форме длительного вида, в том числе бытийный глагол *to be*, играют ключевую роль в передаче субъективной оценки.

Итак, рассмотрев примеры грамматической метафоры, реализованные при помощи глагольных форм длительного вида в английском языке, мы можем сделать важный вывод. Помимо контраста основных категориальных значений с контекстом употребления формы, грамматическая метафоризация основана на актуализации различных компонентов значения длительного вида – семантических, прагматических, когнитивных. Причем комбинация компонентов, которые выходят на передний план в каждом случае реализации грамматической метафоры, могут быть различными.

Литература

Верхотурова Т.Л. Наблюдатель в грамматике (семантика неличных форм глагола в контексте модуса восприятия) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 59-63.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Масленникова А.А. Особенности грамматической метафоры // Метафоры языка и метафоры в языке: коллективная монография. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 21-44.

Мотожанец А.А. Функциональный потенциал видо-временных форм глагола в современном английском языке (на материале категориальных форм Continuous). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009.

Осокина Н.Ю. Некоторые случаи грамматической метафоры в английском и русском языках: сходства и различия // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 282-287.

Россихина Г.Н. Исторический презенс как объект стилистической грамматики. Брянск: Изд-во Брянск. гос. пед. ун-та, 1995.

Удинская А.Г. Стилистические транспозиции видо-временных форм английского глагола // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2019. Т. 15, Вып. 1-2 (43-44). С. 58-73.

Хахалова С.А. Грамматика метафоры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. 10 (721). С. 105-119.

Шендельс Е.И. Грамматическая метафора // Филологические науки. 1972. № 3. С. 48-57.

Halliday M.A.K. Introduction to functional grammar. London: Arnold. 1985.

Wallace C. The Pied Piper's Poison. London: Flamingo, 1998.

A.A. Motozhanets (Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University

TOWARDS GRAMMATICAL METAPHOR IN THE ENGLISH LANGUAGE (BASED ON THE CATEGORY OF CONTINUOUS)

The article looks at grammatical metaphor in the English language based on Continuous tense-aspect forms. Grammatical metaphor is viewed as based on a combination of semantic, pragmatic and cognitive components actualized in each case.

Key words: grammatical metaphor, the category of Continuous, transposition.

*Ван Мэнмэн (Шэньчжэнь, Китай)
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
1223996532@qq.com*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОНИМАНИИ КИТАЙСКОГО ИНТЕРНЕТ-ВЫРАЖЕНИЯ “内卷” (НЭЙЦЗЮАНЬ)

Актуальность исследуемой темы обусловлена бурным ростом китайских интернет-пользователей и широким использованием интернет-лексики в современном китайском языке. В ходе исследования были перечислены виды метафоры в китайском интернет-языке, определены основные сферы использования интернет-выражения “内卷”(нэйцзюань), выявлен процесс метафоризации значения изучаемого выражения. Результаты исследования представляют практическую пользу для межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: метафора, интернет-язык, интернет-выражение, Китай, “内卷”.

Метафора играет важную и неотъемлемую роль в человеческом познании. В современной лингвистике метафора рассматривается не только как семантический процесс, но и как «основополагающий когнитивный процесс, без которого было бы невозможно получение нового знания» [МакКормак 1990: 380]. Особое место в понимании метафоры как когнитивного механизма занимают исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Они рассматривают метафору как «механизм создания новых значений и новой реальности в нашей жизни» [Лакофф, Джонсон 2017: 218]. По их мнению, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели», или «мишени» (target domain) [Лакофф, Джонсон 2017: 9]. Сфера источника – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Сфера цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание [Бананов 2017: 10]. Иными словами, когнитивный принцип метафоры в самом общем виде есть способ понимания одной вещи в терминах другой, она выполняет функцию обеспечения понимания, основываясь на ассоциациях по сходству. В данной работе рассматривается вопрос о роли концептуальной метафоры в понимании китайского интернет-выражения “内卷” (нэйцзюань).

Согласно официальным данным («Отчет о развитии цифрового Китая»), по состоянию на декабрь 2022 г. количество интернет-пользователей в Китае достигло 1,067 миллиарда, а уровень проникновения интернета достиг 75,6% [Отчет о развитии цифрового Китая 2022]. Благодаря удобству и быстрой скорости распространения некоторые интернет-слова за одну ночь становились известными и популярными среди интернет-пользователей, поэтому в Китае их и называют популярным интернет-языком (网络流行语). Интернет-язык является общеязыковым явлением и очень динамичной частью языка. В то же время он представляет собой и социальное явление, которое является прямым и четким отражением социальных изменений в языке.

Китайский интернет-язык «использует фактически все существующие лингвистические данные: от фонетического строя и словарного состава до грамматического строя языка, от языка вэньянь и диалектов до путунхуа и заимствований из иностранных языков» [Сбоев 2014: 52]. Большая часть китайского

интернет-языка метафорична, и в целом его можно разделять на три группы по используемому виду метафоры:

1) фонетическая метафора, основанная на сходном произношении. Например, цифра “6” (liù) созвучна со словом “牛” (niú, ‘здорово’), несколько “6” значит *более крутой*, поэтому интернет-пользователи предпочитают употреблять “666” для выражения похвалы или удивления.

2) графическая метафора, основанная на сходстве изображения. Например, иероглиф “囧” (jiǒng) внешне похож на смайлик, обозначающий *смущение*, поэтому он часто используется для описания *неловкого положения*. Еще пример, иероглиф “呆” (mái) состоит из двух “呆”(dāi), что означает *тупой*, поэтому “呆” (mái) употребляется в значении *очень глупый*.

3) концептуальная метафора, включающая в себя структурную метафору, ориентационную и онтологическую метафоры. Например, словосочетание “吃瓜” (chī guā, дословный перевод: *поедание арбуза*) означает *ничего не делает и не говорит, только смотрит со стороны, что случилось с кем-нибудь*, что носит развлекательный характер.

Согласно данным журнала 《咬文嚼字》 («Кусание иероглифов и жевание слов»), в список «Топ-10 популярных слов на конец 2020 года» вошло интернет-выражение “内卷” (нэйцзюань) [<https://baike.baidu.com/item/咬文嚼字/3416768>]. Оно (“内卷”) стало популярным в конце 2020 г. из-за нескольких фотографий, на которых студенты Пекинского университета и университета Цинхуа читают книгу, даже когда катаются на велосипедах, или на некоторых фотографиях изображено, что вокруг их кроватей лежат кучи книг и т.п. Эти фотографии сразу вызвали дискуссии, и словосочетание “内卷” (нэйцзюань) быстро стало популярным и появлялось на платформах социальных сетей, таких как WeChat и Weibo, а также в основных СМИ, таких как Toutiao и People's Daily. Самая простая и прямая причина популяризации изучаемого выражения заключается в вопросах: Стоит ли хвалить этих студентов за такое поведение? Есть ли необходимость в том, что они так стараются? Если студенты, обучающиеся в лучших китайских университетах, так стараются, то что делать студентам других университетов? В 2023-ем г. “内卷” (нэйцзюань) все еще очень активно используется и в интернете, и в обиходном общении. Об этом свидетельствуют данные Baidu (самая большая поисковая система в Китае): в начале июня 2023 г. ежедневно на Baidu публиковалось более 260.435 тыс. новостей о “内卷” (нэйцзюань) [<https://index.baidu.com>].

По определению словаря “内” (нэй) – это «сущ., внутренняя сторона, противоположная внешней стороне», “卷” (цзюань) – это «гл., завернуть или превратить что-либо в цилиндр» [Словарь Синьхуа онлайн]. А “内” (нэй) плюс “卷” (цзюань) образует новое выражение “内卷”, которое дословно можно перевести на русский язык как *завернуть внутрь*, и используется для описания *ненормальной и иррациональной внутренней конкуренции в различных сферах современного китайского общества, что приводит к повышенному давлению на человека и низкой эффективности его работы*. Иными словами, выражение “内卷” (нэйцзюань) обладает характеристиками «движение внутрь» и «действие завернуть», но в то же время и со своими собственными характеристиками, не сводимыми к сумме отдельных иероглифов “内” (нэй) и “卷” (цзюань).

Мы проанализировали первые 100 постов со словосочетанием “内卷” (нэйцзюань) из наиболее репрезентативного микроблога Weibo и обнаружили, что оно в основном используется в следующих контекстах (рис. 1).

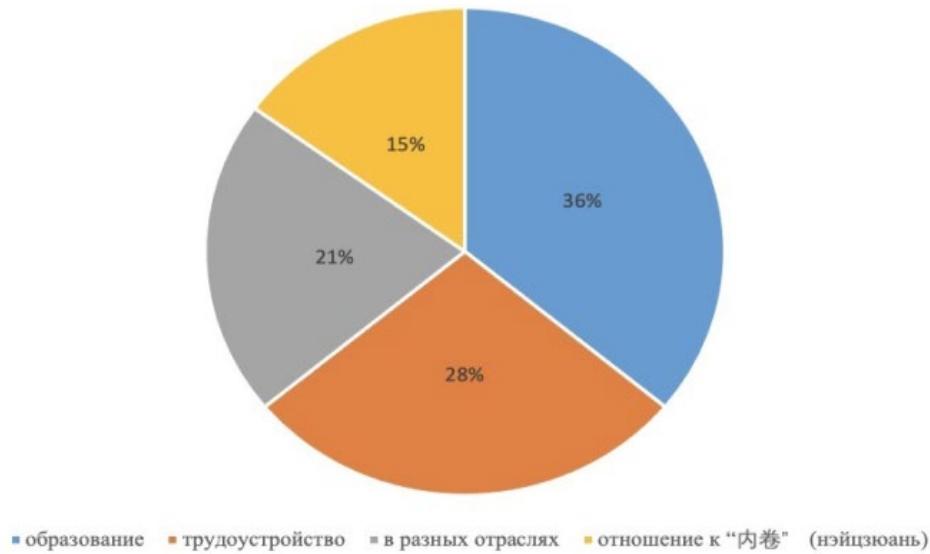

Рис. 1. Количественное соотношение контекстов с интернет-выражением “内卷” (нэйцзюань)

На вышеприведенном рисунке видно, что контексты с интернет-выражением “内卷” (нэйцзюань) наиболее часто связаны с образованием, затем – с трудоустройством, потом с другими областями, такими как туризм, электронная коммерция, такси, доставка и др. Еще в 15 из проанализированных постов обсуждается, как правильно относиться к феномену “内卷” (нэйцзюань). Результаты, приведенные на рисунке, доказывают, что в Китае самая большая конкуренция именно в сфере образования.

Далее возьмем образование как пример и проанализируем метафору как когнитивный механизм для понимания переносного значения “内卷” (нэйцзюань). В Китае из-за желания получить высокие баллы, родители записывают своих детей на разные дополнительные курсы. Дело в том, что не все родители в состоянии позволить себе так делать, поэтому детям тех, у кого нет финансовой возможности, нужно тратить больше времени, чтобы не отставать от других. В реальности же часто дополнительные курсы не помогают получить баллы намного выше, и не улучшают качество образования в целом. В этом случае “内卷” (нэйцзюань) указывает на то, что некоторые люди хотят стать лучше всех, создавая тем самым нездоровую конкуренцию, когда другим тоже приходится стараться изо всех сил. Таким образом, та отрасль, в которой работают эти люди, становится «завернутой внутрь или скрученной». Иными словами, все хотят претендовать на лучшее место и лучшие условия, что приводит к состоянию высокого давления, вредной конкуренции и низкой эффективности. Итак, в китайском языке “内卷” (нэйцзюань) – это нездоровая и иррациональная конкуренция. Процесс метафоризации представлен на рис. 2.

Рис. 2. Процесс метафоризации значения “内卷” (нэйцзюань)

На приведенном выше рисунке можно увидеть, что интернет-выражение “内卷” (нэйцзюань) получило метафорическое значение, основываясь на ассоциациях по сходству: «пространство уменьшается» между сферой-источником «движение внутрь» и сферой-целью «нездоровая и иррациональная конкуренция».

Таким образом, мы пришли к выводу, что интернет-язык является отражением реализма общественного развития и отображением мышления и психологических состояний людей. “内卷” (нэйцзюань) достоверно фиксирует и отражает большую конкуренцию в Китае в разных отраслях. Человеческое мышление, по сути, метафорично, что помогает людям сильнее, мощнее выражать себя и позволяет людям из одного языкового общества понимать друг друга. Это и является причиной популяризации интернет-выражения “内卷” (нэйцзюань) в Китае. Результаты данного исследования могут помочь иностранцам лучше понять современные социальные реалии в Китае, что полезно для проведения успешной межкультурной коммуникации.

Литература

Баранов А.Н. Предисловие в метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ. 2017. С. 7-21.

Журнал «咬文嚼字» («Кусание иероглифов и жевание слов»). URL: <https://baike.baidu.com/item/咬文嚼字/3416768> (дата обращения 20.05.2023).

Индекс Baidu. URL: <https://index.baidu.com/v2/main/index.html#/trend/内卷?words=内卷> (дата обращения 20.06.2023).

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2017.

МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 358-387.

Отчет о развитии цифрового Китая. URL: http://www.cac.gov.cn/2023-05/22/c_1686402318492248.htm (дата обращения 20.06.2023).

Сбоев А.Н. Некоторые особенности функционирования дейктических слов в китайском Интернет-языке // Известия Восточного института. 2014. № 1 (23). С. 52-56.

*Wang Mengmeng (Shenzhen, China)
Shenzhen MSU-BIT University*

CONCEPTUAL METAPHOR IN THE UNDERSTANDING OF CHINESE INTERNET EXPRESSION “内卷” (NEIJUAN)

The relevance of the topic under study is due to the rapid growth of Chinese Internet users and the widespread use of Internet vocabulary in modern Chinese. In the course of the study, the types of metaphor in the Chinese Internet language were listed, the main areas of use of the Internet expression “内卷” (neijuan) were identified, and the process of metaphorizing the meaning of the studied

expression was identified. The results of the study are of practical use for intercultural communication.

Key words: metaphor, Internet language, Internet expression, China, “内卷”.

К.В. Низовцева (Москва, Россия)
независимый исследователь
ksenia.nizovtzeva@yandex.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС КАК ОСНОВНОЙ ВАРИАНТ РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА)

В настоящей работе на основе когнитивного подхода предпринимается попытка исследовать варианты развития значения цветообозначения в составе фразеологических единиц на основе метафорического переноса. В качестве исследовательского материала выступают фразеологизмы латышского языка с цветообозначениями *balts* (белый) и *melns* (черный).

Ключевые слова: языковая картина мира, цветообозначение, фразеологизм, прототипическое значение, метафора.

В исследовательских парадигмах современности доминирует стремление к осмыслению практически всех сфер научного знания, с точки зрения человеческого восприятия и понимания (когниции). На этом основании изучение языка охватывает самые разнообразные его составляющие, в частности то, как язык отражает национально-культурное сознание его носителей. Будучи языковыми знаками, отражающими объективный мир и человеческое мышление, фразеологизмы выступают в качестве единственных в своем роде «репрезентативных единиц кода экспрессивно-образной номинации» [Буянова 2017: 287] и, следовательно, являются ключом к познанию, с одной стороны, культуры, с другой, ментальных процессов, воплощающихся в языке.

Особую группу фразеологизмов в каждом языке составляют единицы, содержащие цветообозначения (ЦО). Сравнительно новое и перспективное изучение цветообозначений представлено в когнитивной лингвистике. Мы предполагаем, что употребление ЦО в составе фразеологизмов неслучайно. Их изучение как взаимодействующих единиц разного уровня на основе когнитивного подхода позволяет выявить связь ментальной репрезентации идеи цвета с языковой формой, определить, как был понят (категоризирован) фрагмент внеязыковой действительности и отражен посредством языка.

ЦО являются важнейшей составляющей лингвоцветовой картины мира. Различные отношения к тому или иному цвету отражаются в образных выражениях, существующих в языке, т.к. они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретно национального характера [Верещагин, Костомаров 1980: 59].

Как представляется, значение фразеологизма необходимо рассматривать в совокупности его частей. Образ, лежащий в основе ФЕ, в основном переосмысливается посредством метафоры, а значение цвета даже в составе ФЕ в большей части случаев сохраняет свое основное (цветовое) значение. В данном исследовании рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) латышского языка с цветообозначениями *balts*

(белый) и *melns* (черный). По сравнению с другими ЦО *белый* и *черный* имеют более широкое значение, поскольку оно более базовое по отношению к другим даже основным ЦО и соответствуют *светлому* и *темному* спектру в целом [Лакофф 2011: 45]. В силу этого при решении вопроса о значении ЦО типа *белый* и *черный* может использоваться прототипический подход. Мы полагаем, что информация о цвете, привносимая ЦО в ФЕ, остается неизменной, все составные части, входящие в состав ФЕ, подвергаются переосмыслению посредством метафоры и могут трактоваться с семантической точки зрения.

Основываясь на данных этимологии [Karulis 2001: 104], где указывается происхождение слова *balts* от индоевропейского корня **bhel-* со значением *spīdīgs*, *balts* ('*светящийся, белый*'), а также на трактовке значения ЦО как *gaišs* ('*светлый*') в толковом словаре [MLVV], прототипом *balts* можно также считать значение *светлый*.

Проанализировав 13 ФЕ латышского языка с ЦО *balts*, можем констатировать, что значение ЦО *balts* может метафорически переосмысляться, как *добро*, трактуемое также, как *счастье, честность, видимость*:

- *balta maģija* ('*божественная магия, применение магии в целях добра*') – как представляется, имеет место метафорическое сравнение *светлого* цвета с проявлением *добра*;

- *baltas dienas* ('*хорошие, счастливые дни*') – метафорическое сравнение с образом *доброе*, ни чем не омраченного времени;

- *balta nauda* ('*деньги, выплачиваемые работнику официально, не скрываются работодателем как доход от государства*') – в данной ФЕ действует тот же метафорический перенос *светлый* → *добрый*, трактуемый, как *честный*;

- *notazgāt baltu* ('*оправдать, восстановить репутацию; обелить*') – построение ФЕ имеет место при метафорическом сравнении с образом *чистого, белого (светлого)* листа, с которого «стерли» все обвинения;

- *balti meli* ('*наглая, явная ложь*') – видимо, имеет место метафорическое переосмысление образа *светлого*, как *видимого, явного*;

- *baltās naktis* ('*полярные ночи*') – где имеет место метафорическое сравнение с образом *светлого* времени суток.

Исходя из данных этимологического словаря [Karulis 2001: 581], где отмечается происхождение слова *melns* от индоевропейского корня **mel-* со значением *tumsa* ('*темный*'), а также исходя из данных толкового словаря [MLVV], в котором отмечается значение *visstumšākā krāsa* ('*самого темного цвета*'), прототипом *melns* также можно считать значение *темный*.

Проанализировав 24 фразеологизмов латышского языка с ЦО *melns*, можем заключить, что значение ЦО *melns* может метафорически переосмысляться, как *неизвестный*, а также как *зло*, трактуемое также как *нечестный, незаконный*:

- *melnais saurims* (*черная дыра, 'объект, способный безвозвратно поглощать другие объекты'*) – метафорическое переосмысление названия космического объекта для обозначения областей, безвозвратно поглощающих материальные средства (к примеру, *черная дыра в бюджете*); можно предположить, что метафоризации подвергается и непосредственно ЦО: *темный* → *неизвестный*;

- *melnais saraksts* (*черный список, 'список врагов'*) – метафорическое обозначение (*темный* → *незаконный, нечестный*) списка лиц, которые по ряду причин признаны недружественными по отношению к субъекту;

● *melnais tirgus* (черный рынок, 'институт теневой экономики в части незаконного обращения товаров и услуг на рынке') – метафорический перенос *темный* → *злой*, трактуемый как *нечестный*;

● *melnā birža* (черная биржа, 'место, где происходит неофициальный и незаконный обмен валюты и ценных бумаг') – также как и в примере выше имеется метафорический перенос *темный* → *незаконный*;

● *melnā taģija* (черная магия, 'волшебство, чародейство с помощью адских сил') – имеет место метафорическое сравнение *темного* цвета с проявлением *зла*;

● *pataisīt melnu par baltu* (называть черное белым: (1) 'выдавать плохое за хорошее', 2) 'извращать истину') – в первом значении наблюдаем метафорическое сравнение *темного* цвета с проявлением *зла* при сопоставлении с *светлым* в значении *добра*; во втором значении ЦО трактуется как полные противоположности;

● *melnais humors* (черный юмор, 'юмор, который находит смешное в ужасном'; *грязный юмор*) – метафорическое переосмысление *темный* → *злой* для обозначения юмора над такими темами, как смерть, физическое уродство, насилие, болезнь;

● *melnā diena* (черный день, 'тяжелый, несчастный день') – метафорический перенос *темный* → *злой*, *несчастный* при противопоставлении *светлому*, *счастливому*, *радостному*;

● *melnā dvēsele* (черная душа, 'коварный человек, способный на низкие, предосудительные дела, поступки') – имеет место метафорическое сравнение *темный* → *зло* при характеристике злого человека;

● *Melnais bruņinieks* ('немецкий захватчик') – согласно латышскому сказанию, народный герой Лачплесис (образ, олицетворяющий героизм латышского народа, символизирует отвагу человека, очищающего землю от захватчиков) сражался с *Черным* рыцарем и одержал над ним победу; *Черным* рыцарем латыши в то время именовали немцев-крестоносцев, стальные доспехи которых отливали *черным* цветом; в своей драме «Огонь и ночь» Я. Райнис использует сюжет сказания и пишет о *Черном* рыцаре так: «*Тьмою* зло одето»; т.е. для латышей образы Лачплесиса и *Черного* рыцаря связаны с символикой *добра* и *зла*, поэтому можем утверждать, что в данной ФЕ имеет место метафорическое сравнение *темный* → *злой*; предположительно, в XX в. фразеологизм актуализировался в связи с тем, что солдаты СС носили форму *черного* цвета.

Исходя из проведенного анализа, можем сделать вывод, что информация, привносимая ЦО типа *белый* и *черный* в составе ФЕ, остается той же самой, ЦО сохраняют свое прототипическое значение *светлый* и *темный* при всех реализациях. Образ-основа ФЕ подвергается метафорическому, и уже образ-результат трактуется с семантической точки зрения.

Литература

Буянова Л.Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 285-298.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категория языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011.

Karulis K. Latviešu Etimoloģijas Vārdnīca. Rīga: AVOTS, 2001.

Mūsdienu latviešu valodas vārdnīca [электронный ресурс]. URL: <https://tezaurs.lv/> (дата обращения 05.08.2023).

*K.V. Nizovtseva (Moscow, Russia),
independent researcher,*

**METAPHORICAL TRANSFERENCE AS THE MAIN VARIANT OF
THE DEVELOPMENT OF THE MEANING OF COLOR CONNOTATION
IN PHRASEOLOGICAL UNITS
(USING THE EXAMPLE OF THE LATVIAN LANGUAGE)**

This research paper follows a cognitive approach to study color connotations – in their diversity and development – in phraseological units with transferred meanings based on a metaphor. The analysis is based on Latvian phraseological units which include color connotations *balts* (white) and *melns* (black).

Key words: linguistic picture of the world; color designation; phraseological unit; prototypical meaning; metaphor.

Е.В. Плисов (Ни́жний Новгород, Россия)

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина
e_plissov@mail.ru*

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ
К ЭТНИЧЕСКИМ ГРУППАМ)**

В статье описываются направления исследования политического языка в современной германистике, рассматривается роль политического лексикона в конструировании социальной реальности, в формировании и трансляции социально значимых ценностей. Анализируются особенности вербализации отношения политиков к определенным этническим группам.

Ключевые слова: политический язык, политический лексикон, идеология, социальная реальность, вербализация.

Роль языка в политике вызывает интерес лингвистов разных стран. Большое значение имеют при этом современные процессы глобализации, возросшая роль СМИ и электронной коммуникации, а также участие средств коммуникации в манипулировании общественным сознанием [Бессараб 2023; Плисов, Оладышкина 2021]. В этих условиях изучение языка политики приобретает особое значение, т.к. язык участвует в конструировании современной системы знания и социальной реальности. Целью данной работы является анализ лексических особенностей публичных выступлений немецких политиков перед этническими группами, роли этих средств в конструировании социальной реальности, формировании и трансляции социально значимых ценностей. Язык в политике – не только инструмент, но и базовое условие для возможности ее существования. Каждый политик, являясь действующим лицом на политической сцене, использует язык в самых разных ситуациях – будь то пленарное заседание в парламенте, в предвыборной борьбе, в телевизионных дискуссиях или на заседаниях профильных комиссий. Язык всегда выступает элементом, в котором воплощается профессия политика. Язык и политика тесно связаны между собой, поскольку политика разрабатывается при помощи языка, сопровождается и описывается языком, подвержена его влиянию, контролируется языком. Исходя из этого, язык в политике означает, прежде всего, *языковые поступки* в ней и является «конститутивной для политики способностью действия» [Girth 2002: 1].

В современной германистике различают два направления исследования политического языка: направление, ориентированное на словарный состав, лексикон (*lexikonorientierte Richtung*), и направление, ставящее в основу исследования текст или дискурс (*text-, diskursorientierte Richtung*). Направление, ориентированное на изучение лексической стороны языка, берет свое начало в семантическом анализе отдельных политически релевантных слов и долгое время являлось главенствующим в изучении политического языка [Плисов, Прокопьева 2018]. Тексториентированные работы по изучению политического языка определяют своей основной единицей не отдельное слово или предложение, а связный текст. В данном направлении изучаются типы текстов, которые классифицируются по критериям наличия и характера эмитента, адресата и базовой коммуникативной функции. В статье рассматривается первое, лексически ориентированное, направление изучения политического языка. Под лексиконом конкретного языка следует понимать структурированный набор лексем. Для использования языка в области политики словарный состав не единственный, но важнейший инструмент языковой деятельности [Ворохобов 2021; Girth 2002: 47]. Политик находится в ситуации принятия многочисленных решений, которые образуют ряд вопросов: что, для кого и как обозначать в различных коммуникативных ситуациях.

Политика – комплекс действий и функций [Dieckmann 1975: 47], который охватывает все области общественной жизни. Даже те слова, которые сегодня никто не причислил бы к политическому лексикону, могут при определенных общественных условиях стать «политическими». Следует отметить, что политический лексикон также наполнен словами из других сфер. Проблемы разграничения существуют не только между повседневным языком и языком политики, но и между специальной политической лексикой и специальной лексикой. Например, лексема *Präimplantationsdiagnostik (PID)* – медицинский термин, который применяется также в политической дискуссии. В этой связи можно привести пример из выступления федерального президента Й. Рау в 2001 г.: *Manchefordern, dass auch in Deutschland die Präimplantationsdiagnostik, kurz PID, erlaubt werden soll. Dabei geht es um die Frage: Soll bei einer künstlichen Befruchtung ein Embryo auf genetische Schäden untersucht werden, bevor er in den Körper einer Frau eingepflanzt wird?* (J. Rau, Berliner Rede v. 18.5.2001). В данном фрагменте наряду с термином *Präimplantationsdiagnostik* используются такие специальные биологические термины, как *künstliche Befruchtung, Embryo, genetisch*. Это является доказательством того, что любая тема в определенном контексте может приобрести политический характер.

Политический лексикон Германии не идентичен политическому лексикону немецкого языка. Лексикон языка – более широкое понятие, включающее в себя в том числе лексические единицы, не актуальные для политических организаций немецкоязычного пространства. Классификация политического лексикона разработана В. Дикманом, который выделяет три группы лексикона политики: институциональная лексика политических организаций (*Institutionssprache*), профессиональная лексика сферы управления (*Fachsprache des verwalteten Sachgebietes*), лексика, связанная с идеологией (*Ideologiesprache*) [Dieckmann 1975: 509]. Г. Штраус различает четыре класса лексем в политической коммуникации: 1) политические специальные термины (*Mandat, Immunität*); 2) общественно-политические термины, связанные с идеологией (*Aggression, Demokratie*); 3) политические метафоры, эвфемизмы, окказиональные образования (*Entsorgungspark, Intervention*); 4) общенаучная лексика и лексика образованных слоев общества (*Funktion, System, Tendenz*) [Strauß 1985: 258].

Лексические особенности публичных обращений политиков могут влиять на успехи и неудачи говорящих и даже привести к отставке последних, как это случилось после речи президента бундестага Ф. Йеннингера в 1988 г. Данное обращение состоялось в рамках памятных мероприятий, связанных с 50-летием еврейских погромов в Германии. На заседании бундестага присутствовали депутаты, федеральный президент, почетные гости, в том числе председатель Центрального Совета евреев ФРГ, посол Израиля в ФРГ. Вскоре речь была прервана возгласами, зал покинули около 50 депутатов. На следующий день политик был вынужден подать в отставку в связи с обрушившейся на него критикой, его обвиняли в том, что он говорил без эмоционального соучастия, пользовался терминологическим корпусом национал-социалистов, не применяя при этом терминологию политического лексикона современной ФРГ. Политик объяснил свою отставку неправильной интерпретацией содержания обращения.

Причиной провала политика стала, с точки зрения лингвистического анализа, проблема номинации отдельных понятий, использованных в обращении: «Масса прагматически незащищенных выражений национал-социалистов привела к негативной интерпретации положительного настроения говорящего» [Polenz 1989: 300]. Прежде всего, лексические единицы *Judenfeindschaft*, *Judenfrage*, *TriumphzugHitlers*, *HitlersErfolge*, см., пример: *Aber eine über Jahrhunderte gewachsene **Judenfeindschaft** hatte den Nährboden bereitet für eine maßlose Propaganda und für die Überzeugung vieler Deutscher, dass die Existenz der **Juden** tatsächlich ein Problem darstellte, dass es so etwas wie eine **Judenfrage** wirklich gab* (Ph.Jenninger, Rede am 10. November 1988). Из всех видов номинаций, являющихся конститутивными для речи политика, следует рассмотреть, прежде всего, номинации групп «своих»– «чужих» в политике [Зимина, Вашунина 2020], а также номинации политически релевантных взглядов. Данные номинации являются основополагающими для интегративной функции речи, посвященной памяти события. Употребление понятия *Menschen* говорит о принадлежности к человеческому обществу, а понятие *Deutsche* обозначает исключительно «своих». В основе понятия лежит оценочный аспект, который ограничивает возможности референциальной отнесенности. Ф. Йенninger номинирует «своих» в обращении, но делает это не так часто, как, например, Г. Шмидт или Р. фон Вайцеккер в подобных обращениях. Номинация «чужих» в обращении преувеличена. Постоянно употребляется слово *Hitler*, с помощью которого Ф. Йенninger, вероятно, пытается показать психологическое воздействие данной личности на массы. Вместе с этим говорящий употребляет такие негативно-оценочные понятия, как *Brandstifter*, *Mob*, *Mörder*, *NS-Herrscher*, с их помощью он однозначно показывает свое отношение к «чужим».

В сравнении с аналогичными обращениями Р. Вайцеккера и Г. Шмидта говорящий чаще использует понятия, связанные с еврейским населением Германии. Слова с позитивной оценкой недостаточно представлены в обращении: *Mitbürger*, *Mitmensch*, *Opfer*. Чаще всего употребляется общее понятие *die Juden*. Как и в случае с обозначением «своих», в обозначении «чужих» проявляется отношение говорящего к данной этнической группе. Благодаря употреблению негативно-оценочной лексики у читателя складывается впечатление негативного отношения политика к данному этносу: *jüdisches Blut*, *Krankenhafte*, *Menschenverderber*, *Minderwertige*, *Schädliche*, *Untermenschen*, *Verwesung*, *Ungeziefer*. Речь идет о специфических понятиях времен национал-социалистской диктатуры и о дистанцированности говорящего.

Анализ лексических особенностей обращения Ф. Йеннингера доказывает важность уровня слова в формировании текстов политического дискурса, а также – на конкретном примере данного обращения – значимость выбора лексических единиц для успеха или неудачи конкретного политика. Лексика принадлежит к части политического лексикона, связанной с идеологией. Прежде всего, это терминологический корпус национал-социалистов: *die Judenfeindschaft, die Judenfrage, die NS-Herrscher, der politische Triumphzug Hitlers*. Вместе с тем, необходимо отметить, что для идеологии отдельного государства в каждый период времени характерны индивидуальные особенности, подтверждающие перемены в вопросах идеологии. Учитывая это, следует отметить и превращение нормативных лексических единиц в единицы с определенной оценочностью.

Литература

Бессараб И.А. Этические принципы коммуникаций «с нуля» // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11. № 1. С. 14.

Ворохобов А.В. Российская национальная идентичность: базовые принципы функционирования // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. М.: МХПИ, 2021. С. 103-105.

Зимица М.В., Ваишнина И.В. Сопоставление концептов AMERICA и RUSSIA в американской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 221-225.

Плисов Е.В., Оладышкина А.А. Концептуализация феномена глобализации в современном немецкоязычном медийном дискурсе (на материале корпусных данных) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 47. С. 370-377.

Плисов Е.В., Прокопьева Н.Н. Концептуальная сеть лексемы Vaterland в иерархической организации концепта HEIMAT в немецком языке // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 196-199.

Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1975.

Girthing H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Tübingen: Gruyter, 2002.

Polenz P. v. Verdünnte Sprachkultur. Das Jenninger-Syndrom in sprachkritischer Sicht // Deutsche Sprache. 1989. № 4. S. 289-316.

Strauß G. Der politische Wortschatz. Zur Kommunikations- und Textsortenspezifika. Tübingen: Narr, 1986.

E.V. Plisov (Nizhny Novgorod, Russia)

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

LEXICAL MEANS OF CONSTRUCTING SOCIAL REALITY (BASED ON THE APPEALS OF GERMAN POLITICIANS TO ETHNIC GROUPS)

The article describes the directions of the study of political language in modern German studies, examines the role of the political lexicon in the construction of social reality, in the formation and translation of socially significant values. The features of verbalization of politicians' attitude to certain ethnic groups are analyzed.

Key words: political language; political lexicon; ideology; social reality; verbalization.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОДА КУЛЬТУРЫ В БАЗОВЫХ МЕТАФОРАХ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Статья посвящена исследованию метафоры как когнитивного явления в ее связи с культурой конкретного народа. Рассматриваются термины «код культуры» и «пространственный код культуры», объективируемые в базовых метафорах с пространственной семантикой. На конкретных примерах иллюстрируются особенности вербализации пространственного кода культуры в этнокультурных и локальных метафорах.

Ключевые слова: культура, код культуры, пространство, базовая метафора, этнокультурная метафора, локальная метафора.

Вопросы взаимодействия и взаимосвязи языка и культуры – это одно из актуальных направлений языкознания. Важное значение в рамках подобных исследований приобретает метафора, которая в современных исследованиях приобретает вид элемента познавательного процесса внутри человеческого мышления, т.е. элементов когнитивной системы человека.

Метафора – это «призма», через которую индивид воспринимает мир [Красных 2022: 195]. Метафорические процессы и метафора в целом исследуются в их связи с человеком, его сознанием, культурой, поскольку метафора имеет антропометричную природу, а мысль человека метафорична как таковая. Формирование метафоры в языке происходит посредством развития мысли через ассоциативное сравнение [Красных 2022: 196]. Метафоричность позволяет относить слово к образной лексике [Стернин 2008: 35]. Исследование условий, необходимых для возникновения метафоры, не представляется возможным без учета ее когнитивных особенностей [Зубкова 2011: 306].

С точки зрения философии, а также теории культуры, метафора представляет собой взаимодействие, непосредственную коммуникацию с реальностью [Свирепо 2002: 16], формирующийся при приложении свойств одного образа к другому [Свирепо 2002: 15]. Иными словами, сущностные особенности метафоры, выходящей за пределы ее стилистического понимания, сохраняются как с лингвокогнитивной, так и с культурно-философской точки зрения.

Составляющей единицей культуры выступает код [Изотова 2020: 6]. Код культуры – «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир» [Красных 2002: 232]. Формирование целостного образа мира, разделяемого всеми членами данного сообщества, обуславливает необходимость тождественности указанного кода [Свирепо 2002: 8]. По мнению О.А. Свирепо, подобным кодом выступают «сгустки культурного опыта» – базовые метафоры [Свирепо 2002: 9], обладающие архитектурной природой и основанные на коллективно-родовых, надличностных представлениях, лежащих в основе окультуривания мира человеком [Красных 2022: 196]. Данная позиция соотносится с мнением О.А. Свирепо, согласно которому, метафора становится кодом в случае, когда она не добавляет к уже имеющимся сведениям новые [Свирепо 2002: 9]. В качестве феномена культуры метафора представляет собой проводник целостного образа мира.

А.С. Самигуллина в своих работах рассматривает пространственный код культуры как одну из разновидностей кода культуры [Самигуллина 2007: 82]. Базовые

основы пространственного кода культуры формируются в процессе рефлексии во внутреннем мире индивида [Поречная 2021: 319]. Пространственная метафора – это одна из наиболее частотных метафорических моделей как средство воплощение пространственного кода культуры для носителей различных языков [Пименова 2013: 123].

Базовая метафора, рассматриваемая в работе О.А. Свирепо, содержит в себя следующие виды: архаические, метафоры эпохи, этнокультурные метафоры, локальные метафоры [Свирепо 2002: 19-22]. В настоящей статье будут представлены примеры базовых метафор с пространственным значением, к числу которых относятся этнокультурные и локальные метафоры.

Этнокультурные метафоры детерминируются особенностями духовной и материальной культуры этноса, особенностями географического положения, аксиологии, истории [Довлеткиреева 2022: 345]. С нашей точки зрения, к таковым относится разговорное выражение «с глаза на глаз», репрезентирующее в языке модель поведения. Аналог данного словосочетания во французской лингвокультуре – это выражение *tête à tête* (голова к голове), употребляемое в настоящее время и в русском языке, в английском – *face to face* (лицом к лицу), в немецком – *unter vier Augen* (между четырьмя глазами). Из представленных примеров следует, что для представителей русской и немецкой культуры значимым является нахождение глаз в поле видимости собеседников, в английской и французской – близкое расположение. Одним из выражений, объективирующих счастье в русском языке, является словосочетание «на седьмом небе». В его основе – религиозное представление о наличии семи небес [Фразеологический словарь современного русского языка: 223]. В английском языке ощущение счастья вербализуется посредством выражения *be on cloud nine* (быть на девятом облаке) / *be over the moon* (быть над Луной) / *be on the seventh heaven* (быть на седьмом небе), во французском – *être sur un nuage* (быть на облаке), в немецком – *Im siebten Himmel sein* (быть на седьмом небе от счастья). Представленные примеры указывают на схожесть вербализации образа счастья в немецкой, русской и английской лингвокультуре, что, по нашему мнению, связано с религиозным аспектом, поскольку значительная часть русских и немцев исповедуют христианство. Кроме того, для представителей английской культуры, как следует из представленных примеров, счастье детерминируется расстоянием, а для французов числовое обозначение не является знаменательным элементом. Отметим также реалии, обладающие наибольшим значением в данной культуре, либо наиболее часто встречающиеся в ней, для объективации которых употребляются метафоры с пространственным компонентом. Например, «одного поля ягоды» / «два сапога пара» / «из одного теста» в русском языке, “*gens de la même farine*” (люди из одной муки) – во французском языке, “*birds of feather*” (птицы из пера) – в английском языке, “*Gleiche Brüder*” (те же братья) – в немецком языке. Отметим, что в каждой из лингвокультур представленное выражение обладает метафоричностью.

Каждое из рассмотренных выше метафорических выражений русского языка – это фразеологизм с пространственным значением. Как отмечает И.С. Бороздина, они обладают базовыми семами дирекциональности / локативности и / или скрытым пространственным концептом в своей структуре [Бороздина 2019: 37]. Рассмотренные примеры подтверждают указанный тезис.

Конкретные формы локальной метафоры определяются национальной спецификой, эпохой. Ввиду своей мобильности в них значительна «эпифорическая часть» – функция приращения нового знания [Свирепо 2002: 23]. Примером локальной метафоры с

пространственным значением в русском языке, по нашему мнению, выступает словосочетание «*Москва златоглавая*». Очевидно, что ее формирование связано с конкретным городом в период построения храмов. В дальнейшем рассматриваемое словосочетание стало строкой известной песни, вербализующей культурно-историческую особенность столицы России. Другим примером локальной метафоры с пространственным значением, с нашей точки зрения, служит словосочетание «*Курское море*». Последнее представляет собой неформальное название жителями Курской области Курчатовского водохранилища, обеспечивающего водой местную АЭС. Метафора в данном случае основывается сразу на нескольких параметрах: размер, а также возможность продолжительного купания, поскольку вода в водохранилище остается теплой практически на протяжении всего года.

В тяжелые военные годы единственной транспортной магистралью блокадного Ленинграда являлся путь через Ладожское озеро, который приобрел название «*дорога жизни*». Представленная локальная метафора обладает пространственной семантикой, несет в себе личностный смысл, поскольку для жителей блокадного города рассматриваемый путь был единственной связью с внешним миром, а также обладает культурно-исторической значимостью.

Одной из достопримечательностей Суджанского района Курской области является территория Горнальского Свято-Николаевского Белогорского монастыря, а также гора, на которой он расположен, названная Фагор. Название данного святого места, на территории которого растут 13 сосен, в разговорной речи местных жителей объективируется посредством метафоры «*Белогорье*». Отметим, что данная лексема содержит в себе пространственный компонент, однако, по нашему мнению, в основе метафоры преобладает культурно-религиозный элемент. Хотя указанное место по версии ЮНЕСКО входит в десятку красивейших мест России, на его территории также была обретена чудотворная икона Божией Матери. Возможно, в данном случае «белое место», «белая гора» – это святая обитель для местных жителей, которая и является основой для метафорического переосмысления.

Представленные выше данные позволяют сделать вывод о взаимосвязи элементов триады «мышление – культура – язык», вербализуемых посредством метафоры. Базовые метафоры обладают функцией кода культуры, этнокультурные и локальные метафоры – пространственного кода культуры, объективируемого в языке.

Литература

Бороздина И.С., Арзамасцева Н.Ю. Критерии выделения пространственных фразеологических единиц (на материале немецкого языка) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 3 (34). С. 33-39.

Довлеткиреева Л.М., Далиева Э.Х. Репрезентация этнокультурных метафор в чеченской поэзии // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 342-353.

Зубкова О.С. Условия возникновения метафоры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5-1. С. 306-312.

Изотова Н.Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 4А. С. 5-11.

Красных В.В. Проявление базовых метафор в современных текстах // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 195-201.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.

Пименова М.В. Коды культуры и типы концептов // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 121-130.

Поречная В.И. Пространственный код культуры как лингвокультурное понятие // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 307-311.

Самигуллина А.С. Пространственный код культуры и его смысловые проекции // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 1. С. 82-87.

Свирило О.А. Метафора как код культуры: автореферат дис. ... кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2002.

Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ: научное издание. Воронеж: Истоки, 2008. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: «Аделант». 2014.

V.I. Porechnaia (Kursk, Russia)
Southwest State University
porechvika@gmail.com

SOME FEATURES OF THE CULTURE CODE IMPLEMENTATION IN BASIC METAPHORS WITH SPATIAL MEANING

The article is devoted to the study of metaphor as a cognitive phenomenon in its connection with the culture of a particular people. The terms “culture code” and “spatial culture code” objectified in basic metaphors with spatial semantics are considered. Specific examples illustrate the features of the spatial culture code verbalization in ethno-cultural and local metaphors.

Key words: culture, culture code, space, basic metaphor, ethno-cultural metaphor, local metaphor.

М.В. Семенихина, Ю.Г. Тимралиева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
euphemia@mail.ru, juliati@yandex.ru

ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ПОЭЗИИ Ф.Г. ТОМПСОНА

Статья посвящена основным моделям, с помощью которых образуются флористические метафоры в творчестве английского поэта-католика рубежа XIX–XX вв. Ф.Г. Томпсона и соотношению индивидуально-авторских и культурно обусловленных элементов, в частности переосмыслению викторианского «языка цветов», в данных моделях.

Ключевые слова: Ф.Г. Томпсон, викторианская литература, теория метафоры, флористическая метафора, индивидуально-авторская метафора.

Метафора – один из способов интерпретации окружающей действительности, т.е. процесса понимания человеком мира и своего места в мире, в котором сочетаются общечеловеческие и индивидуальные представления. «Приписывая человеку, событию или объекту определенные характеристики с помощью метафоры, мы привлекаем к ним особое внимание и одновременно выделяем их из всего возможного перечня характеристик за счет обращения к другой концептуальной области» [Болдырев 2013: 14].

Ф.Г. Томпсон (1859–1907) как представитель викторианской эпохи активно использовал образы растений, в частности цветов (садовых и полевых), в своем творчестве: «В это время цветоводство, как и в эпоху Руссо, становится знаком приверженности к определенным общественным нормам, а обращение к символике цветов в быту и в литературе – модой времени» [Шарафадина 2008: 50]. Однако флористические образы у Томпсона имеют мало общего с викторианским «языком цветов». В творчестве Томпсона можно выделить следующие группы моделей флористических метафор.

1. FLOWER – область цели

Наиболее частотна модель FLOWER IS HUMAN BEING (цветок – это человек). Так, в стихотворении “The Poppy” («Мак») цветок предстает жизнелюбивым гулякой и бродягой, который напивается вином рассвета и засыпает с открытым ртом: “dipped its cup in the purpurate shine When the eastern conduits ran with wine, Till it grew lethargied with fierce bliss, And hot as a swinked gipsy is, And drowsed in sleepy savageries, With mouth wide a-pout for a sultry kiss” [Thompson 1913: 76]. Далее мак прямо назван «спящим цыганом»: “She turned, <...> And saw the sleeping gipsy there; And snatched and snapped it...” [Thompson 1913: 77]. В стихотворении “Ode to the Setting Sun” («Ода закатному солнцу») роза (the splendid rose) наряжена в зеленую симарру (green сумар) (старинная верхняя женская одежда – возможно, форма листьев розы напоминает автору о модной в Средневековье фестончатой отделке рукавов и подола), у нее покраснели щеки (dusky cheeks burnt red), и, опьянев от собственного аромата, она качает отяжелевшей головой: “She sways her heavy head, Drunk with the must of her own odorousness” [Thompson 1913: 210]. В стихотворении “A May Burden” («Бремя Мая») маргаритки (цветы детства и невинности), у которых в одном соцветии встречаются красные (или розовые) и белые лепестки, словно краснеют от смущения и пробуждающейся страсти, когда мимо них проходит богиня Майя – божество мая, олицетворение витальной энергии и любви: “As I went down by lane and lea, The daisies reddened so, pardie!” [Thompson 1913: 255]. В поэме “Sister Songs” («Сестры-песни») маргаритка отождествляется с ребенком, чей рот запачкан материнским молоком: “In the new-sucked milk of the sun's bosom Is dabbled the mouth of the daisy-blossom” [Thompson 1913: 87]. В этой же поэме водяная лилия «разминает свои белоснежные члены», прежде чем, подобно богине Афродите, воспрянуть из глубины вод: “The lily stirs her snowy limbs, Ere she swims Naked up through her cloven green, Like the wave-born Lady of Love Helene” [Thompson 1913: 87]. Темный цветок анютиных глазок уподобляется смуглой девушке-индианке: “the brown, glowing breast Of that Indian maid, the pansy” [Thompson 1913: 89-90].

Модель FLOWER IS ANIMAL (цветок – это животное) встречается редко. Один из случаев – это актуализация названия растения «львиный зев» (snapdragon) в поэме “Sister Songs”, где цветочные эльфы пытаются разорвать ему пасть: “Others dared open draw Snapdragon's dreadful jaw” [Thompson 1913: 90]. В стихотворении “The Poppy” мак пьет кровь «закланного» закатного солнца красным, как пасть льва, ртом: “With burnt mouth, red like a lion's, it drank The blood of the sun as he slaughtered sank” [Thompson 1913: 76].

В группе моделей FLOWER IS INANIMATE OBJECT (цветок – неодушевленный предмет) можно выделить 2 подгруппы: FLOWER IS ARTIFACT (цветок – это изделие) и FLOWER IS ELEMENT (цветок – это стихия). Подгруппа FLOWER IS ARTIFACT сравнительно редка, наиболее частотная модель в ней – достаточно традиционная FLOWER IS CUP (цветок – это чаша). Так, в поэме “Sister Songs” актуализируется наименование цветка kingcup (калужница болотная, букв. «королевский кубок» или «королевская чаша») – эльфы, пробужденные чарами весны, плещутся в чашах калужницы: “Some against the gleaming rims Their bosoms prest Of the kingcups, to the brims Filled with sun, and their white limbs Bathed in those golden lavers” [Thompson 1913: 87]. С чашей или кубком, наполненным рассветным солнцем, сравнивается и венчик мака в одноименном стихотворении [Thompson 1913: 76]. В подгруппе FLOWER IS ELEMENT самой частотной является модель FLOWER IS FIRE (цветок – это огонь). В стихотворении “The Poppy” мак, рожденный от поцелуя, дарованного земле солнцем,

наследует от солнца его огненную природу: “Like a yawn of fire from the grass it came, And the fanning wind puffed it to flapping flame” [Thompson 1913: 76]. В поэме “Sister Songs” с огнем сравниваются ярко-желтые кисти цветущего бобовника: “The long laburnum drips Its honey of wild flame, its jocund spilth of fire” [Thompson 1913: 122]. С ней сближается модель FLOWER IS LIGHT (цветок – это свет). В той же поэме “Sister Songs” с каплями солнечного света сравниваются подснежники: “And the scattered snowdrop exquisite Twinkles and gleams, As if the showers of the sunny beams Were splashed from the earth in drops of light” [Thompson 1913: 88].

2. FLOWER – область источника

Наиболее частотной является модель HUMAN BEING IS FLOWER (человек – это цветок). В стихотворении “The Poppy” мак (sleep-flower), который качает среди колосьев отяжелевшей от сна головой (“sways in the wheat its head, Heavy with dreams, as that with bread”), становится своеобразным автопортретом лирического героя-поэта, который точно так же грезит наяву среди обычных людей [Thompson 1913: 78]. И мак, и хлебный колос одинаково гибнут под серпом жнеца, как время не щадит ни обывателя, ни поэта: “The goodly grain and the sun-flushed sleeper The reaper reaps, and Time the reaper... The goodly men and the sun-hazed sleeper Time shall reap” [Thompson 1913: 78] – однако поэту все же суждено избежать забвения благодаря своему дару: “I fall into the claws of Time: But lasts within a leaved rhyme All that the world of me esteems” (там же). В стихотворении “Daisy” обыгрывается одновременно и имя героини (Дейзи), и символизм маргаритки (daisy) в языке цветов (детство, чистота и невинность): “Oh, there were flowers in Storrington <...>, But the sweetest flower on Sussex hills Was the Daisy-flower that day!” [Thompson 1913: 68], причем невинность и чистота героини указываются прямо: “Came innocence and she” [Thompson 1913: 67], т.е. героиня – сама невинность.

В группе моделей INANIMATE OBJECT IS FLOWER (неодушевленный предмет – это цветок) можно выделить подгруппу ELEMENT IS FLOWER (стихия – это цветок), где представлены модели FIRE IS FLOWER (огонь – это цветок) и WATER (SEA) IS FLOWER (вода (море) – это цветок). Пример первой можно видеть в стихотворении “Laus Amara Doloris” («Горькая похвала страданию»), где с маками («цветами красного сна») сравниваются выстрелы на поле боя, поросшем штыками вместо колосьев: “Those shining acres of the musket-spears – Where flame and wither with swift intercease Flowers of red sleep that not the corn-field bears” [Thompson 1913: 351]. Вторая представлена в стихотворении “A Corymbus for Autumn” («Венец Осени»): бабочка заката (butterfly sunset) трепещет на цветке моря (“the swinging blossom... Of the sea with its blown and ruffled bosom”) роняющем на прибрежный песок волны-лепестки, похожие на лепестки увядшей розы (“crisped petals are loosened and strown Overblown, on the sand; Shed, curling as dead Rose-leaves curl”) [Thompson 1913: 49]. При этом цветком – точнее, цветами, растущими в начищенном медном вазоне солнца – может быть и сам закат (модель SUNSET IS FLOWER(S), близкая к модели FIRE IS FLOWER): “Ere all the intertangled west Be one magnificence Of multitudinous blossoms that o'errun The flaming brazen bowl o' the burnished sun Which they do flower from” [Thompson 1913: 100].

Группа моделей MENTAL ACTIVITY / FEELING IS FLOWER (мыслительная деятельность / чувство – это цветок), возможно, наиболее разнообразна и включает наиболее оригинальные авторские метафоры. В стихотворении “To a Poet Breaking Silence” («Поэту, прерывающему молчание») представлена модель POETRY IS FLOWER (поэзия – это цветок): с цветами, которые опыляются насекомыми,

сопоставляются стихотворения, возникающие в сознании поэта благодаря мистическому опыту – “flowers that night-wings fertilise Mock down the stars' unsteady eyes” [Thompson 1913: 13]. В нескольких стихотворениях присутствует модель LOVE IS FLOWER (любовь – это цветок). В стихотворении “The Poppy” мак (withering flower of dreams), подаренный девочкой лирическому герою, превращается в символ чистой и бескорыстной детской любви, которая сильнее времени: “Love, love! your flower of withered dream In leaved rhyme lies safe, I deem” [Thompson 1913: 78]. В поэме “The Hound of Heaven” («Небесная гончая») лирический герой в богоборческом порыве сравнивает Божественную любовь с сорняками, которые глушат цветы любви к миру в душе человека: “Ah! is Thy love indeed A weed, albeit an amaranthine weed, Suffering no flowers except its own to mount?” [Thompson 1913: 56]. Модель TIME (MEMORY) IS FLOWER (время (память) – это цветок) также представлена в нескольких стихотворениях. В стихотворении “Before Her Portrait in Youth” портрет героини в юности воспринимается лирическим героем как сохранившийся аромат давно увядшего цветка, по которому можно представить сам цветок (то есть героиню в ту пору, когда поэт еще не был с ней знаком): “This dead youth's scent is wafted me to-day. I sit, and from the fragrance dream the flower” [Thompson 1913: 10]. Герой сохраняет в памяти этот образ, словно цветок, который героиня обронила, а он подобрал и сохранил у себя на груди: “This drooping flower of youth thou lettest fall I <...> gather for memorial” [Thompson 1913: 11] – но это не память о живом человеке, а впечатление от произведения искусства. В “The Poppy” мак, цветок сна и забвения, парадоксальным образом пробуждает память героя: “the flower Of sleep brings wakening to me, And of oblivion memory” [Thompson 1913: 78].

Таким образом, флористическая метафора выступает значимым элементом языковой картины мира Ф.Г. Томпсона. Продуктивность и вариативность цветочных образов, одинаково часто выступающих элементами сферы-цели и сферы-источника метафорической проекции, диктуется как канонами викторианской эпохи, так и спецификой авторского идиостиля.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 12-22.

Шарафадина К.И. Дискурс «цветочного наречия» в культурно-бытовой практике и поэзии викторианской эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 50-53.

Thompson F.H. The Collected Poetry of Francis Thompson. London: Hidder & Stoughton, 1913.

*M.V. Semenikhina, Y.G. Timralieva (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State Economic University*

FLORISTIC METAPHOR IN THE POETRY OF F.H. THOMPSON

The article is devoted to floristic metaphors in the works of F.H. Thompson, an English Catholic poet of the turn of the XIX-XX centuries, the main models of their formation and the ratio of individual author's and culturally conditioned elements, in particular the re-interpretation of Victorian “language of flowers”, in these models.

Key words: F.H. Thompson, Victorian literature, metaphor theory, floristic metaphor, individual author's metaphor.

Е.С. Сыщикова, Ю.В. Вережинская (Москва, Россия)
МГИМО(У)МИД России
e.sycshikova@my.mgimo.ru; y.vereshchinskaya@inno.mgimo.ru

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В ТОПОНИМИКЕ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

В статье рассматриваются неофициальные названия географических объектов Испании и Латинской Америки как вторичные топонимические номинации, которые образуются с помощью такого образного средства, как метафора. Выделены обобщающие признаки сходства, лежащие в основе топонимов.

Ключевые слова: метафора, топонимы, топонимы, топонимы, топонимы, топонимы, вторичная номинация.

Одним из наиболее актуальных направлений современной топонимики является изучение топонимов в когнитивном аспекте, т.к. топографические названия не просто обозначают географические объекты, но и отражают социокультурный опыт и миропонимание представителей того или иного лингвокультурного сообщества. «Топонимы, фиксируя географическую действительность в сознании человека, формируют топонимическую картину мира, реконструируют образ самого человека языковыми ресурсами» [Ковлакас 2021]. Когнитивный подход к изучению топонимов позволяет понять, как через язык происходит кодирование и трансформация информации в процессе наименования географических объектов.

Топоним представляет собой номинацию, которая рассматривается нами в рамках теории номинации, предметом изучения которой, согласно Е.С. Кубряковой, являются «как результаты номинации в их статистическом аспекте, так и динамический процесс создания имен в живой речи» [Кубрякова 1978: 13]. Выделяются первичные (первичное означивание) и вторичные номинации (вторичное, повторное означивание).

Несмотря на то, что географические названия – это точные данные, содержащиеся на картах, атласах и в словарях, их первичная номинация не является единственным способом наименования. В последнее время внимание лингвистов привлекают механизмы образования вторичной топонимической номинации, которая создается для придания стилистического эффекта, во избежание повторов, с целью выражения отношения к окружающей действительности, для более полного описания того или иного топонима. Речь идет о так называемых топонимеймах, топонимеймах (в испанской лингвистике “sobrenombres”, “apodos”), т.е. альтернативных, неофициальных названиях географических объектов, которые представляют собой результат коллективного творчества народа и отражают его мировоззрение. Они присущи больше публицистическому, художественному или разговорному стилю и используются наряду с официальными топонимами.

При альтернативном именовании географического объекта выделяются его не основные, а более конкретные, точные признаки. Вторичная номинация несет при этом дополнительную информативную функцию.

Человек, используя свой творческий потенциал, стремится создать новые смыслы на основе уже привычных узнаваемых объектов действительности. Вторичное наименование заключается в «использовании уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия 1977: 129].

Одним из наиболее распространенных способов образования альтернативных топонимов является метафоризация, которая в рамках когнитивной лингвистики

понимается как осмысление окружающего мира человеком посредством языка, как механизм производства новых концептов, как отражение социокультурного представления носителей языка о мире.

Прием переноса значения с одного объекта на другой, выделяя определенные качества предмета или явления по принципу сходства, помогает создать новое знание о познаваемом объекте, отображает языковую картину мира носителей языкового сообщества. По утверждению представителей американской школы когнитивной лингвистики Дж. Лакоффа и М. Джонсона, авторов работы «Метафоры, которыми мы живем», метафоричен не только язык, но и вся понятийная система человека в целом [Лакофф, Джонсон 1990: 387].

Несмотря на то, что процесс метафоризации обладает универсальным характером, каждое языковое сообщество имеет свои национально-культурные особенности метафорических переносов [Верещинская 2008: 74].

Метафоризация топографических названий «выражает устойчивое подобие, постоянный признак географического объекта и, помимо номинативной функции, выполняет еще и функцию характеристики, прошедшую субъективное осмысление человеком определенного географического объекта в момент номинации» [Федотова 2008: 48]. Помимо номинативной и характеризующей роли, вторичная топонимическая номинация на основе метафоры создает яркий запоминающийся образ, имеющий экспрессивно-эмоциональную окрашенность.

Проанализировав собранный материал и изучив метафорическое происхождение многих испаноязычных топонимов, можно выделить несколько групп альтернативных топонимов, в основе которых лежит сходство по следующим признакам:

- ассоциация с всемирно известным городом, например: *La París de América* (Буэнос-Айрес, Аргентина), *La Suiza argentina* (Барилоче, Аргентина), *La Chicago argentina* (Росарио, Аргентина), *Atenas del Ecuador* (Куэнка, Эквадор);

- определенный географический объект данного региона: *La Reina del Plata* (Буэнос-Айрес, Аргентина), *El Balcón de los Andes* (Богота, Колумбия), *La Perla del Pacífico* (Вальпараисо, Чили);

- культурное наследие: *La Cuna de la Nación* (Тласкала, Мексика), *La Ciudad de las Tres Culturas* (Толедо, Испания);

- памятники истории: *La Ciudad de los Murales* (Корриентес, Аргентина), *La Ciudad de las Esculturas* (Ресистенсия, Аргентина), *La Ciudad de los Palacios* (Мехико, Мексика);

- сельское хозяйство и производство региона: *Capital Mundial del Café* (Манисалес, Колумбия), *La Ciudad de las Naranjas Dulces* (Валенсия, Венесуэла), *Capital del Vino* (Ика, Перу), *La ciudad olívica* (Виго, Испания), *Capital bananera del Ecuador* (Эль-Оро, Эквадор);

- флора и фауна региона: *Ciudad de las flores y frutas* (Амбато, Эквадор), *Ciudad de Aves y Cascadas* (Самора-Чинчипе, Эквадор), *La Ciudad de las rosas* (Гвадалахара, Мексика), *La Ciudad Jardín* (Маракай, Венесуэла);

- научные, образовательные, спортивные и другие достижения: *La Docta* (Кордова, Аргентина), *La capital del tango* (Буэнос-Айрес, Аргентина), *Capital Mundial de la Salsa o Capital Deportiva de Suramérica* (Кали, Колумбия), *La Ciudad Estudiantil* (Мерида, Венесуэла), *La Capital Musical* (Баркисимето, Венесуэла);

- часть дома: *La Puerta de Oro de Colombia*, *El Techo de Venezuela* (Мерида, Венесуэла), *La Ciudad de los Techos Rojos* (Каракас, Венесуэла);

- первичность, избранность: *Primer Pueblo Patrio* (Долорес, Аргентина), *Madre de ciudades*, *Raíz de Venezuela* (Коро, Венесуэла), *Cuna del Libertador* (Каракас, Венесуэла);
- сравнение с драгоценным камнем: *La Perla del Atlántico* (Мар-дель-Плата, Аргентина), *La Perla de Occidente* (Гвадалахара, Мексика);
- ассоциация с определенным цветом: *La Ciudad Blanca* (Попаян, Колумбия), *Ciudad Verde* (Эсмеральдас, Эквадор), *La Gris* (Лима, Перу);
- климат и природные явления: *La Ciudad del Viento* (Пунто-Фихо, Венесуэла), *La Ciudad del Crepúsculo* (Баркисимето, Венесуэла), *La Ciudad de la Eterna Primavera* (Медельин, Колумбия), *La Fábrica de Atardeceres* (Манисалес, Колумбия), *La Ciudad del Clima Ideal* (Лос-Текес, Венесуэла), *La Tierra del Sol Amada* (Маракайбо, Венесуэла);
- персонажи известных сказок: *La ciudad de la Bella Durmiente* (Тинго-Мария, Перу), *La Cenicienta* (Кабимас, Венесуэла);
- оценочная характеристика – топонимы могут передавать как положительную коннотацию: *La Linda* (Сальта, Аргентина), *La Isla Bonita* (о.Пальма, Испания), *La Bella Easo* (Сан-Себастьян, Испания), *La cordial* (Санта-Фе, Аргентина), *La Heroica* (Такна, Перу; Картахена, Колумбия), *La Ciudad Milagro* (Армения, Колумбия), *Paraíso entre nieve y café* (Манисалес, Колумбия), *La Ciudad Valerosa* (Момпокс, Аргентина), так и отрицательную: *La capital mundial de la pereza* (Итагуи, Колумбия), *Ciudad Monstruo* (Мехико, Мексика), *Vetusta* (Овьедо, Испания), *El Botxo* (Бильбао, Испания).

Следует отметить, что топонимы городов разных стран нередко совпадают: *La Perla del Pacífico* (Гуаякиль, Эквадор; Кальяо, Перу; Масатлан, Мексика), *La Perla del sur* (Понсе, Пуэрто-Рико; Вальдивия, Чили; Сьенфуэгос, Куба), *La Sucursal del Cielo* (Каракас, Венесуэла; Кали, Колумбия), *La Ciudad jardín* (Фусагасуга, Колумбия; Винья-дель-Мар, Чили), *La Ciudad imperial* (Куско, Перу; Толедо, Испания), *El Ombligo del Mundo* (Куско, Перу; Остров Пасхи, Чили). Наличие у разных этносов тождественных образных названий свидетельствует о частичном совпадении чувственного восприятия мира у народов. Т.е. образное видение разных языковых сообществ имеет не только специфические национальные, но и схожие особенности, что находит отражение в топонимических метафорах.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что вторичные топонимические номинации составляют неотъемлемую часть культуры народа, отражают его менталитет, помогают познать его систему ценностей. Человеческое мышление имеет ассоциативный характер, поэтому одним из наиболее распространенных способов образования альтернативных географических наименований является метафора. Отличительной особенностью метафоры от других способов номинации является ее способность характеризовать окружающую действительность, интерпретировать ее и создавать новое знание, опираясь на уже известное.

Вторичные топонимические названия наряду с первичными формируют топономастическую картину мира, которая является частью ономастического когнитивного пространства. Ее изучение позволяет глубже понять особенности категоризации и концептуализации мира, сопоставить особенности различных этносов и их ономастических систем.

Литература

Верещинская Ю.В. *Metáfora como componente nacional en los títulos periodísticos* / Ю.В. Верещинская // Испанский язык в контексте диалога культур: исследование и преподавание. Материалы III Международной научной конференции испанистов 20-22 марта 2008 г. МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО (У) МИД России. 2008. С. 72-77.

Ковлакас Е.Ф. К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-izucheniya-toponimov-v-kognitivnom-aspekte/viewer> (дата обращения: 25.06.2023).

Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М.: Наука, 1978.

Лакофф Дж., М. Джонсон Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.

Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 129-221.

Федотова Т.В. Специфика метафорических топонимов в аспекте восприятия мира человеком // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 48-51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-metaforicheskikh-toponimov-v-aspekte-vozpriyatiya-mira-chelovekom> (дата обращения: 03.07.2023).

E.S. Syschikova, Yu.V. Vereshchinskaya (Moscow, Russia)
MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations)

METAPHOR AS A WAY OF SECONDARY NOMINATION FORMATION IN TOPONYMY OF SPANISH-SPEAKING COUNTRIES

The article considers informal names of geographical objects in Spain and Latin America as secondary toponymic nominations, which are formed with the help of such figurative means as metaphor. The generalizing signs of similarity underlying toponymic nicknames are highlighted.

Key words: metaphor, toponyms, toponymic nicknames, secondary nomination.

Ван Тяньцзяо (Чэнду, Китай)
Юго-западный университет Цзяотун
931515224@qq.com

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ С КОМПОНЕНТОМ СОВЕСТЬ

Данная статья посвящена описанию когнитивных метафор в русской паремиологии со словом *совесть*. Показано, что в русской языковой картине мира совесть метафорически представлена как конкретный предмет, как ценная вещь и как живое существо. Вывод сделан, что вполне возможно проведение исследования русских пословиц и поговорок о совести с позиций теории концептуальной метафоры.

Ключевые слова: этический концепт «совесть», слово *совесть*, когнитивные модели, концептуальные метафоры, русская паремиология, русская языковая картина мира.

Цель исследования состоит в анализе метафорических моделей, которые воплощены в русской паремиологии с компонентом *совесть*.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решение следующих задач: 1) определение исключительно важного места концепта «совесть» в русской языковой картине мира (сокращено дальше как РЯКМ); 2) указание ключевой роли паремиологии в выражении этнически культурных особенностей русского народа; 3) построение моделей концептуальной метафоризации, запечатленных в русских паремиологических единицах со словом *совесть*.

Для достижения поставленной выше цели применяются следующие методы исследования: метод концептуального анализа, метод когнитивно-семантического анализа и метод дискурсивного анализа.

Нет сомнения, что «совесть», одна из ключевых и инвариантных идей русской национальной картины мира, имеет огромное и уникальное значение для русских людей. Поскольку совесть, как таковая, не есть ни чувство, ни состояние, а есть автономный компонент внутреннего человека, который формирует нравственную личность и учит человека поступкам [Арутюнова 2000: 58]. Это, во-первых. А во-вторых, она является моральным тормозом, блокирующим реализацию аномальных желаний или побуждений [Апресян 1995: 353]. В-третьих, она не только наделяет человека способностью различать добро и зло, но и направляет его поступки в сторону добра [Зализняк 2005: 393]. Здесь сразу видно, что совесть имеет тесную связь с добром и злом, которые находятся на базовом уровне категоризации в рамках этики и по отношению, к которым «совесть» определяется интегрирующим понятием вышестоящего уровня [Ван Тяньцзяо 2020: 137]. Именно в этой связи концепт «совесть» морального характера привлекает к себе наше исследовательское внимание.

В научной парадигме когнитивистики суть концептуальной метафоризации заключается более всего в осмыслении новых, абстрактных, незнакомых понятийных сфер в терминах сфер, стоящих ближе к непосредственному опыту человека [Радбильт 2017: 44]. Иначе говоря, метафора рассматривается как один из когнитивных способов, репрезентирующих знания и опыт в языковой форме [Кубрякова и др. 1997: 55], и поэтому представляется ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия [Петров 1990: 135]. Все это служит теоретической базой для построения моделей метафорического переноса, отображенных в паремиях с компонентом *совесть*.

Если речь идет о паремиологии, то следует подчеркнуть ее ключевую роль в воплощении национально-культурной специфики, характерной для русского народа. На наш взгляд, в русских паремиях не только содержатся разнообразные данные об эмпирическом опыте говорящих по-русски, но и находится отражение тех или иных культурно значимых концептов, имеющих огромную важность для русского народа, а также показываются его способы когнитивного структурирования знаний об окружающей среде. Все это мы можем увидеть в пословицах и поговорках о совести, ценность которых объясняется глубоким содержанием и мудростью [Муфазалова 2011: 357].

Первая когнитивная модель – это концептуальная метафора «совесть = конкретный предмет», выраженная в следующих паремиях о совести:

- У него совесть – дырявое решето;*
- У него совесть мешок, что хошь положи;*
- Совесть в карман не положишь;*
- К кафтану совесть не пришьешь;*
- Когда совесть раздавали, его дома не было;*
- Чужая совесть – могила;*
- Бородка Минина, а совесть глиняна и др.*

Из этих единиц очень хорошо видно, что вещественные существительные *решето*, *мешок* и *могила*, переходные глаголы *положить*, *пришить* и *раздавать*, и прилагательное *глиняный*, употребляющиеся преимущественно в выражении характеристик и функций «конкретного предмета» и включающиеся при этом в его лексико-семантическое поле, сочетаются с существительным *совесть*, являющимся

языковым репрезентантом этического концепта «совесть». В связи с этим целевой домен «совесть» приобретает конкретные образы, такие как «дырявое решето», «мешок», «могила», «украшение для одежды» и представляющие собой типичные образцы в категории «конкретного предмета». В этих единицах еще хорошо показано, что «совесть» может быть не только положена в карман, но и роздана кому-то другому, а также сделана из глины. Модель «совесть = конкретный предмет», таким образом, входит как в категорию образных метафор, так и в группу структурных метафор.

Вторая когнитивная модель – это концептуальная метафора «совесть = ценная вещь», основанная на метафоре «совесть = конкретный предмет» и воплощенная в следующих паремиологических единицах о совести:

Деньги потеряешь – можно нажить, а совесть потеряешь – беду узнаешь;

За совесть да за честь – хоть голову снести;

Совесть потеряешь – другой не купишь;

У него ни на полушку совести нет;

Богатый совести не купит, а свою погубляет;

Совесть дороже золота и пр.

Для начала нужно указать, что «ценная вещь» в русском национальном сознании означает предмет, имеющий значимость, которая оценивается не только в деньгах, но также и в эмоциях. Из вышеперечисленных единиц видим, что слова, такие как *деньги*, *купить*, *полушка*, *богатый*, *дорогой* и *золото*, использованные прежде всего для описания особенностей и функций «ценной вещи» и тем самым входящие в ее лексико-семантическое поле, сочетаются с лексической единицей *совесть*, представляющей языковым выражением одноименного концепта «совесть», в результате чего совесть получает когнитивные признаки типа высокой стоимости. Однако здесь отметим, что значения этих паремиологических единиц дают нам основание предполагать, что в РЯКМ совесть ни в коем случае нельзя обменять на денежные средства.

Что касается пословицы *За совесть да за честь – хоть голову снести*, то надо подчеркнуть, что ее внутренняя форма играет очень важную роль в формировании модели «совесть = ценная вещь». Поскольку на основе семантических особенностей и синтаксических структур этой пословицы стилистически формируется яркий образ, при помощи которого мотивировано реальное значение этой языковой единицы, т.е. «человек совершает какой-то поступок, следуя тому, что говорит ему совет или защищая свою честь», и который позволяет нам говорить о совести как о ценной вещи.

Третья когнитивная модель – это концептуальная метафора «совесть = живое существо», запечатленная в нижеперечисленных паремиях:

Добрая совесть не боится клеветы;

Добрая совесть любит обличение;

Совесть без зубов, а грызет;

Худая совет в рукавицах гуляет;

У него совесть в прошлом году в бутылке задохнулась;

Без рук, без ног – калека, без совести – полчеловека;

Совесть верный советник;

С совестью не разминуться и др.

Из этих языковых единиц сразу видно, что глаголы, такие как *бояться*, *любить*, *грызть*, *гулять*, *задохнуться* и *разминуться*, употребляющиеся больше всего в отображении признаков и функций, которыми обладает лишь «живое существо», и отнесенные к его лексико-семантическому полю, сочетаются со словом *совесть*, являющимся языковым воплощением морального концепта «совесть», в соответствии

с чем совесть одушевляется как живое существо, имеющее способность произвольного движения. Вот и причина, почему в русских поговорках зафиксированы следующие выражения: *совесть не боится клеветы, совесть любит обличение, совесть грызет, совесть задохнулась, совесть в рукавицах гуляет, с совестью не разминуться.*

Что же касается поговорок *Совесть верный советник* и *Без рук, без ног – калека, без совести – полчеловека*, то следует указать, что в них совести приписаны имидж «советник» и «полчеловека», которые, в свою очередь, представляют собой яркие образцы в категории «живого существа». Мы, таким образом, полагаем, что модель «совесть = живое существо» отнесена как к группе структурных метафор, так и к категории образных метафор.

В заключение подчеркнем, что в ходе описания метафорических моделей понятия «совесть», закрепленных за русскими поговорками, мы получаем возможность посмотреть уникальные способы когнитивного структурирования знаний об этом понятии. В сознании русского народа совесть может быть представлена как конкретный предмет, как ценная вещь и как живое существо. Здесь укажем, что модели «совесть = конкретный предмет» и «совесть = живое существо» являются не только структурными метафорами, но и образными метафорами, а модель «совесть = ценная вещь» – структурной метафорой. Полагаем, что в дальнейших исследованиях подобного типа возможно проведение анализа с позиций теории концептуальной метафоры.

Литература

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54-78.

Ван Тяньцзяо. Когнитивная интерпретация этических концептов «добро» и «зло» как категорий базового уровня // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 135-139.

Зализняк А.А. О семантике щепетиельности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: ЯСК, 2005. С. 378-397.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.

Муфазалова Л.С. Концепт совесть в русской языковой картине мира // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 11. С. 352-357.

Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135-141.

Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017.

*Wang Tianjiao (Chengdu, China)
Southwest Jiaotong university*

CONCEPTUAL METAPHORS IN RUSSIAN PAREMIOLOGY WITH COMPONENT CONSCIENCE

This article is devoted to the description of cognitive metaphors in Russian paremiology with the word *conscience*. It is shown that in the Russian language picture of the world conscience is

represented as a concrete object, as a valuable thing and as an animated object. The conclusion is made that it is quite possible to conduct a study of Russian sayings about conscience from a cognitive metaphorical point of view.

Key words: ethical concept of conscience, word *conscience*, cognitive models, conceptual metaphors, Russian paremiology, Russian language picture of the world.

Е.А. Чуксина (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

evgeniyach96@yandex.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА FEAR ПО МОДЕЛИ FEAR – HUMAN BEING

Статья посвящена выявлению характеристик концепта FEAR. Анализируется метафорическая репрезентация концепта FEAR по модели FEAR – HUMAN BEING. Эмоциональное состояние страха представлено в виде события, в котором выделяются три этапа: начало эмоционального переживания, непосредственное эмоциональное переживание и завершение эмоционального переживания. Определяются особенности каждого из перечисленных этапов.

Ключевые слова: концепт FEAR, событие, этапы переживания, метафорическая модель FEAR – HUMAN BEING.

Абстрактные сущности, к которым относятся эмоции, могут приобретать видимые очертания в ходе их сопоставления с неабстрактными предметами на основе общего признака, т.е. в ходе метафорического переноса. Метафора, являясь когнитивным механизмом, играет большую роль в изучении того, как человек воспринимает и конструирует свой внешний и внутренний мир. Формируя новый образ (концепт) познаваемого в соответствии со старой системой координат в сознании, в языке человек часто вынужден использовать уже имеющиеся единицы, комбинируя их нетипичным способом. Создаваемые по той или иной метафорической модели выражения в результате частого их использования перестают восприниматься новыми, однако образность теряет языковая метафора, а не лежащая в ее основе метафорическая модель. Это происходит, потому что «стертым» оказывается метафорический перенос, созданный на основе одного какого-то признака исходного образа, в то время как неучтенными остаются другие его характеристики, проведение аналогий с которыми может способствовать появлению других различных по степени образности метафорических выражений.

Целью данной работы является выявление характеристик концепта FEAR, которые отражаются в языковых выражениях, образованных по метафорической модели FEAR – HUMAN BEING. Основой для создания переносов по указанной модели служит совокупность признаков, являющихся частью события, участником которого является человек.

Переживание эмоции страха в работе рассматривается как внутреннее событие, которое имеет три основных этапа: начало эмоционального переживания, непосредственное эмоциональное переживание и завершение эмоционального переживания. На каждом из этих этапов выделяются «действующие лица»: эмоция, субъект эмоции, объект эмоции, взаимодействие которых обуславливается такими характеристиками этапа, как интенсивность и продолжительность переживания.

Основным «лицом», действия которого на том или ином этапе сопоставляются с действиями человека, является эмоция.

Таким образом, этапы, на которых эмоция возникает, переживается и завершается, сопоставляются с этапами, на которых человек появляется где-то, находится в процессе воспроизведения определенного действия и покидает определенное место. Некоторые характеристики человека в ходе его взаимодействия с другими участниками события на определенном этапе последнего, а также некоторые характеристики самого этапа при помощи метафорического переноса становятся характеристиками эмоции, конкретного этапа ее переживания.

Материалом для исследования в данной работе стали следующие произведения английской литературы эпохи Модернизма: романы Герберта Уэллса «Война миров» и «Война в воздухе», роман Вирджинии Вулф «На маяк» и роман Джеймса Джойса «Портрет художника в юности».

Далее рассматриваются способы метафорической репрезентации по модели FEAR – HUMAN BEING каждого из перечисленных выше этапов эмоционального состояния.

1. Начало эмоционального переживания.

Как известно, человек способен возникать в жизни другого человека разными способами в зависимости от ситуации. Если один человек является противником другого, то их встреча может происходить в момент нападения одного на другого, а власть одного над другим приобретаться в результате борьбы. При этом тот, на кого нападают и тот, кто оказывается побежденным испытывают ощущения, которые в некоторых случаях могут быть схожи с ощущениями человека на начальном этапе переживания эмоции страха. Именно поэтому страх часто сопоставляется с противником, а возникновение эмоции – с актом нападения. Выявлено, что этап начала эмоционального переживания может передаваться при помощи глаголов, выражающих борьбу, таких как *to seize*, *to conquer*, *to overcome*, которые в сочетании с номинантом эмоции, находящимся в позиции синтаксического субъекта, объективируют метафорическую модель FEAR – HUMAN BEING.

(1) "*Then at a certain point **terror seized him** and he took to his heels in the direction of Goat Island*" (H.G. Wells "*The War in the Air*").

В приведенном примере этап возникновения эмоции репрезентируется при помощи сочетания номинанта эмоции *terror* с глаголом *to seize* и личным местоимением *him*. Лексема *terror*, согласно своему словарному значению, передает высокую степень интенсивности переживания эмоции. Глагол *to seize* указывает на восприятие возникновения эмоции как процесса, внезапно и негативно воздействующего на субъект эмоции.

Если процесс наступления эмоционального состояния, согласно восприятию субъекта, не является резким, то этот процесс может сопоставляться с постепенным появлением одного человека в жизни другого и объективироваться при помощи выражающих движение глаголов *to come in/over/back*, *to return*, которые находятся в сочетании с номинантом эмоции.

(2) "*""Mrs. Ramsay! Mrs. Ramsay!" she cried, feeling **the old horror come back**...*" (Virginia Woolf "*To the Light house*").

В примере 2 восприятие эмоции страха, как человека, который возвращается к другому человеку, отражается при помощи объективирующего метафорическую модель FEAR – HUMAN BEING сочетания существительного *horror* с глаголом *to come back*. Существительное *horror* выражает высокую интенсивность переживания, в то время как глагол *to come back* указывает на отсутствие «резкости» в появлении эмоции.

2. Непосредственное эмоциональное переживание.

Проявляя себя, страх, как правило, оказывает определенное часто интенсивное и негативное воздействие на субъект эмоции, которое умышленно или неумышленно может оказывать один человек на другого.

(3) "**Terror is the feeling which arrests the mind in the presence of whatsoever is grave and constant in human sufferings and unites it with the secret cause**" (James Joyce "A Portrait of the Artist as a Young Man").

В примере 3 выражается осмысление интенсивного отрицательного воздействия, которое страх оказывает на мыслительные процессы субъекта эмоции. Метафорическая модель FEAR – HUMAN BEING объективируется в этом предложении при помощи сочетания номинанта эмоции *terror (the feeling)* с глаголом *to arrest* и существительным *the mind*. В этом примере имеет место также метонимический перенос по модели Part – for – Whole, который позволяет выделить часть субъекта эмоции – сознание, на которое происходит прямое воздействие.

3. Завершение эмоционального переживания.

Характер завершения эмоционального переживания может сопоставляться с тем, как человек покидает какое-либо место: самостоятельно или несамостоятельно. Если субъект прикладывает усилия к прекращению собственного эмоционального переживания, то последнее завершается несамостоятельно, если же не прикладывает – самостоятельно. Процесс несамостоятельного завершения эмоционального переживания часто передается при помощи сочетания номинанта эмоции страха с глаголами, выражающими борьбу, такими как *to fight, to conquer, to overcome* и другими.

(4) "**At last, as the bridge at Walton was coming into sight round the bend, my fever and faintness overcame my fears, and I landed on the Middlesex bank and lay down, deadly sick, amid the long grass**" (H. G. Wells "The War of the Worlds").

В примере 4 при помощи сочетания существительных *fever* и *faintness* с глаголом *to overcome* и номинантом эмоции *fears* репрезентируется метафорическая модель FEAR – HUMAN BEING, а также метонимическая модель Part – for – Whole и иллюстрируется ситуация, когда эмоциональное переживание завершается в результате борьбы, в которой победу над эмоцией одерживает физиологическое состояние человека.

Процесс самостоятельного завершения переживания эмоции страха объективируется при помощи сочетания номинанта эмоции страха с глаголами, выражающими движение, переход из одного состояния в другое (*to go, to pass away*).

(5) "**With us it would be as with them, to lurk and watch, to run and hide; the fear and empire of man had passed away**" (H. G. Wells "The War of the Worlds").

В примере 5 процесс постепенного исчезновения эмоционального состояния передают существительное *fear* и глагол *to pass away*, сочетание которых объективирует метафорическую модель FEAR – HUMAN BEING.

Таким образом, в ходе анализа репрезентации метафорической модели FEAR – HUMAN BEING были выявлены следующие характеристики концепта FEAR:

1. Резкий, негативный характер возникновения страха и постепенный, но все же интенсивный и отрицательный характер возникновения эмоции.

2. Высокая интенсивность проявления страха, которая часто приводит к нежелательным для субъекта эмоции последствиям.

3. Сложный требующий от субъекта эмоции усилий процесс завершения эмоционального переживания и вызванный не субъектом эмоции, а исчезновением или изменением объекта эмоции, процесс завершения эмоционального переживания.

В заключение важно отметить, что возможность представления эмоционального состояния в виде события обуславливает возможность представления концепта эмоции в виде сценария. Изучение особенностей последнего можно считать перспективным продолжением исследования.

Литература

Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2022.

Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.

Joyce J.A. Portrait of the Artist as a Young Man. URL: <https://www.gutenberg.org/files/4217/4217-h/4217-h.htm> (дата обращения: 15.06.2023).

Wells H.G. The War in the Air. URL: <http://www.literaturepage.com/read/wells-war-in-the-air-193.html> (дата обращения: 15.06.2023).

Wells H.G. The War of the Worlds. URL: <https://www.gutenberg.org/files/36/36-h/36-h.htm> (дата обращения: 15.06.2023).

Woolf V. To the Lighthouse. URL: https://royallib.com/read/Woolf_Virginia/To_the_Lighthouse.html#0 (дата обращения: 15.06.2023).

*Е.А. Чуksина (Тамбов, Россия)
Derzhavin Tambov State University*

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE FEAR CONCEPT ACCORDING TO THE FEAR – HUMAN BEING MODEL

The article is devoted to defining the characteristics of the FEAR concept. The objectification of the metaphorical model FEAR – HUMAN BEING is analyzed. The emotional experience is presented in the form of an event in which three stages are distinguished: the beginning of the emotional experience, the immediate experience, the end of the experience. The features of each of these stages are revealed.

Key words: FEAR concept, event, stages of the emotional experience, metaphorical model FEAR – HUMAN BEING.

*Е.С. Шмелева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
katherineshm@gmail.com*

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТАБЛОИДОВ 2000-2022 ГГ.¹)

Данная работа посвящена рассмотрению лингвокреативного потенциала метафоры и метонимии в медийном дискурсе. Выводы о дискурсивно-обусловленной специфике реализации данных тропов делаются на основании результатов параметрического анализа лингвокреативности текстов англо- и русскоязычных таблоидов за период 2000-2022 гг.

Ключевые слова: метафора, метонимия, лингвокреативность, параметрический анализ, медийный дискурс.

¹ «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН».

Будучи описанными еще древнегреческими философами, метафора и метонимия представляются одними из основополагающих тропов. Так, первое определение метафоры принадлежит Аристотелю: «Переносное слово (*metaphora*) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 1984: 669]; в свою очередь термин «метонимия» впервые встречается в перечне Трифона, где трактуется как «выражение, равнозначность чрез равноименность поясняющее» [Москвин 2021: 100].

В рамках актуальной лингвистики, в частности, в когнитивной стилистике данные определения были уточнены в том смысле, что метафора и метонимия рассматриваются не просто как выразительные средства языка, но как стилистические приемы, т. е., следуя определению Е. Г. Беляевской, они представляют собой особые когнитивные модели «формирования контекста» (модели «преобразования контекстов»), которые «по-разному» функционируют «в разных типах дискурса» [Беляевская 2013: 9, 16]. Особо отмечается роль стилистических приемов как инструмента реализации лингвокреативного потенциала языка, при этом под лингвокреативностью мы, вслед за И. В. Зыковой, понимаем «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» [Зыкова 2017: 638].

Текущая работа посвящена выявлению лингвокреативного потенциала метонимии и метафоры в медийном дискурсе и основывается на методике дискурсивно-параметрического анализа, в рамках которой креативная актуализация стилистических приемов фиксирует реализацию параметра лингвокреативности 410 – «стилистический троп» (прием) (см. подробнее о разработке понятия «параметризация лингвокреативности» в [ЛДРТ 2021]); полный список параметров лингвокреативности см. в [ЛДРТ 2021: 558-560]). Исследование проведено на материале двух выборок из текстов рабочего корпуса, включающего статьи наиболее тиражных изданий популярной прессы 2000-2022 гг. на английском (*The Daily Mail*, *The Daily Mirror*, *The Sun*) и на русском языках («АиФ», «КП» и «МК»). Объем каждой выборки составил 50 статей, что видится достаточным с учетом того, что в выборках, изученных ранее с использованием данной методики, при увеличении объема материала отсутствовали значимые отклонения результатов (см. [Зыкова, Киосе 2020: 9]).

Необходимо особо отметить, что методика параметризации лингвокреативности предполагает фиксацию лишь таких контекстов использования тропов, чья креативность дискурсивно обусловлена, т. е. которые представляются креативными для изучаемого дискурса. Поскольку дискурсивно-обусловленное разграничение креативных и некреативных контекстов актуализации стилистических приемов зачастую представляет трудности, одним из ключевых факторов определения уровня креативности тропов в медийном дискурсе для нас стала типичность (частотность) их реализации. К примеру, случаи введения метонимии для обозначения аппарата власти или руководства организаций как креативные не помечались: как известно, в рамках медийного дискурса на обоих языках, в отличие, например, от дискурса художественной литературы, такая актуализация данного стилистического приема является в известной степени клишированной (1, 2):

(1) *The move is a blow to Japan Tobacco.* – Решение стало ударом для Japan Tobacco (“**Russia to ban smoking in public places**”, The Daily Mail, 26.02.2013);

(2) *Россия <...> прекратила связи с Китаем* («**Ученые объяснили удивительную ситуацию с коронавирусом в КНДР**», МК, 16.05.2022).

В то же время были установлены отдельные случаи реализации метонимии, которые представляются оригинальными и креативными для медийного дискурса. В приведенных ниже контекстах метонимия формирует стилистические конвергенции с другими тропами – метафорой (3) и гиперболой (4) – что, по нашему мнению, не только усиливает лингвокреативный потенциал данного стилистического приема, но и, в целом, может служить указанием на креативный характер его реализации. Тенденцию к креативной синхронной реализации стилистических приемов мы также связываем с понятием гибридизации [Шмелева 2021] – в данном случае, одноуровневой. По нашим данным, число случаев креативного использования метонимии составляет не более 3% от числа стилистических приемов обеих выборок.

(3) *[Kim Jong-un] plunges the country into lockdown.* – [Ким Чен Ын] «погрузил» страну в изоляцию (“**Kim Jong Un-Well**”, The Sun, 12.05.2022);

(4) *[В Китае] эпидемии тоже не наблюдалось в то время, когда болел весь мир* («**Ученые объяснили удивительную ситуацию с коронавирусом в КНДР**», МК, 16 мая 2022 г.).

Установленные случаи формирования метафоры в рамках изученных выборок также фиксируют лишь контексты, которые представляются креативными в выбранном типе дискурса и в языке в целом, вследствие чего так называемые «стершиеся» метафоры (*trite metaphors*) [Гальперин 1958: 129] рассмотрены не были. Кроме того, выявлены многочисленные языковые метафоры, которые И. Р. Гальперин называет «штампованными», указывая, что «их особенно много в стиле газетном» [Гальперин 1958: 129]. Несмотря на «оттенок штампованности» метафоры такого типа предполагают креативную реализацию лексем «для более эмоциональной, образной интерпретации описываемых явлений» [Гальперин 1958: 129] и, соответственно, также активируют параметр лингвокреативности 410 (5):

(5) *COVID-19 несет за собой шлейф последствий* («**Переболевшие коронавирусом рискуют умереть в течение года**», МК, 18.05.2022).

Наиболее креативные случаи реализации метафоры (6, 7), которую И. Р. Гальперин называет «оригинальной», т. е. созданной сугубо «творческим воображением автора» [Гальперин 1958: 129], в рассмотренных текстах таблоидов многочисленны и составляют более 40% от числа тропов обеих выборок популярной прессы 2000-2022 гг.

(6) *<...> штамм «Дельта», который зародился именно в Индии, этой кастрюле с закрытой крышкой, где кипели, подогреваясь на жаре и влажности всевозможные модификации COVID-19* («**Индия обвинила ВОЗ в умышленном вранье о смертности из-за ковида**», МК, 17.05.2022);

(7) *Putin has a secret health battle.* – Путин ведет секретное сражение за свое здоровье (“**Trembling Tyrant**”, The Sun, 22.04.2022).

Интересная тенденция в отношении так называемой «творческой» (или «оригинальной» [Гальперин 1958: 129]) метафоры была выявлена в ходе анализа выборки русскоязычных статей таблоидов: по нашим данным, в ходе креативной реализации метафоры нередко синхронно активируется параметр лингвокреативности 602, фиксирующий креативное употребление знаков препинания (в данном случае речь идет об употреблении кавычек) (8):

(8) *И в целом мозг «худеет», теряет объем после ковида. («Из-за ковида мозг уменьшается?»)*, КП, 01.11.2022 г.).

Несмотря на то, случаи употребления кавычек для указания на метафоричный характер реализации единиц не редки в русскоязычном дискурсе, мы трактовали подобные примеры как креативные, считая, что они построены на межуровневой гибридизации лингвокреатом (см. [ЛДРТ 2021: 538-540]), связанной с одновременной активацией параметров лексического и орфографического уровней. Креативную природу употребления кавычек в данном случае определяет и тот факт, что не во всех контекстах (9) корпуса примеры использования метафоры подлежали выделению знаками препинания:

(9) *<...> какой ад творился прошлой весной в Индии? («Индия обвинила ВОЗ в умышленном вранье о смертности из-за ковида»)*, МК, 17.05.2022)

В выборке текстов англоязычных таблоидов 2000-2022 гг. аналогичных случаев межуровневой гибридизации лингвокреатом, связанной с новацией в области знаков препинания в ходе реализации метафоры, установлено не было.

Итак, как показало текущее исследование, случаи использования метафоры и метонимии в дискурсе англо- и русскоязычных таблоидов 2000-2022 гг. достаточно многочисленны, однако не все из них реализуют лингвокреативный потенциал языка. Представляется, что метонимия и метафора креативны лишь в том случае, когда данные стилистические приемы оригинальны как в рамках языка в целом, так и в определенном (медийном) типе дискурса. Лингвокреативный потенциал метафоры и метонимии в медийном дискурсе усиливается в случае их синхронной актуализации (гибридизации) с другими лингвокреатемами. Кроме того, правомерно говорить о градуальности лингвокреативных реализаций тропов: к примеру, «штампованная» метафора представляется менее креативной, чем «оригинальная».

Литература

Аристотель. Поэтика / пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.

Беляевская Е.Г. Моделирование стилистических приемов в дискурсе // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та: вып. 17 (677). Сер. Языкознание. М.: МГЛ, «Рема». 2013. С. 7-17.

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.

Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26-40.

Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности / Отв. ред. Зыкова И.В. М.: Р. Валент, 2021.

Москвин В.П. Двусмысленность речи: стилистический аспект // Вестник Томского государственного ун-та. Филология. 2021. № 70. С. 90-120.

Шмелева Е.С. Гибридизация (лингво)креатом в англо- и русскоязычных медиа (на материале текстов о событиях актуальной российской политики) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 107-122.

*E.S. Shmelyova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

**LINGUOCREATIVE POTENTIAL OF METAPHOR AND METONYMY
IN MEDIA DISCOURSE (BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE TABLOID
ARTICLES DATED 2000-2022)**

The article aims to research the linguocreative potential of metaphor and metonymy in media discourse. Conclusions on discourse-bound use of these stylistic devices are made based on the results of parametric analysis of English and Russian language tabloid articles dated 2000-2022.

Key words: metaphor, metonymy, linguistic creativity, parametric analysis, media discourse.

*Н.В. Шутемова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
n.shutemova@spbu.ru*

МЕТАФОРА В ДОКУМЕНТАЦИИ ПРОЕКТА «ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ»¹

Предметом рассмотрения с когнитивно-прагматических и лингвокультурологических позиций является специфика метафоры в корпусе деклараций о ценности объектов всемирного наследия. Выявлено, что метафорическое осмысление свойств достопримечательностей включено в положительную экспертную оценку их уникальности и концептуализацию национального достояния как универсально значимого.

Ключевые слова: концептуализация, метафора, категория оценки, институциональный дискурс, декларации о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия.

Декларации о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия образуют корпус документов, составляющих лингвистическое обеспечение международного проекта, и содержат информацию о природных и культурных памятниках, которые та или иная страна считает своим уникальным достоянием, важным для всего человечества. В контексте обозначенной темы необходимо отметить, что декларации создаются самим государством и поэтому репрезентируют результат культурной интроспекции. Она направлена на выявление глобально значимого в том, что ценно для отдельного региона, включая его историю, искусство, природу и другие аспекты.

Когнитивно-дискурсивный анализ указанной документации показал, что важную роль в ней играет категория оценки, которую мы понимаем, как деятельность, связанную с познанием ценности объекта и формированием ценностного отношения к нему [Болдырев 2019; Петухова, Хомякова 2020]. Несмотря на официально-деловой характер текстов, предполагающий их безэмоциональность, императивность и стандартизированность, основным средством выражения оценки в них являются эпитеты, которые образуют развернутую систему синонимии (например, “outstanding”, “unique”, “exceptional”, “unrivalled”, “distinguished”, “unparalleled”; “universal”, “important”, “significant”, “vital”; “picturesque”, “scenic”, “beautiful”, “harmonious”). Изучение их контекстуальной семантики и функций позволило установить, что объективируемое в декларациях познание свойств объектов сопровождается

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (научный проект ID 105717049).

экспертным оцениванием значимости и уникальности их истории, инженерных решений, геологического портрета, географического положения, художественности, богатства флоры и фауны. На основе существующих классификаций видов оценки [Арутюнова 1988; Вольф 2005; Ивин 1970] можно обобщить, что аксиопространство текстов включает и рациональную, и эмоциональную оценку, которая в целом носит преимущественно положительный характер.

Важную роль в реализации категории оценки в декларациях играет метафорическая интерпретация объектов, что является предметом рассмотрения в данной статье в когнитивно-прагматическом и лингвокультурологическом ракурсах. При этом мы исходим из трактовки метафоры как когнитивного механизма, обеспечивающего взаимодействие разных концептуальных областей [Lakoff, Johnson 1980]. Ключевой в корпусе является концептуальная, намеренная метафора музея. Она носит «зонтиковый» характер, охватывая не только культурные объекты (произведения архитектуры, садово-паркового искусства, наскальные росписи и др.), но и природные заповедники. Именно так осмысляется архипелаг Галапагос, который первым получил статус объекта всемирного наследия: “Situating in the Pacific Ocean some 1,000 km from the South American continent, these 19 islands and the surrounding marine reserve have been called **a unique ‘living museum and showcase of evolution’**” [GI]. Данная метафора предполагает перенос структуры модели области источника (музей как учреждение, занимающееся собиранием, хранением и демонстрацией объектов, обладающих ценностью в определенном аспекте, в частности художественной, исторической, геологической и др.) на структуру области цели: архипелаг сохраняет богатство уникальной флоры и фауны, вдохновившее Ч. Дарвина на создание эволюционной теории и уподобленное богатой коллекции ценных экспонатов.

Метафора музея лежит в основе высокой экспертной оценки объектов разных стран, способствуя формированию цельности и связности всего корпуса документов. Так, метафорическая концептуализация Галапагоса получает развитие при оценке значимости Байкала, который интерпретируется как российский Галапагос (“Galapagos of Russia”): “Known as the **‘Galapagos of Russia’**, its age and isolation have produced one of the world’s richest and most unusual freshwater faunas, which is of exceptional value to evolutionary science” [LB]. «Естественным/природным музеем» (“natural museum”) мыслится объект «Пейзажная достопримечательная зона Цзючжайгоу» в Китае, которая характеризуется уникальными карстовыми образованиями, водопадами, озерами, реликтовыми лесами, где обитают исчезающие виды растений и животных: “The Jiuzhaigou Valley Scenic and Historic Interest Area... is **a ‘natural museum’ for alpine karst hydrology and research**” [JV].

Интересно отметить, что разнообразие природных «экспонатов» получает в документах дополнительное осмысление посредством субординированной метафоры калейдоскопа. Например, представление о причудливости и неожиданной смене разноцветных узоров, складывающихся в этом оптическом устройстве, переносится на оценку палитры и форм подводного мира архипелага Сент-Килда, уникальной флоры и фауны его морского заповедника: “The plunging underwater rock faces are festooned with sea life – **a kaleidoscope of colour and form** kept in constant motion by the Atlantic swell, creating an underwater landscape of breathtaking beauty” [SK].

Однако аксиопространство всего корпуса деклараций, помимо «сквозной» метафоры музея, включает взаимодействие концептуальных областей,

характеризующее своеобразие национальной картины мира. В качестве примера рассмотрим декларации о культурном и природном наследии Китая.

Так, высокая экспертная оценка горного хребта Хуаншань, чей образ использовался в художественной литературе и изобразительном искусстве, создавшем известный китайский стиль «шань-шуй» («гора и вода»), включает метафорическую интерпретацию красоты пейзажа. Гранитные вершины видятся постоянно погруженными в «море облаков» (“sea of clouds”). Эта метафора лежит в основе названия известного вида на гору, открывающегося при взгляде с высоты вниз. Кроме того, Хуаншань уподобляется магниту (“magnet”), притягивающему отшельников, поэтов и художников (a magnet for hermits, poets and landscape artists): “Mount Huangshan became **a magnet for hermits, poets and landscape artists**, fascinated by its dramatic mountainous landscape consisting of numerous granitic peaks, many over 1,000 m high, emerging through **a perpetual sea of clouds**” [MH].

Метафоричен и ороним, обозначающий самый высокий пик хребта “Lotus Flower Peak”: “The property features numerous imposing peaks, 77 of which exceed an altitude of 1,000 m, with the highest, **the famous Lianhua Peak (Lotus Flower Peak)**, reaching up to 1,864 m” [ibid.]. В данном случае наименование горы обусловлено метафорической трактовкой ее формы, на представление о которой проецируется образ цветка лотоса.

Метафорическое видение ландшафта актуализируется и при высокой оценке уникального рельефа Южно-Китайского карста. Она аргументируется научными фактами, связанными с перечислением карстовых и иных формаций, что репрезентируется посредством специальной лексики соответствующих предметных областей. На представление о форме карстовых объектов проецируется знание из предметной области «геометрия» и «архитектура»: “cone karst” («конический карст»), “pinnacle karst” («пинаклевидный карст»), “tower karst” («башенный карст»), “natural bridges” («естественные мосты»): “South China Karst is one of the world’s most spectacular examples of humid tropical to subtropical karst landscapes. It is a serial site spread over the provinces of Guizhou, Guangxi, Yunnan and Chongqing and covers 97,125 hectares. It contains the most significant types of karst landforms, including **tower karst, pinnacle karst and cone karst** formations, along with other spectacular characteristics such as **natural bridges, gorges and large cave systems**” [SCC]. Актуализирована и метафорическая проекция, лежащая в основе термина “table mountain” («столовая гора»).

Таким образом, исследование показало, что для деклараций о ценности объектов всемирного наследия характерно использование не только конвенциональных, но и концептуальных метафор. Они являются намеренными, мотивированы интенцией адресата и способствуют реализации основных функций деклараций, к которым относятся информирование, оценка и убеждение. Этому служит и актуализация метафорической основы онимов и терминов. В целом метафорика деклараций позволяет проследивать процессы интерпретации национально-культурного как глобально значимого и формирования концепта «выдающаяся универсальная ценность».

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43-52.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2005.
Ивин А.А. Основания логики оценки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970.

Петухова Т.И., Хомякова Е.Г. Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 53-63.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by.* Chicago: University of Chicago Press, 1980.

GI – Galapagos Islands. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1/> (accessed 12 July 2023).

JV – Jiuzhaigou Valley Scenic and Historic Interest Area. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/637/> (accessed 15 July 2023).

LB – Lake Baikal. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/754/> (accessed 15 July 2023).

MH – Mount Huangshan. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/547/> (accessed 10 August 2023).

SCC – South China Karst. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1248/> (accessed 10 August 2023).

SK – St Kilda. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/387/> (accessed 11 August 2023).

N.V. Shutemova (Saint Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State University,

METAPHOR IN STATEMENTS OF OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE OF WORLD HERITAGE SITES

The research is focused on the role of metaphors in Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites and is based on principles developed in cognitive, pragmatic and cultural linguistics. Metaphors are revealed to be involved in the positive expert assessment of national properties which are conceptualized as the universally significant heritage.

Key words: conceptualization, metaphor, the category of evaluation, institutional discourse, Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites.

II. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

*Ю.А. Васильева (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
gis_00@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СТИМУЛЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ АГРЕССИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В статье обобщены основные понятия вербальной агрессии как психолингвистического феномена и представлены результаты исследования лингвокогнитивных стимулов вербализации агрессии в межкультурной коммуникации. Рассмотрены основные формы нарушения культурно-обусловленных сценариев, провоцирующих проявление вербальной агрессии.

Ключевые слова: лингвокогнитивный стимул, вербальная агрессия, межкультурная коммуникация, инвектива, языковое сознание, языковая личность.

Актуальность изучения вербальных проявлений агрессии обусловлена тем, что в общественном сознании этот феномен оценивается как менее опасный, чем агрессия физическая. Между тем трансформационные процессы в интеллектуальной, духовной и правовой жизни общества свидетельствуют об обратном. Речевая деятельность человека включена в общую систему деятельности и тесно связана с ее формами, поэтому «отдельные формы поведения человека могут иметь аналоги в коммуникативном поведении» [Якимова 2011: 184]. Современная лингвокультурная ситуация характеризуется значительным расширением нетолерантного дискурса и распространением вербальной агрессии, которая в ряде случаев переходит в различные формы физических проявлений агрессии. Под речевой агрессией мы понимаем «целенаправленное, мотивированное, конфликтогенное речевое поведение, в основе которого лежит эмоциональное негативное воздействие на адресата» [Воронцова 2016: 109]. При изучении природы речевой агрессии как психолингвистического явления выделяются различные цели ее проявления: защита, самоутверждение, адаптация, нападение.

Исследование лингвокогнитивных стимулов вербализации агрессии в межкультурной коммуникации не представляется возможным без привлечения результатов исследований в психологии, физиологии, социологии и ряде других научных областей. В психологии и нейрофизиологии агрессия определяется как врожденный инстинкт разрушения (З. Фрейд, К. Бютнер, О. Кернберг, К. Лоренц и др.). Социологи акцентируют внимание на общественной обусловленности этого феномена (А. Вебер, Л. Козер, А.И. Пригожин, А.В. Дмитриев и др.). Психологи (Х. Дж. Айзенк, Д. Ричардсон, К. Изард, П. Экман) и психолингвисты (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, А. Вежбицкая, В.И. Шаховский и др.) рассматривают агрессию как механизм реализации негативных эмоций.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-28-10019 «Концепция преодоления речевой агрессии в образовательном пространстве Прикаспия» (2023-2024 гг.).

В большинстве исследований, выполненных в русле психолингвистики, ключевым понятием при определении вербальной агрессии считается «мотив»: «Именно мотив является первым этапом порождения речи и определяет выбор дальнейшей модальности общения, так же, как и выбор конкретных лингвистических средств для осуществления коммуникации» [Выготский 1999: 54]. В отличие от мотива как внутреннего побуждения, стимул – это внешняя побудительная причина. В психологии и биологии стимул – это раздражитель, вызывающий реакцию, в лингвистике – источник информации для экспериенцера» [Словарь лингвистических терминов 2010: 104], т.е. для участника ситуации, воспринимающего зрительную, слуховую и т.п. информацию. Лингвокогнитивный подход совмещает в себе комплексный анализ коммуникации и описание ее национально-специфических компонентов, т.е. позволяет анализировать универсальное и национальное в любом коммуникативном акте [Красных 2000: 41]. Исходя из содержания приведенных дефиниций под лингвокогнитивным стимулом вербализации агрессии понимается лингвокультурная ситуация, вызывающая осознанный выбор языковой личностью агрессивной формы высказывания.

В исследовании рассматриваются проявления вербальной агрессии в межкультурной коммуникации, предполагающей общение между представителями различных этносов, как непосредственное, так и опосредованное. Вступая в коммуникацию, члены разных лингвокультурных сообществ могут столкнуться с непониманием специфических особенностей «иной» культуры. Коммуниканты при этом воспринимают свой менталитет, жизненный уклад, картину мира в целом как единственно приемлемые, а все, что касается других участников межнационального общения, – как чужое и враждебное. Это связано с первобытным мистическим, или «прелогическим мышлением», описанным Л. Леви-Брюлем [Леви-Брюль 1930] и другими антропологами. Первобытное мышление во многом было обусловлено инстинктами, и чужаки либо несли опасность, либо становились объектом нападения, агрессии, борьбы за выживание.

В одинаковых условиях протекания межкультурной коммуникации в речевой деятельности и поведении представителей разных этносов обнаруживаются различия. Так проявляется влияние на языковую личность лингвокультурных норм, соблюдение которых обязательно как на уровне социума, малых групп, так и на уровне межличностного общения в определенных коммуникативных ситуациях. В свою очередь, различия языкового сознания участников коммуникации могут быть причиной непонимания и обладают конфликтогенным потенциалом.

Главным лингвокогнитивным стимулом вербализации агрессии в межкультурной коммуникации является нарушение «культурно-обусловленных сценариев» (термин А. Вежбицкой), представляющих собой неписаные правила «культурной грамматики» языкового коллектива, сформулированные в виде лексических универсалий [Вежбицкая 1999: 655]. Такие сценарии находят выражение, например, во фразеологизмах в этикетных формулах и т.д. Формы нарушения культурно-обусловленных сценариев могут быть различными. Выделим, на наш взгляд, основные.

1. Существенные различия в манере поведения, жизненном опыте, ценностных установках (особенностях этикетных кодов, представлениях о нормах поведения и внешнем виде в общественных местах и т.д.). Агрессивные замечания по поводу неподобающего поведения и внешнего вида, перерастающие в конфликты, в основном касаются коренного населения какого-либо региона России, туристов либо иностранных мигрантов. Этносоциальные конфликты могут возникать также на почве

«бытовых» различий и даже несходства в гастрономических предпочтениях. Например, нередки протесты со стороны европейцев против китайских фестивалей собачьего мяса.

2. Наличие расовых и этнических стереотипов, порождающих появление уничижительных прозвищных номинаций по национальному признаку (этнофолизмов) – лексических маркеров оппозиции «свой / чужой». Этническая составляющая и пейоративность позволяют оценивать этнофолизмы как лексические единицы, употребление которых провоцирует формирование нетолерантных взаимоотношений.

3. Несовпадение фоновых социокультурных знаний участников коммуникации: обращение коммуникантов к вербальным прецедентным феноменам (ситуациям, текстам, именам), которые в языковом сознании представителей «другой» лингвокультурной общности вызывают негативные эмоции и оценки. Недопустимы в бесконфликтной межкультурной коммуникации ирония и сарказм в отношении культурно-исторических и религиозных интертекстов.

4. Манипулятивные стратегии воздействия на массовое сознание при освещении темы межнациональных отношений в средствах массовой информации (в том числе негативная риторика в отношении иностранных мигрантов):

– акцент на этнической принадлежности преступника в новостных сводках о совершенных противоправных действиях (*«неместные жители», «приезжие», «лица кавказской национальности», «гости из соседних республик», «лица со славянской внешностью»* и т.п.);

– провокационные и оценочные заголовки СМИ: *«За что все нас так ненавидят?»: почему московские цыгане так и остались изгоями* (Москвич Маг. 24.08.2022); *Как китайцы разводят одиноких людей. Читайте, чтобы не попасться* (dzen.ru. 05.08.2021); *Таким тут не место! В Югре запустили кампанию по выдворению скандальных мигрантов* (сетевое издание «Muksun.fm». 29.08.2022); *Типичная русня. Почему нам не жить как в Европе* (dzen.ru. 25.07.2020); *Русский бунт в Балашихе: Африканцы и азиаты кошмарят местных жителей* (dzen.ru 2023) и др.

5. Использование коммуникантами языковых средств, которые являются для представителей данной культуры недопустимыми в бесконфликтном общении (чаще всего речь идет об инвективах и жаргонной лексике). При этом необходимо учитывать ситуативную норму коммуникации, при которой недопустимо использовать отдельные общеупотребительные лексемы.

Таким образом, ситуация межкультурной коммуникации, в которой проявляются различия языкового сознания представителей разных этносов, является фактором, провоцирующим вербальную агрессию. Нами выделено пять основных лингвокогнитивных стимулов вербализации агрессии в коммуникации представителей разных культур: этностереотипы, различия в поведении и ценностных установках, несовпадение фоновых социокультурных знаний, использование инвектив и лексики, нарушающей ситуативные нормы, манипулятивные стратегии СМИ при освещении темы межнациональных отношений. В различных коммуникативных ситуациях действие лингвокогнитивных стимулов может быть комплексным. В то же время условием бесконфликтного межкультурного общения является четкое понимание коммуникантами, что именно может обидеть, задеть, оскорбить собеседника, какие слова, фразы, сценарии поведения могут быть неадекватно интерпретированы и восприняты как враждебные, и, как следствие, нивелирование подобных ситуаций.

Литература

Бакиев А.Г. Природа вербальной агрессии // Вестник Башкирского университета. 2013. № 1. С. 162-165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-verbalnoy-agressii> (дата обращения 12.07.2023).

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 653-655.

Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2016.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.

Красных В.В. Лингво-когнитивный подход к коммуникации // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 12. С. 41-45.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Л.: Изд-во МГУ, 1930.

Словарь лингвистических терминов / сост. Т. В. Жеребило. Назрань: Пилигрим, 2010.

Щербина Ю.В. Речевая агрессия: территория вражды. М.: Forum, 2012.

Якимова Н.С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1 (45). С. 184-187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-agressiya-kak-aktualnyy-fenomen-sovremenno-go-obschestva> (дата обращения 21.07.2023).

J.A. Vasileva (Astrakhan, Russia)

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

LINGUOCOGNITIVE MOTIVATIONS FOR VERBALIZATION OF AGGRESSION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article summarizes the basic concepts of verbal aggression as a psycho-linguistic phenomenon and presents the results of a study of linguocognitive motivations for verbalization of aggression in intercultural communication. The main forms of violation of culturally conditioned scenarios provoking the manifestation of verbal aggression are considered.

Key words: linguocognitive motivations, verbal aggression, intercultural communication, invective, linguistic consciousness, linguistic personality.

Т.И. Грибанова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
tigribanova65@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ХЕДЖИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ

Статья рассматривает когнитивные основания хеджирования в англоязычном устном семейном дискурсе. Предпринимается попытка определить степень влияния когнитивных процессов на выбор говорящим хеджирующих средств. Особо подчеркивается роль узконаправленных ментальных процессов, учитывающих специфику речевой ситуации и поставленной коммуникативной задачи. Материалом исследования послужили данные Британского Национального Корпуса (BNC).

Ключевые слова: хедж, хеджирование, англоязычный семейный дискурс, когнитивизм, ментальные процессы, адаптация фрейма.

1. Введение

Хеджирование не раз становилось объектом исследования в парадигме коммуникативной лингвистики и рассматривалось на материале различных типов дискурса [Lakoff, 1972; Martinovski, 2013; Tang, 2013; Knight et al., 2013; Escandell-Vidal, 2017; Lebedeva, Orlova, 2019; Litvinova, Larina, 2023]. Тем не менее, остается открытым вопрос, что становится определяющим фактором при выборе говорящим того или иного хеджирующего средства и как именно происходит создание хеджирующего эффекта в ходе межличностной коммуникации. Хеджирование обнаруживает тесную связь с такими понятиями как вежливость, интенциональность, оценочность, компенсаторика, а также с когнитивно-прагматическими и социолингвистическими моделями принятия решения. Хеджирование выступает как результат когнитивной деятельности говорящего по порождению высказывания, связанной с его способностью прогнозировать нежелательный результат будущего действия. Прагматические аспекты хеджирования связаны с понятием «лица» и вежливостью [Brown, Levinson, 2014] и, с другой стороны, с необходимостью снять с себя ответственность за возможные негативные последствия осуществления речевого акта, прежде всего это относится к высказываниям с высокой степенью потенциального вреда – Rx [Brown, Levinson, 2014: 76].

Исследование проводилось на материале устного англоязычного дискурса, источником послужили данные Британского Национального Корпуса (BNC).

2. Теоретические основания

В основе исследования лежит понимание фрейма [Fillmore, Baker, 2001; Lakoff, 2005], как базовой когнитивной категории, определяющей коммуникативные действия говорящего. С точки зрения когнитивной науки процесс коммуникации предполагает *соотнесение* (mapping) новой информации, получаемой в ходе общения с собеседником, и личного опыта говорящего, включая коммуникативный, представленного в виде фреймов. Насколько успешно происходит такое соотнесение, определяет качество обработки поступающей информации и заставляет говорящего выбирать ту репрезентативную модель, которая наиболее соответствует ситуации [Schwartz-Fiesel, 2012], что, в итоге, определяет эффективность взаимодействия. В большинстве случаев фрейм, содержащий прототипические данные о событии, его обстоятельствах и пр., подвергается модификации на основе анализа социального контекста, позволяющего конкретизировать требования, предъявляемые к искомому фрейму [Wang, 2010].

Хеджирование представляет собой комплексное явление, соединяющее в себе как собственно языковые, социальные, так и социокультурные характеристики. Более того, это открытая система, включающая в себя широкий спектр разноуровневых языковых средств, многие из которых приобретают хеджирующие свойства лишь при определенных обстоятельствах. В этой связи выглядит логичным предположение об особой, уточняющей, роли контекста и коммуникативной задачи при выборе оптимального хеджирующего средства.

3. Результаты исследования

Как было отмечено выше, хеджирование опирается на глубинные когнитивные представления говорящего о коммуникативном событии, а также на когнитивные процессы, носящие узконаправленный характер, обусловленные контекстом и формирующие репрезентативную модель события в конкретной ситуации общения.

Следует отметить, что использование хеджирования носит двусторонний характер: хеджирующее средство не только встраивается в заданный контекст, но и последующее развитие контекста во многом определяется выбором хеджа.

Следующие примеры свидетельствуют об адаптации хеджирования как языкового явления к определенным ситуативным коррелятам, среди которых немаловажное значение имеют восприятие говорящим коммуникативной ситуации, его мотивация и видение коммуникативной задачи.

(1) Father: *How long have you been practicing?* – Son: *About two hours.*

Отец интересуется, как долго его сын готовится к экзамену в музыкальной школе. Мальчик, безусловно, знает, как долго он занимается, но предпочитает уклончивый ответ – «около двух часов», что может означать как «практически два часа» (например, 1 час 55 минут), так и «немногим более двух часов» (например, 1 час 5 минут). В ходе речевого акта активизируется фрейм, связанный с необходимостью предоставить собеседнику запрашиваемую информацию, а использование хеджа *about* для модификации данного фрейма позволяет сыну, не обманывая отца, показать себя с лучшей стороны и сохранить свое «лицо».

(2) Mother: *Your make-up is a little bit too heavy.* – Daughter: *You think so?*

Высказывание матери адресовано дочери, которая, по ее мнению, использует слишком много косметики. В силу того, что для самой матери использование такого количества косметики неприемлемо, происходит активация фрейма, отражающего неприятие сложившейся ситуации. При этом данный речевой акт характеризуется высокой степенью потенциального вреда Rx: мать понимает особенности подростковой психики (а именно, частое нежелание прислушиваться к мнению старшего поколения), что заставляет ее модифицировать фрейм посредством использования хеджа *a little bit*. В результате мнение матери звучит менее авторитарно, что положительно сказывается на реакции дочери-подростка: девочка не отвергает материнский совет, а наоборот, задумывается о том, что мать, возможно, права. Поскольку матери удастся избежать конфликта с дочерью, подобную реакцию на замечание можно считать коммуникативным успехом.

(3) Younger brother: *Could I wear your blue polo tonight?*

Elder brother: *Sure. But don't muck it.*

В ходе данного диалога между братьями (собеседниками равного статуса) младший просит старшего одолжить ему свою рубашку. Учитывая степень родства, равный статус и близость дистанции выбранная младшим братом стратегия «Сдвиг времен» (Shift of Tenses) [Brown, Levinson, 2014] делает просьбу (речевой акт с высоким Rx) более вежливой и уважительной. Младший брат в данном случае выступает в роли «слабого» (powerless) участника коммуникации и модифицирует активированный фрейм, чтобы добиться желаемого. При этом сохраняется как «позитивное лицо» говорящего, так и «негативное лицо» собеседника. просьбы.

4. Выводы

В данной статье рассматриваются когнитивные основания использования тактики хеджирования в англоязычном семейном дискурсе и определяется роль контекста при выборе оптимального хеджирующего средства. В процессе коммуникации происходит активация фрейма, который говорящий рассматривает в качестве соответствующего контексту, в силу наличия у него социального и коммуникативного опыта. В результате анализа параметров ситуации, с учетом поставленных задач и оценки возможных последствий осуществления речевого акта происходит модификация фрейма.

Адаптивность фрейма носит двусторонний характер: с одной стороны, контекстуальные корреляты определяют выбор хеджа, с другой стороны, выбранное языковое средство оказывает влияние на последующее развитие коммуникативного контекста и речевого поведения коммуникантов.

Литература

Лебедева, И.С. Социолингвистические аспекты просьбы / И.С. Лебедева // Вопросы прикладной лингвистики. 2018. № 1 (29). С. 17-30.

Brown, P., Levinson, S. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Escandell-Vidal V. Notes for a restrictive theory of procedural meaning // Doing Pragmatics. Cognitive, Philosophical and Sociopragmatic Perspectives / eds. R. Giora, M. Haugh. Berlin: DeGruyter/Mouton, 2017. P. 79-95.

Fillmore, Ch.J., Baker, C.F. Frame semantics for text understanding. // Proceedings of WordNet and Other Lexical Resources Workshop. NAACL. 2001.

Knight D., Adolphs S., Carter R. Formality in Digital Discourse: A Study of Hedging in CANELC // Yearbook of Corpus Linguistics 2013: New Domains and Methodologies / ed. by J. Romeo-Trillo. S. I. Springer. Netherlands. 2013. P. 131-152.

Lakoff, G. Don't Think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate. Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Chicago Linguistic Society Papers. 1972. № 8. P. 183-228.

Lebedeva I.S., Orlova S.N. Semantics and pragmatics of the double modal might could. Training Language and Culture / Изд. ICC – the International Language Association (Бохум). 2019. Вып. 3(2). P.71-84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38538312>

Litvinova A., Larina T.V. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures. Training, Language and Culture 7(1). 2023. 116-130. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130

Martinovski, B. Reciprocal adaptation and problem reframing in group decision and negotiation // Journal of group decision and negotiation. 2013. Vol. 23. № 3. P. 497–514.

Schwartz-Fiesel M. On the status of external evidence in the theories of cognitive linguistics // Language Science. 2012. Vol. 34(6). P. 656-664. DOI: 10.1016/J.LANGSCI.2012.04.007

Tang J. Pragmatic functions of hedges and politeness principles // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2013. Vol. 2. № 4. P. 155–160. URL: <http://dx.doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.2n.4p.155>

Wang Y. Analyzing hedges in verbal communication: An adaptation-based approach // English language teaching. 2010. Vol. 3. № 3. P. 120-124. URL: <https://www.ecsnet.org/elt>

The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/bc> (дата обращения 20.04.2023).

T.I. Gribanova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC HEDGING

The article discusses hedging in English family discourse from the point of view of cognitive pragmatics. The author attempts to trace cognitive processes underlying hedging and factors affecting the choice of a particular hedge.

Key words: hedge, hedging, English family discourse, cognitive science, mental process, frame modification.

Н.В. Дубинина, М.И. Мерай, Е.А. Борисенко (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
dubinina-nv@rudn.ru; meray-mi@rudn.ru; 1032201230@rudn.ru

«БЕЛЫЙ ДИАЛЕКТ» КАК ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В АРАБСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена проблеме межнационального общения носителей арабского языка. В статье кратко рассматривается языковая ситуация в арабских странах, раскрывается понятия «диглоссия». В работе упоминаются особенности языка междиалектного общения/«белого» диалекта», а также рассматриваются перспективы исследований в этой области.

Ключевые слова: диглоссия, межнациональное общение, арабский язык, современный литературный язык, «белый» диалект.

В последнее время заметно возрос интерес к стремительным изменениям, происходящим в арабском мире, а следовательно, и интерес к арабскому языку, что обуславливает важность исследований в области межнационального общения носителей арабского языка. Языковая ситуация в арабских странах характеризуется таким социолингвистическим явлением, как «диглоссия» [Ferguson 1959]. Слово *диглоссия* буквально переводится как «двуязычие» и предполагает одновременное существование на одной территории двух форм языка или двух разных языков, применяемых в разных функциональных сферах. Безусловно, следует отличать термин *билингвизм* от термина *диглоссия*. Билингвизм – «одинаково совершенное владение двумя языками»; диглоссия – «обычно неодинаковое владение двумя языками, применяемыми в разных условиях общения» [Ахманова 1972]. Сущестующая в арабском языковом пространстве диглоссия определенно создает трудности в коммуникации как для носителей арабского языка, так и для тех, кто изучает его в качестве иностранного.

По мнению ученых арабский язык существует в 3-х основных формах:

- 1) классический арабский – язык Корана;
- 2) современный литературный арабский;
- 3) диалектальный арабский.

Сегодня на территории арабских стран современный литературный арабский язык применяется в качестве «высокой» формы языка, а диалекты или национальные варианты в качестве «низкой» формы. Литературный арабский язык применяется в официальной сфере общения, изучается в школе и анализируется с языковой точки зрения, а диалекты, в свою очередь, применяются в повседневной коммуникации носителями языка и не подвергаются изучению. Применения классического арабского языка или языка Корана ограничено лишь религиозной сферой.

«Низкая» форма арабского языка, т.е. диалекты, делятся учеными по территориальному признаку на пять основных групп:

- 1) диалекты аравийской группы;
- 2) диалекты месопотамской группы;
- 3) диалекты сиро-палестинской группы;
- 4) диалекты египетской группы;
- 5) диалекты магрибской группы.

В свою очередь, эти группы делятся на более мелкие подгруппы. Появлению множества диалектов арабского языка, имеющих значительные различия практически на всех языковых уровнях, способствовали исторические факторы, среди которых,

прежде всего, стоит выделить распространение арабского языка на больших территориях в VII в.

Мы можем обозначить проблему, обусловленную наличием большого числа диалектов. Литературный язык практически не используется в устной неподготовленной речи. У носителей разных диалектов возникают трудности в общении ввиду языковых различий национальных вариантов арабского языка.

Проблема межнационального общения носителей арабского языка нечасто попадает в центр внимания ученых, занимающихся исследованиями в сфере арабского языка. Большой вклад в изучение этого вопроса внес египетский лингвист Эль-Саид Бадави, который выделил несколько форм арабского языка, существующих между литературным языком и диалектами. Так, он утверждал, что классификация лексических единиц, относящихся к диалектам и литературному языку, является невозможной, поэтому ученый выделил в качестве «усредненного» варианта языка «диалект образованного населения» [Бадави 1973]. Данная разновидность арабского языка применяется образованной частью населения, поскольку ее использование дает возможность сочетать в речи элементы литературного арабского языка и диалектов.

Так или иначе, в наши дни проблема языковых различий в странах арабского мира приводит к трудностям в коммуникации, поскольку в реальности провести четкую границу между литературным и диалектальным арабским сложно, а зачастую практически невозможно, т.к. обе формы языка сосуществуют одновременно и параллельно, взаимозависят друг от друга, также нередко пересекаются и смешиваются друг с другом в разных пропорциях и объемах в зависимости от коммуникативного и социального контекста.

В последние годы отмечено появление нового термина – «белый диалект» арабского языка (اللغة البيضاء أو اللهجة البيضاء). Согласно одному из многочисленных определений, «белый диалект» — язык неформального общения, используемый образованным населением стран арабского мира для удовлетворения повседневных языковых потребностей [Лапина, 2013]. В данном случае под образованным населением подразумеваются те, кто имеет какое-либо образование, и те, на чье речевое поведение влияет какой-либо социальный, культурный или профессиональный институт [El-Hassan, 1997].

Данная разновидность арабского языка также называется языком междиалектного общения, т.к. основная сфера его применения – это ситуации межнационального общения, т.е. ситуации, при которых происходит коммуникация между носителями различных диалектов арабского языка. Эта форма языка, безусловно, является, бесписьменной. Данная форма языка малоизучена, однако мы можем выделить некоторые особенности: это бесписьменный вариант языка, применяемый в сфере межнационального общения; он имеет элементы как литературного языка, так и диалектов. Кроме того, на выбор средств языка влияет дистанция между собеседниками, чем она больше, тем большее количество элементов литературного языка будет использовано собеседниками. Например, для выражения чувств обычно используется разговорный арабский язык (диалект), поэтому в устной речи говорящий предпочтет использовать именно это вариант арабского языка. В то же время литературный арабский язык, являясь языком книг и образования, имеет характеристики формального языка. Таким образом, дружелюбие и близость к собеседнику выражается с помощью диалектов, в то время как сдержанность и удаленность от собеседника выражаются с помощью литературного арабского языка.

Язык междиалектного общения также может подвергаться влиянию иностранных языков, т.е. в процессе коммуникации носители могут использовать заимствования. Так, например, широко применяется заимствованное из французского слово *أسانسير* (лифт) вместо арабского *مصعد*. Довольно часто в речи носителей можно услышать *إيميل* – электронный адрес, *موبيل* – мобильный телефон и др.

Среди языковых особенностей языка междиалектного общения можно выделить следующие:

- 1) фонетические единицы различных диалектов арабского языка заменяются соответствующими фонемами литературного арабского;
- 2) степень лексических заимствований из литературного арабского и иностранных языков варьируется в зависимости от ситуации коммуникации;
- 3) к глаголам из литературного арабского присоединяются аффиксы различных диалектов арабского языка для привнесения в них грамматического значения.

Методом непрямого открытого наблюдения за сотрудниками арабской редакции RT нами были получены образцы использования «белого диалекта» в рабочем процессе. Так, например, сотрудники, являющиеся представителями различных арабских стран и регионов, довольно часто используют слово *إمبارح* для обозначения «вчера», *خلي* для обозначения побуждения к действию (например, *خلينا نخلص* – давайте заканчивать или *خلينا نروح نشرب قهوة* – давайте пойдем выпьем кофе). Отмечается повсеместное использование префиксов *ب* и *هـ* для обозначения действия в настоящем и будущем времени (*بدي أشوف شو حيكون الوضع اولها* – хочу в начале на это посмотреть). Очень частотно использование причастий для обозначения действия в настоящем времени (*رايحة ع المطار* – я еду в аэропорт). Кроме того, встречаются фразы, широко употребляемые в литературном языке: *نفس شبيى* – то же самое, *مفروض* – возможно, должно быть. Все эти выражения понятны носителям любого диалекта арабского.

Зачастую «белый» диалект применяется носителями арабского языка неосознанно. Ввиду доступа образованных носителей к практически неограниченному количеству языковых ресурсов переключение кодов и выбор языковых средств происходит бессознательно. Конечной целью является достижения взаимопонимания между носителями разных диалектов. Ученые, занимающиеся исследованием особенностей применения языковых стратегий в ситуациях междиалектного общения, предполагают, что выбор языковых средств обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Явление «белого» диалекта довольно малоизучено, а лингвистического описания данной разновидности языка до настоящего момента не существует, т.к. применение языковых стратегий носителями в ситуациях межнационального общения происходит неосознанно. Дальнейшее изучение особенностей «белого» диалекта сможет внести вклад в разработку программ изучения арабского языка как иностранного ввиду того, что наличие нескольких форм языка на территории арабских стран вызывает трудности в выборе варианта языка для изучения.

Литература

Ахманова О.С. Дихотомия «язык – диалект» в свете проблем современного билингвизма. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 98-102.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001.

Латина А.Н. Природа и значение арабского языка междиалектного общения // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. 2013. Т. 26 (65). № 2. С. 175-182.

Badawi E.S. Mustawayaat al-'arabiyya al-mu'aasira fi Misr. Cairo: Dar 'al-Ma'arif, 1973.

El-Hassan S. 'Educated Spoken Arabic in Egypt and the Levant: A critical review of diglossia and related concepts // Archivum Linguisticum. 1997. 8 (2). P. 32-57.

Ferguson C.A. Diglossia // Word-Journal of the International Linguistic Association. 1959. 15 (2). P. 325-340.

Hinds M., Badawi E.-S. M. A dictionary of Egyptian Arabic: Arabic-English, Beirut: Librairie du Liban, 1986.

N.V. Dubinina, M.I. Merai, E.A. Borisenko (Moscow, Russia)

RUDN University

CHARACTERISTICS OF INTERETHNIC COMMUNICATION OF NATIVE SPEAKERS OF ARABIC

This article is devoted to the problem of interethnic communication of native speakers of Arabic. The article briefly reviews the linguistic situation in the Arab countries and explains the concept of "diglossia". This paper also presents characteristics of the language of interethnic communication and discusses the prospects for research in this field.

Key words: diglossia, interethnic communication, Arabic, MSA, "white" dialect.

K. Kolar (Moscow, Russia)

RUDN University

klara.kolar96@gmail.com

PRISTOJNOST OR ПРИСТОЙНОСТЬ: FINDING A LINGUOCULTURAL EQUIVALENT

Different societies regard politeness differently. Cultural conflict can arise if these differences are not understood, especially in languages within the same language group, such as Croatian and Russian. This article focuses on a comparative corpus study of the Croatian term *pristojnost* and the Russian word *пристойность*. The study has shown that *pristojnost* and *пристойность* overlap, but do not match completely. However, to get a bigger picture of this, more research is needed.

Key words: politeness, Russian, Croatian, cultural perception, corpus linguistics, linguocultural equivalence.

The concept of politeness in linguistics has been extensively debated [Larina 2015; Locher 2002/2004; Watts 1992/2003; Wierzbicka 2003 etc.], with its early proponents arguing for its universality [Lakoff 1973; Leech 1983; Brown and Levinson 1987]. However, it is now widely believed that most cultures recognize politeness to some extent, but its application varies among societies and cultures [Larina 2015; Leech and Larina 2014; Kharlova 2014; Wierzbicka 2003 etc.]. Differences in understanding politeness can lead to norm-breaking, especially between native speakers of different languages [Larina 2015; Leech and Larina 2014; Kolar 2022, etc.]. This is particularly evident in countries where research in linguistic politeness is lacking, and between similar languages/words, such as between Russian and Croatian and the words *pristojnost* and *пристойность*. While resembling each other, these words have not been studied comparatively, so we cannot know how close they are semantically. This article explores and compares the meanings and usage of *pristojan/pristojnost* in Croatian with *пристойность/пристойный* in Russian. The study uses a qualitative comparative corpus analysis based on definitions from certain Croatian and

Russian dictionaries and their usage in corpora. The thesis suggests that *pristojnost* and *пристойность* differ semantically, and that they are not cultural equivalents. This research is part of an on-going study by Kolar [2022; 2023, forthcoming] on politeness in university contexts in Russia, Croatia, and the US/UK, and employs a similar methodology and some results established in them. It was also based on previous research by Kharlova [2014].

The methodology that will be used here is based on gathering definitions and synonyms of *pristojnost* and *пристойность* from various dictionaries, including Školski rječnik hrvatskog jezika, Hrvatski jezični portal, and Veliki rječnik hrvatskog jezika by Vladimir Anić for Croatian; and Slovar' mnogix vyrazheny, Wikipedia, Tolkovy slovar' Efremovoy, Tolkovy slovar' Ozhegova, and Tolkovy slovar' Ushakova for Russian. After comparing and the definitions, we will briefly analyze how these words are used in the first 50 sentences of the Russian National Corpus and the Croatian Web Corpus [hrWaC]. Finally, we will compare the words' translations using the Glosbe Online Dictionary. This three-part analysis will help us understand how each term is perceived in both languages and draw conclusions about the cultural meanings of *pristojnost* and *пристойность*. In the analysis, we will use masculine forms for *pristojan* and *пристойный*, as these are commonly used in dictionaries for all genders in their respective languages.

To start with Croatian, the aforementioned dictionaries offer various definitions of the term *pristojan*, which were also used in Kolar [2023, forthcoming]. In the Školski rječnik hrvatskog jezika, Hrvatski jezični portal and Veliki rječnik hrvatskog jezika, *pristojan* refers to someone or something that exhibits well-mannered behavior, respects societal norms, and acts civilly. It can also describe something of satisfactory quality or quantity, or, in other words, something decent. Hence, the Croatian word *pristojan* carries two distinct and diverse meanings. Additionally, in the Hrvatski jezični portal, *pristojnost* is specifically defined as the collection of behavioral rules and accepted actions within a society.

In Russian, however, with the exception of Wikipedia and Tolkovy slovar' Efremovoy, *пристойный* was defined as a quality of someone following societal norms, and was made equal to the word *приличный*, i.e. decent. Wikipedia, on the other hand, described *пристойный* as an equivalent of *порядочный*, which is described as “the moral quality of a person, characterized by strict observance of established norms of behavior in the society in which he lives”. Slovar' Efremovoy provides another, now obsolete, definition of the word, according to which *пристойный* also used to mean “appropriate in given circumstances”.

Regarding the usage of *pristojan* in the HrWac corpus, while 23 sentences align with the word's primary meaning, denoting adherence to societal rules and pleasant behavior, the remaining sentences emphasize its “secondary” meaning, that of satisfactoriness/decentness, deviating from dictionary definitions. Similar patterns emerge from the Russian National Corpus. In 30 out of 50 sentences, *пристойный* conveys the meaning of satisfactory/decent, unrelated to etiquette in the moral sense. In the remaining 20 sentences, it pertains to a person's norm-focusedness.

Finally, when it comes to the translation of *пристойный* into Croatian, the results are as follows: it is usually translated as “doličan, uredan, ispravan, dostojan” (seemly, tidy, correct, worthy) and, most often, “pristojan” in its secondary meaning (that of satisfactoriness), which shows a strong link between the two words.

When translated from Croatian, though, *pristojan* met with translations including “вежливый, хороший, нормальный” as well as “приличный, пристойный, достойный, скромный”, with the main focus being on translations closer to the primary meaning of *пристойный*, that of etiquette, and only secondarily as that of satisfactoriness. In the

sentences containing the translations, there seems to be no reference to politeness as a human quality and a way of treating people.

On the basis of this analysis, we may draw several conclusions. Firstly, dictionary definitions of both *pristojan* and *пристойный* at least partly refer to culture/etiquette, which is their main similarity. However, *pristojan* has another secondary meaning, meaning these two words don't completely correspond with each other. Thus, secondly, while the definitions of the word *pristojan* point to the fact that it denotes one's ability to follow societal rules and act pleasantly towards others, the corpus data display that there is a third meaning to the word, that of satisfactoriness. This means that *pristojan* can actually be connected to three different meanings.

While *пристойный* functions in a similar way (it does not carry the meaning of intrinsic goodness/pleasantness, but can mean etiquette-focused and satisfactory/ decent), as stated, *pristojan* has an additional meaning, which creates the main difference between the two words. This means that *pristojan* and *пристойный* can be seen as culturally overlapping, but not equivalent. This is confirmed by the fact that, in Croatian-Russian dictionaries, *pristojan* is translated with *пристойный* and other terms, e.g. *вежливый*, which is usually used as the Russian equivalent of politeness [Kharlova 2014; Larina 2015; Wierzbicka 2003; etc.] while *пристойный* is translated primarily as *pristojan*. Finally, it has also been observed that, in the Russian National Corpus, the word *пристойный* appears in a relatively small amount of older sentences. This may be a sign of it slowly fading in usage, or changing its meaning, as its decentness-oriented meaning appeared more frequently than its etiquette-related meaning. This is somewhat confirmed by the *Tolkovy slovar' Efremovoy*, which states the latter meaning is becoming obsolete.

While this article is dictionary-based, for a better understanding of the analyzed words, questionnaires should be conducted, so as to explore their usage in Croatian and Russian. This has partly been done with the word *pristojnost* [Kolar, 2023, forthcoming]. Thus, this article serves as a call for further research in this direction.

The study aimed to compare the Croatian and Russian words *pristojnost* and *пристойность* to identify their differences and similarities. A comparative qualitative and quantitative analysis was conducted on the basis of Croatian and Russian dictionaries, as well as the Russian and Croatian national corpuses. The analysis revealed that *pristojnost* has two main meanings, related to etiquette and interpersonal relationships, but also includes a meaning of satisfactoriness/ decentness. On the other hand, *пристойность* mostly denotes the ability to follow rules, but carries the additional notion of decentness, just like *pristojnost*. The article calls for additional comparative research to better comprehend these terms, especially given the limited comparative research in these languages. The article also contributes to Kolar's on-going research on politeness in university teacher-student email communication, with the hope of promoting better understanding of *pristojnost* in Croatia and fostering more comfortable social interactions.

References

- Anić V. Veliki rječnik hrvatskog jezika (The Great Dictionary of the Croatian Language). Zagreb: Novi liber, 2009.
- Brown P., Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Glosbe Online Dictionary: website. URL: <https://glosbe.com/ru/hr/> (accessed 20.07.2023).
- Hrvatski jezični portal [Croatian Language Portal]. URL: <https://www.hjp.znanje.hr> (accessed 01.08.2023).

HrWaC [Croatian Web Corpus]: official site. URL: <http://nlp.ffzg.hr/resources/corpora/hrwac/> (accessed on 29.07.2023).

Kharlova M.L. Konceptualizatsiya nevezhlivosti v russkom i angliyskom yazikah (Conceptualisation of Impoliteness in Russian and English) // *Russian Journal of Linguistics*, 2014. № 4. P. 119-131.

Kolar K. *Politeness Strategies in Croatian University Student-Teacher Email Communication.* // *Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects – 11th international conference.* 2022. Vol. 2. P. 72-76. DOI: 10.47475/9785727118054_76.

Lakoff R. Language and woman's place // *Language in Society*, 1973. V. 2 (1). P. 45-79.

Larina T. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*, 2015. № 7. P. 195-215. DOI: 10.1163/18773109-00702003.

Leech G. *Principles of Pragmatics.* London – NY: Longman, 1983.

Leech G., Larina T. Politeness: West and East // *Russian Journal of Linguistics*, 2014. № 4. P. 9-34. DOI: 10.22363/2687-0088-9380.

Locher M. Markedness in politeness research. // *Sociolinguistics Symposium 14 (SS14).* 2002. Ghent, Belgium.

Locher M. *Power and Politeness in Action: Disagreements in Oral Communication.* Berlin – NY: Mouton de Gruyter, 2004.

Slovar' mnogix vyrazheny [Dictionary of many expressions]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/index.htm> (accessed 02.08.2023).

Tolkovy slovar' Efremovoy [Efremova's Dictionary]. URL: <https://www.efremova.info/> (accessed 03.08.2023).

Tolkovy slovar' Ozhegova [Ozhegov's Dictionary]. URL <https://slovarozhegova.ru/> (accessed 23.07.2023).

Tolkovy slovar' Ushakova [Ushakov's Dictionary]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed 02.08.2023).

Watts R. Linguistic politeness and politic verbal behavior: Reconsidering claims for universality // *Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice* ed. by Richard J. Watts, Sachiko Ide, and Konrad Ehlich. P. 43-69. Berlin – NY: Mouton de Gruyter. 1992.

Watts R. *Politeness.* Cambridge: Cambridge University Press. 2003.

Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction.* Berlin – NY: De Gruyter Mouton, 2003.

Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (accessed 08.2023).

К. Колар (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

PRISTOJNOST ИЛИ ПРИСТОЙНОСТЬ: ПОИСК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ЭКВИВАЛЕНТА

Разные общества относятся к вежливости по-разному. Непонимание этих различий вызывает культурный конфликт, особенно в языках одной языковой группы, напр. в хорватском и русском языках. Данная статья посвящена сравнительному корпусному изучению хорватского понятия *pristojnost* и русского понятия *пристойность*. Исследование показало, что их значения совпадают частично, не полностью, поэтому нужны исследования для их понимания.

Ключевые слова: пристойность, русский, хорватский, культурное восприятие, корпусная лингвистика, лингвокультурная эквивалентность.

С.А. Косар (Боджнорд, Иран)
Боджнордский университет
k.salimi@ub.ac.ir

ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И ПЕРСИДСКИХ КОЛЛОКАЦИЙ СО СЛОВОМ «АНГЛИЙСКИЙ»

В статье выявляется корпус русских и персидских коллокаций, построенных по модели «английский + имя существительное», и проводится их сопоставительный анализ. Выделяются группы устойчивых сочетаний, в которых произошло изменение семантики адъективного компонента, рассматриваются группы единиц в зависимости от предметно-тематической области, к которой относится субстантивный компонент коллокации.

Ключевые слова: коллокация, семантика, смысл, прагматика, тематическая группа, русский язык, персидский язык.

Современная языковая ситуация характеризуется особой изменчивостью, интенсивное и многогранное развитие человеческой деятельности и коммуникации не может не найти отражения в языке, который воспринимает, накапливает и транслирует факты и свойства культуры. В этом отношении изучение важных с культурно-исторической точки зрения единиц языка представляется актуальной задачей. Обращение к сопоставительному исследованию коллокаций обусловлено необходимостью комплексного описания данных устойчивых единиц в рамках контрастивной лингвистики, которая, с одной стороны, выявляет национальную специфику коллокаций, а с другой стороны, пытается устранить коммуникативные барьеры между представителями разных культур.

Под коллокацией нами понимается и сам способ отдельных слов образовывать словосочетания с предсказуемым словом [Lewis 2000, с. 91], и результат такого сочетания, т.е. готовая комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости.

В рамках исследования нами была предпринята попытка выявления и описания прагмасемантических особенностей русских и персидских устойчивых единиц, построенных по модели «английский + имя существительное». В качестве языкового материала использовались коллокации, извлеченные методом сплошной выборки из русскоязычных, персоязычных, переводных словарей, а также национальных корпусов русского и персидского языков. В ходе работы нашли применение такие методы, как метод контрастивного, структурно-семантического и лингвокультурологического анализа. Всего было проанализировано около 100 русских и около 70 персидских коллокаций модели «английский + имя существительное».

И в современном русском языке, и в персидском языке аккумулировалось достаточно большое количество единиц, построенных по данной модели. В смысловом отношении они связаны с широким набором самых разных реалий и образуют палитру номинаций артефактов и ментефактов. Рассмотрим основные семантические группы устойчивых оборотов, выделенные нами в ходе исследования.

Обратим внимание: если словари толкуют прилагательное *английский* / انگلیسی «относящийся к англичанам, лицам Великобритании, к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к Англии, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у англичан» [Ожегов 1999, с. 24-25], то в составе рассмотренных коллокаций спектр смыслов, передаваемых адъективным компонентом, значительно расширяется:

– «некий образец качества, эталон исполнения того или иного предмета, явления (быта, искусства, культуры, промышленности и т.п.)», иными словами, *английский* трактуется как 'высокий по качеству'. Такой семантический сдвиг в структуре значения имени прилагательного наблюдаем только в русских коллокациях: *английский газон, английский кашемир, английский трикотаж*; в коллокациях обоих языков – *английский чай* چای انگلیسی др. В процессе функционирования коллокаций данной группы, как правило, актуализируется положительная оценка предмета. Например: «– Чай? К вам? – растерялся слегка и Лучников. – Почему бы нет? У нас **отличный есть английский чай.**» (В. Аксенов. Остров Крым – НКРЯ). Сравним: چای انگلیسی فوق العاده

– «то, что произведено в Англии, получило широкое распространение и стало классикой», т.е. *английский* в значении 'классический'. Такие смыслы реализуются у прилагательного *английский* в составе следующих коллокаций: *английский воротник* یقه انگلیسی, *английский галстук* کروات انگلیسی, *английский костюм* کت و شلوار انگلیسی, *английский тиджак* کت انگلیسی, *английский плащ* بارانی انگلیسی, *английский сюртук* کت انگلیسی, *английский фасон* فاستونی انگلیسی, *английский шарф* شال انگلیسی др.

– «то, что произведено в Англии, и имеет особые свойства, характерные для производства / выпуска / создания / возделывания чего-либо именно в этой стране», т.е. в смысловой структуре лексемы *английский* актуализируется сема 'своеобразный'. Например: *английский кекс*; کیک انگلیس, только в русском языке у следующих единиц: *английский кирпич, английский фарфор, английский бордюр, английский перец, английский мусс* и др.

Отдельно следует выделить группу этнокультурных коллокаций с рассматриваемым компонентом, устойчивых сочетаний, которые характеризуют то, что связано с историко-культурной традицией, менталитетом, языком, и определяют специфику представлений об Англии и англичанах. К подобным единицам нами относятся коллокации *английский замок* قفل انگلیسی, *английский лорд* لرد, *английский паб* کلاب, *английский дворецкий* سرخدمتکار مرد, *английский грог* مشروب انگلیسی, *английский джентльмен* دجنتلمن др.

Безусловно, нет строгих и четких границ между выделенными семантическими группами коллокаций. Та или иная единица была помещена нами в определенную группу на основе контекстуального анализа, проведенного на базе корпусов русского и персидского языков. Действительно, в большинстве рассмотренных нами коммуникативно-прагматических ситуаций, где упоминался *английский костюм*, речь шла о классическом варианте одежде. В то же время данный факт не исключает оценочной характеристики, которую может получать названный предмет гардероба, именуемый *английским*. Например: «*Нарбут, высокий, прихрамывающий, с одной рукой в перчатке – трофеи времен гражданской войны, носил прекрасный английский костюм и имел гордый вид барина-чудака*» (Э. Герштейн. Вблизи поэта – НКРЯ). Сравним с персидским языком: کت و شلوار فوق العاده انگلیسی

В зависимости от предметно-тематической области, к которой относится субстантивный компонент коллокации, устойчивые сочетания также можно разделить на несколько групп. Среди них наиболее частотны и характерны в большей степени для русского речеупотребления следующие:

1) наименования жилища и его элементов: *английский дом, английский замо́к, английский замо́к, английский кабинет, английский камин* и др.; 2) наименования лиц (или их совокупности): а) по профессии / роду деятельности: *английский дворецкий, английский детектив, английский писатель, английский поэт, английский физик,*

английский шпион; б) по социальному статусу / титулу: *английский двор, английский дворецкий, английский король, английский лорд*; в) по образу жизни / манере поведения: *английский денди, английский джентльмен, английский миссионер*; 3) наименования общественных заведений: *английский клуб, английский паб, английский театр, английский университет*; 4) наименование произведений культуры / искусства: а) литературы: *английский роман, английский сонет, английский детектив*; б) музыки: *английский рок, английский фолк*. 5) наименования из сферы политики и государства: *английский блок, английский парламент, английский посол, английский фунт*; б) наименования оружия: *английский винчестер, английский карабин, английский лук* (длинный, тисовый); 7) наименования животных: а) лошадей: *английский жеребец, английский рысак*; б) породы собак: *английский бульдог, английский дог, английский кокер-спаниель, английский мастифф, английский сеттер, английский шпиц*; в) прочих животных: *английский боров*. В персидском языке встречаем *انگلیسی گربه* – букв. английская кошка и *مرغ عشق انگلیسی* – букв. английский волнистый попугайчик.

Назовем группы коллокаций, представленных и в русском, и в персидском языках: 1) кулинаронимы: *английский бриош, английский гусь (блюдо), английский кекс, английский мусс, английский перец, английский ростбиф, английский хлеб* и др. – в русском языке; *نان انگلیسی* английский хлеб, *استیک انگلیسی* английский стейк, *پنیر انگلیسی* английский сыр, *سالاد انگلیسی* английский салат и др. – в персидском языке. 2) наименования одежды и аксессуаров: *английский воротничок, английский галстук, английский кашемир, английский костюм, английский пиджак, английский плащ, английский сюртук, английский трикотаж, английский шарф* и др. – в русском языке; *کلاه انگلیسی* английская шапка, *شلوار انگلیسی* английские брюки, *پیراهن انگلیسی* английское платье – в персидском языке. 3) наименования видов спорта: *английский бокс, английский гольф, английский кетч* – только в русском языке, а также *английский футбол* *فوتبال انگلیسی*.

Кроме предметов материальной культуры, устойчивой номинации подвергаются и абстрактные явления / реалии англоязычной действительности, а именно: *английский акцент, английский вариант, английский вкус, английский колорит, английский манер, английский стиль* и др. Только в персидском языке обнаруживаем *خیانت انگلیسی* английское предательство.

Подчеркнем коммуникативно-прагматическую активность и русских, и персидских коллокаций, построенных по модели «английский + имя существительное». Данные единицы свободно функционируют в текстах различной тематики и стилистической принадлежности: в художественных, публицистических, рекламных.

Обратим, в частности, внимание на смысловую реализацию коллокации *английский юмор*, которая располагается на разных частях оценочной шкалы. Наибольшее число употреблений свидетельствует об акцентировании смыслового компонента ‘специфический, своеобразный’, далее (в порядке убывания частотности употреблений) – ‘тонкий’, затем – ‘интеллигентный’, ‘благородный’, ‘сухой’, ‘странный’, ‘угрюмый’ и др. В русской речи коллокация передает и одобрительные, и шутливые, и иронические смыслы. В персидском языке *английский юмор* – это *شوخی انگلیسی*.

Подведем некоторые итоги. В русском и персидском языках, несмотря на то что они не являются родственными, действуют сходные механизмы образования коллокаций со словом «английский», обусловленные общенациональным восприятием «чужого» культурного пространства: наличие лакунарной зоны в языковой семантике, потребность в номинации, объективация средствами языка, переосмысление значения

компонентов словосочетания как генетической базы коллокации, закрепление единицы в системе языка. В то же время концептуальная и этнокультурная специфика коллокаций опираются на связь содержания данных единиц с экстралингвистической реальностью, обусловившей их возникновение, поэтому русские коллокации и их персидские эквиваленты не могут быть полностью идентичными по смыслу. В русском языке коллокаций со словом «английский» больше, чем в персидском языке, и они более дифференцированы по реализуемым смысловым векторам.

Литература

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.08.2023).

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А.Н. Тихонова / в 2-х т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004.

Lewis M. Teaching Collocation: Further Development in the Lexical Approach, Hove: Language Teaching Publications, 2000.

*S.A. Kosar (Bojnord, Iran)
University of Bojnord*

PRAGMASEMANTIC FEATURES OF RUSSIAN AND PERSIAN COLLOCATIONS WITH THE WORD "ENGLISH"

The article identifies the corpus of Russian and Persian collocations constructed according to the "English + noun" model, and their comparative analysis is carried out. Groups of stable combinations are distinguished in which the semantics of the adjectival component has changed, and groups of units are also considered depending on the subject-thematic area to which the substantive component of the collocation belongs.

Key words: collocation, semantics, meaning, pragmatics, thematic group, Russian language, Persian language.

*S. Laiche (Moscow, Russia)
RUDN University
laiche.souhilaa@gmail.com*

THE USE OF POSITIVE POLITENESS STRATEGIES IN TEACHER-STUDENT INTERACTIONS IN ALGERIAN CLASSROOM

Positive politeness strategies are a set of techniques used in order to reduce the effect of face-threat. These strategies are explored in this article using a mixed method with the participation of 70 Algerian students. The results obtained show that Algerian teachers, when criticizing students for poor performance, tend to use positive politeness strategies in the form of praise, compliment, attention to the student's interests, etc., thus softening the illocutionary force of criticism.

Key words: Politeness strategies, positive politeness, face-threatening speech acts, criticism, teacher-student interaction.

Introduction

Politeness theory, which was introduced by Brown and Levinson (1987), is defined as an attempt to restore a person's self-esteem or effectively assert good societal ideals in social

interactions. According to Spencer-Oatey (2008) in order to address politeness as a response to reduce or prevent face-threatening activities such as requests or insults, the sociological notion of face (as in "save face" or "lose face") is used. Positive and negative faces, face threatening acts (FTA), methods for executing FTAs, and variables influencing strategy choices are all important components of the theory's framework.

When face-threatening activities are unavoidable or desirable, politeness strategies are utilized to structure communications in order to safeguard the hearer's negative face and enhance their positive face (e.g., Litvinova, Larina 2023, Zbenovich et al. 2023). Positive politeness strategies attempt to reduce the threat to the listener's positive face. They are designed to make the listener feel good and are most often utilized in settings when the interlocutors know each other reasonably. Aside from intensifying interest to hearer, being optimistic, seeking agreement and avoiding disagreement, other positive politeness techniques include expressions of camaraderie, solidarity, and softening criticism with compliments and praise (Brown & Levinson, 1987, p.103). Negative politeness strategies stress on distancing and avoidance of imposition on the hearer and are focused on the hearer's negative face. The danger of face-threat to the hearer is decreased by seeking to prevent or minimize imposition from the speaker by being indirect, giving hearer the option not to do the act, etc.

For many years, Brown and Levinson's politeness theory has been enormously influential in studies of politeness. However, as they suggested their model as universally applicable, its cross-cultural applicability has been questioned by scholars exploring other languages and cultures (e.g., Eslami et al. 2023; Kádár, Haugh, 2013; Kádár, Mills, 2011; Locher, Larina, 2019, among many others).

In this study the focus is on Algerian politeness in academic discourse and politeness strategies in teacher's critical remark.

1. Methods and Materials

The data were collected through discourse completion task (DCT) with the participation of 70 Algerian students who were asked to identify the frequency of their teachers' reaction to their poor academic progress, and what would they say in case they react. The study employs a qualitative and quantitative research method based on Sociolinguistics, Cross-Cultural Pragmatics, Discourse Analysis, and Cultural Studies. The qualitative method is carried out by analyzing responses, while the quantitative method is carried out primarily by analyzing the numerical data collected from the frequency questions answered by the participants.

2. Summary of the findings

The data collected throughout this paper were obtained through a Discourse completion test (DCT), which was distributed among Algerian students, the number of the participants recorded is 70 participants. The results show that the Algerian teachers tend to react almost all the time when they notice a decline of the students' progress. The great percentage of 53% went the choice "Always", while the second high percentage of 11% went to the choice "Often", other than that 11% went for the choice "Never" (table 1).

Table 1

The frequency of the teachers' reaction to their students' poor academic progress

Always	Often	Sometimes	Seldom	Never
53%	15%	13%	8%	11%

The students were asked to specify what their teachers say when reacting to their students decline in academic progress. Based on the findings, it can be said the positive politeness strategies used in Algerian classrooms by the Algerian teachers when reacting to their students' academic progress are; compliments, showing interests in students' needs and progress. These strategies are used as a remedy for negative face-threatening acts, this can be seen through the following examples from the data obtained:

• **complimenting the students' abilities or their previous work**

"(1) ياخي كنت تقرا مليح، واش صرالك؟! "

(1) *You used to be a hard-working student what happened to you?*

• **encouraging the student**

"(2) ما هوش عاجبني الحال من النتائج نتاعك، كنت حاسبها راح تكون خير من هكدا، نتمنى هاذ الشيء ما يزيدش يتعاود."

(2) *I am a bit disappointed of the outcome of your work. I expected it to be of better quality. I hope this will not be repeated.*

• **showing interest and sympathy and attending to the student's needs**

"(3) النقاط تاعك ماهمش ملاح خلاص، راک لابس؟ كيفاش نقدر نعاونك؟ "

(3) *Your marks are not that great, are you okay? Is there anything I can do to help?*

• **showing interest in the students' progress through providing advice**

"(4) لازم قرا مليح، خطر اش راک متأخر بيزاف مراحل ونقاط "

(4) *You should work better, because you are missing some important points and steps.*

Conclusion

This paper was intended to highlight the positive politeness strategies used by the Algerian teachers while interacting with their students and reacting to their poor academic progress. The results show that the teachers are concerned about the students' progress and tend to use positive politeness strategies to mitigate the illocutionary force of their criticism combining it with compliments and praise, as well as, using expressions of friendship, also, it is noticeable that teachers were trying to shorten the power distance index through creating more of a friendly environment. The results of this paper are preliminary, since it is built on the responses of a limited number of participants, thus, further research is needed.

References

- Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage. V. 4. Cambridge: Cambridge university press, 1987.
- Eslami Z.R., Larina T.V., Pashmforoosh R. Identity, politeness and discursive practices in a changing world // Russian Journal of Linguistics. 2023. Vol. 27. № 1. P. 7-38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051.
- Kádár D., Haugh M. Understanding Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Kádár D., Mills S. Politeness in East Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Litvinova, A.V., Larina T.V. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures. Training, Language and Culture. 2023. 7 (1). P. 116-130. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130.
- Locher M.A., Larina T.V. Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts. Russian Journal of Linguistics, 23 (4). Special issue: Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. 2019. P. 873-903.
- Spencer-Oatey H. Culturally speaking second edition: Culture, communication and politeness theory. London: Bloomsbury Publishing, 2008.
- Zbenovich C., Larina T., Ozyumenko V. Culture and identity in critical remarks: A case study of Russian and Israeli academic classroom discourse // Pragmatics and Society. 2023. URL: <https://doi.org/10.1075/ps.20064.zbe>.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ПОЗИТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКА В АЛЖИРСКИХ КЛАССАХ

Стратегии позитивной вежливости используются для уменьшения эффекта угрозы лицу. Эти стратегии исследуются в данной статье с использованием комплексной методологии с участием 70 алжирских студентов. Полученные результаты показывают, что алжирские учителя, критикуя студентов за плохую успеваемость, склонны использовать стратегии позитивной вежливости в виде похвалы, комплимента внимания к интересам студента и др., смягчая таким образом иллокутивную силу критики.

Ключевые слова: Стратегии вежливости, позитивная вежливость, угрожающие лицу речевые акты, критика, взаимодействие учителя и учеников.

А.В. Литвинова (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

litvinova-av@pfur.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХОДЫ КАК СРЕДСТВО СМЯГЧЕНИЯ ОТКАЗА В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ (НА ПРИМЕРЕ ОТКАЗА НА ПРОСЬБУ О ПОМОЩИ)

Исследование нацелено на выявление прагматических средств смягчения отказа в русской и американской коммуникативных культурах в повседневной межличностной коммуникации. В центре внимания – прагматические ходы, сопровождающие речевой акт «отказ» и являющиеся его структурными компонентами. Материал был получен при помощи задания на завершение дискурса (DCT) с участием 100 респондентов. Результаты показали, что наряду со сходствами существуют и различия, которые могут быть интерпретированы через культурные и коммуникативных ценности.

Ключевые слова: речевой акт отказ, ликоугрожающий речевой акт, прагматический ход, коммуникативная культура, культурные ценности.

Социокультурная вариативность в употреблении речевых актов создает проблемы в межкультурной коммуникации, вызывает непонимание и приводит к социопрагматическим неудачам [Thomas 1983]. Это особенно характерно для так называемых угрожающих лицу речевых актов (face-threatening acts [Brown, Levinson 1987]), когда его некорректная реализация или неверная интерпретация могут быть восприняты как невежливость или даже грубость и негативно повлиять на межличностные отношения. К таким актам относятся – критика, замечание, отказ и др. Необходимость их изучения обусловлена спецификой их реализации в разных лингвокультурах, что может осложнять процесс межкультурной коммуникации (см. [Haugh, Chang 2019; Kordestanchi et al. 2023; Larina 2019, Larina, Ponton 2022; Zbenovich et al.]).

При реализации подобных актов участники коммуникации стараются минимизировать их коммуникативную угрозу с помощью различных языковых средств, используемых для смягчения их отрицательного воздействия на собеседника: грамматических (например, сослагательное наклонение, модальные глаголы и др.), лексических (ласковые формы обращения, диминутивные формы существительных и др.) и прагматических. К прагматическим средствам смягчения угрожающего лицу

речевого акта мы относим действия, которые сопровождают его и смягчают его иллюкутивную силу. В нашем случае это действия, сопровождающие отказ на просьбу о помощи, – извинение, объяснение причины, предложение альтернативного варианта и др., которые в данном исследовании мы называем прагматическими ходами. В результате мы рассматриваем отказ как сложный речевой акт, который включает комплекс сохраняющих лицо ходов (face-saving moves) [Litvinova, Larina 2023: 119], используемые для его смягчения.

В центре нашего внимания – прагматические ходы, используемые представителями русской и американской коммуникативных культур при отказе на просьбу о помощи в повседневной межличностной коммуникации в различных социальных контекстах, различающихся как горизонтальной, так и вертикальной дистанцией (отказ другу, соседу, начальнику и подчиненному). В центре внимания – семантика формул, сопровождающих отказ, частотность и комбинация их употребления. Для сбора материала было разработано задание на завершение дискурса (DCT), которое включало 4 ситуации просьбы о помощи (друга, соседа, начальника и подчиненного), предполагающей отказ. Задание было выполнено 50 носителями английского и 50 носителями русского языков. В результате было собрано и проанализировано 400 ситуаций отказа.

Результаты проведенного сопоставительного анализа показали, что в обеих культурах наиболее часто отказ сопровождается объяснением причины (71% в русском материале и 89% в американском), а также извинением и выражением невозможности помочь (таблица 1). При этом данные действия часто совершались одновременно:

извинение + невозможность помочь + причина

(1) *Прости, но я не смогу в субботу. Занят работой.* (отказ другу)

(2) *Sorry. I don't think that I can help you. I've already got some plans for this weekend.*

(отказ соседу)

Встречались также сожаление, предложение альтернативного варианта и позитивная реакция на просьбу (*I would be happy to help, с радостью / был бы рад помочь* и др.)

Таблица 1

Прагматические ходы при выражении отказа на просьбу

Компоненты отказа на просьбу	Частотность (%)	
	русские	американцы
Причина	71	89
Извинение	58	70
Невозможность помочь	31	36
Сожаление	16	9,5
Предложение альтернативного варианта	12	17
Позитивная реакция на просьбу	1	21

Что касается частотности данных прагматических ходов, то стоит отметить, что все они, кроме сожаления, встречались чаще в американской культуре, чем в русской. Наиболее значительная разница прослеживается в позитивной реакции на просьбу о помощи, которая в американском материале была отмечена в 21% случаев отказа, в то время как в русском ее выразил всего 1% респондентов:

(4) *I am happy that you trust me, but I am busy this weekend* (отказ начальнику).

(5) *I would be happy to help you but I have other plans* (отказ другу).

(6) *Я был бы рад помочь, но у меня совершенно нет времени* (отказ соседу).

Данная разница может быть объяснена тем, что американцы скорее нацелены на сохранение лица, т.е. на форму отказа, в то время как русские предпочитают информативность (см. также [Iliadi, Larina 2017]), что согласуются с американскими и русскими культурными и коммуникативными ценностями. Как отмечает А. Вежибцкая, для русских, которые ценят искренность, важнее сказать правду о том, что они думают, чем беспокоиться о том, что их слова могут обидеть собеседника, хотя это не означает, что они полностью игнорируют его чувства и не считаются с ними [Wierzbicka 2006a: 7-8]. В американской культуре, напротив, чувства собеседника, его личная автономия – на первом месте, поэтому при отказе они стараются выразить позитивное отношение к просьбе и готовность помочь.

Таким образом, в данном исследовании показано, что отказ представляет собой сложный речевой акт, который сопровождается комплексом сохраняющих лицо ходов. Выявлено, что превалирующими прагматическими ходами в отказе на просьбу, совершаемыми для его смягчения, в обеих культурах являются объяснение причины, извинение и невозможность выполнить просьбу. При этом отказ американцев часто сопровождается позитивная реакция на просьбу, которая менее характерна для русского коммуникативного поведения. Выявленные особенности вызваны культурными различиями, которые диктуют выбор стратегий вежливости [Brown, Levinson 1987, Eslami et al. 2023; Locher, Larina 2019 и др.]. Представленные результаты носят ограниченный характер. В перспективе будут рассмотрены роль социального контекста в выражении отказа, а также стратегии вежливости и языковые средства, используемые для его смягчения.

Литература

Brown P, Levinson S.C. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Iliadi P.L., Larina T.V. Refusal Strategies in English and Russian. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2017. 8 (3). P. 531-542. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542.

Eslami Z.R., Larina T.V., Pashmforoosh R. Identity, politeness and discursive practices in a changing world // Russian Journal of Linguistics. 2023. 27 (1). P. 7-38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051.

Haugh M., Chang W.M. Indexical and Sequential Properties of Criticisms in Initial Interactions: Implications for Examining (Im) Politeness across Cultures // Russian Journal of Linguistics. 2019. V. 23. № 4. P. 904-929. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-904-929.

Kordestanchi B., Sarkhosh M., Moafian F. The gentle craft of saying “No” in Persian and English: A cross-cultural and cross-linguistic slant // Russian Journal of Linguistics. 2023. 27 (3). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31702>.

Larina T. Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review // Journal of Psycholinguistics. 2019. 1 (39). P. 38-57. URL: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/39/VPL-1-2019-all-38-57.pdf>. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57.

Larina T., Ponton D.M. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review // Journal of Politeness Research. 2022. 18 (1). 201-226. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035/>.

Litvinova A.V., Larina T.V. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures // Training, Language and Culture. 2023. 7 (1). P. 116-130. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130.

Locher M.A., Larina T.V. Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts // Russian Journal of Linguistics. 2019. 23 (4). Special issue: Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. P. 873-903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903

Thomas J. Cross-Cultural Pragmatic Failure. Applied Linguistics. 1983. 4. P. 91-112.

Wierzbicka A.A. Conceptual Basis for Intercultural Pragmatics and World-Wide Understanding // The 31st International LAUD Symposium. Landau, Germany. 2006.

Zbenovich C., Larina T., Ozyumenko V. Culture and identity in critical remarks: A case study of Russian and Israeli academic classroom discourse // Pragmatics and Society. 2023. URL: <https://doi.org/10.1075/ps.20064.zbe>.

*A.V. Litvinova (Moscow, Russia)
RUDN University*

PRAGMATIC MOVES IN REFUSAL: A CASE STUDY OF REFUSAL TO HELP IN AMERICAN AND RUSSIAN COMMUNICATIVE CULTURES

The study aims to identify pragmatic means of mitigating refusal in Russian and American communicative cultures in everyday interpersonal interaction. The focus is on pragmatic moves that accompany the speech act “refusal” and are its structural components. The material was obtained using a discourse completion task (DCT) with 100 respondents. The results showed that along with similarities in the performance of refusal in both cultures, there are also differences that can be interpreted through cultural and communicative values.

Key words: Speech act, Refusal, communicative culture, pragmatic move, mitigation tool, face-threatening speech act.

*Жуйхуа Лю (Харбин, Китай)
Хэйлуңцзянский университет
ml5513768983@163.com*

*И.С. Карабулатова (Москва, Россия – Харбин, Китай)
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Хэйлуңцзянский университет
Российский университет дружбы народов,
Московский государственный университет им. Н. Э. Баумана
Radogost2000@mail.ru*

*Чао Сунь (Харбин, Китай)
Хэйлуңцзянский университет
1998038@hlju.edu.cn*

*Ю.Е. Гапанюк, В.И. Терехов (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. Н. Э. Баумана
gapyu@yandex.ru; Terekchow@bmsu.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ БИ-ПОЛИЛИНГВИЗМА У ДЕТЕЙ В СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ НЕЙРОСЕТИ¹

Спрос на формирование реального двуязычия обусловлен обновлением парадигмы развития общества под влиянием ИТ-технологий, поэтому специфика языковых компетенций в области родного и иностранных языков открывает новые возможности для цифровой гуманитаристики в аспекте изучения влияния метизации как для интеграции фенотипов обоих

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Разработка технологии и архитектуры новых программных средств мониторинга и прогноза общественных угроз на основе методов «мягкой силы» в рамках «Приоритеты- 2030» (И. В. Терехов, И. С. Карабулатова, Ю.Е. Гапанюк – МГТУ им. Н. Э. Баумана).

родителей, так и овладения языками с обнаружением новых параметров нейропсихолингвистического спектра к обучению детей-билингвов. Акцент на сверточных нейронных сетях ориентирует на создание новых моделей освоения языка у таких детей из смешанных браков. Цель исследования: моделирование процессов би\полилингвизма у детей из смешанных русско-китайских браков с использованием технологий искусственного интеллекта и нейросети для последующей разработки улучшенной большой языковой мультязычной модели машинного перевода. Материалом исследования послужили экспериментальные данные, полученные в ходе использования конволюционной нейронной сети при создании новой обучающей модели на основе анализа сравнения скорости и качества обработки языковой информации у истинных русско-китайских билингвов в провинции Хэйлунцзян КНР и нейросети с целью повышения качества двустороннего перевода.

Ключевые слова: русско-китайский билингвизм, конволюционная нейронная сеть, компьютерная психолингвистика, «мягкая сила», когнитивные науки.

Политика «мягкой силы» России и Китая ставит задачу успешного овладения языками обеих стран с использованием методов цифровой гуманитаристики к анализу билингвальной личности [Zhang et al. 2023]. Появившиеся новые данные в области нейролингвистики и когнитивной лингвистики о языковых способностях билингвов [Mekki et al. 2022] основаны на разработках лингвопсихофизиологии [Тютюнник и др. 2016], предопределяющих усвоение этнопсихолингвистических норм [Поливарова, Карабулатова 2012], помогая понять когнитивные аспекты политики «мягкой силы». Объект нашего исследования: язык в русско-китайских семьях в провинции Хэйлунцзян. Прайминг-эффект как априорное признание единого лексического хранилища у билингвов с множеством комбинаторных языковых вариаций [Hartsuiker et al. 2004] открывает пространство универсальных формализаций для полиязычия с созданием улучшенных языковых моделей для ИИ и нейропсихолингвистики. В российско-китайском приграничье распространены смешанные браки, внутри которых активно используются родные языки обоих родителей. В связи с этим возрастает востребованность новых методов обучения с опорой на имеющуюся нейролингвокогнитивную базу с применением IT-технологий, поскольку, с одной стороны, в Китае цифровизация различных видов деятельности имеет приоритетное значение, а с другой – Китай представляет собой страну с ярко-выраженным языковым многообразием. Лингвистическая неоднородность Китая характеризуется присутствием свыше 50 народов КНР, которые входят в сино-тибетскую, алтайскую и индоевропейскую языковые семьи. Естественно, что в такой ситуации межъязыковое смешение неминуемо, особенно при поощряемом на государственном уровне заключении браков между представителями различных этнолингвокультур [Jian 2017]. Кроме того, для внутрисемейного общения на китайском языке широко распространено использование диалектов (方言/ fāngyán/ фанъян), которые значительно отличаются от литературного мандарина. Все это заставляет искать новые эффективные средства лингводидактики, в которой понимание специфики механизмов кодирования/ декодирования у билингвов, носителей разноразличных лингвокультур, может послужить надежным фундаментом для дальнейшей разработки улучшенной языковой модели глубинного машинного обучения в плане двустороннего перевода. Исследователи в области цифровой гуманитаристики видят огромный потенциал в изучении нейрокогнитивных связей у билингвов из смешанных семей для понимания обучения искусственного интеллекта с целью улучшения коммуникации [Daras et al., 2022; Spinu et al. 2022].

Когнитивная нейропсихолингвистика доказала приоритет одностороннего характера локализации языковых функций в мозге у поздних билингов, чем у ранних билингов [Pallier et al. 2003] с обнаружением общих генетических ключей активации языковых и математических зон мозга [Le Guen, et al. 2018], при этом нейропластичность мозга истинных билингов улучшает качество и скорость обучения языку 2 [Polivara, Karabulatova 2018]. Отсутствие автоматизма в обработке языка 2 требует больше когнитивных ресурсов, поэтому использовалась архитектура конволюционной нейронной сети для моделирования рационального обучения билинга. Производство языка актуализирует три основных хранилища знаний: ментальный лексикон, слоговой словарь, знания о внешнем и внутреннем мире. Модель билингвального подхода на этапе формирования концепта использует необходимость перевода коммуникативных намерений в язык [Панина, Теплова 2014], при котором важно: 1) выбрать подходящее понятие для выражения своих намерений; 2) выбрать язык выражения (язык 1 или язык 2). Большинство слов и некоторые грамматические флективные формы имеют семантическую основу, они обрабатываются на этапе формирования концепта. Долговременная память фиксирует концепты как различные следы памяти, связанные со значениями слов. Запрос концепта активирует следы памяти, связанные с коммуникативной ситуацией. Графы концептов соединены в сеть связанных между собой следов памяти, отношения между концептами языка 1 и языка 2 могут быть идентичными, общими или полностью разделенными. Понимание когнитивных моделей у синоязычных билингов сложно из-за различий в разносистемных языках [Ян Кэ, Ян Ии 2020].

Первый симуляционный сценарий использует предварительно обученную модель [Чжан, Терехов, Канев 2022] с креолизованными лексемами для увеличения лексикона и человека, и машины. Конволюционная нейронная сеть устанавливает связи между большим количеством картинок и лексиконом, выстраивая граф ментального лексикона с рекомендацией предпочтительного метода освоения языка. Предназначенные для обучения, загруженные 600 случайных интернет-изображений с китайским языком со связью «картинка» = «китайская интерпретация» сопоставлялись в координатах «объект = китайский язык». Эти 600 иллюстрированных слов в их китайской интерпретации относятся к языку 1, который изучает машина, поэтому 600 картинок с их китайскими интерпретациями легли в основу ее «родного» языка. В итоге были отобраны 60 эталонов: эпоха = 5, партия = 2 и т.д. Отбор случайным образом 2 рисунков по одной теме дал $5 \cdot 600 / 2 = 3000$ итераций. Готовность нейронной сети достигла 12%, поскольку упрощенная процедура не извлекала признаки с отражением истинных особенностей, а недостаточность данных привела к проблемам с чрезмерной подгонкой. Алгоритмы конволюционной нейронной сети в наших тестах допускали возможность ошибок, дальнейшее обучение конволюционной нейросети на новых моделях повысило точность.

Новые модели учитывали три момента: 1) X выступает заполнителем при вводе определений данных; 2) первичная легенда составила: X – входные данные, Y – данные метки, keер-prob; 3) включение коэффициента вероятности для предотвращения чрезмерной подгонки выступало в роли глобальной переменной. После модификации алгоритма проанализировано 2 000 изображений с их интерпретациями на обоих языках. Прогон составил 4000 раз. Результаты: 1) нулевой шаг, уровень точности 0,08; 2) 1000-ый шаг, уровень точности 0,44; 3) 2000-ый шаг, уровень точности 0,54; 4) 4000-ый шаг, уровень точности 0,664t. Общая тестовая точность: 0,5965. Уровень точности после 20000 обучающих тестов составил 68,89%. Эта последовательность в

изучении первого родного языка моделирует процесс погружения во второй родной язык ребенком из смешанного брака на основе восприятия языка 2 через язык 1. Нервные синапсы с установлением нейронных связей представляли собой равенство «китайский перевод» = «русский перевод». Второй симуляционный сценарий построен на параллельном изучении обоих языков, позволяя построить два одновременных отображения: «содержание изображения» = «китайский перевод»; «содержание изображения» = «русский перевод». Использовались те же 600 картинок для обучения нейросети с пост-аналитическим разбором. После ввода 2000 изображений с их русскими интерпретациями с прогоном в 4000 раз точность составила 57,98%. После 20000 тестов – 70,54%.

Точность результатов теста показала высокую эффективность сверточных нейронных сетей для обучения русско-китайских билингвов: хронотоп освоения детьми всей цепи коммуникации совпадает с временем преобразования ИИ процедурных знаний в буквы для выражения мыслей. Моделирование освоения языка связано с вербализацией мыслей и соотношением их с ментальным лексиконом. Слова как линейные образования противопоставлены мысли, существующей как некое целое. Вызовом для составления модели для машинного обучения является высокий уровень двуязычия у билингвов, параллельно обрабатывающих два языка с двумя концептуально различными речеповеденческими матрицами в коммуникации.

Литература

Панина Е.Ю., Теплова С.Б. Билингвальный подход в обучении // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков, 2014. №10. С.182-185.

Поливарова З.В., Карабулатова И.С. К понятию этнопсихолингвистической нормы у детей-билингвов // Специальное образование. 2012. № 1 (25). С.122-126.

Спиридонов В.Ф., Эзрина Э.В. Психологические модели языковой системы билингва // Шаги/Steps, 2015. №1. С.182-198.

Тютюнник В.М., Биркин А.А., Гуцин, Ю.Г. Основы лингвистической психофизиологии. Тамбов: Изд-во МИНЦ "Нобелистика". 2016.

Чжан Ч., Терехов В.И., Канев А.И. Генерация составительных примеров в ограниченной области изображения на основе предварительно обученных моделей // Искусственный интеллект в автоматизированных системах управления и обработки данных. М. 2022. Т. 1. С. 407-412.

Ян Кэ, Ян Ии. Обзор исследований по когнитивной лингвистике в Китае // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 138-148. DOI 10.26170/pl20-04-16.

Daras G., Raoof N., Gkalitsiou Z., Dimakis A.G. Multitasking Models are Robust to Structural Failure: A Neural Model for Bilingual Cognitive Reserve // ArXiv, 2022. abs/2210.11618. <https://arxiv.org/pdf/2210.11618.pdf>.

Le Guen, Y., Amalric M., Pinel P., Pallier C., Frouin V. Shared genetic aetiology between cognitive performance and brain activations in language and math tasks // Scientific Reports, 2018, 8 (1). URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-018-35665-0>.

Hartsuiker R.J., Pickering M.J., Veltkamp E. Is syntax separate or shared between languages? Cross-linguistic syntactic priming in Spanish-English bilinguals // Psychological Science, 2004. 15 (6). P. 409-414.

Jian Z. The recent trend of ethnic intermarriage in China: an analysis based on the census data // Journal of Chinese Sociology. 2017. 4 (11). <https://doi.org/10.1186/s40711-017-0059-0>.

Mekki Y., Guillemot V., Lemaître H., Carrión-Castillo A., Forkel S., Frouin V., Philippe C. The genetic architecture of language functional connectivity // NeuroImage, 2022. № 249. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1053811921010661>.

Pallier C., Dehaene S., Poline J.-B., LeBihan D., Argenti A.-M., Dupoux E., Mehler J. Brain Imaging of Language Plasticity in Adopted Adults: Can a Second Language Replace the First? // *Cerebral Cortex*, 2003. Vol.13 (2), P.155-161, <https://doi.org/10.1093/cercor/13.2.155>.

Polivara Z.V., Karabulatova I.S. The Features of Speech Dysfunction in Children: A Neuropsycholinguistic Approach. *Research Journal of Pharmaceutical // Biological and Chemical Sciences*, 2018. № 9 (3). P. 107 – 112. https://www.rjpbcs.com/2018_9.3.html.

Spinu L., Muscalu L.M., Vasilita M., Gilbert C., Wallace J. What mechanisms underlie phonetic and phonological learning ability in monolingual and bilingual populations? A closer look at the connection with cognitive and sensory functions // *The Journal of the Acoustical Society of America*, 2022. 151 (4). <https://doi.org/10.1121/10.0011283>.

Zhang L., Karabulatova I., Nurmukhametov A., Lagutkina M. Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication // *Journal of Psycholinguistic Research*, 2023. P. 1-17. <https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z>.

Zh. Liu (Harbin, China),
Heilongjiang University

I.S. Karabulatova (Moscow, Russia - Harbin, China),
Heilongjiang University, Lomonosov Moscow State University, RUDN-university,
Bauman Moscow State University,

Ch. Sun (Harbin, China),
Heilongjiang University,

Yu.E. Gapanyuk, V.I. Terekhov (Moscow, Russia),
Bauman Moscow State University

MODELING OF BI-POLYLINGUISTIC IN CHILDREN IN MIXED FAMILIES IN THE RUSSIAN-CHINESE BORDER AREA USING NEURAL NETWORK METHODS

The demand for the formation of real bilingualism is due to the renewal of the paradigm of the development of society under the influence of IT technologies, therefore, the specificity of language competencies in the field of native and foreign languages opens up new opportunities for digital humanities in the aspect of studying the influence of metatization both for the integration of phenotypes of both parents and language acquisition with the discovery of new parameters of the neuro-psycholinguistic spectrum for teaching bilingual children. The emphasis on convolutional neural networks focuses on the creation of new models of language acquisition in such children from mixed marriages. The purpose of the study: modeling of the processes of bi-multilingualism in children from mixed Russian-Chinese marriages using artificial intelligence technologies and neural networks for the subsequent development of an improved large multilingual machine translation model. The research material was experimental data obtained during the use of a convolution neural network in creating a new training model based on the analysis of comparing the speed and quality of language processing in true Russian-Chinese bilinguals in the Heilongjiang province of China and a neural network in order to improve the quality of two-way translation.

Key words: Russian-Chinese bilingualism, convolutional neural network, computer psycholinguistics, "soft power", cognitive sciences.

*Н.С. Макарова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
makarova_ns@pfur.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

В статье обсуждается, как различия в грамматических системах языков преподавателя и учащихся могут затруднять межкультурную коммуникацию между ними и как лингвистическая типология может помочь преодолеть эти затруднения, проясняя для преподавателя языковую картину мира студентов-иностранцев.

Ключевые слова: лингвистическая типология, преподавание, русский как иностранный, межкультурная коммуникация, языковая интерференция.

Каждый, кто преподает иностранный язык, сталкивается с проявлениями языковой интерференции. Фонетические, грамматические и лексические особенности родного языка обучающихся влияют на их речь, когда они говорят или пишут на иностранном языке.

В этой статье пойдет речь о том, как лингвистическая типология может помочь выявить в русской речи студентов-иностранцев ошибки, вызванные языковой интерференцией, а также скорректировать подходы к обучению РКИ, сделав это обучение этно-ориентированным, а следовательно, более адресным и эффективным. Уточним, что из разных видов интерференции здесь будет рассмотрена главным образом грамматическая. На наш взгляд, именно она нередко препятствует как выражению смысла на иностранном языке, так и его пониманию.

Преподаватель может понять, что перед ним ошибка, вызванная языковой интерференцией, если он владеет родным языком студента. Но что делать, если это не английский или другой европейский язык, а более редкие – арабский, китайский, турецкий. Не приходится ожидать, что преподаватели РКИ в массе своей будут владеть языками с принципиально иной грамматикой, иероглифической письменностью или тонами. На помощь преподавателю тут может прийти лингвистическая типология – раздел лингвистики, описывающий типологические особенности языков, попросту говоря – ведущий учет тому, что есть и чего нет в языках мира. Преподаватель РКИ всегда рискует принять явления, присущие русскому, за универсальные и ожидать от студентов понимания там, где их языковой опыт не соответствует или даже противоречит языковому опыту носителя русского языка. В действительности языки мира очень разные, языковых универсалий совсем не много. И об этом рассказывает лингвистическая типология.

Перейдем к примерам. Нас будут интересовать в первую очередь родные языки студентов, обучающихся на подготовительном факультете РУДН, а именно китайский, персидский, турецкий, арабский и некоторые европейские языки (испанский, английский и французский).

Начнем с грамматического строя. Флективность русского языка, часто воспринимаемая преподавателями как нечто, само собой разумеющееся, может оказаться совсем непонятной китайцам (носителям языка изолирующего типа, где словоизменение отсутствует вовсе). Поэтому нам кажется необходимым еще до начала изучения падежной системы на уроках РКИ обратить внимание студентов на сам способ выражения грамматических значений путем присоединения флексий к основе, поскольку многие студенты не смогут найти аналогий этому способу в своем родном языке.

Турецким студентам, носителям языка агглютинативного типа, присоединение флексий к основе в русском языке, наверняка, не покажется странным, ведь в турецком таким же образом к слову присоединяются аффиксы. Но их может удивить другое. В агглютинативных языках аффиксы выражают только одно грамматическое значение, флексия же в русском языке способна выражать одновременно несколько (род, число и падеж, например).

Еще одна трудность, которая может возникнуть при изучении русского у носителей агглютинативных языков – это обилие нерегулярных форм (исключений) в русском языке. Языки агглютинативного типа практически их не имеют. Нет там и изменений на стыках морфем (столь характерных для русского языка). Аффиксы присоединяются путем «склейки».

Отдельно следует сказать об арабском языке. Типологически он является флективным, как и русский. И несмотря на это, словоизменение там выглядит совершенно иначе. Для арабского характерна так называемая внутренняя флексия. Она не присоединяется к концу слова, но вставляется (в виде огласовок) в промежутки между (как правило тремя) согласными, составляющими корень.

Огромное влияние на русскую речь иностранных студентов имеет принятый в их родном языке порядок слов. Разные языки обладают разной степенью гибкости в этом отношении. Естественно, что более гибкими являются языки с развитой морфологией. Ведь отношения между членами предложения в этом случае легко установить по форме слова, а не по месту, которое слово занимает в предложении. Уже во второй половине XX в. лингвисты выделили шесть вариантов базового порядка слов в языках мира и расклассифицировали языки по признаку доминирующего в них порядка. Возвращаясь к интересующим нас языкам, отметим, что доминирующий порядок слов в китайском языке (столь сильно отличающемся от русского во многих отношениях) – такой же как в русском (SVO, где S – это субъект, V – глагол-сказуемое, O – объект), что, несомненно, облегчает китайцам понимание структуры русского предложения. В турецком и персидском языках (казалось бы, грамматически более близких к русскому) доминирующий порядок слов – SOV. Т.е. говорящие на этих языках студенты будут и в русском языке стремиться относить глагол-сказуемое в самый конец предложения. А для носителей арабского языка, где доминирующим является порядок VSO, будет естественным начинать предложение с глагола-сказуемого. Справедливости ради, следует отметить, что известная гибкость в отношении порядка слов, которая, как мы уже упоминали, присуща многим языкам мира, помогает студентам достаточно быстро принять русский порядок слов (возможно, встречающийся в их родном языке в особых ситуациях) и привыкнуть к нему [Асефнежад 2012: 76].

Важным для начального этапа обучения русскому языку является частный случай уже обозначенной нами очень обширной темы порядка слов в предложении. Это порядок слов в паре определяемое слово + определение. Порядок, отличный от русского в этой паре, встречаем не только в европейских романских языках (французском, испанском, где прилагательное чаще следует за существительным, чем предшествует ему), но и в персидском и арабском. Китайский же и турецкий не отличаются в этом отношении от русского. Здесь определение предшествует определяемому слову.

Интересно присмотреться к тому, как устроены в разных языках притяжательные конструкции типа «комната брата». В русском языке в этой конструкции обладатель (брат) располагается после обладаемого (комната) и маркируется родительным падежом, обозначающим здесь принадлежность. Но другие языки оформляют это же

отношение по-другому. В английском, например, обладатель вместе с маркером принадлежности занимает место перед обладаемым (brother's room). То же видим и в китайском (xiōngdì de fángjiān), где сначала идет слово «брат» (xiōngdì), затем притяжательная частица (de), а затем слово «комната» (fángjiān). Очень типичной ошибкой в русской речи носителей китайского языка является перестановка слов («брата комната» или «брат комната» вместо «комната брата»). В персидском же, хотя порядок слов в этой конструкции и будет таким, как в русском, маркер притяжательности получит не обладатель, а обладаемое (это явление в грамматике персидского и некоторых других языков называется термином *изафет*). [Плунгян, 2011: 201]

Далеко не очевидной для многих наших студентов представляется классификация слов языка по частям речи. В русском языке эта классификация основана на морфологических признаках. К одной части речи относятся слова, имеющие одинаковый набор грамматических категорий. Но в китайском языке слова не имеют морфологических признаков, поэтому найти в родном языке аналогию русским частям речи носители китайского языка могут, лишь опираясь на лексическое значение и функцию слова в предложении [Ван Ли 1989: 48]. В персидском языке слабо различаются имена существительные и прилагательные, а в грамматике арабского языка выделяют лишь три части речи: имена, глаголы и частицы. Добиваясь от студентов умения различать части речи в русском языке (а без этого умения не освоить грамматику русского языка), преподавателю следует учитывать, что студентам зачастую не на что опереться в своем языковом опыте для понимания этой темы. Сказанное, конечно, не относится к носителям европейских языков, где грамматические классы слов более или менее совпадают с русскими.

Следует также сказать несколько слов о падежной системе, которая часто воспринимается как одна из самых ярких и характерных черт русской грамматики. Огромная доля учебного времени на начальном этапе обучения русскому языку иностранных студентов тратится на освоение падежей. И действительно, эта тема особенно трудна для китайских студентов, ведь в их языке слова не изменяются. Но данные лингвистической типологии свидетельствуют, что «категория падежа представлена более, чем в половине языков мира» [Аркадьев, 2009: 61], т.е. это совсем не редкость. В том числе, падежи есть в турецком, монгольском, арабском и персидском языках. Конечно, падежные системы в языках мира могут существенно отличаться от того, что мы видим в русском (так, в арабском имеется только три падежа, а в персидском – два), и все же преподаватели РКИ могут рассчитывать на то, что сама идея использования слова в разных падежных формах уже знакома многим студентам на материале родного языка.

В этой статье мы рассмотрели несколько примеров, когда различия в грамматическом строе языков могут затруднять взаимодействие между русским преподавателем и иностранными студентами при обучении. Думается, что чем более подробно преподаватель будет представлять себе устройство родного языка студента, тем лучше он будет понимать природу студенческих затруднений и ошибок, и тем более адресной и эффективной будет его помощь в их преодолении. Незаменимым инструментом и источником информации о языках мира может стать для преподавателя РКИ лингвистическая типология.

Литература

Аркадьев П.М. Падежи в языках мира // Лингвистика для всех: сборник трудов конференции. М.: Московский центр непрерывного математического образования. 2009. С. 59-71.

Асефнежад А. Гибкость порядка слов (сопоставительное исследование на материале русского и персидского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 172-176.

Ван Ли Части речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. М. 1989. С. 37-53

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. 2011.

N.S. Makarova (Moscow, Russia)
RUDN University

LINGUISTIC TYPOLOGY IN TEACHING RUSSIAN TO FOREIGN STUDENTS

The article discusses how differences in grammatical systems of languages can complicate intercultural communication between the Russian teacher and international students and how linguistic typology can help overcome those difficulties, clarifying for the teacher the language worldview of students.

Key words: linguistic typology, Russian as a foreign language, intercultural communication, linguistic transfer.

S. Saadna (Moscow, Russia)
RUDN University
1042225294@rudn.ru

POLITENESS STRATEGIES IN ALGERIAN AND RUSSIAN STUDENTS' REQUESTS

Due to cultural differences, politeness varies across cultures, resulting in the choice of politeness strategies used in communication. The present study explores the performance of the speech act of request by Algerian and Russian students focusing on politeness strategies and sociocultural factors that impact their choice. The findings revealed that Russian students adopt more indirect requests than Algerians. The study provides new data on the impact of socio-cultural factors on politeness strategies.

Key words: speech act of request, politeness strategies; classroom setting, socio-cultural factors, Algerian Arabic, Russian

Successful communication depends on people's polite behaviour that ensures harmony in social interaction. However, due to cultural differences, politeness varies across cultures, causing communicative difficulties [e.g., Eslsami et al. 2023, Larina, Kameh Khosh 2021, Locher, Larina 2019, Mugford 2020, Ogiermann 2009; Rhee, 2023, Yu 2011, among others]. As numerous cross-cultural studies have shown, the same act of communication being polite in one culture may be considered as inappropriate, impolite and even rude in another [Larina 2015: 197], and the mode of their performance strongly depends on cultural context, values and attitudes [Haugh & Chang 2019, Zagidullina et al. 2023]. This is especially true for face-threatening acts (FTAs) which includes Request among others. This speech act threatens the face of both participants [Brown, Levinson 1987: 77] and requires the use of politesse strategies to reduce the threat. The choice of politeness strategies is based on three social factors: social distance, power distance, and the ranking of imposition.

This study aims to identify Algerian and Russian students' choice of politeness strategies when performing requests to their classmates in the classroom setting with the focus on varying ranking of imposition and sociocultural factors.

This study aims to identify Algerian and Russian students' choice of politeness strategies when performing requests to their classmates in the classroom setting with the focus on varying ranking of imposition and sociocultural factors.

Drawing on Brown's and Levinson's theory of politeness [1987] four types of strategies were considered:

- Bald on record strategy by which the requester is not making any redressive action to reduce the threat;
- Positive politeness which enhances the hearer's positive face;
- Negative politeness which reduces face threat to preserve the hearer's negative face from any imposition;
- Off-record indirect strategy which relies upon implication, and the requester uses utterances as hints or metaphors.

We based our assumption on previous studies which stated that in Algeria, direct strategies are preferred in situations with a little power and distance as when interacting with friends and families [El Hadj Said 2016]; in Russia, directness in requests is also a preferred strategy, since in Russian culture, as in Slavic cultures in general in many situations request is not seen as a threat to the listener's face to the extent that is observed in Western Europe [Larina 2015, Ogiermann 2009].

The data for the study were collected through a Discourse Completion Task (DCT) with the participation of 148 university students (95 Algerian and 53 Russian). As the interlocutors were classmates, the focus was not on power (P) and social distance (S) but on the ranking of imposition (R) in the performance of request. For that purpose, the questionnaire contained three situations of request to a classmate which differed in the degree of imposition: (1) an elementary request (request to give a pen), (2) a secondary request (request to send the homework by email) and (3) a more complicated request (request to help to do the homework). On the whole, 444 performances of request were analysed quantitatively and qualitatively.

In what follows, the main results of the study will be briefly presented, which show the preference of certain strategies in the situations discussed in the Algerian and Russian classroom contexts.

The use of bald-on-record strategies. Figure 1 demonstrates the Algerian students' tendency towards the bald-on-record strategies using imperatives to request more than their Russian counterparts. They appeared to be the most adopted in the situations (S1, S2) characterised by a minimal and neutral ranking of imposition.

- (1) *Пришли мне, пожалуйста, домашнее задание.* (Send me please the homework)
- (2) *ابعتلي واش قرينو بايميل* (send me what you have studied by e-mail)

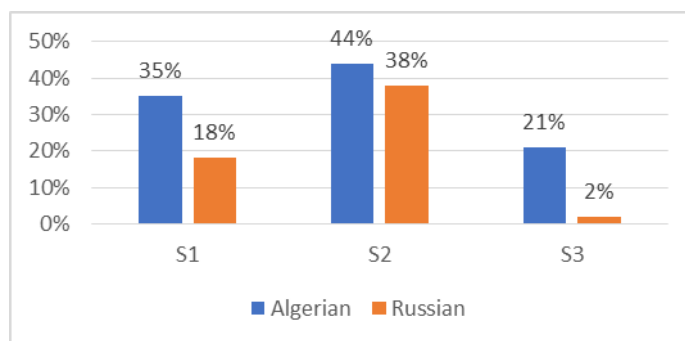

Fig. 1. On-record strategies in Algerian and Russian students' requests

The use of positive politeness strategies. Figure 2 shows that Algerians adopted positive politeness strategies more often than their Russian counterparts throughout all the situations using in-group identity markers (3) or by joking (4):

(3) *خويا لعزیز بعیشك ستیلو* (Dear brother, a pen, may you live long).

(4) *يا لعرب ستیلو زايد هيا فيدونى نفيديك كانش نهار* (Hey you, Arabs! A spare pen, help me to help you one day).

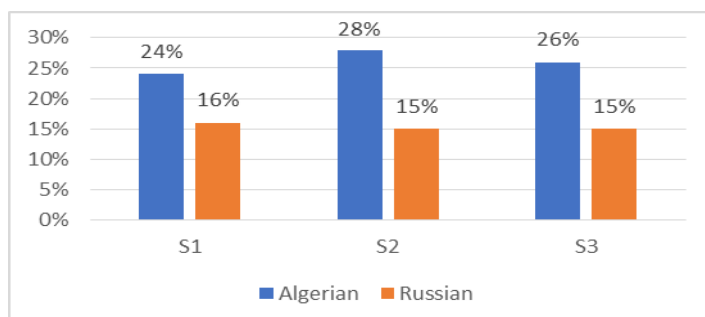

Fig. 2. Positive politeness strategies in Algerian and Russian students' requests

The use of negative politeness strategies. It is clear from Figure 3 that Russian students preferred the negative politeness strategies to request their classmates more than Algerians in S1 and S2, while in S3 which requires more time and efforts, 75% of Algerian students preferred to adopt the negative politeness strategies more than Russians (52%). The most frequent strategies were 'be conventionally indirect', 'be pessimistic', 'apologize' among others:

(5) *Можешь, мне, пожалуйста, помочь с домашкой?* (Can you help me please with the homework?).

(6) *تقدر تشرحلي كيفاه ندير الواجب؟* (Can you explain to me how to do the homework?)

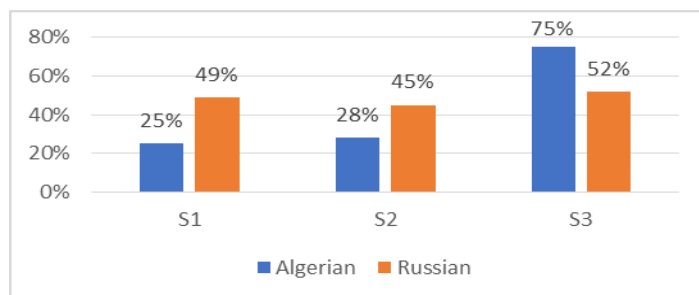

Fig. 3. Negative politeness strategies in Algerian and Russian students' requests

The use of off-record strategies. The off-record strategies were used the least in both cultural contexts. In S1, they were used with approximately the same percentage (16% Al., 18% Rus.). In S2 they were not observed in the Algerians material at all with only 2% in Russian (see fig.3).

(7) *عندك ستیلو زايد ؟* (Have you got a spare pen ?)

(8) *Я бы попытался разобраться в этой теме сам, но это кажется трудным* (I would try to do this homework alone, but it seems difficult).

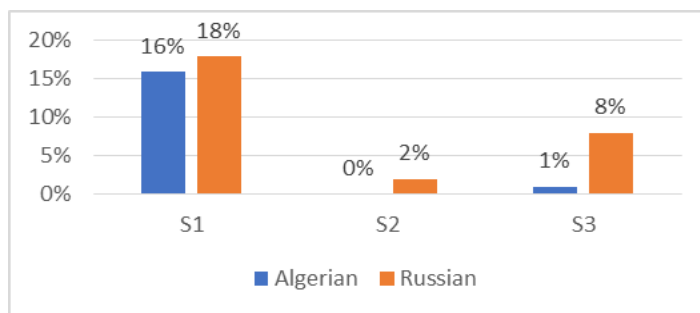

Fig. 4. Off-record strategies in Algerian and Russian students' requests

Conclusion

This study revealed that the choice of politeness strategies in requests comes from the impact of certain socio-cultural variables, including the rank of imposition. When the request is performed to do a more complicated favours, the indirect strategies are adopted by students to mitigate their imposition. However, the findings demonstrated that Algerian students used more direct strategies than their Russian counterparts since small favours in Algerian society based on solidarity do not usually necessitate asking for them in indirect ways. Russian students demonstrated the tendency to use negative and on-record strategies more often than Algerians did. As opposed to what was expected, the Russians, in this study used bald-on-record and positive strategies with a low percentage; however, the weight of imposition was small. This study was based on limited material. For more grounded conclusions, further research is needed.

References

- Brown P., Levinson S.C.* Politeness: Some universals in language use. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Eslami Z.R., Larina T.V., Pashmforoosh R.* Identity, politeness and discursive practices in a changing world // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. 27 (1). P. 7-38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051.
- Hadj S.N.* Politeness strategies in Algerian requests // *Trans Stellar Journal*. 2016. V.6. № 6. P. 73-78.
- Haugh M., Chang W.M.* Indexical and Sequential Properties of Criticisms in Initial Interactions: Implications for Examining (Im) Politeness across Cultures // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. V. 23. № 4. P. 904-929. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-904-929.
- Larina T.* Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. 7 (5). P. 195-215.
- Larina T., Kameh Khosh N.* Cultural values and understanding of politeness in British, Russian and Persian lingua-cultures // *Russian Language Abroad*. 2021. V. 2. P. 9-18. DOI : 10.37632/PI.2021.285.2.002.
- Locher M.A., Larina T.V.* Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. 23 (4). P. 873-903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903.
- Mugford G.* Mexican Politeness: An Empirical Study on the Reasons Underlying/Motivating Practices to Construct Local Interpersonal Relationships // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. V. 24. № 1. P. 31-55. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-31-55.
- Ogiermann E.* On Apologising in Negative and Positive Politeness Cultures. Amsterdam – Philadelphia: Benjamin's J. Publishing Company, 2009.
- Rhee S.* Politeness and impoliteness in social network service communication in Korea // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. V. 27. № 1. P. 39-66. DOI: 10.22363/2687-0088-32031.

Zagidullina M.V., Ghodrati A., Shafaghi M. Linguacultural aspects of the value and semantic attitude to the speech act of promise in Russian // Russian Journal of Linguistics. 2023. V. 27. № 2. P. 418-443. DOI: 10.22363/2687-0088-30603.

С. Саадна (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов
1042225294@rudn.ru*

СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВОМ АКТЕ «ПРОСЬБА» АЛЖИРСКИХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ

Из-за культурных различий вежливость варьируется в разных культурах, что проявляется в выборе стратегий вежливости. В исследовании рассматривается речевой акт «просьбы», осуществляемый алжирскими и русскими студентами с акцентом на стратегии вежливости и социокультурные факторы, влияющие на их выбор. Результаты показали, что в русском контексте просьба выражается более косвенно, чем в алжирском. Исследование предоставляет новые данные о влиянии социокультурных факторов на стратегии вежливости.

Ключевые слова: речевой акт «просьба», стратегии вежливости, социокультурные факторы. алжирский арабский, русский.

Е.Ю. Садовская (Минск, Беларусь)

*Минский государственный лингвистический университет
sadovskaya@sbmt.by*

ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ШУТОК О ПОКОЛЕНИЯХ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья ставит своей целью сопоставить шутки про поколения и их тематическую направленность в русскоязычной и англоязычной (американской) лингвокультурах. Отличия присутствуют в особенностях названий сайтов с поколенческими шутками, активности употребления названий поколений, направленности шуток о поколениях, которая отличается от стереотипных представлений о тематике русского и американского юмора.

Ключевые слова: шутка, поколение, лингвокультура, межпоколенческий дискурс.

В настоящее время происходят глобальные парадигмальные сдвиги, меняется исторический контекст, обновляются стереотипы и возникают ранее не существовавшие культурные референсы, трансформируя все области жизнедеятельности человека, в том числе юмор. Ранее в русскоязычной культуре доминировали шутки и анекдоты о дефиците, иностранцах, Штирлице, чукчах, армянском радио и теще [1, 2, 3], а в англоязычной (американской) культуре были распространены так называемые dad jokes (тупые шутки, от которых смешно только отцам, которые шутят), шутки о блондинках и адвокатах [2, 4, 9]. В настоящее время список тем, над которыми можно шутить, изменился, отражая сдвиги в приоритетности проблем, которые волнуют обе страны. В США от людей стали ожидать, что они будут политкорректными и не будут говорить ничего, что может задеть чувства других людей [10]. Опрос ВЦИОМ в России показал, что «Наиболее уместными для шуток россияне считают такие темы, как отношения с начальством (69%), отношения в семье и экономические и социальные проблемы России (по 63%)» [5], при этом не стоит шутить над особенностями здоровья других людей, церковью, национальными

особенностями и традициями разных народов, историей России, СССР и Российской империи [5]. Соответственно уменьшилось количество шуток о блондинках, юристах, чукчах, иностранца, но в XXI в. стала расти популярность шуток о поколениях [6]. Данная статья ставит своей целью сопоставить тематическую направленность шуток и анекдотов (в рамках данного исследования не делаем акцент на различии в жанрах) о поколениях в русскоязычной и американской лингвокультурах, чтобы увидеть сходства и/или различия в современном менталитете русских и американцев.

Методология исследования включает три этапа. На первом этапе были отобраны платформы с шутками, посвященными поколениям (критерием отбора выступили маркеры “jokes about generations” и «шутки о поколениях»). Наличие лексемы «поколение» в тексте шутки (не в заголовке) являлось условием отбора шуток для анализа. На втором этапе была рассмотрена тематика шуток. На третьем этапе была сопоставлена тематическая направленность шуток в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах.

Первый этап продемонстрировал различия в подходах к названиям сайтов. Американские сайты содержат указание на количество шуток (65+, 36+, 24 и т.п.). 90% проанализированных сайтов используют цифры для привлечения внимания пользователей. Данный параметр практически отсутствует на российских сайтах (всего 10% случаев). Названия американских сайтов содержат названия поколений (50% сайтов). Номинация поколений на русском языке встречается реже (40% случаев). Первые 10 сайтов, выбранные по ключевому словосочетанию «шутки о поколениях» (на русском языке), содержат всего 4 платформы, посвященные шуткам о поколениях, в то время как из 10 американских сайтов 90% предлагают шутки о поколениях. 6 из 10 русскоязычных сайтов, несмотря на заданные критерии поиска, не содержат шуток, хотя связаны с поколенческой тематикой (с конфликтом поколений, теорией поколений). На американских сайтах с шутками анализ поколенческого взаимодействия и особенностей поколений не актуализирован. Из 10 выбранных американских сайтов только один не связан с поколенческими шутками.

Российский сайт www.nekdo.ru (193 шутки) [7] и американский сайт <https://upjoke.com/generation-jokes> (64 шутки) [8] были выбраны в качестве эмпирической базы для анализа. Шутки представлены в виде диалогов (оперируют в поле межпоколенческого и внутрипоколенческого дискурсов), однорепликовых высказываний (представлены в поколенческом дискурсе и дискурсе о поколении), а также юмористических рассказов (на американском сайте).

Второй этап анализ позволил выявить 12 тематических групп на американском сайте с поколенческими шутками. Поколения шутят о политике, экономике и благосостоянии, религии, культуре, ценностях, образовании, истории, технологии, характеристике и названиях поколений, сексе. Встречаются шутки о поколениях животных и различных предметов (объединены в одну группу). Шутки о блондинках, юристах и «бородатые» шутки (dad jokes) отсутствуют.

Анализ шуток о поколениях на российском сайте позволил выделить похожие тематические группы: политика, экономика и благосостояние, культура, ценности, образование, история, технологии, секс, а также шутки о поколениях животных и поколениях предметов (объединены в одну группу). Шутки на русскоязычном сайте являются более «детальными» (фрагментарными), поэтому были выделены дополнительные тематические группы: работа и профессиональная деятельность, поколенческие династии, сохранение традиций, вопросы манер и воспитания и использования языка, а также шутки на бытовые темы. На сайте отсутствуют шутки,

связанные с религией и обозначением (названиями) поколений, но представлены шутки, посвященные вопросам здоровья и спорта [11]. Шутки о Штирлице, чукчах, армянском радио, теще не представлены.

Распределение поколенческих шуток по тематическим группам демонстрирует сходства и различия. Наиболее схожими количественно являются шутки на темы политики (3,1% США и 3,63% РФ) и экономики и благосостояния (4,7% США и 4,1% РФ). В России и в США также почти одинаково часто шутят на исторические темы (3,1% шуток в США и 4,1% в РФ). Сходство обусловлено тем, в основе подобных шуток и мемов лежит растущая экономическая, экологическая и социальная встревоженность [8] в обеих странах на фоне политических и экономических трансформаций.

Далее тематические различия приобретают более заметный характер. Американцы больше шутят о культуре (3,1%), в то время как на русском сайте присутствует всего 1,55% таких шуток. Заметное отличие наблюдается в количестве шуток, связанных с ценностями: 20,3% в США и 23,32% в России. Американцы также шутят про характеристики поколений – 12,5%, что отсутствует в российском материале для исследования. Несмотря на высокий уровень и распространенность информационных технологий в мире и США, в России шутят на эту тему (18,1%) чаще, чем в Соединенных Штатах (14%). Количество шуток о животных и различных предметах также заметно отличается: в США шутят почти в два раза меньше (4,7%), чем в России (7,25%). Еще более разительным является отличие в количестве шуток об образовании и учебе. В России эта тема очень популярна – 7,2%, в то время как в США такие шутки составляют только 1,5%.

Самая заметная разница обнаружена при анализе шуток о сексе. В Америке данная тема очень популярна (20,3% шуток), в то время как в России на эту тему шутят всего в 3,11% случаев. Количество шуток о сексе в Америке совпадает с количеством шуток о ценностях (20,3%). В США шутят о поколении и религии (3,1% шуток); в России подобные шутки отсутствуют. Следует выделить шутки о названиях поколений на американском сайте, например, поколение после поколения Z должно называться поколением AA, это название подошло бы лучше, потому что они будут поколением, которое вырастет с батарейками внутри всего [8]. Такие шутки не встречаются в поле российского поколенческого юмора. В основе широко используемой в мире системы поколений с обозначением каждого из них лежит американская классификация (Н. Хоува и Х. Штрауса)[12], тиражируемая СМИ, что, видимо, обуславливает заметное количество шуток, связанных с названиями поколений, – 6%.

Темы шуток, представленные на российском сайте и отсутствующие на американском сайте, являются менее популярными, чем вышеобозначенные темы. В России шутят на тему работы (2,5% случаев), поколенческих династий (3,1%), здоровья и спорта (2,08%), сохранения традиций (3,1%). Небольшое количество шуток посвящено манерам и воспитанию поколений и использованию языка (1,04%). Достаточно большое количество шуток связано с бытовыми вопросами – почти 13% (12,95%). Данная тематика на американском сайте не представлена.

Таким образом, проведенный анализ шуток о поколениях в англоязычной (США) и русскоязычной лингвокультурах (РФ) позволил выявить сдвиг в тематической направленности шуток в XXI в. Перестали быть популярными шутки про блондинок, чукчей, юристов и Штирлица. Популярность приобрели шутки о поколениях. Их направленность в США и России схожа, но фиксируются различия в тематических предпочтениях. В сферах политики, экономики, благосостояния и истории американцы

и русские демонстрируют единство (количество шуток совпадает). Практически одинаково часто в двух странах шутят о культуре. В двух странах уделяется схожее внимание вопросам поколенческих ценностей и социетальных норм. Однако, если в России готовы шутить о работе, здоровье, манерах и воспитании, то в Америке такие шутки в поле поколенческого юмора не представлены. Американцы также не шутят о поколениях и связанном с функциями поколений сохранении традиций и на темы бытового характера, но шутят на религиозные темы. Наиболее заметные различия в двух культурах присутствуют в количестве шуток на темы секса (популярно в США, но не в РФ), образования и учебы (популярно в РФ, но не в США), а также о животных и различных предметах (часто шутят в России, но редко в Америке). Результаты исследования позволяют на примере юмора увидеть, что некоторые проблемы, волнующие современное общество, одинаковы и в России, и в США (это вопросы политики, экономики и благосостояния), но только в России обращается внимание на сохранение традиций, передачу опыта, развитие и обучение подрастающего поколения и взаимодействие в рамках функций, присущих поколениям.

Литература

Главные темы для шуток в СССР: над чем смеялись в советское время. URL: Главные темы для шуток в СССР: над чем смеялись в советское время (madaw24.ru) (дата обращения 15.08.2023).

Некдо. Свежие шутки и анекдоты. URL: www.nekdo.ru (дата обращения 25.08.2023)

Популярные советские (и не только) шутки, которым на самом деле несколько веков. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/221120/48226/>

Садовская Е.Ю. О тематической направленности шуток в поколенческом, межпоколенческом, внутр поколенческом дискурсах и в дискурсе о поколении // Современный ученый. 2023. № 5. С. 71-75.

Шутки в сторону, или над чем смеяться, а над чем не стоит. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shutki-v-storonu-ili-nad-chem-smejatsja-mozhno-a-nad-chem-ne-stoit> (дата обращения 20.08.2023)

Generation Jokes. URL: <https://upjoke.com/generation-jokes> (дата обращения 25.08.2023)

Strauss W., Howe N. Generations. The History of America's Future, 1584-2069. Quill, 1992.

Calisher C.H. What is funny and what is not? Croat Med J. 2008. Feb: 49 (1). P. 120-7.

Davis B. American vs Russian dad jokes. URL: <https://www.rbth.com/lifestyle/333393-dad-jokes-russia> (дата обращения 10.08.2023)

Davies C. Jokes and targets. Indiana University Press, 2011.

Lapidus J. When did blondes get so dumb? URL: <https://slate.com/news-and-politics/2010/10/how-long-has-the-dumb-blonde-meme-been-around.html> (дата обращения 08.08.2023).

Romano A. "Ok Boomer" isn't just about the past. It's about our apocalyptic future. URL: What does "OK boomer" mean? The meme, explained – Vox (дата обращения 21.08.2023)

J.Y. Sadovskaya (Minsk, Belarus)
Minsk State Linguistic University

THEMATIC FOCUS OF JOKES ABOUT GENERATIONS IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUACULTURES

The article aims to compare jokes about generations operating within the frame of English and Russian linguacultures. Differences are identified at the stage of selecting the material for analysis as well as during the comparison process. They include the differences in the names of the sites, quantitative representations of jokes, thematic choices.

Key words: joke, generation, linguaculture, comparison, intergenerational discourse.

Yu.B. Smirnova, E.V. Tutova (Moscow, Russia)

RUDN University

yuryeva-yub@rudn.ru; tutova_ev@pfur.ru

ADDESSING A STRANGER IN AMERICAN ENGLISH

The aim of this study is to identify the categories of address forms (FA) used for a stranger in American English (AmE), trying to explain their choice through a sociocultural context. The material was collected through a questionnaire and observations and was clarified through the interview method. In our analysis we draw on intercultural pragmatics, theory of politeness and cultural studies.

Key words: forms of address, American English (AmE), cultural values, intercultural communication.

INTRODUCTION. Communication is embedded in culture, which serves as its context and is based on the prior experience of a community. Culture provides members of its society with the implicit knowledge of how to behave and interpret the behavior of people from other cultures in various social situations.

Forms of address (FA) are an essential part of social behaviour and reflect the relationship between the society and language. They convey the speaker's attitude and emotions towards the interlocutor, such as respect and disrespect, intimacy or alienation, love or hostility. The choice of FA is determined by different aspects of social and emotional context (distance, age, status, level of intimacy, etc). For successful communication it is essential to choose a proper FA according to the context, intentions, and expectations of the interlocutors.

As numerous studies have showed FAs are culturally variable and provide significant sociolinguistic information about communicative norms and traditions, social and status relations in a society (Bilá 2020, Clyne 2009, Clyne et al. 2009, Fitch 1991, Khalil, Larina, 2022, Larina 2015, Suryanarayan, Khalil, 2021, Wierzbicka 2020, among many others). The use of FAs is culture specific, it reflects cultural norms and traditions, value system, understanding of polite and impolite behaviour. It is worth mentioning that FAs vary not only among languages, but also among varieties of the same language, (e.g. Larina et al. 2019, Soomro, Larina 2022, 2023; Wierzbicka 2020, Wong 2006). This once again indicates the influence of culture on them and the fact that language varieties are a retrospection of the culture of the ethnic speaking group and are a combination of linguistic, linguacultural and worldview elements, reflecting linguistic world view of speakers. They show how people adapt the borrowed language to their native norms and communicative needs to express their identity and relationship with the interlocutor. At the same time, they give information about the sociocultural features that govern the use of FA in a society.

The current study is focused on address forms in AmE. The goal was to identify the categories of address forms (FA) used for a stranger in AmE.

We aimed to answer the following research questions:

1. What categories of address forms are used for addressing a stranger of different age and gender?
2. What is the impact of sociocultural factors on the choice of address forms?

MATERIAL AND METHODS. The material was collected through a questionnaire, observations and were clarified through the interview method. The questionnaire was filled by 40 informants, mainly the representatives of middle class aged 18 to 55. It contained situations of addressing the whole utterances were analysed drawing on intercultural pragmatics, theory of politeness and cultural studies.

STUDY RESULTS. The results showed that while addressing a stranger the representatives of the American culture mainly used zero address form (70%), frequently using attention-getters “Excuse me” (48%) and greetings (Hello, Hey) instead of nominative forms of address.

(1) *Excuse me, I would like to know how to get to the bus station. Would you be so kind to help me? (f./24)*

According to our study 30% of respondents used utterances containing nominal address forms. Depending on the addressee they were formal or informal. While addressing an interlocutor who was older *Sir, Madam, Mr, Mrs*. Rarely in that context Americans used address forms – Mam, Lady.

(2) *Excuse me Sir, I'm looking for the bus station. Would you please give me the directions? (f./37);*

Informal address forms *buddy, pal* were used were used in a limited way, mainly while addressing a teenager/child.

We suggest that the preference to zero address form in American context indicates the speaker's desire to keep a distance on the hand and indicate equality on the other hand. According to Hofstede's (1991) cultural dimensions theory, America is on the top of the most individualistic cultures. This means that Americans value equal power, rights, and relationships and personal autonomy.

CONCLUSION. In this article we identified the main categories of address forms used for a stranger in AmE. We tried to explain our findings through the sociocultural context, taking into consideration social organisation of American society and its values. Our results showed that while addressing a stranger Americans give preference to zero FA, that means that they highly value distance and equality and share common Anglo-Saxon values. There are certain limitations in this study. Further research is needed to identify categories of forms of address and their functioning in other contexts and discourses.

The results may contribute to intercultural communication, cross-cultural pragmatics, pluricentric languages and lingua-cultural characteristics of their varieties. They can be used in teaching English as a second language to develop students' communicative competence.

References

- Bilá M., Kačmárová A., Vaňková I.* The encounter of two cultural identities: The case of social deixis // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. V. 24. № 2. P. 344-365. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365.
- Clyne M.* Some thoughts on pragmatics, sociolinguistic variation, and intercultural communication // *Intercultural Pragmatics*. 2006. V. 3. P. 95-105.
- Clyne M.* Address in Intercultural Communication Across Languages. *Intercultural Pragmatics*. 2009. V. 6 (3). P. 395-409.
- Clyne M., Norrby C., Warren J.* Language and human relations. Styles of address in contemporary language. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Fitch K.L.* The interplay of linguistic universals and cultural knowledge in personal address: Columbian Madre terms. *Communication Monographs*. 1991. V. 58 (3). P. 254-272.
- Khalil A., Larina T.* Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022. V. 13 (1). P. 27-44. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-27-44>.
- Larina T.* Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies, *International Review of Pragmatics*. 2015. V. 7 (2). P. 195-215. DOI:10.1163/18773109-00702003.

Larina T., Suryanarayan N., Yuryeva J. Socio-cultural context, address forms and communicative styles: A case study of British and Indian Englishes // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2019. V. 18 (3). P. 39-51.

Soomro M.A., Larina T. Categories of address forms in Pakistani English at a multilingual academic setting // Philological Sciences: Scientific Essays of Higher Education. 2022. № 6. P. 50-55. <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.050>.

Soomro M.A., Larina T. Mister, bro, or ada? Styles of Addressing among Multilingual Pakistani Students // GEMA Online Journal of Language Studies. 2023. V. 23 (2). P. 241-257 <http://doi.org/10.17576/gema-2023-2302-13>.

Suryanarayan N., Khalil A. Kinship terms as indicators of identity and social reality: A case study of Syrian Arabic and Hindi // Russian Journal of Linguistics. 2021. V. 25. №1. P. 125-146. DOI: [10.22363/2687-0088-2021-25-1-125-146](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-125-146).

Wierzbicka A. Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24. № 2. P. 259-293. DOI: [10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293).

Wong J. Contextualizing aunty in Singaporean English // World Englishes. 2006. № 3-4. P. 451-466.

Yuryeva Yu.B. Honorific titles in British English and American English // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2018. № 9 (3). P. 685-695.

*Ю.Б. Смирнова, Е.В. Тутова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов*

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Цель проводимого исследования – выявить основные категории форм обращения к незнакомому адресату в американском варианте английского языка и попытаться объяснить полученные различия с позиции социокультурного контекста. Материал для исследования был собран в процессе анкетирования, включенного наблюдения и интервьюирования. Исследование проводилось на основе кросс-культурной прагматики, теории вежливости и теории культурных измерений.

Ключевые слова: формы обращения, американский вариант английского языка, культурные ценности, межкультурная коммуникация.

*M.A. Soomro (Moscow, Russia)
RUDN University
muhammadarif@quest.edu.pk*

VALUE OF HIERARCHY IN ADDRESS FORMS AMONG THE BILINGUAL STUDENTS OF PAKISTANI UNIVERSITIES

Address forms are a complex phenomenon of language. Their use can vary in line with the social status, cognition, and relationships of the interlocutors. This study aims to highlight the value of hierarchy reflected through the choice of address forms among bilingual students of Pakistani universities speaking Pakistani English. Students' interaction varied in three hierarchies as classmate (peer), junior, and senior student. The findings indicate that the choice of address forms in Pakistani English is influenced by socio-pragmatic context and the value of hierarchy driven by native/local culture.

Key words: social hierarchy, social cognition, address forms, Pakistani universities, academic discourse.

Introduction

Address forms reflect lingual and cultural values and their choice explains the social cognition—roughly how the way people think of interlocutors. The addressing practices among interlocutors adhere to social contexts, relations, intimacy, and cultural values. Address forms are defined as words used by the speakers to an addressee when interacting [Fasold 2000]. Address forms play an important role in making and maintaining social relationships. The choice varies in communication due to sociocultural differences and social organization.

Address forms are linguistic forms and their selection is ruled by socially-driven values. They reflect the tone of communicators, degree of politeness, and social status [Murphy 1988]. In particular, social psychology has become interested in explaining the way people think of others in different social contexts. According to Holmes [1992:1] by observing how people use language in various social contexts, one can learn a great deal about how language works as well as about social relationships in a community. Cognitive science currently focuses on social cognition studying cognitive processes in terms of content and context, ignoring societal, collective, and symbolic features in human thought [Augoustinos & Walker 1995].

Address forms are reflectors of social structure or hierarchy among interlocutors of a particular speech community. Therefore, this study's goal is to highlight the value of hierarchy in addressing practices among the students of Pakistani universities. It is hypothesized that address forms reflect the value of hierarchy in social contexts based on the students' relationships and adherence of Pakistani students to native values. The study aims to answer the following research question: What is the role of social hierarchy in the choice of address forms and what factors influence the choice of address forms by bilingual Pakistani students in different contexts?

Data and Methods

The present study uses both quantitative and qualitative methods for data analysis and draws on an interdisciplinary theoretical framework based on cultural linguistics [Sharifian 2017], cross- and intercultural pragmatics [Larina & Ponton 2020; Wierzbicka 2013], cultural studies [Hofstede 2011], cognitive studies [Augoustinos & Walker 1995], and address theory [Braun 1988, Formentelli 2009]. The data were collected through a discourse completion task (DCT) questionnaire and supplemented and verified by ethnographic observation. The findings are presented in descriptive statistics through the Social Package for Social Sciences (SPSS) v.20. The DCT consisted of nineteen questions focusing on different university settings mainly in the classroom, department, and café, as well as in digital communication. A total of 252 DCT questionnaire responses were received from undergraduate students from three public sector universities. On the research ethics voluntary participation and informed consent were obtained.

Findings and Discussion

The findings show that speaking Pakistani English the students use both i. English and ii. Native/local address forms i.e. Sindhi and Urdu (Table 1). The main categories identified were kinship terms, endearment terms, honorifics, and titles from both English and native languages.

English address forms prevailed (67.06%) though their usage demonstrated some peculiarities. The main English kinship terms were *brother/bro*; *sister/sis*, and hybrid terms *sister + first name* e.g. *sister Mahrosh*. The use of kinship terms shows that students value their relationships as close/intimate despite not being relatives. English endearments like *dear* were also noticed among students. An interesting finding is the use of honorifics *Mr/Miss*

between students to express respect. Among other findings, the most noteworthy finding is the use of self-designated titles of ‘senior’ and ‘junior’. The use of titles senior and junior is a general practice among Pakistani students even in the situations of no or little age differences.

The use of honorifics and titles in particular reveals that Pakistani university students value the hierarchy during interaction due to the impact of social and cultural factors.

It was observed that 32.94% of students use native/local address forms. Mostly they are native kinship terms *ada/bha/bhao* ‘brother/bro’ (Sindhi); *adi* ‘sister’ (Sindhi), and *bajee/aapi/aapa* ‘elder-sister’ (Urdu). The use of native kinship address forms shows that students value their relations as closer or intimate. Another noteworthy finding is the use of native endearment terms such as *yar/yaar* close-friend (Sindhi/Urdu); and *pyara/jani/mitha* ‘beloved/sweet pie’ (Sindhi-for males). Whereas, for *pyari/jana* ‘beloved / sweetheart’ (Sindhi-for females). Thus, the findings indicate use that students value hierarchy along with showing respect and intimacy/closeness.

Table 1

Address forms among Pakistani university students

Address Forms used by students	Participants total <i>n</i> =252 %
English brother/bro, sister/sis, sister+first name; dear; Mr/Miss; senior, junior	67.06
Native/Local <i>Ada / Bha / Bhao</i> (Sindhi) ‘brother’ <i>Adi /</i> (Sindhi), <i>Bajee /</i> <i>Aapa / Aapi</i> (Urdu) ‘sister’ <i>yar / yaar</i> ‘close-friend’ (Sindhi/Urdu); <i>pyara / jani / dilbar /</i> <i>mitha</i> ‘beloved’ (Sindhi-for males); <i>pyari / jana</i> ‘beloved’ (Sindhi-for females)	32.94
	100

The findings in Table 2 show the hierarchical use of address forms among Pakistani students. They were asked to indicate whom they address by choosing different categories of English and native/local address forms, and why they prefer native/local address forms to English while speaking English. Their response indicates that 46.89% of students use native/local address forms at the peer level (classmates). This shows that students overall used more native terms among classmates to express respect and closeness. The findings reveal the use of 25.52% English and 20% native address forms for senior students. Whereas, for juniors English address forms decreased to 17.24% and native terms increased to 26.89%. However, on the whole, students chose 57.24% English and 53.10% native address forms.

The findings show that students preferred native address forms to English when they wanted to express more respect and closeness/intimacy, whereas English address forms failed to meet their needs. As found by Soomro & Larina [2023] Pakistani students show a strong sensitivity to asymmetrical relationships and adherence to hierarchy among senior and junior students which is observed in situations of no or little age difference. This choice and preference of native address forms among Pakistani students suggest that native cultural

values influence the use of address forms and encourage the speakers of Pakistani English to find a way to express the value of hierarchy.

Table 2

Hierarchical use of address forms among Pakistani students

Whom do you address?	English address forms %	Native/local address forms %	Preference for native address forms %
Classmates			46.89
Senior	25.52	20	8.96
Junior	17.24	26.89	7.59
All	57.24	53.10	36.55
	100.0	100.0	100.0

Concluding remarks

The study goal was to highlight the value of hierarchy in addressing practices among bilingual students of Pakistani universities and to identify the categories of address forms from both English and native languages. The findings revealed that students' interactions were influenced by native culture consequently they employed native address forms when English address forms failed to meet their communication needs. Native address forms enable them to express more respect, closeness, and intimacy which is typical of their native communicative culture (Urdu or Sindhi). The findings show that Pakistani students find it important to emphasize hierarchy even in situations of no or minimal age difference using such address forms as 'junior' and 'senior'. The preliminary findings demonstrate that the choice of address forms is influenced by socio-cultural factors and the mixture of both English and native address forms is a common practice among bilingual students of Pakistani universities.

References

- Augoustinos M., Walker I.* Social Cognition. An Integrated Introduction. London: SAGE Publications. 1995.
- Fasold R.* The Sociolinguistics of Language. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2000.
- Formentelli M.* Address strategies in a British academic setting // Pragmatics. 2009. V. 19 (2). P. 179-196. DOI: <https://doi.org/10.1075/prag.19.2.02for>.
- Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. V. 2 (1). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>.
- Keshavarz M.H.* The role of social context, intimacy, and distance in the choice of forms of address // International Journal of the Sociology of Language. 2001. № 148. P. 5-18. <https://doi.org/10.1515/ijsl.2001.015>.
- Larina T., Ponton D.* Tact or frankness in English and Russian blind peer reviews // Intercultural Pragmatics. 2020. V. 17 (4). P. 471-496. <https://doi.org/10.1515/ip-2020-4004>.
- Little C.B., Gelles R.J.* The Social Psychological Implications of Form of Address // Sociometry. 1975. V. 38 (4). P. 573-586. <https://doi.org/10.2307/2786369>.
- Murphy G.L.* Personal reference in English // Language in Society. 1988. 17. P. 317-349.
- Saundra K.W.* Forms of Address in the College Classroom // Proceedings of the 23rd International Congress of Onomastic Sciences. York University. 2009. URL: <http://hdl.handle.net/10315/4053>.

Sharifian F. Cultural Linguistics: Cultural Conceptualizations and Language. John Benjamins Publishing Company, 2017.

Soomro M.A., Larina T. Mister, bro, or ada? Styles of Addressing among Multilingual Pakistani Students // GEMA Online® Journal of Language Studies. 2023. V. 23 (2). P. 241-257. <http://dx.doi.org/10.17576/gema-2023-2302-13>.

*М.А. Соомро (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов*

ЗНАЧЕНИЕ ИЕРАРХИИ В ФОРМАХ ОБРАЩЕНИЯ СРЕДИ ДВУЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ ПАКИСТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Формы обращения - сложное явление языка. Их использование может варьировать в зависимости от социального статуса, когнитивных способностей и взаимоотношений собеседников. Исследование направлено на ценность иерархии в выборе форм обращения среди студентов пакистанских университетов, говорящих на пакистанском варианте английского языка. Взаимодействие студентов рассматривалось в трех иерархических контекстах: одноклассник (ровесник), младший и старший. Выбор форм обращения продемонстрировал роль социально-прагматического контекста и иерархии как культурой ценности в общении на пакистанском варианте английского языка

Ключевые слова: социальная иерархия, социальное познание, формы обращения, пакистанские университеты, академический дискурс.

*М.А. Фирсова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
firsovamariaa@yandex.ru*

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИКАСПИЯ¹

Формирование устойчивого позитивного отношения к языкам и культурам является первостепенной задачей на всех уровнях образования. В статье приводятся результаты социолингвистического эксперимента среди 500 учащихся школ Астраханской области с многонациональным составом. Выявлен уровень межкультурного взаимодействия учащихся по пяти параметрам, проведен количественный анализ результатов, свидетельствующих о необходимости развития межкультурной компетентности.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, образовательное пространство, вербальная агрессия, социолингвистический эксперимент.

Межкультурная коммуникация находится в центре внимания многих современных лингвистических исследований, которые направлены не только на установление особенностей приспособления индивидуума к иной культуре, языковой среде, но и на поиск механизмов по «формированию позитивной этнической и этнокультурной идентичности» [Новикова 2021: 217]. Специфика межкультурной коммуникации в образовательном процессе рассматривается в ряде работ (например, Линева 2013, Мартынюк 2011, Фатхуллова 2013, Черкезова 2012, Soomro, Larina 2023, Zhou et al. 2023 и др.), в которых подчеркивается, что овладение учащимися основ межкультурного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 23-28-10019 «Концепция преодоления речевой агрессии в образовательном пространстве Прикаспия» (2023-2024 гг.).

взаимодействия делает «восприятие иных культур более точным, глубоким, всесторонним» [Мартынюк 2011: 209].

В рамках данной статьи анализируется особенность межкультурного взаимодействия в образовательном пространстве полиэтнических школ Астраханской области – приграничного региона, входящего в состав «Каспийской пятерки» (наряду с Ираном, Туркменистаном, Казахстаном и Азербайджаном). Развитие территории Астраханской области в настоящее время приобретает стратегически важное значение, т.к. регион представляет собой атлас в миниатюре, на котором концентрируется разнообразие народов, культур, традиций и языков. Следовательно, формирование устойчивого позитивного отношения к языкам и культурам народов Прикаспия, взаимоуважения к культурной идентичности является первостепенной задачей на всех уровнях образования (дошкольном, школьном, среднем, высшем образовании).

В то же время культурные и национальные различия могут стать предпосылкой для возникновения конфликтов и агрессии в том числе и вербальной. Данные факторы обуславливают актуальность настоящего исследования. Школьная речевая среда является «полем» для разворачивания так называемых словесных войн и между учащимися, и между учащимися и педагогами. Формы агрессивного вербального поведения являются инструментами по разжиганию конфликта в образовательном пространстве и нередки среди школьников. Например, в ситуации «ученик – ученик» имеет место лингвистический троллинг (провокационные комментарии, например: *Ничего получше надеть не придумал?!), флейминг (оскорбительное сообщение, например: Бесите, ненавижу вас!). Эти и другие формы проявления вербальной агрессии приобретают особую опасность в условиях поликультурного многонационального Астраханского региона. Многие словесные реакции, которые в обычном ученическом коллективе могут остаться незамеченными, в многонациональном классе способны восприниматься как покушение на национальную идентичность и/или дискриминация по национальному признаку.*

С целью выявления уровня «тревожности» межкультурного взаимодействия был проведен социолингвистический эксперимент в школах г. Астрахани и Астраханской области с многонациональным составом учащихся: МБОУ «Школа им. Махтумкули Фраги», МБОУ «Трехпротокская СОШ», МКОУ «Семибугровская СОШ им. Н.С. Исакова», МКОУ «Тюринская ООШ», МКОО «Калининская СОШ им. Академика Ережепа Мамбетказиева», МБОУ «СОШ им. Гейдара Алиева» г. Астрахани.

Всего в эксперименте приняло участие 500 школьников. Из них 90 учащихся (18%) – русские, остальные 23 национальности (82%) представлены следующим образом: казахи – 129, татары – 88, туркмены – 49, метисы – 54, узбеки – 29, аварцы – 20, азербайджанцы – 15 и др. Эксперимент проводился среди младших (4 классы), средних (5 – 8 классы) и старших (9 – 11 классы) школьников.

В данной статье приведем результаты анализа ответов респондентов на 5 из 10 вопросов, содержащихся в анкете, которые были направлены на установление уровня межкультурного взаимодействия по таким параметрам, как: (1) наличие опыта межкультурной коммуникации, (2) знание родного языка друга, (3) готовность вступить в дружеские отношения с представителями другой национальности, (4) отношение к людям другой национальности, (5) отношение к чужому языку.

1) Ответы на вопрос «*Есть ли среди твоих друзей ребята другой национальности?*» показали, что 100% учащихся имеют друзей отличной от своей национальности.

2) Проанализировав ответы на вопрос «*Какие слова из родного языка своих друзей ты знаешь?*», мы пришли к выводу, что 310 (62%) учащихся знают слова неродного языка. Таким образом, две трети ответов, включающих слова на неродном языке, свидетельствуют о высоком уровне межъязыковых контактов среди учащихся. Например, большинство опрошенных представителей татарской национальности привели слова/фразы из казахского языка *калайсен – как ты? как дела?*; русские респонденты привели слова *салам алейкум – мир вам (букв.) – (форма приветствия), рахат – удовольствие/радость, рахмет – спасибо*; казахские учащиеся в большинстве ответов указали слова *мал (казахск.) – скот, кыз (казахск.) – девочка*.

3) Ответы, полученные на вопрос «*Если с тобой знакомится мальчик/девочка другой национальности, что ты ей ответишь?*», объясняют, что большинство 402 (80%) учащихся познакомилась бы с мальчиком/девочкой другой национальности. Результаты по данному вопросу свидетельствуют об открытости опрошенных к межкультурному диалогу. Приведем некоторые ответы: «*Познакомлюсь*», «*Рад знакомству*», «*Давай дружить*», «*Как тебя зовут?*», «*Привет*» и пр. Однако 98 человек (20%) откажутся от знакомства; среди отрицательных ответов были такие: «*Родители говорят знакомиться только с русскими*», «*Извини, я дружу только с казахами/татарами/со своими*», «*Уйду и не буду знакомиться*», «*Ты чурка, не буду знакомиться*» и др.

4) Давая ответы на вопрос «*Какими ты считаешь людей другой национальности?*», 405 (81%) респондентов отмечали, что считают людей другой национальности *нормальными, хорошими, такие же, как я, обычными, одинаковыми, равными, братьями*. Среди ответов приводились также следующие суждения: «*Нет плохой нации, есть плохие люди*», «*Не сужу людей по нации*», «*В каждой нации есть плохие характеры*» и пр. Таким образом, большинство учащихся не связывают национальность и личностные качества человека, однако 95 (19%) опрошенных дали нейтральную или негативную оценку представителей другой национальности: «*Смотря какая национальность*», «*Все люди разные*», «*Зависит от национальности*», «*Никакими*», «*Кавказцы агрессивные*», «*Тупые*», «*Плохие*», «*Грубые*» и пр.

5) При ответе на вопрос «*Одноклассники при тебе разговаривают на своем родном языке, который ты не знаешь. Что ты им ответишь?*» 389 (78%) респондентов указывали: «*Ничего*», «*Промолчу*», «*Уйду*», «*Пусть разговаривают*», «*Спрошу, что это значит*», «*Это их дело, пусть разговаривают*» и пр. Данный результат свидетельствует о том, что учащиеся умеют соблюдать личные границы тех, кто общается на другом языке, не выражают оценочных суждений на этот счет, придерживаются нейтралитета. Меньшее количество опрошенных – 111 человек (22%) ответили: «*Прошу перейти на русский*», «*А по-русски можно?*», «*Давайте на русском*» и пр. Стоит отметить, что среди ответов с просьбой перейти на русский язык были и те, в которых отмечена табуированная, пейоративная и жаргонная лексика: «*На русском базарьте*», «*По-русски, чурки*», «*Цыц, на русском*», «*Россия для русских*» и пр. Подобных ответов насчитывается всего 24 (4%), что составляет абсолютное меньшинство.

Результаты проведенного социолингвистического эксперимента в полиэтнических школах г. Астрахани и Астраханской области показали, что учащиеся имеют высокий уровень межъязыковых контактов; открыты к межкультурному диалогу (80% дали положительный ответ на возможное знакомство с представителями других национальностей); считают людей другой национальности такими же, как они (81%), т.е. не разделяют свой круг общения по национальному признаку; не считают общение

на незнакомом языке в их присутствии нарушением этикетной или этической нормы (78%).

Таким образом, уровень межкультурного взаимодействия в школах г. Астрахани и Астраханской области с многонациональным составом учащихся можно охарактеризовать как высокий. Учащиеся в целом отличаются толерантным восприятием чужой культуры и языка, что свидетельствует о гармонично развивающейся личности и верно выстроенном воспитательном процессе в образовательных учреждениях. Однако негативные словесные реакции некоторого количества респондентов свидетельствуют о необходимости развивать межкультурную компетентность, совершенствовать способности к речевому взаимодействию в условиях поликультурной среды.

Литература

Линева Е.А., Российская А.И. Коллажирование как методический прием формирования межкультурной компетенции у детей младшего школьного возраста // *Lingua mobilis*. 2013. №3 (42). С. 111-115.

Мартынюк А.Я. О содержании межкультурной коммуникации в образовательном процессе средней школы // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. 2011. № 2-2. С. 208-212.

Новикова Л.А., Василькова О.В., Акатьева И.С. Этническая идентичность как основа формирования межкультурной компетентности студентов вуза // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2021. №2. С. 217.

Фатхуллова К.С. Татарский язык как средство межкультурного общения в образовательном процессе // *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2013. № 1. С. 264-267.

Черкезова М.В. Формирование межкультурной коммуникации в процессе преподавания русской литературы в школах с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения // *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2012. №2. С. 153-156.

Soomro, M.A., Larina T.V. 2023. Mister, bro, or ada? Styles of addressing among multilingual Pakistani students. *GEMA Online Journal of Language Studies*. V. 23 (2). P. 241-257.

Zhou Q., Laiche S., Larina T.V. Emotional effect of teachers' discourse in a multicultural classroom. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 2023. V. 22. № 1. P. 123-137.

*M.A. Firsova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan Tatishchev State University*

CROSS-CULTURAL INTERACTION IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE CASPIAN SEA

The formation of a stable positive attitude towards languages and cultures is a primary task at all levels of education. The article presents the results of a sociolinguistic experiment among 500 students of schools of the Astrakhan region with a multinational composition. The level of intercultural interaction of students in five parameters was revealed, a quantitative analysis of the results indicating the need for the development of intercultural competence was carried out.

Key words: intercultural interaction, educational space, verbal aggression, sociolinguistic experiment.

ГАРМОНИЗАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ БЕСКОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В статье рассматривается стратегия гармонизации, обеспечивающая бесконфликтную коммуникацию и заключающаяся в учете позиции «другого» для принятия компромиссных решений. Данная стратегия реализуется за счет отказа от доминирования в коммуникации, что позволяет создать атмосферу благожелательности.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, бесконфликтная коммуникация, стратегия гармонизации, когнитивный механизм.

Интерес к изучению особенностей бесконфликтной коммуникации определяется тем, что такая коммуникация рассматривается как эффективное общение, целью которого является способность его участников передавать друг другу правильную информацию для получения нужного результата с учетом нейтрализации конфликтной интерпретации смысла. Анализ когнитивной основы бесконфликтной коммуникации свидетельствует о ее комплексной природе (подробнее о когнитивной основе бесконфликтной коммуникации см.: [Фурс 2023]). Любое комплексное явление наиболее эффективно может быть рассмотрено в русле междисциплинарного подхода. Целью данного исследования является изучение гармонизации как стратегии бесконфликтной коммуникации. Для достижения данной цели избирается когнитивно-прагматический подход к анализу языкового материала, в русле которого представляется возможным раскрыть способ обработки коммуницируемой информации и разъяснить имплицитные смыслы.

Гармонизация как коммуникативная стратегия предполагает в условиях различия коммуникативных намерений необходимость учета точки зрения «другого» и взаимную готовность к принятию компромиссных решений.

Характерно, что в прагматике была предпринята попытка определения условий гармонизации в общении Дж. Личем, сформулировавшим ряд таких максим вежливости, как максима такта, которая указывает на необходимость соблюдения границ личной сферы собеседника; максима великодушия, предполагающая отказ от доминирования в коммуникации; максима одобрения, подчеркивающая значимость позитивной оценки; максима скромности, указывающая на неприятие похвалы в собственный адрес; максима согласия как необходимость поиска компромисса; максима симпатии, направленная на выражение благожелательности [Leech 1983]. Фактически, данные максимы представляют собой цель стратегии гармонизации для достижения бесконфликтного общения.

С когнитивной точки зрения стратегия относится к процедурному знанию (знанию «как»), основной функцией которого является обработка информации в процессах речемыслительной деятельности человека (подробнее о процедурном знании см.: [Фурс 2020]). В этой связи интерес представляет замечание Е.С. Кубряковой о том, что человеческое знание неоднородно. Оно включает как концепты, так и «операциональные правила, относящиеся к использованию и манипулированию этими статическими системами, для нахождения ответов на

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>.

возникающие трудности или проблемы», а также правила для их объективации [Кубрякова 1992: 25]. Данное утверждение свидетельствует о том, что стратегия гармонизации должна рассматриваться как операция или процедура по устранению конфликтности в общении. Эта сущностная характеристика стратегии гармонизации реализуется за счет ряда когнитивных механизмов. Так, отказ от доминирования достигается за счет механизма генерализации, который обеспечивает уклонение от навязывания собственной точки зрения и приводит к солидаризации с позицией собеседника. В английском синтаксисе средством репрезентации такого смысла выступают предложения с определительными местоимениями: *Everyone says so; Everyone thinks this way (NBC)*. Данная конструкция позволяет выразить точку зрения обобщенно, при этом имплицитно создается ассоциация – «каждый так думает - и вы, и я». Фактически, говорящий сообщает, что он не настаивает на своей точке зрения, напротив, мнение собеседника учитывается и уважается.

Безличная конструкция *It is a common view that...* также способствует гармонизации отношений с собеседником и позволяет подчеркнуть общность взглядов, уменьшить дистанцию и исключить доминирование мнения одной стороны за счет создаваемой ассоциации «это общепризнанный факт, с которым согласны и вы, и я».

Конструкции с личным местоимением *we* служат в качестве средства указания на объединение усилий по достижению намеченных целей, что также способствует гармонизации общения. В этом случае обобщенно имплицитно участвует в решении обсуждаемого вопроса широкий круг участников, это могут быть и сами собеседники, и члены их команды. При этом конструкции типа *We can accept that...; We might/ may be able to...; We would be able to...* фокусируют внимание на поиске компромиссного решения, устраивающего обе стороны.

Выстраивание гармоничного общения предполагает также выражение одобрения действий собеседника, что позволяет снять напряженность. При этом часто активизируемым когнитивным механизмом выступает концептуальная метафора. Метафорическое моделирование обеспечивает формирование образной оценки, когда за счет создания благожелательных ассоциаций удается имплицитно выразить собеседнику похвалу и расположить его к себе.

Проанализируем конкретные примеры:

Our cooperation is a tree with deep roots [<https://7esl.com/metaphor>].

В этом случае областью-источником является знание о растении с глубокой корневой системой, обеспечивающей его благоприятное развитие. Эти характеристики соотносятся с нашими представлениями о таком растении как способном противостоять различным природным невзгодам. Проецирование этого знания на область сотрудничества с собеседником позволяет не только выразить одобрение уровня этого сотрудничества, но и подчеркнуть существенный вклад каждого участника в развитие таких отношений.

Наряду с выражением позитивной оценки отношений сотрудничества значимыми являются и другие объекты для одобрения, например, сам договор или условия его подписания, как и участники переговоров. *You are a creative powerhouse* [<https://7esl.com/metaphor>].

Метафорический перенос здесь представлен проецированием знания о работе электростанции и ее основной функции генерировать энергию на область ЧЕЛОВЕК. В результате создается ассоциация «как сила тока обеспечивается генерируемой электроэнергией, так и человек измеряется силой творческой энергии». На основе этой

ассоциации конструируется комплимент, целью которого является снятие напряжения и создание благоприятной обстановки для дальнейшего общения.

Аналогичную функцию выполняет и следующее комплиментарное высказывание:
Your mind is a wellspring of ideas [<https://7esl.com/metaphor>].

Оценка в этом случае формируется за счет взаимодействия метафорического и метонимического переносов. Такое взаимодействие приводит к созданию метафтонимической модели (о метафтонимии подробнее см.: [Goossens 1990]). Аналогия по смежности представлена отношениями «человек – умственная деятельность». Аналогия по сходству основывается на переносе знания об источнике с водой, который не иссякает, а напротив постоянно наполняется новым ресурсом, на человека. Объектом оценки выступает способность человека предлагать новые идеи. В результате создается атмосфера благожелательности, что способствует гармонизации отношений.

This is music to my ears [<https://7esl.com/metaphor>].

Этот пример также репрезентирует метафтонимическую модель, лежащую в основе конструирования комплиментарного высказывания. Областью-источником в метафорическом переносе выступает знание о звуках музыки, которые своей мелодичностью и красотой звучания благоприятно воздействуют на человека, осмысляемого метонимически на основе отношений «человек – орган слуха». В результате выражается высокая оценка обсуждаемому объекту. Таким способом может быть выражено одобрение предлагаемого плана действий, проекта, условий заключения договора и т.п.

Таким образом, гармонизация как стратегия бесконфликтной коммуникации заключается в учете позиции «другого» и необходимости принятия компромиссных решений. Данная стратегия реализуется каждый раз, когда собеседники отказываются от доминирования в коммуникации и настаивании на собственной точке зрения, а также за счет выражения одобрения действий собеседника или похвалы в адрес различных аспектов обсуждения, что позволяет создать атмосферу благожелательности. В качестве когнитивных механизмов, обеспечивающих гармонизацию отношений в коммуникации, выявлены такие механизмы, как генерализация, концептуальная метафора и метафтонимия.

Литература

Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний: сборник научно-аналитических обзоров. М., 1992. С. 4-38.

Фурс Л.А. Бесконфликтная коммуникация: когнитивная основа ее реализации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 17-23.

Фурс Л.А. Новые тенденции в области синтаксической репрезентации // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 3 (42). С. 85-90.

BNC – British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc>.

ESL – English Second Language. Useful Metaphor Examples. URL: <https://7esl.com/metaphor>.

Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions of linguistic action // Cognitive Linguistics. № 1. 1990. P. 323-340.

Leech G. Principles of pragmatics. NY: Longman, 1983.

*L.A. Furs (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

HARMONIZATION AS A STRATEGY FOR CONFLICT-FREE COMMUNICATION

The article discusses a harmonization strategy that ensures conflict-free communication and consists in taking into account the position of the “other” and the need to make compromise decisions. This strategy is implemented through the rejection of dominance in communication, which allows you to create an atmosphere of benevolence.

Key words: cognitive-pragmatic approach, conflict-free communication, harmonization strategy, cognitive mechanism.

*Zhou Qing (Guangzhou, China; Moscow, Russia)
South China Business College, Guangdong University of Foreign Studies,
RUDN University
Zhousveta@yandex.ru*

CATEGORIES OF ADDRESS FORMS IN CONTEMPORARY CHINESE ACADEMIC DISCOURSE IN THE SITUATION “TEACHER - STUDENT”

Address forms convey information regarding relationships, social roles, levels of politeness and in/formality, as well as cultural values and norms that govern their usage. This article examines the main categories of address forms in contemporary Chinese academic discourse, with a specific focus on their usage in teacher-student interaction in the university setting. The results indicate the complicated interplay of linguistic, cognitive, social, and cultural elements in the categories of address forms used to address teachers and students.

Key words: address forms, categories of address forms, academic discourse, cultural values, Chinese.

1. Introduction

Address forms have garnered significant attention over the past few decades, spanning disciplines from sociolinguistics and ethnolinguistics to cognitive linguistics and intercultural pragmatics. Taking an interactional perspective, address forms assume a pivotal role in capturing speaker-addressee relationships – an essential facet of interpersonal communication. They aptly reflect nuances of intimacy, distance, personal emotions, and attitudes. On a sociolinguistic level, address forms serve as mirrors of constructed relationships and societal attributes within address systems. Notably, they convey prevailing social dynamics, solidarity, power dynamics, and politeness. Furthermore, within the realm of intercultural communication, it is evident that address systems diverge across cultures and languages [e.g. Baumgarten, Vismans 2023; Bilá et al. 2020, Clyne, 2009, Khalil, Larina 2022; Larina et al. 2019, among many others]. Cross-cultural variation of address forms can be observed in different discourses, including academic discourse [e.g. Formentelli 2009; Soomro, Larina 2022, 2023]. The teacher-student dynamic embodies a role pairing that is inherently unequal yet complementary in its social foundation. This dynamic can take on diverse expressions across different societies [Hofstede, 1986: 302]. However, a lack of familiarity with this cultural variability can lead to misunderstandings among interlocutors. Thus, comprehension of address forms in distinct cultures in various discourses including the academic one, and their appropriate usage become an imperative pursuit.

This paper explores forms of address within contemporary Chinese academic discourse, with a specific focus on 'teacher-student' interactions, which includes both forms of student addressing the teacher and forms of teacher addressing students. Due to the space limitations, the current work provides a description solely of nominative address forms found within contemporary Chinese academic discourse, without delving extensively into an exhaustive analysis of each form. As such, this paper stands as an initial report on the authors' ongoing research project.

2. Forms of addressing teachers by students

In China, 'teacher' is the most respected profession, Chinese students traditionally hold deep respect for their teachers, reflecting the virtue of "zūnshī zhòngdào 尊师重道" (Respect for teachers and valuing ethics). This cultural value affects how students address their teachers. Therefore, a polite address term should show respect towards teachers. Drawing from a corpus of authentic linguistic data collected from contemporary Chinese academic discourse, the Chinese teachers can be addressed by students using the following categories of address forms: occupational titles, kinship terms and terms of endearment.

Occupational titles. In China, revered individuals are often addressed by their professional titles, academic ranks, or occupations, and teachers are no exception. Among these, the most conventional and common is "lǎo shī 老师" (teacher), and additionally, terms like "jiào shòu 教授" (professor) and "dǎo shī 导师" (supervisor), "bó shì 博士" (doctor), are also used by students to address those engaged in the field of education. In addition, "family name + title" is also used to show respect to teachers, for example: "wáng lǎo shī 王老师" (Teacher Wang).

Kinship terms. In communication, Chinese people often choose kinship terms based on age to show respect and closeness, even the interlocutors do not have any blood ties. This practice is no exception in academic discourse. In informal situations, it is common for students to use kinship terms such as "shū叔" (uncle), "yí姨" (aunt), "mā妈" (mother), "gē哥" (elder brother), "jiě姐" (elder sister) and others to address teachers, bridging the gap between them and creating a sense of closeness. Sometimes they are followed by the teacher's given name or family name, e.g. "liú mā 刘妈" (mother Liu).

Terms of endearment. In modern Chinese, a range of terms of endearment has emerged, reflecting the influence of the Internet era, examples include "qīn亲" (dear), "shuài gē 帅哥" (hottie) and "měi nǚ 美女" (hottie), among others. These terms traditional used in informal network interactions, and have expanded beyond conventional boundaries, finding their way into informal teacher-student interactions. While they deviate from traditional hierarchical norms, they can still convey politeness, respect, and intimacy. However, it is worth noting that these terms are predominantly employed by students when addressing young teachers who are of a similar age.

3. Forms of addressing students by teachers

Teachers addressing students can use name-related forms, kinship terms and terms of endearment.

Name-related forms. The Chinese naming convention follows the pattern of "family name + given name." This combination is commonly used to address an interlocutor, regardless of the formality of the situation, and carries a neutral emotional tone. Nonetheless, certain guidelines surround its application. In Chinese culture, it's inappropriate for the younger generation to refer to their elders using the "surname + given name" address form. However, the elders would address the youngsters by this form of address. Consequently, teachers can address students using "surname + given name", but if a student were to employ

this format to address a teacher, it might be perceived as impoliteness and unacceptable. Additionally, address forms that involve only the "given name" are also employed when teachers address their students. In contrast to the full name usage, using just the given name imparts a sense of intimacy and fosters emotional closeness between the teacher and students. Moreover, name addressing forms can be combined with the term "tóng xué 同学" (student). Various combinations exist, including "xìng 姓+ tóng xué 同学" (family name + student), "xìng míng 姓名+ tóng xué 同学" (family name + given name + student), or "míng 名+ tóng xué 同学" (given name + student). These forms of address are suitable for formal situations. For example: "wáng tóng xué 王同学" (Student Wang).

Kinship terms. Within academic discourse, kinship terms are also used by teachers to address their students, e.g. "guī nǚ 闺女" (daughter), "ér zǐ 儿子" (son), "hái zǐ 孩子" (child). As highlighted by scholars [Chen & Ren, 2020; Ren & Chen, 2019], the integration of kinship terms in Chinese academic settings stems from deep-rooted family-centered values. According to their research, kinship terms have emerged as the dominant addressing forms within Chinese cultural context. The popularity of kinship terms can be attributed to their perceived effectiveness in conveying academic family bonds.

Terms of endearment. Sometimes teachers can choose these unconventional address forms to address students to express their appreciation or affection for a student. There are a lot of terms of endearment which can be used, e.g. "ài tú 爱徒" ('beloved disciple' or 'cherished student'), "tù zǎi zi 兔崽子" (little bunny), "xiǎo hóu zi 小猴子" ('little rascal' or 'little monkey').

4. Conclusion

Drawing from the findings outlined in this paper, we can discern a spectrum of teacher-student and student-teacher address forms that encompass both formal and informal variants. These variations hold pivotal importance in indicating the social roles of Chinese educators and learners.

In Chinese culture, teacher-student dynamic is marked by significant power distance and teachers hold a revered status. However, within the primary categories of address forms employed by Chinese students and teachers, the ways in which teachers and students are addressed in contemporary Chinese academic discourse showcase a blend of power and solidarity. On the one hand, within the context of the inherently unequal teacher-student relationship, students are advised against using teachers' names or full names, as it can be construed as impoliteness or a challenge to the teacher's social standing. On the other hand, the inclination towards informality to enhance communicative solidarity is observed. This can be seen in the adoption of kinship terms and terms of endearment conveying intimacy. This sentiment aligns with Gu's notion of the Address Term Maxim, a Chinese principle of politeness [Gu, 1990: 248-252], which emphasizes that Chinese address forms are fundamentally rooted in principles of respect and fostering a positive demeanor.

This study outlines the main categories of forms and their pragmatic meaning in academic interaction in the Chinese context. Further research is needed to unveil the subtle dynamics of their functioning.

References

- Bilá M., Kačmárová A., Vaňková I. The encounter of two cultural identities: The case of social deixis // Russian Journal of Linguistics. 2020. V. 24. № 2. P. 344-365.
- Chen X., Ren J. A memetic cultural practice: The use of generalized kinship terms in a research seminar attended by Chinese graduate students//Lingua. 2020. V. 245. P.1-11.

- Clyne M.*, Address in intercultural communication across languages // Intercultural Pragmatics. 2009. V. 6. № 3. P. 395-409. DOI:10.1515/IPRG.2009.020.
- Formentelli, M.* 2009. Address strategies in a British academic setting // Pragmatics. 2009. V. 19. № 2. P. 179-196.
- Gu Y.* Politeness phenomena in modern Chinese // Journal of pragmatics. 1990. V. 14. № 2. P. 237-257.
- Hofstede G.* Cultural differences in teaching and learning // International Journal of intercultural relations. 1986. V. 10. № 3. P. 301-320.
- Baumgarten R., Vismans N.* (eds.) It's different with you: Contrastive perspectives on address research [TAR 5]. John Benjamins, 2023.
- Khalil A. A., Larina T.* Terms of endearment in American English and Syrian Arabic family discourse // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. V. 13. № 1. P. 27-44.
- Larina T., Suryanarayan N., Yuryeva Ju.* Socio-cultural context, address forms and communicative styles: A case study of British and Indian Englishes. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Series 2. Linguistics. 2019. V. 18. № 3. P. 39-51.
- Ren J., Chen X.* Kinship term generalization as a cultural pragmatic strategy among Chinese graduate students // Pragmatics and Society. 2019. V. 10. № 4. P. 613-638. DOI: 10.1075/ps.18009.ren.
- Soomro M.A., Larina T.* Categories of address forms in Pakistani English at a multilingual academic setting // Philological Sciences: Scientific Essays of Higher Education. 2022. № 6. P. 50-55. DOI:10.20339/PhS.6s-22.050.
- Soomro M.A., Larina T.* Mister, bro, or ada? Styles of Addressing among Multilingual Pakistani Students // GEMA Online Journal of Language Studies. 2023. № 23 (2), P. 241-257 <http://doi.org/10.17576/gema-2023-2302-13>.

Чжоу Цин (Гуанчжоу, Китай; Москва, Россия)

Южно-Китайский коммерческий институт при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли;
Российский университет дружбы народов

КАТЕГОРИИ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В СИТУАЦИИ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – СТУДЕНТ»

Формы обращения передают информацию об отношениях, социальных ролях, степени вежливости и формальности, а также о ценностях и нормах той или иной культуры, которые регулируют их использование в коммуникации. В данной работе рассматриваются основные категории форм обращений в современном китайском академическом дискурсе с акцентом на их употребление в процессе взаимодействия преподавателей и студентов. Результаты исследования свидетельствуют о сложном взаимодействии лингвистических, когнитивных, социальных и культурных элементов в языке и коммуникации, проявляющихся в обращении.

Ключевые слова: формы обращения, категории форм обращения, академический дискурс, культурные ценности, китайский язык.

Н.К. Шабельская, И.С. Карабулатова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
Shabelskaya.nk@mail.ru

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В НОМИНАЦИИ КОСМЕТИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ КИТАЯ КАК СРЕДСТВО ПЕРСУАЗИВНОСТИ

Косметические средства всегда были востребованы в социуме, но сегодня в условиях жесткой конкуренции решающим персуазивным приемом, напрямую влияющим на покупательское намерение приобрести косметику, выступает косметоним как наименование косметического средства. Культурная специфика косметических онимов китайского языка раскрывает особые требования фонетического, лексико-семантического содержания для создания культурно-идентичного, эстетически сбалансированного наименования. В статье предпринимается попытка классификации названий брендов косметических средств на китайском языке с точки зрения лексико-семантического подхода. Применяется метод компонентного анализа в анализе наименований косметических средств в китайском языке.

Ключевые слова: косметический оним, ономастические категории, когнитивная ономастика, косметонимы.

Процессы номинации в условиях нейротаргетинга вызывают интерес аспекте эстетической ономастики в различных дискурсивных пространствах. Косметонимика как наука, исследующая процессы номинации и функционирования косметических средств, напрямую связана с вопросами когниции. Несмотря на использование косметики еще в древние времена, сам ономаклас косметонимов стал выделяться недавно [Коломиец 2011: 230], ранее включаясь в раздел прагмонимии, для которой важен эмотивный компонент [Карабулатова, Исакова 2008: 50-52]. Под косметонимами понимаются ономастические единицы, объединенные ономастическим полем парфюмерно-косметической продукции. Мы относим к косметонимам и наименования косметических брендов: «Когда изделие или вещество принимается к массовому производству, они могут получить коммерческий оним, ориентированный на товарные свойства изделия, косметический состав (бренд косметики на натуральном сырье 自然堂 *zìrán táng* «Зал природы»), или исходя из местоположения его производства (духи «Красная Москва», «Новая заря»)» [Коломиец 2011:230]. Сам термин косметоним был введен в работе Ли Чэньчэнь, посвященной особенностям функционирования имен собственных в аспекте русско-китайского билингвизма [Ли Чэньчэнь 2012: 2].

Наибольшее внимание в научной литературе уделено специфике номинации во французской косметологии и проблемам перевода французских косметонимов [Неверова, Печенкина, Раздубев 2019], отдельные работы посвящены англоязычным косметонимам [Гандалоева 2015]. Западная стратегия наименования косметических брендов и косметических средств разрабатывается специалистами междисциплинарных областей, поскольку важен результат воздействия наименования на потенциального потребителя. Наша работа призвана устранить имеющуюся лауну в освещении косметонимов на примере культуры наименования косметических средств в Китае.

Китай больше известен уходовой косметикой, которая издревле была связана с медициной, а использование ароматов было обусловлено с погружением в мир медитаций и особых ритуалов утонченного чувственного наслаждения, среди которых были важны и ароматы благовоний, и движения танца, и звуки музыки. Китайская косметическая традиция воздействует на все системы восприятия человека. Для носителя китайского языка внешняя красота есть отражение внутренней гармонии,

весь капитал культуры призван актуализировать эстетический компонент воздействия красоты для гармонизации потоков энергии человека. Дун Юэ, китайский писатель XVII в., чье творчество известно нам, благодаря сатирическому роману-пародии «Дополнение к Путешествию на Запад» (в русском переводе «Новые приключения Царя обезьян»), писал: *"Мои бездымные благовония обладают ароматом, возбуждающим духовные силы. В них сошлись запахи деревьев и трав всего мироздания..."* [Духовный опыт Китая, 2006: 310]. В отличие от западной культуры китайская традиция приоритетными считает те парфюмерные ароматы, которые не подавляют естественные запахи людей и вещей, что обусловлено философией отношения к сокрытию. Это связано с канонами эстетики 美学 (měixué), которая занимает особое место в китайском обществе, влияя как на гуманитарные, так и точные научные дисциплины. Именования китайских косметонимов отражают эстетику восточного мироощущения, разработанного Конфуцием, Лао-Цзы, Мен-Цзы и другими философами Древнего Китая, поскольку эстетика не только удовлетворяет психические потребности человека, но и способствует гармонизации общества [Чжан Жуньмэй 2019: 111].

Исследование по анализу восприятия косметических средств среди жителей России в 2023 г., проведенное на базе Харбинского политехнического университета (Китай), показало, что более 80% покупателей предпочитают косметические средства с запоминающимся, привлекательным наименованием, которое «на слуху» у большинства покупателей [Shabelskaya 2023: 51].

Высокая персуазивность косметонимов направлена не столько на вызов интереса у реципиента, сколько с помощью запоминающегося образа продукта настроить на покупку косметического средства. Этой цели служат мифы, предания, устойчивые стереотипы, в которые включена бренд-история как сюжетная история (рассказ), с чертами сказочного, художественного, мифического, библиографического дискурсов. Так, в пояснении к маске на основе жемчуга указывается, что в свое время эту маску использовала легендарная императрица Цыси для сохранения белизны лица и молодости, при этом подчеркивается, что «Маска VIKOLA жемчужная приготовлена по рецептам китайской медицины на основе жемчуга из озера Тайху. С древних времен у всех народов жемчугу приписывали таинственные свойства. Считается, что жемчуг усиливает ощущение женственности, привлекательности, укрепляет уверенность своей владелицы в ее индивидуальности» [Лето-шоп, электронный ресурс, <https://www.letoshop.ru/good.php?id=829&ysclid=lltjad56v205250519>]. Иными словами, реципиент получает «эмоциональные впечатления» от рекламного дискурса косметонимов.

Для китайской косметонимии характерны две основные тенденции в номинации. Первая включает в себя косметонимы, содержащие морфемы с исторической коннотативной нагруженностью. Примером может служить китайский косметический бренд 御美坊 (yù měi fāng, Юймэйфан). История бренда отсылает к временам династии Цин (1644-1911), когда производство средств по уходу за кожей Юймэйфан принадлежали императорскому двору, такой уход был очень популярен среди женщин. Морфемы 御美 «Юй мэй» означают «исключительная красота для королевской семьи», а морфема 坊 «Фан» означает «чистое ручное извлечение, содержащее уникальную и секретную технологию обработки». Название отражает богатый исторический подтекст в гарантированном «волшебном» уходе за кожей.

Вторая тенденция заключается в использовании косметонимов с морфемами-отсылками к функции косметического продукта. Так, косметоним Цзыжаньтан (自然

堂 zìrán táng) в поморфермном анализе передает главную миссию данной косметики: создавать средства из экологического и натурального состава. «Природный зал» через ассоциативное поле вызывает ощущение единения с природой.

Отдельная судьба у косметонимов международных брендов, долго адаптирующихся к культуре Поднебесной, что обусловлено, прежде всего, тем, что перевод европейского косметонима должен отвечать принципам эстетики и художественной ценности китайского языка, наполняясь новым смыслом. Например, при переводе Lancome 兰蔻, Ardor 雅黛, Vichy 薇姿, Avon 雅芳, Olay 玉兰油 использовались морфемы с эквивалентной к иностранному названию звуковой оболочкой и семантически достаточным смыслом: 芳(fāng «благоухание»), 雅(yǎ «изящный»), 黛(dài «черный косметический пигмент»), 诗(shī «поэма»), 兰(lán «орхидея»), 玉(yù «яшма»), 姿(zī «облик, характер»). Эти морфемы широко распространены в китайской антропонимии. Выбор женских антропонимов в качестве логограмм для транскрипции брендов иностранной косметики направлен на женскую целевую аудиторию КНР с воссозданием чувства единения, общей культурной идентичности и естественной любви к продукту [Чэнь Минь 2012:12]. Не менее важным являются фонетическая благозвучность и тоновая ритмичность в онимах косметических продуктов. Воздействие косметонима на китайского реципиента осуществляется через правильно подобранный просодический признак – тон. Косметические бренды редко используют одиночные иероглифы. Большинство брендов состоят из двух, трех или даже четырех китайских иероглифов, таких как Revlon (露华浓 lùhuánóng), Chanel (香奈儿 xiāngnàier). Попеременная смена второго и четвертого тона в вышеприведенных примерах создает гармоничную ритмическую красоту.

Таким образом, китайские косметонимы обладают большим персуазивным потенциалом, интенсивно воздействуя на реципиента, благодаря интенсивной эксплуатации фоновых знаний и мифологизации. Вместе с тем вхождение иностранной косметики на китайский рынок трансформирует изначальные идеи брендов, подстраиваясь под особенности китайской культуры.

Литература

Гандалоева З.С. История развития парфюмерного и косметического производства и ее влияние на формирование соответствующей терминосистемы в современном английском языке // В мире научных открытий. 2015. № 3 (7). С. 3414-3435.

Духовный опыт Китая. Сост., пер. и коммент. В. В. Малявин. М.: Астрель: АСТ, 2006.

Карабулатова И.С., Исакова А.А. Эмотивный потенциал прагматимии как фактор развития ядерно-периферийных отношений в современной ономастике // Известия высших учебных заведений. Социологи. Экономика. Политика. 2008. № 2. С.50-52.

Коломиец Е.В. Наименования средств парфюмерии и косметики в русском языке XI–XXI вв.: этимология, структура, семантика: дис. канд. филолог. наук: 10.02.01. М., 2011.

Ли Чэньчэнь. Функционирование имени собственного в аспекте билингвизма: на материале русского и китайского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Иркутск, 2012.

Неверова Е.А., Печенкина, В.С., Раздужев, А.В. Лексико-семантические особенности перевода наименований косметических средств (на примере сайта французской косметики Yves Rocher) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (2). С. 128-138.

Чжан Жуньмэй. История китайской эстетики Ли Цзэхуо // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. №1. С. 111.

Shabelskaya N. 化妆品产品属性和消费者心理特征对俄罗斯消费者购买意愿影响的研究, 硕士学位论文. 哈尔滨工业大学 · 2023. [Шабельская Н. Исследование Влияния Атрибутов Косметического Продукта И Психологических Характеристик Потребителя на Покупательское Намерение Российских Потребителей, магистерская диссертация. Харбинский Политехнический университет, 2023. С. 63].

陈敏. 浅议女性化妆品品名汉译的美学特征和语义缺失//扬州教育学院学报. 2012. Р. 10-13. [Чэнь Минь. Об эстетических особенностях и семантической недостаточности китайского перевода названий женской косметики//Журнал Янчжоуского института образования. 2012. С. 10-13].

*N.K. Shabelskaya, I.S. Karabulatova (Moscow, Russia)
RUDN University*

AESTHETIC COMPONENT IN THE NOMINATION OF CHINESE COSMETICS AS A MEAN OF PERSUASIVENESS

Cosmetics have always been in demand in society, but today, in the face of fierce competition, the decisive persuasive device that directly affects the consumer's intention to purchase cosmetics is the cosmetonym as the name of a cosmetic product. The cultural specificity of the cosmetic onyms of the Chinese language reveals the special requirements of phonetic, lexical and semantic content to create a culturally identical, aesthetically balanced name. The article attempts to classify cosmetic brand names in Chinese from the point of view of the lexical-semantic approach. The method of component analysis is applied in the analysis of the names of cosmetics in Chinese.

Key words: cosmetic onym, onomastic categories, cognitive onomastics, cosmetonyms, aesthetics.

III. ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

*И.Е. Бражникова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
irinabrazhnikova1298@gmail.com*

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕКСИКАНЦЕВ В МЕКСИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Мексика как крупнейшая испаноязычная страна обладает собственными чертами языкового воплощения национальной идентичности. Мексиканский национальный вариант испанского языка обнаруживает тенденцию к своеобразию, маркерами которого являются особенности фонетической, грамматической, лексико-семантической систем, что играет существенную роль в формировании мексиканской национальной идентичности. Представлены примеры отражения идентичности мексиканцев в языке. Сделан вывод о том, что отражение идентичности мексиканцев в национальном варианте испанского языка характеризуется наличием концептов свобода, независимость, взаимосвязью с историческим прошлым, многообразием этнических культур и традиций Мексики, наличием национально-культурной значимости того или иного названия / события / цитат для мексиканского народа.

Ключевые слова: идентичность, Мексика, мексиканский национальный вариант испанского языка, самоопределение, независимость.

В Латинской Америке представлено множество языков, например, английский, французский, гарифуна, кечуа, аймара и другие, при этом испанский и португальский являются двумя основными языками. Период колониального господства испанскими колонистами, борьба за независимость, процессы деколонизации и постколониальные изменения [Шемякин 2000: 96] оказали глубокое влияние на формирование латиноамериканской национальной идентичности, способствуя развитию самосознания и самоопределения, что естественным образом проявлялось в языке, культуре [Ачкасов 2012: 86] и способствовало постепенному формированию самобытности, смыслового пространства в рамках национальной традиции борьбы за права и независимость [Авдеев 2010: 15].

Мексика обладает собственными чертами национальной идентичности. Во-первых, это ориентация на независимость и исторический контекст, поскольку национальная идентичность формировалась исторически в борьбе за права, свободы и независимость [Воротникова 2006: 35]. Соответственно, носители мексиканского национального варианта испанского языка имеют собственные психологические установки, обычаи, традиции, жизненные ориентиры. Во-вторых, языковое многообразие играет существенную роль в формировании мексиканской национальной идентичности ввиду существующих демографических изменений, присутствия в качестве социокультурного сегмента американского общества [Астафьева 2011: 225]. Американская история во многом отразилась на мировоззрении и мироощущении мексиканцев, например, через демонстрацию индивидуалистичных жизненных установок, проявление агрессивного поведения, отношение к женщинам и смерти. Следовательно, национальная идентичность формируется в разных сферах общественной жизни мексиканцев, проявляясь, прежде всего, в языке.

Полинациональный испанский язык объединяет национальные языки как формы национальной речи, не обнаруживающие резких расхождений в структуре, но приобретающих автономию, поддерживаемую и осознаваемую в границах этнической общности [Степанов 1976: 224].

Адекватная интерпретация территориального варьирования подразумевает учет как внутривидовых, так и ментально-языковых и культурно-мировоззренческих параметров [Чеснокова 2006: 7]. Важную роль в выявлении специфики национальных вариантов испанского языка и интерпретации динамики развития свойств их лексико-семантической системы играет реконструкция языковой картины мира носителей национальных вариантов языка [Чеснокова 2006: 8].

Именно единицы языка выступают ключевыми элементами, определяющими культуру народа и формирующими его национальную идентичность [Вежбицкая 2001: 14].

Ярким показателем национальной идентичности в мексиканском национальном варианте испанского языка выступают прецедентные феномены:

1. Имена собственные, например:

- исторические личности:

Куаутемок (Cuauhtémoc) – одиннадцатый (последний) император ацтеков.

Бенито Хуарес (Benito Juárez) – мексиканский политический и государственный деятель, национальный герой Мексики, известен как «мексиканский Джордж Вашингтон» – отец и строитель современной Мексики, отстаивавший независимость страны и внедривший важные прогрессивные реформы, боролся за отделение церкви от государства.

Лазаро Карденас (Lázaro Cárdenas) – президент Мексики, который провел земельные и социальные реформы в 1930-х гг., символизирует стремление к социальной справедливости и прогрессу.

- названия памятных мест, территорий, местности:

Паленке (Palenque) – древний город майя и археологический комплекс, который оставил отпечаток в литературе и искусстве Мексики.

Пирамиды Теотиуакана (Pirámides de Teotihuacán) – древний археологический комплекс, включая пирамиды Солнца и Луны, являющийся символом национальной истории и культуры.

Чиapas (Chiapas) – штат на юге Мексики, известный своим этническим разнообразием и культурой майя.

- события, оказавшие влияние на формирование национально-культурной идентичности мексиканцев:

Día de la Independencia (16 сентября) является национальным праздником, который отмечается в память о начале Мексиканской войны за независимость от Испании.

Día de la Revolución (20 ноября) посвящен памяти Мексиканской революции в период с 1910 по 1920 г. Революция привела к свержению диктаторского режима Порфирио Диаса и сформировала основу для создания современной мексиканской нации.

2. Цитаты / афоризмы / фразеологизмы, имеющие значимость в мексиканской культуре:

Цитата «México lindo y querido» («Красивая и любимая Мексика») из одноименной песни выражает нежные чувства к родной стране, стала своеобразным гимном Мексики и символом любви к родным краям [Carlos Oliva Mendoza 2011: 18].

«До свидания, розовая мечта» («Adiós, muñeca rosa») – роман Хуана Рульфо, опубликованный в 1950 г. Данная фраза стала символом апатии и разочарования молодого поколения в контексте утраты надежд и иллюзий.

«Последний день независимости» (El Grito de Dolores) – речь, произнесенная Мигелем Идальго 16 сентября 1810 г., которая стала началом войны за мексиканскую независимость. Каждый год 16 сентября мексиканцы празднуют День независимости, а фраза «¡Viva México!» (Да здравствует Мексика!) стала символом этого события. Данное выражение стало символом патриотизма и гордости за свою страну [Протокилова 2013: 69].

Исходя из указанных примеров, отражение идентичности мексиканцев в мексиканском национальном варианте испанского языка характеризуется следующими основными чертами:

- наличие концептов *свобода, независимость*, где основой являются особенности исторического пути развития Мексики и достижения независимости;
- взаимосвязь с историческим прошлым (древняя мексиканская цивилизация, ацтекское наследие);
- многообразие этнических культур и традиций Мексики (взаимосвязь с индейской культурой, культурная интеграция);
- наличие национально-культурной значимости того или иного названия / события / цитаты для мексиканского этнического сообщества, заключающей в себе идеи патриотизма, свободы, стремления к саморазвитию и самопознанию.

Литература

Авдеев К.Е. Становление латиноамериканской цивилизации: социально-философский анализ: авт. дисс... к. филол. н. М., 2010.

Астафьева О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. 5. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности / под ред. Ю.М. Резника, М.В. Тлостановой. М.: Изд-во независимого ин-та гражданского общества, 2011. С. 223-241.

Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. 2012. № 1. С. 85-91.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: ЯСК, 2001.

Воротникова Т.А. Актуальные проблемы этнокультурной идентичности в странах Латинской Америки // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященный памяти С.И. Семенова. Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. С. 34-38.

Протокилова Е.А. Культурная идентичность в современной латиноамериканской литературе: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д, 2013.

Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.

Чеснокова О.С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Шемакин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций // Общественные науки и современность. М., 2000. С. 96-114.

Mendoza C.O. Cinco notas sobre literatura y filosofía latinoamericana // Revista de Hispanismo Filosófico. 2014. № 19. P. 101-117.

*I.E. Brazhnikova (Moscow, Russia)
RUDN University*

REFLECTION OF MEXICAN IDENTITY IN THE MEXICAN NATIONAL VARIANT OF THE SPANISH LANGUAGE

Mexico, as the largest Spanish-speaking country, has its own features of linguistic embodiment of national identity. The Mexican national variant of the Spanish language tends to uniqueness, markers of which are peculiarities of phonetic, grammatical, lexical and semantic systems, which plays a significant role in the formation of Mexican national identity. Examples of the reflection of Mexican identity in language are presented. The conclusion is made that the reflection of Mexican identity in the national variant of Spanish is characterized by the presence of the concepts of freedom, independence, the relationship with the historical past, the diversity of ethnic cultures and traditions of Mexico, the presence of national and cultural significance of this or that name / event / quotations for the Mexican people.

Key words: identity, Mexico, Mexican national variant of Spanish, self-determination, independence.

*Л.А. Говорова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
govorova_la@pfur.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ МИГРАНТОВ

Важность исследований, посвященных изучению вопросов о взаимообусловленности языка, культуры и особенностей мышления не вызывает сомнений. В данной статье на основе дискурсивных практик исследуются когнитивные параметры идентичности латиноамериканских мигрантов в единстве сознания, языка и культуры.

Ключевые слова: идентичность, мигранты, латиноамериканцы, когнитивистика, когнитивные параметры идентичности.

Феномен идентичности многогранен и представляет собой комплексное понятие. Вслед за Е.Н. Молодыченко мы полагаем, что «основными определяющими характеристиками идентичности являются мера агентивности субъекта, идентификация с социальными ролями и/или социальными группами и категориями, мера стабильности...» [Молодыченко 2017: 122] и считаем, что исследование образа мыслей мигрантов позволяет в значительной степени раскрыть основные параметры их идентичности, закрепленные в их национально-культурном сознании. Анализируя разного рода особенности идентичности мигрантов мы в первую очередь обращаем свое внимание на ее проявления, имеющие языковое выражение, которое можно изучить на основе дискурсивных практик. Вместе с тем, описывать когнитивные параметры идентичности мигрантов следует в единстве сознания, языка и культуры, руководствуясь соображениями о том, что мигранты пребывают в особых социокультурном и когнитивном пространствах, базирующихся на культурных нормах, традициях и обычаях. В.В. Красных различает индивидуальное и коллективное когнитивные пространства, понимая под первым уникальность знаний и представлений, характерных для отдельной языковой личности, а под последним –

«структурированную совокупность знаний и представлений определенного языкового сообщества» [Красных 1998: 44]. Следовательно, каждому мигранту присущ комплекс характеристик и этнокультурных особенностей (в языке, религии, обычаях, обрядах, фольклоре, нормах этики), которые оказывают влияние на процессы его познавательной деятельности и одновременно определяют когнитивные параметры его идентичности. В нашем представлении когнитивные пространства мигрантов имеют свою специфику и непосредственно сопряжены с существующими культурными установками, но ограничены культурными паттернами, которыми мигранты руководствуются в своем поведении в процессе социальной интеграции и/или ассимиляции.

Мы разделяем мнение исследователей, высказанное в статье «Культурные установки как границы индивидуального сознания» о том, что «сознание приобретается каждым человеком в условиях его нахождения в той или иной культурной ситуации, которая уже имеет свое прочное закрепление в языке» [Барановская 2011: 109]. Кроме того, особенности когнитивного восприятия и способы выражения отношения к чему-либо могут представлять собой модели и образцы инстинктивного поведения, т.е., быть частью коллективного бессознательного, налагающего определенные (категориальные, ценностные и когнитивные) рамки на сознание языковой личности. В случае мигрантов количество подобных рамок увеличивается в виду того, что демаркация между социокультурными реальностями, с которыми им приходится сталкиваться затруднена, а «использование иностранного языка в этой ситуации не вписывается в наложенную на каждого из нас с детства категориальную сетку ценностных культурных установок, закрепленных в родном языке» [Барановская 2011: 111]. В редких случаях, когда культурные влияния не вступают в серьезные противоречия, происходит комплексная идентификация личности со сложившейся вокруг «другой» культурой и социокультурной реальностью.

В процессе социокультурной адаптации задействуются социальные параметры личности, которые «отражаются в речи или намеренно...или отражаются непроизвольно (когда в речи «моделируется» уровень владения языком, социальное происхождение, локальная принадлежность, социальные роли адресанта)» [Леонтьев 1977: 15]. С нашей точки зрения, имеющий временный характер правовой статус мигранта также можно отнести к таким параметрам, поскольку когнитивное содержание речевого взаимодействия мигрантов, социокультурные стратегии поведения и образ их мыслей будут в значительной степени пересекаться. В подтверждение вышесказанного приведем примеры вопросов, которые в ситуации знакомства в шоу «The pepper» чаще всего задает девушка-мигрант и модель венесуэльского происхождения Genesis Perla, проживающая в Доминиканской Республике: “¿Cómo lograste obtener tu visa?” и “¿Tú eres deportado?” (Речь о депортации из США). В первом случае речь идет о визе в США, поскольку обладатели доминиканского паспорта могут пересечь границу только при ее наличии. В свою очередь, вопрос о депортации девушка поднимает, когда сталкивается с доминиканцами, которые, имея паспорт американского резидента, продолжают жить в Доминиканской Республике. Кроме того, отметим, что при знакомстве мигранты между собой находили больше точек соприкосновения и общих тем для разговора, чем простые доминиканцы.

Далее представим любопытный отрывок из диалога, касающийся национальности девушки-мигранта:

- ¿De dónde tú eres?
- Venezolana.
- Ay mi madre, que *juidero*...
- Ya soy dominicana, porque llevo casi 7 años aquí.

В первую очередь отметим, что мигрант венесуэльского происхождения знакома с культурно-маркированной лексемой *juidero/huidero*, которая, согласно словарю Американизмов [Diccionario de americanismos], употребляется в отношении хаотичных миграционных потоков только в Доминиканской Республике. Вместе с тем, при определении своей национальной принадлежности девушка дает два разных ответа, при этом принимая во внимание тот факт, что она уже несколько лет живет в Доминиканской Республике, поэтому считает себя доминиканкой. Здесь можно предположить, что за эти годы у модели фрагментарно сформировалось национальное доминиканское самосознание, что, в отличие от единства генетического происхождения, является «необходимым условием принадлежности человека к определенной национальности» [Статья 26 Конституции РФ].

Согласно нашим наблюдениям, девушка-мигрант, сталкиваясь с языковыми и речевыми явлениями доминиканского национального варианта испанского языка, не имеющими места в ее родном языке, способна моментально осмыслить их по контексту и должным образом отреагировать на них. Тем не менее, важно подчеркнуть тот факт, что в проанализированных нами образцах из речи модели подобные единицы языка не обнаруживаются (включая самое распространенное среди молодых доминиканцев приветствие *qué lo qué*), поскольку они не являются частью узуса и образа мыслей жителей Венесуэлы. Так, в процессе коммуникативной интеракции для выражения необходимого языкового содержания мигрант предпочитает знаки родного языка, имеющие смысловое закрепление в ее сознании, например, лексическую единицу *mor* (от *amor*) в качестве ласкового обращения. В этой связи также отметим, что данная национально-детерминированная лексема может выступать маркером идентичности современных венесуэльцев и колумбийцев, однако она не употребляется в Доминиканской Республике, соответственно, когда один из участников шоу таким образом обратился к девушке, она, основываясь на ментальных и когнитивных шаблонах собственного культурного опыта, ответила: «Es que él lo dijo como falso...» Такую реакцию можно объяснить тем, что подобный поведенческий код не характерен для доминиканской культуры, поэтому на подсознательном уровне мигрант не приняла это за правду. Кроме того, у модели сохраняется свойственное жителям Венесуэлы произношение, которое за несколько лет жизни в другой стране совершенно не подверглось влиянию фонетической специфики Карибского бассейна. Все вышеописанные факторы позволяют нам прийти к выводу о том, что когнитивное и ментальное пространство девушки-мигранта находятся в противоречии, равным образом не происходит полноценной самоидентификации личности мигранта как участника доминиканской языковой общности, несмотря на некоторое самоотожествление с отдельными образцами доминиканской культуры.

Таким образом, под когнитивными параметрами идентичности мигрантов мы подразумеваем совокупность наблюдаемых социокультурных стратегий поведения как «маркеров» их идентичности, имеющих когнитивное содержание (общие взгляды, символы, общие фоновые знания и др.). В том, что касается концептуализации и категоризации ментального опыта мигрантов, можно отметить несомненную важность влияния культурной среды на познавательные процессы мышления, восприятия и др.,

а также наличие сходства в мировоззрении, умозаключениях, убеждениях, интересах, стремлениях или ценностях.

Литература

Барановская О.Б., Полянская Е.Б. Культурные установки как границы индивидуального сознания // Актуальные вопросы филологических наук: материалы I Междунар. науч. конф. Чита: изд-во Молодой ученый, 2011. С. 109-111. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/25/1211/> (дата обращения: 20.08.2023).

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998.

Молодыхенко Е.Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 3. С. 122-133. DOI: 10.18721/JHSS.8312.

Национально-культурная специфика речевого поведения // под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1977.

Статья 26 Конституции РФ. URL: Официальный сайт Алтайского края – Правительство Алтайского края – Об оказании бесплатной юридической помощи адвокатами. URL: altairegion22.ru (дата обращения: 11.08.2023).

Diccionario de americanismos. URL: <https://www.asale.org/damer/huidero> (дата обращения: 10.08.2023).

*L.A. Govorova (Moscow, Russia)
RUDN University*

COGNITIVE PARAMETERS OF IDENTITY OF LATIN AMERICAN MIGRANTS

The importance of researches devoted to the study of questions about the interdependence of language, culture and the peculiarities of thinking is beyond doubt. In this article, on the basis of discursive practices, the cognitive parameters of the identity of Latin American migrants in the unity of consciousness, language and culture are investigated.

Key words: identity, migrants, Hispanics, cognitive studies, cognitive parameters of identity.

*Н.Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
studiumjuvenis@mail.ru*

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНЕКДОТОВ ИЗ СЕРИИ «АРМЯНСКОЕ РАДИО»

Статья посвящена рассмотрению лингвоаксиологических особенностей анекдотов из серии «Армянское радио». Описывается соответствие выбранного материала для анализа традиционному жанру анекдота, выявляются онтологические и тематические характеристики анекдотов из серии «Армянское радио».

Ключевые слова: анекдот, «Армянское радио», юмористический дискурс, национальная гордость, самоирония, гендерные стереотипы, семья.

Анекдоты из серии «Армянское радио» по своим функционально-прагматическим особенностям не вполне соответствуют заявленному жанру, который Е.Я. Шмелева определяет как «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с

неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям русского языка» [Шмелева 2002: 20]. Действительно, в анекдотах из серии «Армянское радио» акцент делается не на вымышленных, а на реальных событиях; для них не характерно наличие постоянно действующих персонажей; остроумной является скорее не концовка, а сам сюжет рассказанной в рамках анализируемого жанра истории.

Рассмотрим соответствие анекдотов из серии «Армянское радио» жанровым особенностям традиционного короткого устного смешного рассказа, выделенных Е.Я. Шмелевой, а именно: воспроизводимость, отсутствие повествовательности в жанровой канве анекдота, наличие в тексте анекдота трех языковых слоев (введение, слова автора и речь персонажей) [Шмелева 2002].

Во-первых, анекдоты из серии «Армянское радио» не обладают такой степенью воспроизводимости и редуцируемости, как традиционный анекдот, поскольку целевая аудитория, которой рассказываются истории из анализируемой серии, обычно бывает не знакома с той абсурдностью реальной жизненной ситуации, которая положена в основу анекдотов Армянского радио.

Во-вторых, в случае с анекдотами Армянского радио невозможно говорить о такой жанровой особенности, как «напоминание» анекдота, что будет справедливым в отношении традиционного устного смешного рассказа. Напоминание традиционного анекдота возможно в силу существования определенного набора героев (блондинка, теща, Шерлок Холмс и Доктор Ватсон, Штирлиц, Поручик Ржевский и др.), действия которых в юмористической и иронической форме обыгрываются в анекдоте. Обыгрываемые в анекдотах герои и сюжеты, их высказывания становятся прецедентными феноменами, что абсолютно не характерно для анекдотов Армянского радио.

В-третьих, анекдоты из серии «Армянское радио» построены не по традиционному канону, в них отсутствуют введение, слова автора и речь персонажей.

Таким образом, вопрос об онтологическом статусе анекдотов из серии «Армянское радио» до сих пор остается нерешенным. Большинство исследователей [Иванян 2021; Шмелева, Шмелев 2020] полагают, что истоки этих смешных историй следует искать в так называемых «армянских загадках», под которыми понимаются «такие «неправильные» загадки с абсурдными отгадками, которым в свою очередь дается якобы рациональное объяснение» [Шмелева, Шмелев 2020: 236]. С точки зрения классификации по семиотическому признаку, т.е. по отношению к определенному текстотипу В.И. Карасик относит серию «Армянское радио» к анекдотам рассуждениям, под которыми понимаются «аргументативные высказывания, часто в диалогической форме, раскрывающие в смешном виде причинно-следственную связь между явлениями» [Карасик 2002: 263]. Действительно, анекдоты из серии «Армянское радио» построены на абсурдном объяснении тривиальных вещей, событий и явлений, имеющих социальное и(или) индивидуальное значение, вызывающих большой общественный резонанс, порой возмущение и негодование, но табуированных в силу тех или иных причин (моральных установок, религиозных запретов, политической доктрины и т.д.). Рассмотрим, какие аксиологически значимые темы поднимаются в анекдотах из указанной серии.

Национальная гордость. На языковом уровне чувство гордости за свою нацию выражено в анекдотах из серии «Армянское радио» эксплицитно, построено на принципах языковой игры и реализации концептуальной оппозиции «свой-чужие».

(1) *Армянское радио спрашивают: «Какая нация самая красивая?»*

Ответ: «Спасибо за комплимент».

(2) – *Какая нация самая глупая?*

– *Зато у нас коньяк самый лучший!*

(3) *Звонок в Армянское Радио:*

– *Много ли дураков в Ереване?*

– *Приедешь – первым будешь.*

Самоирония. В анекдотах из серии «Армянское радио» обыгрывается профессиональная деятельность армян, которая связана с дружелюбием и общительностью этой нации; особенности национального менталитета; ономастические особенности армянских фамилий.

(4) *Армения. Налоговый полицейский:*

– *Вы даже не представляете, как тяжело собирать налоги с этих хитрющих армян. Вот, например, Армянское радио, так мы его еще вообще не нашли.*

(5) *В южном Бутово задержан серийный маньяк-насильник Ашот Абрамян, родом из Еревана. Согласно последним рекомендациям Президента, национальность преступника мы не указываем...*

(6) *Армянское радио спрашивают:*

– *Почему армяне плохо выступают на танковом биатлоне?*

Армянское радио:

– *Армяне не танкисты, армяне – таксисты.*

Гендерные стереотипы. В аксиологическом плане в анекдотах из серии «Армянское радио» до абсурда доводятся различия между мужчинами и женщинами в плане умственных способностей, стремление представителей женского пола содержать дом в чистоте, некоторые женские слабости и стремление быть красивой при любых погодных условиях.

(7) *Почему в трансформерах нет женщин-роботов?*

Они долго собираются.

(8) *Армянское радио спросили:*

– *У кого сильнее развита сила воли: мужчины или женщины?*

Ответ:

– *Конечно, у мужчины! Разве женщина способна, например, три дня спокойно ходить мимо мойки с кучей грязной посуды?*

(9) *Вопрос армянскому радио:*

– *Может ли женщина быть гениальной?*

Ответ:

– *Женщина – сложное существо, а все гениальное, как известно, просто...*

(10) *Армянскому радио задали вопрос:*

– *Что общего между женщинами и крокодилами?*

– *Слезы...*

– *А в чем разница?*

– *Женщины опаснее!*

(11) *У армянского радио спросили:*

– *Назовите три существа, которым никогда не бывает холодно.*

Армянское радио ответило:

– *Запросто! Пингвин, белый медведь и гламурная дура в мини-юбке!*

Семейная жизнь. Для армян ценность семьи стоит превыше всего, семья поддерживает человека на протяжении всей его жизни, представители этой национальности гордятся своими семейными традициями. Но в анекдотах из серии

«Армянское радио» транслируется стереотипное, лишённое национальной окраски представление о мужчине как главе семьи и о том, что жизнь холостого представителя мужского пола гораздо легче, чем того, у кого есть жена.

(12) *Самый большой кайф у мужика после развода.*

Просыпаешься утром и тебе никто не скажет, что ты сегодня должен делать!

(13) *Вопрос армянскому радио:*

– Как жене следует обращаться с мужем?

Ответ:

– Как с собакой: регулярно кормить, ласкать, отпускать гулять.

В результате анализа тематического наполнения анекдотов из серии «Армянское радио» можно прийти к выводу, что в этих смешных историях до абсурда доводятся как национальные особенности, так и общечеловеческие ценности. Как известно, анекдоты из серии «Армянское радио» были созданы в советское время, и тогда они были посвящены высмеиванию быта и реалий, деятельности правящей коммунистической партии. Но и в современных реалиях эти анекдоты не теряют своей актуальности. Важным является то, что через юмористический дискурс более транспарентными оказываются те или иные отрицательные стороны человеческого бытия, более очевидными становятся положительные характеристики отдельной нации и людей безотносительно их национальной принадлежности, более сильным становится человек в преодолении каких-то недостатков. Юмористический дискурс – это сочетание лингвистических особенностей, чувства меры и интеллекта. Все эти особенности присущи анекдотам из серии «Армянское радио».

Литература

Иванян Е.П. Онтология этнического субстрата в анекдотах армянского радио: генезис и структурно-семантическая организация // Русистика без границы. 2021. № 2. С. 47-54.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Шмелева Е.Я. Русский анекдот: Текст и Речевой жанр. М.: ЯСК, 2002.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Абстрактные анекдоты как квинтэссенция абсурда // Абсурд в языке и коммуникации. М., 2020. С. 230-242.

*N.N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

LINGUOAXIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF RADIO YEREVAN ANECDOTES

The paper explores linguoaxiological characteristics of Radio Yerevan anecdotes. The relevance of Radio Yerevan short stories to the traditional anecdote genre is analyzed, the ontological and thematic peculiarities of Radio Yerevan anecdotes are described.

Key words: anecdote, Radio Yerevan, humorous discourse, national pride, self-mockery, gender stereotypes, family.

С.А. Никифорова (Москва, Россия)

*Московский педагогический государственный университет,
svnikiforova2020@gmail.com; sviet@rambler.ru*

О КУЛЬТУРАХ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ В АСПЕКТЕ ВЫСОКОГО И НИЗКОГО КОНТЕКСТА

Культуры народов, говорящих на разных языках, принято относить к высококонтекстным или низкоконтекстным, что важно для успешного коммуницирования представителей различных стран и народов в политике, торговле, науке, культуре, просто в бытовом общении. Но между двумя противоположными контекстными точками, располагается широкая шкала величин. Испанскую и все испаноамериканские культуры принято относить к высококонтекстным, что не означает, что все они находятся на одном градусе контекстных величин. Статья приглашает поразмыслить о том, какое положение на контекстной шкале занимают культуры некоторых испаноговорящих стран и регионов. Вводятся понятия «Атлантическая» и «Тихоокеанская культура».

Ключевые слова: высококонтекстные и низкоконтекстные культуры, особенности процесса коммуникации, испанский язык, испаноговорящие страны, «Атлантическая культура», «Тихоокеанская культура».

Как писала Наталья Михайловна Фирсова, «язык рассматривается не только как орудие коммуникации, как определенный класс знаковых систем, но и как культурный код» [Фирсова 2012: 37], добавим: как один из важнейших культурных кодов коммуникации помимо паралингвистических средств: жестикуляции, мимики и пантомимики, проксемики, такесики... [Леонтович 2007: 38]. К тому же к кодам коммуникации можно отнести и множество других культурных явлений, таких как архитектура и дизайн, музыка, танцы и пение, одежда, гастрономические пристрастия, запахи, даже нормы личной гигиены – практически все, что входит в понятие культура. При этом, лингвистические и паралингвистические коды коммуникации, предметы материальной культуры, общественные ритуалы и установления людей тесно связаны с их мыслями и мнениями об этом мире [Вежбицкая 2001: 15]. Следовательно, для того, чтобы коммуникативный акт оказался успешным, коммуниканты должны пользоваться одними и теми же коммуникативными кодами, что не всегда возможно, т.к. люди, принадлежащие к разным культурным пространствам, говорящие на разных языках, могут просто не быть знакомыми с кодами друг друга. Но когда мы осознаем, что мы разные, и эта непохожесть может привести к непониманию, ситуацию довольно легко прояснить, уточнив, задав вопрос и объяснив сложный момент. Например, используя в разговоре слово “el tigrillo”, перуанец или колумбиец имеет в виду оцелота – небольшого дикого кота. Представитель любой другой испаноязычной страны легко поймет, что речь идет о каком-то хищнике из семейства кошачьих, и уточнит, что это конкретно за животное. Коммуникация пройдет успешно.

Проблемы возникают, когда собеседники считают, что понимают друг друга, а на самом деле используя разные коммуникативные коды, т.е., каждый имеет в виду что-то свое. Речь идет о пресуппозиции, т.е. об информации, которую коммуниканты считают само собой разумеющейся. Но то, что само собой разумеется для представителя одной культуры, совершенно не очевидно для представителя другой. Ведь «современные национальные варианты испанского языка – это явления не только лингвистические, но и культурно-мировоззренческие и лингвокультурологические» [Чеснокова 2006: 7].

Приведу пример из личного опыта.

Непонимание может быть чисто лингвистическим (коммуниканты не поняли слово или грамматический оборот).

Разговор мексиканца (Мехико) и испанцев из Памплоны.

Мексиканец: “¿U ya se van?” - «Вы уже уходите?»

Испанцы: “¿Quiénes?” - «Кто?»

Для мексиканца очевидно, что обращаясь к каждому из собеседников на «tú», во множественном числе он использует форму глагола 3-его лица множественного лица (Ustedes), а не 2-го лица множественного лица (vosotros), как это принято в Испании. Испанцы же практически перестали воспринимать форму 3-его лица множественного лица (Ustedes) как обращение в группе людей, в разговорной речи они предпочитают использовать форму vosotros даже в тех случаях, когда к каждому собеседнику в отдельности они обращаются на Usted.

Такого рода лингвистические казусы случаются довольно часто. Именно поэтому в течение более чем 170 лет диалектология и вариантология испанского языка активно изучается как в испаноговорящих странах, так и в России [Степанов 1963: 8].

Но непонимание может лежать и вне лингвистики.

Пример №1. Представитель экономического отдела Андалузского правительства (женщина из Севильи, Испания), работая в командировке в Чили, жалуется, что совершенно не понимает поведения чилийских бизнесменов. Она предлагает им встретиться с андалузскими компаниями, производящими различные продукты питания, и всегда в ответ получает утвердительный ответ: «Да, продукт интересен, готовы встретиться». Но за несколько дней до встречи, когда кажется, что половина Чили заинтересована в оливковом масле компании N, телефоны импортеров перестают работать, до коммерческих директоров становится невозможно дозвониться, встречи срываются.

Пример № 2. В разговоре автора с бизнесменом из Андалузии, последний утверждает, что “Los vascos son muy rudos.” – «Баски очень грубые.» На встречный вопрос, почему ему так кажется, бизнесмен отвечает, что “Son demasiado directos.” – «Они слишком прямые».

Пример № 3. Костариканцы считают оскорбительным со стороны венесуэльских эмигрантов прилюдное проявление нежных чувств. В Коста-Рике абсолютно не принято, чтобы парочки целовались на улице или в парке. Это может быть воспринято, как общественный вызов.

Во всех приведенных примерах речь идет о людях, принадлежащих к близким культурам и, говорящих на одном языке, которые, тем не менее не поняли друг друга.

В связи с этим хотелось бы обратиться к понятию высоко- и низкоконтекстных культур, которое было введено в 1976 г. американским антропологом Э. Холлом. Холл назвал контекстом всю ту информацию, которая окружает коммуникативное событие [Hall 1976: 82] и посчитал ее критически важной для межкультурной коммуникации.

Основные характеристики низкоконтекстных культур: их представители склонны говорить прямо без обиняков, плохо считывают невербальные сигналы, ценят индивидуализм, доверяют логике, которую используют линейно, т.е. предпочитают прямо говорить «нет», общаются с помощью хорошо сформулированных предложений, обращают внимание на детали, подчеркивают буквальный смысл того, о чем хотят сказать.

Основные характеристики высококонтекстных культур: их представители склонны отдавать предпочтение непрямому вербальному общению, способны

понимать скрытые смыслы, хорошо считывают невербальные сигналы, любят действовать в составе группы, доверяют контексту и настроению, используют спиральную логику, т.е. избегают говорить «нет», коммуницируют с помощью простых, иногда двусмысленных сообщений [Guffey 2013: 64].

Хотя испанскую и испаноамериканскую культуру в целом принято относить к достаточно высококонтекстным, можно предположить, что зачастую культуры этих стран и даже регионов одной страны, относятся к разным регистрам внутри одного контекста, т.е. они являются в большей или в меньшей степени высоко- или низкоконтекстными. В этом случае можно говорить о контекстной вариативности близких культур, говорящих на одном языке (А.А. Леонтьев использовал термин национально-культурная вариативность этнопсихолингвистики [Леонтьев 1999: 189]).

Контекстная вариативность культур испаноязычных регионов достаточно велика и требует изучения. Прежде всего, это обусловлено культурным (и языковым) разнообразием самой Испании – исторической родины испанского языка и основой испаноязычных культур, распространившихся по земному шару. «Можно говорить о единой Англии или Франции, но Испаний много.» [Lewis 1996: 239] – замечает известный английский исследователь культур и основатель школы межкультурного общения для бизнесменов Ричард Левис. Испанцы, действительно, разные. И зачастую даже выходцам из разных регионов непросто избежать коммуникативных неудач при общении друг с другом. Было бы логично считать, что испаноамериканцы, чьи предки – выходцы из такой разнообразной в культурном плане Испании, проживающие на огромной территории в 11,5 млн км², еще в большей мере разные, чем испанцы. Однако, думается, что несмотря на то, что полное совпадение культурного регистра невозможно даже внутри одного региона, все же в культурном контексте испаноязычная Америка более гомогенна чем Испания. Представляется, что глобально ее можно разделить на две большие культурные группы. Частично они совпадают с диалектальным делением испаноговорящей Америки на высокогорные (*tierras altas*) и прибрежные районы (*tierras bajas*), но с некоторыми поправками на то, что прибрежные районы Тихого океана в культурном плане мы относим к высокогорным. Таким образом, говоря о культуре прибрежных районов, мы имеем в виду побережье Карибского моря и Атлантического океана. В качестве рабочих названий предлагаем следующие: «Атлантическая культура» – занимает более низкий регистр в культурном контексте и «Тихоокеанская культура» – занимает более высокий регистр. Данный вывод не только является результатом многолетних наблюдений автора за представителями различных испаноязычных стран (собрано множество примеров), но и имеет историческое основание: большая часть контактов между Испанией и испаноговорящей Америкой проходила через Атлантический океан. В портах Атлантического океана бурлила жизнь, встречались культуры и диалекты, сталкивались и конфликтовали их представители, нравы были более свободные, чем в консервативных религиозных «Тихоокеанских регионах». Думается, что подобные условия способствуют большей открытости людей, их прямолинейности, что соответствует в большей степени низкоконтекстным культурам.

Данное предположение выдвигается впервые в качестве гипотезы. В дальнейшем автор намеревается развивать эту тему.

Литература

- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: ЯСК, 2001.
Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007.
Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.

Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1963.

Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. М.: Книжный дом "Либроком", 2012.

Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира. М.: РУДН, 2006.

Guffey M.E., Lowey D., Rhodes K., Rogin P. Business communication: Process & product / 4th brief Canadian ed. Nelson, 2013.

Hall E. Beyond culture. NY: Anchor press, 1976.

Lewis R.D. When cultures collide. London: Nicholas Brealey Publishing, 1996.

*S.A. Nikiforova (Moscow, Russia)
Moscow State Pedagogical University*

ABOUT THE CULTURES OF SPANISH-SPEAKING NATIONS IN THE ASPECT OF HIGH- AND LOW-CONTEXT

The cultures of peoples speaking different languages are usually classified as high-context or low-context, which is important for successful communication between representatives of different countries and peoples in politics, trade, science, culture, and just in everyday communication. But between two opposite contextual points, there is a wide scale of values. Spanish and all Spanish American cultures are usually considered high-context, which does not mean that are of them are situated on the same degree of contextual values. The article invites us to reflect on the place that the cultures of some Spanish-speaking countries and regions occupy on the contextual scale. The concepts of "Atlantic" and "Pacific culture" are introduced.

Key words: high-context and low-context cultures, features of the communication process, Spanish language, Spanish-speaking countries, "Atlantic culture", "Pacific culture".

*Н.В. Шелепова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
shelepova1976@mail.ru*

МЕНТАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВНИМАНИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ МИФОКОНЦЕПТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье представлены результаты изучения английских мифоконцептов, выступающих в качестве уникального способа воплощения различных форматов знаний в современном языковом сознании. В качестве предмета исследования выступают когнитивные механизмы внимания, участвующие в процессе конструирования мифоконцептов, которые находят свое выражение в языке в виде мифолексем.

Ключевые слова: мифоконцепт, мифолексема, ментальные механизмы, восприятие, внимание, фокусирование, дефокусирование, знание, реальность.

На протяжении многих тысячелетий история развития человечества складывалась в единстве с вопросом познания окружающего мира и самой природы человека. Проблема интерпретации реальности и ее представление в виде различных форматов знания тесным образом связана процессом с объективации/воплощения когнитивных структур в различных материальных формах, включая язык. Актуальность данной темы очевидна, поскольку она тесно связана с новейшими разработками в области искусственного интеллекта, нейросетей, методов полимодального анализа различных

биологических и социокогнитивных явлений и т.д. В настоящем исследовании в качестве объекта изучения будут выступать английские мифоконцепты, которые служат основными нематериальными носителями результатов познания человеком окружающего мира и самого себя. Данные когнитивные структуры представляют собой большой научный интерес, поскольку, на наш взгляд, являются полимодальными образованиями, «пакетами, свертками» разнородной информации, а, следовательно, будут характеризоваться высокой степенью информативности, аттрактивности и воздействия на участников дискурсивного взаимодействия, а также само дискурсивное пространство. Исходя из вышесказанного, основной задачей будем считать изучение механизмов внимания, задействованных в процессе формирования знания посредством мифоконцептов, и выявление видов информации, упаковывающейся в них в процессе интерпретации и реинтерпретации реальности.

В современной научной литературе существуют различные подходы к выделению ментальных механизмов. Так, по мнению П. Тагарда, процесс человеческого познания задействует целый ряд разнохарактерных механизмов – социальных, когнитивных, нейронных и молекулярных [Thagard 2006: 5]. Среди ментальных механизмов автором выделяются *дедукция*, *поиск*, *сопоставление*, *извлечение* и *ротация* [Thagard 2014]. Итальянский исследователь Дж. Бенедетти, анализируя структуру ментальных категорий, говорит о необходимости установить элементарные ментальные операции, лежащие в их основе, а также правила, регулирующие процесс их комбинирования [Benedetti 2005: 3]. Как полагает автор, это весьма сложная задача, поскольку данные операции протекают бессознательно, автоматически, с высокой скоростью. Тем не менее, ему удастся выделить базовые ментальные операции, связанные с таким когнитивным процессом как *внимание*. По мнению Дж. Бенедетти, внимание играет центральную, фундаментальную роль в нашей ментальной жизни не только при восприятии, но и в процессе создания категорий. К таким операциям он относит следующие: *фокализация/фокусирование внимания* (attentional focalization), *рассеивание внимания* (attentional discarding), *изменение интенсивности внимания* (variation in intensity of attentional state), *базовая пространственная операционная схема* (spatial basic operating scheme), *операция репрезентации* (operation of representation), *операция сравнения* (operation of comparison), *операции памяти* (operations of memory) и *временная базовая операционная схема* (temporal basic operating scheme), *контроль присутствия* (presence keeping) [ibid: 6-8]. Полагаем, что все указанные механизмы важны в процессе познания и активизируются в большей или меньшей степени в зависимости от конкретной ситуации.

В данной статье подробнее остановимся на таком когнитивном явлении как *внимание* и соответствующих ментальных операциях – *фокализация/фокусирование внимания*, *рассеивание/ дефокусирование внимания* и *изменение интенсивности внимания*. Следует заметить, что в отечественной когнитивной науке большой вклад в изучение ментальных процессов фокусирования/дефокусирования был внесен О.К. Ирисхановой, что нашло отражение в ряде научных трудов (см., например, [Ирисханова 2007]). Что касается самого когнитивного процесса внимания, то это явление подробно изучалось исследователями в рамках психологии, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики и т.д. Так, в своей работе «Язык и знание» Е.С. Кубрякова говорит о том, что перцептуальные системы постоянно подвергаются массивной бомбардировке сигналов из окружающего мира, но, тем не менее, человеческое сознание выделяет звуки, сцены и т.д. [Кубрякова 2004: 79-80], что, на

наш взгляд, возможно именно благодаря вниманию – сознательному и бессознательному. Согласно классическому определению, внимание – это процесс и состояние избирательной настройки субъекта на восприятие приоритетной информации и выполнение поставленных задач [БПС: 94]. Внимание имеет следующие операциональные характеристики: интенсивность, концентрация, а также объем (широта, распределение), селективность, скорость переключения/перемещения, длительность и устойчивость.

Однако внимание – это не просто набор простейших психических функций, служащих первичному восприятию мира. В современной когнитивной психологии находится все больше подтверждений тому, что внимание играет огромную роль в сложных формах внутренней когнитивной деятельности, в «переходе от простого отражения мира на нашем внутреннем экране к отработанным и более устойчивым, конвенциональным репрезентациям» [Кубрякова 2004: 82], что находит яркое отражение в различных языковых единицах, объективирующих не просто сенсорный опыт, но знание, и английские мифолексемы не являются исключением (на когнитивном уровне за мифолексемами стоят мифоконцепты).

Мифоконцепты представляют собой интереснейший пласт ментальных образований, поскольку, как говорилось выше, характеризуются полимодальностью, т.к. содержат в себе в свернутом виде разнородную информацию, начиная от когнитивной/рациональной, раскрывающей суть понятия, до эмоциональной, оценочной, перцептивной, двигательной и др. Вся эта информация в итоге преобразуется в определенный вид знания о фрагменте нереальности/реальности. Еще одна особенность мифоконцептов – это их принадлежность к абстрактным вербальным моделям или конструкциям, с помощью которых происходит моделирование чувственно невоспринимаемых, нереальных аспектов мира, объективирование ментальных репрезентаций фантазийного характера. Здесь, конечно же, включаются разнообразные ментальные механизмы и операции, в том числе, фокусирования и дефокусирования.

Рассмотрим работу этих механизмов на примере мифоконцепта *Siren* «сирена». В современном англоязычном сознании понятие *Siren* представлено как “(in ancient Greek literature) one of the creatures who were half woman and half bird, whose beautiful singing encouraged sailors to sail into dangerous waters where they died” [CD]; “any of a group of female and partly human creatures in Greek mythology that lured mariners to destruction by their singing” [MW]. С позиций этимологии мифолексема произошла от франц. *sereine* (12 в., современ. франц. *sirène*), от лат. *sirena* [OED], от греч. *σειρήν*, от финик. *sir* «напев» [DL]. Как видим, в основу значения слова положена слуховая перцепция, выражаемая в виде звука, причем характеризуемого как «красивый». На когнитивном уровне наблюдается фокусирование внимания на данной модальности, что на языковом уровне выражается в употреблении эпитета *beautiful*. Кроме того, можно отметить изменение интенсивности внимания в сторону его усиления, за счет использования ментальной операции противопоставления, выражающейся в выборе контрастирующей лексики: *beautiful singing vs. dangerous waters, encourage vs. die, lure by singing vs. destruction*. При этом из фокуса внимания выводится информация о внешнем виде – *half woman and half bird, a group of female and partly human creatures* (здесь, безусловно, можно было бы затронуть еще вопросы концептуальной интеграции, однако объем работы не позволяет сделать это). Подобные описания не редкость для мифологических существ (ср. кентавр, гарпия, русалка и др.). В итоге на

выходе имеем лексическую единицу, характеризующуюся эмотивностью с отрицательным оценочным знаком.

Что касается переносного значения «искусительница, соблазнительница» “*a woman who is considered to be very attractive, but also dangerous*” [CD], “*temptress*” [MW], здесь перцептивный компонент *пение* дефокусируется и передний план выдвигается зрительный перцептивный компонент «привлекательная» и компонент, обозначающий состояние или возможность разрушительных последствий – *dangerous* – “*able or likely to cause harm or death, or unpleasant problems*”.

Таким образом, английские мифоконцепты представляют собой интереснейший способ представления знания о реальном/нереальном мире. Когнитивные механизмы и операции внимания позволяют создавать необычные ментальные конструируемые, которые находят свое выражение в причудливых мифологических образах. Дальнейшее исследование данных ментальных механизмов может помочь пролить свет на специфику мыслительной деятельности человека, его восприятие окружающего мира и возможности лингвистического представления материальных и нематериальных объектов и явлений.

Литература

БПС – Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ, Прайм-Еврознак, 2009.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира М.: ЯСК, 2004.

Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // сб. науч. трудов. М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б., 2007. С. 69-80.

Benedetti G. Basic mental operations which make up mental categories. 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/238694728_Basic_mental_operations_which_make_up_mental_categories (дата обращения: 31.05.2023).

CD – Siren // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/siren> (дата обращения: 31.05.2023).

DL – Siren // Dictionnaire Littré. URL: <https://www.littre.org/definition/sir%C3%A8ne> (дата обращения: 31.05.2023).

MW – Siren // Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/siren> (дата обращения: 31.05.2023).

OED – Siren // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=siren> (дата обращения: 31.05.2023).

Thagard P. Hot Thought: Mechanisms and Applications of Emotional Cognition. MIT Press, 2006.

Thagard P. Brain-Mind: From Neurons to Consciousness and Creativity. Draft 2, University of Waterloo, 2014.

N.V. Shelepova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

MENTAL MECHANISMS OF ATTENTION AS A WAY OF FORMING MYTHOCEPTS (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE ANALYSIS)

The paper presents the results of the study of English mythological concepts, which act as a unique way of embodying various knowledge formats in the modern linguistic consciousness. The subject of the study is the cognitive mechanisms of attention involved in the process of constructing mythological concepts, which are expressed in the language in the form of mytholexemes.

Key words: mythoconcept, mytholexeme, mental mechanisms, perception, attention, focusing, defocusing, knowledge, reality.

А.Б. Чернышев (Рыбинск, Россия)

*Городской общественный научно-экспериментальный фонд «Языковая среда»
alexich_78@mail.ru*

КОГНИТИВНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ИМЕТЬ – ВИДЕТЬ» В ГЛАГОЛАХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И БЕНУЭ-КОНГОЛЕЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Описание когнитивной модели может применяться как в отношении фрагментов знаний о мире, так и семантики языковых единиц. В качестве репрезентации фрагментов знаний исследуется когнитивная модель «иметь – видеть». Теоретический подход членения глаголов на квазиморфы позволил выявить универсальность формирования глаголов и их значений, отражающих исследуемый фрагмент в разноструктурных языках.

Ключевые слова: когнитивная модель, универсалия, словообразование, квазиморф.

Актуальность данного исследования обусловлена как чисто лингвистическими факторами в рамках решения теоретических проблем когнитивного словообразования и компаративистики, так и возрастающим интересом к культуре и языкам Африки на фоне выдвинутых политических и образовательных концепций на состоявшемся летом 2023 г. саммите «Россия – Африка», обозначившем и перспективы дальнейших взаимоотношений двух континентов. Целью работы является анализ словообразовательных моделей в семантическом поле «иметь – видеть», позволяющих рассматривать данный фрагмент человеческого опыта как языковую универсалию. Научная новизна работы определяется тем, что моделируемый фрагмент знаний впервые рассматривается в когнитивном и сопоставительном аспектах таких разных и отдаленных языковых ареалов как индоевропейский и бенуэ-конголезский.

С точки зрения когнитивного, а точнее когнитивно-дискурсивного подхода к словообразовательным моделям в отечественной лингвистике была задана перспективная тенденция рассмотрения в ракурсе пропозициональных структур, образующих языковые формы как результат объективации и категоризации знаний. Как следствие, при таком подходе семантика производного слова закономерно формируется как композиционная, когда вклад каждого компонента производного слова имеет результатом интегративное значение, т.е. суммирование информации о фрагментах знания. При этом сам феномен не до конца предсказуемого и угадываемого значения комплексного знака должен получить свое объяснение. Решение именно данной проблемы было поставлено одной из задач когнитивного словообразования Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004: 440-446].

Что касается способа словообразования с интегрированными компонентами, то он действительно отличается от традиционного, поскольку употребляющиеся с ними образовательные элементы представляют собой усеченную форму, значение которой не лежит на поверхности. И выделение подобных элементов может быть реализовано в рамках морфологической членимости слова, в частности глагола, принципиальным условием которой, по мнению Е.С. Кубряковой, является явная ограниченность пределов сочетаемости таких элементов. Такие неполнозначные с точки зрения речевой самостоятельности «отрезки» слова Е.С. Кубрякова определяет как

квазиморфы [Кубрякова 2008: 60-61], которые в комбинации друг с другом актуализируют когнитивную модель.

Следует отметить, что с момента начального применения термина «когнитивная модель» в лингвистической науке У. Чейфом (1982), неоднократно менялись его понимания. Описание когнитивной модели как «схематизированного ментального образа» применялось в лингвистике неоднократно [Беляевская 2005; Evans 2006].

Альтернативное понимание когнитивной модели в качестве «концептуальной организации опыта» [Пименова 1999: 38], представленное, в частности, в исследовании М.В. Пименовой, основано на выделении ассоциативных признаков, свойств при описании того или иного концепта. Представляемые когнитивные модели позволяют, с одной стороны, ассоциировать на первый взгляд несочетаемые свойства объекта, с другой стороны, выявить универсалии, свидетельствующие о том общечеловеческом опыте познания и восприятия мира человеком. Эти модели в большей степени ориентированы на репрезентацию фрагментов знаний.

В качестве способа описания когнитивной модели как фрагмента в настоящем исследовании нами берется та, которая представляет перенос по схеме «иметь – видеть», относящейся одновременно к категории языковых универсалий. Основанием выделения этой когнитивной модели служат словообразовательные формы глаголов, актуализирующие соответствующие значения в разных языковых семьях – романской группы индоевропейской семьи и группы банту бенуэ-конголезской семьи языков Африки. Поэтому вполне справедливым представляется обозначить такую модель как когнитивно-словообразовательную. Основами глаголов, образующих ряд словообразовательных гнезд, не выходящих за пределы когнитивной модели, выступают *voir* ‘видеть’ во французском языке, *ver* ‘видеть’ в испанском языке, а также морфема *na*, отображающая различные лексико-грамматические варианты значений в африканских языках суахили и кикуйу.

Опишем словообразовательное гнездо с основным комбинаторным элементом с концептом ‘видеть’ в романских – французском и испанском – языках, а именно: глагол *voir* и глагол *ver*. Данные основы актуализируются в значении ‘двигать’ – ср.: *mouvoir* во французском языке и словом *mover* – в испанском. Комбинаторные свойства глаголов со значением ‘видеть’ проявляются и при образовании глаголов *знать* с формами *savoir* во французском и *saber* в испанском.

Концепт ‘видеть’ актуализируется и в словах со значением ‘дождь’. Во французском языке значение ‘дождь’ обозначается глаголом *pleuvoir*. Такая же словообразовательная модель свойственна и испанскому глаголу *llover*. Интегральное значение ‘дождь’ в исследуемых глаголах романских языков – это ‘видение плача’. Французское *pleuvoir*, где *pleurer*–‘плакать’ и испанское *llover* с отдельно имеющим место в словарном составе глаголом *llorar* ‘плакать’.

Обозначение физической возможности, отчасти также связанной с умениями, практическими знаниями, реализуется через глагол *pouvoir* во французском языке. Французский глагол *devoir* со значениями ‘задание’, ‘долг’, ‘быть должным’ также базируется на комбинации квазиморфов *de* и *voir* ‘видеть’. При этом очевидно, что идея долженствования в значении глагола *devoir* лишь на более поздних этапах развития языков превратилась в собственно модальную категорию. К широко используемым глаголам во французском языке с модальной и вспомогательной грамматической функцией относится и глагол *avoir* ‘иметь’, в структуру которого также входит базовый элемент *voir* ‘видеть’.

Обнаружение связи элементарных смыслов в языках абсолютно разных семей с точки зрения как генетической, так и типологической классификации столь разного культурно-языкового пространства, подчеркивает исключительную роль когнитивной семантики в сопоставительных исследованиях. В основе концепта 'иметь' заложена идея видения во французском языке – *avoir* и, наоборот, идея совместности, или обладания, представлена в глаголе со значениями 'видеть', 'чувствовать' в языках суахили и кикуйу – *na* 'иметь', *ona* – 'видеть'.

Когнитивная модель функтора *na* в языках суахили и кикуйу – способ применительно к схематическому представлению языковой единицы – широка и разнообразна с учетом объема свойственных ему лексико-грамматических значений. Помимо лексического значения 'иметь', функтор *na* в суахили употребляется в качестве соединительного союза *u*, отсылая к идее метафорического единства как связи смыслов, заключенных в частях предложения, так и обладания каким-либо предметом.

Довольно разнообразными, но довольно связанными с основной идеей когнитивной модели и находящими параллели в неродственных индоевропейских языках, оказываются грамматические функции. Так, способ выражения долженствования, реализуемый в европейских языках посредством вспомогательных глаголов со значением 'иметь', например, в английской конструкции «*have* + инфинитив» или во французской синтагме «*avoir* + *à* + инфинитив», свойственен и для суахили, где функтору *na* предшествует элемент отрицания *ha* с последующим *budi* 'выход', что буквально переводится как 'не иметь выхода не сделать что-то'.

Во-вторых, квазиморф *na* в суахили употребляется как маркер творительного падежа, как комбинаторная компрессионная единица при функционировании глаголов первого лица единственного числа в грамматическом настоящем неопределенном времени.

Третья функция функтора *na* – грамматическая. Функтор *na* как типичный агглютинативный элемент используется в качестве маркера аспектуальной формы настоящего времени, происходящего в момент речи, либо в отрезок времени. Эта форма имеет формальную связь как с французским настоящим длительным временем в конструкции *être en train de*, где *être* – это 'быть'.

Четвертое значение, также относящееся к разряду грамматических, обуславливает употребление квазиморфа *na* для выражения пассивного залога и преимущественно в возвратных конструкциях, например: *jua* 'знать' – *juana* 'знать друг друга', *samehe* 'прощать' – *sameheana* 'прощать друг друга'. При этом, как известно, в сопоставляемых языках романской группы в некоторых случаях для выражения аналогичного грамматического значения используется модель со вспомогательным глаголом, а именно *être* 'быть' во французском и *ser* 'быть' в испанском с последующим причастием страдательного залога.

Как показывает анализ конкретного материала на примере глагольных форм языков разных семей, когнитивно-словообразовательная модель «иметь – видеть», отображает целый фрагмент картины мира, «наивных» знаний человека о мире и является универсалией, свойственной ряду генетически и типологически разнотипных языков. Данный фрагмент как языковая универсалия свидетельствует об общих принципах интегративной семантики слова, репрезентирующих эту модель глаголов в разнотипных языках и, в свою очередь, об универсальности деятельности человеческого мозга в восприятии и познании мира на ранних стадиях бытия.

Литература

Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики, 2005. № 1. С. 5-14.

Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа: На материале германских языков. М.: ЛКИ, 2008.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира М.: ЯСК, 2004.

Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999.

Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction // Cognitive Linguistics. 2006. № 17. P. 491-534.

A.B. Chernyshev (Rybinsk, Russia)

City Public Scientific and Experimental Foundation «Yazykovaya sreda»

COGNITIVE AND WORD-FORMATION MODEL «HAVE – SEE» IN VERBS OF INDO-EUROPEAN AND BENUE-CONGOLESE LANGUAGES

Description of the cognitive model can be applied both to fragments of knowledge about the world, and to semantics of language units. As a representation of fragments of knowledge, the cognitive model «have – see» is analyzed. A theoretical approach of segmentation of verbs into quasimorphs makes possible to reveal universality of formation of verbs and their meanings that reflect the investigated fragment in languages with different structures.

Key words: cognitive model, universal, word formation quasimorph.

IV. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ. КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

*Н.В. Белозерцева, Д.А. Бондарева (Москва, Россия)
Университет науки и технологий МИСИС
bnv_75@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ КОММУНИКАТИВНО РАВНОЦЕННОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ С ЗАПРЕЩЕННЫМ КОНТЕНТОМ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

В статье изучаются способы достижения коммуникативной эквивалентности при переводе текстов, содержащих запрещенную информацию, с английского языка на русский. На основе анализа англоязычных текстов, содержащих запрещенную информацию, и их перевода на русский язык авторы формулируют правила реализации стратегии коммуникативно равноценного перевода.

Ключевые слова: переводческая стратегия, коммуникативно-равноценный перевод, запрещенный контент, тактика перевода, информационные ограничения.

Процесс перевода может быть затруднен вследствие информационных ограничений, налагаемых законодательством того или иного государства на средства массовой информации под влиянием идеологических установок и политических целей. Достижение коммуникативной эквивалентности в данной ситуации является серьезной переводческой проблемой, вызванной, прежде всего размытостью определений «запрещенная информация», «запрещенный контент», а также отсутствием четко сформулированных правил и этических норм, регулирующих профессиональную деятельность переводчика в деликатных ситуациях.

Необходимо упомянуть, что определение понятия и классификации «запрещенного контента» может меняться в зависимости от культурных, политических и правовых особенностей страны или региона. Например, Европейская комиссия в 1996 г. представила доклад, в котором отметила необходимость бороться с распространением незаконной информации в интернете и выделила два вида контента – «незаконный» и «вредный» [Кириллова 2018: 121]. Сложностью при классификации информационных ограничений на территории Российской Федерации (далее – РФ) является отсутствие общепринятого определения незаконной информации, а также тот факт, что не вся информация, которая неприемлема к распространению, является запрещенной на законодательном уровне, либо эти законы только начинают вступать в силу [Панкеев 2018: 30].

Несмотря на то, что статья 3 «Закона о средствах массовой информации» провозглашает недопустимость цензуры в РФ, контент, запрещенный для перевода на русский язык на территории Российской Федерации, может включать следующие категории [Кириллова 2018: 117]:

- экстремистский контент;
- контент, пропагандирующий отрицание традиционных ценностей;
- распространение информации, дискредитирующей действия властей;
- информация о лицах иностранного влияния;

- контент, нарушающий права человека;
- контент, связанный с распространением наркотических средств.

Представленная выше классификация не является исчерпывающей, тем не менее, она отображает одни из важнейших информационных ограничений, которые могут оказывать влияние на процесс и результат перевода.

Целью данного исследования является изучение способов сохранения коммуникативной функции англоязычного оригинала при переводе на русский язык в условиях информационных ограничений, обусловленных законодательством РФ.

Прежде всего, уточним понятие «переводческая стратегия». Одним из первых, кто изучал сущность переводческой стратегии был немецкий ученый Х. Крингс. Он связывает данное явление с когнитивной деятельностью переводчика, направленной на решение конкретной переводческой проблемы [Krings 1986: 22]. В.В. Сдобников, рассматривая стратегию как деятельность переводчика и опираясь на теорию речевой деятельности А.А. Леонтьева, утверждает, что стратегия перевода включает себя несколько компонентов и особенно акцентирует внимание на коммуникативной ситуации [Сдобников 2011: 166]. Так, любое действие в переводе должно быть совершено с учетом действующей социальной обстановки, включая выявление инициатора перевода, реципиента, переводчика и определение цели перевода. Понятие коммуникативной ситуации перевода (КСП), положенное в основу классификации переводческих стратегий, позволило В.В. Сдобникову выделить три разновидности: стратегия коммуникативно равноценного перевода, стратегия переадресации и стратегия терциарного перевода. Стратегия коммуникативно равноценного перевода используется в тех случаях, когда коммуникативная ситуация на языке исходного текста и на языке перевода схожи. В этом случае переводчик стремится сохранить максимальную коммуникативную равноценность между исходным текстом и переводом, а именно смысл, стиль и форму текста.

При переводе многих текстов (например, газетно-публицистического стиля) требуется коммуникативно равноценный перевод. Но в условиях, когда существуют информационные ограничения, возникает множество вопросов: насколько достижима коммуникативная равноценность? Посредством каких тактик она может быть достигнута? Какого алгоритма действий должен придерживаться современный практикующий переводчик/редактор переводов, чтобы его профессиональная деятельность не нарушала законы РФ?

По мнению В.В. Сдобникова, реализация коммуникативно-равноценной стратегии перевода, возможна с помощью шести тактик [Сдобников 2015: 48]: стилистической адаптации текста; правильного оформления информации; эксплицирования подразумеваемой информации; тактики прагматической адаптации текста; полной и точной передачи информации; а также воспроизведения стилистических особенностей текста.

В процессе сопоставительного анализа текстов англоязычных статей и их перевода, представленного на сайте ИноСМИ, нами были выявлены методом сплошной выборки сто примеров вышеуказанных тактик, направленных на реализацию стратегии коммуникативно-равноценного перевода. Тематика статей включала такие аспекты как коррупция, военные действия, пропаганда ЛГБТ, т.е. нежелательный контент, который важно передать в соответствии с законами РФ.

Применив метод количественных подсчетов, мы пришли к выводу, что наиболее продуктивной оказалась тактика стилистической и прагматической адаптации текста (34% и 31 % соответственно). Тактика полной и точной передачи информации

встречалось в 11% случаев, тактика эксплицирования подразумеваемой информации в 17%, воспроизведение стилистических особенностей текста в 12% случаев, в то время как тактика правильного оформления текста использовалась наименее часто – 5%.

Рассмотрим некоторые примеры подробнее.

Целью тактики *стилистической адаптации текста* является достижение такого же стилистического воздействия на читателя, как в исходном тексте. Наиболее частая операция – опущение не первичной информации либо замена экспрессивного элемента нейтральным, не приводящим к потере денотативного значения. Например:

Graft has been present in Russian society for centuries.

Перевод ИноСМИ: *Воровство* в России — явление не новое.

Во многих словарях “graft” переводится как «взяточничество», «казнокрадство» и «коррупция». В переводе ИноСМИ создается более нейтральный образ данного явления. В отличие от оригинала, оно не несет в себе негативной коннотации, связанной с дискредитацией властей. В данном предложении переводчик прибегает к замене выразительно-оценочной лексической единицы путем использования нейтрального слова с сохранением смыслового значения. Функция коммуникативно равноценной стратегии сохранена, т.к. смысл оригинального текста передан.

Еще одним примером стилистической адаптации может служить передача слова “the war” применительно к статьям о специальной военной операции на Украине. В соответствии с требованиями Роскомнадзора называть военные действия «войной», «вторжением», «нападением» не рекомендуется. В результате наиболее часто данное слово переводится как «конфликт» либо «специоперация».

Примером тактики правильного оформления информации может служить, например, указание в переводе правовой статус той или иной организации на территории РФ. Например:

Facebook, Google, Apple, Microsoft, and Amazon are only the most recent of these.

Перевод ИноСМИ: Достаточно упомянуть лишь последнее их поколение – *Facebook**, *Google, Apple, Microsoft* и *Amazon*. **деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram)* запрещена в России как экстремистская.

В английском языке чаще встречаются импликация информации, чем в русском, поэтому в тактике *эксплицирования подразумеваемой информации* наиболее частой операцией является добавление и конкретизация подразумеваемой информации. Например:

Mr Putin’s recent decision to launch a partial mobilisation has dealt a further economic blow.

Перевод ИноСМИ: Недавнее решение *Владимира* Путина объявить в стране частичную мобилизацию еще больше *увеличит нехватку рабочих мест и подорвет экономические перспективы страны*.

На основе проведенного анализа были сформулированы практические рекомендации перевода текстов, содержащих запрещенный материал, чтобы минимизировать потерю информации и сохранить коммуникативную функцию текста. Переводчику следует изучить законодательство страны, для которой предполагается выполнение перевода, а также виды контента, относящегося к запрещенному. Владение тактиками реализации стратегии коммуникативно равноценного перевода поможет грамотно подобрать переводческое решение. С целью смягчения негативного эффекта отдельных лексических единиц следует прибегать к синонимической замене, выбирая слова с нейтральной коннотацией. Опущение и добавление также могут использоваться для достижения коммуникативной эквивалентности.

Литература

Кириллова Н.М. Негативный контент в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: проблемы определения и классификации // Вестник Московского университета, 2018. № 4. С. 116-127.

Панкеев И.А. Правовое поле массмедиа: тренды последних лет / под. ред. И.А. Панкеев, А.А. Тимофеев // Меди@льманах. 2018. № 2(85). С. 27-34.

Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация / В.В. Сдобников. М.: Флинта, 2015.

Сдобников В.В. Стратегия перевода: общее определение // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. №1 (13). С. 165-172.

Krings H.P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern. Tübingen: Narr, 1986.

N.V. Belozertseva, D.A. Bondareva (Moscow, Russia)
NUST MISIS

RENDERING TEXTS WITH ILLEGAL INFORMATION CONTENT UNDER INFORMATION CONSTRAINT: IN SEARCH OF COMMUNICATIVE EQUIVALENCE

The article delves into the translation techniques, used in the communicative-functional approach to translation of English texts with illegal information content into the Russian language. On the comparative translation analysis data the authors draw conclusions, offering ways of communicative-functional approach to translation implementation.

Key words: translation strategy, communicative-functional approach to translation, illegal information content, translation technique, information constraint.

А.А. Билялова (г. Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
abill71@mail.ru

Е.Б. Цыганова (г. Набережные Челны, Россия)
Набережночелнинский государственный педагогический университет
ets75@yandex.ru

ПЕРЕВОД МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Объектом данного исследования послужили оригинальные английские природоморфные метафоры в текстах экономической тематики и способы их перевода на русский язык. Результаты анализа способов перевода метафор из текстов англоязычного экономического дискурса показывают, что передать оригинальный метафорический образ не всегда возможно, но различия в концептах могут быть преодолены при грамотном выборе переводческой стратегии.

Ключевые слова: природоморфные метафоры, экономический дискурс, способы перевода.

Введение

Один из самых сложных вопросов перевода текстов экономической тематики заключается в том, что тексты экономического дискурса включают в себя большое количество специализированных терминов и клише, многие из которых основаны на метафорическом восприятии этого вида человеческой деятельности. Проблемы перевода состоит в том, что метафоры используются отправителем сообщения не

только для создания определенного стилистического эффекта, но и транслируют культурное значение, отражая собственный языковой код, при этом один и тот же метафорический образ часто не совпадает со значением в другом языке. Таким образом, процесс перевода метафор сопряжен с анализом лингвистических и культурных различий между ИЯ и ПЯ, что требует использования определенных стратегий для передачи предполагаемого значения. Актуальность исследования заключается в необходимости уточнения способов перевода метафор в экономических текстах, что позволит усовершенствовать стратегии передачи текстов экономической тематики с английского языка на русский и повысит качество трансляции специального научного знания.

Обзор имеющихся исследований подтверждает, что многочисленные работы по изучению метафоры включают в себя подробный анализ значения метафоры в художественной литературе, поскольку традиционно метафора рассматривалась как риторический прием художественных литературных текстов [Попова, Казарцева 2017; Токарева 2019; Chita, Stavrou 2020]. Однако потенциал метафоры не ограничивается рамками художественного текста, функциональный диапазон метафоризации достаточно широк и в других видах дискурса, например научном, техническом, политическом, экономическом, медицинском и т.д. [Дубровина 2020; Лосева 2018; Bielenia-Grajewska 2009; Molchanova 2019]. Как отметили Н.А. Мишанкина и Е.А. Панасенко перевод метафор в подобных текстах становится более сложным, поскольку текст включает в себя инновационные научные, технологические, специальные термины [Мишанкина, Панасенко 2017:88]. Таким образом, опытные переводчики должны быть знакомы с культурными, социальными и языковыми особенностями как исходного, так и переводного текстов, поскольку метафора является отражением культурных языковых кодов. Принимая во внимание такое положение дел, настоящее исследование направлено на изучение стратегий перевода метафор с английского на русский язык в текстах экономической направленности.

Материалом исследования послужили тексты из англоязычного журнала, тематически относящегося к предметной сфере «Экономика» “Economic Science”. Перевод всех примеров, использованных в ходе исследования, был взят с официального сайта ИноСМИ.

Основная часть

При переводе метафор в рамках экономического дискурса основной целью является достижение переводческой эквивалентности, которая обеспечивает сохранение смысла и стиля оригинального текста и передает намерение автора наиболее точно. В данной работе за основу было принято определение В.Н. Комиссарова: «Эквивалентность перевода (от лат. *aequus* равный, равноценный и *valentis* имеющий силу, основательный) – общность содержания (смысловая близость), равноценность текстов оригинала и перевода» [Комиссаров 1990].

На сегодняшний день метафорический пласт является неотъемлемой частью экономического лексикона, который обладает специфическими чертами, отражающими культурные языковые характеристики. Культурная, языковая и контекстуальная специфика экономических метафор является основной проблемой при их переводе. При переводе метафор в текстах экономической направленности нами были изучены переводческие стратегии с учетом классификации метафор, в основу которой лег семантический принцип [Чудинов 2003].

В рамках данной классификации особый интерес представляют природоморфные (натуроморфные) метафоры, которые используются в текстах англоязычного

экономического дискурса. Отметим, что под природоморфным кодом мы понимаем перенесение на участников экономического дискурса качеств, присущих животному и растительному миру, а также параметров стихий – огня, воды, земли и воздуха.

Обратимся к примерам из статей, опубликованных на сайте изданий EconomicScience.

1. *In the post pandemic western world the prospect of galloping inflation emerging in our economies is significantly heightened.* (ECONOMICSCIENCE, 2021). – *В западном мире, пережившем пандемию, перспектива галопирующей инфляции, возникающей в наших экономиках, значительно возрастает.* [ИноСМИ, ECONOMICSCIENCE, 2023].

В указанном примере способность лошади к самому быстрому передвижению (галопу) приписывается инфляции, что создает природоморфный, а конкретно зооморфный метафорический код. При переводе на русский язык используется прием транслитерации, суть которого состоит в передаче звуковой имитации переводимого слова. Данный прием дает возможность передачи лаконизма и выразительности подлинного метафорического выражения.

2. *“The closer you get to the ground, you find all sorts of funny business going on” – Ethiopia’s flawed election* (The Economist, 2021) – *«Чем ближе вы к земле, тем больше происходит всяких забавных дел» – ошибочные выборы в Эфиопии* (ИноСМИ, The Economist, 2021).

В данном примере в составе метафорического образа задействован такой метафорический код, как земля, которая в приведенном контексте выступает символом смерти. При переводе с английского языка на русский данный метафорический образ сохраняется, что обусловлено тем, что в английской и русской культурные традиции погребения во многом совпадают, в частности погребение усопших.

3. *The ruble has been on a steady incline since mid-April, supported by rising oil prices and a hawkish Central Bank of Russia, but a geopolitical cloud is forming as President Vladimir Putin prepares to meet with U.S. President Joe Biden on Wednesday* (ECONOMIC SCIENCE, 2021). – *Начиная с середины апреля курс рубля неуклонно укреплялся, чему способствует рост цен на нефть и агрессивная политика Центрального банка России. Однако в преддверии встречи между президентом США Джо Байденом (Joe Biden) и президентом Владимиром Путиным, проведение которой ожидается в среду, начинает формироваться геополитическая туча* (ИноСМИ, ECONOMICSCIENCE, 2021).

В примере выше используется метафоры по двум природоморфным метафорическим кодам: по зооморфному и стихияморфному. В основе метафоры “ahawkishCentralBankofRussia” лежит сравнение политики банка с такой характеристикой ястреба, как умение стремительно атаковать. При передаче данного метафорического выражения был использован прием контекстуальной замены с целью достижения максимальной эквивалентности перевода.

При переводе метафоры “ageopoliticalcloud”, в основе которой лежит такое природное явление, как непогода, был применен прием калькирования, что вполне оправдано в виду того, что лингвокультурное представление о туче как о символе ухудшения совпадают в двух культурах.

Заключение

Широкое использование метафоры в экономическом дискурсе объясняется тем, что данное стилистическое средство является полезным языковым инструментом для передачи сложных идей с помощью простых образов. Задача перевода метафорических выражений связана со сложным процессом нахождения соответствующих понятий в

языке перевода в целях предотвращения возникновения препятствия в сфере межкультурного общения в области экономики. При переводе метафор, образованных по природоморфному коду и используемых в рамках экономического дискурса, используются такие приемы перевода, как калькирование, прием контекстуальной замены, транслитерация, использование эквивалентного соответствия.

Литература

Дубровина И.И. Метафора в юридическом дискурсе: приемы перевода // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 1. С. 84-94.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990.

Лосева О.М. Живые метафоры в научно-техническом тексте (на примере текстов по машиностроению) // Гуманитарный вестник. 2018. № 1 (63). С. 1-7. DOI: 10.18698/2306-8477-2018-1-502.

Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А. База данных метафорической терминологии: концептуальное проектирование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 6 (34). С. 86-99.

Попова Н.Б., Казарцева В.В. Функционирование метафоры в итальянской поэзии герметизма // Евразийский гуманитарный журнал ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет». 2017. С. 45-51.

Токарева А.Л. Персонифицирующие и предметные метафоры гнева в современной итальянской художественной прозе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 10 (826). С. 103-110.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал.гос. пед. ун-та, 2003.

Bielenia-Grajewska M. The role of metaphors in the language of investment banking // Iberica. 2009. V. 17. Pp. 139-156.

Chita A., Stavrou Ch. The Metaphor in Literature and the Effect on Translation // Nordic Journal of English Studies. Chita A., Stavrou Ch. V. 19. Iss. 2. 2020. P. 117-142.

Molchanova I., Kurilenko V., Biryukova Y., Kulikova E., Makarova M. Specifics of translating metaphors from English into Russian in medical discourse // Proceedings of INTCESS 2019. 6th international conference on education and social sciences. Dubai. U.A.E. 2019. P. 122-128.

A.A. Bilyalova (Kazan, Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

B. Tsyganova (NaberezhnyeChelny, Russia)

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

TRANSLATION OF METAPHORS IN ECONOMIC DISCOURSE TEXTS

The object of this study is the original English nature-based metaphors in texts related to economics and the ways of translating them into Russian. The results of the analysis of the methods of translating metaphors from English-language economic discourse show that it is not always possible to convey the original metaphorical image, but differences in concepts can be overcome with a competent choice of translation strategy.

Key words: nature-based metaphors, economic discourse, modes of translation.

М.Ю. Васильева (Казань, Россия)

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова

marinotshka2008@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ И РЕАЛИЙ ИСКУССТВА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ» И Г. ЗАВАЦКОГО “WIR SELBST” / «МЫ САМИ»)

Статья посвящена исследованию лингвокогнитивных особенностей отражения немецких культурных реалий на материале романов Г. Яхиной «Дети мои» и Г. Завацкого “Wir selbst” и специфике языковой репрезентации данных реалий в языковом сознании немцев Федеративной Республики Германия (ФРГ) и российских немцев.

Ключевые слова: реалия, культурные реалии, ассоциативный эксперимент, российские немцы, немцы ФРГ.

Национально-культурное своеобразие и особенности мироосвоения народа отражаются в особом пласте безэквивалентной лексики – словах-реалиях. По мнению Э. Драготы-Сабо, реалии являются «интертекстуальным элементом в макротексте культуры, ...важными звеньями культурного макротекста/ макродискурса» и рассказывают в большей мере не индивидуальные, а коллективные истории [Drahota-Szabó 2013: 28; 50]. Исследователи [Влахов, Флорин 2012; Виноградов 2001; Томахин 1988; Левина 2006] классифицируют слова-реалии чаще всего по предметному признаку, выделяя, к примеру, этнографические, общественно-политические, ономастические реалии. Одним из видов этнографических реалий являются культурные реалии и реалии искусства, которые будут рассмотрены в данной статье на материале романов Гузель Яхиной «Дети мои» и Герхарда Завацкого “Wir selbst” («Мы сами»).

Оба романа повествуют о жизни поволжских немцев в начале XX века, становлении и развитии Республики немцев Поволжья. Произведение “Wir selbst” называют важнейшим романом поволжских немцев во время между двумя мировыми войнами [Gansel 2020: 206]. Роман «Дети мои» является реалистичным в этнографическом плане [Gansel, Kulkova, Jachina 2020: 486].

Основываясь на научных работах С.И. Влахова и С.П. Флорина, В.С. Виноградова, а также на основе анализа романа «Дети мои» и его перевода на немецкий язык и романа “Wir selbst” нами была разработана следующая классификация немецких культурных реалий и реалий искусства:

а) литература: *йенский романтизм* [Яхина 2018: 19] – *Jenaer Romantik* [Jachina 2019: 17], *баллады Гете и Шиллера* [Яхина 2018: 61] – *die Balladen von Goethe und Schiller* [Jachina 2019: 67], *сказки братьев Гримм: «Живая вода», «Три пряжи», «Семеро братьев», «Девушка-безручка»* [Яхина 2018: 239] – “*Das Wasser des Lebens*“, “*Drei Spinnerinnen*“, “*Sieben Brüder*“, “*Das Mädchen ohne Hände*“ [Jachina 2019: 283]. Нужно заметить, что в романе Г. Яхиной ярко представлены имена немецких писателей-романтиков, цитируются произведения Гете, большое значение автор придает сказкам братьев Гримм. О Бахе как носителе культурной памяти в немецкой общине пишут исследователи К. Ганзель и М. Кулькова [Gansel, Kulkova 2019: 154]. Они указывают на то, что главный герой Якоб Бах использует канонические тексты немецкой литературы, в числе которых баллады Шиллера и Гете, для «введения» героини Клары в немецкую культуру (“...um Klara in die deutsche Kultur einzuführen”) (Там же). Об этом

же пишет и О.А. Лисенкова, утверждая, что именно немецкие литературные и фольклорные произведения помогают российским немцам «сохранить национальную и культурную идентичность» и «связывают колонистов с исторической родиной» [Лисенкова 2020: 386].

б) фольклор (паремии, народные сказки, легенды): *Übung macht den Meister* [Sawatzky 2020: 691] – *Дело мастера боится* (здесь и далее – перевод Васильевой М.Ю.), *Borgen macht Sorgen* [Sawatzky 2020: 101] – *Долги порождают заботы*;

в) мифология: *die Hexe* [Sawatzky 2020: 206] – *ведьма, черти* [Яхина 2018: 225] – *Teufel* [Jachina 2019: 266];

г) средства массовой информации: „*Berliner Tageblatt*“, „*Lokal-Anzeiger*“ [Яхина 2018: 417] – „*Berliner Tageblatt*“, „*Lokalanzeiger*“ [Jachina 2019: 496];

д) обычаи, традиции: приглашение на похороны пастора или шульмейстера [Sawatzky 2020: 308];

е) суеверия, приметы: *Положила на пол у кровати кухонный нож – от Тильды знала, что это уймет боль* [Яхина 2018: 123] – *Auf dem Boden neben dem Bett legte sie ein Küchenmesser – Tilda hatte ihr beigebracht, das lindere den Schmerz* [Jachina 2019: 142];

ж) праздники: *Пасха* [Яхина 2018: 26] – *Ostern* [Jachina 2019: 25], *Erntefest* [Sawatzky 2020: 836] – *праздник урожая*;

з) религиозные культы, их служители, культовые здания и предметы: *епископ* [Яхина 2018: 60] – *der Bischof* [Jachina 2019: 65], *Gesangbücher* [Sawatzky 2020: 308] – *сборник песнопений*;

и) календарь: *февраль*, «*месяц сбора оленьих рогов*» [Яхина 2018: 179] – *“Hornung”* [Jachina 2019: 211];

к) музыка и танцы: *die Hopsapolka* [Sawatzky 2020: 316] – *хопса-полька*.

Нами было предпринято исследование языковой репрезентации культурных реалий и реалий искусства у немцев Федеративной Республики Германия (ФРГ) и российских немцев, проживающих в Российской Федерации (РФ). Для выявления психолингвистических значений реалий в данных этнических группах был проведен направленный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 246 немцев ФРГ и 166 российских немцев. Ассоциативный эксперимент является одним из эффективных методов лингвистического исследования, который позволяет «вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, ...его семантические «обертонны»» [Уфимцева 2011: 234]. Испытуемые получили в бумажном или электронном виде анкету со словосочетаниями-стимулами *deutsche Märchen / Sagen sind...* ‘*немецкие сказки / легенды – это ...*’ соответственно, к которым необходимо было записать любые ассоциации. В результате эксперимента на базе ассоциативных полей были выявлены психолингвистические значения, которые затем были описаны по методике семантической интерпретации ассоциатов с выделением ядерных и периферийных значений [Попова, Стернин 2007: 143-145]. Все значения с показателем выше 20% были отнесены к ядерным, от 10% до 20% – к ближней периферии, от 5% до 10% – к дальней периферии и менее 5% – к крайней периферии. Таким образом, немецкие сказки и легенды в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев представлены следующим образом (рис. 1 и рис. 2).

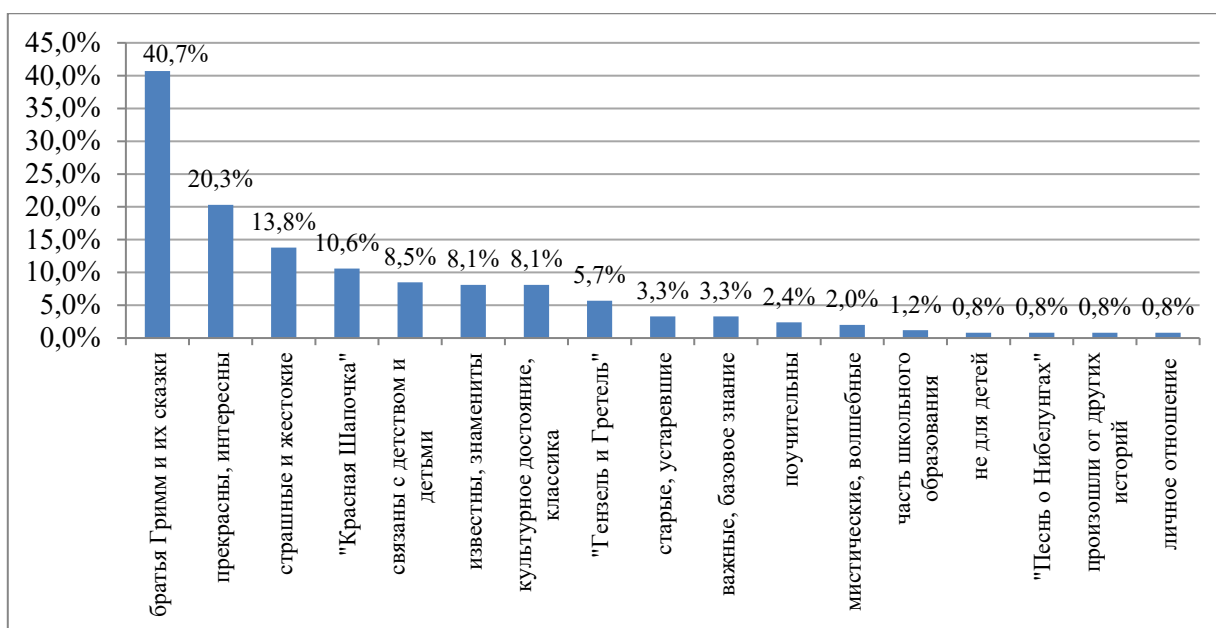

Рис. 1. Немецкие сказки и легенды в языковом сознании немцев ФРГ по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: июнь-июль 2022 г.)

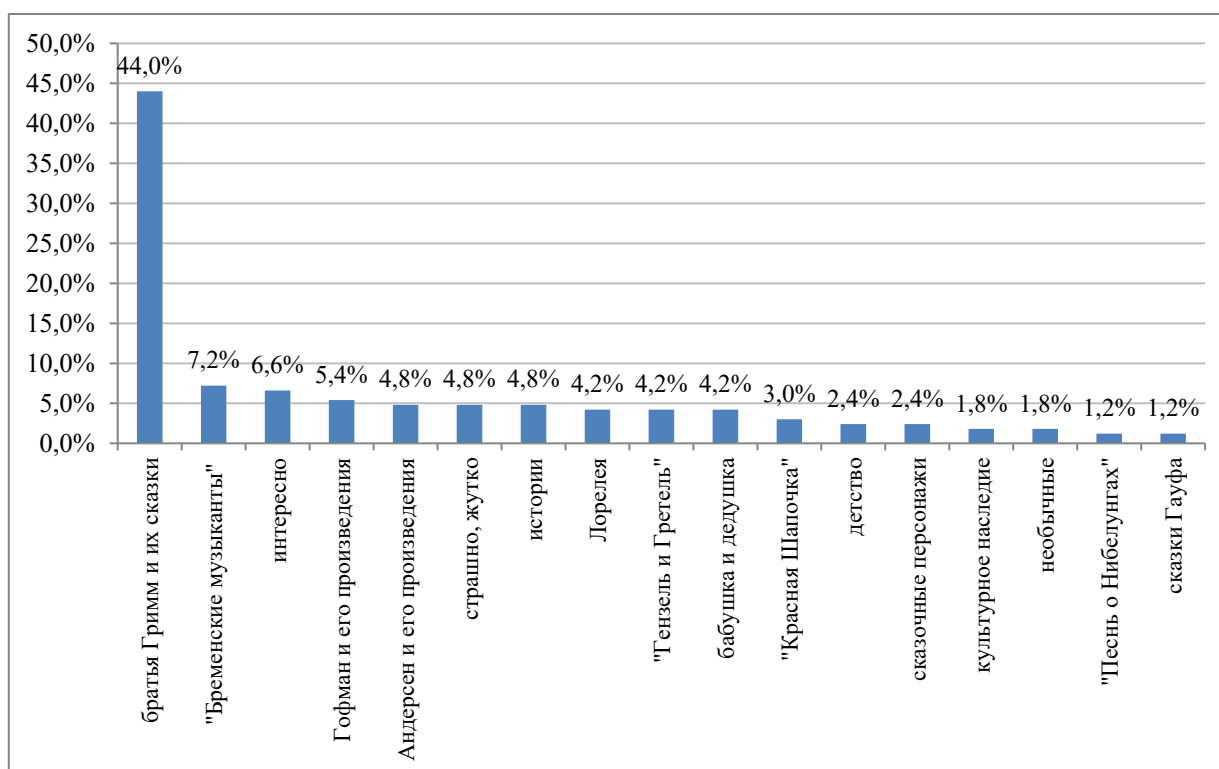

Рис. 2. Немецкие сказки и легенды в языковом сознании российских немцев по результатам ассоциативного эксперимента (период проведения: сентябрь-октябрь 2022 г.)

В результате предъявления стимула «deutsche Märchen / Sagen sind... или «немецкие сказки / легенды – это ...» было получено 303 реакции в группе немцев ФРГ и 192 реакции в группе российских немцев, включая отказы.

В языковом сознании и немцев ФРГ, и российских немцев немецкими сказками являются, прежде всего, сказки братьев Гримм со значениями 40,7% и 44% соответственно, при этом почти половина испытуемых в обеих группах назвала лишь имя немецких братьев, подразумевая его как синоним сказкам. Кроме того, к ядерным

значениям в языковом сознании немцев ФРГ относится значение «прекрасны, интересны» (20,3%, реакции *schön* 'красивый, прекрасный', *interessant* 'интересный'). Значение «интересно» выделяется и российскими немцами, но оно находится на дальней периферии (6,6%). На ближней периферии в языковом сознании немцев ФРГ немецкие сказки и легенды имеют значения «страшные, жестокие» (13,8%) с наиболее частотными реакциями *brutal* 'жестокый', *gruselig* 'жуткий', *düster* 'мрачный' и значение «Красная Шапочка» (10,6%). Примечательно, что в романе «Дети мои» автор Г. Яхина описывает литературные и фольклорные произведения схожим образом: «трагические немецкие баллады, выросшие из жестоких сказок и мрачных легенд...» [Яхина 2018: 62]. Значения «страшно, жутко» и «Красная Шапочка» выделяются российскими немцами с наименьшей частотой – 4,8% и 3% соответственно, значения расположены на крайней периферии. В языковом сознании российских немцев на ближней периферии значения отсутствуют.

На дальней периферии немцами ФРГ и российскими немцами актуализируются значения различных сказок братьев Гримм: если для немцев ФРГ это сказка «Гензель и Гретель» (5,7%), то для российских немцев релевантной является сказка «Бременские музыканты» (7,2%). Кроме того, российскими немцами отмечается Гофман и его произведения (5,4%). На дальней периферии немецкие сказки и легенды у немцев ФРГ обладают значениями «связанные с детством, детьми» (8,5%), «известные, знаменитые» (8,1%) и «культурное достояние» (5,7%). Российскими немцами значения «детство» (2,4%) и «культурное наследие» (1,8%) актуализируются на крайней периферии. Любопытно, что российскими немцами названо десять сказок Гримм, в то время как немцы ФРГ вспомнили две сказки. В то же время в языковом сознании российских немцев на крайней периферии значения находится датский писатель Ганс Кристиан Андерсен с его сказками.

Таким образом, в результате анализа романов «Дети мои» и “Wir selbst” были выявлены культурные реалии и реалии искусства российских немцев, к которым относятся литературные и фольклорные произведения, мифологические персонажи, традиции, праздники, суеверия, танцы, религиозные предметы и служители, календарь и средства массовой информации. Ассоциативный эксперимент показал, что типичными немецкими сказками и легендами для немцев ФРГ и российских немцев являются сказки Гримм, которые широко используются Г. Яхиной в повествовании о жизни поволжских немцев.

Литература

Виноградов В.С. Введение в переводоведение [общие и лексические вопросы]. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.

Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012.

Левина Э.А. Языковые реалии в прагма- и социолингвистическом аспекте (на материале русских и немецких романов первой половины XX в. и их переводов): дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

Лисенкова О.А. Мифическое и профанное время в романе «Дети мои» Гузели Яхиной // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности: коллективная монография. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 385-394.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. М.: Высш. шк., 1988.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Изд-во Института языкознания РАН, 2011.

Яхина Г. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.

Drahota-Szabó Erzsébet Realien – Intertextualität - Übersetzung Landau: Verl. Empirische Pädagogik, 2013.

Gansel C. Gerhard Sawatzkys „Wir selbst“ (1938/2020). Der vernichtete Roman über die wolgadeutsche Republik in der Sowjetunion und seine Neuedition // Deutschland – Russland. Topographien einer literarischen Beziehungsgeschichte. Verbrecher Verlag Berlin 2020. S.201-234.

Gansel C., Kulkova M. Zur Funktion von Gedächtnis und Erinnerung in Gusel Jachinas Wolgakinder. 2019. S.137-165. URL: http://www.gfl-journal.de/1-2021/Gansel_Kulkova.pdf.

Gansel C., Kulkova M., Jachina G. „Diese Geschichte ist für mich sehr persönlich“. Ein Gespräch. // Deutschland – Russland. Topographien einer literarischen Beziehungsgeschichte. Verbrecher Verlag Berlin 2020. S.479-489.

Sawatzky G. Wir selbst. Roman. Verlag Galiani Berlin, 2020.

Jachina G. Wolgakinder. Aufbau Verlag, 2019.

M. Yu. Vasilyeva (Kazan, Russia)

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

FEATURES OF LANGUAGE REPRESENTATION OF CULTURAL REALITIES AND REALITIES OF ART OF RUSSIAN GERMANS (BASED ON THE EXAMPLE OF NOVELS BY G. YAKHINA “A VOLGA TALE” AND G. SAWATZKY “WIR SELBST” / “WE OURSELVES”)

The article is devoted to the study of linguocognitive features of the reflection of German cultural realities based on the novels by G. Yakhina “My Children” and G. Sawatzky “Wir selbst” and the specifics of the linguistic representation of these realities in the linguistic consciousness of the Germans of the Federal Republic of Germany and Russian Germans.

Key words: realia, cultural realities, associative experiment, Russian Germans, Germans of Germany.

Л.Д. Гусейнова (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

lalochka555@gmail.com

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ЕДИНИЦА ФРАНЦУЗСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Мемы, встречающиеся на интернет-платформах, отражают современное представление о французах и их укладе жизни. Благодаря своей скорости передачи информации на просторах интернета, они способствуют массовому привлечению людей к насущным вопросам и проблемам, а также лучшему их пониманию. При изучении особенностей французской культуры интернет-мемы являются наиболее яркими ее трансляторами.

Ключевые слова: интернет-мем, социокультурное пространство, интернет-коммуникация, юмор, французская культура

Интернет-мемы – это сравнительно молодое явление социокультурного пространства, которое несет в себе различные особенности той или иной культуры, находящие свое отражение сквозь призму языка.

Р. Докинз определял понятие мема как единицу, способную накапливать, а также распространять информацию, имеющую определенный культурный характер, и передающуюся от одного человека к другому [Докинз 2013]. Исследователь сравнивает

мем с геном в связи с тем, что мем представляет собой живую единицу, которая может быть также воспроизведена и в другом организме.

Как известно, позднее данное понятие было расширено другими исследователями. Так, будучи культурной единицей, мем, определяемый Ю.В. Щуриной как определенный культурный образ или объект, появляется в интернет-пространстве совершенно внезапно, и так же быстро поглощается пользователями сети [Щурина 2010: 162]. Несомненно, понятие мема невозможно рассматривать за пределами социокультурного пространства, ведь мем является транслятором лингвокультурных особенностей того или иного общества и позволяет наиболее четко проследить за важными составляющими его современной жизни.

Действительно, мемы появляются в сети с определенной целью. Представляя собой в широком понимании картинку с текстом, интернет-мем является целостной единицей, несущей определенный посыл, ведь он акцентирует внимание людей на конкретном аспекте. Кроме того, необходимо отметить, что особенность интернет-мемов заключается в применении в них юмора (ирония, сатира и т.д.), который, как правило, завуалирован, а быстрота передачи информации, ее распространенность (вирусность), эмоциональность, серийность, актуальность, реплицируемость, полимодальность, а также минимализм формы и др. – одни из ключевых характерных черт мемов, живущих на просторах интернета [Канашина 2017: 86-88].

Подобный информационный поток также становится частью актуальной французской интернет-коммуникации. Так, французские интернет-мемы можно встретить в сети на различных платформах, таких как: социальные сети (Instagram, Facebook и др.), блоги, форумы, чаты и др. Это наиболее популярны как среди молодежи, так и даже среди старшего поколения, интернет-платформы, с помощью которых французы обмениваются той или иной информацией.

В самом деле, учитывая постоянное стремление французов к свободе, они также активно и свободно ведут свою жизнь на просторах интернета. В частности, французы часто публикуют мемы, отражающие современные аспекты, а также сложившиеся и устойчивые особенности уклада жизни французского общества, с целью их значительного распространения, а также привлечения как можно большего количества соотечественников и не только к решению актуальных проблем и насущных вопросов, в том числе к трансляции отличительных особенностей французской культуры.

Таким образом, в результате функционирования мемов в интернете представляется возможным определить значимые составляющие аспекты современного французского социокультурного пространства, что позволяет лучше понять представителей данной культуры. Итак, рассмотрим наиболее популярные темы, являющиеся основополагающими для создания мемов среди отобранных нами, которые встречаются наиболее часто в интернет-коммуникации французов.

Так, например, известно, что за последние несколько лет принципиально важной проблемой как для французов, так и всего человечества в целом, стало возникновение и стремительное распространение коронавируса COVID-19. Действительно, данный вирус затронул в свое время практически весь мир, и, более того, люди все еще продолжают испытывать значительные последствия пережитой пандемии, в связи с чем насчитывается огромное количество распространившихся в интернете мемов на данную тему.

Рис. 1

Рис. 2

Представленный на рис. 1 мем описывает состояние французов во время пандемии. Фраза *Nous sommes en guerre* – *Мы на войне*, а также указание дат на картинках транслируют восприятие французами событий, вызванных распространением коронавируса по всему миру, в результате чего человечеству пришлось бороться с COVID-19, будто они на войне. Однако нижняя картинка этого мема, иллюстрирующая человека крупного телосложения (что не свойственно французам), лежащего дома на диване с едой и пультом в руке, отражает полное отсутствие активности в жизни французов на тот момент. Также, исходя из мема, изображенного на рис. 2, можно определить, что для французов, которые всегда являлись воплощением утонченности, элегантности и уделяли особое внимание своему здоровью, в частности, сохранению фигуры, пандемия нарушила их привычный образ жизни, в результате чего они не смогли сохранить свою физическую форму (*Le confinement est fini. Comment on va sortir?* – *Карантин закончился. Как же мы выйдем?*).

О здоровье и привычках французов говорят следующие мемы (рис. 3 и 4).

Рис. 1

Moi quand on me parle alors que j'ai pas encore pris mon café

Рис. 2

Из интернет-мема, показанном на рис. 4, видно, что для французов выпить чашечку кофе по утрам и не только – это залог хорошего настроения (*Moi quand on me*

parle alors que j'ai pas encore pris mon café – Когда кто-то разговаривает со мной до того, как я выпью кофе), ведь известно, что французы в основном предпочитают именно кофе, а не чай, и это становится для них некой традицией и вкусовой привычкой, отражающей особенность французской культуры.

Также на рис. 3 представлена еще одна особенность жителей Франции, которые предпочитают не думать много о проблемах и стараются расслабиться, чтобы забыть о них (выбирают «красную таблетку» под названием *Boire une bière pour oublier mes problèmes de santé* – Выпить пива, чтобы забыть о проблемах со здоровьем). Данный выбор оправдан тем, что еще с давних времен французы отличались от других народов своим умением наслаждаться жизнью, несмотря на окружающие их проблемы – отсюда и идет их любовь к получению удовольствия в жизни, что значительно характеризует отличительность французской культуры.

В то же время одной из разновидностью получения удовольствия в виде любви к свободе становятся любимые французами манифестации, которые они достаточно часто проводят во Франции, если что-то противоречит их правам или массовым желанием. Это также ярко транслирует умение французов постоять за себя и уметь отстаивать свое право голоса – голоса французского народа.

Рис. 5

В результате манифестации (рис. 5) французы отправляются в полицейский участок и во время того, как они садятся в машину, один из них говорит: *Je prends le siège côté fenêtre!* – Я сажусь у окна! – такой оптимистичный подход в данной ситуации подчеркивает привычность для французов процесса проведения ими манифестаций, а также их смелость и отвагу.

Таким образом, изучая особенности французского социокультурного пространства, интернет-мемы наиболее полно и ярко отражают отличительные культурные признаки французов, их уклад жизни, а также актуальные проблемы и насущные вопросы.

Литература

- Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н.О. Фоминой. М.: АСТ; Corpus, 2013. 501 с.
Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 28 (277). С. 84-90.
Щурина Ю.В. Комические креолизированные тексты в интернет-коммуникации // Вестник Новгородского университета. 2010. № 57. С. 82-96.

*L.D. Guseynova (Moscow, Russia)
RUDN University*

INTERNET MEMES AS A UNIT OF FRENCH SOCIO-CULTURAL SPACE

The memes found on internet platforms reflect a contemporary view of the French and their way of life. Due to their rapidity of information transmission on the Internet, the memes contribute to the mass involvement of people in current issues and problems, as well as their better understanding. Internet memes are the most prominent translators of French culture.

Key words: Internet meme, sociocultural space, Internet communication, humour, French culture.

*Э.Н. Гиляева (Набережные Челны, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ENGilyazeva@kpfu.ru*

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМАХ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ

Статья посвящена изучению парадигматики терминосистем банковской сферы двух разноструктурных языков. Синонимия в терминологии имеет черты, отличающие ее от синонимии в общеупотребительной лексике: каждая составляющая синонимического ряда выступает как отдельный полноценный термин. Весомую часть абсолютных синонимов банковской сферы составляют термины-варианты.

Ключевые слова: термин, терминосистема, синонимия, вариативность, банковская сфера.

Терминологическая лексика составляет чрезвычайно важную часть словаря любого современного языка и аккумулирует результат интеллектуального развития его носителей в определенной области науки, что приводит к расширению и разветвлению терминосистем, требующих упорядочения, систематизации и стандартизации. Тесная связь и взаимодействие отдельных компонентов терминологической системы наиболее отчетливо проявляется в сфере семантики, в частности в таких ее взаимосвязанных категориях, как синонимия, антонимия, полисемия [Кузьмина 2020].

Синонимы в терминологической лексике – это термины, относящиеся к одному и тому же денотату, но имеющие некоторые отличия в функциональном (понятийном) плане, которые также могут отличаться семантикой словообразовательных элементов, степенью неологичности и т.д. [Малкова 2017].

Классификация и характеристика синонимических терминов достаточно разноаспектна, учитывая их структуру, состав и особенности функционирования. Взаимозаменяемость и вариантность терминологической лексики позволяет выделить два основных типа синонимических отношений:

- семантического тождества (абсолютные синонимы);
- семантической близости (относительные синонимы).

Абсолютные синонимы в банковских терминосистемах русского и немецкого языков охватывают большинство синонимических рядов и образуются следующими способами:

- параллельное использование автохтонных терминологем: золотое обеспечение = золотой запас; распределение рисков = измельчение рисков; платежное поручение = доверенность на оплату и др.;

- параллельное употребление иноязычных терминологических единиц: corporation (лат.) = company (франц.) = firm (итал.) = business (англ.) = f, Komagnie (нем.); корпорация (лат.) = компания (франц.) = фирма (итал.) = бизнес (англ.) = компания (нем.); code (франц.) = cipher (араб.) = number (лат.) = m, Kode (нем.); код (франц.) = шифр (франц.) = номер (лат.) = код (нем.). Эти примеры свидетельствуют о том, что синонимические ряды формируются из идентичных заимствований разных языков, что дает основание утверждать наличие общего синонимического фонда;

- параллельное употребление терминологических единиц иноязычного и автохтонного происхождения: credit (лат.) = m, Kredit = n, Darlehen; кредит (лат.) = кредит = ссуда; contract (лат.) = f, Vereinbarung = m, Vertrag; контракт (лат.) = сделка = договор; profit (франц.) = n, Einkommen = m, Gewinn; профит (франц.) = доход = прибыль; bankruptcy (итал.) = m, Bankrott; банкротство (итал.) = долговая несостоятельность. Этот тип синонимических отношений часто трактуется как дефинитивная синонимия [Польщикова 2022]. Суть этого явления состоит в том, что значение малопонятного или непонятного иноязычного термина раскрывается более понятным словом автохтонного происхождения.

- параллельное функционирование терминов полной и короткой формы: государственный банк = госбанк; финансовый отдел = финотдел; государственный кредит = госкредит; OnlineBanking = eBanking;

- параллельное функционирование сложных слов, характерное в большей степени для немецкого языка: m, Aktieninhaber = m, Anteilbesitzer; m, Geldautomat = m, Geldausgabeautomat; кредитоспособность = платежеспособность;

- параллельное использование однословного термина и термина- словосочетания, характерное в большей степени для русского языка: залог = кредитное поручительство; банкноты = бумажные деньги; банкротство = платежная несостоятельность; f, Note = f, Banknote;

- параллельное употребление термина-аббревиатуры и словосочетания, что в равной степени характерно для русского и немецкого языков: EZB = f, Europäische Zentralbank / ЕЦБ = Европейский центральный банк; FRS = Federal Reserve System / ФРС = Федеральная резервная система; BIZ = Bank für Internationalen Zahlungsausgleich / БМР = Банк международных расчетов.

Весомую часть абсолютных терминов-синонимов составляют термины-варианты – тождественные по значению терминологические единицы, обладающие общим корнем, но имеющие некоторые отличия знаковой формы в пределах одного и того же номинанта: место ударения, фонетическое варьирование, аффиксы или их сочетание [Шарафутдинова, 2022].

Согласно этой трактовке, были выделены следующие группы терминов-вариантов:

1) фонетические варианты: среди банковской терминологической лексики встречается явление двойной орфографии, появившееся в результате транслитерационного освоения заимствованных терминов: брокераж = брокредж; дискаунт = дисконт; m, Cheque = m, Scheck; n, Indossament = f, Indossierung; m, Indossateur = m, Indossat;

2) морфологические варианты: n, Abklärungskonto = m, Clearingkonto = m, Abkommenskonto; f, Finanzausstattung = finanzielle Ausstattung, kontrollierte Inflation =

kontrollierbare Inflation; бенефициар = бенефициарий; домициль = домицилий; кредитовый баланс = кредитный баланс; неоплаченный долг = невыплаченный долг;

3) синтаксические варианты, различающиеся порядком компонентов (с предлогом или без него): доход от дивиденда = дивидендный доход; инвестиционный портфель = портфель инвестиций; дивидендное покрытие = покрытие дивиденда; m, Wechselkurs = Kurs des Wechsels; m, Absatzmarkt = Markt des Absatzes;

4) комбинированные варианты – расхождения плана выражения проявляются в терминах на разных языковых уровнях. Наиболее регулярными являются акцентно-словообразующие варианты, характерные в большей степени для русской терминологической лексики: долг = задолженность; клиентурный = клиентский.

Относительные синонимы характеризуются лишь частичным совпадением определяющих признаков. Взаимозаменяемость относительных синонимов ограничена и осуществляется на основе контекста [Базарова 2017]. Относительные синонимы в терминологии банковской сферы могут образовываться следующими способами:

- использованием общекорневых, но разноаффиксальных образований, обозначающих кроме значения процесса, еще и значение результата: переоценивание – переоценка; аннуляция – аннулирование; индексирование – индексация; инвестирование – инвестиция. Синонимические пары приведенного образца являются более регулярными в русской терминологии;

- использованием корневых, разноаффиксальных образований, отличающихся семантикой словообразовательных компонентов. Применение таких синонимов определяется контекстом, например: оплата, уплата, выплата. Такие синонимические отношения характерны для русской терминологии.

Примеры свидетельствуют, что способы образования относительных синонимов по-разному находят отражение в исследуемых терминосистемах, что обусловлено различиями обоих языков.

В классификации терминов-синонимов можем выделить следующие общие для немецких и русских синонимических рядов структурные типы:

1) однословный термин – однословный термин: контроль = проверка; штраф = пеня; n, Prozent = m, Zins; n, Gewinn = m, Profit;

2) однословный термин – термин-словосочетание: сальдо = резервный фонд; номинал = номинальная стоимость; f, Sachanlage = n, materielle Gut;

3) термин-словосочетание – термин-словосочетание: (в большинстве с одним общим компонентом): f, Termingeldanlage = f, Festgeldanlage; баланс внешний = экстерн баланс; стоимостные бумаги = ценные бумаги;

4) термин-словосочетание – аббревиатура: коммерческий банк = КБ; платежная система = ПС; Datenträgeraustauschformat = DTAUS; Europäische Wirtschafts- und Währungsunion = EWWU.

Таким образом, функция синонимии в терминологии основывается на образовании и детализации понятий, явлений, действий банковской деятельности. Анализ русских и немецких банковских терминов-синонимов свидетельствует о наличии абсолютных и относительных синонимических отношений. Установлено количественное преобладание абсолютных синонимов в терминосистемах изучаемых языков. Весомую часть абсолютных синонимов банковской лексики составляют термины-варианты, а именно: фонетические, морфологические, синтаксические и акцентно-словообразовательные. Относительные синонимы в исследуемых терминологиях в большинстве своем представлены однокоренными лексемами (разноаффиксальными в русском языке и с разными предлогами в немецком языке).

Можно сделать вывод, что в синонимические отношения вступают автохтонные и заимствованные термины, однокомпонентные термины, сложные слова, сложносокращенные термины, словосочетания и аббревиатуры.

Литература

Кузьмина Е.В. Новейшая испанская терминология информационно-коммуникационных технологий: синтагматика и парадигматика / Е. В. Кузьмина // Осенние коммуникативные чтения – 2018: Сборник статей Международной научно-практической конференции, М.: ООО «Русайнс», 2020. С. 121-128.

Малкова И.Ю. Синонимия в лексикографическом описании экономических терминов / И. Ю. Малкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1(78). С. 119-122.

Польщикова О.Н. Исследование синонимических отношений в терминологии компьютерной лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. №1. С. 136-140.

Шарафутдинова Н.С. Синонимия и вариантность в технической терминологии русского и английского языков: лексикографический аспект / Н. С. Шарафутдинова // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 3. С. 115-120.

Bazarova L.V. Interdisciplinary polysemy and homonymy in the field of terminological systems (on the material of English terms of medical genetics) / L. V. Bazarova, E. N. Gilyazeva // *Astra Salvensis*. 2017. Vol. 2017. P. 407-414.

*E.N. Gilyazeva (Naberezhnye Chelny, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University*

SYNONYMIC RELATIONS IN THE RUSSIAN AND GERMAN TERMINOLOGY SYSTEMS OF THE BANKING SECTOR

The article is devoted to the study of the paradigmatics of term systems in the banking sector of two differently structured languages. Synonymy in terminology has features that distinguish it from synonymy in common vocabulary: each component of a synonymous series acts as a separate full-fledged term. A significant part of the absolute synonyms of the banking sector are variant terms.

Key words: term, terminological system, synonymy, variability, banking sector

*Л.Н. Гишкаева, А.А. Келехсаева, Л.И. Гишкаева (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
gishkaeva-ln@rudn.ru; borisova-aa@rudn.ru; gishkaeva-li@rudn.ru*

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИСПАНСКОЙ ЭКСПРЕССИВНО ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Полиязычный характер испанского языка и многогранность феномена коммуникации влечет за собой изменения в разговорно-бытовом стиле речи, а именно в эмоционально-окрашенной лексике, посредством метафоризации неологизмами из различных сфер коммуникации. Объектом исследования является экспрессивно-окрашенная лексика испанского языка в разговорно-бытовом стиле речи. Цель работы – рассмотреть особенности перевода разговорных единиц испанского языка на русский язык.

Ключевые слова: экспрессивно-окрашенная лексика, межкультурная коммуникация, разговорно-бытовой стиль речи, перевод.

Испанский язык принадлежит к наиболее распространенным языкам мира. Наиболее ярко национальная специфика общения на полинациональном испанском языке проявляется в ситуациях речевого этикета и в разговорно-обиходном стиле речи. Из-за сложности и многогранности феномена коммуникации национально-культурная специфика речевого общения исследуется учеными разных направлений не только с точки зрения лингвистики, но и социолингвистики, теории речевых актов, этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Поскольку практическое знание национально-культурной специфики употребления языковых единиц важно не только для овладения иностранным языком, но и для перевода, этот вопрос широко обсуждается в работах по теории и методике обучения иностранным языкам в трудах таких известных лингвистов, как Акишина А.А., Брагина А.А., Верещагин Е.М., Воробьев В.В., Костомаров В.Г., Мамонтов А.С., Мельник С.И., Томахин Г.Д., Фирсова Н.М., Формановская Н.И., Чеснокова О.С., Шаклеин В.М., Baker J., Lamb S., Lope Blanche J.M. Nunan D., Rinvolucrí M. и др. Учитывая экспрессивность испанского языка, обусловленную лингвистическими и экстралингвистическими причинами, мы полагаем, что изучение разговорного регистра испанского языка актуально и требует особого внимания с точки зрения перевода. Ввиду особенностей экспрессивно окрашенной лексики испанского языка в разговорно-обиходном стиле речи, в статье рассмотрено применение различных приемов для перевода экспрессивно-разговорных форм. Для осуществления поставленной цели мы проанализировали способы перевода экспрессивно окрашенной лексики испанского языка в разговорном регистре. Материалом послужили тексты современной и классической художественной литературы, публицистических и научных статей. Главные методы исследования – методы наблюдения, лингвистического описания, семантической интерпретации, анализ и синтез.

Основными трудностями при переводе, по нашему мнению, являются следующие проблемы: сохранение эмоционально-оценочных коннотаций, компонента образности и лексической ассоциативности. Перевод стилистически окрашенной лексики обычно представляет дополнительные затруднения, т.к. поиски эквивалента для лексемы оригинала усложняются наличием в ней, помимо денотативного, коннотативного значения. Необходимо помнить, что у переводчика не может получиться качественного перевода без грамотной стилистической передачи подлинника [Дубровина 2007: 211]. Более того, т.к. мы рассматриваем разговорный аспект, необходимо учитывать индивидуальный характер говорящего и его высказывания. Несмотря на то, что А. Вежбицкая отмечает, что «русский язык уделяет эмоциям гораздо больше внимания и имеет значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения, чем другой язык», иногда переводчик может столкнуться с трудностями в поиске подходящей речевой единицы в русском языке для того, чтобы грамотно передать ее значение в испанском и наоборот [Вежбицкая 1999: 50]. Прежде чем анализировать способы перевода экспрессивно-окрашенной лексики испанского языка, приведем классификацию разговорной лексики по методу В.Д. Стариченка, который в зависимости от сниженности разговорной лексики делит ее на 2 группы: собственно-разговорную и просторечную [Стариченок 2012: 347]. Эмоционально-экспрессивную окраску мы будем подразделять на следующие типы:

а) *возвышенная, торжественная* (уместная в текстах, характеризующихся приподнятым, торжественным тоном): “¡Qué alegría!” – «Какая радость!», “Guay!” – «Здорово, великолепно!»;

б) *сниженная, фамиллярная*, характеризующаяся большой степенью непринужденности: “¡Qué calorera!” – «Ну и жарница!», “¡Eres de un estúpido!” – «Ну какой же ты кретин!».

Эмоционально-экспрессивная лексика может быть оценочной с положительной и отрицательной характеристиками:

а) *лексика с нейтральной эмоционально-экспрессивной окраской*: bueno, malo, mitad y mitad, nada especial.

б) *лексика с положительной эмоционально-экспрессивной окраской*: “¡Qué suerte!” – «Какая удача!», “¡Qué belleza!” – «Какая красота!»;

с) *лексика с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской*: “¡Es más tonto!” – «Ну и дурак!», “¡Joder!” – «Какого черта!».

В зависимости от способа выражения в словах эмоционально-экспрессивного оттенка можно выделить несколько групп:

а) слова, эмоционально-экспрессивная окраска которых выражается *аффиксами* (чаще суфф.): “¡Lloviendísimo!” – «Льет как из ведра!», abuelito/a, Juanito/a, pajarillo, pueblito;

б) *общеупотребительные* слова, эмоциональность и экспрессивность которых возникает на основе *метафорического переосмысления*: “el medallón rojo” – солнце, “Eso me levantó el ánimo” – «Это взбодрило меня»;

с) слова, эмоционально-экспрессивная окраска которых выражается самим содержанием, *смыслом* слова: pena, querido/a, estúpido, idiota.

Поскольку в испанском языке еще не существует четкой классификации способов перевода эмоционально-экспрессивной лексики, мы обратились к классификации французских лингвистов-филологов Вине Ж.-П., Дарбельне Ж. Их классификацию описывает в своих трудах известный исследователь Райс [Райс 1978: 157-167]. Таким образом, в своей работе мы классифицируем способы перевода следующим образом: *заимствование; калькирование; дословный перевод; транспозиция; модуляция; эквиваленция; адаптация.*

Рассмотрим каждый из способов перевода в отдельности и проанализируем, каким образом мы можем применить данные способы в переводе эмоционально-экспрессивной лексики испанского языка в разговорном регистре.

1) **Заимствование** – путь проникновения элементов одного языка в другой [Жеребило 2011: 108]. Данный способ перевода главным образом используется переводчиками для создания стилистического эффекта. Например, для того чтобы привнести так называемый местный колорит. Рассмотрим использование данного способа перевода на примерах:

*¡Vamos a una gran noche y a pasarlo en grande **fiesta** este Viernes!* – Сегодня пятница, так устроим классную фиесту на всю ночь! (запись информанта)* Данное заимствование имеет нейтральный эмоциональный оттенок в испанском языке, но мы используем этот способ перевода на русский язык для того, чтобы еще больше подчеркнуть экспрессию говорящего. В русском языке очень часто можно встретить слово *фиеста* в речи молодежи.

*¡Eh, que **macho** rico! ¡Quisiera ser su novia sin duda!* – О, какой **мачо**! Ох, как бы я хотела быть его девушкой! В данном примере мы сохраняем заимствование *мачо* с положительной экспрессивной коннотацией, которое приобрело популярность в русском языке в большей степени в речи молодых людей и подчеркивает мужскую красоту, власть и силу.

Заимствование *chica* для обозначения женщины используется для того, чтобы подчеркнуть женскую красоту, сексуальность и привлекательность. Но оно несет в себе отрицательную коннотацию и может даже сойти за оскорбление с сексуальным подтекстом в переводе на русский: ¡*Chaval, mira! Esta chica es fantástica, parece, que no voy a dormir esta noche.* – Эй, дружище, смотри! Эта **чика** просто сводит меня с ума, кажется, я не усну сегодня ночью.

(запись информанта)* Любопытно заметить, что в испанском языке слово *chica* относится к экспрессивной форме обращения, но при этом несет в себе положительную коннотацию.

2) Способ **калькирования** в переводе характерен не для передачи значений слов-реалий, т.е. общеупотребительных слов в определенном этническом сообществе, а при воссоздании индивидуально-авторских неологизмов, когда переводчик, соперничая с автором, придумывает столь же выразительные, как в оригинале, окказиональные слова. Таких словесных «придумок» и калек много среди нарицательных имен и так называемых говорящих имен собственных. К калькированию прибегают и при переводе пословиц и поговорок, когда в силу различных причин необходимо сохранить не только их смысл, но и их образно-смысловую основу [Виноградов В.С. 2001: 186]. Т.к. в испанском языке существует большое количество пословиц, которые имеют яркую экспрессивную окраску и употребляются в разговорной речи. Рассмотрим на их примере данный способ перевода: *Escapar como el diablo a la cruz.* – Бежать как черт от ладана. Используя при переводе данной пословицы **калькирование**, мы практически полностью сохраняем ее смысл, изменив только одно слово “*cruz*” – крест на ладан. *Tomar al toro por las astas* – Брать быка за рога. Способ калькирования в данном переводе передан полностью. (запись информанта)*

3) **Дословный перевод**, который также называют переводом «слово в слово», означает процесс перехода от языка исходного к языку перевода, целью которого является создание правильного и идиоматического текста, а переводчик при этом должен следить только за соблюдением обязательных норм языка. При дословном переводе соблюдается формула «исходный язык – язык перевода», при этом далеко не всегда при дословном переводе сохраняется смысл и адекватность. Пример для иллюстрации использования дословного перевода без потери смысла высказывания: *Me sorprende usted, querido amigo.* – Вы удивляете меня, дорогой друг [Cortazar 2005: 84]. А в данном примере высказывание может утратить идею, а перевод адекватность, если применить способ дословного перевода: *Mouret puso el grito el cielo.* – ¡*No, por Dios! Es una mujer muy decente, querido amigo.* – Муре возмутился. Что Вы! Она порядочная женщина, уважаемый (букв. Муре крикнул в небеса. – Нет, Ради Бога...!) [Pérez-Reverte 1997: 90]

4) **Транспозиция** – способ перевода, который заключается в замене одной части речи другой частью речи без изменения смысла всего сообщения. Переводчик должен использовать этот способ, если получаемый оборот лучше подходит ко всей фразе или дает возможность восстановить стилистические нюансы. Приведем пример: *Parece que el desayuno en estos barcos sabe ser muy surtido -dijo la madre de la Nelly con aire displicente.* – Кажется, завтрак на таких пароходах бывает очень обильным – сказала мать Нелли, состроив недовольную гримасу [Pérez-Reverte 1997: 129]. При переводе мы использовали транспозицию, заменив существительное с предлогом *con aire displicente* «с недовольным видом» на деепричастный оборот «состроив недовольную гримасу». Использована транспозиция для придания предложению еще больше экспрессивности.

5) **Модуляция** – способ перевода, который представляет собой варьирование сообщения, чего можно достичь, изменив угол или точку зрения. К этому способу можно прибегнуть, когда видно, что дословный или даже транспонированный перевод приводит в результате к высказыванию грамматически правильному, но противоречащему духу языка перевода. Модуляцию очень часто отождествляют со смысловым развитием. Приведем примеры: *¿Qué culpa tenía?* – Чем он нагрешил? (букв. Разве это была его вина?) [Zola 2009: 77] *¿Estás muerto, Gorecho?* – Тебя уже можно считать покойником, Горечо? (букв. Ты умер, Горечо?) [Cela 1997: 133] При переводе данных примеров, мы используем прием модуляции, чтобы придать высказыванию яркую эмоциональную коннотацию и подчеркнуть идею автора.

6) **Эквиваленция** – способ перевода, при котором два текста описывают одну и ту же ситуацию, используя совершенно разные стилистические и структурные средства. Эквиваленция носит чаще всего синтагматический характер и затрагивает все сообщение целиком. Эквиваленции являются устойчивыми и входят в состав идиоматической фразеологии, включая клише, поговорки, адъективные или субстантивные устойчивые сочетания: *¿Por qué siempre andas con rodeos, zorra?* – Почему ты все время ходишь *вокруг да около, хитруша?* *¿Quisiera prometerte la luna, pero no puedo, solo mi corazón...y ni más!* – Я бы *пообещал тебе золотые горы*, но не могу, могу предложить тебе только свое сердце...! (запись информанта)* При переводе вышеизложенных примеров, мы подбирали эквиваленты в русском языке, подходящие по смыслу испанским идиоматическим выражениям.

7) **Адаптация** является крайним пределом в процессе перевода. Этот способ перевода применим к случаям, когда ситуация, о которой идет речь в исходном языке, не существует в языке перевода и должна быть передана посредством другой ситуации, которую мы считаем эквивалентной. Это представляет собой особый случай эквивалентности, так сказать, эквивалентность ситуаций. Текст не должен быть калькой ни в структурном, ни в металингвистическом плане, например: *¡Gracias, ten un buen día...deme un besó y se lo doyo...!* - *Paco besó al desconocido en la mejilla con el fin de mostrarle su respeto y gratitud por su bondad al darle su teléfono para llamar a su madre.* – Спасибо, всего хорошего! Разрешите обнять Вас на прощание! – Пако тепло обнял незнакомца в знак уважения и благодарности за то, что тот одолжил ему телефон позвонить матери (букв. Дайте я поцелую Вас! Пако поцеловал незнакомца в щеку) (запись информанта)*.

Эта ситуация является типичным случаем, когда необходимо применить адаптацию, как способ перевода во избежание «культурного шока». Дело в том, что для испанца является обычным делом поцеловать незнакомца в щеку, а в русском менталитете данный акт поведения воспринимается неоднозначно, в том числе, как домогательство с гомосексуальным подтекстом. Таким образом, при переводе данного предложения мы пытались учесть экстралингвистические факторы, менталитет представителей обеих лингвокультур и соблюсти адекватность.

Изучив и проанализировав способы перевода, а также применив их на практике в переводе экспрессивно-окрашенных лексических единиц в разговорно-бытовом стиле речи, мы можем сделать вывод о том, что испанцы крайне открыты в проявлении своих эмоций. Поэтому при переводе на русский язык необходимо варьировать способы перевода в зависимости от речевой ситуации и цели высказывания.

Литература

- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (Общие и Лексические Вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
- Гишкаева Л.Н.* Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и финонимами в современном пинерейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Дубровина Н.В.* Проблема сохранения стилистических особенностей немецких соцреалистических романов при переводе на русский язык (на материале романа Вили Бределя «Решение») // Вестник Нижегородского Университета им. Лобачевского № 6. Нижний Новгород, 2007. С. 211
- Жеребило Т.В.* Словарь-справочник. Термины и понятия: методы исследования и анализа текста. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011.
- Райс К.* Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., Международные отношения, 1978. С. 157–167.
- Стариченок В.Д.* Современный русский литературный язык. Минск: Высшая школа, 2012.
- Фирсова Н.М.* Испанский речевой этикет. М.: Инфра-М, 2000.
- Чеснокова О.С.* Испанский язык Мексики: Языковая картина мира. М., Изд-во РУДН, 2006.
- Cela C.J.* La colmena. М., Alianza, 2007.
- Cela C.J.* Mazurca para dos muertos. San-José, Club internacional del Libro, 1997.
- Cortazar J.* Los premios. Madrid, Catedra, 2005.
- Moliner M.* Diccionario del uso del español. Madrid, Gredos, 1986.
- Pérez-Reverte A.* El pintor de batallas. Madrid, Punto de lectura, 1997.
- Pérez-Reverte A.* Limpieza de sangre. Madrid, Alfaguara, 1997.
- Zola E.* El paraíso de las damas. Barcelona, DEBOLSILLO, 2009.
- EL MUNDO Diario online líder de información en español URL: <https://www.elmundo.es/> (дата обращения 11.07.2023).

L.N. Gishkaeva (Moscow, Russia)
RUDN University

TRANSLATING SPANISH EVOCATIVE VOCABULARY INTO RUSSIAN LANGUAGE

The polynational nature of the Spanish language and the versatility of the phenomenon of communication entails changes in the colloquial and everyday style of speech, namely in emotionally colored vocabulary, through metaphorization by neologisms from various spheres of communication. The object of the study is the evocative vocabulary of the Spanish language in the colloquial speech. The purpose of the work is to consider the peculiarities of translating the spoken units of the Spanish language into Russian.

Key words: evocative vocabulary, intercultural communication, colloquial speech, translation.

*Л.Ю. Губочкина (Москва, Россия)
Государственный университет просвещения
glubov09@mail.ru*

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ АНТРОПОМОРФНЫХ ПОНЯТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматриваются образы антропоморфизма в контексте художественного перевода. Работа затрагивает вопросы о выборе переводческих стратегий, направленных на передачу коммуникативной интенции автора оригинала. Применяемые методы анализа текста позволяют адекватно оценить значимость и актуальность используемых трансформационных способов перевода в исследуемом материале. Художественный перевод антропоморфных понятий определяется с позиций лингвокультурного знания о языке. Модификации, обозначенные в анализируемом материале, проявляют себя как самодостаточные языковые приемы, способствующие достоверной передаче смысла, заложенного в авторский текст.

Ключевые слова: антропоморфизм, переводческие трансформации, художественный текст, авторские стратегии, художественное восприятие.

Исследование затрагивает вопросы использования трансформаций при переводе текстов художественного содержания. Подробно изучаются авторские решения в отношении выбора модификаций при переводе антропоморфных понятий с английского языка на русский.

Актуальность работы заключается в необходимости детального анализа образов антропоморфизма в контексте художественного перевода, а также в рассмотрении особенностей антропоморфных понятий, осознание которых происходит через переводческий, лингвокультурологический феномен.

Цель работы — выявление часто употребляемых переводческих преобразований антропоморфных единиц художественного текста. Обоснование адекватного и функционального применения приемов в тексте перевода также является основной задачей исследовательской работы.

Новизна научной статьи определяется тем, что впервые изучаются образы художественного перевода, подвергающиеся антропоморфизации, в сопоставлении двух измерений: англоязычной и русскоязычной действительности.

В работе используется комплексный методологический подход: сравнительно-сопоставительный и описательный методы исследования.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации и актуализации научной информации по переводу образов антропоморфизма в английской и русской языковой картине мира.

Практическое значение исследования обозначено возможностью использовать результаты на занятиях по стилистике и переводу художественного текста, на семинарах и лекциях, посвященных лингвокультурологическим особенностям перевода в области художественной литературы.

По определению Маркиной Л.С., «антропоморфизм – это мировоззренческая концепция, выраженная номинативными средствами языка» [Маркина 1996: 12]. Антропоморфные существа приобретают часть человеческой культуры: умение мыслить, чувствовать, сопереживать и действовать в соответствии с человеческой природой. Мир художественного текста, как и мир художественного перевода, приобретают природу антропоморфизма. Антропоморфные персонажи, наделенные

«живыми» характеристиками, воссоздают художественную идею автора и передают философско-мировоззренческую культуру нации [Титова 2013: 35].

Поэтические антропоморфные существа, герои художественных произведений, в том числе и сказок, создают атмосферу волшебства и иллюзии [Губочкина 2019: 51]. Аллегии, которым подвергаются понятия антропоморфизма, носят художественный характер, имеют стилистическое предназначение. Персонификация и метафоризация как авторские приемы применимы в отношении антропоморфных существительных. Антропоморфные существа проявляют свои лексико-стилистические особенности в художественной реальности.

Гендерные признаки антропоморфных понятий одного языка не всегда совпадают с грамматическими характеристиками другого языка, что особенно заметно в природе художественного перевода [Губочкина, Лукин 2021:246]. Внешние признаки и внутренние характеристики образа приходится адаптировать в соответствии с лексико-грамматической системой языка перевода. В связи с различиями в системе английского и русского языков полностью передать и воссоздать художественные характеристики антропоморфных образов при переводе невозможно [Василевич, Фунтова, Губочкина 2021: 45]. Прежде всего, это связано с грамматической системой двух языков, с типологией и разницей мифологического происхождения антропоморфных образов в языковой картине мира. Сравнительно-типологический анализ английского и русского языков достоверно определяет корни внешнего расхождения в тексте художественного перевода.

Художественный перевод исторически сложился как целостная языковая структура [Нелюбин, Хухуни 2003: 83]. В процессе формирования художественного слова и языковой мысли художественный перевод претерпевал множественные изменения. Элементы текста, которые составляют художественный перевод, в том числе и образы с антропоморфными характеристиками, обогащают содержание художественного текста и его перевод благодаря витиеватой и многоликой структуре.

1. "...at last a very old Frog... hobbled slowly towards her: he was dressed in bright yellow..." [Carroll 2010: 132] // «Наконец старый Лягушонок... медленно заковылял к Алисе. На нем был костюм ярко-желтого цвета...» (пер. Н.М. Демуровой) [Кэрролл 2010: 282].

В художественном отрывке антропоморфный персонаж Лягушонок соотносится с мужским родом и местоимением 3-го лица ед.ч. 'he'. Образ, подвергшийся антропоморфизации, имеет особые черты: ковыляет медленно, одет в ярко-желтый костюм. В русскоязычной теме перевода разница между английским и русским персонажем не заметна. В системе русского языка имеем сущ. мужского рода «лягушонок» и сущ. женского рода «лягушка». Автор перевода, не нарушая границ оригинала и руководствуясь системой русского языка, выбирает сущ. м.р. «лягушонок». В англоговорящей ситуации выбор между м.р и жен.р. существительного не предусмотрен. Система англоязычного антропоморфизма соотносит сущ. Frog с мужскими характеристиками [Аитов и др. 2009: 36].

2. "The Mock Turtle sighed deeply... He looked at Alice..." [Carroll 2010: 95] // «Черепаша Квази глубоко вздохнул... Он взглянул на Алису...» (пер. Н.М. Демуровой) [Кэрролл 2010: 122].

Пример художественного антропоморфизма четко прослеживается в отрывке литературной сказки Л. Кэрролла. Единица перевода The Mock Turtle может быть противопоставлена русскоязычному антропоморфному образу в повести – сказке А. Толстого. Черепаша Тортилла наделена женскими характеристиками и в

грамматической системе русского языка имеет категорию женского рода. В английской сказке происходит смещение гендерных признаков, т.к. в представлениях англоязычного читателя Черепаха мужского рода (местоимение 3-го лица ед.ч. 'he'). Переводчик прибегает к использованию приема дополнения и употребляет дополнительное слово – имя собственное «Квази». Таким образом, сохраняется грамматическая структура перевода и подчеркиваются гендерные характеристики образа оригинала. Сказочные персонажи перевоплощаются в художественном тексте, приобретают дополнительные особенности и черты. Англоязычная литературная сказка отличается от русскоязычной именно внешними и внутренними характеристиками антропоморфных образов, включенных в сюжетную линию.

3. "Brer Turtle claimed ... Brer Rabbit..." [Харрис 2014: 51] // «...Братец Черепаха сказал... Братец Кролик...» (пер. М. Гершензона) [Харрис 2019: 89].

В произведении Дж. Харриса «Братец Кролик и Братец Лис» ключевым моментом является интерпретация персонажей, имеющих мужской род: Turtle и Rabbit. В англоязычной антропоморфной системе существительные черепаха и кролик обозначены мужским родом. В сказке Дж. Харриса данные персонажи определены дополнительным словом 'brer'. М. Гершензон в переводе оставляет значение слова 'brer' (Братец), что позволяет не нарушить смысловую нагрузку образа в тексте оригинала. Род антропоморфных существительных оригинала сохранен в переводе без изменений лексико-грамматического характера.

4. "...it was a fairy... it was a girl called Tinker Bell... 'Tinker Bell', he called softly..." [Барри 2008: 30] // «...это молоденькая фея... ее звали Починка... – Динь-Динь – позвал он тихонько» (пер. И. Токмаковой) [Забывтый День рождения. Сказки английских писателей/сост. Колесникова О., 1990: 236-237].

В произведении Дж. Барри «Питер Пэн» основу антропоморфизации составляют образы волшебных существ, одним из которых является образ маленькой девочки – феи Динь-Динь. Ее имя – Tinker Bell, а в переводе – Динь-Динь. Образ перевода сохраняет характеристики и женский род антропоморфного персонажа. Переводчик наделяет образ именем, дает ему раскрытие через прием интерпретации и номинативного обозначения.

Резюмируя все вышесказанное, утверждаем, что антропоморфизм – это национальное языковое явление, отражающее философскую мировоззренческую концепцию англоязычного и русскоязычного народа. Концепция антропоморфизма лежит в основе мифологических представлений каждой отдельной нации, поэтому очень часто антропоморфы имеют гендерные несовпадения в двух языках. Антропоморфизм в художественном тексте функционирует в пределах авторского вымысла, и вымышленные существа обогащают текст своими значениями переносного характера, что создает атмосферу интерпретации текста и его соотнесенности с реальностью. В художественном переводе происходит передача характеристик антропоморфных образов из национальной культуры в инокультуру, и этот процесс сопровождается применением ряда переводческих трансформаций: лексических, грамматических, стилистических.

Литература

Барри Дж. Питер Пэн (Peter Pan) на англ.яз. М.: Юпитер-Интер, 2008.

Василевич А.П., Фунтова И.Л., Губочкина Л.Ю. Проблема противоречивости между английской орфографией и произношением // Язык и культура. 2021. № 56. С. 44-61.

Губочкина Л.Ю. Гендерная и функциональная дифференциация антропоморфических образов в лимнологической лингвопоэтике // Лингвистическая лимнология: сб. ст. по матер. междунар. науч. конф. М.: ИИУ МГОУ. 2019. С.51-54.

Губочкина Л.Ю., Лукин Д.С. Художественный перевод эмотивных характеристик антропоморфизма (на материале английского языка) // Современное педагогическое образование. 2021. № 4. С. 246-250.

Забывший День рождения. Сказки английских писателей: пер. с англ.яз. / сост. О. Колесникова. М.: Правда, 1990.

Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: Инъязиздат, 2006.

Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье. СПб.: Амфора, 2010.

Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010.

Маркина Л.С. Резец и кисть переводчика: Условность как категория художественного перевода. Белгород: Из-во Шаповалова, 1996.

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История и теория зарубежного перевода. М.: Изд-во Мос. гос. обл. ун-та, 2003.

Титова Т.А. Антропоморфизм как способ освоения действительности (социально-философский анализ): дисс. ... канд. филос. наук. Казань, 2013

Харрис Дж. Братец Кролик и Братец Лис М.: Эксмо, 2019.

*L.Yu. Gubochkina (Moscow, Russia)
State University of Education*

METHODS OF INTERPRETING ANTHROPOMORPHIC CHARACTERS IN LITERARY TRANSLATION

The paper deals with interpreting of anthropomorphic characters in literary translation. The scientific work touches upon the issues of choosing translation strategies aimed at transmitting the communicative intent of the author. The applied methods of the text analysis allow us to adequately assess the significance and essence of the transformational translation methods used in the material under study. Literary translation of anthropomorphic concepts is being discussed and linguistic and cultural knowledge of the language is taken into consideration. The modifications used in the analyzed material are identified as self-sufficient language techniques that contribute to the reliable transmission of the main meaning in the original text. The research allows us to reveal the core of anthropomorphism in literary translation.

Key words: anthropomorphism, translation transformations, literary text, authors' strategies, literary perception.

*А.С. Епимахова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова
a.epimahova@narfu.ru*

ПЕРЕВОДНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В СЛОВАРЕ-СПРАВОЧНИКЕ

В статье рассматривается макро- и микроструктура морского словаря-справочника в связи с представленной в нем информацией различных типов. Неоднородность источника определяется желанием составителей создать многофункциональный ресурс при том, что единицы в неодинаковой степени связаны с межкультурной и межъязыковой коммуникацией.

Ключевые слова: словарь, морской словарь, словарь-справочник, информация, типы информации.

Микроструктура отраслевого словаря включает лексикографическую информацию различных типов, приводимую в определенном порядке [Жеребило 2009]. Однако не всегда можно выстроить границы между типами информации, включаемой в словарную статью в зависимости от доминантной характеристики, определяющей тип словаря [Караулов 1981: 43]. Многие морские словари трудно отнести к конкретному типу, поскольку их составители стремились создать если не универсальные, то многофункциональные лексикографические источники. Не имея доступных или актуальных лексикографических ресурсов, моряки стремились создать их своими силами [Епимахова 2019].

В 1930х-1940х гг. из печати выходит ряд морских словарей, которые не являются переводными, однако содержат соответствия на иностранных языках. Это «Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения» И.К. Сморгонского (терминологический словарь, объединяющий функции переводного, этимологического, толкового и энциклопедического), краткий морской словарь-справочник (при участии и под ред. флагмана 2 ранга Ю.Ф. Ралль и капитана дал. плавания М.В. Васильева), Морской словарь К.И. Самойлова (толковый, с переводом на английский язык). Даже в очередной версии небольшого прикнижного словаря Д.А. Лухманова появляются соответствия на английском языке (подробно см. [Епимахова 2023]). Включение эквивалентов трактуется как попытка заполнить лауну: необходим был переводной терминологический русско-иностранный словарь [Андреев, Соломин 2007: 49]. В большинстве приведенных источников последовательно дается перевод заглавных слов перед их объяснением.

Особое место в силу неоднородности своей макро- и микроструктуры занимает словарь-справочник [Краткий морской словарь-справочник 1938]. Он содержит: (1) единицы на русском языке, сопровождаемые толкованием; (2) единицы на русском языке с переводом на английский и толкованием; (3) единицы на английском языке с переводом на русский и/или толкованием. Существует взаимосвязь между содержанием словарной статьи и ее структурой.

Переводное соответствие в скобках в основном добавляется к терминам, обозначающим виды морских судов, наименования их частей, типы грузов, условия плавания, погодные условия и т.п., а также глаголам и прилагательным, относящимся к этим предметным областям («судно (*ship; vessel*)», «рангоут (*masts and spars*)», «приливы (*tides*)»). Перевод сопровождает 33% терминов, в некоторых статьях он включен в пояснение («В английских пособиях прикладной час обозначается обычно начальным буквами *H.W.F&C. (Hight water full and change)*. Иногда прикладной час называется также *Establishment of the port*. В *Tide Tables* он обозначается словом *Interval H.W.F&C.*»). В ряде случаев отсутствие перевода объясняется отсутствием англоязычного эквивалента («"Дельные вещи" – в судостроении литые или кованые части, не составляющие неотъемлемой части судна, но имеющие определенное назначение, например, кнехты, киповые планки, бортовые иллюминаторы, шлюпбалки и пр.»). На английском языке с переводом на русский приводится лишь 1% от всех терминов. Большею частью они связаны с погрузкой, типами грузов, вариантами загрузки («*Bulk cargo (англ.) – груз навалом, насыпью или наливом, но не в мешках, тюках и пр. Обычно так перевозятся на морских судах массовые грузы (зерно, каменный уголь, нефтепродукты и пр.)*»; «*Boarding a vessel – "обыск судна" – осмотр судна представителем таможи, проверка правильности документов, часто осмотр жилых помещений в целях розыска контрабанды*»). Такие термины обозначают

процедуры или нормы, принятые в англоязычных странах, они не имеют соответствия или требуют пояснений.

Кроме терминов, словарь-справочник включает единицы разного плана, включая команды, формулировки, реалии и др. Они составляют 25% его объема.

Без перевода приводятся практически все команды («*Береги весла*»; «*Вира*»; «*Легче грести*»; «*Полундра*»), выражения, описывающие обстановку, состояние судна («*Чисто ли за кормой?*», «*встал якорь*», «*свиньей сидит*»), историзмы и реалии, обозначающие явления российской действительности («*гардемарины*», «*юнги*», «*ендова*»). Не переводятся диалектизмы и лексические единицы, связанные с определенным регионом. Некоторые из них могут быть отнесены к реалиям («*Пересыть (Черн. м.) – песчаная полоса, затягивающая устье лимана*»; «*Гафы – большие лиманы в устьях некоторых рек Балтийского моря, например, Куришгаф*»; «*Сиверко (Поморье) – северный ветер, норд*»). Иные поддаются переводу («*Стреж, стрежа (Бел. м.), стрежень (Волга) – фарватер*»), но, вероятно, не связаны в понимании составителей с ситуациями межъязыковой коммуникации, т.к. имеют отношение к внутреннему судоходству.

Интересно рассмотреть единицы, обозначающие наименования организаций, учреждений, комиссий, чинов и профессий, связанных с мореплаванием; условия фрахта, процедуры, сборы; названия документов и справочных пособий. Здесь можно проследить следующую тенденцию: по-русски даются, прежде всего, единицы, связанные с советским мореплаванием («*Гидрографическое управление РККФ*», «*ОСВОД*», «*ЦНИИВТ*», «*Книга регистровая Регистра Союза ССР (Торгфлот)*», «*Удостоверение на годность к плаванию*», «*Водоизмещение военного корабля стандартное*», «*Комиссар военный корабля*», «*Листы сборные русские*», «*Описание маяков, башен и знаков*»). С переводом на английский или в переводе с английского приводятся скорее международные или связанные с Великобританией единицы («*"Книга синяя" (Blue book)*»; «*Board of Trade – Борд оф Трэд*»). Примеры словарных статей: «*List of Lights – английское описание маяков, издаваемое с ежегодным дополнением Гидрографическим Департаментом английского Адмиралтейства*»; «*Деливри ордер (delivery order) – документ, служащий в хозяйственном обороте и в особенности в международном торговом обороте для дробления отправленной по одному коносаменту партии товаров на более мелкие части. // В морской торговле СССР имеет применение только по экспортным отправкам*»; «*Фритерн (free of turn) – условие фрахтования, согласно которому счет сталийного времени начинается после прибытия судна в порт и подачи им нотиса о готовности к производству грузовых операций, независимо от того, предоставлен ли судну причал или нет, причем ожидание судном причала относится за счет фрахтователей. // Этот термин противопоставляется термину regular turn или loading in turn*»). По-английски даются формулировки, используемые в документах: «*Fob and stowed – судовладелец свободен от расходов по погрузке товаров на борт и штивке его в трюмах*», «*According to the custom of the port – одна из оговорок, вносимых иногда в фрахтовый договор, означающая, что судно сдает груз "в соответствии с обычаями порта"*», «*Not negotiable – "не имеющий торгового значения" – штамп, ставящийся по диагонали на копиях коносамента*, «*A/d (after date) (англ.) – "от сего числа"*».

Словарь-справочник включает несколько интересных исключений-реалий, которые вряд ли будут востребованы в профессиональной коммуникации: «*Джек Тар – шутовое прозвище матроса английского военного флота, противопоставляемое*

такому же прозвищу солдата британской армии – Томми Аткинс». Они содержат лингвокультурную информацию.

Получается, что включенные в словарь-справочник единицы можно разделить на два типа: термины, имеющие соответствия, и наименования, требующие не столько перевода, сколько справочной информации. Последние могут оформляться по-разному. Предпочтение русского или английского языка для оформления заглавного слова и присутствие перевода зависит от того, связана ли единица с международным взаимодействием, к какой действительности она ближе (советской или зарубежной), на каком языке вероятнее обнаружить эту единицу. Неоднородность микроструктуры словаря объясняется тем, что в различных коммуникативных ситуациях пользователь нуждается в информации различных типов [Bergenholtz, Agerbo 2017: 28].

Возникает вопрос об удобстве словаря-справочника для пользователя. Трудности при поиске информации возникают из-за неоднородного структурирования материала, а также смешивания русского и латинского алфавитов. Латинские буквы транслитерируются/транскрибируются (*G = Г; U = У; W = В* и др.) и размещаются не всегда последовательно. Например, единица “*Ocean passages of the world*” оказывается между «*Охранитель...*» и «*Очистить...*», “*bleeding*” – перед «*бить склянки*». Отдельную трудность представляют аббревиатуры, состоящие из букв, которые имеются и в кириллическом, и в латинском алфавите. Небольшой объем словаря-справочника позволяет просто просматривать статью за статьей, однако может ли быть уверен пользователь, что найдет искомое?

Как показывает анализ, переводные соответствия в словаре-справочнике являются не дополнением, а важной составляющей в силу того, что торговое мореплавание связано с межкультурной и межъязыковой коммуникацией. Оно требует использования иностранных (прежде всего англоязычных) пособий, перевода документов и их составления на иностранных языках, взаимодействия с лоцманами и официальными лицами портов, соблюдения правил, изложенных на иностранных языках. Формат словаря-справочника определяет неоднородность структуры его статей, поскольку на первый план выходит необходимость в разных видах информации.

Литература

Андреев В.П., Соломин В.П. Каким должен быть учебный терминологический словарь // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 9 (46). С.38-51.

Епимахова А.С. Лексикографическая деятельность Д.А. Лухманова: Краткий словарь морских терминов и выражений // Лексикография и коммуникация 2023: сборник материалов IX Международной научной конференции, г. Белгород, 20-21 апреля 2023 г. С. 36-42.

Епимахова А.С. Переводные словари, составленные на Поморском Севере, как средство трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 946-951.

Жеребило Т.В. Типы лексикографической информации в учебном словаре лингвистических терминов // Вестник Мордовского университета. 2009. № 2. С. 112-121.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.

Краткий морской словарь-справочник / При участии и под ред. флагмана 2 ранга Ю.Ф. Ралль и капитана дал. плавания М.В. Васильева. Л.-М.: Вод. транспорт, 1938.

Bergenholtz H., Agerbo H. Types of Lexicographical Information Needs and their Relevance for Information Science // Journal of Information Science Theory and Practice. 2017. 5(3). P. 15-30.

*A.S. Epimakhova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

EQUIVALENTS IN A DICTIONARY/HANDBOOK

The paper deals with the macro- and microstructure of a naval dictionary/handbook published in the USSR in 1938. Lexicographic information types are analysed. The heterogeneity of this dictionary/handbook is due to the fact that its authors and editors aspired to create a multifunctional resource, while the included units are not equally related to intercultural and interlingual communication.

Key words: dictionary, naval dictionary, handbook, information, types of information.

*Zherdeva O.N., Frolova O.V. (Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State Technical University
vigrijanova@mail.ru
Skubieva E.N. (Barnaul, Russia)
Altai State University
Nikoles 16@mail.ru*

POETIC TRANSLATION AS AN ASPECT OF COGNITIVE LINGUISTICS (Based on a comparative analysis of the translations of H. Heine's poems by A. Fet and F. Tyutchev)

The middle of the 19th century in Russian literature is associated with the emergence of revolutionary principles in the field of poetic translation. The “free translation” prevailing at that time helped the translator’s self-expression, often remotely resembling the original. The “literalist approach” in poetic translation defended by A.A. Fet, was expressed by the accuracy in translations that meant not only concern for the transfer of linguistic difficulties, but also contributed to the preservation of the cultural code of the original work in the translated poem.

Key words: cognitive linguistics, literary translation, H. Heine, A. A.Fet, F.I. Tyutchev.

Literary translation is undoubtedly a subject of cognitive linguistics which is reflected in the lexical, semantic, syntactic and cultural levels.

In the middle of the 19th century, a galaxy of poets - translators of German poetry, among them A.A Fet, F.I. Tyutchev, Ap. Grigoriev, M.L. Mikhailov, L.A. May appeared in Russian literature.

One of the defenders of the principles of “literal translation” was A.A. Fet. The poet’s contemporaries noted Fet’s tendency to excessive accuracy to the detriment of artistry [Лазурский 1894: 34-35]. However, “Fet’s desire for accuracy in translations meant, first of all, concern for the transfer of the most difficult speech turns, especially bold poetic images and forms of the original” [Патрауз 1812-1970: 221], and the poet himself believed that the accuracy of translation contributes primarily to the transfer of the cultural code of the original work.

For Tyutchev, Russian by origin, who lived in Germany for more than twenty years, German culture, as well as for Fet (German by origin, bilingual), was not a stranger. In addition, Tyutchev was personally acquainted with Heine and became the first poet-translator who introduced to the Russian reader the works of the German poet. Due to these

circumstances, it seems interesting to make a comparative analysis of the translated texts of these two Russian poets and to identify the translation originality of each.

This paper provides a comparative analysis of the translations of H. Heine's poems "Ein Fichtenbaum steht einsam" and "Wie der Mond sich leuchtend draengend" by A. Fet and F. Tyutchev).

Comparing the translations of Heine's poems "Ein Fichtenbaum steht einsam" and "Wie der Mond sich leuchtend dränget" by Fet and Tyutchev, we came to the conclusion that Fet's translations are textually more accurate than Tyutchev's. In the translated poem "From the Other Side" ("Ein Fichtenbaum steht einsam"), the liberty of Tyutchev as a translator is already manifested in the fact that he gives the poem a title, while in the original there is none. The text is also a rather free arrangement: in the first stanza, Tyutchev has poetic images of "blizzard" and "frosty haze", which are not in the original; in Heine's text, the pine is dormant, covered with a "white veil", in Tyutchev's cedar, "a blizzard cherishes the dream". The discrepancy is also observed in the third and fourth lines of the second stanza of Tyutchev's arrangement: the translator introduces a new image of the "fiery sky", replaces the lexeme "hot" with "sultry". As in the original, the palm tree is lonely in the translation, but Tyutchev eliminates the moment of suffering, omitting the lexeme "sad" and introducing an additional lexeme "blossoms" into the translated text.

Fet's translation of this poem can be called almost verbatim. The introduction of the terms "silent", "deep" (about sadness) in the third line of the second stanza makes the tragedy more tangible and the text itself more emotional. Let's compare the third and fourth lines of the first and the same lines of the second stanza, where there are discrepancies, in the original and two translated versions: Tyutchev's and Fet's.

Heine	Tyutchev	Fet
It is dozing: covered with a white blanket By ice and snow.	And it fell asleep sweetly in the frosty haze, And blizzard cherishes its sleep.	It slumbers, severely covered With snow and ice carpet...
Lonely and silently sad it stands On a hot rock wall.	Under a fiery sky, on a sultry hill It stands and blooms, alone	In silent, deep sadness it stands, Alone, on a hot rock.

In Tyutchev's translation, in our opinion, the simplicity and naturalness of Heine's poem are lost; the stylistic details of the original are eliminated, bringing the "pine" and "palm tree" closer to the ordinary mental states of a person experiencing his modest tragedy. There are no images of a bed. In Heine, the pine tree is "dormant", it is covered with a "blanket" - the image contains everyday shades, and they are combined with meanings that lie outside everyday life. Tyutchev immediately proceeds to the second, philosophical and lyrical meaning given by the German poet in the depths of the poem. Fet, as we see, in his translation, following the original, conveys both the first (everyday) and the second (philosophical) plan of the poem, preserving the stylistic features of the original.

Therefore, in a certain sense, Fet, like Mikhailov (also the translator of this poem), more accurately reproduces the rhythmic nature of the original poem. Fet uses amphibrach because he perceived it in the Russian translation tradition as the rhythmic equivalent of the German dolly, thus, in terms of rhythm, although he does not use dolly, he is still more accurate than

Tyutchev. We can say that Fet, to a greater extent than Tyutchev, listens to the Russian translation tradition, and in this regard is more professional. Using amphibrachs, Fet exactly copies the length of the line, while Tyutchev arbitrarily alternates lines of different lengths, which is not due to the peculiarities of the original poem.

In the translation of Heine's poem "Wie der Mond sich leuchtend dränget", both Fet and Tyutchev reproduce the verse size of the original. However, Fet's translation is textually closer to the original than Tyutchev's:

Heine: *So emerges from the dark times
In front of me a bright picture.*

Tyutchev: *So, alone, in the night of the past
A beam of light shines on me.*

Fet: *Like the moon, shining in the darkness,
A clear image appears in front of me.*

Fet's translation of the first stanza is very close to the original both in meaning and in lexical composition.

Differences between Tyutchev's text and the original are also observed in the third or fourth lines of the second and third stanzas and in the first line of the fourth and fifth stanzas. In the first line of the fourth stanza, Tyutchev makes a replacement. In the original: "The lutes rang / The boys sang", Tyutchev: "Tambourines rang / The children sang." The discrepancy between musical instruments is also interesting: the translator replaces the stringed instrument "lutes" with "tambourines" - a percussion instrument. Fet in his translation does not name the instrument at all, but it has got strings ("Strings are languishing ..."), and therefore Fet's translation is more accurate in this respect.

In Tyutchev's translation, there is a tendency to replace the "original" lexemes not with synonymous ones, as in Fet's, but with individual ones: "picture" with "beam", "bright" with "pleasant", "the shores smoldered in the beam of the evening sun" with "the shores resounded", "gold of the sun" to "flaming evening", etc. At the same time, there are quite a lot of synonymous replacements: "soul" to "heart", "shine" to "glow", "wide" to "spacious", "beautiful" to "cute", etc. Also noticeable is the tendency of Tyutchev as a translator to make Heine's vocabulary archaic, which is not observed in the Fet's translation.

According to N. Ya. Berkovsky, this poem by Heine, close to the song style, received from Tyutchev a semblance of a high praise [Берковский 2001: 8]. Indeed, due to inversions ("In the eyes of a sweet companion", "And the sky became azure"), the location of the verb in the line in last place ("Along the Rhine they rushed"; "In front of us were heard"; "Quiet evening was blazing", etc.), the presence of archaisms, as well as, probably, the intentional replacement of "lute" with "tambourines" creates a certain solemnity, grandiloquence inherent to high style. Fet's translation conveys the stylistic features of the original.

An analysis of other Tyutchev translations ("Der Schiffbrüchige", "Fragen", etc.) confirms the desire of the poet-translator to give monumentality, solemnity to Heine's works, to highlight, even in lyrical poems, philosophical content, which is characteristic of Tyutchev's own work, although the German poet, on the contrary, does not accentuate the philosophical originality of his verse.

Thus, we can conclude that Fet, following the trend of "literal" translation adopted by him, reaches the closeness of the translated poems to the original at the lexical level (using

synonymous constructions), preserves the stylistic features of the original, and conveys the metrical features of the original in the ways possible in Russian versification. These techniques help to preserve the cultural code of the original works.

References

- Лазурский В.А.* Фет как поэт, переводчик и мыслитель. М.: Русская мысль. 1894.
Ратгауз Г.И. Немецкая поэзия в России // Золотое перо: Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах. 1812-1970. М.: Прогресс, 1974.
Heines W. In Fünf Bände. В.I. Berlin and Weimar, 1972.
Фет А.А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986.
Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1987.
Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб: Азбука-классика, 2001.

Жердева О.Н., Фролова О.В. (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
Скубиева Е.Н. (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный университет

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД КАК АСПЕКТ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (на материале сравнительного анализа переводов стихотворений Г. Гейне А. Фетом и Ф. Тютчевым)

Середина XIX в. в русской литературе связана с появлением революционных принципов в области поэтического перевода. Господствующий в то время «вольный перевод» помогал скорее самовыражению переводчика, часто отдаленно напоминая оригинал. «Буквалистский подход» в поэтическом переводе отстаивал А.А. Фет, стремление которого к точности в переводах означало не только заботу о передаче языковых трудностей, но и способствовала сохранению в переводном стихотворении культурного кода оригинального произведения.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, художественный перевод, Г. Гейне, А Фет, Ф. Тютчев.

А.С. Зоткина (Москва, Россия)
Московский городской университет
zotkinaaz@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ МАССМЕДИАЛЬНОГО ДИСКУРСА)

В фокусе внимания изучение способов перевода лексических интенсификаторов, используемых в контексте массмедиального дискурса. Исследование предполагает рассмотрение особенностей массмедиального дискурса, выявление сущности и признаков лексических интенсификаторов, а также обозначение стратегий англо-русского перевода лексических единиц, выполняющих функции интенсификации.

Ключевые слова: лексический интенсификатор, медиадискурс, эмотивность, экспрессивность, переводческая трансформация.

Современные исследователи отмечают, что доминирующей тенденцией в сфере массмедиа является «преобладание эмоциентрированной аргументации над рациональной», видящей своей целью формирование не знания, а мнения [Степанов

2007: 70]. Данная установка на эмоциональность в массмедиальном тексте как персуазивном обосновывает использование различных инструментов манипуляции мнением реципиента, «обладающих сильным воздействующим потенциалом» и способностью подчеркивать определенные элементы высказывания, что и является принципиальной целью персуазивной коммуникации [Чернявская 2017: 43]. При этом, важным конструктивным принципом организации медиатекста, обеспечивающим реализацию основных функций СМИ, традиционно признается принцип чередования стандартных и экспрессивных сегментов текста. Стандарт понимается как немаркированные языковые единицы, существующие в готовой форме, которые воспринимаются однозначно и легко переносятся из текста в текст. В свою очередь, экспрессия – это маркированные элементы медиатекста, выражающие авторское отношение к содержанию высказывания и оценку [Сметанина 2002: 46] и выступающие лингвистическими средствами манипуляции. Лексические интенсификаторы, как средства семантической гиперболизации оценки, направленные на позитивную либо негативную интенсификацию признака [Берестнев, Васильева 2016: 21], способствуют выражению авторского мнения. При этом, слово «не только отражает различие в эмоциях, положительных и отрицательных оценках», но также имеет возможность направлять и управлять восприятием и пониманием реципиента, т.е. оказывать манипулятивное воздействие [Рюкова 2016: 431].

В контексте переводческой интерпретации информационного сообщения, принадлежащего к массмедиальному дискурсу, на другом языке принципиально важно сохранить эмотивный потенциал текста для достижения переводческой эквивалентности и адекватности, избегая, при этом, «конфликтов знаний, мнений, интерпретаций и вызванных ими коммуникативных неудач» [Болдырев 2023: 22]. Перевод предполагает транспонирование знания, образов из одной лингвокультурной системы в другую, «(де)кодирование информации, (ре)конструирование «чужой» концептуальной картины мира» [Рябова, Соколова 2023: 554], что также обуславливает необходимость учета особенностей перевода интенсификаторов именно в массмедиальном дискурсе.

В рамках исследования была составлена классификация лексических интенсификаторов в зависимости от их принадлежности к той или иной части речи. Так, в журналах общественно-политической направленности наличие данного компонента базируется на необходимости интенсификации оценки политической ситуации в стране или в мире, гиперболизации описания успехов и неудач во внутренней политике, проводимой государством, либо в продвижении деятельности какого-либо политического деятеля или усиления критической оценки его поведения. Подобным образом формируется когнитивный фон аудитории, «коллективный (разделяемый) и индивидуальный (специфический) опыт и знания о мире и языке, которыми владеют участники коммуникации» [Болдырев 2023: 23].

В большинстве случаев персуазивная функция коммуникации реализуется посредством интенсифицирующих наречий типа *absolutely* (абсолютно, совершенно), *extremely* (чрезвычайно), *partly* (частично), например: ...*fake reviews that are extremely hard to tell from real ones* (Bloomberg Opinion). – ...*фальшивые обзоры, которые чрезвычайно сложно отличить от реальных* (ИноСМИ.RU).

Отметим, что в контексте интенсификации к этой категории также относятся единицы *so* и *such*, способные выполнять функцию наречий в конкретных случаях: *Why Trump's insistence on using unsecured phones is such a disaster* (NBC News) – *Почему*

настойчивость Трампа на использовании незашифрованных телефонов – это настолько катастрофично.

Частотность использования данных единиц можно обосновать их сочетаемостью с большинством категорий частей речи, в частности, с прилагательными, существительными (в случае *so* и *such*), а также глаголами и другими наречиями.

Помимо сочетаемости с наречием-интенсификатором, некоторые прилагательные сами по себе обладают оттенком усиления, например, *absurd* (абсурдный), *discredited* (дискредитированный), *burdensome* (обременительный). Данные единицы широко распространены в массмедиаальном дискурсе с целью актуализировать манипулятивное намерение адресанта, повлиять на восприятие адресатом того или иного политического, социального или экономического явления: *The requests are enormous and could become increasingly burdensome...* (The Washington Post) – По словам аналитиков, просьбы огромны... и грозят стать еще обременительнее для бюджетов (ИноСМИ.RU). Еще одним видом прилагательного-интенсификатора являются прилагательные с префиксами усиления либо деинтенсификации, такими как *super-*, *over-*, *under-*, *extra-*. Префиксы такого типа также имеют высокую сочетаемость с различными прилагательными, что обеспечивает простоту словообразования подобных комплексных единиц [Сулейманова 2017], отраженную в частотности их использования в массмедиаальном дискурсе: *Wilson's report is less overblown than Scotland's Future...* (Chatham House) – Доклад Уилсона менее претенциозен, чем «Будущее Шотландии»... (ИноСМИ.RU).

Анализ практического материала продемонстрировал, что при переводе интенсификаторов *such* и *so* на русский язык требуется прибегнуть к «грамматической перестройке высказывания, состоящей в частеречных заменах», либо к синтаксическому уподоблению [Сулейманова 2010: 220]. Передача наречия *such* подразумевает его замену на указательное местоимение *такой*, синтаксическое уподобление определительным наречиям *настолько* и *очень*, либо определительному наречию *просто*: *It's been such an amazing journey* [CBS News]. – Это было **просто удивительное приключение**. В свою очередь, в ходе синтаксического уподобления наречие *so* можно трансформировать в указательное наречие *так*, определительные наречия *настолько* и *столь*, либо выполнить частеречную замену на указательное местоимение *такой*: *Donald Trump was so impressed by France's Bastille Day parade...* [The Washington Post] – Дональд Трамп был **так впечатлен парадом во Франции в День взятия Бастилии**... [ИноСМИ.RU].

Подведем некоторые итоги. В результате исследования было выявлено, что:

- сочетание наречия-интенсификатора и прилагательного передается при помощи конструкции **определительное наречие + качественное прилагательное в полной / краткой форме**: *less vulnerable* / *менее уязвимым*;

- конструкция наречие-интенсификатор + глагол передается сочетанием **определительное наречие + глагол** (...*she appeared less than fully fit and somewhat unassured on her jumps* (nytimes) – ...она **выглядела не совсем готовой и не очень уверенной в прыжках** (ИноСМИ.RU);

- сочетание наречия-интенсификатора и другого наречия переводится при помощи конструкции **определительное наречие + прилагательное в сравнительной степени**: *pushed harder* / *стали настойчивее требовать*.

Анализ эмпирической базы исследования позволил выявить, что прилагательные с интенсифицирующим значением передаются на русский язык при помощи добавления (компенсации) или синтаксического уподобления: *dead wrong* – **глубоко**

ошибочно. Передача прилагательного в сравнительной степени подразумевает добавление наречия в сравнительной степени *более*: *greater potential threat* – *более серьезную потенциальную угрозу*. В свою очередь, в ходе синтаксического уподобления прилагательное в превосходной степени можно преобразовать в качественное прилагательное в превосходной степени: *the easiest way* – *самый простой способ*. Прилагательные-интенсификаторы типа *over-*, *under-*, *super-*, *mega-*, *extra-*, *ultra-* с интенсифицирующим компонентом, заключающемся в префиксе, переводятся при помощи лексем с кальками *супер-*, *мега-*, *экстра-* и *ультра-* (*ultra-cheap smuggled crude* – *ультра-дешевую контрабандную нефть*).

Таким образом, понимание перевода как реконструкции языковой и внеязыковой действительности предполагает достижение переводческой эквивалентности и адекватности. В этом случае сохранение нормативной и эмотивной составляющих текста, в том числе, выраженных посредством использования лексических интенсификаторов, позволит полноценно реализовать персуазивную функцию массмедиа-текста, формируя у реципиента необходимый когнитивный фон.

Литература

Берестнев Г.И., Васильева И.Б. Эмотивные интенсификаторы английского и русского языков: от типологии номинаций к когнитивным установкам // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2016. № 1 (383). С. 21–32.

Болдырев Н.Н. Учет коллективного и индивидуального знания в бесконфликтной языковой коммуникации / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 21-26.

Рюкова А.Р. Языковые способы реализации персуазивности / А.Р. Рюкова, Е.А. Филимонова // 2016. Т. 21 № 2. С. 431-435.

Рябова, И.Ю. Перевод в аспекте синергетического мировидения / И.Ю. Рябова, Л.А. Соколова // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 554-558.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динам. процессы в яз. и стиле журналистики конца XX в. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.

Степанов В.Н. Экстралингвистические характеристики языка средств массовой информации / В.Н. Степанов // Язык средств массовой информации. Сб. обзоров / Центр гуманит. науч-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Трошина Н.Н.М., 2007. С. 6-83.

Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н., Карданова К.С. Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов М.: Издательский центр «Академия», 2010. 240 с.

Сулейманова О.А. Переводческий тренинг: синтаксические трансформации в русско-английском переводе / О.А. Сулейманова, Л.А. Борботько, Е.Л. Федорова. М.: Языки народов мира, 2017. – 186 с.

Чернявская В.Е. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: Учебник для магистратуры / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыхенко. М.: Ленанд, 2017.

*A.S. Zotkina (Moscow, Russia)
Moscow City University*

RENDERING LEXICAL INTENSIFIERS IN MEDIA TEXTS

The study regards the English-Russian translation of lexical intensifiers in media discourse. It considers the features of media texts and lexical intensifiers, reveals translation strategies for emphasizing lexical items.

Key words: lexical intensifier, media discourse, emotiveness, expressiveness, translation transformation.

МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС КАК СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ ПРИ- НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА И А. П. ЧЕХОВА)

В работе рассматривается метонимия как стратегия перевода русских приставочных глаголов на английский язык. Анализ выполнен на материале произведений И. А. Бунина и А. П. Чехова и их переводов на английский язык. На примере глаголов с приставкой *при-* рассматривается способность глагольного префикса менять свое исконное пространственное значение, а также эффективность метонимии при передаче значений префиксов на английский язык.

Ключевые слова: русские приставочные глаголы, перевод с русского языка на английский, приставка *при-*, перевод художественной литературы, метонимия, каузальная метонимия, обстоятельственная метонимия.

Как известно, русский язык в силу своей синтетичности отличается развитой морфологией, что является его характерной чертой и одновременно переводческой проблемой.

Целью данного исследования является анализ русских приставочных глаголов (с приставкой *при-*) с точки зрения семантики в переводческой перспективе.

Методика исследования определялась целью исследования и поставленными задачами. Первый этап состоял из анализа лексикографических источников – толковых словарей русского языка [Шведова 1980: 375; Добрушина 2001: 39] и позволил выделить 7 значений глагольной приставки *при-*: значение «*приближения*», «*неполноты действия*», «*доведения действия до результата*», «*второстепенного*» и «*дополнительного*» действия, образования возвратного глагола со значением «*приобретения свойства и приспособления к чему-либо*». Далее был проведен корпусный анализ (корпуса двуязычных текстов НКРЯ), результаты которого показали, что частотность данной приставки была наиболее высокой в художественной литературе в период конца XIX и начала XX в. На втором этапе методом сплошной выборки была создана эмпирическая база исследования на основе десяти рассказов русских писателей И.А. Бунина и А.П. Чехова. В строку поиска вводилась приставка *при**, что позволило получить примеры употребления 146 приставочных глаголов. В 29 случаях приставка была использована со значением «*неполнота действия*»; в 39 – «*доведение до результата*»; в 50 – «*приближение*»; в 15 – «*приспособление к чему-либо*»; в четырех – «*второстепенное действие*»; в девяти – «*дополнительное действие*». На третьем этапе был выполнен контекстуальный анализ исходных фрагментов текста с приставочными глаголами и способов их перевода на английский на базе переводов рассказов А.П. Чехова и И.А. Бунина [Garnett 1948; Koteliansky 1923].

В целом, исследователи считают, что различия языков на морфологическом уровне определяют необходимость изменения единицы перевода с переходом на другой уровень языка: с морфологического (приставочный глагол – *приехать*) на уровень слова («простой» глагол – *to come*) или фразового глагола (*прибежать* – *to run up*), а также уровень словосочетания (*привязываться* – *to become attached to*) [Сулейманова 2010: 24].

Результаты исследования показали, что наиболее частотной стратегией перевода глаголов с приставкой *при-* является использование «простого» английского глагола, в семантике которого отражена семантика приставки.

Ср.: ...на чердаке пятиэтажного дома, населенного евреями, из тех, что в семью **приходят** только к вечеру и ужинают в шляпах на затылок - ...in a garret; the house is occupied by Jews – of the sort that **come** to their families only toward evening and who sup with their hats shoved on the back of their heads.

Стоит отметить, что в ряде случаев (45) перевод русских приставочных глаголов сопровождается сложными структурными преобразованиями на базе метонимического причинно-следственного (40) и обстоятельственного переносов (5).

Основой метонимии, как известно, служат пространственные, событийные, ситуативные, семантические, синтаксические и логические отношения между различными категориями объектов, демонстрирующие неслучайную связь между ними. Иными словами, метонимия основана на переносе по смежности, т. е. замещении предполагаемого по контексту объекта некоторым другим, но так, чтобы в процессе восприятия сообщения замещенный объект мог бы быть восстановлен [Лотман 1979: 110–111]. Метонимические переносы в сфере предиката традиционно разделяют на два основных вида: причинно-следственная (или каузальная, которая базируется на причинно-следственной связи глаголов, описывающих сходный процесс/действие) и обстоятельственная метонимия [Сулейманова 2010: 124].

Ср.: *Фельдшерница говорит: **придешь** в избу и что видишь?* - *The doctor's assistant says one **goes into** a cottage and what does one see?* (значение «приближение»). Причинно-следственный метонимический перенос при переводе построен по схеме *действие (причина) – следствие*. *Придешь* в избу, следовательно, *зайдешь* в помещение.

Ср. также: ***Приехал** я в "Гималайское" после полудня.* - *I **reached** 'alias Himalaiskoe' in the afternoon* (значение «приближение»). *Приехал* – достиг места назначения (следствие – причина).

Проведенный анализ показал, что в большинстве случаев метонимический перенос способствует сохранению значения приставки при переводе (11 из 13).

Ср.: *Очень, правда, боялась, что **пристанет** от него ко мне чахотка...* - *I was awful afraid, to tell the truth, that I might **get** a consumption from him.* Причинно-следственный перенос осуществляется по схеме *причина - следствие* (*пристанет чахотка - получит чахотку*). Значение приставки *при-* («доведение действия до результата») при переводе сохраняется.

Ср. также: *Когда выпал первый снег, она съездила в город и **привезла** старичка...* - *When the first snow fell she drove to the town and **fetched** an old man...* (*привезла – съездила на место, где находится объект и вернулась обратно*). Значение приставки сохранено.

Однако в двух случаях значение приставки не сохраняется, ср.: *Когда Васильеву **приходилось** по костюму или по манерам узнавать на улице падшую женщину...* - *When it had **happened** to Vassilyev in the street to recognize a fallen woman as such, by her dress or her manners...* Причинно-следственный метонимический перенос построен по схеме *действие – следствие*: *приходилось*, следовательно, *случалось*. Тем не менее, значение приставки «доведение действия до результата» не сохранено, хотя перевод можно оценить как адекватный.

Основной трудностью при переводе является передача значения приставки «неполнота действия». Причинно-следственный перенос при переводе использовался в 8 случаях, и только в 3 случаях значение приставки было сохранено, например:

...Владимир Прохорыч длинно докладывал мне о разных делах. Самое приятное он **приберег** к концу - ...*the bailiff gave me a long report on various matters. The most agreeable item he saved for the last.*

Приставка *при-* со значением «приближение» переводилась при помощи причинно-следственного метонимического переноса 10 раз (из 50). В 8 случаях значение было сохранено, ср.: ...*если ты будешь приставать, так и совсем не куплю ничего* - *If you are going to bother me, I won't buy you anything at all.* Приставать, следовательно, беспокоить, докучать.

Ср. также: ... *он жил около города на конском заводе и приехал теперь на охоту* (значение «приближение») - *He lived at a stud-farm near the town, and had come out shooting...* Приехал на охоту – вышел пострелять. Значение приближения утеряно.

Причинно-следственная метонимия также встречается при переводе значений «дополнительное действие» (4/9) и «приспособление» (6/15). Значение «второстепенное действие» не является частотным (4/146), метонимический перенос при переводе не был выявлен.

Рассмотрим примеры перевода с использованием обстоятельственной метонимии. Обстоятельственная метонимия строится на замещении основного действия (процесса, состояния и т. п.) обозначением регулярно сопутствующего этому действию звукового, визуального или иного эффекта. В анализируемом корпусе примеров перевод приставочного глагола с помощью обстоятельственной метонимии осуществлялся только в 5 случаях, когда в тексте описывались следующие обстоятельственные характеристики действия: поза человека или звуковое сопровождение действия.

Рассмотрим перевод приставки «приближение»: *Марья, старшая невестка, побледнела, прижалась к печи, и как-то странно было видеть на лице у этой широкоплечей, сильной, некрасивой женщины выражение испуга.* - *Marya, the elder sister-in-law, turned pale and huddled against the stove, and it was strange to see the look of terror on the face of the strong, broad-shouldered, ugly woman.* При переводе акцент переносится со значения «приближения» на описание позы человека под воздействием эмоции испуга. Английский глагол *huddle* описывает героиню, сидящую у печи, которая обнимает себя руками, поджав ноги от испуга.

Ср. также: *Он припал к плечу старика и всхлипнул.* - *He leaned his face on the old father's shoulder and gave a sob.* В данном случае также описывается поза человека.

Таким образом, с учетом различий в строе русского и английского языков, метонимический перенос является распространенной стратегией при передаче значений русских приставочных глаголов.

Литература

Агеева Н.Г. Типология и механизмы глагольной метонимии в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990.

Добрушина Е.Р. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы. Глава 2. Формальные семантические схемы девяти приставок // Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. Сборник. М.: Русские словари. 2001. С. 43–48.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. М., 1979.

Сулейманова О.А. Грамматические аспекты перевода: / Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н., Карданова К.С. и др. М.: Издат. Центр «Академия». 2010. С. 231-233.

Шведова, Н.Ю. Русская грамматика: в 2 т. [Текст] / Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

A.P. Chekhov. The lady with the toy dog, and other famous short stories. Translated from the Russian by S. S. Kotliansky. London, 1924.

I.A. Bunin. The gentleman from San Francisco and other stories. Translated and edited by S. S. Kotliansky. London: Thomas Seltzer, 1923.

E. V. Iliina (Moscow, Russia)
Moscow City University

METONYMY AS A STRATEGY IN TRANSLATION OF RUSSIAN PREFIXAL VERBS INTO ENGLISH (EXEMPLIFIED BY A. P. CHEKHOV AND I. A. BUNIN'S STORIES)

The paper studies metonymy as the strategy of translating Russian verbs with the prefix *pri-* into English. The research is based on Russian fiction of the late 19th and early 20th centuries, namely stories by I. A. Bunin and A. P. Chekhov. The research aims to explore the ability of prefixes to transform the original meaning of the verb, increasing its semantic potential. The results show the ways of metonymic translation of Russian verbs with prefixes into English.

Key-words: Russian prefix verbs, Russian-to-English translation, prefix *pri-*, translation of fiction, metonymy.

М.И. Корнеева (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
m1korneeva@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ЖОРЖА ПЕРЕКА “LA DISPARITION” («ИСЧЕЗАНИЕ»)

В статье рассмотрены трудности при переводе литературы формальных ограничений и способы их преодоления на материале романа-липограммы Ж. Перека “La Disparition”. Цель работы – проанализировать используемые переводчиком трансформации и их роль в передаче эквивалентного коммуникативного эффекта. На основе положений коммуникативно-функционального подхода В. Сдобникова, а также классификации трансформаций в статье делается вывод о том, что коммуникативный эффект романа-липограммы может быть сохранен лишь на прагматическом уровне.

Ключевые слова: коммуникативно-функциональный подход, коммуникативный эффект, прагматическая эквивалентность, формальные ограничения, липограмма.

Жорж Перек – один из наиболее продуктивных писателей-участников экспериментального объединения УЛИПО («Цех потенциальной литературы»). Созданная в 1960 г. группа математиков и литераторов занимается изучением и применением в искусстве формальных ограничений: такая литература получила название комбинаторной. Среди характерных ее приемов отмечают перестановки, центоны, липограммы и другие [Бонч-Осмоловская 2009: 510]. Творческие пути УЛИПО и Ж. Перека пересеклись в 1967 г., однако писатель и до вступления в объединение исследовал возможности литературы, в том числе самоограничения. Любитель вызовов, экспериментов и игры со словом, Перек всегда был «улипистом по натуре» и даже называл себя «отпрыском УЛИПО», как отмечал Г. Мэтьюз [Matthews 1983: 140].

Г. Мэтьюз, И. Кальвино [Matthews 1983: 136] и другие современники сходятся во мнении об оригинальности Перека. Серьезные занятия комбинаторным творчеством

можно назвать важнейшей чертой, объединяющей его с УЛИПО. Несмотря на бытующую недооценку литературы ограничений и признание ее лишь в функции «упражнения в остроумии», улиписты выстроили свой метод на практике формальных навыков для достижения «систематического мастерства» [Бонч-Осмоловская 2005]. Для Перека самоограничения были не «уродством языка», а одним из продуктивных методов письма о себе. Потеряв родителей, польских евреев, во время войны, Ж. Перек писал для того, чтобы почтить их память и оставить отпечаток своей собственной жизни [Matthews 1983: 137]. Мотивом отсутствия детства, семьи и воспоминаний проникнуто все его творчество, что П. Бейкер называет «негативной автобиографией»: Ж. Перек использует не исторические факты, а «воспоминания, которых никогда не было», называя себя «тенью на фоне их [родителей] теней» [Baker 2007].

Роман Ж. Перека “La Disparition” построен по принципу липограммы и в русском переводе В. Кислова называется «Исчезание». Жанровая специфика произведения – детектив с элементами готики, в котором исчезают и гибнут персонажи, связанные проклятием – подчинена прагматической установке автора: самая частотная гласная французского алфавита «е» изъята из текста. Роман обладает бесконечно разветвляющейся структурой, интертекстуально насыщен. Герои, по В. Шервашидзе, представляют собой безликие «эмблематические фигуры», необходимые в первую очередь для «исследования власти языка» [Шервашидзе 2015: 5].

Коммуникативно-функциональный подход к переводу, описанный В. Сдобниковым, определяет три возможных переводческих стратегии: **переадресации**, **терциарного** и **коммуникативно-равноценного** перевода. Последняя фундаментальна при переводе художественной литературы в ее социально-эстетической функции, т.к. именно с такой стратегией сохраняется коммуникативный эффект [Сдобников 2019: 19].

Главной задачей для переводчика стало сохранение коммуникативного эффекта с опорой на «читательскую энциклопедию» [Эко 2007: 47], что было достигнуто благодаря семантическим, лексическим, синтаксическим и структурным трансформациям. Цель анализа переводческих операций – проследить, как трансформации позволяют соблюсти установленные автором стилистические и лингвистические ограничения и воспроизвести исходное прагматическое воздействие на читателя в переводе.

В. Н. Комиссаров выделял пять уровней эквивалентности перевода [Комиссаров 1990]. Н. К. Гарбовский располагает их от абстрактных к конкретным: уровень **цели коммуникации** (передача эквивалентного воздействия), **описания ситуации** (ситуативная тождественность), **сообщения**, **структуры высказывания** и **языковых знаков** [Гарбовский 2004: 265]. Трансформации, благодаря которым достигается эквивалентность, В. Н. Комиссаров делит на три группы: **лексические** (калькирование, конкретизацию и генерализацию, модуляции), **грамматические** (дословный перевод, членение и объединение предложений и пр.) и **лексико-грамматические** (антонимический и описательный перевод, компенсации) [Комиссаров 1990]. В. Е. Щетинкин говорит также о **стилистических** трансформациях, в том числе адаптацию [Щетинкин 1987: 43]. Н. К. Гарбовский добавляет **прагматические**, которые называет пределом допустимости переводческих изменений [Гарбовский 2004: 390].

Исключая гласную “е” в романе, Ж. Перек одновременно использует панграммы, палиндромы, аллитерации и иные приемы комбинаторной литературы. Они приводят к исключению значительного пласта лексики, синтаксических конструкций и форм слова. Опускание “е” делает невозможным использование многих форм глаголов

(*Présent, Passé simple, Conditionnel*), союза “*et*”, существительных с окончанием женского рода. Исключенные формы автор компенсирует при помощи доступных глагольных форм (*Participe Présent, Gérondif, Imparfait*), элизии (“*n’y*”, “*quoiqu’il*”), существительных с суффиксом “*-tion*”, омонимии и синонимии. Орфография и грамматика вольно интерпретируются, присутствуют просторечные и разговорные лексические единицы. Также Перек прибегает к высказываниям на латинском, английском, испанском и других языках. Встречается прием кодового переключения (“*Cari amici, dit Olga*”), макаронизмы, окказионализмы (“*désiratif*”).

Рассмотрим, как эти языковые и структурные задачи были решены в переводе. Липограмма сохраняется благодаря грамматическим заменам: вместо “*e*” отсутствует буква “*o*”, самая распространенная гласная русского алфавита. Исключенные формы компенсируются, к примеру, при помощи суффиксации («*винище*») и ненормативных форм («*Арланда*»). Лексические трансформации представлены заменой нейтральных единиц архаичными («*ручеплескание*»), разговорными («*выпендрился*») и научными («*лакуна*»). Встречается также калькирование (“*désiratif*” - «*желатив*»).

Сочетание грамматической (членение) и лексической (модуляция) трансформаций прослеживается в переводе следующего высказывания.

Un milliard, vingt milliards d'oisillons sont morts !

В русском тексте предложение разбито на три, наблюдается произвольная замена числительных с сохранением экспрессии и степени градации:

Умерли птички! Тысячи птичек! Миллиард птичек!

В передаче разговорной речи применяется стилистическая адаптация. Так было передано насыщенное диалектизмами высказывание крестьянина:

Fouchtra pour la Catarina ! Boudiou ! Vlà un roussin qu'ira plus fraîchir son paturin au fournil, Jarnicoton !

В переводе стилистическая окраска сохраняется при помощи просторечий:

Ну, таперича – все: гикнулся жеребец <...> Не присуседится уж, милай, травушку щипать! Ядрена тля!

Перевод липограммы предполагает несовпадение разных языковых систем, поэтому для эквивалентного перевода недостаточно лингвистических трансформаций. Приоритетом является тождественность прагматического воздействия на читателя, для достижения которой возможны и семантические отклонения. Прагматические трансформации требуют адекватной интерпретации ситуации высказывания и подчиняются воле переводчика.

По его собственному замечанию, В. Кислов отвел себе роль «пересказчика»: «потворствуя означаемому», переводчик изменял означаемое. В результате были переработаны композиция романа, переосмыслены реалии и аллюзии, замещены некоторые события и имена собственные [Кислов 2004].

Яркий пример – цикл лирических произведений, переписанных в романе с соблюдением липограммы. Среди переложенных Ж. Переком без “*e*” стихотворений встречаются “*Booz assoupi*” (“*Booz endormi*” В. Гюго), “*Vocalisations*” (“*Voyelles*” А. Рембо), “*Accords*” (“*Correspondance*”) Ш. Бодлера и др. В переводе В. Кислов предпринял комплексные замены. Девять измененных им произведений принадлежат перу русских поэтов: В обработке представлены «*Немь лукает луком немным*» В. Хлебникова, «*Звуки на а широки и просторны*» Д. Бурлюка и др. Стихотворение «*Гласные*» А. Рембо, как ключевой образ в романе, не заменяется.

Прагматически трансформируется панграмма:

Portons dix bons whiskys à l'avocat goujat qui fumait au zoo.

В переводе сохранена комбинаторная форма и основные семемы (алкоголь, зоопарк, адвокат):

Чуя зверинець, где эль ежсей – миф, пыхай еще, шибкий юрист!

В результате исследования можно сделать вывод о том, что минимальное формальное ограничение, введенное на фонетическом уровне, определяет и лингвистические, и стилистические особенности текста. Структурные расхождения языков приводят к несоответствию лексико-грамматического состава перевода оригиналу, и сохранить эквивалентность исходному тексту позволяет применение прагматических трансформаций. Беря за основу формальное ограничение, переводчик как находит структурные соответствия в целевом языке, так и создает новые смыслы, отдав приоритет не семантической, а прагматической эквивалентности.

Литература

Бонч-Осмоловская Т.Б. Введение в литературу формальных ограничений. М.: Бахрах-М, 2009.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М: Издательство Московского университета, 2004.

Кислов В.М. Заключение пересказчика / Ж. Перек. Исчезание. Пер. с фр. В. Кислова. М: ИД Ивана Лимбаха, 2004.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.

Перек Ж. Исчезание / Пер. В. Кислова. М: ИД Ивана Лимбаха, 2004.

Сдобников В.В. Теория перевода (Коммуникативно-функциональный подход). М.: Издательство ВКН, 2019.

Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский: Учебное пособие. М.: Просвещение, 1987.

Эко У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста. М.: Издательство РГГУ, 2007.

Mathiews H. Georges Perec // Grand Street, Vol. 3. № 1. 1983. P. 136-145.

Baker P. Georges Perec's 'Negative' Autobiography. URL: <https://web.archive.org/web/20071223065247/http://pages.towson.edu/baker/negative.htm> (Дата обращения: 12.04.2023).

M.I. Korneeva (Moscow, Russia)
RUDN University

PRAGMATIC TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION OF G. PEREC'S NOVEL "LA DISPARITION"

The article discusses the difficulties in translating the literature of formal limitations and ways to overcome them based on the material of the lipogramatic novel of G. Perec "La Disparition". The objective of the work is to analyze the role of transformations in the transmission of an equivalent communicative effect. Based on the provisions of V. Sdobnikov's communicative-functional approach and the transformations classification, the article concludes that the communicative effect of the lipogramatic novel can be preserved at the pragmatic level.

Key words: communicative-functional approach, communicative effect, pragmatic equivalence, formal limitations, lipogram.

*А.А. Корчуганова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
ankor-01@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОИГРЫ “HORIZON ZERO DAWN”)

Локализация видеоигр – специфическая разновидность перевода, обладающая не только языковыми, но и когнитивно-прагматическими особенностями, связанными с отличительной чертой видеоигр – их интерактивностью. Данная статья посвящена исследованию этих особенностей на материале испанской и русской версий популярной видеоигры “Horizon Zero Dawn”.

Ключевые слова: видеоигра, языковая локализация, межкультурная коммуникация, неточности перевода, когнитивные искажения.

Развитие современного компьютерно-игрового дискурса осуществляется на стыке сразу нескольких областей – языкознания, переводоведения и информационных технологий. Дискурс видеоигр отличается от остальных тем, что погружен в виртуальную реальность [Саяхова 2021: 163]. Перевод, связанный с новизной такого символического дискурса, требует не только комплексного, но и междисциплинарного подхода [Анисимова 2018: 82]. Данный подход в видеоигровой индустрии реализуется посредством так называемой локализации (языковой локализации).

Под локализацией видеоигр понимается «специфический вид перевода, при осуществлении которого учитываются культурно-специфические особенности адресата, а адаптация считается ключевым компонентом всего процесса» [Болотина, Кузьмина 2019: 43; Bernal-Merino 2006: 17]. Локализация, прежде всего, затрагивает пользовательский интерфейс, сам игровой процесс и звуковое сопровождение видеоигры [Рюкова, Филимонова 2016: 969]. В рамках данной работы мы будем считать термины «локализация» и «перевод» синонимичными друг другу, поскольку при адаптации видеоигр, как и в любом другом виде перевода, важнейшую роль играют не только языковые, но и прагматические, а также культурные трансформации.

Т.Г. Кликушина и Д.А. Погорелова приходят к выводу о том, что локализация видеоигр связана с межъязыковым общением [Кликушина, Погорелова 2022: 215]. Д.М. Саяхова высказывает схожее мнение: видеоигровая локализация может рассматриваться как «совокупность когнитивно-прагматических процессов кодирования и передачи информации опосредованным актом межкультурной коммуникации» [Саяхова 2021: 97]. Интерпретируя вышесказанное, отметим, что взаимодействие игрока с разработчиками посредством игры – это один из возможных циклов межкультурной коммуникации. В таком коммуникативном цикле локализаторы выступают в качестве связующего звена: именно от них зависит, насколько правильно будут переданы когнитивные и прагматические функции языка оригинала на язык перевода.

Главная цель любой видеоигровой локализации – воссоздать схожий игровой опыт среди всех игроков, независимо от того, каким языком они владеют и каким культурным фоном обладают. Правильная локализация способна обеспечить более тесные связи между пользователем и игровым персонажем. Когнитивный аспект локализации заключается в том, что адаптированная для иностранной аудитории версия игры передает те же концепты, что и оригинал. В качестве примера можно привести концепты состязания, единства, войны и др. Прагматическая специфика

включает в себя мотивацию игрока к выполнению игровых действий. Например, чтобы пройти игру, ему необходимо победить команду соперника и т.п. [Саяхова 2021: 165].

Ошибки при переводе, напротив, могут привести к когнитивным искажениям, разрушению или неправильному построению связи «игрок-персонаж», отсутствию мотивации у игрока к выполнению игровых действий. Некорректный перевод, низкое качество локализации часто становятся причиной не только негативных отзывов на видеоигру или ее низких продаж, но и непонимания игроками ее основной задумки.

Мы провели сравнительно-сопоставительный анализ испанской и русской версий игры “Horizon Zero Dawn” и дополнения к ней под названием “Horizon Zero Dawn: The Frozen Wilds”, которые были изданы в 2017 г. компанией “Guerrilla Games” и переведены на более чем 10 языков. В процессе исследования мы рассмотрели 104 уникальных игровых наименования, среди которых: имена собственные (антропонимы и топонимы), реалии, названия внутриигровых предметов и ресурсов. Все они были адаптированы с английского языка для русскоязычной и испаноязычной аудиторий, однако результат их адаптации не может быть оценен одинаково с когнитивно-прагматической точки зрения.

Проведенный анализ показал, что обе локализации выполнены на высоком уровне и отвечают основной цели – воссозданию схожего игрового опыта у пользователей из разных стран. Тем не менее, отметим, что с точки зрения стилистики испанская версия вышла более нейтральной, в то время как локализация, выполненная для русскоязычных игроков, характеризуется наличием более книжной и архаичной лексики.

Например, оригинальный топоним “Devil’s Thirst” был адаптирован на русский язык как «Жажда Беса» с использованием такого переводческого приема, как модуляция. Слово «бес» в названии вымышленного географического объекта придает ему дополнительный оттенок (хотя можно было заменить его эквивалентом «дьявол»). Испанский вариант “Sed del Diablo”, представляющий собой результат дословного перевода, напротив, не придает оттеночных значений наименованию и не приводит к искажению исходного смысла. Аналогичное замечание относится и к локалии “Devil’s Grief”, которая по-испански называется “Pesar del Diablo”, а на русский язык переведена как «Злость Беса» – в данном случае существительное «злость» не отражает смысла, заложенного разработчиками – «печаль, горе, страдание».

Уклон в сторону архаичной лексики отражается на восприятии игроком основных концептов произведения. Например, в оригинальной версии новая человеческая цивилизация называет своих предков “Old Ones”. Испанские локализаторы избрали стратегию дословного перевода и адаптировали данный термин как “Los antiguos”, в то время как в российской версии используется прием компенсации – «Предтечи». Слово «Предтечи» не отражает всей полноты исходного смысла оригинала, но идейно сочетается с приведенными выше примерами топонимов.

Однако помимо изменения стилистической окраски, в русской локализации встречаются переводческие неточности, которые полностью искажают восприятие пользователем игрового предмета. В качестве примера можно привести встречающийся в игре костюм “Carja Blazon” (исп. “Blasón Carja”), где Carja – название одного из народов в игровом мире. Слово “Blazon”, как и его испанский эквивалент “Blasón”, является многозначным, среди его значений – «герб», «эмблема», а также «прославление». Данные значения подходят к описанию костюма, поскольку тот предназначен для аристократов. В российской же локализации был использован перевод «Забияка Карха», что не отражает сути костюма и его предназначение – дать

хозяину возможность выставить на показ свое благородное происхождение. В данном случае прагматическая адаптация привела к полной потере заложенного оригиналом значения, а использование игроком костюма потеряло свою статусность.

В испанской локализации также встречаются неточности, которые влияют на логические связи, выстраиваемые пользователем в процессе игры. Например, оружие “tripcaster” (от англ. “to trip” – «спотыкаться» и “to cast” – «бросать»), суть которого в том, чтобы заставить врага споткнуться о растянутые веревки, было адаптировано на испанский язык как “aturdidora” (дословно «электрошокер»). Такой вариант отчасти соответствует функционалу оружия, поскольку его можно заправить особыми веревками, которые бьют током. Тем не менее, в начале прохождения игроку будет сложно понять, как работает оружие, из-за некорректного перевода: удар током – лишь одна из способностей данного предмета. Русскую локализацию – «нитемет» – мы считаем более удачной, ведь она основана на ассоциации как со внешним видом предмета, так и с его функционалом.

Схожий принцип применялся локализаторами при работе с названием машины (робота) “bellowback”, которая носит на своей спине груз с жидкостью. В испанской локализации был использован прием прагматической адаптации на основе ассоциации с поведением машины, поэтому она получила название “recolector” (от исп. “recolectar” – «собирать, добывать»). В основу номинации было положено назначение машины, а именно сбор и перемещение ресурсов. В российской локализации, напротив, в основу была положена ассоциация с внешним видом машины. Делом в том, что слово “bellow” в английском языке имеет множество значений, среди которых есть «мембрана», «мембранная коробка». В рассматриваемой видеоигре машина с мембранной сумкой на спине визуально похожа на существующий предмет быта – бурдюк. Именно такое название она получила в русскоязычной версии. Такой выбор локализаторов, тем не менее, не мог не отразиться на восприятии игроком машины.

На основе вышесказанного мы приходим к следующему выводу: именно от того, как локализаторы «раскодируют» заложенную разработчиками видеоигры информацию, будет зависеть эмоциональный отклик игроков, не владеющих языком оригинала.

В заключение отметим, что языковую локализацию по праву можно считать совокупностью когнитивно-прагматических процессов, нарушения в которых могут привести к искажению заложенных разработчиками видеоигры концепций и смыслов. Переводческие ошибки в этой связи могут предрешить успех или провал игры на международном рынке. Именно поэтому при адаптации видеоигр очень важно учитывать не только эквивалентность перевода, но и когнитивные и прагматические аспекты, сопряженные с уникальным свойством видеоигр, отличающим их от любых других аудиовизуальных произведений – их интерактивностью и возможностью игрока напрямую влиять на ход событий на экране.

Литература

Анисимова А.Т. Феномен компьютерной игры в переводоведческом дискурсе / А.Т. Анисимова // Научный вестник ЮИМ. 2018. №2. С. 82-86.

Болотина М.А., Кузьмина Е.В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. №1. С. 43-50.

Кликушина Т.Г., Погорелова Д.А. Трудности перевода и локализации компьютерных игр в жанре интерактивного кино // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2022. №1. С. 211-223.

Рюкова А.Р., Филимонова Е.А. Перевод имен собственных при локализации мультиплатформенных компьютерных игр // Филология и искусствоведение. Вестник Башкирского ун-та. 2016. Том 24. №4. С. 968-973.

Саяхова Д.К. Языковая локализация видеоигр: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Уфа, 2021.

Bernal-Merino M. On the Translation of Video Games // The Journal of Specialized Translation. 2006. №6. P. 22-36.

A.A. Korchuganova (Moscow, Russia)
RUDN University

COGNITIVE AND PRAGMATIC SPECIFICS OF VIDEO GAME LOCALISATION (ON THE MATERIAL OF THE VIDEO GAME “HORIZON ZERO DAWN”)

Video game localisation is a specific type of translation that has not only linguistic but also cognitive and pragmatic features related to the key characteristic of video games: their interactivity. This article is devoted to the study of these features on the material of Spanish and Russian versions of the popular video game “Horizon Zero Dawn”.

Key words: video game, language localisation, intercultural communication, translation inaccuracies, cognitive biases.

В.Ю. Кузнецова (Москва, Россия)
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ
НИУ «Московский энергетический институт»
vera087@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНЫХ МЕТАФОР В РЕЧИ ПОЛИТИКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ

В статье представлен анализ проблем, которые могут возникнуть при переводе окказиональных образов в речи политических деятелей, а также предложены способы их решения. Автор статьи отмечает необходимость максимальной передачи всех эмоциональных оттенков окказиональных метафор при переводе, т.к. любая неточность может повлиять на общую оценку выступления/ речи говорящего. Важную роль для их правильной передачи на другой язык играет контекст.

Ключевые слова: окказиональная метафора, перевод, контекст, вектор оценки.

Цель данного исследования выявить в речи американских политических лидеров окказиональные метафоры, проанализировать проблемы, которые могут возникнуть при их передаче на русский язык, дать свой вариант перевода и раскрыть подтекст каждого образа.

Актуальность темы обосновывается возрастающим интересом ученых к окказиональным метафорам, их влиянию на слушателей и наиболее удачным способам перевода.

В качестве материала исследования были выбраны выступления американских политических деятелей.

Научная новизна исследования определяется его комплексным характером. Анализ примеров, выбранных в качестве материала исследования был выполнен на основе когнитивного подхода к переводу окказиональных метафор.

Особое место в статье занимает анализ примеров и подробное переводческое комментирование.

Не секрет, что образная лексика является мощнейшим средством выражения разных мыслей и идей. Прибегая к различным образам, говорящий/ автор пытается как можно полнее и ярче передать ситуацию, свои мысли и чувства. Тем не менее, переводчикам, работающим с авторами, чьи тексты наполнены образными элементами, приходится не очень просто. Ведь перевести образы, сохраняя при этом все эмоциональные оттенки и особенности авторского стиля, задача чрезвычайно сложная. Более того, переводчик должен обязательно учитывать и словообразовательные возможности языка перевода, чтобы создавать образы и персонажей, которые будут понятны читателю. Кроме того, важно верно передать не только элементы образа (вербальная сторона), но и его скрытое значение, «завуалированное» содержание произведения.

Таким образом, успех или неудача перевода текста, содержащего образные элементы, во многом будет определяться именно стратегией воссоздания авторского замысла и сохранения оригинальности образа.

Данная статья посвящена анализу вариантов перевода и выявлению удачных ходов и типичных недочетов при передаче образных элементов оригинала на материалах выступлений политических деятелей США.

Не секрет, что понятие «образ» и «образность» являются явлениями достаточно комплексными и многогранными с точки зрения их функционирования и содержания. Изучением данного феномена занимаются ученые разных направлений исследований, что позволяет рассматривать образ с разных точек зрения. Образ рассматривают с позиций психолингвистики, семиотики, литературоведения. Каждая научная сфера пытается определить место данного явления и дать ряд уточнений. В данном исследовании вслед за доктором филологических наук, профессором Ивановым Н.В. под образом будет пониматься некий знак, который может «существовать лишь на контрасте с реальностью» [Иванов 2018: 63].

Интересно, что выступления политических деятелей являются одним из основных источников появления окказиональных метафор и других форм образности. Политики обращаются к образным единицам языка для того, чтобы ярче передать ситуацию, свое отношение к конкретной теме или проблеме. Более того, обращаясь к метафорам в своей речи, они пытаются создать впечатление, что они ведут душевную беседу с каждым слушателем, а не выступают с подготовленной речью перед массовой аудиторией. Этот импровизированный, неотретированный стиль также создает впечатление, что политик говорит от своего имени, а не по подготовленному и заранее отработанному сценарию, что, в свою очередь, очень влияет на слушателей и формирует определенное отношение как к самому лидеру, так и к тому, что он говорит.

Подтверждение данной мысли можно найти в работах доктора филологических наук, профессора Иванова Н.В., который высказывает мнение, что при обращении к образной лексике говорящий делает свою речь яркой, запоминающейся, формирует у слушающих определенное отношение к реальности и даже может манипулировать аудиторией, «навязывая» ей определенную точку зрения. С другой стороны, окказиональные образы могут затруднять восприятие мысли, т.к. «обостряют это самое восприятие, замедляя его, останавливая внимание на каком-то частном моменте,

увеличивая смысловой масштаб восприятия» [Иванов 2018: 63]. Более того, следует помнить, что попытки усиления эстетической окраски образа за счет трансформации лексических компонентов и расширения (добавления лексических элементов) может приводить к потере смысла, что будет означать бесполезность использования данного образа.

Несмотря на разные подходы к рассмотрению метафоры большинство исследователей сводит перевод метафоры к трем основным стратегиям: «замена (метафора в другую метафору), перефразирование (метафора в смысл), сравнение или удаление» [Яковенко, Шайхалиева 2021: 206].

В своей статье «Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода» Т.И. Яковенко, А.М. Шайхалиева отмечают, что сложность в переводе метафор состоит «в том факте, что им не хватает аналогичных метафор, относящихся к одной и той же концептуальной области» [Яковенко, Шайхалиева 2021: 206].

Итак, вышесказанное подтверждает, что перевод образной лексики и, в частности, метафор очень часто вызывает трудности. Связано это, прежде всего с тем, что «данные единицы являются яркими, эмоционально насыщенными и очень часто обладают ярко выраженным национальным характером. Однако, категорию образности возможно считать принципиально переводимой, т.к. она может быть отнесена к разряду межъязыковых универсалий» [Турчанинова 2017: 77].

Тем не менее, переводчику необходимо уловить и передать средствами другого языка все оттенки смысла, что представляется достаточно сложной задачей, если политик прибегает к образам, которые были созданы им самим (окаzionali образы). Здесь необходимо учитывать характер переводимого выступления, ситуацию, к которой был применен тот или иной образ. «Неточная передача образных средств или их нейтрализация при переводе может привести к искажению... авторской точки зрения на происходящее» [Турчанинова 2017: 77].

Рассмотрим фрагмент из выступления бывшего премьер-министра Соединенного Королевства Д. Кэмерона.

*I am sat at my desk now in tears as I'm so sad that what I have spent such a long time trying to **build up** is being so systematically **smashed into the floor** and the Labour Government are to blame* [www.politics.co.uk, October 01, 2008] // *Я сейчас сижу за своим столом в слезах. Мне так грустно, что то, что я так долго **пытался построить**, так систематически **рушится**, и виновато в этом лейбористское правительство.*

В своем выступлении, посвященном экономической ситуации в Великобритании, премьер-министр обращается к метафорическим образам, связанным тематически и входящим в общую концептосферу «строительство» (to build up, systematically smashed into the floor). Данные образы характеризуются яркостью и отрицательным вектором оценочности. Прибегая к подобным метафорам, политический лидер хочет подчеркнуть как быстро лейбористское правительство разрушает экономическую систему страны.

Переводчик должен постараться передать этот эмоциональный тон в переводе, учитывая, что это фрагмент из официального выступления. Самой оптимальной переводческой стратегией в данном случае будет перевод на основе связи двух образов. Если первый образ можно перевести дословно – «пытался построить», то второй образ переводчику нужно тематически связать с первым и вместо дословного перевода «так систематически разбивается о пол» передать через «рушится». В плане семантики и эмоциональности данный вариант не уступает дословному переводу.

Не менее интересен и следующий пример:

He is a rattlesnake taking a path through the dirt, but suddenly he shows off his deadly fangs, and you don't expect that to happen [The Washington Post, May 7, 2017] // **Он как гремучая змея, пробирающаяся по грязи и внезапно выпрыскивающая яд из своих клыков, хотя вы этого не ожидаете.**

В данном случае, чтобы понять как лучше перевести фрагмент и образные элементы, которые вплетены в реальную ситуацию описания, нужно обратиться к контексту. Американский политик говорит о Дональде Трампе и его методах управления страной. Из контекста становится ясно, что политик негативно относится к личности 45-го президента США. Все это переводчик должен учитывать при переводе представленного выше фрагмента. Следует передать все негативные оттенки в переводе образа, в котором Трампа сравнивают с «гремучей змеей». Подобный перевод точно передает негативный вектор оценочности.

Подводя итоги, следует отметить, что при переводе данных образных единиц языка переводчик должен отходить от «фиксированного» варианта и предложить свой, в семантическом плане близкий к оригиналу вариант перевода, сохраняя при этом индивидуальность и неповторимость стиля говорящего. Выбор того или иного переводческого решения зависит в каждом конкретном случае от контекста, где используется данная образная единица языка, и от особенностей языка, на который переводят данный текст.

Литература

Иванов Н.В. Смысловые оппозиции в переводе: ОБРАЗ – ПРАГМАТИКА – РЕФЕРЕНЦИЯ // Филологические науки в МГИМО. 2018. 4 (16). С.61-68.

Турчанинова К.А. Особенности перевода образного компонента значения лексических единиц // Филология и лингвистика в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. М.: Издательский дом «Буки-Веди». 2017. С. 76-78.

Яковенко Т.И., Шайхалиева А.М. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 200-208. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46619129> (дата обращения: 10.06.2023).

Blake A. The many metaphors for Donald Trump // The Washington Post, May 7. 2017. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/05/07/the-many-metaphors-that-describe-donald-trump/> (дата обращения: 10.06.2023).

Cameron speech: In full. URL: <https://www.politics.co.uk/news/2008/10/01/cameron-speech-in-full-2/46619129> (дата обращения: 10.06.2023).

*V. Yu. Kuznetsova (Russia, Moscow)
Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of
the Russian Federation,
National Research University Moscow Power Engineering Institute*

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF OCCASIONAL METAPHORS IN THE SPEECH OF POLITICIANS: THEORETICAL ASPECT OF CONSIDERATION

The article presents an analysis of the problems that may arise when translating occasional images in the speech of political figures and suggests ways to solve them. The author of the article notes the need for maximum transfer of all emotional shades of occasional metaphors in translation, because any inaccuracy may affect the overall assessment of the speaker's speech. Context plays an important role in this process.

Key words: occasional metaphor, translation, context, assessment vector.

L.V. Lebedev (Moscow, Russia)

RUDN University

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

leoneedlebedev@gmail.com

**COGNITIVE COMPETENCES OF THE BILINGUAL AUTHOR
AND AUTHOR-TRANSLATOR V. NABOKOV
(BASED ON THE WORK “CAMERA OBSCURA” / “LAUGHTER IN THE DARK”)**

This article is devoted to the description of V. Nabokov's cognitive competencies as a bilingual author and translator. The article discusses the author's cognitive competencies and their reflection in the work “Camera obscura” / “Laughter in the Dark”. The result of the study is an analysis and description of the cognitive competencies inherent in V. Nabokov as a bilingual author and author-translator.

Key words: Vladimir Nabokov, cognitive competencies, author-translator, bilingualism, Laughter in the Dark.

Research on V. Nabokov's creative heritage is of interest to researchers in various fields of humanistic knowledge, such as psychologists, literary scholars, philologists, sociologists, etc. Within the framework of the contemporary linguistic paradigm, V. Nabokov's works can be analyzed not only within the scope of linguistic and literary analysis, but also in terms of analyzing the author's cognitive phenomena and their manifestations in the artistic text.

The question of applying cognitive linguistic methods to the study of texts has been addressed by a number of Russian linguists, including E.S. Kubryakova, A.Yu. Malafeev, Zh.N. Maslova, T.V. Romanova, and others. Researchers are particularly interested in applying the cognitive paradigm to the study of artistic and poetic texts, as well as preserving the author's idiolect in the translation of artistic texts.

Thus, Kubryakova E.S. notes that the artistic text is an interaction between two subjects: the author of the text and the reader, which corresponds to the concept of literary communication as a special type of indirect communication between subjects [Kubryakova 2001]. A significant element of any subjective communication, in turn, is the concept. It is through concepts, according to Malafeev A.Yu., that key semantic units are conveyed in the text, responsible for the formation of the semantic framework of the text or work [Malafeev 2013].

A special case of literary communication becomes the translation of a literary text, as a secondary object of linguistic processing. In the process of translating a literary text, a third member - the translator - enters into literary communication. According to Ivanova A.I., when translating a literary or poetic text, in addition to reflecting the idiolect of the author, the idiolect of the translator as a participant in literary communication also takes place [Ivanova 2010]. When working with an original text, the translator becomes a conductor of the conceptual content of the work, conveying the author's intended meanings to the extent of their own perception of the literary work. Several researchers, including Skorobogatova T.I. and Suraleva O.Yu., consider the phenomenon of translating literary texts as a duet of authorship between the author and the translator. The influence of the translator on the material of the literary text is evaluated as meaning-generating, as some concepts cannot be conveyed without the application of translation transformations [Skorobogatova, Suraleva 2018].

In this regard, the works of V. Nabokov as a bilingual author and translator represent a special case. Being a speaker of two languages, the author himself occupies the role of a

translator as a mediator in the communication between the author and the reader, thus conveying his own vision of the work and its conceptual content. In the considered case, within the framework of literary communication, the idiolect of the author will be preserved without being influenced by the idiolect of the translator.

In order to carry out such communication, the author needs to possess a set of cognitive competencies that enable not only the production of artistic texts, but also their realization through the means of a foreign language.

For example, V. Nabokov engaged in translating his own works, originally created in the Russian language, into English, such as "Camera Obscura" and "Despair" or acted as a translator-corrector when his son, D. Nabokov, was the main translator, among which were "The Return of Chorb" and "The Visit to the Museum".

In addition to sociocultural competencies, which include a high level of knowledge of the foreign language as well as the linguistic and cultural realities of both the target and source languages, V. Nabokov also possessed developed cognitive competencies as an author-translator. Cognitive competencies refer to a set of knowledge, skills, and abilities (hereinafter referred to as KSA) related to the processing of information to solve specific tasks. Within the study of the author's cognitive competencies, the following KSAs become relevant: the ability to produce an artistic text in their native language (in the case of a bilingual author, the original language of the work), the ability to stylistically and literarily process the text, the ability to use the means of artistic expression (tropes) in the original language, the ability to incorporate specific conceptual content into the text, the ability to organize textual space, and the ability to express one's own individual-personal characteristics through the text (expression of idiolect). When studying the cognitive competencies of a translator of literary texts, the following KSAs can be distinguished: the ability to perceive the content of the literary text adequately and convey it through the means of the foreign language, the ability to preserve the conceptual content of the literary text when transferring it to different linguistic and cultural realities, the ability to preserve the author's idiolect, the ability to organize textual space and stylistically process the text, the ability to use the means of artistic expression in the target language and recognize them in the source language, knowledge of national-specific and linguistic-cultural peculiarities of the source and target languages, and the ability to utilize this knowledge in translating literary texts.

When considering the cognitive competencies of the author-translator, it is logical to assume that V. Nabokov must have possessed both the cognitive competencies of an author and those of a translator. Bilingualism played a significant role in translating his own literary texts, allowing the author to equally master both the source language and the target language, as well as the expressive means of these languages. In addition to this, the ability to organize and stylistically process the text was also determined by V. Nabokov's innate abilities as a writer. In his independent translation of literary works, V. Nabokov was able to avoid imposing the translator's idiolect onto the author's idiolect, thus avoiding distortions in both the stylistic and semantic components of the text. Furthermore, the author was able to independently convey all the conceptual content of the original text without distorting the perception of third parties.

An example of the author-translator's use of cognitive competencies is the translation of the novel "Камера Обскура" / "Laughter in the Dark". The translation of the title itself contains translational transformations, expressed in the format of a complete transformation of the original text. The English title does not correspond to the original Russian title, but it does correspond to the conceptual content of the work. While the Russian title is a metaphorical reference to the distorted perception of life by the protagonist (the original

device - a camera obscura - allowed objects to be reflected in an inverted form), the English title alludes to the tragic outcome of the protagonist's life (Krechmar - the main character - is blinded by the end of the work and is ridiculed in the course of an intrigue involving his lover and another man). By applying the cognitive competencies of the author-translator, V. Nabokov makes his work more appealing to potential English-speaking readers by reflecting the active content of the work. According to the general paradigm, the basis for English literature becomes the idea of an active subject.

Similar transformations are also inherent to individual elements of the work, for example: *Elisabeth had been happily delivered of a daughter* / *Оказалось, что Аннелиза благополучно разрешилась от бремени*. In this case, the author employs translational transformations to convey the conceptual content in a familiar manner to potential English-speaking readers (by applying precedent formulas - delivered of a daughter).

Another example can be the following excerpt from the work: *Через улицу горела красными лампочками вывеска маленького кинематографа, обливая сладким малиновым отблеском снег* / *He strolled about aimlessly and came to a small cinema the lights of which shed a scarlet sheen over the snow*. In this case, the author utilizes cognitive skills in organizing and stylistically processing the text for a complete transformation of the first part of the complex sentence into English. The use of this technique is driven by the different tradition of stylistic presentation in narrative between the source language and the target language.

Thus, it can be concluded that V. Nabokov possessed both the cognitive competencies of an author and a translator, allowing him to successfully present his own works to both Russian-speaking and English-speaking readers. In addition, the unique utilization of his bilingual competencies enabled the author to avoid the imposition of the translator's idiolect onto the author's idiolect and fully preserve the conceptual content of the artistic text when translating it into a foreign language.

Литература

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2001. №1. С. 6-18.

Малафеев А.Ю. Лингвокогнитивный анализ поэтического текста: трудности и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6-2. С. 140-144.

Иванова А.И. Проблема передачи идиостиля и идиолекта в художественном переводе // Вестник Московского государственного университета: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 3. С. 99-108.

Скоробогатова Т.И., Суралева О.Ю. Проблема поэтического перевода: переводчик как соавтор // Научная мысль Кавказа, 2018. № 3. С.85-91.

Л.В. Лебедев (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ

КОГНИТИВНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ АВТОРА-БИЛИНГВА И АВТОРА-ПЕРЕВОДЧИКА ВЛАДИМИРА НАБОКОВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «КАМЕРА ОБСКУРА» / “LAUGHTER IN THE DARK”)

Данная статья посвящена описанию когнитивных компетенций В. Набокова как автора-билингва и автора-переводчика. В статье рассматриваются когнитивные компетенции автора

и их отражение в произведении «Камера Обскура» / “Laughter in the dark”. Результатом исследования становится анализ и описание когнитивных компетенций, присущих В. Набокову как автору-билингву и автору-переводчику.

Ключевые слова: Владимир Набоков, когнитивные компетенции, автор-переводчик, билингвизм, Камера Обскура.

*М.Ю. Никитин, М.А. Бородина (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
mihail.nikittin@gmail.com; borodina_mra@pfur.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОНИМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТСЕРИАЛА

В статье рассматриваются три примера перевода названий мультипликационного кинодискурса с английского языка на русский и испанский языки, его особенности и стратегии, адекватность выбора локализации. Указываются основные функции мультипликации и особенности ее номинации на английском языке при передаче на русский и испанский.

Ключевые слова: фильмонимы, мультипликационный кинодискурс, стратегия перевода.

Название произведения любого жанра должно отражать основной смысл произведения. Название кинотекста как сложного мультисемиотического феномена определенно является одной из самых значимых семантико-семиотических доминант произведения, поскольку имеет немаловажную функцию – привлечь внимание широкой аудитории зрителей-реципиентов, т.е. сделать фильм коммерчески успешным. С этой точки зрения название фильма можно рассматривать с позиций коммерческой номинации – нейминга [Максименко 2018: 189]. Учитывая распространение анимации по всему миру особую роль начинает играть локализация, представляющая собой адаптацию произведения к рынку соответствующей страны. Основной составляющей локализации, безусловно, является адаптивный перевод и перевод названия кинопродукта (фильмонима).

Согласно Ю. Хабермасу, мультипликационный дискурс относится к самовыражению, когда авторы с помощью символов и изображений стремятся передать аудитории сообщение и сформировать определенное представление о мире и ценностях. Мультипликация также играет немаловажную роль в социализации детей, в их приобщении к культурным особенностям всех народов мира. Помимо этнокультурного просвещения мультипликация, как разновидность кинодискурса, с самого раннего возраста закладывает эстетические представления и любовь к искусству. А.Ф. Лалетина выделяет, что мультипликация может транслировать базовые знания о мире, знакомить детей с различными предметами и явлениями, моделями поведения, человеческими качествами и ценностями, а также в целом передавать общечеловеческий опыт и историю. «Мультипликационный фильм не является разновидностью фотографического кинематографа, а представляет собой вполне самостоятельное искусство со своим художественным языком, во многом противостоящим языку игрового и документального кинематографа» [Лотман 1998: 672]. Необходимо добавить, что развитие анимации за последние десятилетия подтвердило данную точку зрения Ю.М. Лотмана, поэтому смело можно говорить о необходимости внимательного отношения к переводу и самих мультсериалов, и фильмонимов, их составляющих.

При рассмотрении мультипликации в разрезе кинодискурса, следует обратить внимание на присущие ей функции. Исходя из того, что она в первую очередь направлена на детскую аудиторию, можно выделить воспитательную функцию. С помощью стереотипных образов ребенок может подсознательно оценить определенные ситуации, с которыми он сталкивается в реальной жизни, определить свою реакцию на них и свои дальнейшие действия. Экспрессивная функция отражает отношение адресанта и прямо выражает чувства автора. Такое эмоциональное состояние может передаваться ребенку во время просмотра мультфильма и меняться в зависимости от контекста. За счет того, что мультипликация ориентирована в большей степени на детскую аудиторию, но при этом взрослая аудитория также учитывается, в апеллятивной функции отображается двойственная природа мультипликации. Этот эффект достигается благодаря использованию известных цитат из других произведений, упоминанию стран, личностей, произведений искусств мирового значения, созданию аллюзий. Коммуникативная функция реализуется установкой контакта между зрителем и автором и передачей первому определенного информационного сообщения. Все вышеперечисленные функции способствуют эмоциональной разрядке, получению новых эмоций и новых знаний.

Таким образом, мультипликационный дискурс разделяет основные элементы кинодискурса, но при этом его уникальность заключается в упрощенном отражении действительности, большом количестве шаблонных художественных образов, преобладании ярких и динамичных изображений, которые идут неразрывно с музыкальными произведениями, определяющими общее настроение кадра. Как и кинокартины, мультипликационные фильмы отражают культурные, языковые и этнические особенности общества. Кроме того, глобализация влияет на развитие мультипликационного дискурса, т.к. мультипликационные произведения с помощью художественных образов передают аллюзию на реальный мир.

Исходя из классификации Подымовой Ю.Н., можно выделить следующие основные стратегии перевода фильмонимов [Подымова 2006: 101-105]:

1. Дословный или буквальный перевод - механическая подстановка слов языка перевода вместо слов исходного текста;
2. Транслитерация: лингвистические единицы в фильмониме передаются на язык перевода с помощью воссоздания звуковой формы названия фильма;
3. Прием замены: видоизменение языковых единиц, которые должны быть мотивированы и не нарушать прагматическую структуру фильмонима;
4. Прием добавления осуществляется за счет расширения текста по лингвистическим или экстралингвистическим причинам;
5. Прием опущения выражается в компрессии лингвистических единиц;
6. Вольный перевод не учитывает прагматические и семантические компоненты фильмонима оригинала.

Сравним перевод названий первой серии первого сезона популярного американского мультсериала “*Craig of the Creek*” на русский и испанский языки. В оригинальном англоязычном названии серии мультсериала звучит следующим образом “*Itch to Explore*”, что дословно переводится как «Жажда (нетерпеливое желание) Исследовать». Обращение к синопсису серии дает возможность понять ее краткий сюжет и проанализировать перевод данной серии на русский и испанский языки:

“Craig’s quest to map the entire Creek takes him and his friends to the treacherous Poison Ivy Grove” в официальном переводе представлен как «Мечта создать карту Ручья приводит Крэйга и его друзей в коварную Рощу Ядовитого Плюща».

В результате можно сделать явный вывод о том, что название эпизода содержит в себе игру слов: жажду приключений и чесотку (на что явно указывает «Роща Ядовитого Плюща»).

В переводе на испанский и русский языки официальные названия эпизодов получились следующими “Ganas de Explorar” (Испания и страны Латинской Америки) и «Войти в легенды» (Россия).

“Ganas de Explorar” дословно переводится как «Желание исследовать», что передает лишь часть содержания серии и оригинального названия. Можно утверждать, что данный перевод выполняет информативную функцию, т.е. подготовку зрителя к просмотру сериала. Что касается структуры словосочетания в названии серии, то она сохраняется в испанском языке, единственное изменение, которое не дублируется в переводе это переход глагола to itch в существительное ganas, что говорит о возвращении к первоисточнику в отношении с этим фильмонимом. Однако при переводе фильмонимов необязательно использовать дословный перевод и сохранять части речи, хотя в данном случае была потеряна игра слов в переводе с английского на испанский язык, но это никак не было отображено в переведенном фильмониме названия серии.

В русском дубляже фигурирует название «Войти в легенды». Данное название не дублирует ни одно из слов и сюжета, что указывает на непрямой перевод фильмонима, структура словосочетания также нарушена, в отличие от оригинала здесь используются слова «легенда» и «войти», которые являются отсылкой к русским фразеологизмам по типу «быть легендой» и/или «стать легендой». Глагол «войти» говорит лишь о процессе становления «легендой», на что отчасти указывает синопсис данного сериала. Название явно эмоционально окрашено благодаря все тому же слову «легенда», что отлично соотносится с прогностической и прагматической функциями перевода, вызывая желание у зрителя узнать, кто же становится «легендой». Если говорить о способе перевода названия серии на русский язык, то здесь происходит полная замена словосочетания для выполнения вышеупомянутых функций.

Приведем другой пример, в частности, особенности перевода мультипликационного сериала «Чип и Дейл спешат на помощь» (“Chip 'n Dale: Rescue Rangers”) производства студии Walt Disney Television Animation. Мультфильм повествует о команде спасателей (Rescue Rangers), которая защищает город и всех его обитателей.

Английское название мультсериала “Chip 'n Dale: Rescue Rangers” дословно переводится «Чип и Дейл: Спасатели». При переводе имен двух главных героев неразлучных бурундуков Чипа и Дейла (англ. Chip и Dale) использован прием транскрипции, поскольку никакой скрытой информации данные имена не несут кроме того факта, что совместное их произнесение ассоциируется со всемирно-известной мебелью Чиппендейла [Миронова 2020: 72]. Однако вторая часть фильмонима “Rescue Rangers” переведена при помощи замены и добавления «спешат на помощь», чтобы привлечь внимание юного зрителя.

Следующий пример «Звездная принцесса и силы зла» или по другой версии «Стар против Сил Зла» (англ. Star vs. the Forces of Evil) также представляет американский мультсериал. «Звездная принцесса и силы зла» - это официальное название мультсериала, принятое на российском телевидении. Как видно из самого названия,

оно предельно нейтрально и является переводом с добавлением, потому что в оригинальном английском названии слово принцесса отсутствует. Второй вариант перевода названия данного мультсериала является любительским: «Стар (Звезда в любительском переводе) против сил зла», являет собой буквальный перевод и также является нейтральным, как и предыдущий предложенный вариант. Следующий перевод названия - «Силам Зла придет Звезда» - отличается оригинальностью и выразительностью. Этот перевод названия четко и емко отражает суть происходящего в мультсериале.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Эквивалентным переводом является перевод на испанский, т.к. он ближе всего соотносится с оригиналом и ему соответствует. Адекватными можно назвать переводы на русский и испанские языки, т.к. они соответствуют тематике сюжета и, в некоторой мере, синопсису сериала. Если говорить о вариативности, то выделяется на этом фоне русскоязычный перевод, который отталкивается не от оригинального названия, а от сюжета серии или мультсериала, что заметно по полному расхождению названий оригинала и перевода.

Литература

Лотман Ю.М. О языке мультфильмов // Об искусстве. СПб: Искусство, 1998.

Максименко О.И. Глобальный нейминг как лингвистическая проблема // Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации. Сборник научных трудов ИНИОН РАН. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 188–201.

Миронова Г.В., Торопова Г.В. Стратегия перевода имен персонажей мультфильмов (на примере анализа имен мультсериала "Чип и Дейл спешат на помощь") // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-редакционная группа "Университет-Плюс", Киров. 1(16), 2020. С. 71-76.

Подымова Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. / Ю. Хабермас; под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2000.

*M. Y. Nikitin, M. A. Borodina (Moscow, Russia)
RUDN University*

FEATURES OF THE TRANSLATION OF FILMONYMS FROM ENGLISH ON THE EXAMPLE OF THE ANIMATED SERIES

The article discusses three examples of the translation of the names of animated film discourse from English into Russian and Spanish, its features and strategies, and the adequacy of the choice of localization. The main functions of animation and the peculiarities of its nomination in English when translated into Russian and Spanish are indicated.

Key words: filmonyms, animated film discourse, translation strategy

*А.С. Новикова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
novikova_as@pfur.ru*

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КИНОКРИТИКИ НА ФИЛЬМ «ГОЛУБОЙ АНГЕЛ» В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ КИНОРЕЦЕНЗИЯХ

В статье представлены результаты исследования текстовой культуры современных кинокритиков на фильм Веймарской республики «Голубой ангел», определившие дискурсивные стратегии кинокритики в современных кинорецензиях. Анализ языковой реализации дискурсивных стратегий подтвердил высокую оценку фильма в современном немецком кинодискурсе.

Ключевые слова: кинорецензии, немецкий кинодискурс, кинематограф, языковые особенности, дискурсивные стратегии.

Востребованность жанра кинорецензии обусловлена стремительным развитием кинематографа. В начале XX в. кинематограф становится доминантным видом искусства, доступным для большего количества людей, опережая по популярности театр. В период существования Веймарской республики (1918-1933) прослеживается резкий переход от немого кино к звуковому, а немецкий кинематограф становится лидером мировой киноиндустрии. Популярность звукового кино росла, вместе с ней возрастал запрос общества на профессиональную оценку фильмов. В общенациональных газетах и профессиональных киножурналах появляются первые рецензии [Новикова 2022: 77].

Премьера первого звукового немецкого фильма «Голубой ангел», снятого по мотивам романа Генриха Манна «Учитель Гнус», состоялась в 1930 г. Кинокартина вошла в историю немецкого и мирового кинематографа, закрепившись в статусе классики киноискусства. В этой связи фильм по-прежнему привлекает внимание современных кинокритиков.

Целесообразно отметить, что появление современных кинорецензий на фильм «Голубой ангел» обусловлено интересом кинокритиков к ретроспективе фильмов.

Целью статьи является выявление и изучение средств и способов реализации различных дискурсивных стратегий автора, определяющих критерии оценки фильма в современных кинорецензиях.

Автор статьи полагает, что языковая реализации современной кинокритики на фильмы XX в. «детерминирована ценностной картиной мира современной Германии, отражает особенности текстовой культуры рецензентов, многообразие мнений об искусстве кино» [Новикова 2022: 77].

Актуальность исследования определяется необходимостью ретроспективного анализа взаимосвязи языка и культуры, а также установления тенденций эволюции текстовой культуры, дискурсивных стратегий немецкой современной кинокритики.

Материалом исследования послужили 42 кинорецензии, размещенных как в общенациональных немецких газетах и журналах («Stern.de», «Focus online», «die Welt»), так и в профессиональных изданиях («Deutschlandfunk Kultur», «Kino-Zeit», «Filmportal») за 2005-2015 гг.

В начале XX в. одним из главных элементов социокультурного пространства являлась периодическая печать. Э.Ю. Гаранина отмечает, что возникновение жанра кинорецензии тесно связано с зарождением массового кинематографа в 1907 г. После выхода первых полнометражных фильмов популярность жанра кинорецензий

постоянно возрастала, поскольку зрителю было важно получить критический отзыв на фильм [Гаранина 2013: 28]. В этой связи кинокритика представляла собой комплексный продукт социального взаимодействия, «письменную регистрацию коммуникативной деятельности» [Новикова 2022: 77].

Жанр кинокритики является объектом исследований многих лингвистов.

Так, В.А. Эрман относит кинокритику к полидискурсивному и интердискурсивному тексту. Исследователь считает, что кинокритика обнаруживает черты нескольких дискурсов, представляет собой «дискурс о другом дискурсе» [Эрман 2011: 3].

Мы опираемся на положение Д.Д. Брежневой о том, что кинокритика, являясь одним из главных информационных источников воздействия на читателей, может рассматриваться как особый вид массово-информационного дискурса [Брежнева 2013: 2-4]. Взаимодействие дискурса фильма и дискурса рецензента находит отражение в дискурсивных стратегиях кинокритики и их языковой реализации.

В рамках настоящей статьи представлен анализ дискурсивных стратегий кинокритики и их языковых особенностей в профессиональном издании “Deutschlandfunk Kultur” на примере кинокритики Вольфганга Якобсена (Wolfgang Jacobsen), авторитетного киноисторика и кинокритика. Отправной точкой исследования является положение о том, что современный кинокритик рассматривает фильм через призму уже закрепившейся общественной оценки, опираясь при этом на существующую в современном социуме ценностную картину мира.

Исходя из этого, в кинокритике от 1 апреля 2005 г. специалиста-кинокритика Вольфганга Якобсена в профессиональном издании “Deutschlandfunk Kultur” нами выделяются следующие дискурсивные стратегии: контекстного ознакомления, оценивания/комментирования, ретроспективно-перспективного анализа.

В его рецензии “Der blaue Engel war ein Stück gelungenes Entertainment“, приуроченной к 75-летию выхода картины на экран, стратегия контекстного ознакомления реализуется в нескольких предложениях. Первое вводит читателя в пространственно-временной контекст:

Heute vor 75 Jahren wurde «Der blaue Engel» im Berliner Gloriapalast uraufgeführt.

(75 лет назад в кинотеатре «Глория Палас» в Берлине состоялась премьера фильма «Голубой ангел»).

Второе знакомит читателей с сюжетной линией фильма, героями фильма, актерами, исполнившими главные роли:

Emil Jannings spielt einen Gymnasiallehrer, nach damaligen Brauch Professor genannt. Der gerät in Fänge seiner Schüler, lässt sich von ihnen in die Bar «Der blaue Engel» locken. Der lernt er die Barsängerin Lola Fröhlich kennen und verändert sich, er erniedrigt sich vollständig dieser Frau, dieser fescen Lola zu Liebe, gespielt von Marlene Dietrich.

(Эмиль Яннингс играет школьного учителя, которого по обычаю того времени называли профессором. Он попадает в лапы своих учеников, позволяет заманить себя в бар «Голубой ангел». Там он знакомится с барной певицей Лолой Фрелих, меняется, полностью деградирует из-за любви к этой женщине, к этой нахальной Лоле, которую играет Марлен Дитрих).

Стоит отметить, что между стратегиями контекстного ознакомления и оценивания нет четких границ, прослеживается их взаимодействие. Стратегия оценивания является фундаментальной для кинокритиков, направлена как на формирование суждения о фильме, его профессиональную характеристику, так и на анализ киноязыка, т.к. оценку определенной художественной реальности.

Сам заголовок рецензии “*Der blaue Engel war ein Stück gelungenes Entertainment*” («Голубой ангел» был удавшимся развлечением) является оценочным высказыванием. Стратегия оценивания реализуется с помощью атрибутивного словосочетания с положительной коннотацией, при этом положительная оценка усиливается за счет семантики причастия *gelingen* (удавшийся) и *существительного Entertainment* (развлечение).

В проанализированной киорецензии дискурсивная стратегия оценивания находит отражение в следующих лексических единицах:

- контекстуальные синонимы к фильму «Голубой ангел», свидетельствующие о крайне высокой оценке фильма *ein Stück gelungenes Entertainment* (удавшееся развлечение), *eine Sternstunde der Kulturgeschichte der Weimarer Republik* (звездный час в истории культуры Веймарской республики), *ein Mythos* (миф), *ein Meilenstein* (веха), *das Immergrün der Sonntagsmatinée* (вечнозеленый воскресный утренник), *Anknüpfungspunkt an eine gute Filmtradition* (соединение с доброй кинотрадицией);

- прилагательные в превосходной степени, выражающие высокую оценку киноленты *einer der erfolgreichsten und bekanntesten deutschen Filme* (один из самых успешных и знаменитых немецких фильмов); эпитеты, свидетельствующие о наивысшей оценке фильма *ein herausragender früher Tonfilm* (выдающийся первый звуковой фильм).

Автор не смог обойти молчанием общественно-политическую ситуацию Германии 30-х гг. Он проводит аналогию с Веймарской Германией, где люди были лишены чувства собственного достоинства:

Der Mann verliert sich. Und das trifft möglicherweise in der Weimarer Republik einen Zeitnerv, weil es war eine aufgewühlte Zeit, politisch und gesellschaftlich, und es mag so gewesen, dass dieser Film wie ein Spiegel funktioniert hat für viele Besucher, wenn auch nicht nur.

(Человек теряет себя. Это и затронуло нерв времени в Веймарской республики, потому что это было политически и социально беспокойное время, возможно, этот фильм служил зеркалом для многих посетителей, хотя и не только).

В связи с тем, что фильм вышел на экраны в начале XX в. современный кинокритик обозревает фильм через предшествующий опыт – в ретроспективе. Так, говоря о восприятии фильма в начале прошлого века, автор подчеркивает, что фильм по-разному был воспринят зрителями:

Wenn man sich etwa die zeitgenössischen Pressereaktionen ansieht, gibt es sehr viele sehr positive, enthusiastische Besprechungen

(Если посмотреть на реакцию прессы того времени, можно увидеть достаточно много позитивных, восторженных откликов).

Однако значительную роль при оценке фильма играла принадлежность автора или издания к определенному политическому течению. Вольфганг Якобсен приводит в пример правоконсервативный концерн немецкой прессы Альфреда Гугенберга, который неодобрительно отзывался о фильме:

...aber auch Ablehnung die vor allen Dingen von der Hugenber-Pressе rechtskonservativ eingestellt, formuliert worden ist...

(...но есть и неприятные отзывы, сформулированные, прежде всего, прессой Гугенберга, правоконсервативной).

Кинокритик отмечает, что в июле 1930 г., сразу после выхода киноленты, фильм подвергся вероломной антисемитской критике (*perfide antisemitische Kritik*) со

стороны немецкой газеты “Völkischer Beobachter“, являвшейся с 1920 г. печатным органом НСДАП.

Рассматривая киноленту через призму сложившегося в обществе и в профессиональных кругах мнения, автор рецензии выдвигает гипотетические предположения. Стратегией ретроспективно-перспективного анализа в данном случае выступает категория модальности:

Ich *kann* mir allerdings vorstellen, dass dieser Plot modernisiert in unsere heutige Zeit verlegt erzählbar *wäre* und auch sein Publikum finden *könnte*.

(Я *могу представить*, что этот сюжет *мог бы* модернизировано быть изложен, а также *мог бы вполне* найти свою аудиторию).

Таким образом, стилистика проанализированных кинокритических рецензий на материале фильма «Голубой ангел» свидетельствует о сохранении крайне высокой оценки фильма у современных кинокритиков. Проведенный анализ позволил выделить дискурсивные стратегии кинокритики в современных немецких кинокритических рецензиях за 2005-2015 гг., которые нацелены на привлечение зрителей к качественному кино высокого уровня. Современный автор не только дает профессиональное суждение о кинокартине, но и проводит аналогию с критикой Веймарской республики.

Литература

Брежнева Д.Д. Жанрово-стилистические и когнитивные особенности кинокритических рецензий как вида массово-информационного дискурса: на материале современной британской прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Гаранина Э.Ю. Оценочность в жанре кинокритической рецензии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013 № 2 (54) Т. 2. С. 28-31.

Новикова А.С. Кинокритические рецензии на фильм Веймарской республики Голубой ангел в современных немецких СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 76-82.

Эрман В.А. Кинокритическая рецензия как полидискурсивный и интердискурсивный текст (на материале немецких журналистских текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

Deutschlandfunkkultur.de URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/der-blaue-engel-war-ein-stueck-gelungenes-entertainment-100.html> (дата обращения 10.09.2023).

A.S. Novikova (Moscow, Russia)
RUDN University

DISCURSIVE STRATEGIES OF FILM CRITICISM FOR THE FILM “THE BLUE ANGEL” IN MODERN GERMAN FILM REVIEWS

The article presents the results of a study of the textual culture of modern film critics on the Weimar Republic film “The Blue Angel”, which determined the discursive strategies of film criticism in modern film reviews. Analysis of the linguistic implementation of discursive strategies confirmed the high assessment of the film in modern German film discourse.

Key words: film reviews, German film discourse, cinema, linguistic features, discursive strategies.

В.Р. Новикова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
ro_victoria@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ ЛЕТЕТЬ И ЛЕТАТЬ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК С УЧЕТОМ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА НКРЯ)

В работе рассматриваются вопросы, связанные с переводческими трудностями при передаче на английский язык русских глаголов движения *лететь* и *летать* на основе семантических различий с учетом когнитивных структур текста. Материалом исследования послужили примеры из параллельного корпуса НКРЯ.

Ключевые слова: перевод, глагол, семантика, когнитивные структуры текста, корпусная лингвистика.

В условиях развивающихся международных связей необходимость в межкультурной коммуникации возрастает, поэтому следует заострять внимание на когнитивных способностях переводчика, представляющих собой совокупность механизмов, которые обеспечивают связность когнитивных структур текстов оригинала и перевода [Яшина 2020: 94]. При переводе могут возникать определенные сложности, такие как трудности понимания, передачи, связанные с недостаточной языковой компетенцией и / или переводческой компетенцией переводящего [Фурсова 2013: 69]. Одной из трудностей перевода являются русские глаголы движения. Для решения переводческих проблем обратимся к корпусной лингвистике, которая позволяет упростить задачу изучения и выстраивания стратегий перевода русских глаголов движения на английский язык [Новикова 2022: 162].

Актуальность исследования определяется наличием общего интереса к корпусной лингвистике, глаголам движения и их релевантному переводу на английский язык на основе семантических различий как способ улучшить когнитивную структуру текстов оригинала и перевода.

В когнитивной психологии процесс перевода представляет собой решение ряда переводческих проблем, которые носят индивидуальный характер, соответственно, решаются каждым переводчиком по-своему [Яшина 2020: 95]. В первую очередь, при работе с исходным текстом понимание формируется подсознательно, а в процессе перевода вычлняются проблемы, возникающие в процессе совмещения смыслов со значениями слов и словосочетаний языка перевода [Гавриленко 2022: 6]. Основная проблема в нашем исследовании заключается в передаче вторичной номинации (метафоры), т. к. за основу взяты глаголы несовершенного вида *лететь* и *летать*. Следует внимательно анализировать контекст и слова, к которым относится глагол в русском языке, т. к. семантическое поле английского глагола может быть более узким или широким [Холиков 2021].

На основе анализа словарных статей Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Д.В. Дмитриева и Т.Ф. Ефремовой при помощи сервиса Academic.ru, выявлены метафорические значения заданных глаголов, которые представляют основную переводческую трудность. Посредством сравнительного анализа определены сходства и различия семантических значений глаголов, которые включают в себя, в том числе и вторичную номинацию. Далее к обоим русским глаголам подобраны наиболее частотные английские эквиваленты, предлагаемые электронными словарями Multitran, WoordHunt, Academic.ru, Google- и Yandex-Переводчиками. Для глагола *лететь*

заданы *to fly, to wing, to sail, to be on the wing, to elapse*. Для глагола *летать* рекомендованы *to fly, to navigate / aviate, to flutter / flutter, to voyage, to float around*. Каждый английский глагол проанализирован на основе электронных словарей Macmillan, Collins, Cambridge и Oxford. Изучены их основные семантические значения, которые сравнены с выявленными ранее русскими.

Для проведения корпусного исследования выбран подкорпус параллельных текстов Национального корпуса русского языка. Предполагается, что время, в котором употреблен глагол, не влияет на его семантическое значение, поэтому для анализа отбирались глаголы в любой временной форме, но исключались однокоренные приставочные и возвратные глаголы, способ образования которых влияет и на способ их перевода. Собранные примеры с анализируемыми глаголами в количестве 400 предложений (по 200 предложений на каждый глагол, включая перевод) индуктивно обобщались, анализировались способы перевода, определялись адекватность и эквивалентность переводов. Полученные результаты генерализировались и оформлялись в таблицы. Следует отметить, что для определения адекватности и эквивалентности переводов определены следующие характеристики значений глаголов: прямое / переносное значение; субъект движения; контролируемость движения; направление; частота – однократность или многократность действия в моменте; скорость; пространство; способ; дополнительные характеристики движения.

На основе анализа сделан вывод, что наиболее частотным способом перевода глагола *лететь* для большинства характеристик движения является глагол *to fly*. Исключениями стали характеристики медленной скорости, где на первом месте стоит глагол *to float*, в семантику которого заложено медленное, плавное движение по воздуху; и способа движения (движение летательного аппарата) – чаще встречается глагол *to cruise*.

В русские глаголы интуитивно закладывается определенная скорость передвижения и, предполагается, что для ее передачи на английский язык необходимо прибавление наречия (напр., *to fly fast*) или подбор глагола с необходимой смысловой нагрузкой (напр., *to hurtle*). Выяснено, что в английский глагол *to fly* также закладывается та или иная скорость, поэтому он может быть использован без наречия. Вместе с тем следует помнить, что переводчик может трактовать ее, если не указано наречие скорости (быстро / медленно), как понимает из контекста, при этом важно сохранить адекватность перевода. Другие глаголы, следующие по частотности за глаголом *to fly*, либо являются синонимами *to fly*, либо связаны с другими выявленными характеристиками значения, как, например, пространство движения связано со способом. В зависимости от того, на чем или как передвигается субъект, делается вывод о пространстве его движения, соответственно, глаголы, частотные для пространства, будут частотны и для способа движения.

В дополнительных значениях для глагола *лететь* отмечена семантика разнонаправленности в контексте движения множества субъектов, где субъекты относительно друг друга двигаются в разные стороны. Следовательно, при переводе необходимо добавлять наречие или поясняющие слова (напр., *everywhere, in all directions* и др.).

Другие характеристики значения встречались реже, но тоже представляют особый интерес, потому что ранее не были замечены при анализе словарей: описание движения высказываний / слов (*to come out*), эмоций / чувств / воспоминаний (*to come flying, to fly*), новостей (*to sweep*) и звуков (*to fly*). Последнее значение ранее отмечалось только для глагола *летать*.

Определено, что самым частотным глаголом при переводе большинства характеристик значений глагола *летать* также является глагол *to fly*. Исключением является характеристика значения быстрой скорости, где наиболее часто встречающимися глаголами перевода являются *to sail* и *to flutter / to flitter*. В оба глагола заложена быстрая скорость передвижения. Для медленной скорости – *to float, to fly slowly*.

Переводы глагола *летать* на английский язык также тесно связаны с различными комбинациями характеристик значения. Отметим, что оба русских глагола четко разграничены по однонаправленности и разнонаправленности. Если направление не указано в контексте, оно понимается на интуитивном уровне. В английском языке для передачи разнонаправленности при переводе используются наречия (напр., *to fly about / around*), предлоги направления (напр., *to fly from ... to*) или же подбирается глагол, обладающий семантикой разнонаправленности (напр., *to circle, to flutter*). Отсутствие подобного деления в английском языке может сказываться на переводе, когда наречие не используется или глагол не обладает семантикой разнонаправленности, в итоге при переводе контекст трансформируется в однонаправленное движение. Данная трансформация неприемлема, если нарушается прагматический уровень эквивалентности (основной смысл предложения).

В отличие от глагола *лететь*, характеристика значения пространства для глагола *летать* обладает меньшей зависимостью от способа движения, потому что вариативность самостоятельного движения в переносном значении значительно снижена. Большинство контекстов связаны исключительно с движением летательных аппаратов, птиц, насекомых по воздуху, т. е. чем меньше вариативность пространства, тем меньше она и для способа движения. Во всех случаях наиболее частотным глаголом является *to fly*.

Говоря о дополнительных значениях, для глагола *летать* обнаружена семантика однократного движения, которая может сопровождаться однонаправленным движением. Данная характеристика заложена в глагол прошедшего времени и может сопровождаться такими словами как *однажды, разок, никогда* и др. Семантика однонаправленности проявляется в момент, когда внимание акцентируется на движении из точки А в точку Б, а обратное движение не представляет особого интереса (*Когда я на "ТУ-104" с папой в Киев **летал** – вот это да! – When me and my Dad **went** to Kiev in a TU-104 – now, that was something!* – Важен факт путешествия конкретно в Киев).

Другие особенности связаны с использованием глагола *летать* для передачи эмоций и чувств (*to flutter / to flitter*), слов и выражений (*to fly about*), а также для описания движения рук человеком, которые либо трясутся / не слушаются, либо человек излишне ими жестикулирует (*to fly all over the place, to fly*). В подобных сложных случаях следует внимательно подбирать необходимый глагол, чтоб сохранить адекватность перевода. В случае неуверенности при переводе следует заменить глагол на более подходящий по контексту (напр., *его руки летали – his hands were flying* (НКРЯ) – *his hands were shaking/ he was gesticulating a lot* (в зав. от контекста и переводческого решения)).

Анализ примеров из НКРЯ подтверждает частотность употребления глагола *to fly* для большинства контекстов, выявленную еще на начальном этапе анализа словарных статей. Поскольку процесс перевода представляет собой решение ряда переводческих проблем, обеспечивающих связность когнитивных структур текстов оригинала и перевода, проведенный корпусный анализ и его результаты упрощают выбор

подходящего английского эквивалента для начинающих и практикующих переводчиков, помогая развивать языковую и переводческую компетентность, а также позволяет исследователям, которые занимаются изучением переводов и семантики русских глаголов движения, сделать соответствующий вывод относительно способов и частотности переводов заданных русских глаголов. Перспективой исследования видится дальнейшее изучение особенностей перевода анализируемых глаголов в различных дискурсах и возможность применения для данных целей машинного перевода.

Литература

Гавриленко Н.Н. Моделирование перевода с позиции психолингвистики и когнитивистики // *Didactica Translatica*. 2022. №1. С. 4-9.

Нестерова Н.М. Русский глагол в «золоченой клетке» перевода // *Индустрия перевода*. 2013. № 1. С. 222-226.

Новикова В.Р. Особенности перевода глаголов движения лететь и летать на английский язык (на базе корпуса НКРЯ) // *Лига исследователей МГПУ: сборник статей студенческой открытой конференции*. В 4 Т. 2022. Том 3. С. 161-171.

Фурсова И.Н. Когнитивный подход в переводоведении // *Lingua Mobilis*. 2013. № 6 (45). С. 66-73.

Холиков А.Ю. Структурно-семантические особенности глаголов, обозначающих движение на воде в разноструктурных языках: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Душанбе, 2021.

Яшина Н.К. Моделирование процесса перевода в когнитивном аспекте // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 8-3 (98). С. 93-97.

V.R. Novikova (Moscow, Russia)
Moscow City University

VERBS OF MOVEMENT LETET' (ЛЕТЕТЬ) AND LETAT' (ЛЕТАТЬ) IN RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION CONSIDERING TEXT COGNITIVE STRUCTURES: A CORPUS STUDY

The paper covers issues related to translation difficulties in Russian verbs of movement letet' (лететь) and letat' (летать) translation into English based on their semantic differences and text cognitive structures. The research material is samples from the parallel texts corpus.

Key words: translation, verb, semantics, text cognitive structures, corpus linguistics.

Н.С. Пак (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
n.pak@narfu.ru

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД И АВТОМАТИЧЕСКОЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАММАТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА

В данной статье рассматриваются возможности использования искусственного интеллекта (инструмента автоматического извлечения ключевых слов «облако слов» и машинного перевода) в исследованиях грамматики институционального дискурса на примере работы, посвященной функционированию английских вторично-предикативных структур в медицинском дискурсе. Обсуждается роль методов искусственного интеллекта в

облака слов. На рис. 2 представлено облако слов для конструкций вида *when doing (smth)/ when done(smth)*.

Рис. 2. Облако слов по when-конструкциям

Сопоставляя полученные результаты, можно отметить лексические единицы, репрезентирующие актантов в пропозиции - *patient, body, blood, health* и др., и лексические единицы, репрезентирующие предикат (предикативный компонент вторично-предикативной структуры) – *use (ed, ing), perform(ing), care* и др., довольно крупным шрифтом представленные в двух облаках слов, что означает высокую частотность их употребления. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, осуществляя когнитивную операцию выбора грамматической структуры для репрезентации ситуации, участники медицинского дискурса часто прибегают к использованию when-конструкции для репрезентации ситуаций, относящихся к *пациенту*, его *здоровью, телу, крови* как объекту воздействия (т.к. деятель – агентив в when-конструкциях, эксплицитно не выражается). Такими ситуациями могут быть «врач (имплицитно) *применяет* инструмент/ метод лечения к пациенту», «медицинский работник (имплицитно) *выполняет* пациенту медицинскую процедуру», «медицинский работник (имплицитно) *заботится* о пациенте». Чуть менее частотные ситуации, для репрезентации которых осуществляется когнитивный выбор when-конструкции, связаны с исследовательской стороной медицинской деятельности, имеющие в составе актанты *research, test* и др., и предикатные компоненты *compar(ed, ing), assess(ing)* и др., например, «исследователь (имплицитно) *сравнивает* методы лечения», «ученый (имплицитно) *проводит исследование*».

Итак, использование метода «облако слов» позволило выявить ключевые компоненты ситуаций, репрезентируемых вторично-предикативными структурами в медицинском дискурсе, и смоделировать сами ситуации. Для того, чтобы сделать предположения о возможных основаниях когнитивного выбора вторично-предикативных структур для репрезентации выявленных ситуаций, была осуществлена декомпрессия – развертывание вторично-предикативных структур до придаточного предложения. Далее проведен сравнительный анализ результатов машинного перевода предложений с вторично-предикативными структурами и получившихся в результате декомпрессии сложных предложений на русский язык. Использование машинного перевода в исследовании [Коканова 2022] позволяет получить более объективный результат, т.к. при обучении систем машинного перевода используются большие

объемы текстов, созданных разными авторами, соответственно, исключается влияние индивидуальных особенностей переводчика на выбор варианта перевода.

Приведем пример интерпретации результата:

Ситуация: «врач (имплицитно) *применяет* инструмент/ метод лечения к пациенту».

Пример с вторично-предикативной структурой: *When using an intravascular cooling device, clinicians must be aware of complications, including shivering and deep vein thrombosis.*

Результат декомпрессии: *When they use an intravascular cooling device, clinicians must be aware of complications, including shivering and deep vein thrombosis.*

Результат машинного перевода: *Используя внутрисосудистое охлаждающее устройство, врачи должны быть осведомлены об осложнениях, включая дрожь и тромбоз глубоких вен.*

Результат машинного перевода после декомпрессии: *При использовании внутрисосудистого охлаждающего устройства* врачи должны быть осведомлены об осложнениях, включая дрожь и тромбоз глубоких вен.

Не оценивая никаким образом качество машинного перевода, отметим лишь одну важную мысль: в декомпрессированной структуре как на английском, так и на русском языке отчетливо ощущается избыточность. В английском предложении это вторая отсылка к деятелю (*they*), в результате машинного перевода на русский язык – лишнее указание на временную соотнесенность (*при*). Можно предположить, что являясь прототипичной для медицинского дискурса, ситуация использования медицинским работником какого-либо инструмента не нуждается в развертывании, т.к. актуализирует существующий и знакомый адресату сценарий. Любые уточнения воспринимаются как лишние, неестественные. И напротив, если бы медицинский инструмент использовался не медиком, или не по прямому назначению, говорящим, вероятно, была бы выбрана более развернутая форма репрезентации ситуации.

Для сравнения кратко проиллюстрируем ситуацию, которая может репрезентироваться как вторично-предикативной структурой, так и придаточным предложением, что тоже было показано с помощью машинного перевода:

The device provides more stability when transferring patients.

Устройство обеспечивает большую стабильность *при перемещении пациентов.*

The device provides more stability when patients are being transferred.

Устройство обеспечивает большую стабильность *при перемещении пациентов.*

Как *when*-конструкция, так и придаточное предложение в пассивном залоге не соотносится, даже имплицитно, с конкретным агентивом. В обоих предложениях неважно, кто именно перемещает пациентов. *When*-конструкция не несет никаких других компонентов смысла по сравнению с придаточным предложением, что косвенно подтверждает идентичный результат машинного перевода. Выбор *when*-конструкции, в данном случае, обусловлен, по-видимому, только экономией языковых средств.

Литература

Коканова Е.С., Пак Н.С. Предредактирование текстов для машинного перевода как метод исследования английских конструкций с причастием в медицинском дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 676-680.

Линник Л.А. Типологические особенности аутентичных текстов аннотаций в медицинском дискурсе: дис. на соискан. учен. степ. канд. филол. наук. Уфа, 2021.

Wordclouds.com – Free online Wordcloud generator. URL: <https://www.wordclouds.com>, free access (17.07.2023).

*N.S. Pak (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

MACHINE TRANSLATION AND AUTOMATIC KEYWORDS EXTRACTION IN STUDYING GRAMMATICAL FEATURES OF ENGLISH MEDICAL DISCOURSE

This article is devoted to using artificial intelligence (Word Cloud and Machine Translation) in studying the grammar of institutional discourse on the example of English predicative structures in medical discourse. The role of artificial intelligence methods in modeling situations represented by English predicative structures and substantiating the choice of predicative structures from all possible ways of representing the situation is discussed.

Key words: machine translation, word cloud, English predicative structures, representation, medical discourse.

*Парфенова М.А. (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
parfenova.maryia@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Юридический дискурс – продукт юридической культуры, привносящей в текст уникальные концепты, он имеет свои языковые особенности и терминологию. При обнаружении терминологических несоответствий или лакун переводчик прибегает к трансформациям с сохранением содержания исходного концепта. Переводчику необходимо работать с текстом, не изолируя его от правовой культуры исходящего и переводящего языков, а проводить междисциплинарный сопоставительный анализ его концептов и терминов.

Ключевые слова: юридический дискурс, юридический перевод, переводоведение, терминология.

Юридический язык может представлять довольно большую сложность как для переводчика в случае отсутствия стандартизированной терминологии или специализированных словарей, так и для практикующего юриста, когда он прибегает к использованию переводного текста. Юридический перевод включает в себя больше культурно обусловленных, чем универсальных компонентов, поэтому сравнительное правоведение должно стать важным элементом для понимания, сравнения, и перевода не только содержания, но и значения юридического концепта.

Переводчик обязан составить строгий формальный текст с теми же юридическими последствиями, что и оригинал. Ему приходится не только четко понимать и переводить юридические реалии, но также держать в уме юридические системы исходящего и переводящего языков, которые могут отличаться в значительной степени. Юридический язык определяется правовой системой, которая сформировалась исторически и находится в прямой связи с юридической культурой, поэтому анализ особенностей юридической культуры исходящего языка должен стать первым шагом при работе с текстом [Cosmulescu 2019:152].

К юридическим текстам относятся нормативные тексты (законодательные акты), научно-учебные материалы, документы судопроизводства, юридические документы.

При переводе юридического текста необходимо сохранить способ его построения: структуру оригинала, специфическую композицию в соответствии с его жанровой принадлежностью.

По типам исходного текста П. Сандрини делит юридические тексты на: тексты законов и нормативно-правовых актов, тексты, составленные на основании правовых норм, тексты о правовых нормах. Язык права включает в себя следующие уровни: язык правотворчества (язык законов) и язык юридической практики (язык правосудия, применения права, язык юридической науки) [Sandrini 1999:20].

Целью перевода является передача инварианта информации (всех значимых компонентов сообщения), различной степени коммуникативной ценности: уникальной или ключевой, дополнительной, уточняющей, повторной и нулевой. Юридический перевод рассматривается как культурологическое явление, акт межкультурной коммуникации, поскольку в процессе объединяет правовые системы стран исходящего и переводящего языков, которые обладают определенной степенью концептуального и терминологического несоответствия. В процессе перевода происходит не только преобразование юридических понятий, но и экспорт юридической терминологии [Саковец, Кудряшова, Калинина 2018:17].

Перевод должен осуществляться в три этапа:

- Семасиологический этап (понимание текста и разделение на семантические и концептуальные блоки, углубленное изучение правовой системы исходящего языка, подбор возможного эквивалента на переводящем языке);

- Этап сравнительного правоведения (глубокий сравнительный анализ единицы на исходящем и переводящем языках);

- Ономасиологический этап (уточнение критериев эквивалентности на уровне языка и юридического концепта) [Monjean-Decaudin, Popineau, 2019].

Иногда переводчику приходится прибегать к различному типу трансформаций при наличии лингвокультурных различий или наличия лексической безэквивалентности. Наиболее частотными способами перевода юридических терминов являются:

- Термин-эквивалент (семантически тождественные лексические единицы);
- Описательный перевод или описательно-пояснительный перевод (раскрытие значения при помощи развернутого словосочетания);

- Термин-аналог (совпадает часть семантики);
- Транскрипция и транслитерация (воссоздание звуковой или графической формы);

- Калькирование (поморфемное или пословное воссоздание единицы);
- Гибридный способ транскрипция/транслитерация и калькирование;
- Конкретизация (замена на гипоним);
- Модуляция (использование контекстуального эквивалента, связанного с исходным логически) [Клюшина, Здор 2016].

Таким образом, перевод юридического текста требует от переводчика не просто интуитивного перевода, а обращения к оригинальной юридической культуре определенной страны и ее коммуникативному полю. Специализированный перевод в юридическом контексте требует создания коммуникативно адекватного текста на другом языке, который будет иметь те же юридические последствия, что и оригинал. Прямая зависимость юридического дискурса от источников права и юридической науки в целом подчеркивает междисциплинарность исследований юридического текста, поскольку в них задействованы переводоведение, юриспруденция и юридическая лингвистика. Помимо пристального внимания к правовым асимметриям

переводоведение развивает новые подходы к осуществлению юридического перевода, а также уделяет особое внимание обучению переводчиков, получению необходимых компетенций, самому процессу перевода и оценке его качества.

Литература

Клюшина А.М., Здор А.И. Проблемы и способы перевода английских терминов в текстах юридического дискурса // Поволжский педагогический вестник. 2016. №3. С. 54-59.

Саковец С.А., Кудряшова С.В., Калинина М.Г. Специфика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации (на материале юридических текстов на немецком и испанском языках) // Вестник Томского государственного университета. 2018. №7. С. 16-29.

Cosmulescu A.M. A terminological perspective on legal translation. Professional communication and translation studies. 2021. pp. 151-157.

Monjean-Decaudin S., Popineau J. How to apply comparative law to legal translation: A new juritraductological approach to the translation of legal texts. Research methods in legal translation and interpreting, Routledge. 2019. pp. 115-129.

Sandrini P. Übersetzen von Rechtstexten. Fachkommunikation im Spannungsfeld zwischen Rechtsordnung und Sprache. Tuebingen: Günter Narr Publ., 1999.

*М.А. Парфенова (Moscow, Russia)
RUDN University*

FEATURES OF LEGAL DISCOURSE TRANSLATION

Legal discourse is a product of legal culture introducing unique concepts into the text and having its own linguistic features and terminology. If terminological incongruities or gaps are detected the translator applies any translation transformations preserving the content of the original concept. The translator needs to work with the text without isolating it from the legal culture of the source and target languages, and to conduct an interdisciplinary comparative analysis of its concepts and terms.

Key words: legal discourse, legal translation, translation studies, terminology

*О.Д. Пастухова, А.С. Степанова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
oksana-galaxy7@mail.ru; stepanova.5chur4@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ САЙТОВ ВУЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТА СПБГУ)¹

Данная статья посвящена изучению особенностей локализации сайтов вузов на примере Санкт-Петербургского государственного университета. Явление локализации является актуальным объектом исследования, т.к. каждый год университеты стремятся увеличить количество иностранных студентов и эти цифры во многом зависят от успешности представления или «адаптации» вуза иностранной аудитории.

Ключевые слова: вуз, локализация, абитуриент, студент, сайт.

В современном мире явление локализации является актуальным объектом исследования. Локализация свойственна не только видеоиграм, программному

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2023 г.

обеспечению, но и сайтам, т.к. аудиторией большинства сайтов является не только русскоязычные потребители, но и иностранные. Локализация и перевод это не одно и то же. У перевода и локализации разные цели. Целью перевода является донесение смысла сообщения, в то время как задача локализации – это донесение смысла с учетом культурных и социальных факторов. Локализация другими словами – это адаптация того или иного продукта [Тишина 2021: 94]. В современной лингвистике понятия локализации и университетского дискурса относительно новые и малоизученные явления [Кочнева 2022: 279]. Следовательно изучение локализаций сайтов университетов представляет особый интерес. С каждым годом вузы стремятся увеличить количество иностранных студентов. Для привлечения их внимания вузу необходимо создать благоприятный имидж при локализации сайта и учесть все особенности в зависимости от аудитории. Разберем более подробно особенности локализации сайта университета на примере Санкт-Петербургского государственного университета.

На главной странице сайта в русскоязычной версии мы можем увидеть следующие вкладки: Открытый университет, Экспертный университет, Работа в СПбГУ, Контакты, Университет, Наука, Поступающим, Студентам, Партнерам, Новости и события. Фотографии на заставке постоянно меняются. На данном изображении сам университет и новость о том, что стартует конкурс на создание почтовой марки к 300-летию СПбГУ. Также в этом разделе мы можем наблюдать и другие изображения.

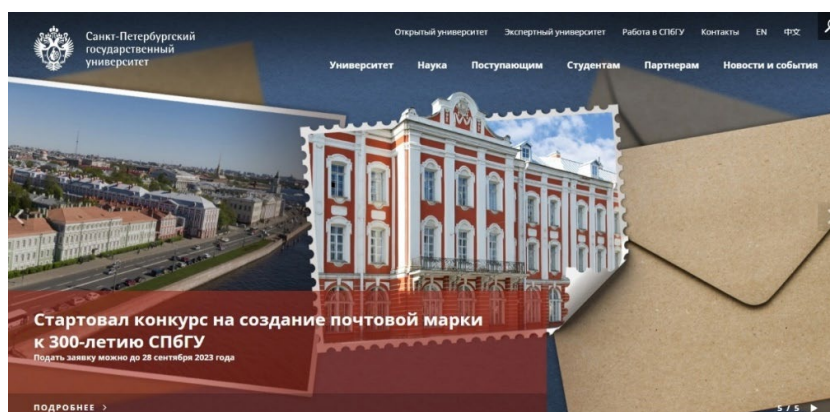

Рис. 1. Русскоязычная версия верхней части страницы.

При изучении англоязычной версии сайта можно отметить, что фотография, представленная в верхней части сайта, отличается от фотографий, которые представлены в русскоязычной версии. На фотографии мы видим студентов из разных стран, из чего мы можем сделать вывод, что такие студенты уже учатся здесь. Также стоит отметить разницу в количестве ссылок в данной версии страницы: For Partners, Job Opportunities at SPBU, Contacts, Library, About SPBU, Admission, Education, Research, News and Events. Мы видим, что отсутствуют вкладки: Открытый университет, Экспертный университет и студентам. Также есть вкладки, которые будут нужны только иностранным студентам, которым интересна учеба в Российском университете на русском языке: Admission и Education, Library. Есть вкладки, которые представлены в двух версиях: Университет (About SPBU), Работа в СПбГУ (Job Opportunities at SPBU), Контакты (Contacts), Партнерам (For Partners), Новости и события (News and Events), Поступающим (Admission), Наука (Research).

Рис. 2. Англоязычная версия верхней части страницы.

В общем, при сравнении главной страницы русскоязычной и англоязычной раскладке мы замечаем отличие в количестве ссылок и предлагаемых сервисов.

Особый интерес представляет вкладка для поступающих. В русскоязычной версии раздела для абитуриентов есть ссылки на разделы сайта: Приемная комиссия, Образовательные программы, Дополнительное образование, Календарь приема, Подготовка к ЕГЭ, Онлайн-курсы СПбГУ и так далее.

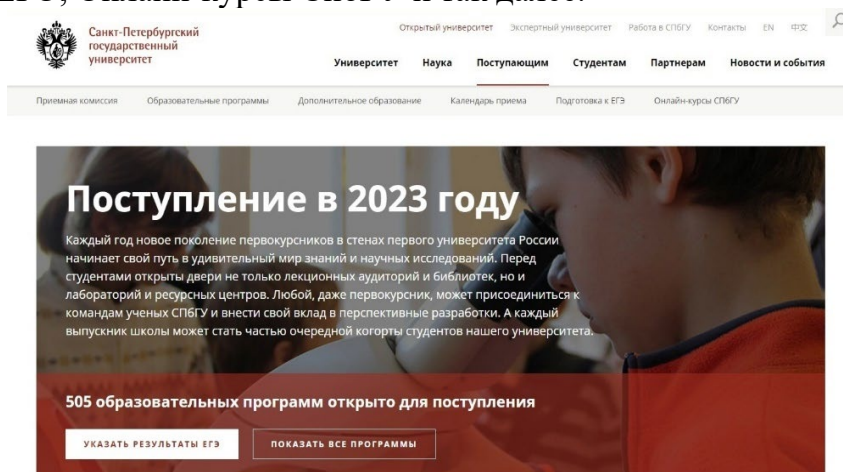

Рис. 3. Русскоязычная версия страницы для поступающих. Вкладки и ссылки.

В англоязычной версии раздела для абитуриентов мы можем не увидеть те ссылки и вкладки, которые есть в русскоязычной раскладке. Скорее всего это потому, что иностранные студенты не имеют необходимости пользоваться этими ссылками, поскольку только российские школьники сдают ЕГЭ для поступления. В англоязычной версии поступающим есть ссылки на разделы сайта: Educational Programmes, Admissions Procedure, Documents Required, Independent Aspirantura Studies, International Admissions Office, Preparatory Course, Recognition of Foreign Educational Credentials, Tuition, Visa Support. Раздел для абитуриентов на английском языке существенно отличается от этого же раздела на русском языке.

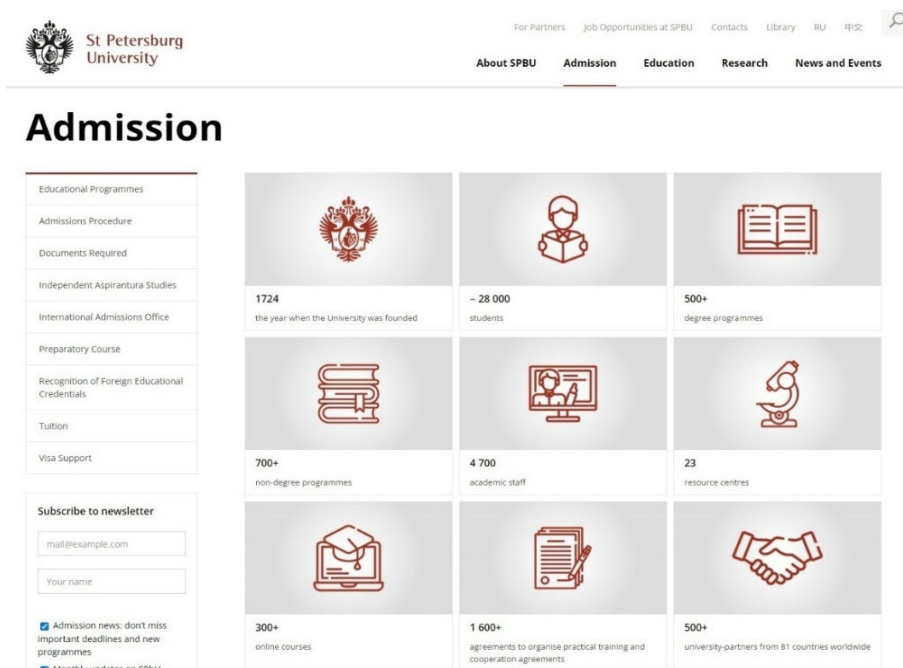

Рис. 4. Англоязычная версия. Вкладки и ссылки.

При переводе ссылок были использованы лексические приемы перевода, а именно подбор эквивалента (*Контакты – Contacts, Новости и события – News and Events*), конкретизация (*Наука – Science & Research at SPBU, Оборудование – Equipment at St Petersburg*), целостное преобразование (*Работа в СПбГУ – Job Opportunities at SPBU*).

В заключение, изучив особенности локализации русскоязычного сайта Санкт-Петербургского государственного университета, следует отметить, что в русскоязычной версии сайта присутствует больше ссылок и вкладок, чем в английском варианте. Это обусловлено тем, что значительная часть посетителей сайта – это русскоязычные студенты, абитуриенты и их родители, преподаватели. При локализации сайта для иностранных поступающих были переведены только те ссылки и вкладки, которые для них наиболее полезны.

Литература

Англоязычная версия официального сайта СПбГУ. URL: <https://english.spbu.ru/> (дата обращения 29.08.2023).

Кочнева Ю.Е., Пастухова О.Д., Титова Е.А. Особенности локализации русскоязычного сайта ЧелГУ // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5(96). С. 279-281.

Официальный сайт СПбГУ. URL: <https://spbu.ru/> (дата обращения 29.08.2023).

Тишина Д.А. Понятие локализации в отечественной и зарубежной лингвистике и ее отличие от перевода // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: Сборник научных статей. Том Ч. XI. М.: Издательство «Перо», 2021. С. 94-97.

*O.D. Pastukhova, A.S. Stepanova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

LOCALISATION PECULIARITIES OF UNIVERSITY WEBSITES (ON THE MATERIAL OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY WEBSITE)

This article is devoted to the study of the peculiarities of localization of university websites on the example of St. Petersburg University. The phenomenon of localization is an actual object of

research, as every year universities strive to increase the number of foreign students and these figures largely depend on the success of presentation or “adaptation” of the university to a foreign audience.

Key words: university, localization, applicant, student, website.

The research was supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of the Chelyabinsk State University 2023.

Д.Л. Смирнова (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов
1142220166@pfur.ru; dar1jasmirnova@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНО ЗНАЧИМОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

В настоящем докладе рассматривается трансформация структуры концептуально значимого высказывания при переводе на английский язык романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Для сравнительного анализа выбран текст перевода Евы Мартин. На материале данного текста перевода проводится анализ текстовых доминант эстетико-языкового уровня и устанавливается влияние трансформации семантической структуры концептуально значимого высказывания на содержательную структуру образа главного героя

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантика, системный подход, содержательная структура, концептуально значимое высказывание.

Для того чтобы понять, как трансформируется семантическая структура текста при его переводе на иностранный язык необходимо установить особенности семантической структуры оригинала, а затем рассмотреть, как она изменяется при переводе. Анализируя трансформацию семантической структуры текста при переводе, мы использовали материал перевода Евы Мартин романа Ф.М. Достоевского «Идиот» изданный Everyman's Library в 1914 г. и переизданный в 1916 и опирались на семантическую структуру оригинального полифонического текста, установленную Валентиной О.И. Так, “структура полифонического слова представляет собой предельно концентрированную проекцию структуры концептуально значимого смысла” [Валентинова 2005: 14]. Учитывая данное определение, семантическая структура концептуально значимого высказывания *идиот* в концентрированной форме отражает определяющие структуру полифонического текста свойства, в том числе «отсутствие жесткой соотнесенности между высказыванием и приписываемым ему значением» [Валентинова 2005: 9-10], содержательную структуру образа главного героя романа, а также содержит закодированную семантическую структуру всего текста. Семантическая структура высказывания *idiot* в свою очередь должна отражать трансформированную при переводе содержательную структуру образа главного героя и закодированную семантическую структуру всего текста перевода.

При сравнении первичных словарных (общеупотребительных) значений знаков *idiot* и *идиот* обнаруженных в толковых словарях современных созданию оригинального текста, установлено их различие. Так для знака *идиот* первичным является '*слабоумный человек*', в то время как первичным значением знака *idiot* является '*an uneducated, ignorant, ill-informed person*' [Webster's New International Dictionary of the English Language 1925: 192] – '*необразованный, невежественный, несведущий человек*' (Здесь и далее перевод мой – Смирнова Д.Л.). При прослеживании

возникновения контекстуальных значений знака *idiot* и выявленных значений с ядерными смыслами высказывания идиот [Валентинова 2012, 74-75], установлено, что следующие смыслы регулярно оказываются в зоне повышенного смыслового напряжения:

Сравним состав ядерных смыслов высказываний *идиот* и *idiot* регулярно оказывающихся в зоне повышенного смыслового напряжения:

Таблица 1

Состав ядерных смыслов высказывания идиот	Состав ядерных смыслов высказывания idiot
'слабоумный человек'	'idiot'- 'слабоумный человек'
'глупый человек'	'stupid', 'fool'- 'глупый человек'
'умный человек'	'intelligent', 'wise', 'clever'- 'обладающий умственными способностями, успешный человек', 'умный, дальновидный, мудрый, благоразумный (обладающий большей мудростью и опытом) человек', 'способный, дальновидный человек'
'хитрый расчетливый человек, стремящийся к личной выгоде'	'calculating and practical mind', ' malice ' – 'расчетливый, успешный практичный человек' ' действующий злонамеренно '
'человек обладающий рядом положительных качеств (невинный-наивный-простодушный-доверчивый-искренний-благородный-добрый-честный-хороший)'	'innocent- -simple man- simple soul –simple hurt -candid-good-honest' - 'невинный', 'наивный', 'простодушный', 'доверчивый' 'искренний' 'хороший', 'честный'
'человек беспредельной степени невинности, наивности, доверчивости, искренности'	'pure innocence, boundless trustfulness, candid man' - человек беспредельной степени невинности, доверчивости, искренности'
'дитя, ребенок'	'child'- 'дитя, ребенок'
'человек, которому присуще отсутствие чувства меры'	
'странный человек'	'strange', 'original' - 'странный человек' 'единственный в своем роде'
слишком невинный (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку) - слишком наивный (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку) – слишком простодушный (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку) - слишком доверчивый (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку) – слишком искренний (до глупости до такой	'naïve-simpleminded-fool-stupid-simpleton-clown' - наивный человек- простак - дурак- глупый человек- простофиля-шут',

Состав ядерных смыслов высказывания идиот	Состав ядерных смыслов высказывания idiot
<p><i>степени, что вызывает жалость или насмешку) – слишком благородный (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку) – слишком честный (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку) – слишком добрый (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку)- слишком хороший (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку)'</i></p>	

Так в тексте перевода значения, приписываемые высказыванию *idiot*, выстраиваются в следующие типы отношений:

1) противопоставляются и взаимоисключаются значения: 'stupid', 'fool' ⇔ 'intelligent', 'wise', 'clever'; 'simple-minded', 'ingenuousness' ⇔ 'calculating and practical mind', 'simple and innocent' ⇔ 'malice'

2) отношения взаимопредположения: 'pure innocence, boundless trustfulness, candid man' → 'child', 'child' → 'inexperience, simplicity of mind, simplicity of soul, simplicity of hurt'

3) градационные отношения: I ступень градации- 'innocent- -simple man- simple soul –simple hurt -candid-good-honest', II ступень градации (а) 'pure innocence- noble simple-minded man- boundless trustfulness-knight of golden age- unheard of simplicity of heart; II ступень градации (б) 'naïve-simpleminded-fool-stupid-simpleton-clown';

4) логически не пересекающиеся (разноплоскостные отношения): 'child' X 'outcast, stranger' X 'have no pride' X 'calculating and practical mind' X 'malice'

5) отношения прямо противоположной оценки одно и то же оценивается предельно положительно и предельно отрицательно: 'innocent- -simple man- simple soul – simple hurt -candid-good-honest' и 'naïve-simpleminded-fool-stupid-simpleton-clown'

Учитывая вышеизложенное мы приходим к выводу о том, что высказывание *idiot* в тексте перевода не содержит таких значений как: 'благородный', 'добрый', 'человек, которому присуще отсутствие чувства меры', 'слишком невинный (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку) слишком благородный (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку) – слишком честный (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку) – слишком добрый (до глупости до такой степени, что вызывает жалость или насмешку)', а следовательно из образа главного героя романа пропадают такие положительные качества, как доброта и благородство. Честность в образе главного героя приобретает исключительно положительную оценку. Ввиду многократного закрепления знака *simple* степень градационных отношений на всех ступенях снижается. Более того, переводческой интерпретации и уточнению подверглись значения 'умный человек', 'хитрый расчетливый человек, стремящийся к личной выгоде', возникло новое значение 'человек действующий злонамеренно'.

Литература

Валентинова О.И. Семиотика полифонии / отв. ред. Е.А. Красина. М.: Российский университет дружбы народов, 2005.

Валентинова О.И. Универсальные принципы анализа вербального искусства. Учебное пособие. М.: Российский университет дружбы народов, 2012.

Валентинова О.И. Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН "Общая и частная методология филологической науки" 2019 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 918-933.

Достоевский Ф.М. Идиот/. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 8. / Гл. ред. В.Г. Базанов. Л.: Наука, 1973.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: ЯСК, 2018.

Dostoevsky F.M. The Idiot. London – Toronto: Dent – NY – Dutton, 1916.

Webster's New International Dictionary of the English Language: Based on the International Dictionary of 1890 and 1900, Now Completely Revised in All Departments, Including Also a Dictionary of Geography and of Biography, Being the Latest Authentic Quarto Edition of the Merriam Series- Springfield, Mass.: G. & C. Merriam. P. 1925-2632.

*D.L. Smirnova (Moscow, Russia)
RUDN University
Russian New University (RosNOU)*

CHARACTERISTICS OF THE TRANSFORMATION OF A CONCEPT STATEMENT UNDER TRANSLATING F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE IDIOT" INTO ENGLISH

This report focuses on the transformation of the semantic structure under text translation on material Eva Martin's translation of F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot" into English. In this report presented results of comparative analysis of dominants at the aesthetic-linguistic level and established the influence of the transformation of the semantic structure of a concept statement on the content structure of the image of the protagonist.

Key words: cognitive linguistics, semantics, systems approach, content structure, concept statement.

*A.B. Sokolova (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
Angelina.V.Sokolova@gmail.com*

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СИНХРОННОГО РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА ВЫСКАЗЫВАНИЙ-ХЕДЖЕЙ, ОПИСЫВАЮЩИХ КОГНИТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА УСТНОГО ПЕРЕВОДА)

Статья посвящена стратегиям синхронного русско-английского перевода хедж-фраз, содержащих глаголы мыслительной деятельности. Работа выполнена на основе материалов «Переводческого корпуса (синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи)», созданного преподавателями и студентами кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, перевод, хеджирование, политический дискурс

В современной лингвистике одной из наиболее перспективных областей исследования является хеджирование, используемое в качестве стратегии смягчения категоричности высказывания с целью сохранения «лица» автора пропозиции, убеждения собеседника и исключения возможных рисков коммуникативной неудачи.

На сегодняшний день не существует общепризнанного определения термина *хеджирование* (в научной литературе также можно встретить и другие обозначения: софтверны, даунтонеры, позиционные маркеры, вердиктивы, эвфемизмы, металингвистические операторы), поскольку данный феномен активно изучают представители таких научных направлений, как семантика, прагматика, логика, психология, философия, предлагая различные подходы к интерпретации сущности рассматриваемого инструмента речевого воздействия и разрабатывая классификации хедж-маркеров.

В рамках лингвистических исследований *хедж*, как термин, впервые начал использовать Дж. Лакофф, изучая семантику таких слов, как *rather, largely, particularly, more or less, in a manner of speaking* [Lakoff 1973]. Как отмечает ученый, к выражениям-хеджам можно отнести слова, в значении которых имплицитно заложена характеристика неуверенности. Следует отметить, что Дж. Лакофф не углублялся в изучение коммуникативной значимости хеджирования, а также не предложил классификацию хеджей в зависимости от лексических или грамматических функций, которые они выполняют в рамках того или иного контекста. Таким образом, остается не до конца понятным, по каким критериям следует относить те или иные вводные конструкции к хеджам.

Примечательно, что ряд ученых (например, Г. Клемен [Clemen 1997], О. Д. Пастухова [Пастухова 2019] и др.) утверждают, что в роли хеджа может выступать любая синтаксическая структура, если она удовлетворяет всем критериям некатегоричности высказывания. Отсюда следует, что составить четкую классификацию хеджей, где каждая единица отвечает всем параметрам любой случайной коммуникативной ситуации, не представляется возможным.

Одним из наиболее частотных типов хеджирования являются вводные конструкции типа личное местоимение первого лица (*я, мы*) + эпистемический глагола мнения (*думать, полагать* и т.д.), которые неизменно вызывают трудности у переводчиков, причем как устных, так и письменных, и вне зависимости от языковой пары. При этом в настоящее время существует необходимость выявления факторов, влияющих на выбор лексических и грамматических средств при переводе рассматриваемых хедж-высказываний с целью оптимизации представления информации для достижения адекватной интерпретации текста реципиентом, что особенно актуально в массовой коммуникации и что предотвращает возможную коммуникативную неудачу.

Обозначенные факторы обуславливают актуальность исследования, в рамках которого представлен анализ стратегий устного синхронного русско-английского перевода (далее УСП) высказываний-хеджей, описывающих когнитивные операции говорящего.

На первом этапе работы определены глаголы мыслительной деятельности, употребляющиеся в качестве элементов хедж-конструкций. Поиск осуществлялся на основе «Частотного словаря современного русского языка» [ЧС 2009], составленного на материалах НКРЯ. Методом сплошной выборки из перечня самых частотных глаголов русского языка выделено пять необходимых единиц: *думать* – 11 место (частота ipm – 755,5); *считать* – 33 место (частота ipm – 455, 3); *казаться* – 35 место

(частота ipm – 448,2); *верить* – 113 место (частота ipm – 197,1); *полагать* – 310 место (частота ipm – 81,4).

В работах по когнитивной лингвистике отмечается, что выявление семантических различий между глаголами мнения является крайне сложной задачей для исследователей языка. Как в отечественной, так и зарубежной лингвистической науке представлены работы, в которых описываются семантические особенности английских и русских глаголов мыслительной деятельности, однако не предложены исчерпывающие описания корреляции рассматриваемых лексических единиц в двух языках, что представляется крайне необходимым и влияет на выбор переводчиком того или иного глагола.

Анализ результатов исследований О. Н. Селиверстовой [Селиверстова 1982], Е. В. Ильчук [Ильчук 2004], А. А. Зализняк [Зализняк 1991], посвященных фокусному описанию семантики русских и английских хеджирующих лексем, показал, что, несмотря на отсутствие в некоторых случаях однозначных эквивалентов, наиболее подходящими английскими коррелятами для *думать* – *think*, *считать* – *consider*, *казаться* и *верить* – *believe*, *полагать* – *suppose*.

Далее из «Переводческого корпуса (синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи)», созданного преподавателями и студентами кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ [Сулейманова и др. 2022], набрано 30 скриптов, переводы речей, а также видео материалы с УСП выступлений за промежутков с 10 февраля 2007 г. (речь Президента РФ В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности) по 21 февраля 2022 г. (обращение Президента РФ В. В. Путина).

Обработка 243 стр. текста и более 10 ч. звучащей речи, содержащей УСП выступлений официальных представителей РФ, позволила найти 74 хедж-высказывания. При этом анализ частотности употребления исследуемых глаголов показал, что наиболее распространенной является лексема *считать* (39 л. е. или 53%), далее в порядке убывания расположены *думать* (17 л. е. или 23%), *казаться* (9 л. е. или 12%), *полагать* (8 л. е. или 11%) и *верить* (1 л. е. или 1%).

На следующем этапе эмпирическая база исследования разделена на четыре группы согласно трансформациям при переводе рассматриваемых хеджей.

К группе полных эквивалентов (23 примера – 31%) были отнесены высказывания типа *Я думаю, что, конечно, внутривнутриполитически это движение было использовано одной из политических сил... – I think that of course, the small amount it was used by one of the political forces domestically...* (В.В. Путин, Интервью американской телекомпании NBC).

В группу, где хеджи переведены с помощью других глаголов из исследуемых, но английские корреляты не представляются полностью эквивалентными, вошло 36 примеров (49%). В следующем предложении глагол *полагаем* трансформируется в выражение *we believe*: *Полагаем, что данная деятельность альянса провоцирует гонку вооружений... – We believe that this activity of the alliance provokes an arms race...* (В.В. Герасимов, Конференция MCIS-2019), однако в данном случае определенно-личное предложение следует переводить с помощью предиката *consider*, предполагающего анализ первичной информации и построение выводов на основе сопоставления аргументов «за» и «против». Лексема *данная* дает основания полагать, что в роли исходных данных выступает *деятельность альянса*, под которой спикер подразумевает (а также упоминает ранее) действия НАТО – учение *Trident Juncture* (Норвегия, 2018 г.). Оценка данного события позволила руководству страны сделать вывод о правомерности и последствиях активности НАТО на Европейском севере.

Третья группа насчитывает 5 предложений (7%), перевод которых выполнен «прочими глаголами» (единицами, не являющимися предметом исследования): *Считаем это опасной тенденцией и предлагаем запретить размещение в космосе любых видов вооружений.* – *We deem it to be a dangerous trend and propose to prohibit placement of weapons in outer space.* (С. В. Лавров, 76-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН). При толковании некоторых аспектов значения глагола *deem* Е. В. Ильчук отмечает, что говорящий основывает выводы в большей степени на морально-этической составляющей денотативной ситуации [Ильчук 2004]. При этом автор высказывания полагает, что подобная система оценок является объективной, надлежащей, законной. При сопоставлении *deem* с *consider* (который, предположительно, наиболее удачен в предложенном примере) ученый утверждает, что основополагающим различием двух глаголов является стилистический компонент – первая лексема характеризуется как стилистически окрашенная и принадлежащая книжному стилю речи.

В 10 высказываниях (13%) хедж-фразы были опущены в процессе перевода, а в некоторых случаях имели место и иные преобразования исходного текста: *Но нас это не настораживает в том числе и потому, что мы считаем, что наша оборонная достаточность, так мы об этом говорим, находится на очень высоком уровне.* Переводчик, не передал субъективность мнения спикера, а наоборот, подчеркнул истинность пропозиции: *However, we're not alarmed by it, including, among other things, by the fact that our defense sufficiency, which is how we describe it, is at a very high level.* (В. В. Путин, Интервью американской телекомпании NBC), что привело к искажению смысла высказывания и не могло не отразиться на общем восприятии фразы получателями сообщения.

Таким образом, анализ случаев употребления хеджей, содержащих глаголы мыслительной деятельности, в политическом дискурсе, а именно в рамках русско-английского УСП речей политиков, позволил выявить семантические неточности при переводе исследуемых конструкций, что, возможно, связано с временными ограничениями, а также компетентностью синхрониста.

Перспективой дальнейшего исследования является комплексное изучение причин и мотивов переводчиков (как устных, так и письменных) опущения хедж-маркеров, а также добавления хедж-элементов, в значительной степени искажающих смысл оригинального высказывания, иными словами рассмотрение проблемы намеренного искажения первичной информации (“Traduttore – traditore” или «переводчик – предатель») применительно к трансформациям индикаторов неуверенности в рамках перевода выступлений официальных представителей РФ.

Литература

Зализняк А.А. Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. 1991. С. 187-194.

Ильчук Е.В. Мышление и восприятие сквозь призму языка (на материале английского языка): монография. М.: Прометей, 2004.

Пастухова О.Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019.

ПК – Переводческий корпус (синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи): база данных для теоретиков и практиков перевода / О. А. Сулейманова, А. А. Водяницкая, А.В. Соколова, М.А. Фомина. М. 2022.

Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86-157.

ЧС – Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.

Clemen G. The Concept of Hedging: Origins, Approaches and Definitions // Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / Ed. by R. Markkanen, H. Schröder. Berlin: De Gruyter, 1997. P. 235-248.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. № 2 (4). P. 458-508.

A.V. Sokolova (Moscow, Russia)
Moscow City University

RUSSIAN-TO-ENGLISH SIMULTANEOUS INTERPRETATION ANALYSIS OF HEDGE STRUCTURES DESCRIBING THE SPEAKER'S COGNITIVE OPERATIONS (CONSECUTIVE TRANSLATION CORPUS)

The paper focuses on the strategies of simultaneous Russian-to-English interpretation of hedge structures including mental activity verbs. The research is based on the materials of “Translation corpus (simultaneous and consecutive interpretation – texts and video recordings)”, created by the professors and students of the Department of Linguistics and Translation Studies of MCU.

Key words: cognitive linguistics, interpreting, hedging, political discourse.

О.А. Сулейманова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
souleimanovaOA@mgpu.ru

РУССКИЕ АБСТРАКТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

В работе рассматриваются в переводческой перспективе русские абстрактные существительные на *-ость / изна*, обозначающие качества и свойства объектов, анализируются стратегии их перевода на английский язык на основе определения их функции в предложении и описываются прогнозируемые ошибки в переводе. Эмпирическая база исследования составлена на основе текстов двуязычных корпусов.

Ключевые слова: абстрактные существительные, перевод, английский язык, русский язык

Общий обзор

Сравнительный анализ русской и английской коммуникации в исторической перспективе выявил ее ключевые особенности, определяемые в значительной степени религиозно-культурной традицией, позволил спрогнозировать зоны переводческого конфликта при соприкосновении двух систем и обосновать переводческие стратегии [Сулейманова 2023].

Одной из значимых черт русского языка, как результат влияния религиозно-культурных традиций в период становления национального языка, является примат книжно-письменной традиции, начиная с XVII в. [Виноградов 1938], тогда как протестантская культура опиралась на иные, религиозно-культурные протестантские основы [Бурстин 1993а]. Одним из значимых следствий примата книжной традиции

именно в русско-английской переводческой перспективе, является обилие абстрактной лексики в русском языке, в первую очередь абстрактных существительных.

В англосаксонском мире в период становления национального языка господствовала иная тенденция, как следствие пуританской религиозной традиции, а именно: примат устного слова, начиная от особенностей парламентской формы правления [там же: 393-4], «расцвета проповеди на английском языке, причем проповеди не только пуританской» [Бурстин 1993б: 21-22] и далее уже на американском континенте «в наметившемся противостоянии печатного и устного слова решительно возобладал социальный статус последнего» [там же, 18], и даже в основу литературы легла разговорная речь [Бурстин 1993а: 392]. К проповеди предъявлялись требования избегать цитат на иностранных языках, проповедь должна быть доходчивой, а аргументы убедительными [Бурстин 1993б: 21], в учебниках по английской стилистике и по сей день рекомендуется избегать заимствований и абстрактной лексики [Strunk, White 2000: 76].

Таким образом, объективно велика вероятность возникновения «конфликта» при переводе абстрактной русской лексики на английский язык.

Абстрактная лексика как результат процесса абстрагирования, или в «отвлечении, в мысленном отбрасывании (временном) тех предметов, свойств и связей, которые затрудняют рассмотрение объекта исследования в «чистом виде» [ФЭ 1960: 16], отражает несколько видов абстрагирования, в числе которых самыми значимыми можно считать представленное отглагольными существительными и абстрактными существительными-обозначениям свойств и качеств. В первом случае абстрагирование основано на отвлечении от существенных свойств глагола – описываемое им событие (действие, процесс, состояние и др.) представлено как расположенное на оси времени, оно длится (ср. *я сейчас читаю*), тогда как существительное характеризует действие как снятое с оси и уже не длящееся (*чтение*), как предмет. Во втором случае качество и свойство, по сути, неотъемлемые атрибуты материи, не существующие в реальной действительности вне предмета (*белый снег*), представлены как самостоятельные предметы, уже не привязанные к своему носителю. В переводческой перспективе разграничение данных двух типов абстрактной лексики чрезвычайно важно, поскольку они предполагают различные переводческие стратегии.

В теории перевода потенциальному переводческому конфликту, связанному с передачей абстрагированности, уделено значительное место: так, рассматривался перевод отглагольных существительных и предложены стратегии их адекватного перевода: например, в составе именной группы (ИГ), выделены особые случаи межъязыковых корреляций ИГ, содержащих т.н. параметрические слова типа *рост*, *падение*, *улучшение* и даже *появление*, которые системно переводятся прилагательными в сравнительной степени (за исключением случаев, когда либо указана точная величина изменения типа *5% рост*, либо ИГ содержит определение типа *значительный*) и мн. др. [Бреус 1998; Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий 2015]; или конструкции с опорными словами-обозначениями времени, места и причины и др.

При этом абстрактные существительные, обозначающие качества и свойства, типа *белизна*, *яркость* не служили предметом исследования, тогда как в практике перевода частотны как ошибочные буквальные переводы, так и возможны ситуации, требующие структурных переводческих преобразований. Отсутствие системного описания перевода таких слов и определяет **актуальность** проведенного исследования, а полученные стратегии составляют его **новизну** и **практическую значимость**.

Материал и методика исследования

Исследование основано на материале двуязычного подкорпуса НКРЯ, а также на авторском корпусе примеров из переводов русскоязычной прозы, собранных методом сплошной выборки. Отбирались ИГ, содержащие выбранные по морфологическому принципу существительные на *-ость* и *-изн*, и их перевод. Далее устанавливались использованные переводчиками способы перевода, производился их критический анализ и выявлялись закономерные соответствия, что позволило установить корреляцию между функцией ИГ в высказывании и способом перевода.

Результаты

В системе русского абстрактного существительного-обозначения признака и свойства можно выделить несколько типов, среди которых группа существительных-обозначений качеств типа *синева*, а также существительных на *-ость* типа *необходимость*, *трудность*. Эти слова в свою очередь представлены несколькими подгруппами согласно семантическому репрезентируемому признаку, при этом их перевод определяется выполняемой ими функции в предложении и семантикой предиката на основе следующих переводческих стратегий: частеречная замена на прилагательное, сохранение частеречной принадлежности, разворачивание в предикативные структуры. В случае если объектом описания является само качество или свойство, существительное обычно сохраняется, ср. *убедительность его аргументов (не вызывает сомнений) – credibility / power*; причем предикат может использоваться в форме и активного, и пассивного залога и часто описывает восприятие и бытие: *I was surprised by the whiteness of / The whiteness of X surprised me; I was struck by the pallor of her face*, или *Бледность уступила место краске стыда – Its paleness gave place to a glow of shame*.

В случаях когда описываемое качество / свойство предстает как агенс, определяющий событие, например, *убедительность его аргументов позволила нам выиграть тендер*, в переводе возможна частеречная замена на прилагательное *his compelling arguments*, и таким образом снимается абстрагированность в представлении описываемого события в русском языке на английское более «естественное» представление качества или свойства.

В английском переводе в целом частеречная замена на прилагательное оказывается чрезвычайно частотной: *Трудность решения задачи заключалась в том, что необходимо было срочно найти вакцину. What made the task especially challenging was; Правительство Черногории признало важность образования в интересах устойчивого экономического и социального развития страны The Montenegro government agreed that education was the key factor...; Статья гарантирует стабильность занятости, высокий уровень жизни и достаточную пенсию. - ... stable employment, high living standards, and decent pension*. Таким образом, обозначения качества – *белизна*, *кривизна* часто (безусловно не всегда) тяготеют к переводу прилагательными *бледность ее лица – her pale face*, *новизна подхода – the new approach*; *важность*, *необычность*, *практичность*: *доверительность в отношениях / доступность / потребность в ресурсах – important / necessary / accessible resources*. *Успешность его карьеры – his successful career*. *Безупречность репутации всех сотрудников компании – impeccable reputation of the staff took its toll*. *Мгновенность реакции является основополагающей характеристикой – Instant reaction is the key factor*.

В составе группы подлежащего / дополнения, при условии если ИГ выполняет семантическую роль агенса, возможно также разворачивание предикативной

структуры в виде придаточного предложения-подлежащего и прочих придаточных (эта трансформация более свойственна устному переводу): *Меня поразила почти полная неподвижность его лица – What's most striking is the her profound facial masking; Особенность / уникальность данного подхода определяется тем, что –What makes this approach so special is....*

В случае наличия обозначения деятеля в переводе возможна конструкция с герундием *N's being Adj: его ответственность гарантирует - his being responsible / responsibility ensures*. Ср. тж. *повышенная требовательность контролеров к составу продуктов, содержащих ГМО, позволила P. - Inspectors' being insistent* (тж. *Inspectors' exactingness* с сохранением существительного).

Высказывания со словом *необходимость* часто переводятся предикативной структурой с глаголом – *we need*, с составным именным сказуемым: *it is necessary; необходимость поддержки / необходимо поддержать / мы должны поддержать – (it is necessary to support, we need to support*. Во многих случаях оно выступает в составе предикатных групп со связочными глаголами – *возникает, существует, есть необходимость – we need*; глаголами умственной деятельности *понимать, осознавать, видеть: it is necessary*. В таком случае *мы не видим необходимости приглашать наших юристов – We do not think it is necessary / we need to involve our in-house lawyers*

Таким образом, логика переводческого решения определяется сложившимися в ходе национального развития структурными особенностями языковых систем и установлением системных корреляций между ними.

Литература

Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО. 1998.

Бурстин Д. Американцы. Национальный опыт. М.: «Прогресс» - «Литера», 1993а.

Бурстин Д. Американцы. Колониальный опыт. М.: «Прогресс» - «Литера», 1993б.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М.: Высшая школа, 1938.

Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса. М.: Ленанд, 2015.

Сулейманова О.А. Роль религиозно-культурной традиции в формировании национального языка и «конфликт» культур // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов. Тезисы докладов международной научной конференции. Минск. МГЛУ. 2023. С. 51-53.

ФЭ – Философская энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия. 1960.

Strunk Jr. W., White E.B. The Elements of Style. Fourth Edition. Massachusetts: Allyn & Bacon. 2000.

*O.A. Suleimanova (Moscow, Russia)
Moscow City University*

RUSSIAN ABSTRACT NOUNS IN ENGLISH TRANSLATION

Communication patterns in Russian and English originated from their historical and cultural past related to the religious traditions to a great extent as these traditions were strongly supported and pursued at the time when national languages were being formed. These cultural-historical factors prompt translators' choice in rendering Russian abstract nouns into English.

Key words: translation, Russian, English, abstract nouns.

Ван Сяолин (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
1042215284@pfur.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье раскрывается роль художественной литературы в межкультурной коммуникации и процесса перевода, а также рассматривается феномен культурной адаптации при переводе литературных произведений и соответствующие переводческие стратегии. На основе изученных примеров разъясняется важность применения культурной адаптации для достижения цели облегчения восприятия читателями.

Ключевые слова: межкультурная адаптация, художественная литература, перевод, стратегия перевода.

Как известно, межкультурная коммуникация – это взаимодействие носителей разных культур, представляющее собой очень древнее явление. Между народами, говорящими на разных языках, коммуникация опирается именно на перевод. Перевод существует с самого начала общения между разными культурными группами, является деятельностью, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида и задач перевода, типа текста [Алексеева 2004: 7].

Художественный перевод, или перевод художественного произведения, всегда оставался в центре внимания переводоведов. С одной стороны, художественный перевод очень различается в зависимости от жанровой принадлежности материала, т.к. при переводе различных типов прозаических произведений, пьес, стихотворных произведений существуют свои специфические проблемы [Абдрахманова 2015: 125], с другой стороны, художественный текст характеризуется образностью и эмоциональностью речи. Кроме того, перевод литературных произведений предъявляет к переводчику дополнительные требования по учету культурного фона, уровня понимания, различий в менталитете и других факторов получателя переведенного текста. А.А. Попович описывает схему литературной коммуникации, полагая, что в процессе перевода бывают два этапа коммуникации: *Автор – Текст – Приемник*, первый, и второй, *Переводчик – Текст – Приемник*.

Переводчик в этом процессе участвует два раза: как реализатор первичной литературной коммуникации и реализатор нового коммуникативного акта, поэтому перед ним поставлено немало задач в передаче оригинала читателю из другой культуры [Попович 1980] Согласно Т.А. Казаковой, «художественный перевод представляет собой вид интеллектуальной деятельности, в процессе которой переводчик устанавливает информационное соответствие между языковыми единицами исходного и переводящего языков». Данное единство дает возможность создать иноязычный аналог исходного художественного текста в виде вторичной знаковой системы, которая соответствует литературно-коммуникативным требованиям и языковым привычкам определенного общества на каждом историческом этапе. Понятие художественного перевода предполагает творческое преобразование литературного подлинника не только в соответствии с литературными нормами, но и с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка, сопровождаемого

трансформацией литературных особенностей оригинала и эмоционально-эстетической информации, которой обладает подлинник [Казакова 2006].

Таким образом, в процессе художественного перевода переводчик должен не только максимально полно передать содержание оригинального текста и мысли автора, но и учесть культурные различия и возможные культурные конфликты в соответствии со средой читателей, чтобы последние могли понять содержание переводного текста в соответствии со своими собственными представлениями и запасом знаний.

К непереводаемым элементам, которые могут встречаться в литературных произведениях, можно отнести безэквивалентную лексику, безэквивалентную грамматику и «разный род лагун». Безэквивалентная лексика бывает «явлением, при котором в языке перевода отсутствует полный и однозначный эквивалент данного слова или понятия». Безэквивалентная грамматика рассматривается как расхождение не так актуально для содержательности текста, они «описываются как свод курьезов, чем как реальная помеха для осуществления адекватного перевода». Наличие лагун составляет еще одну большую часть переводческих трудностей. Согласно Н.Л. Галеевой, лагуна, также называется темным местом, под которой «можно считать любой случай неясности, непонятности в тексте» [Галеева 1997: 12]. Именно для описания такого культурного несоответствия, С. Влахов и С. Флорин используют термин «реалия» – «то, что для языка оригинала реалия, для языка перевода – лагуна» [Влахов 1980: 341].

При устранении таких различий переводчик может максимально сохранить оригинальный текст и перевести реалии дословно, или заменить его аналогичными выражениями на языке перевода, т.е. доместикация (domestication) и форенизация (foreignization). Немецкий философ Ф. Шлейермахер дал дальнейшее объяснение этим двум стратегиям перевода, утверждая, что форенизация «оставляет писателя в покое, насколько это возможно, и подвигает читателя к писателю», а доместикация - это своего рода «оставляет читателя в покое, насколько это возможно, и двигает автора к читателю» [Тянь Сюйер 2022: 178].

Обе стратегии, безусловно, имеют свои преимущества и недостатки: использование стратегии форенизации позволяет максимально сохранить форму исходного языка, но не приводит к максимальному пониманию сути передаваемых смыслов. Стратегия доместикация, наоборот, позволяет ловко решить эту проблему. Рассмотрим примеры с применением разных стратегий.

Пример 1: исходный текст: 三个臭皮匠，顶个诸葛亮

Русский перевод можно представить двумя вариантами: 1а. «Три простых (ничтожных) сапожника превзойдут самого Чжугэ Ляна» и 1б. «Один ум хорошо, а два лучше».

Пример 2: исходный текст: 说曹操曹操到

Русский перевод: 2а. «Стоило упомянуть о Цао Цао, и он тут как тут» и 2б. «Лёгко на помине».

Приведенные выше две китайские пословицы взяты из одного из четырех великих китайских романов «Троецарствие». В первом примере вариант 1а. является знаковым переводом, в котором сохранена форма оригинала, в то время как 1б. представляет собой смысловой перевод с применением стратегии доместикации, в котором используется соответствующая пословица в русском языке. Очевидно, что в данном контексте второй вариант перевода позволяет читателю лучше понять смысл оригинального текста. Если же переводчик хочет использовать первый вариант перевода, то ему необходимо пояснить незнакомое существительное "Чжугэ Лян" в виде примечания, иначе читатель может не постичь смысл пословицы. Второй пример –

то же самое, незнакомое читателю существительное «Цао Цао» даже с добавлением примечаний не позволяет сделать перевод допустимым читателями, при этом условии использование стратегии адаптации равносильно тому, что переводчик скрытно помогает читателю заранее решать проблему невосприятия.

Другие ученые также предлагают свои мнения по адаптации в переводе художественных текстов. М.Я. Цвиллинга предполагает существование так называемого терциарного перевода, или перевода в интересах третьих лиц. Согласно ему, стратегия терциарного перевода представляет собой общую программу осуществления переводческой деятельности, направленная на создание текста, удовлетворяющего потребности носителя целевого языка, который играет иную коммуникативную роль [Цвиллинг 2009]. В.В. Сдобников внедряет понятие коммуникативно-функционального подхода к переводу, он считает, что текст перевода должен оказывать на реципиента воздействие, схожее с тем, какое оригинал оказывает на своего реципиента, и служить инструментом реализации коммуникативной интенции отправителя исходного сообщения. Стратегией перевода, обеспечивающей выполнение общего требования, заявленного в рамках коммуникативно-функционального подхода, должна быть стратегия создания коммуникативно-функционального аналога оригинала, т.е. текста, коммуникативно-равноценного оригиналу [Сдобников 2011]. О.В. Петрова предложила термин «переадресация», под которым понимается совокупность действий переводчика в ситуации, «когда перевод предназначается целевой аудитории, отличной от целевой аудитории оригинала не только по своим национально-культурным, но и по каким-то социальным характеристикам». Данные характеристики могут описывать возраст, профессию, образовательный уровень, место в ситуации общения [Петрова 2010: 20]. Поэтому, решая проблему культурной адаптации, переводчик должен учитывать многогранные и многослойные аспекты от культурного фона всей нации читателей в целом до уровня образования и способности восприятия отдельным читателем.

Подводя итоги, цель межкультурной коммуникации посредством литературы может быть достигнута только в том случае, если перевод трактует текст оригинала таким образом, который приемлем для читателей. В данный момент не существует единого мнения о стандартах правильного применения стратегии адаптации, и до сих пор остается предметом глубокого обсуждения вопрос о том, как обеспечить национальные особенности, культурный фон и искусства творчества оригинала, и в то же время облегчить понимание читателями. В связи с этим, изучение правильного использования стратегий перевода и стандартов для адаптации выступает одним из наиболее перспективных направлений исследования.

Литература

- Абдрахманова Р.Дж.* Художественный перевод (Лингвистические аспекты): учебное пособие для студентов старших курсов переводческих отделений. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1980.
- Галеева Н.Л.* Основные деятельности теории перевода. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та. 1997. С. 10-13.
- Казакова Т.А.* Художественный перевод: теория и практика: учебник / Т.А. Казакова. СПб.: ИнЪязиздат, 2006.
- Петрова О.В.* Прагматическая адаптация и переадресация текста при переводе / О.В. Петрова // Проблемы перевода и переводоведения: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 13. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 17-23.

Попович А.А. Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980. С. 50-71.

Сдобников В.В. Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход. - М.: Флинта, 2015.

Тянь Сюйер Анализ стратегий доместикации и форенизации в англо-китайском переводе в межкультурной коммуникации // Английский язык в кампусе, 2022. Вып. 52. С. 235-239.

Цвиллинг М.Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков. М.: Восточная книга, 2009.

Van Syaolin (Moscow, Russia)

RUDN University

INTERCULTURAL ADAPTATION WHEN TRANSLATING FICTION

Annotation: The article reveals the role of fiction in intercultural communication and the translation process, and also examines the phenomenon of cultural adaptation in the translation of literary works and corresponding translation strategies. Based on the examples studied, the importance of using cultural adaptation to achieve the goal of ease of comprehension for readers is explained.

Key words: intercultural adaptation, fiction, translation, translation strategy.

О.В. Таканова (Москва, Россия)

Российский государственный аграрный университет-МСХА

имени К.А. Тимирязева

olgatakanova@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОР

В данной статье речь идет о трудностях, связанных с переводом метафор и о возможностях решения этой проблемы. Автор опирается на мнение видных теоретиков и практиков перевода при рассмотрении функций метафоры в тексте, и каким образом данные функции влияют на выбор стратегии перевода. В статье также подчеркивается уникальный характер метафоры, который даже при высоком уровне развития науки и техники подвластен только переводчику-человеку, а не искусственному интеллекту.

Ключевые слова: перевод, метафора, контекст, лингвистика, переводоведение.

Почему перевод метафоры является проблематичным? Как переводчик может оценить качество своего перевода, столкнувшись с метафорой? Другими словами, как переводоведение и лингвистика могут способствовать разработке надежного и эффективного метода перевода метафоры в конкретном тексте?

Выделяют две основные причины использования метафоры:

- познавательная цель: метафора используется для описания человека, объекта, предмета в более понятной и краткой форме, чем это могло бы быть без нее;

- прагматическая или эстетическая цель: метафора функционирует как обращение к чувствам, эмоциям, с целью заинтересовать, порадовать, удивить; метафора может быть подкреплена эвфонией (ассонанс или аллитерация).

Таким образом, очевидно, что функция, которую выполняет метафора в конкретном тексте будет влиять на ее перевод.

В отличие от перевода метонимии, перевод метафор ставит перед собой определенные задачи, которые нужно сначала проанализировать, а затем попытаться решить.

1. Прямое или переносное значение.

Первая проблема заключается в том, чтобы узнать, следует ли переводимое утверждение понимать в буквальном или в переносном смысле. Иногда даже опытному переводчику бывает трудно принять решение, следует ли расшифровывать высказывание буквально или метафорически.

2. Контекстная зависимость.

Только через контекст метафора может быть правильно понята и, соответственно, переведена.

Американский лингвист и переводчик Кирстен Мейсон отмечает, что любые метафоры, встречающиеся в тексте, должны интерпретироваться в контексте всего текста и переводиться соответственно. В связи с этим важно рассматривать текст в его культурной среде: где он был создан, кем, для чего, при каких обстоятельствах? Метафора, как таковая, раскрывается только в конкретном культурном контексте. Переводчик должен поэтому прежде всего погрузиться в текст и культурный (экстралингвистический) контекст [Mason 1982: 145].

Метафора всегда транслирует больше, чем буквальное обычное утверждение, которое было бы ее синонимом и могло быть использовано вместо нее [Ревенко 2009: 109]. Смысл метафоры заключается в том, чтобы раскрыть неявное, невыразимое. Проблема перевода, соответственно, состоит в том, чтобы попытаться сохранить это невыразимое в переводе, и именно по этой причине перевод одной метафоры с помощью другой метафоры остается особым способом перевода. Метафора всегда представляет собой огромный объем когнитивной работы говорящего во время кодирования и для собеседника во время декодирования информации.

Это свидетельствует, в свою очередь, о том, что невыразимый характер, присущий любой метафоре, подчеркивается полифонией, полисемией [Балашова 2015: 173]. Опасность, с которой сталкивается переводчик, когда он переводит метафору, заключается как раз в этом ее полифоническом и невыразимом характере, переводчик может видеть в метафоре вещи, которых там нет и наоборот. Такое большое количество трудностей при переводе метафоры породило противоположные взгляды в переводоведении. Можно сказать, что перевод метафоры представляет собой двойной перевод.

Согласно канадскому переводчику и преподавателю перевода Жану Делилю, метафора «заряжает» повествование энергией и усиливает его запоминающуюся сущность за счет создания мысленных образов. При этом она сама является одной из форм перевода, поскольку она выражает абстрактную реальность посредством конкретной лексики [Delisle 2013: 504].

Столкнувшись с метафорой, переводчик сталкивается с двумя различными проблемами: сама метафора, как таковая, и ее перевод. Понять текст означает понять язык текста и передать его смысл с помощью экстралингвистических знаний. Именно поэтому в речи нет никакой двусмысленности, которая на самом деле существует в языке, но актуализация лексических единиц в дискурсе устраняет ее. Однако, на наш взгляд, что метафора по своей невыразимой и полифонической природе всегда сохраняет часть своей «тайны» и даже в речи может оставаться двусмысленной.

В связи с этим переводчик должен смотреть на дискурс со свойственной ему субъективностью, т.е. на те факторы высказывания, которые повлияли на ее

возникновение. Что касается перевода метафоры, понять ее — это значит понять, какую функцию играет метафора в определенном тексте. Таким образом, при переводе метафоры необходимо учитывать два существенных аспекта:

- играет ли метафора когнитивную и/или эстетическую роль?
- встречается ли метафора в информативном тексте или в «поэтическом» тексте?

В зависимости от ответа на эти вопросы, перевод метафоры может быть различным. Если метафора играет роль познавательную, будь то в информативном тексте или в «поэтическом» тексте, нам кажется важным сохранить ее или перевести с помощью другой метафоры, потому что причины, по которым она была использована (метафора не является самоцелью, а средством) имеют большое значение, точно так же, как и смысл, содержащийся в других высказываниях текста. В этом случае переводчик скорее отдаст предпочтение динамической эквивалентности, т.е. сохранению смысла.

Если метафора играет чисто эстетическую роль, тип текста, в котором она появляется, должен быть соответствующим (поэзия, роман и т.д.), тогда придется постараться сохранить ее, прибегая к другой фигуре, если невозможно найти эквивалентный метафорический перевод. Переводчик в таком случае скорее отдаст предпочтение формальной эквивалентности, т.е. буквализму, так сказать, эквивалентности означающих.

Метафора с эстетическим посылом часто связана с эвфонией, и в переводе должно сохраниться, насколько это возможно, это благозвучие.

Степень сложности перевода метафоры также будет частично зависеть от характера образа, содержащегося в ней: легче перевести метафору, образ которой универсален, чем метафору, образ которой связан с конкретной культурой или человеком.

Самая большая трудность, с которой можно столкнуться при переводе метафор, заключается в том, чтобы найти соответствующие метафоры в языке перевода или, если это не удастся, выразить смысл подходящей лексикой. Переводчику часто требуется время, чтобы понять прямой смысл и подразумеваемый смысл предложений и метафоры.

В связи с этим переводчику крайне важно обладать хорошими социокультурными знаниями, широким кругозором, потому что, встретив в тексте метафоры, устойчивые выражения, идиомы или пословицы в тексте, он должен знать, как их следует переводить.

Перевод метафор многогранен по своей природе, поэтому лучший перевод будет зависеть от типа переведенного текста, читательской аудитории, характера и функции метафоры в этом тексте. Это объясняет, почему полностью автоматизированный перевод в настоящее время не может использоваться для перевода метафор. Машина не может идентифицировать имплицитное, а в случае многозначности не способна понять, в чем заключается суть контекста, т.к. ей не хватает фоновых знаний. И несмотря на стремительное развитие технологий все же остается маловероятным то, что мы когда-нибудь сможем оснастить машину когнитивный «багажом», аналогичным человеческому.

Литература

Балашова Л.В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики // Вестник Омского университета. 2015. № 2.

Ревенко Е.С., Шевченко М.Н. Современные подходы к изучению метафоры // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 46. 2009.

Delisle J. La traduction raisonnée // Manuel d'initiation à la traduction professionnelle de l'anglais vers le français, 3 édition. Ottawa: Les Presses de l'Université d'Ottawa, 2013.
Mason K. Metaphor and Translation. BABEL 28.3. 1982. P. 140-149.

O.V. Takanova (Moscow, Russia)

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

ON THE QUESTION OF TRANSLATING METAPHORS

This article discusses the difficulties associated with translating metaphors and the possibilities of solving this problem. The author relies on the opinion of prominent translation theorists and practitioners when considering the functions of metaphor in the text, and how these functions influence the choice of translation strategy. The article also emphasizes the unique nature of metaphor, which, even with a high level of development of science and technology, is subject only to a human translator, and not to artificial intelligence.

Key words: translation, metaphor, context, linguistics, translation studies.

О.Б. Чибисова (Москва, Россия)

МГИМО(У) МИД России

olgachibis@list.ru

СИНТАКСИС ИСПАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПРИЧИНА КОГНИТИВНЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Понимание исходного текста – первый этап и основное условие успешного перевода. Многие исследователи считают, что когнитивные процессы, характеризующие понимание, происходят автоматически и в большинстве случаев одновременно с восприятием текста. Однако в случае испанских юридических текстов для понимания текста от переводчика требуются специальные мыслительные усилия, ввиду чрезвычайной синтаксической сложности таких текстов.

Ключевые слова: перевод юридических текстов, понимание текста, когнитивные затруднения, синтаксическая структура, вводные элементы.

Представляется очевидным тот факт, что понимание исходного текста составляет основу процесса перевода, и без полного понимания все другие составляющие этого процесса утрачивают смысл. С этим согласны все исследователи перевода как с лингвистических, так и с когнитивных позиций. «Понимание исходного текста создает подлинный интеллектуальный контекст для деятельности переводчика», – указывают Л.М. Алексеева и Н.В. Шутемова. [Алексеева, Шутемова 2012: 245]. «Для успешного перевода важно не столько знание межъязыковых соответствий, сколько способность «видеть за словами мысль», т.е. формировать, отталкиваясь от слов текста, когерентную концептуальную структуру в сознании и затем воплощать ее в другом языке...» – пишет А.Г. Минченков в книге «Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности». [Минченков 2007: 139 - 140].

Заметим, что чтобы «увидеть за словами мысль», необходимо понимать, как слова связаны между собой в предложении, как они взаимодействуют, т.е. понимать синтаксическую структуру предложения. Эти вопросы в меньшей степени привлекают внимание исследователей, чем, например, анализ концептов, в том числе сопоставительный, что вполне понятно, т.к. обычно понимание текста на уровне

синтаксиса не требует осознанного мыслительного усилия. «В случае, когда чтение не представляет трудностей, мы обычно не осознаем стратегий, которые помогают нам понимать текст...», – считает аргентинский философ-когнитивист, автор ряда исследований в области понимания текста Мартин Морето. [Moretó 2014: 100]. Более того, некоторые исследователи отмечают, что понимание текста происходит одновременно с его восприятием, и что «восприятие и понимание информации ... требует не только знания самого языка, но и предмета обсуждения» [Плахотная 2018: 11]. Однако это можно отнести не ко всем видам текстов. Синтаксическая структура испанского юридического текста столь сложна, что понимание далеко не всегда происходит неосознанно и одновременно с восприятием текста. При этом знания языка, в том числе специальной терминологии, и владения понятийным аппаратом не всегда достаточно, как мы увидим далее.

Исследователи когнитивных процессов в переводческой деятельности считают синтаксический анализ первым этапом процесса понимания предложения, включающим «происходящий бессознательно процесс нахождения подлежащего, сказуемого, дополнения и т.д. и группирования слов в синтаксические группы» [Плахотная 2018: 11]. Канадский психолог-когнитивист С. Пинкер отмечает, что трудности в этом процессе могут возникать, когда в тексте присутствуют «длинные конструкции», а также что «даже короткие предложения не поддаются пониманию, если они содержат многочисленные вставления». [Пинкер 2004: 191-195].

Посмотрим, какие синтаксические особенности испанского юридического текста обуславливают трудности в его понимании не только переводчиками, для которых испанский язык не является родным, но даже носителями языка.

Юридические тексты заслуженно считаются сложными для понимания, особенно ввиду присутствия в них множества специальных терминов, которые часто становятся предметом изучения как лингвистов, так и юристов, в том числе сопоставительных исследований терминов различных языков. Но поскольку предметом перевода являются не отдельные термины/концепты, а текст в целом, для переводчика не менее (а нередко и более) важно понимание синтаксической структуры предложения как основа понимания текста в целом.

Практически для всех испанских юридических текстов характерна, помимо лексических и терминологических сложностей, очень сложная синтаксическая структура, что признают многочисленные испанские и латиноамериканские исследователи. Так, М. Морето называет синтаксис юридических текстов «темным» [Moretó 2014: 99] и отмечает, что «в юридических текстах, грамматика и синтаксис бывают столь сложны, что читателю приходится много работать, чтобы понять смысл каждого предложения...» [Moretó 2014: 100]. В докладе Комиссии по модернизации юридического языка, специально созданной в 2010 г. в Испании в попытке упростить юридический язык и сделать его более доступным для неспециалистов, указывается, в частности, целый ряд синтаксических особенностей, затрудняющих понимание. [Informe 2011: 4, 7]. (Подчеркнем, что речь идет о понимании текста на родном языке; таким образом, знание языка и правовой системы для переводчика – необходимое, но не всегда достаточное условие для понимания юридических текстов).

В качестве материала для иллюстрации положения о том, что сложный синтаксис юридических текстов служит причиной возникновения когнитивных затруднений на этапе понимания смысла, использованы тексты решений испанских судов различных инстанций. Судебные решения занимают особое место среди испанских юридических текстов именно в силу своей сложности для понимания, некоторые исследователи даже

считают их особым жанром, отличным от всех других. Вместе с тем, именно по причине своей сложности решения судов чаще всего становятся предметом исследования лингвистов, с использованием различных подходов, в том числе когнитивного и социолингвистического. Примером может послужить ранее упомянутое исследование М.Морето «Стратегии чтения юридических текстов: анализ вербальных протоколов у опытных и начинающих юристов», а также интересная работа испанского лингвиста Хосе Томаса Риоса «Судебные решения: социолингвистическое исследование и анализ». В этой статье перечисляются, среди прочего, синтаксические характеристики текстов судебных решений. Отметим среди них те, которые в наибольшей степени затрудняют понимание, как показывает наш опыт обучения магистрантов (уровень владения языком C1 – C2, уровень правовых знаний – диплом бакалавра) устному и письменному переводу юридических текстов с испанского языка на русский: 1. Очень протяженные предложения, объем которых часто составляет 150 – 200 слов и более, «до такой степени, что такие предложения невозможно произнести устно» [Ríos 2005]; 2. Множество вводных элементов, различным образом связанных между собой; 3. Случаи соподчинения и последовательного подчинения внутри одного предложения; 4. Частое использование независимых инфинитивных, причастных и особенно герундиальных оборотов. По всем этим причинам такие элементы когнитивного процесса декодирования текста, как разделение его на синтагмы, выявление групп «субъект – предикат» и «предикат – объект» и в целом понимание «взаимоотношения концептов внутри предложения» [Moretó 2014: 100] не могут осуществляться неосознанно и незаметно для переводчика, а в наиболее сложных случаях вообще не могут осуществляться.

Для иллюстрации таких синтаксических сложностей приведем фрагмент Решения № 4265/2015 Суда провинции Севилья от 05.11.2015:

Aunque esta sala en anteriores sentencias había mantenido la tesis *de que* la retroactividad sin límite era una consecuencia necesaria de la nulidad de la cláusula *y que* no cabía apreciar una afectación del orden público económico por la eventual existencia de otros procedimientos, a la vista de lo incierto de sus resultados de cada uno de ellos, en sintonía por otra parte con el voto particular emitido por dos Magistrados de la Sala 1ª del Tribunal Supremo a la tesis mayoritaria de la sentencia de 25 de marzo de 2015, lo cierto es que, vista la doctrina sentada por el Tribunal Supremo y dado que conforme al artículo 1.6 del Código Civil la jurisprudencia complementará el ordenamiento jurídico con la doctrina *que*, de modo reiterado, establezca el Tribunal Supremo al interpretar y aplicar la Ley, la costumbre y los principios generales del derecho, ha optado desde el momento en que se dio a conocer el texto íntegro de la sentencia por cambiar el criterio mantenido hasta ahora y ajustarse al sostenido por la citada doctrina jurisprudencial.

Перед нами предложение объемом 178 слов, в составе которого распространенное придаточное предложение, в свою очередь управляющее двумя другими придаточными с сочинительной связью между ними, и три вводных периода, один из которых содержит, в свою очередь, еще один вводный элемент. При этом субъект описываемого действия отделен от предиката, обозначающего действие, 142 словами. Понять такую сложную синтаксическую структуру неосознанно и без специального усилия (включающего, в том числе, повторное восприятие, и даже не одно) практически невозможно.

Таким образом, мы видим, что в процессе перевода испанских юридических текстов на первом его этапе – этапе понимания исходного текста – переводчик сталкивается с когнитивными трудностями, обусловленными сложной синтаксической

структурой текста, и когнитивные процессы, имеющие место в такой ситуации, представляют собой интересный вопрос для специального исследования. Такое исследование было бы полезно, в первую очередь, для обучения студентов переводу юридических текстов.

Литература

Алексеева Л.М., Шутемова Н.В. Когнитивное «пробуждение» переводоведения // Вестник Пермского университета. Вып.1 (17). 2012. С. 244-248.

Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Издательство «Антология». 2007.

Пинкер Стивен. Язык как инстинкт: Пер. с англ. / Общ. ред. В.Д. Мазо. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Плахотная Ю.И. Понимание как когнитивная основа процесса перевода. // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2018. С. 10-16

Informe de la Comisión de modernización del lenguaje jurídico. URL: [//https://lenguajeadministrativo.com](https://lenguajeadministrativo.com)

Moretó, M. Estrategias de lectura de textos jurídicos: análisis de protocolos verbales en expertos y novatos. // Revista científica de la Universidad de Ciencias Empresariales y Sociales, 18 (1). 2014. P. 97-120

Ríos, J.T. Las sentencias judiciales: estudio y análisis sociolingüístico. // Tonos digital: Revista de estudios filológicos, № 9, 2005. URL: [//https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1198377](https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1198377).

O.B. Chibisova (Moscow, Russia)
MGIMO University

SYNTAX OF SPANISH LEGAL TEXT AS A CAUSE OF COGNITIVE DIFFICULTIES IN TRANSLATION

Understanding the source text is the first step and the main condition for successful translation. Many researchers believe that the cognitive processes that characterize comprehension occur automatically, unconsciously and, in most cases, simultaneously with the perception of the text. However, in the case of Spanish legal texts, comprehension requires special thinking efforts from the translator due to the extreme syntactic complexity of such texts.

Key words: translation of legal texts, text comprehension, cognitive difficulties, syntactic structure, parenthetical clauses.

A.T. Шавтикова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
shavtikova_at@pfur.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ ЕГИПЕТСКИХ ФИЛЬМОВ

В статье рассматривается лексическая трансформация как прием перевода на русский язык названий египетских кинофильмов на арабском языке. Автор приходит к выводу о том, что существующие приемы актуальны и активно используются для подбора наиболее полного эквивалента с целью сохранения смысла в языке оригинала.

Ключевые слова: приемы перевода, лексическая трансформация, арабский язык, русский язык, кинодискурс.

Введение

Проблема перевода названий кинематографических произведений не является новой в лингвистической научной традиции. Однако с появлением большего числа новых фильмов перед переводчиком постоянно стоит задача поиска эквивалента, что объясняет актуальность настоящего исследования.

Проблемой перевода названий фильмов на русский язык занимается ряд ученых (см. например работы О.И. Александровой, Е.А. Красиной и др. (2019) Е.Ж. Бальжинимаевой (2009), И. Милевич (2007), Я.Е. Милюткиной (2016) и др.) Отметим, что существует большое количество работ, посвященных переводу названий фильмов с английского на русский язык, Примечательно, что в современной лингвистической традиции мало внимания уделяется изучению перевода названий кинопроизведений с арабского языка на русский. Однако возрастающая популярность произведений на арабском языке, в частности, и арабского языка, в целом, диктует необходимость исследования переводческих приемов при работе с ним.

Целью нашей работы является рассмотреть к каким лексическим трансформациям прибегает переводчик при работе с названием фильма на арабском языке и как при этом сохраняется авторская интенция.

Материалом исследования являются названия египетских фильмов объемом 60 единиц.

Результаты

К лексическим трансформациям при переводе традиционно принято относить: конкретизацию, генерализацию, прием лексического добавления, прием смыслового развития, опущения и др.

Рассмотрим реализацию данных приемов при работе с переводом названий египетских кинофильмов с арабского на русский язык.

1. Прием конкретизации

При переводе названия фильма «زوجة رجل مهم» на русский язык использован прием конкретизации, и в русскоязычный кинодискурс фильм вошел под названием «Жена влиятельного человека», тогда как дословно название переводится как «Жена *важного* человека». В данном случае актуализируется лексическая единица *مع*. Согласно словарю Х.К. Баранова *مع* означает ‘важный, значительный, серьезный’ (ЛСВ₁) [Баранов 1985: 858]. Однако в переводе на русский автор использует прием конкретизации и употребляет определение ‘влиятельный’ вместо ‘важный’ для того, чтобы подчеркнуть специфику кинокартины.

2. Прием лексического добавления

При переводе фильма «الأرض» (досл. «Земля») автором был использован прием лексического добавления и на русский язык название фильма было переведено как «Земля наших отцов». Такое расширение путем добавления ‘наших отцов’ позволяет реципиенту (в нашем случае потенциальному зрителю) получить более полное представление о сюжете.

Другим примером применения приема лексического добавления при переводе названий египетских кинокартин может служить перевод названия фильма «صلاح الدين» (досл. «Салах Аддин»), который для русскоязычного зрителя известен под названием «Победитель Салах Аддин». Салах Аддин – выдающийся арабский военачальник XII в., на счету которого ни один десяток успешных сражений. Для того, чтобы русскоязычный зритель смог дедуктировать, автор использовал прием лексического добавления, таким образом расширив семантику имени собственного.

3. Прием генерализации

При переводе названия фильма «حدوتة مصرية» (в переводе дословно «Египетская басня») автор использует прием генерализации и перевел как «Египетский рассказ» при том, что лексическая единица حدوتة означает ‘сказ, басня’ (ЛСВ₁) [Баранов 1985: 158]. В толковом словаре С.И. Ожегова ‘басня’ определяется как «краткое иносказательное нравоучительное стихотворение, рассказ» [Ожегов 2011: 61]. Расширяя значения басни как короткого рассказа до рассказа в переводе, переводчик пользуется приемом генерализации в данном случае с целью избежать двусмысленности.

Другим примером генерализации является перевод фильма «عمارة يعقوبيان», представленный на русском как «Дом Якобяна». Согласно словарю Х.К. Баранова عمارة – ‘строение, здание’ (ЛСВ₄) [Баранов 1985: 540]. Толковый словарь С.И. Ожегова предлагает следующее определение слову ‘дом’:

1. Жилое (или для учреждения) здание.
2. Свое жилье, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство.
3. Место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования.
4. Учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды.
5. Династия, род [Ожегов 2011: 407].

Так мы видим, что лексическая единица ‘дом’ значительно шире лексической единицы ‘здание’. Прием генерализации в данном случае применен с целью показать, что сюжет строится не только вокруг здания – жилого, но также повествование затронет историю и судьбы людей, проживающих в нем.

4. Прием смыслового развития

Название фильма «احكي يا شهرزاد» было переведено на русский язык как «Шахерезада, расскажи мне сказку», однако в дословном переводе название следующее: «Скажи, Шахерезада». Автором был использован прием смыслового развития при переводе данного названия. Шахерезада – главная героиня цикла арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Известная своим красноречием, девушка каждую ночь до утра рассказывала сказки царю Шахрияру. Глагол حكي ‘рассказывать, передавать, разговаривать’ [Баранов 1985: 188] без существительного-прямого дополнения в русском языке теряет свою полноту. Прибегая к приему смыслового развития в данном случае, переводчик сохраняет коннотативную целостность.

Также прием смыслового развития мы наблюдаем при переводе фильма «باب الحديد», представленный в русском кинопрокате как «Каирский вокзал». Дословно название переводится как «Железная дверь». Автором была использована данная лексическая трансформация для отражения смыслового наполнения кинокартины, где действие происходит на главном вокзале Египта, а железная дверь – это символ неразделенной любви героини фильма.

5. Прием опущения

Примером опущения при переводе названия египетской кинокартины на русский язык является «يوم الدين». В словаре Х.К. Баранова يوم الدين определяется как ‘день страшного суда’ [Баранов 1985: 271]. На русском языке фильм представлен как «Судный день». Опущение лексической единицы ‘страшного’ позволяет избавиться от избыточности в названии кинокартины.

Прием опущения также встречается в переводе названия арабского фильма «أولها». Фильм вошел в русскоязычное кинопространство под названием «Первоклашки» (досл. «Ее первые»). На арабском языке название представлено в виде комбинации из двух слов أول ‘первый’ и слитного местоимения ها ‘ее’. Данный прием был применен для

того, чтобы название фильма отражало содержание фильма – история про первый класс [молодой учительницы] и было понятно русскоязычному зрителю.

Заключение

Подводя итоги нашему исследованию, необходимо отметить тот факт, что перед переводчиком стоит нелегкая задача предложить эквивалент с сохранением исходного смысла. В данной работе актуализируется использование приемов лексической трансформации при переводе с арабского языка на русский. Автор приходит к выводу о том, что данные приемы позволяют в полном объеме реализовать авторскую интенцию при представлении на другом языке.

Литература

Александрова О.И., Красина Е.А., Рыбинок Е.С. Прецедентные феномены кинотекста: название художественного фильма в аспекте перевода // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 5. С. 22-23. DOI: 10.20339/PhS.5-19.022.

Александрова О.И. Семантическая трансформация названий кинофильмов, переведенных на русский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10 № 4. С. 810-827. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-810-827.

Бальжинимаева Е.Ж. Стратегия перевода названий фильмов. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009.

Баранов Х.К. Арабо-русский словарь: Ок. 42000 слов. М.: Рус. Яз., 1985.

Милевич И. Стратегии перевода названий фильмов // Рус. яз. За рубежом, 2007. № 5.

Милюткина Я.Е. Переводческие стратегии в выборе русских названий для англоязычных фильмов // Молодой ученый, 2016. № 7 (111). С. 30-31.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011.

*A. T. Shavtikova (Moscow, Russia)
RUDN University*

THE RELEVANCE OF LEXICAL TRANSFORMATIONS WHEN TRANSLATING EGYPTIAN FILM TITLES

The article presents the results of the study of lexical transformation as an approach for translating Egyptian film titles in Arabic into Russian language. The author concludes that the analyzed approaches remain relevance and are widely used in choosing the full equivalent with a view to maintaining the original meaning of the title

Key words: translation approaches, lexical transformation, Arabic language, Russian language, cinema discourse.

*Юйхань, Лазарева О.В., Новоспасская Н.В. (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
601247581@QQ.com; lazareva-ov@rudn.ru; novospasskaya-nv@rudn.ru*

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ СФЕРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье предлагается классификация терминов сферы международной торговли (СМТ) в русском и китайском языках и рассматриваются факторы, влияющие на формирование

данной терминологии. *Актуальность* работы: практическая потребность в установлении сходства складывающихся терминосистем в условиях экономических связей между Китаем и РФ. *Цель* исследования: выявить лингвокультурологическую детерминированность и доминанты лингвоэкологии каждой терминосистемы.

Ключевые слова: терминология, сфера международной торговли, русский язык, китайский язык, лингвокультурология, лингвоэкология.

Введение

Россия и Китай являются крупными центрами международной торговли, нормы делового общения и формирование терминосистемы которой определяются спецификой межкультурного взаимодействия. Процессы глобализации создают тенденцию к универсализации рассматриваемой терминосистемы, складывающийся в рассматриваемых языках преимущественно с помощью заимствований [Чистова 2014; Lazareva et al. 2020]. Однако лингвокультурологические и лингвоэкологические факторы по-разному влияют на формирование специальной лексики [Москвичева, Ли 2018; Тао Фэнлун 2019; Волошина, Радович 2022; Гринев и др. 2022; Накисбаев, Ли 2023]. *Актуальность* работы определяется практической потребностью в установлении сходства терминосистемы СМТ в русском и китайском языках в аспекте лингвоэкологии. Комплексное изучение особенностей и сравнительный анализ формирования терминологических систем в русском и китайском языках является относительно новым направлением лингвистической науки [Суперанская и др. 1989; Новоспаская, Дугалич 2022].

Материалом исследования послужили 500 терминов (250 русских и 250 китайских), полученные методом сплошной выборки из «Учебного словаря терминов по экономике и менеджменту» под ред. И.Е. Козырской (Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017), «Русско-английского внешнеторгового и внешнеэкономического словаря» под ред. И.Ф. Ждановой (М.: Русский язык, 1994) и «Русско-китайского внешнеторгового и внешнеэкономического словаря» под ред. Тянь Баосиня (Пекин: The Commercial Press, 2014 / 俄汉国际经贸词典. 田宝新编著). В работе использован *метод* компонентного анализа и сопоставительный *метод*.

Специфика русской терминосистемы сферы международной торговли

По способу пополнения системы русских терминов СМТ лексика делится на (рис. 1):

1) **исконные термины**, отражающие лингвокультурные пропозициональные представления о тех понятиях / объектах действительности, которые они называют: *неустойка, счет, сделка, торг* и др.; 2) **заимствованные адаптированные термины** 4 типов: 1) **термины, появившиеся на основе семантического калькирования** (иногда и со словом-заимствованием, адаптированным с помощью транскрипции, транслитерации): *внешнеторговый баланс страны* (от англ. *foreign trade balance*); 2) **графически и фонетически адаптированные термины**: *бизнес, демпинг, импорт*, и др. (заимствования преимущественно из английского языка); 3) **термины, состоящие из русскоязычных и англоязычных слов**: *внутрифирменная торговля, бартерная сделка, аукционная цена*; 4) **заимствование аббревиатур**, прошедших фонетическую и графическую адаптацию, характеризующуюся дифференциацией аббревиатуры с его декодированием: *МБРР (Международный банк реконструкции и развития)* – от англ. *IBRD (International Bank for Reconstruction and Development)*.

Лингвоэкологические свойства терминосистемы СМТ в русском языке могут быть обозначены как: 1) **широкая доступность**: *баррель*; 2) **стремление к лаконичности**, отсутствующей в аутентичных русскоязычных наименованиях: *дилер* – торговый партнер, который закупает продукцию оптом, а торгует ею в розницу;

3) **спецификация лексем:** *дистрибьютор* – торговец, заключающий договор с фирмой-изготовителем на право продажи ее продукции в течение согласованного срока; словосочетание *посредник сбыта* не конкретизирует определенное значение номинируемого объекта; 4) **средняя степень сохранности пропозициональных, коррелирующих с единицами внутренней торговой структурой страны терминологических единиц** (исконные номинативные единицы: *договор купли-продажи, выручка*).

Специфика терминосистемы китайского языка

Система терминов СМТ в китайском языке состоит в основном из исконных номинативных единиц и из заимствованных, но особым образом адаптированных лексем и словосочетаний [Ульянова 2019]. Изолированность Китая обеспечивала его самостоятельность в выборе коммерческих и языковых решений. В XX в. глобализация и влияние европейских экономических конвенций вступают в противоречие со стремлением сохранить аутентичную китайскую торговую терминологию, которая также поддерживается иероглифической системой языка.

Китайские термины СМТ представлены (рис. 2): 1) **исконными единицами**, отражающими лингвокультурные пропозициональные представления о номинируемых понятиях / объектах действительности: *铺子* (pūzi) – традиционный магазин; *零售* (língshòu) – розничная торговля; 2) **терминами, заимствованными из других языков:** а) *фонетически и графически адаптированные:* *投资* (tóuzī) – инвестиция от английского *investment*; *餐车* (cān chē) – мобильный фургончик питания из японского *kyūkūkā* (куукику-каа), сокр. от английского *food truck*; *电子钱包* (diàn zǐ qián bāo) – электронный кошелек из японского *イレクトロニックマネー* (erekutoronikku manee), сокр. от английского *electronic wallet*; б) *морфемно-семантически адаптированные:* *营销策略* (yíngxiāo cèlüè) – маркетинговая стратегия: *营销* (yíngxiāo) ‘мероприятия по продвижению товаров и услуг’ + *策略* (cèlüè) ‘план, стратегия’; *价格* (jiàgé) – цена из английского *price*; в) *гибриды* (заимствованный + исконный элементы): *销售额* (xiāoshòu é) – объем продаж: английское *sales* + китайское *额* (é) ‘сумма’, ‘объем’; *运营* (yùnyíng) – управление: *运* (yùn) из английского *operation*, *营* (yíng) из китайского ‘дело, коммерция’; г) *записываемые латиницей, графически неадаптированные:* *PO* (Initial Public Offering) – первичное публичное размещение в контексте выхода компании на фондовый рынок.

Лингвозеологические свойства китайской терминосистемы СМТ отмечены: 1) **превалированием вторичного заимствования над непосредственным**, имеющим существенные расхождения с системой принимающего языка: *消费* (xiāofèi) – потребление: вторичное заимствование из японского *shōhi*, (отличие в написании и произношении); *供应链* (gōngyìnglián) – цепочка поставок, букв. ‘соединенное снабжение’, вторичное английское *supply chain* (оригинальное произношение и графические отличия); 2) **актуальностью фонетико-графической адаптации заимствованного термина** при усеченном сохранении его фонетических, морфемных и графических исконных черт: *保险* (bǎoxiǎn) – страхование, адаптированное

фонетическое написание, основанное на приблизительной фонетике слова *assicurazione*, графическая форма сохранена; 3) **контекстуальной обусловленностью терминологической единицы**, выявляющая ее специальное значение: *财务报表* (cáiwù bàobiǎo) – в СМТ финансовая отчетность; 4) **высокая степень сохранности пропозициональных, коррелирующих с единицами ментально-языковой сферы китайцев**: *电商巨头* (diànshāng jùtóu) – лидер электронной коммерции: *电商* (diànshāng) ‘электронная коммерция’ + *巨头* (jùtóu) ‘гигант’, ‘лидер’.

Таким образом, формирование терминосистем СМТ русского и китайского языков отражает следующие явления лингвокультурологии и лингвоэкологии: 1) русский язык отмечен заимствованием терминов СМТ из европейских, в основном, из английского языка; китайский язык стремится к выработке самостоятельных терминологических решений, что обуславливается внутренними свойствами терминосистем и менталитетом России и Китая; 2) семантическое наполнение терминов неодинаково: русские единицы демонстрируют однозначность и конкретность, китайские — имеют сложную семантическую структуру.

Рис. 1. Состав русских терминСМТ

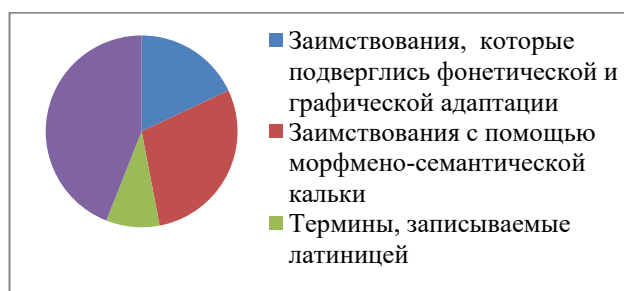

Рис. 2. Состав китайских терминов СМТ

Литература

- Волошина Т.Г., Радович М.А. Лингвокультурологические аспекты в ходе контактного взаимодействия // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 41 (1). С. 114-124.
- Гринева-Гринева С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13 (3). С. 710-729. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729
- Москвичева С.А., Ли С. Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве Китайской Народной Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 9 (3). С. 669-684. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-669-684.
- Накисбаев Д.В., Ли С. Термин «языковая политика» в китайском и западном контексте: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 434-438.
- Новоспасская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. № 20 (3). С. 298-311. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311
- Суперанская А.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 1989.
- Тао Фэнлун. Развитие лингвоэкологии в Китае // Глобус: гуманитарные науки. 2019. №4 (30). С. 22-24.
- Ульянова К.А. Лексика коммерческого китайского языка: опыт семантического описания // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 3 (19). С. 40-49.
- Чистова Е.В. Симметрико-ориентированный подход к переводу терминологии брендинга: англо-русско-китайские параллели. Красноярск, 2014.

Lazareva O., Yuhan Y., Perfilieva N., Novospasskaya N. Technology for Mastering Russian Vocabulary by Chinese Students in the Field of International Trade // EDULEARN20 Proceeding. Palme, 2020. P. 3032-3036. DOI: 10.21125/edulearn.2020.0898.

*Yuhan, O.V. Lazareva, N.V. Novospasskaya (Moscow, Russia)
RUDN University*

LINGUO-ECOLOGICAL FEATURES OF INTERNATIONAL TRADE TERMINOLOGY FORMATION IN RUSSIAN AND CHINESE

The article proposes the classification of terms in the sphere of international trade in Russian and Chinese languages and considers factors that influence the formation of this terminology. The relevance of the work is determined by the practical need to establish the similarity of emerging terminology systems in view of the increasing importance of economic relations between China and the Russian Federation. The aim of the study is to identify linguocultural determinants and linguo-ecology dominants peculiar to each system.

Key words: terminology, International Trade, Russian language, Chinese language, linguoculturology, linguo-ecology.

V. КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

*Ю.М. Алюнина (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
aliunina_yum@pfur.ru*

РУССКОЕ В ЗАРУБЕЖНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СУБТИТРОВ¹

В статье представлены методика и результаты анализа образа России в зарубежном кино. Исследование выполнено на материале корпуса англоязычных субтитров *OpenSubtitles 2018* (1 594 437 718 токенов) в *Sketch Engine*. Анализ показал, что образ России рисуется в первую очередь через призму криминала (*Russian mafia*), человека / человечности (*Russian mob*), культуры (*Russian literature*), государственности (*Russian embassy*).

Ключевые слова: образ России, субтитры, кинематограф, репрезентация.

Изучению культурных репрезентаций посвящено множество работ. Их цель – выявление социальных образов, которые формируются в рамках одной культуры в отношении другой. В самом общем понимании репрезентация есть «“вторичное” представление первообраза и образа, идеальных и материальных объектов, их свойств, отношений и процессов» [Касавин 2009: 827]. В эпистемологии репрезентацией называется «представление познаваемого явления с помощью посредников: моделей, символов», знаковых систем, в том числе языковых [Касавин 2009: 827]. Главными посредниками, или репрезентантами, являются языки. Поэтому проблема изучения культурных репрезентаций представляет интерес не только для культурологии, философии, социологии, но и лингвистики. Форма культурных репрезентаций (языковая, визуальная, материальная) и их источниковая база (фольклор, произведения художественной литературы, фильмы, картины, музыка и др.) обуславливают выбор методов и приемов их анализа.

В лингвистике репрезентации изучаются преимущественно на материале текстов СМИ и художественной литературы при помощи методов дискурсивного, корпусного, лексико-семантического, концептуального анализа [Анисимов, Борисова, Калининкова 2022; Саевич 2019; Тирахова 2018; Веумерс 2008]. Не менее богатым источником культурных репрезентаций являются зарубежные фильмы, к материалу которых в лингвистике обращаются менее регулярно. Объясняется это, среди прочего, сложностью в извлечении языкового материала из кино и трудностями в поиске источника вербальных репрезентаций иностранной культуры в кинокартинах.

Однако кино – это не только значимый механизм конструирования и транслирования социальных образов, но и инструмент манипулирования общественным мнением [Анисимов, Борисова, Соловьева 2019: 223; Рустамова 2022: 195]. Так, согласно В. Беньямину, немецкому философу, теоретику культуры и эстетику, кино

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Проведение инициативных исследований молодыми учеными» № 23-78-01208 на тему «Языковая репрезентация образа России в американском кинематографе: корпусный подход»: <https://rscf.ru/project/23-78-01208/>.

является тем видом искусства, которое способно управлять мнениями и взглядами массовой аудитории [Беньямин].

Кассовым лидером современного кинопроизводства, по данным агентства *Statista*, выступает Голливуд [Statista 2022; Statista 2023]. А самой известной компанией-поставщиком киноконтента является американская стриминговая платформа *Netflix*. Ее возможности «оказывать влияние на аудиторию получили название “эффект *Netflix*”» [Рустамова 2022: 196] – «частный случай влияния на человека образов» [Бакиева 2021], транслируемых через конкретный стриминговый сервис. Сказанное подтверждает лидерство США в распространении массовой культуры, которая входит в перечень наиболее сильных инструментов «мягкой силы» Америки [Рустамова 2022: 195]. Кино же является одним из видов массовой культуры и, следовательно, инструментом «мягкой силы» во внешней политике.

В связи с этим в нынешней геополитической повестке **актуализируется вопрос** изучения образа России в американском кинематографе.

Согласно результатам исследований, в современном западном кино сложилось три основные **тенденции в представлении образа России** [Саевич 2019; Тирахова 2018; Veumers 2008].

1. Образ России в экранизациях русской классической литературы (*The Twelve Chairs* 1970; *Onegin* 1999; *War and Peace* 1956, 1972, 2007, 2016; *The Idiot* 1966; *Doctor Zhivago* 2002; *Anna Karenina* 2012, 2013, и др.).

2. Стереотипное представление о России – типичный русский персонаж (ученый, шпион, мафия, диссидент), типичное русское пространство (баня, зима, Красная площадь, советская атрибутика) (*Red Heat* 1988; *Little Nikita* 2988; *Salt* 2010; *Bridge of Spies* 2011; *Snowden* 2016; *Red Sparrow* 2018 и др.).

3. Русский (чаще женский) персонаж как незащищенная жертва (*Last resort* 2000; *Lilja 4-ever* 2002; *The white countess* 2005; *Forty Shades of Blue* 2005 и др.).

Эти тенденции были выявлены отечественными и зарубежными исследователями главным образом в результате качественного анализа ряда кинокартин, сюжеты которых так или иначе сопряжены с Россией. При этом многие результаты получены в процессе анализа видеоряда и/или сюжета в сочетании с киноречью. Сама же киноречь в таких исследованиях единственным объектом анализа не является (в отличие от исследований на материале художественной литературы), поскольку вербальное описание России заменяется визуальным рядом и сюжетом фильма.

С нашей точки зрения, качественного подхода к изучению вопроса репрезентации образа России в кинематографе не вполне достаточно для создания объективного портрета страны в зарубежных фильмах.

Источниками репрезентаций должны являться фильмы, которые не только и не столько демонстрируют визуальные образы иностранного (в нашем случае – русского), но прежде всего вербально апеллируют к нему без прямого включения соответствующего иностранного компонента в сюжет кинокартины. Примером такой мимолетной отсылки к образу России в кино является диалог персонажей в американском мультфильме *Рататуй* 2007 г.

Колетт – *Ларусс*¹ был тайным агентом.

Альфредо Лингвини – *А на кого он работа?*

Колетт – *Не говорит. Видать, на русских.*

¹ фр. *le Russe* – русский (в значении «русский человек», субстантивированное прилагательное).

Подобные неявные, сиюминутные отсылки представляют особый интерес для изучения вербальных механизмов конструирования образа иностранной культуры, поскольку появляются в киноповествовании к слову, не навязчиво, мягко управляя представлениями зрительской аудитории об объекте референции. Ценность таких вербальных референций еще и в том, что они потенциально встраиваемы в контекст любого фильма, вне зависимости от его сюжета, жанра и целевой аудитории, будь то историческая драма, шпионский триллер или детский мультфильм.

В связи с этим предлагаемое исследование преследует **две цели**:

- **во-первых**, предложить методологию поиска вербальных репрезентаций образа России в американском кинематографе на материале субтитров с применением корпусных технологий;

- **во-вторых**, установить, как соотносятся имеющиеся тенденции в представлении России в кино с вербальными лейтмотивами ее репрезентации в американских фильмах.

Объектом исследования послужила киноречь, представленная англоязычными субтитрами, а **источником материала** стал корпус субтитров *OpenSubtitles 2018* в менеджере *Sketch Engine* (1 594 437 718 токенов из субтитров к 30 047 фильмам). В качестве **единицы анализа** были выбраны коллокации с лексемой *Russian* в объектной сочетаемости в роли определения (*Russian revolution, Russian space, Russian Ivan, Russian vodka, Russian oligarch, Russian tea* и др.). Ключевыми **методами исследования** стали анализ лексической сочетаемости, анализ частотности, выраженной *ipm*, и метод кластеризации – объединение коллокаций в лексико-семантические группы (ЛСГ) на основе общего компонента значения.

Методология анализа состояла из трех основных этапов.

1. Анализ корпуса субтитров. Выявление коллокаций с *Russian* + сущ.: *Russian girl, Russian patriot, Russian Spetsnaz, Russian theater, Russian Tsar*.

2. Количественный анализ коллокаций. Сортировка по *ipm*, удаление шума: *army + Army + ARMY; bratva + Bratva; empire + Empire*.

3. Качественный анализ коллокаций. Выявление общих компонентов значения у выбранных коллокаций, их кластеризация на основании обнаруженных сходств и интерпретация результатов.

В результате изучения корпуса *OpenSubtitles 2018* была обнаружена **931 коллокация** с лексемой *Russian*. Кластеризация коллокаций по их семантическому признаку позволила выделить 7 ЛСГ (таблица 1).

Таблица 1

Распределение коллокаций по лексико-семантическим группам

ЛСГ	Примеры коллокаций с частотностью (<i>ipm</i>) в <i>OpenSubtitles 2018</i>
1. Криминал	<i>Russian mafia – 669; spy – 536; prison – 151; mobster – 150; gangster – 89; prisoner – 68; crime – 56</i> и др.
2. Русский народ / человек	<i>Russian mob – 660; girl – 361; people – 313; friend – 299; intelligence – 282; guy – 280; woman – 279</i> и др.
3. Культура	<i>Russian roulette – 644; soil – 136; tea – 129; literature – 126; doll – 118; vodka – 102; ballet – 88; language – 82; caviar – 34</i> и др.

ЛСГ	Примеры коллокаций с частотностью (ipm) в OpenSubtitles 2018
4. Государство	<i>Russian embassy – 480; government – 444; resident – 285; agent – 258; consulate – 206; Federation – 183; ambassador – 171 и др.</i>
5. Вооруженные силы	<i>Russian army – 474; front – 460; soldier – 322; submarine – 281; troop – 177; tank – 136; missile – 113 и др.</i>
6. История	<i>Russian revolution – 174; Empire – 99; flu – 74; history – 66; Tsar – 66; princess – 50; emperor – 26 и др.</i>
7. Наука	<i>Russian space – 135; scientist – 132; satellite – 125; cosmonaut – 63; rocket – 62; technology – 34; science – 11 и др.</i>

Анализ показал, что коллокации с наибольшими показателями ipm распределяются между 3 ЛСГ: Криминал, Русский человек/народ и Культура.

Полученные результаты количественного анализа говорят о том, что на первый план в представлении России в американском кино выходит аспект криминала, который перемежается с образом русского человека и русского народа. В этом аспекте результаты количественного анализа совпадают с результатами качественного исследования, которые были выявлены в ходе изучения истории вопроса.

Значимым отличием между результатами качественного и результатами количественного анализа видится то, что в первом случае стереотипное представление о России было выделено в предшествующих исследованиях как отдельная тенденция в представлении страны, тогда как во втором – стереотипы рассредоточились по другим группам (таблица 1). При этом данное рассредоточение не видится однозначным. Например, коллокация *Russian scientist* может быть определена как в ЛСГ *Наука*, так и в ЛСГ *Русский народ / человек*. Коллокация *Russian agent*, размещенная в ЛСГ *Государство*, видится кандидатом в ЛСГ *Криминал* или *Русский народ / человек*.

Эту неоднозначность можно объяснить тем, что анализ только вербальных репрезентаций видится не вполне достаточным для формирования более-менее объективного представления об образе России в зарубежном кино и должен проходить в параллели с анализом визуального ряда и сюжетной линии. Одновременно с этим недостаточным кажется исключительно качественный подход к анализу образа России в кино на материале нескольких кинокартин, в которых представление России вплетено в сюжет. Необходимым направлением развития данного исследования видится тех анализ фильмов, в которых корпусный поиск позволил обнаружить вербальные отсылки к России.

Таким образом, приближение к объективности ощущается возможным при симбиозе количественного и качественного подходов: корпусный поиск вербальных репрезентаций России в англоязычном кинематографе и качественно-структурный анализ коллокаций на фоне визуального ряда. Данный вывод составляет перспективу настоящего исследования.

Литература

Анисимов В.Е., Борисова А.С., Калининкова Е.Д. Образы традиционной и современной Тувы в российском этнографическом кино (на примере фильма С. Родниной и А. Меньшова «Планета Тыва») // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 183-197.

Анисимов В.Е., Борисова А.С., Соловьева Ю.С. Кинофильм как инструмент формирования российского культурно-языкового пространства в полиэтничном классе //

Сборник материалов Второго Всероссийского научно-практического семинара для учителей общеобразовательных организаций, работающих в классах с полиэтническим составом учащихся / под ред. Т.М. Балыхиной. М.: РУДН, 2019. С. 222-229.

Бакиева М. Эффект Netflix: как сериалы делают модными шахматы и помогают продавать кроссовки. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/420381-effekt-netflix-kak-serialy-delayut-modnymi-shahmaty-i-pomogayut-prodavat-krossovki> (дата обращения 30.08.2023).

Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (дата обращения 31.08.2023).

Рустамова Л.Р. Мягкая сила и публичная дипломатия. М.: Кнорус, 2022.

Саввич А.В. поисках нового взгляда. Образ России в польском современном документальном кино // Наука телевидения. 2019. Т. 3. № 15. С. 89-103.

Тирахова В.А. Репрезентация образа России в отечественном и зарубежном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 327-333.

Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавин. М: Канон+РООИ «Реабилитация», 2009.

Beumers B. Through the ‘Other’ Lens? Russians on the Global Screen // *Russia and its Other(s) on Film. Screening Intercultural Dialogue* / Ed. by St. Hutchings. Cham: Springer, 2008. P. 166-183.

Statista 2022 – Film production worldwide. URL: <https://www.statista.com/study/64083/film-production-worldwide/> (дата обращения: 30.08.2023).

Statista 2023 – Film industry in the United States and Canada. URL: <https://www.statista.com/study/11472/film-industry-in-the-united-states-statista-dossier/> (дата обращения 30.08.2023).

У.М. Alyunina (Moscow, Russia)
RUDN University

RUSSIAN IN FOREIGN MOVIES: CORPUS ANALYSIS OF ENGLISH SUBTITLES

The article presents the methodology and results of analysing the image of Russia in foreign cinema. The research is based on the *OpenSubtitles 2018* corpus of English subtitles (1 594 437 718 tokens) in *Sketch Engine*. The analysis showed that the image of Russia is drawn primarily through the prism of criminality (*Russian mafia*), humanity (*Russian mob*), culture (*Russian literature*), statehood (*Russian embassy*).

Key words: image of Russia, subtitles, cinema, representation.

Georgiou P. Georgios (Nicosia, Cyprus)
University of Nicosia
RUDN University
georgiou.georgos@hotmail.com

LEVERAGING MACHINE LEARNING ALGORITHMS FOR THE ESTIMATION OF SPEECH PERCEPTION PATTERNS IN A SECOND LANGUAGE

This study aims to compare the ability of three machine learning classifiers, namely, discriminant analysis, decision tree, and neural network to predict the classification of second language vowels in terms of first language categories. The results demonstrated that neural network was the most successful, slightly followed by discriminant analysis. Decision tree did not perform as well as the other classifiers.

Key words: machine learning, artificial intelligence, algorithms, speech perception, second language.

In the last few years, the use of machine learning algorithms has grown significantly in the field of speech perception, particularly in predicting how individuals perceive second language (L2) sounds. Such investigations have been motivated through the theoretical framework of several speech models [Flege 1995; Flege, Bohn 2021; Best 1995; Best, Tyler 2007; Escudero 2009; Georgiou 2021] suggesting that acoustic/articulatory-phonetic similarity between first language (L1) and L2 sounds can predict the perception of L2 sounds.

Predictions on the classification of L2 sounds in terms L1 categories were based to a great extent on discriminant analysis algorithms [Escudero, Simon, Mitterer 2012; Georgiou 2022], which create a discriminant function or equation that maximally separates different speech sounds based on their acoustic features. However, no studies have compared the classification accuracy of different algorithms such as decision trees and neural networks, which use a tree-like structure to make decisions and are stimulated by the structure and function of the human brain respectively.

This study aims to fill this gap by testing the capacity of three machine learning algorithms, namely, linear discriminant analysis (LDA), classification decision tree (C5.0), and artificial neural network (NNET) in predicting the classification of L2 sounds in terms of L1 categories.

The models were trained using the first three formants and duration of the L1 Cypriot Greek vowels /i e a o u/ and fed with the same acoustic features of the testing data including the L2 Standard Southern British English (henceforth English) vowels /i i: e ɜ: æ ɑ: ʌ ɒ ɔ: u: ʊ/. The training data were produced by adult Cypriot Greek speakers in a /pVs/ context, while the testing data were produced by adult English speakers in an /hVd/ context as part of carrier phrases. The output of the algorithms demonstrated how the machines classified the L2 vowels, whereas the validation of the algorithms' outputs occurred through a perceptual classification task completed by adult Cypriot Greek speakers of L2 English.

The results indicated that NNET predicted with success the classification of all L2 vowels with the highest proportion in terms of L1 categories, while LDA and C5.0 predicted all but one vowel. In addition, NNET was the most accurate in predicting the full range of above chance responses slightly followed by LDA. C5.0 did not yield good performance.

The better performance of NNET compared to the other two algorithms can be explained due to its ability to better capture nonlinear relationships that are often found in speech perception, to use deep learning techniques, and to highly flexibilize and adapt to the data. The performance of LDA was commendable, falling slightly behind that of NNET, perhaps because the relationships in the dataset may not be highly complex, thus making the algorithm achieve relatively high accuracy. C5.0's failure may be attributed to issues such as overfitting and its sensitivity to small data changes that can lead to less robust results. Overall, the comparison of different algorithms and the identification of the one that offers optimal perceptual predictions can have significant implications for updating the current theories of speech acquisition and for advancing pedagogical practice.

References

Best C.T. A direct realist view of cross-language speech perception: New Directions in Research and Theory // *Speech perception and linguistic experience: Theoretical and methodological issues* / Ed. by W. Strange. York Press, 1995. P. 171-204.

Best C.T., Tyler M. Non-native and second-language speech perception: Commonalities and complementarities // *Second language speech learning: In honor of James Emil Flege* / Ed. by O-S. Bohn, M.J. Munro. John Benjamins, 2007. P. 13-34.

Escudero P. Linguistic perception of “similar” L2 sounds // *Phonology in Perception* / Ed. by P. Boersma and S. Hamann. Mouton de Gruyter, 2009. P. 151-190.

Escudero P., Simon E., Mitterer H. The perception of English front vowels by North Holland and Flemish listeners: Acoustic similarity predicts and explains cross-linguistic and L2 perception // *Journal of Phonetics*. 2012. V. 2. № 40. 2012. P. 280-288. DOI:10.1016/j.wocn.2011.11.004.

Flege J.E. Second language speech learning: Theory, findings and problems // *Speech perception and linguistic experience: Theoretical and methodological issues* / Ed. by W. Strange. York Press, 1995. P. 233-277.

Flege J.E., Bohn O.S. The revised speech learning model (SLM-r) // *Second language speech learning: Theoretical and empirical progress*. 2021. P. № 3 (83). DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108886901.002>.

Georgiou G.P. Toward a new model for speech perception: The Universal Perceptual Model (UPM) of Second Language // *Cognitive Processing*. 2021. T. 2. № 22. P. 277-289. DOI: [10.1007/s10339-021-01017-6](https://doi.org/10.1007/s10339-021-01017-6).

Georgiou G.P. The acquisition of /i/-/i:/ is challenging: Perceptual and production evidence from Cypriot Greek speakers of English // *Behavioral Sciences*. URL: <https://www.mdpi.com/2076-328X/12/12/469> (accessed: 31.08.2023).

Георгиу П. Георгиос (Никосия, Кипр)

Университет Никосии

Российский университет дружбы народов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ОЦЕНКИ МОДЕЛЕЙ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ НА ВТОРОМ ЯЗЫКЕ

Целью данного исследования является сравнение возможностей трех классификаторов машинного обучения, а именно дискриминантного анализа, дерева решений и нейронной сети, для прогнозирования классификации гласных второго языка по категориям первого языка. Результаты показали, что нейронная сеть оказалась наиболее успешной, за ней незначительно следует дискриминантный анализ. Дерево решений оказалось не столь эффективным, как другие классификаторы.

Ключевые слова: машинное обучение, искусственный интеллект, алгоритмы, восприятие речи, второй язык.

И.В. Тивьяева (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

tivyayeva@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ОСНОВЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

В статье обсуждается потенциал национальных корпусов в исследовании концептуализации когнитивной сферы человека. Предлагается алгоритм описания языковой репрезентации когнитивных процессов на примере глагола *to remember* в американском варианте английского языка. Результаты проведенного анализа показывают, что обращение к корпусу позволяет получить более точное описание релевантной лексической единицы и приблизить нас к более глубокому пониманию специфики языковой объективации когнитивной сферы.

Ключевые слова: мнемический процесс, память, воспоминание, корпусное исследование, СОСА.

Лингвистика XXI в. находится в привилегированном положении, поскольку ей доступны обширные языковые ресурсы, а также методы и инструменты, позволяющие обрабатывать значительные массивы языковых данных. Обращение к корпусу в поисках решений исследовательских задач меняет не только форматы работы с языковым материалом, но и способствует развитию новых исследовательских методик, протоколов и алгоритмов.

Опыт корпусных исследований активно внедряется в различные направления современного языкознания и на материале различных языков (см., например, [Добровольский 2020; Сулейманова, Демченко 2018; Фомина 2022; Suleimanova 2020]). Трудно переоценить его значимость для исследований в области когнитивной лингвистики и когнитивной семантики, в частности. О.О. Заячковская отмечает, что «исследователи находятся в постоянном поиске новых стратегий анализа семантики слова, ищут пути взаимодействия и точки соприкосновения когнитивной лингвистики и корпусной лингвистики» [Заячковская 2019: 251].

В настоящей статье ставится цель продемонстрировать на конкретных примерах американского варианта английского языка возможности корпусного подхода в когнитивной семантике, а именно при изучении концептуализации когнитивной сферы человека в естественном языке. В фокусе данной работы объективация мнемической деятельности в языке, а именно процессы хранения информации в памяти и извлечения информации из памяти как базовые операции, обеспечивающие работу механизма памяти. В английском языке вышеуказанные процессы объективируются с помощью глаголов памяти, глагольных коллокаций соответствующей семантики типа *to have a memory* и их контекстуальных эквивалентов [Тивьяева 2018].

Для построения языковой модели мнемической деятельности на основе корпусных данных на начальном этапе работы требуется сформировать максимально исчерпывающий список лексических единиц, связанных с идеей памяти, которые в дальнейшем будут использоваться в поисковых запросах. Источниками для подобного списка видятся, во-первых, тезаурусы, в том числе визуальные, например, ресурс *Visuwords*; во-вторых, ассоциативные словари, отражающие языковую картину мира носителя языка по данным массового ассоциативного эксперимента; в-третьих, активные и идеографические словари, в которых лексические единицы организованы в группы по семантическому признаку (см., например, разработки Б.Л. Иомдина применительно к ментальной лексике на материале русского языка [Иомдин 2010]). Основу работы с указанными источниками должен составлять метод сплошной выборки позволяющий отбраковать единицы, не соответствующие заданным семантическим критериям.

Следующий этап предполагает формулирование поисковых запросов к корпусу для каждой позиции в полученном списке и анализ данных корпуса в соответствии с параметрами, релевантными для описания деятельности механизма памяти. К таковым мы относим тип процесса в соответствии с этапом обработки информации (помещение информации в память (запоминание), хранение, восстановление (воспоминание), утрата (забывание)), субъекта, объекта, характеристики объекта, время, скорость, степень и интенсивность протекания процесса, произвольность, наличие триггера, точность, результативность, сопутствующие обстоятельства. Описание специфики функционирования каждого из процессов, объективированных в языке, позволит представить контуры языковой модели памяти и получить уточненное описание семантической структуры лексических единиц, для которых значение памяти является системным.

Рассмотрим схему процедуры анализа лексических единиц, вербализующих мнемическую деятельность в английском языке, на примере глагола *to remember*, репрезентирующего процессы хранения и восстановления информации из памяти, на основе данных корпуса современного американского варианта английского языка *Corpus of Contemporary American English* (далее – СОСА). Использование функции поиска по лексической единице без привлечения дополнительных операторов позволяет получить информацию о ее частотности, перечень коллокатов, сведения об окружении и употреблении в тематических корпусах.

Приведем некоторые данные, извлеченные из СОСА для глагола *to remember*. Материал корпуса подтверждает исследовательские данные о высокой частотности рассматриваемой единицы. Список коллокатов, сочетающихся с анализируемым глаголом в позиции дополнения, позволяет получить представление об объекте, на который чаще всего направлен рассматриваемый мнемический процесс. В частности, наиболее частотные позиции в списке занимают слова *name* (3945), *thinking* (887), *childhood* (446), *password* (138) (здесь и далее в скобках после каждого слова указано количество случаев его употребления в окружении глагола *to remember* в корпусе, содержащем 100 тысяч записей с рассматриваемым глаголом), что позволяет выделить несколько типов объектов, к которым обращены анализируемые процессы памяти. Проиллюстрируем это наблюдение примерами из корпуса СОСА: материальный объект (*I remember my password... but I can't remember my username*), одушевленный объект (<...> *though Han actually remembered the man's name incorrectly*), объект эмоциональной или ментальной сферы (*In my childhood, I remember her as this gorgeous, glowing woman with her long, blonde hair <...>*), процессуальный объект (*I remember thinking "who cares about an emergency situation?"*). С точки зрения темпоральной ориентации, объект может быть дистанцирован от говорящего во времени или существовать в общей с ним временной плоскости. Ср. *I remember thinking* (усилия памяти направлены на реконструкцию объекта из прошлого) и *I remember my password* (в памяти удерживается объект, существующий в единой временной плоскости с говорящим). Последующий анализ контекстов указывает на возможное наличие характеристик объекта, эксплицирующих причину его запечатления в памяти, например, *An icon in his field, Mr. Farrell will long be remembered for his expertise and leadership of NLY*.

Анализ контекстов употребления рассматриваемого глагола позволяет выявить несколько типов субъектов мнемической деятельности. Ср. *I had just remembered your cupcake recipe and am giving them a try today* (индивидуальный субъект). *He is remembered as the epitome of cruelty and rapacity* (коллективный неопределенный субъект).

Изучение адвербиальных коллокатов глагола *to remember* обнаруживает релевантные для носителей американского варианта английского языка характеристики процессов памяти, например: точность хранящейся / воспроизводимой информации (*correctly* (878), *distinctly* (403), *incorrectly* (33), *verbatim* (14)), полнота / фрагментарность воспроизведения (*barely* (484), *vaguely* (402), *dimly* (80), *faintly* (29), *chiefly* (27)), эмоциональный фон (*fondly* (598), *wistfully* (22), *ruefully* (11)), произвольность мнемического процесса (*offhand* (10)), его интенсивность (*vividly* (846)), своевременность (*belatedly* (29)) и длительность (*forever* (536)).

Проанализированный материал, фрагмент описания которого представлен в настоящей работе, позволяет прийти к ряду заключений. Во-первых, работа с данными корпуса значительно расширяет возможности исследователя по изучению

определенной семантической области, в данном случае сферы репрезентации процессов памяти. Во-вторых, анализ «профиля» рассматриваемых лексических единиц в корпусе, их коллокатов и контекстов употребления придает очертания контуру языковой модели памяти, отражая восприятие функционирования механизма памяти носителями английского языка. Таким образом, следование предложенному алгоритму, предполагающему составление исчерпывающего перечня лексических единиц, репрезентирующих тот или иной когнитивный процесс, с последующим формулированием поисковых запросов и оценкой результатов выдачи в соответствии с параметрами релевантными для анализируемого когнитивного процесса, способствует расширению научных представлений о принципах концептуализации когнитивной сферы в естественном языке.

Литература

Добровольский Д.О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (3). С. 398-411.

Зячковская О.О. Концептуальный анализ семантики эмоционального лексикона с опорой на корпусные данные // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 243-267.

Иомдин Б.Л. Ментальная лексика: память и ее функционирование // Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: ЯСК, 2010. С. 465-494.

Сулейманова О.А., Демченко В.В. Использование BIG DATA в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола SHUDDER // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 466-472.

Тивьяева И.В. Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2018.

Фомина М.А. Степень активности субъекта в моделях, описывающих природные процессы и явления // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4 (48). С. 126-136.

Suleimanova O.A. Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices // Training, Language and Culture. 2020. № 4 (4). С. 39-50.

*I.V. Tivyayeva (Moscow, Russia)
Moscow City University*

CORPUS-BASED MODELLING OF COGNITIVE PROCESSES

The paper focuses on the potential of national corpora as a source of empirical data for the study of principles regulating linguistic conceptualization of the cognitive sphere. The study proposes an algorithm for describing linguistic manifestation of cognitive processes exemplified with the English verb *to remember*. The results demonstrate that using corpus data yields a more accurate description of the relevant lexical unit and fosters a deeper understanding of the mechanism underlying linguistic objectification of the cognitive sphere.

Key words: mnemonic process, memory, remembering, corpus-based approach, COCA.

Е.А. Фролова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
kate.f@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ БАЗЫ В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: РОЛЬ НАРЕЧИЯ ГРАДУАТОРА В АНГЛИЙСКОЙ КОНСТРУКЦИИ С РАСЩЕПЛЕННЫМ ИНФИНИТИВОМ

В статье рассматривается проблема отбора языкового материала для когнитивных исследований на примере английских синтаксических конструкций с расщепленным инфинитивом (с наречиями-градуаторами). Описывается алгоритм работы с корпусами BNC и COCA, анализируется полученный материал с точки зрения дальнейших исследований.

Ключевые слова: расщепленный инфинитив, цифровые технологии, методы исследования, корпус текстов, корпусный анализ, наречия-градуаторы.

В современной когнитивной лингвистике большое количество исследований обращаются к корпусам в качестве источника данных [Сулейманова, Демченко 2018; Петрова 2019; Водяницкая 2020, Шестопалова 2022]. Проведение корпусного эксперимента позволяют получать аутентичный материал без привлечения информантов, при этом цифровые системы (research engine) выступают в качестве коллективного информанта и помогают сформировать обширную эмпирическую базу, необходимую для верификации постулируемых гипотез. Развитие систем big data, в том числе корпусов данных, открывает новые возможности и позволяет решать исследовательские задачи оптимальным образом [Сулейманова, Демченко 2018: 467].

Поисковые системы корпусов позволяют получить данные о частотности, употребляемости и сочетаемости исследуемой единицы, однако работа с синтаксическими структурами все еще может вызывать затруднения, ввиду ограниченного функционала поисковой системы корпуса. Рассмотрим отбор языкового материала на базе корпусов BNC и COCA на примере синтаксических конструкций с расщепленным инфинитивом (КРИ) в английском языке (*split infinitive*), в которых сплиттером выступают наречия-градуаторы.

Обратимся к определению изучаемой конструкции. В английском языке синтаксическая конструкция с расщепленным инфинитивом представлена «сочетанием глагола с наречием, помещаемым между приинфинитивной частицей и глагольной словоформой», например *to accidentally burn* [Ахманова 2004: 183]. Данная конструкция возникает в английском языке в XIII-XIV вв. и в настоящее время демонстрирует высокую частотность употребления. Появление вариативности языковых единиц, а именно расщепленный инфинитив/обычный инфинитив обуславливается структурными потенциями языка.

Цель данной работы заключается в исследовании возможностей цифровых систем при формировании эмпирической базы в когнитивных исследованиях на примере конструкций с расщепленным инфинитивом (с наречием-градуатором) для последующего семантического описания в рамках когнитивной парадигмы.

В исследовании привлекались массивы данных таких корпусов как COCA и BNC. Инструментарий данных корпусов позволяет осуществить поиск синтаксических конструкций с расщепленным инфинитивом и выявить их частотность. Для работы с поисковой системой корпуса используется формула *to [r*] [v?i*]*, где *[v?i*]* инфинитив, а *[r*]* предполагаемое наречие или частица, помещаемые между

приинфинитивной частицей *to* и глаголом. Для удобства работы с полученными данными необходимо выбрать пункт **Alphabetic** в графе **Sort/Limit (Sorting)**, таким образом, вхождения будут расположены в алфавитном порядке, что упростит работу с выделением сплиттеров в конструкции. Следует отметить, что одного поиска по заданной формуле недостаточно ввиду того, что часть вхождений отображаются ошибочно и не являются расщепленным инфинитивом. Так, вхождения *to off set*, *to by pass* (ошибочное написание глаголов *bypass offset*), *to why make*, *to up say* не представляют собой искомую языковую единицу. В высказывании *Regional health authorities will from time to time produce mortality data* – Региональные органы здравоохранения будут время от времени публиковать данные о смертности идиома *from time to time* в сочетании с глаголом *produce* соответствуют задаваемой формуле, однако изучаемая конструкция отсутствует. Опечатки, отсутствие пунктуации (в стенографических записях), графическая передача хезитационных пауз (*erm*, *um*) также являются препятствием для получения достоверных данных по частотности языковой единицы и количеству сплиттеров, встречающихся в ней. В связи с выявленными проблемами полученный материал следует обрабатывать вручную для исключения вхождений, не соответствующих параметрам конструкции.

Таким образом, процедура корпусного исследования может быть представлена следующими этапами:

- 1) поиск всех вхождений с КРИ по формуле *to [r*] [v?i*]*;
- 2) сортировка результатов поиска по алфавиту, сбор сплиттеров в конструкции;
- 3) верификация результатов с использованием запроса *to+adverb/particle+verb* (где *adverb/particle* представлены конкретным наречием или частицей) и анализом полученных вхождений.

Следует отметить, что отдельным этапом необходимо выделить поиск конструкций с несколькими сплиттерами с использованием запросов *to [r*] [r*] [v?i*]*, *to [r*] [r*] [r*] [v?i*]* и конструкций, обладающих грамматической категорией аспекта *to [r*] have [v?n*]* и *to [r*] be [v?g*]*. Запрос *to [r*] [r*] [r*] [v?i*]* отображает 8 вхождений в BNC, одно из них содержит градуатор *totally* (*to sort of totally cave in*).

В ходе работы с конструкциями с расщепленным инфинитивом было выявлено, что наречия-градуаторы демонстрируют высокую частотность и являются наиболее употребительными в конструкции (таблица 1), в связи с этим обратимся к классификации данных наречий.

Таблица 1

Наиболее употребительные наречия-градуаторы в КРИ

British National Corpus		Corpus of Contemporary American English	
Actually	555	Really	12483
Really	228	Actually	10335
Fully	131	Fully	4386
Simply	92	Simply	3459
Completely	71	Kind of	3056
		Absolutely	196

Многие лингвисты связывают семантическое градуирование с когнитивной операцией сравнения исходя из чего можно предположить, что градуальность может

выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. В английском языке одним из средств эксплицитного выражения градуальности являются наречия степени (интенсификаторы). И.А. Краева отмечает, что традиционно наречия-интенсификаторы подразделяются на три группы: «выделители» или *emphasizers* (подчеркивают правдивость коммуникации), «усилители» (интенсификаторы) или *amplifiers* (специфируют высокую степень проявления признака), даунтонеры (выражают низкую степень) [Краева 2021: 80]. Другая типология наречий-градуаторов была предложена в работе Л.А. Фурс и Н.В. Назаровой [Фурс, Назарова 2008: 34]. На основе компонентного анализа словарных дефиниций наречий-градуаторов была представлена следующая классификация, где наречия градуаторы выражают:

- 1) предельную степень проявления признака (*absolutely, completely, extremely, fully, totally* и др.);
- 2) высокую степень проявления признака (*greatly, highly, very, widely* и др.);
- 3) достаточную степень проявления признака (*relatively; sufficiently* и др.);
- 4) низкую степень проявления признака, даунтонеры (*a little, just, a bit, kind of* и др.).

Следует отметить, что КРИ употребляются с наречиями, подчеркивающими правдивость коммуникации и выражающими высокую степень проявления степени, в то время как примеры с другими типами наречий-градуаторов достаточно редки или отсутствуют. Наречия-интенсификаторы усиливают семантику языковых единиц, синтаксически связанных с ними, а также варьируют объем их значения. Их использование усиливает коммуникативно-прагматического воздействия на то, как сообщение будет воспринято адресатом. Рассмотрим пример с расщепленным и обычным инфинитивами: *They believe that the FBI failed to fully investigate 9-11* – Они считают, что ФБР не смогло полностью расследовать события 9-11. В высказывание в пропозиции к КРИ наречие *fully* вносить неоднозначную информацию, т.к. акцентирует глагол *failed* и вносит информацию о полном провале расследование, в то время как конструкция с расщепленным инфинитивом позволяет избежать двусмысленности и акцентирует внимание на самом расследовании как действии, выполненном частично.

Таким образом, разработанный алгоритм работы с КРИ может быть применен в работе в другими синтаксическими конструкциями. Было выявлено, что исследователю необходимо верифицировать полученные данные и обработка материалов вручную по-прежнему является важным этапом в связи с выявленными несовершенствами системы. Полученные эмпирические данные могут послужить дальнейшим материалом для исследования семантики и коммуникативно-прагматических особенностей конструкций с расщепленным инфинитивом.

Литература

Водяницкая А.А. Цифровые методы исследования оценочной категоризации в академическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 527-531.

Краева И.А. Развитие категории «градуальность» в английском языке / И.А. Краева. – М.: ООО «Издательство ТРИУМФ», 2021.

Петрова И. М. Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 3. С. 127-142.

Сулейманова О.А., Демченко В.В. Использование BIGDATA в экспериментальном лингвистическом исследовании: анализ семантической структуры глагола. Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 466-472.

Фурс Л.А. Когнитивные аспекты формирования категории градуальности / Л.А. Фурс, И.В. Назарова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4 (17). С. 33-37.

Шестопалова А.М. Работа с поисковыми цифровыми ресурсами при анализе синтаксических структур // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация: материалы XXIII научно-практической конференции 22 ноября 2021 г. Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2022. С. 243-250.

*Е.А. Frolova (Moscow, Russia)
Moscow City University*

EMPIRICAL DATA IN COGNITIVE RESEARCH: THE ROLE OF GRADATION ADVERBS IN THE ENGLISH CONSTRUCTION WITH A SPLIT INFINITIVE

The article dwells on digital tools to analyze empirical data for cognitive research based on English syntactic constructions with a split infinitive (with gradation adverbs). The algorithm of working with BNC and COCA corpora is considered, the obtained material is analyzed from the point of view of further research.

Key words: split infinitive, digital tools, research methods, text corpus, corpus analysis, gradation adverbs.

*Е.Д. Чулкова (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
chulkova.evdokia@yandex.ru*

КОГНИТИВНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОБЫТИЯ (на материале события «Тегеранская конференция 1943 г.»)

В статье разрабатывается и проводится процедура контрастивного когнитивно-ономасиологического анализа категории СОБЫТИЕ на материале словарного и корпусного анализа исторического события «Тегеранская конференция 1943 г.». С опорой на теорию о 4 квалиа Дж. Пустейовского устанавливается распределение телической, агентивной, конститутивной и формальной когнитивных ролей в репрезентации СОБЫТИЯ.

Ключевые слова: когнитивно-ономасиологический анализ, ономасиологическая категория СОБЫТИЕ, словарный анализ, корпусный анализ.

В настоящей работе в рамках когнитивно-ономасиологического подхода к изучению номинации, инициированного в работах отечественной и зарубежной школы (Е.С. Кубрякова, Е.Г. Беляевская, Дж. Пустейовский, Д. Герартс, А. Бланк), разрабатывается процедура анализа ономасиологической категории СОБЫТИЕ, моделируемой по материалам исторических энциклопедий, словарей и нехудожественных текстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Основным методом является контрастивно-ономасиологический анализ с опорой на положения 1) когнитивной ономасиологии Д. Герартса и А. Бланка [Blank 1999; Cuyskens, et al. 2003; Eskardt et al. 2003], согласно которой устанавливается роль ономасиологических компонентов в репрезентации когнитивных категорий, 2) теории двуступенчатого концептуального анализа Е. Г. Беляевской [Беляевская 2008], в ходе которого определяется контекстуально-семантическая роль (в нашем случае – с применением состава семантических ролей, представленных О.Н. Ляшевской в системе ФреймБанк [Ляшевская, Кашкин 2015]) и далее концептуальная роль

референтов в дискурсе / тексте, 3) теории когнитивных ролей (квалиа) Дж. Пустейовского [Pustejovsky 1991], описывающих четыре роли компонентов дискурса: телическая, агентивная, конститутивная, формальная. Вслед за Дж. Пустейовским, под телической ролью мы понимаем назначение и целевую установку события, агентивная роль описывает его происхождение, под конститутивной ролью понимается внутренняя структура изучаемого события, а формальная роль характеризует его внешнюю структуру [Pustejovsky 1991].

Предположительно, ономаσιологическая категория СОБЫТИЕ (также как и другие когнитивные категории (ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ОБЪЕКТ и др.), репрезентированные языковыми средствами) будет демонстрировать специфическое распределение активности ономаσιологических (макро)компонентов, описываемых когнитивными ролями, определяемое вариативностью дискурса. Актуальность исследования дополнительно обусловлена тем, что к анализу привлекается историческое событие, вариативность репрезентации которого в дискурсе связана, в первую очередь, с влиянием факторов официальности / научности / художественности дискурса.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы установить особенности распределения ономаσιологических (макро)компонентов, репрезентирующих категорию СОБЫТИЕ (на материале исторического события), а также определить возможности его варьирования в дискурсе. Непосредственным объектом анализа становится историческое событие «Тегеранская конференция 1943 г.», которое представлено в дефиниционных контекстах в словарях и исторических энциклопедиях [СИТ, СЭС, БЭС, ЭИО, ВЭС], а также в нехудожественных контекстах НКРЯ. Анализу подвергались все обнаруженные микроконтексты – 560 лексических единиц и выражений в составе клауз, описывающих Тегеранскую конференцию 1943 г.

Процедура разработанного контрастивно-ономаσιологического анализа включает следующие этапы: 1) установление семантических ролей лексических единиц и выражений в составе клауз, описывающих (историческое) событие; 2) с опорой на выявленные семантические роли определение ономаσιологических компонентов, репрезентирующих (историческое) событие; 3) с опорой на когнитивные роли (телическая, агентивная, конститутивная, формальная) определение ономаσιологических макрокомпонентов (ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА), объединяющих ранее выделенные ономаσιологические компоненты; 4) установление особенностей распределения активности ономаσιологических макрокомпонентов и компонентов с учетом вариативности дискурса (в нашем случае его дефиниционных и корпусных контекстов).

Приведем основные результаты. Проведенный анализ выявил в общей сложности 35 семантических ролей, на основе которых были установлены в совокупности 62 ономаσιологических компонента, входящих в структуру четырех ономаσιологических макрокомпонентов. Анализ показал, что наибольшее количество компонентов насчитывает макрокомпонент ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, реализующий конститутивную роль, а также макрокомпонент ХАРАКТЕРИСТИКА, который представляет формальную роль. Приведем несколько примеров. Так, в примере (1) *Во время Тегеранской конференции Сталин, Черчилль и Рузвельт поехали прокатиться (Л.В. Шапорина. «Дневник. Том 1 (1898-1945)», НКРЯ)* конститутивная роль события моделируется при помощи следующих ономаσιологических компонентов: активные участники ситуации, целенаправленно изменяющие что-либо во внешнем мире (*Сталин, Черчилль,*

Рузвельт), участники ситуации, выполняющие перемещение (*Сталин, Черчилль, Рузвельт*), перемещение, производимое участниками движения (*поехали прокатиться*), пассивные участники ситуации, которые не меняются в ходе ее развития (*конференция*), отрезок времени, в котором локализуется ситуация (*во время*). Формальной ролью в данном примере обладает ономазиологический компонент, выражающий тот аспект объекта или участника, который отличает его от других (*Тегеранская*). Телическая роль (макрокомпонент ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ) может быть представлена набором следующих ономазиологических компонентов в примере (2) *Приняты Декларации о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех держав, решение об открытии второго фронта в Европе не позднее 1 мая 1944 г., о послевоенных границах Польши и другие решения (СИТ; СЭС; БЭС): объект, создаваемый в ходе реализации действия (Декларации, решение, решения) действие, которое свершилось или совершается в ситуации (принять)*. Наименее представленной оказалась агентивная роль (макрокомпонент ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ), которая насчитывает всего три ономазиологических компонента, два из которых проиллюстрированы в примере (4) *Интересной для меня оказалась лишь хроника о Тегеранской конференции (В. Гельфанд. «Дневники 1944-1946 гг.», НКРЯ): участник, извлекающий пользу из события, при этом действие не направлено непосредственно на него (для меня) и само действие (интересной оказалась хроника)*. В целом, как оказалось, в реализации ономазиологической категории СОБЫТИЕ (на примере исторического событие) наиболее значимую роль играют его конститутивная и формальная роли.

Для установления вариативности в распределении активности ономазиологических макрокомпонентов и компонентов в дискурсе, представленном дефиниционными и корпусными контекстами (две выборки), был проведен статистический анализ, определяющий значимость этих различий. Он предполагал установление типа выборок (тип распределения) и проверку различий в целом по двум выборкам и по отдельным ономазиологическим компонентам выборок. В связи с тем, что выборка оказалась непараметрической (коэффициент Шапиро Уилка $<.001$), был проведен t-test парных выборок с применением критерия Уилкоксона, который показал наличие значимых различий между двумя выборками (1536, $p<.001$). Дальнейшее установление значимости различий в активности четырех ономазиологических макрокомпонентов проводилось с помощью критерия хи-квадрат для четырехпольных таблиц. Анализ позволил установить наличие значимых различий по макрокомпонентам, представляющим формальную и телическую роли, где χ^2 составляет 9.61 и 10.24 соответственно (при $p=0.002$ в обоих случаях). В составе макрокомпонента ХАРАКТЕРИСТИКА (формальная роль) наибольшие различия наблюдаются у компонентов, актуализирующих семантическую роль *Признак*. В отношении компонентов, моделирующих состав телической роли, отметим, что несмотря на статистический показатель наличия различий в распределении активности компонентов, их активность в целом невысокая.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что именно формальная (в большей степени) и телическая роли события подвергаются большей модификации как определяемые дискурсивной вариативностью – в нашем случае это искажение исторического ландшафта события со снижением степени официальности в его репрезентации. В дальнейших исследованиях представляется интересным также оценить вариативность в реализации категории, определяемой

другими дискурсивными особенностями, например, его художественным характером и индивидуально-авторским употреблением.

Литература

Беляевская Е.Г. Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2008. № 554. С. 140-146.

Ляшевская О.Н., Кашкин Е.В. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 6. 2015. С. 464-556.

БЭС – Большой энциклопедический словарь / Большой Энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БРЭ, 2006.

ВЭС – Военный энциклопедический словарь. URL: https://1564.slovaronline.com/10386-тегеранская_конференция_1943.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // 2003-2023. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.08.2023).

СИТ – Словарь исторических терминов. URL: https://slovar-istoricheskikh-terminov.slovaronline.com/7744-тегеранская_конференция (дата обращения: 10.08.2023).

СЭС – Современный энциклопедический словарь. URL: https://encyclopediadic.slovaronline.com/61681-TEGERANSKAYA_KONFERENTSIYA (дата обращения: 15.08.2023).

ЭИО – Энциклопедия История отечества. URL: https://rus-istoria-otechestva.slovaronline.com/3563-тегеранская_конференция_1943 (дата обращения: 12.08.2023)

Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change // *Historical Semantics and Cognition* / ed. by A. Blank, P. Koch, Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. P. 61-90.

Cuyckens H., Dirven R., Taylor J.R. *Cognitive Approaches to Lexical Semantics*. Mouton de Gruyter, 2003.

Eckardt R. von Heusinger K., Schwarze C. *Words in Time: Diachronic Semantics from Different Points of View*. Berlin – NY: De Gruyter Mouton, 2003.

Pustejovsky J. The Generative Lexicon // *Computational Linguistics*. 1991. № 17(4). P. 409-421.

E.D. Chulkova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE ONOMASIOLOGICAL ANALYSIS OF EVENT (Featuring the event of Tehran conference, 1943)

The article develops the procedure of contrastive cognitive onomasiological analysis of the category EVENT, namely the Tehran Conference 1943, based on data from dictionaries and corpus. The EVENT structure based on Pustejovsky's Qualia theory the study identifies the distribution of telic, agentive, constitutive, and formal roles in EVENT representation.

Key words: cognitive onomasiological analysis, onomasiological category EVENT, definition analysis, corpus analysis.

М.А. Шипунов (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
shipunovma@mgpu.ru

КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕДИАТЕКСТОВ (на материале публикаций о событиях 11 сентября 2001 г. в американских и британских электронных СМИ)

Исследование посвящено описанию результатов корпусного исследования репрезентации медиасобытия в лонгитюдной перспективе. Материалом послужил авторский корпус из 300 статей (359 194 токена), опубликованных на сайтах американских и британских СМИ. Обработка эмпирических данных с помощью инструментов AntConc и SentiStrength позволила установить когнитивный фон событий в контрольных темпоральных точках.

Ключевые слова: медиадискурс, медиапространство, медиатекст, политический дискурс, корпусный контент-анализ.

Настоящая работа посвящена описанию потенциала корпусного подхода к лонгитюдному анализу медиасобытия 11 сентября 2001 г., текстовое описание которого получили широкое освещение в англоязычных СМИ.

Продолжающаяся цифровизация методологического аппарата лингвистики способствует развитию направления корпусных исследований, имеющих прикладную значимость и перспективу дальнейшего анализа. Выбор корпусного подхода для проведения лонгитюдного анализа обусловлен возможностью быстрой и качественной статистической обработки текстовых массивов. Помимо этого, корпусный контент-анализ предполагает возможность изучения хронологической последовательности рассматриваемого медиафеномена, в связи с чем стратегия использования предложенного метода анализа путем обращения к языковому корпусу является результативной.

Цель работы заключается в описании корпусного метода проведения лонгитюдного исследования медиасобытия. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- сформировать репрезентативный авторский корпус, который составит эмпирическую базу исследования;
- описать функционал компьютерных программ AntConc и SentiStrength применительно к исследованию;
- проанализировать предложенный медиафеномен, используя вышеописанные программы и применяя корпусный контент-анализ;
- сделать выводы о репрезентативности результатов и эффективности используемого метода в рамках проведения лонгитюдных исследований.

Эмпирическую базу исследования составил авторский корпус статей крупных американских (*The New York Times*, *CNN*, *Washington Post*, *Wall Street Journal* и др.) и британских (*The Times*, *Independent*, *Guardian* и др.) электронных изданий, входящих в базы данных Google, общим объемом 300 статей (359 194 токена). Ключевыми критериями включения статьи в корпус послужили тематическая принадлежность и прикрепление к частотным ключевым единицам запроса (*9/11*, *9/11 attacks*, *Sept. 11*, *Al Qaeda*, *bin Laden*, *terrorist*). Отобранные статьи объединены в три подкорпуса объемом 50 статей каждый (48500 токенов) для каждого из рассматриваемых медиапространств (американского и британского) соответственно. Выделено 3

периода, к которым принадлежат отобранные статьи (статьи 2001, 2011 и 2022 / 23 гг.). Релевантность выбранных временных периодов обусловлена несколькими факторами: смена действующей власти в каждом из периодов; значимые события, оказывающие непосредственное влияние на изменение тематического медиапространства (спецоперация США по ликвидации бен Ладена (2011 г.); временной интервал минимум в 10 лет, позволяющий проследить динамику риторики медиа.

С помощью корпусного менеджера *AntConc* выделено по 15 наиболее частотных слов для каждого подкорпуса медиатекстов в рамках американского и британского медиапространств. Далее рассматривались по 20 наиболее частотных контекстов отобранных ранее слов. Обращение к программе sentiment-анализа *SentiStrength* позволило выявить эмотивную составляющую выделенных ранее языковых единиц. Суммарно проанализировано 410 контекстов (1420 токенов) с частотными словами.

Рассмотрим более подробно инструменты реализации метода лонгитюдного анализа в лингвистических исследованиях. Необходимо отметить, что обращение к современным цифровым инструментам релевантно при попытке оптимизации процедуры обработки эмпирического материала в больших объемах, что в свою очередь приводит к возможности сделать более объективные выводы о поведении наблюдаемого феномена [Suleimanova 2020: 385].

В первую очередь рассмотрим инструмент корпусного контент-анализа *AntConc*, предполагающий обработку релевантных для исследования корпусных данных. Для исследования наиболее значимыми опциями являются такие функции, как *Word* (рейтинговый список наиболее частотных слов) и *KWIC* – *Key Words in context* (контекст ключевых слов), совокупность которых предлагает данные частотности слов и их значимых контекстов [Иванова, Гордиенко 2018: 21]. Таким образом, используя *AntConc*, представляется возможным проанализировать медиасобытие, основываясь на статистических данных [Болушевская 2019: 185].

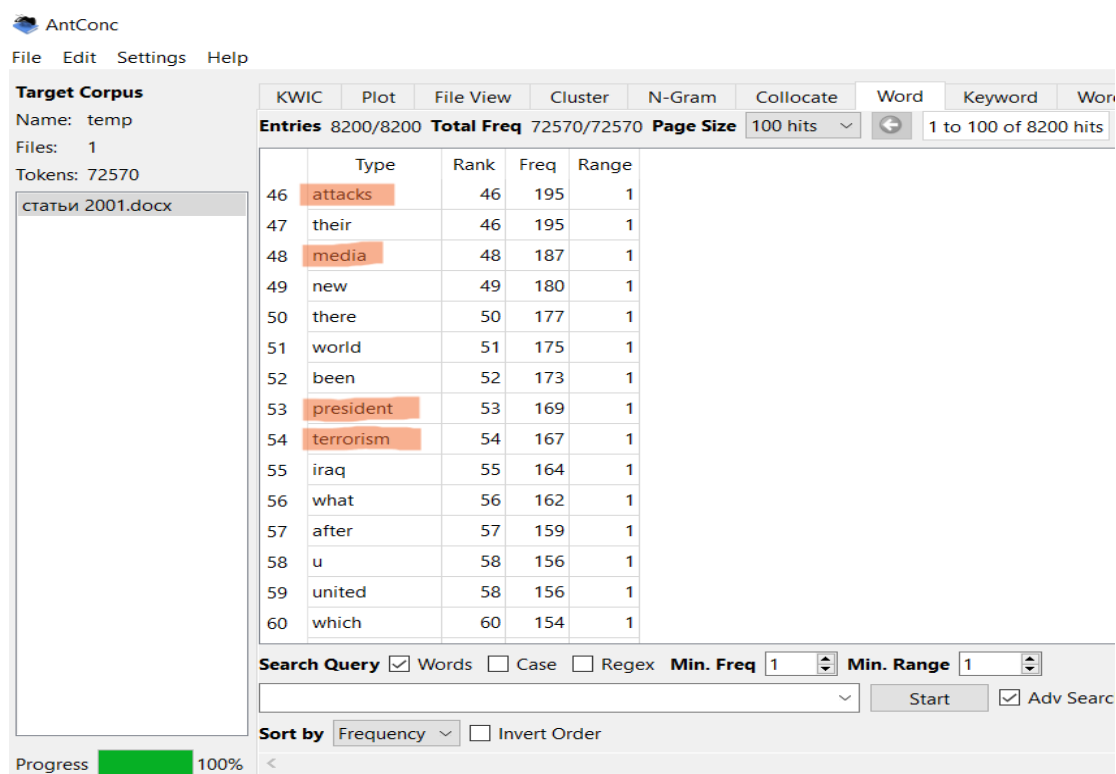

Рис. 1. Интерфейс автоматизированной программы AntConc: опция Word

С помощью AntConc сопоставим анализируемые медиапространства путем выделения наиболее частотных слов, демонстрирующих стабильный показатель в соответствии с каждым рассматриваемым временным периодом. Обратимся к таблице.

Таблица 1

Частотные слова в статьях американского и британского медиапространств

Медиапространство	2001 г.	2011 г.	2022-23 гг.
Американское	1. <i>Laden</i> ¹ (241 ²) 2. <i>attacks</i> (189) 3. <i>intelligence</i> (151)	1. <i>Laden</i> (202) 2. <i>attacks</i> (169) 3. <i>intelligence</i> (141)	1. <i>attacks</i> (137) 2. <i>Laden</i> (52) 3. <i>intelligence</i> (71)
Британское	1. <i>attacks</i> (177) 2. <i>Laden</i> (104) 3. <i>military</i> (72)	1. <i>Laden</i> (348) 2. <i>attacks</i> (130) 3. <i>military</i> (81)	1. <i>attacks</i> (198) 2. <i>Laden</i> (73) 3. <i>military</i> (65)

Результаты анализа позволяют сделать вывод о наиболее релевантных ключевых словах, которые продемонстрировали стабильность в каждой темпоральной точке рассматриваемого временного периода.

Далее рассмотрим автоматизированную программу сентимент-анализа SentiStrength, определяющую тональность высказывания, распознавая эмотивную составляющую частотных контекстов, что реализуется с помощью выявления эмотивов – языковых средств, формирующих эмотивный код языка [Ионова 1998: 7]. В рамках проводимого исследования использование данного инструмента релевантно в контексте фиксации и отражении методов, используемых автором медиатекста для эмоционального воздействия на реципиента [Болушевская 2019: 185].

Перейдем к обзору SentiStrength, нацеленной на выявление маркеров эмотивной лексики.

The text 'war against United States'
has positive strength **1** and negative strength **-3**

Approximate classification rationale: war[-3] against United [proper noun] States [proper noun] [sentence: 1,-3] [result: max + and - of any sentence][overall result = -1 as pos<-neg] (English)

Рис. 2. Интерфейс автоматизированной программы SentiStrength

Программа обрабатывает текст, присваивая ему два показателя, в соответствии с количеством найденных эмотивов с отрицательной и положительной коннотацией [Corbett 2022: 123]. В программе SentiStrength предлагаются следующие показатели

¹ Жирным выделены слова, являющиеся релевантными для американского и британского медиадискурса.

² Цифры в скобках обозначают количество упоминаний заданного частотного слова в каждом из подкорпусов.

тональности текста (референтной базой для программы является составленная баз слов-маркеров с заложенной оценкой, на которые будет реагировать программа):

-1 (нейтрально / минимальная негативная коннотация) к **-5** (максимально негативно);

1 (нейтрально / минимальная положительная коннотация) к **5** (исключительно положительно). Результаты могут быть представлены в виде бинарных, тройных и одинарных шкал соответственно.

Обратимся к примеру:

Attacks targeted not only a military-site – Нападения, нацеленные не только на военные объекты (перевод наш – М.Ш.) (1; -3).

Отметим, что анализ эмотивной составляющей позволяет не только классифицировать материал исследования в соответствии с экспрессивной функцией, заложенной автором, но и проследить за динамикой изменения тональности текстов. Рассмотренный метод использовался для анализа всех отобранных ключевых контекстов исследования.

На заключительном этапе исследования представляется релевантным сопоставить полученные результаты в контрольных темпоральных точках.

Таким образом, проанализированные данные позволяют сделать вывод о наличии или отсутствии динамики рассматриваемого языкового материала, что позволяет зафиксировать высокий потенциал использования предложенных выше методов для проведения исследования медийного события, отражающего особенности формирования его образа и эмоционального воздействия на читателя.

Необходимо отметить, что использование рассмотренного метода анализа с использованием инструментария корпусной лингвистики демонстрирует свою актуальность и востребованность. В свою очередь, развитие корпусных методов в компьютерной лингвистике позволяет проводить качественное лонгитюдное исследование, основанное на корпусных данных.

Литература

Болушевская И.Н. Корпусное исследование лингвистических особенностей дискурса криминальных интернет-новостей на примере новостей о похищении (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 10. С. 184-188.

Иванова А.М., Гордиенко А.Ю. Метод направленной проверки сочетаемости слов в корпусах и поисковых системах как инструмент исследования семантики языковых знаков // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе. М.: Флинта, 2018. С. 19-28.

Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.

Corbett J. From tweets to insights: A social media analysis of the emotion discourse of sustainable energy in the United States // Energy Research & Social Science. 2022. P. 121-129.

Suleimanova O. Using Big Data Experiments in Cognitive and Linguo-Cultural Research in English and Russian // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 3. P. 385-93.

*M.A. Shipunov (Moscow, Russia)
Moscow City University*

REPRESENTING 9/11 IN AMERICAN AND BRITISH MEDIA IN LONGITUDINAL PERSPECTIVE

The paper focuses on representing 9/11 events in the longitudinal space of the American and British media discourse. The research relies on a corpus consisting of 300 articles published on US and British websites. The empirical data were processed with the AntConc and the SentiStrength software. The obtained corpus data prompted conclusions regarding the cognitive background of events at control temporal points.

Key words: media discourse, media space, media text, corpus content analysis.

*П.М. Эйсмонт (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
p.eysmont@spbu.ru*

СОМАТИЗМЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИНТУИЦИИ: КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ ЧУЯТЬ

В статье представлен статистический анализ 674 примеров употребления сочетания глагола *чувать* + соматизм в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), который показал, что данное сочетание может рассматриваться как особая грамматическая конструкция, где порядок следования единиц, выбор соматизма и выбор творительного или именительного падежа существительного зависит от качества (позитивное/негативное/нейтральное) передаваемого интуитивного ощущения.

Ключевые слова: конструкция, соматизм, порядок слов, метафора, интуиция, творительный падеж, именительный падеж.

Значимость телесного познания в жизнедеятельности человека получила широкое отражение в языковых структурах, а вопросы функционирования в языке и речи наименований тела и его частей давно являются предметом активного изучения. Тело – это самый близкий и кажущийся самым ясным и понятным объект действительности, обеспечивающий познание человеком окружающей среды. Интуитивные ощущения, в отличие от физических, трудно локализовать и объяснить, однако человек пытается соотнести их с тем или иным органом или частью тела [Gibbs et al. 2004; Sadler-Smith 2016]. Большинство исследований языковой интерпретации интуитивных ощущений фокусируются на определении значений и типов интуитивной информации. В первую очередь, при помощи интуиции человек оценивает свои страхи и опасения, объясняет внелогические ситуации и предчувствия, ожидания материальной выгоды или богатства. Все эти ощущения можно разделить по порождаемым ими эмоциям на позитивные, негативные и нейтральные. Тип информации, как и соответствующая эмоция, может соотноситься с одной или несколькими группами органов, среди которых Е.Л. Березович выделяет названия органов «тыльной стороны» тела; обозначения живота и «внутренностей»; наименования непосредственных органов перцепции и слова тело, кожа (шкура), которые представляют собой «контейнеры» для остальных органов [Березович 2016].

Не менее интересными представляются также грамматические особенности используемых конструкций. Помимо разнообразия глаголов (*чують, ощущать* и др.) в данном сочетании наблюдается также вариативность синтаксической (V + соматизм и соматизм + V) и морфосинтаксической (именительный или творительный падеж существительного) структуры.

Материалом анализа стали выбранные в основном подкорпусе НКРЯ методом сплошной выборки примеры употребления глагольной леммы *чують* и наименования какой-либо части тела. Наибольшее число примеров было получено в результате лексико-грамматического поиска леммы *чують* и предметного имени со значением «части тела и органы человека» с расстоянием между леммами от 1 до 2, некоторые примеры были получены путем направленного поиска сочетания *чують* и конкретного органа тела (например, *селезенка, печенька*) на том же расстоянии от 1 до 2. Из полученных результатов были удалены примеры, где искомые единицы относятся к разным клаузам, т.е. не представляют собой единую грамматическую единицу.

В итоговую выборку было включено 674 примера. Значительная часть проанализированных примеров представляла интуитивные ощущения – 95% от всего объема проанализированных примеров. Для описания физических чувств также используются конструкции с *чують*, однако в них фигурируют именно те органы чувств, которые и обеспечивают физическое восприятие: нос (*Ноздри чуюли дальние и ближние запахи речного льда, промерзшей насквозь земли, изнемогающей под толстым слоем снега...* [Юрий Рытхэу. Когда киты уходят (1970-1977)]), ноги (*Мужики затихли, чую ногами сухую почву, а остальным телом – прочно успокоившееся пространство смертельной жары.* [А.П. Платонов. Чевенгур (1929)]) и др.

Как отмечает И.В. Садыкова, *чують* фиксируется в русском языке с XI в. в значении общего чувственного восприятия человека, причем с XIX в. растет количество контекстов, в которых глагол соотносится именно с интуицией [Садыкова 2015]. Такая историческая неопределенность способа восприятия приводит к тому, что, с точки зрения языка, *чують* человек может многими, хотя и не любыми органами (таблица 1).

Таблица 1

Встречающиеся в конструкции *чують+соматизм / соматизм+чують* части тела и их количество (* отмечены те органы, которые передают только физическое ощущение)

Часть тела	Группа	Общее число	Только интуиция	При порядке соматизм + чують	При порядке чують + соматизм
Сердце	Внутренние органы	485	Да	152	333
Нутро	Внутренние органы	57	Да	53	4
Нос	Органы перцепции	56	Нет	42	14
Спина	Тыльная сторона тела	10	Нет	4	6
Нога	Другое	8	Нет	3	5
Печенка	Внутренние органы	6	Да	6	0

Часть тела	Группа	Общее число	Только интуиция	При порядке соматизм + <i>чують</i>	При порядке <i>чують</i> + соматизм
Затылок	Тыльная сторона тела	4	Да	2	2
Кожа	Другое	4	Да	2	2
Ухо*	Органы перцепции	4	Нет	2	2
Ж*па	Тыльная сторона тела	3	Да	3	0
Задница	Тыльная сторона тела	3	Да	2	1
Лопатка	Тыльная сторона тела	3	Да	1	2
Ноздря	Органы перцепции	3	Нет	2	1
Рука*	Другое	3	Нет	2	1
Хребет	Тыльная сторона тела	2	Да	2	0
Чрево	Внутренние органы	2	Да	1	1
Язык*	Органы перцепции	2	Нет	1	1
Бедро*	Другое	1	Нет	1	0
Бок	Другое	1	Да	0	1
Голова	Другое	1	Да	1	0
Губа	Другое	1	Да	0	1
Загривок	Тыльная сторона тела	1	Да	0	1
Копчик	Тыльная сторона тела	1	Да	1	0
Кровь	Другое	1	Да	0	1
Мозжечок	Другое	1	Да	1	0
Плечо*	Другое	1	Нет	1	0
Плоть	Другое	1	Да	0	1
Подошва*	Другое	1	Нет	1	0
Позвоночник*	Тыльная сторона тела	1	Нет	0	1
Пупок	Другое	1	Да	1	0
Сердечко	Внутренние органы	1	Да	0	1
Сердечушко	Внутренние органы	1	Да	1	0
Спинальный мозг	Другое	1	Да	1	0
Тело*	Другое	1	Нет	1	0
Темечко*	Другое	1	Нет	0	1
Щека*	Другое	1	Нет	1	0

Как видно из таблицы 1, чаще всего для описания интуиции используются внутренние органы (*сердце, нутро, печенка* – всего 83% от общего числа примеров), однако более разнообразным является выбор «внешних» частей тела – *нос, стина, нога,*

кожа и т.д. Бóльшую выпуклость и простоту в осознании именно внешних частей тела подтверждают также исследования производных от соматизмов прозвищ [Боброва 2018] и имен собственных [Сурикова 2013]. В рассматриваемых конструкциях с *чують* 87% примеров содержат наименование органа, имеющего четкие границы, что позволяет легче его вычлениить из окружающей действительности и упрощает процесс его познания [Арутюнова 1999]. Использование для выражения интуитивного ощущения органов, отвечающих за физическое восприятие, отражает их функциональную метафоризацию: от восприятия материального к восприятию как таковому, однако способен к такому метафорическому расширению только *нос* (*Чует нос – пришла беда* [Борис Левин. Иностранное тело (1965-1994)]).

Чаще всего (72% от общего числа примеров) рассматриваемые конструкции используются при предчувствии каких-либо негативных последствий (*Ох, чует мое сердце нехорошее. Может, конь ногу повредил?* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)]), однако встречаются примеры предчувствия чего-то желанного и сулящего хорошее разрешение проблемы: – *Эх, – приговаривает, – чует сердце мое – самородок хороший выну!* [М. А. Кравков. Самородок (1927)] (23% от общего числа примеров). Статистический анализ при помощи критерия Пирсона показал, что не только выбор органа ($\chi^2=225.214, p<0,001$), но и падеж ($\chi^2=62.043, p<0,001$), и порядок следования глагола и соматизма ($\chi^2=19.786, p<0,001$) не случайны при передаче негативного или позитивного предчувствия. Так, в случае позитивного предчувствия говорящий скорее выберет либо конструкцию соматизм + *чують*, где существительное будет стоять в творительном падеже (*Нутром чую: он жив и думает о нас.* [Р.Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»]), либо конструкцию *чують* + соматизм *сердце* в именительном падеже (*Чует мое сердце, что здесь жуки водятся с меня ростом.* [Кир Булычев. Девочка с Земли (1971)]).

Наблюдаемое взаимодействие морфосинтаксической структуры и метафорических изменений в значении соматизмов, отражающих наивные представления носителей русского языка о взаимодействии частей тела и интуитивных ощущений, позволяет предположить, что сочетание *чують* + соматизм является особой конструкцией, чье функционирование требует последующего внимательного изучения.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Березович Е.Л. Соматическая модель в номинации предчувствий и интуитивных чувствований. Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. Т. 3. С. 86-93.
- Боброва М.В. Соматизмы в современных прозвищах Пермского края // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 162-179.
- Садыкова И.В. Славянские соответствия русскому *чують*: к вопросу семантической эволюции / И.В. Садыкова // Библиотека журнала Русин. 2015. № 3 (3). С. 121-132.
- Сурикова О.Д. Отсоматические образования с приставкой без- в русском и украинском антропонимиконе // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14). С. 58-78.
- Gibbs R.W., Lima P.L.C., Francozo E. Metaphor is grounded in embodied experience // Journal of Pragmatics. 2004. V. 36. Issue 7. P. 1189-1210. URL: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2003.10.009> (дата обращения: 18.08.2023).
- Sadler-Smith E. 'What happens when you intuit?' Understanding human resource practitioners' subjective experience of intuition through a novel linguistic method // Human Relations. 2016. V. 5 (69). P. 1069-1093.

*P.M. Eismont (Saint-Petersburg, Russia)
St Petersburg University*

SOMATISM IN THE DESIGNATION OF INTUITION: CONSTRUCTIONS WITH THE VERB *CHUYAT'*

The article presents a statistical analysis of 674 examples of the use of the combination of the verb *chuyat'* + somatism in the National Corpus of the Russian Language, which showed that this combination can be considered as a certain grammatical construction, where the order of units, the choice of somatism and the choice between instrumental or nominative case of the noun depend on the quality (positive/negative/neutral) of the intuitive feeling.

Key words: construction, somatism, word order, metaphor, intuition, instrumental case, nominative case.

Р.Р. Яхина (Казань, Россия)

*Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ
Shroza1981@yandex.ru*

Л.Б. Мифтахова (Казань, Россия)

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
leisan-bilalovna@mail.ru*

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: АНГЛИЦИЗМЫ И ИХ ЧАСТОТНОСТЬ

Компьютерная лингвистика играет важную роль в процессе исследования терминологии английского происхождения, предоставляя инструменты и методы для анализа, перевода и интерпретации иноязычных терминов. Ее применение позволяет эффективно управлять исследованиями в области терминологии и обеспечивает точность и надежность при работе с иностранными терминами. В данной статье представлены ряд инструментов для исследования англицизмов и их частотности.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, англицизмы, семантика, частотность, термины.

В современном мире компьютеризация стала неотъемлемой частью функционирования общества и имеет огромное влияние на качество развития общественных институтов и уровень жизни в целом. В связи с глобализацией, передача информации на разных языках и ее перевод стали важной составляющей коммуникации, как в онлайн-среде, так и в межкультурных отношениях. С середины XX в. ученые из разных областей обратили свое внимание на математическую обработку естественного языка и его кодирование в компьютерной парадигме. В 1954 г. в Джорджтаунском университете был проведен первый в мире эксперимент по машинному переводу с русского на английский язык. В 1956 г. в Москве была создана Лаборатория машинного перевода [Раренко 2017: 48-49]. Зарубежные и отечественные ученые, такие как Н. Хомский, В. Ингве, М. Халлидея изучали различные аспекты компьютерной лингвистики. Они разрабатывали модели и теории для анализа языковых структур и разработки систем машинного перевода. Важно отметить, что в области компьютерной лингвистики значительный вклад внесли такие ученые, как

Питер Норвиг и Кристофер Мэннинг. Питер Норвиг является известным специалистом в области искусственного интеллекта и компьютерной лингвистики. Он является соавтором книги «Искусственный интеллект: современный подход» и создателем языка программирования Python [Рассел 2006: 12]. Кристофер Мэннинг, профессор компьютерных наук и лингвистики в Стэнфордском университете, также играет важную роль в исследовании компьютерной лингвистики и естественного языка. Он является одним из ведущих экспертов в этой области и соавтором книги «Введение в информационный поиск» [Маннинг 2011: 144]. В отечественном языкознании также были проведены исследования в области компьютерной лингвистики, в которых участвовали ученые, такие как В.Ю. Розенцвейг, А.Е. Кибрик, З.М. Шаляпина и другие [Утробина 2022: 401]. Все эти исследования способствовали развитию компьютерной лингвистики и созданию систем автоматического перевода.

Под компьютерной лингвистикой мы понимаем «направление в прикладной лингвистике, которое использует компьютерные инструменты и технологии для изучения и моделирования языка» [Баранов 2016: 123]. Она находит применение в различных сферах, таких как перевод, обработка естественного языка и разработка языковых моделей. Эта область лингвистики отличается от других дисциплин своим фокусом на использование компьютерных программ и средств для анализа и обработки языковых данных. Она также основывается на принципах компьютерного моделирования мышления, которые разрабатывались в области искусственного интеллекта и когнитивной науки.

Исследования в области компьютерной лингвистики, где информационные технологии играют все более важную роль во всех сферах деятельности, не теряет свою актуальность. Вот несколько причин, почему исследования в этой области являются актуальными: 1. С развитием глобализации и увеличением международных связей возникает необходимость в разработке систем автоматического перевода, которые могут эффективно переводить тексты с одного языка на другой. Компьютерная лингвистика занимается разработкой алгоритмов и моделей, которые позволяют создавать более точные и качественные системы автоматического перевода. 2. В современном мире огромное количество информации представлено в виде текста, и его обработка становится все более сложной задачей. Компьютерная лингвистика занимается разработкой методов и алгоритмов для обработки и анализа естественного языка, что позволяет извлекать полезную информацию из текстов и автоматически анализировать их содержание. 3. Компьютерная лингвистика является одной из ключевых областей для разработки интеллектуальных систем, таких как голосовые помощники, чат-боты и другие системы искусственного интеллекта. Исследования в этой области помогают создавать более эффективные и удобные системы, которые могут взаимодействовать с людьми на естественном языке. 4. Социальные медиа стали огромным источником информации, которую нужно анализировать и интерпретировать. Компьютерная лингвистика помогает разрабатывать методы для анализа текстов в социальных медиа, что позволяет выявлять тренды, мнения и настроения пользователей, а также использовать эту информацию для принятия решений в различных сферах, включая маркетинг, политику и т.д.

С усовершенствованием компьютерных систем и прогрессом новых технологий, а также расширением компьютерной лексики, возникает необходимость в глубоком исследовании терминологии английского происхождения при помощи компьютерных технологий. В этом контексте играет значительную роль компьютерная лингвистика, которая позволяет эффективно изучать иноязычные термины. В нашем исследовании

мы использовали ряд платформ, которые предоставляют инструменты для исследования англицизмов и их частотности.

1. Google Ngram Viewer – онлайн-инструмент, разработанный Google, который позволяет исследовать частотность слов и фраз в большой коллекции текстов, включая книги, журналы и другие источники. Изучение графика позволяет определить тренды и изменения в частотном использовании терминов в определенный период [Яхина 2021: 28-30].

2. Corpus of Contemporary American English (COCA) British National Corpus (BNC) – эти корпуса английского языка, содержащие современные тексты из различных источников, включая газеты, журналы, телевизионные программы и т.д. Они предоставляют возможность искать слова и фразы, а также анализировать их частотность и использование в различных контекстах. Данную платформу мы использовали для определения частотности и функционирования в различных контекстах [Яхина 2021: 37-38].

3. WordNet – это лексическая база данных, которая описывает лексические отношения между словами в английском языке и дает возможность исследовать семантические связи между словами и их частотность в различных контекстах [Яхина 2021: 74-75]. Платформа WordNet может быть использована в лингвистическом исследовании для различных целей: 1. WordNet предоставляет сеть семантически связанных слов, которые могут быть использованы для анализа значений и отношений между словами. Это может помочь лингвистам в создании словарей, определении значений слов и составлении семантических описаний. 2. Анализ семантических отношений: WordNet предоставляет информацию о синонимах, антонимах, гиперонимах, гипонимах и других отношениях между словами. Лингвисты могут использовать эту информацию для изучения структуры семантических полей и исследования семантических отношений между словами. 3. WordNet предоставляет определения и примеры использования слов, что может помочь лингвистам в изучении значения и употребления слов в контексте. Это может быть полезно при анализе значения слов, их полисемии и метафорического использования. 4. Изучение словосочетаний и фразеологии: WordNet содержит информацию о множестве словосочетаний и фразеологизмов. Лингвисты могут использовать эту информацию для изучения устойчивых выражений, идиом и других формулировок, которые могут быть интересны в контексте лингвистического исследования.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в современном информационном обществе компьютерная лингвистика играет ключевую роль, поскольку эффективное обращение и анализ текстов становятся все более значимыми задачами. Исследования в этой области помогают разрабатывать новые методы и технологии, которые улучшают качество и эффективность информационных систем и приложений. В нашем исследовании использовались ряд платформ, которые предоставляют инструменты для исследования англицизмов и их частотности, такие как Google Ngram Viewer и Corpus of Contemporary American English (COCA). Эти инструменты позволяют нам получить более полное представление о языковых особенностях и использовании английского языка.

Литература

Баранов А.Н. Компьютерная лингвистика // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2087783> (дата обращения 10.08.2023).

Маннинг Кристофер Д., Загхаван П., Шютце Х. Введение в информационный поиск.: пер. с англ. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2011.

Раренко М.Б. 2017.01.009. Марчук Ю.Н. Информационные технологии в лингвистике: компьютерная лингвистика. Parmarium: Acad. Publishing, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2017-01-009-marchuk-yu-n-informatsionnye-tehnologii-v-lingvistike-kompyuternaya-lingvistika-parmarium-acad-publishing-2015-131-s> (дата обращения 12.08.2023).

Раренко М.Б. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2017. № 1. С. 37-49.

Рассел С., Норвил П. Искусственный интеллект: современный подход, 2-е изд.: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006.

Утробина А.А. Компьютерная лингвистика и машинный перевод: об истории становления / А.А. Утробина // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. № 2. С. 401-405. DOI 10.33184/bulletin-bsu-2022.2.25.

Яхина Р.Р. К вопросу о процессе детерминологизации иноязычных терминов в современном русском языке // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 2. С. 26-33. DOI 10.25586/RNU.V925X.21.02.P.026.

Яхина Р.Р. Функционирование иноязычных вкраплений в русских текстах (на материале современных СМИ) / Р. Р. Яхина, Е. В. Афонина // Litera. 2021. № 5. С. 33-39. DOI 10.25136/2409-8698.2021.5.35567.

Яхина Р.Р. О роли гиперо-гипонимических отношений в формировании заимствованной технической терминологии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 5-3. С. 73-76. DOI 10.37882/2223-2982.2021.05-3.15.

GoogleBooks Ngram. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения 14.08.2023).

Wordnet. URL: <https://wordnet.princeton.edu/> (дата обращения 10.08.2023).

R.R. Yakhina (Kazan, Russia)

*Kazan National Research Technical University
named after A.N.Tupolev-KAI*

L.B. Miftakhova (Kazan, Russia)

Kazan (Volga region) Federal University

COMPUTATIONAL LINGUISTICS IN THE MODERN INFORMATION SOCIETY: ANGLICISMS AND THEIR FREQUENCY

Computational linguistics plays an important role in the process of studying English-origin terminology, providing tools and methods for analyzing, translating, and interpreting foreign terms. Its application allows for efficient management of terminology research and ensures accuracy and reliability when working with foreign terms. This article presents a range of tools for studying anglicisms and their frequency.

Key words: computational linguistics, anglicisms, semantics, frequency, terms.

VI. СОВРЕМЕННАЯ КОГНИТИВИСТИКА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

*Б.А. Алтынбекова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
altynbek0810@gmail.com*

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ КЫРГЫЗОВ БИЛИНГВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «БААРЫБИРТУУГАН»)

В статье рассматриваются типы кыргызско-русского переключения кодов с позиции структурно-грамматического подхода. Переключение кодов – это один из феноменов, возникающий при контактировании языков (в нашем случае при взаимодействии русского и кыргызского языков в устной повседневной речи кыргызов билингвов).

Ключевые слова: языковые контакты; билингвизм; кыргызский язык; русский язык; переключение кодов; смешение кодов; структурно-грамматический подход.

Введение

В Кыргызской Республике в настоящее время является актуальным кыргызско-русское двуязычие: кыргызский язык является государственным языком и полноценно функционирует в семейно-бытовой сфере, в школьном образовании, культуре и СМИ, а русский язык является официальным языком страны и языком межнационального общения, он используется в сфере политики, экономики, науки и высшего образования [Дербишева 2009: 57-58]. Таким образом, попеременное использование билингвами кыргызского и русского языка в разных сферах жизни ведет к контактированию языков, в частности к переключению кодов, которое в современном мире рассматривается как неизбежный феномен, возникающий в условиях билингвизма или полилингвизма.

Методология исследования

Материалом исследования послужила повседневная речь героев сериала «Баарыбиртууган». Выбор материала обусловлен стремлением актеров и сценаристов максимально точно передать устную речь кыргызов в повседневно-бытовом общении. Объем материала составляет 2 часа сериала, или 4 серии. Цель статьи заключается в изучении случаев кыргызско-русского переключения кодов с позиции структурно-грамматического подхода. Объектом исследования является кыргызско-русское переключение кодов, предметом – типы переключения кодов.

Обсуждения результатов

1. Понятие о переключении кодов

Переключение кодов ученые начали активно изучать во второй половине 20-го века. Данной проблемой занимались Дж. Гамперц, Ян-Петтер Блум, П. Ауэр, Ш. Поплак, К. Майерс-Скоттон, П. Мэйсен и др.

В российской лингвистике активное изучение переключения кодов происходит в последние десятилетия. Этой проблемой начали заниматься Г.Н. Чиршева, Е.В.

Головки, Е.А. Проценко, И.М. Богдан, Т.С. Остапенко, Ж.Б. Папинова, Э.В. Хилханова и др.

Часто ученые пытаются разграничить понятия переключения и смешение кодов, т.к. из числа всех смежных понятий они являются наиболее схожими.

Одни ученые рассматривают переключение и смешение кодов как синонимичные явления [Родионова, Абрамова 2015], другие же пытаются разграничить их [Папинова, Хилханова 2018; Мутылина 2011 и др.].

Основным принципом для дифференциации переключения и смешения кодов считается синтаксический критерий, согласно которому переход с одного языка на другой происходит либо внутри предложения (интрасентенциальное), либо между предложениями (интерсентенциальное). Если смена языка или кода происходит в пределах одного предложения, то это рассматривается как смешение кодов. Если же переход происходит на границах предложений, то это является переключением кодов. Такой позиции придерживаются Г.Н.Чиршева [Папинова, Хилханова 2018], В.Г. Гаврилова [Гаврилова 2013].

Для дифференциации данных явлений А.Ю. Мутылина предлагает наряду с синтаксическим принципом социолингвистический (объясняет переход с одного языка на другой влиянием внешних факторов), психолингвистический (основывается на психолингвистических критериях) и смешанный принципы [Мутылина 2011: 53-54].

В кыргызском языкознании проблема переключения кодов впервые была затронута лингвистом А.О. Орусбаевым. Ученый отметил, что кыргызы, являющиеся представителями смешанного двуязычия, довольно хорошо владеют как русским, так и кыргызским языком, но при этом «мало задумываются о культуре речи, ее разновидности» [Орусбаев 2017: 6], и далее лингвист приводит примеры с кодовыми переключениями.

М.Дж. Тагаев является одним из представителей кыргызского языкознания, который активно изучает данную проблему. Так, в одном своем исследовании он, выделяя лингвокультурные типажи в Кыргызстане, отмечает, что переключение кодов характерно двуязычным кыргызам с преобладающим кыргызским языком. Тагаев считает, что «...чередование единиц киргизского и русского без каких-либо нарушений лексических или грамматических норм принимающего языка и гостевого языка свидетельствуют о достаточно высоком уровне владения обоими языками» [Тагаев 2013: 13]. Также ученый отмечает, что при помощи кодовых переключений билингвы создают двуязычный тип коммуникации, который необходимо признать в качестве лингвистического факта, а не в качестве неправильной речи [там же]. По мнению Тагаева, переключение кодов может происходить не только на уровне слов и словосочетаний, но и на уровне концептов: «Переключение кодов в данном случае происходит не путем вкраплений, а методом включения в содержание текста инокультурного концепта, своеобразно обозначенного средствами киргизского языка» [там же].

З.К. Дербишева, рассматривая модели билингвизма (пропорциональный билингвизм, диспропорциональный билингвизм первого типа, диспропорциональный билингвизм второго типа и диспропорциональный билингвизм третьего типа) в Кыргызстане, приводит случаи переключения кодов, которые встречаются у представителей всех типов билингвизма [Дербишева 2022: 148]. Подводя итоги, лингвист отмечает, что представители сбалансированного билингвизма, одинаково владея кыргызским и русским языками, в официальной обстановке не смешивают их, однако факт кодовых переключений возможен в непринужденной обстановке. В речи

представителей диспропорционального билингвизма встречаются кодовые переключения в виде узуальных заимствований и калькирований, также наблюдается интерференция.

2. Лингвистический подход к изучению явлений, возникающих при кыргызско-русском языковых контактах.

В рамках нашего исследования мы остановимся на структурно-грамматическом подходе при разграничении переключения и смешения кодов, предложенном Э.В. Хилхановой и Ж.Б. Папиновой. Согласно данному принципу, при соблюдении морфосинтаксических правил обоих языков наблюдается переключение кодов, а при подчинении лексем морфологическим и синтаксическим правилам другого языка – смешение кодов [Хилханова, Папинова 2018: 669].

При контактировании кыргызского и русского языков в речи кыргызов-билингвов языком-матрицей (основным языком) является кыргызский, русский – языком-вкраплением (гостевым языком). Высказывания оформляются согласно грамматическим правилам матричного кыргызского языка, а русский язык является источником иноязычных элементов.

В четырех сериях сериала выявлено 250 случаев кодовых переключений, из них 236 являются отдельными лексемами, которые в лингвистике именуются вкраплениями; 13 словосочетаний и 11 случаев интерсентенциального переключения кодов.

Большая часть вкраплений представляет собой существительные, которые можно разделить на группы: а) термины (хулиганство, вызов, просрочка, кредит), б) помещения (общежитие, магазин, комната), в) профессии (повар, утюжник, швея). Подобные вкрапления имеют эквиваленты в кыргызском языке, но они являются менее употребительными в обществе в силу своей объемности и литературности. Вкрапления могут быть оформлены по морфосинтаксическим правилам кыргызского языка, т.е. к вкраплениям присоединяются аффиксы или частицы матричного языка. С точки зрения структурно-грамматического подхода, такие случаи будут являться смешением кодов:

Такыр эле президенттей болуп куну туну жатат же гособеспечениядабы мунунар? (Он у вас ведет себя словно президент, ничего не делает или он у вас на гособеспечении?); *Эгерде условиясы жакшы болсо, иштей берем* (Если условия будут хорошими, то буду работать); *Надежданын баары өлдү, сүйүнүп алганымды айтсаң* (Потеряла всякую надежду, а я так обрадовалась).

Или же вкрапления могут быть использованы без грамматической адаптации:

Нуржигитти чакырып койдум, озунун фирменный тамактарын жасап берсин. А Айжан менен Сабина болсо обслуживать этишет (Я позвала Нуржигита, пусть приготовит свои фирменные блюда. А Айжан и Сабина будут обслуживать гостей); *Бүгүн эрте туруп завтрак жасап баарын таң калтырайынчы* (Встану сегодня рано, приготовлю завтрак, удивлю-ка всех).

Переключение кодов между предложениями происходит реже и, как правило, связано с желанием выразить сильные эмоции: *Көптөн күткөн күн да келди ошентип. Наконец-то на заслуженный отдых!* Ммм генерал эмес, бирок капитан деле жаман эмес да, туурабы? (Вот и настал долгожданный день. Наконец-то на заслуженный отдых! Не генерал, но и капитан тоже ведь неплохо, верно?); *Эми төрт килейген баланы кантип багасыңар? Вот ты даешь, Эльмирка!* Эми аларды сенин зарплатан менен багасыңарбы же тигил Тынчтыктын пенсиясы мененби? (Как вы будете теперь содержать взрослых детей? Вот ты даешь, Эльмирка! Вы рассчитываете на твою зарплату или на пенсию Тынчтыка?).

В последнем примере героиня, используя диминутив «Эльмирка», подчеркивает, что она дружелюбно настроена к подруге, несмотря на свое возмущение относительно поведения подруги (подробнее о диминутивах см. в статье [Алтынбекова, Москвичева 2023: 396-400]).

Однако есть случаи, где одна и та же лексема была использована двумя говорящими в диалоге. Один из них неизменяемую часть речи – наречие – использовал в адаптированном виде в кыргызском языке, а другой же – без адаптации:

– *Баарын подрядбы?* (Всех подряд [прим.: просить отмечаться в журнале])

– *Подряд*, кечиккендерге биздин штрафной санкцияларыбыз бар (Подряд, для опоздавших у нас есть штрафные санкции).

Заключение

Подводя итоги исследования, можно отметить, что при кыргызско-русском контактировании языков, преобладают вкрапления из русского языка, которые нередко подвергаются грамматической адаптации, в результате чего при структурно-грамматическом подходе эти вкрапления рассматриваются как смешение кодов; случаи интерсентенциального переключения кодов встречаются гораздо реже и, как правило, являются одним из способов выражения эмоций.

Также необходимо отметить, что структурно-грамматический подход не определяет объем сегмента при разграничении переключения и смешения кодов. Согласно данному принципу, отдельная иноязычная неадаптированная лексема в матричном языке может быть определена как случай переключения кодов. Однако нужно уточнение относительно неизменяемых частей речи, таких как наречия или инфинитивы, которые могут встретиться в матричном языке в диалогах в качестве вкраплений, и в высказывании одного человека лексема может быть использована в адаптированном виде, а в реплике другого – в неадаптированном виде.

Литература

Алтынбекова Б.А., Москвичева С.А. Структурные причины переключения кода при выражении аффективного компонента значения в кыргызском языке // Когнитивные исследования языка. Выпуск №3 (54). Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования. Часть 1. 2023. С. 396-400.

Гаврилова В.Г. Этноидентифицирующая функция переключения и смешения кодов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. С. 53-56.

Дербишева З.К. Языковая политика и языковая ситуация в Кыргызстане // Russian Language Journal: Vol. 59: Iss. 1. Article 5. 2009. С. 48-58.

Дербишева З.К. Языковые контакты в сфере билингвизма в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 144-155.

Мутылина А.Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смешение кодов» (на примере устной речи русско-китайских билингвов в Пекине) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. С. 52-60.

Орусбаев А.О. Русский язык как этнокоммуникативный компонент дву- и многоязычия // Русское слово в Кыргызстане. №4 (22). 2017. С. 4-10.

Родионова О.С., Абрамова Н.В. Функции и типы переключения кода в немецком языке: теоретический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (33). С. 139-148.

Тагаев М.Дж. Лингвокультурные типажи в языковом сообществе Кыргызстана // Функционирование русского языка в контексте взаимодействия с кыргызским языком и

культурой. Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию КРС. Бишкек. 2013. С. 11-17.

Хилханова Э.В., Папинова Ж.Б. К вопросу о терминах переключение кодов, смешение кодов, вкрапления и критериях их разграничения // Мир науки, культуры, образования. 2018. №2 (69). С. 667-671.

*B.A. Altynbekova (Moscow, Russia)
RUDN University*

CODE SWITCHING AS A FEATURE OF THE EVERYDAY SPEECH OF BILINGUAL KYRGYZ (BASED ON THE SERIES “BAARYBIRTUUGAN”)

The article describes the types of Kyrgyz-Russian code switching from the point of a structural-grammatical approach. Code switching is one of the phenomena that occurs when languages get combined during conversations (in our case, during the interaction of Russian and Kyrgyz languages in the usual oral speech of Kyrgyz bilinguals).

Key words: language contacts; bilingualism; Kyrgyz language; Russian language; code switching; code mixing; structural-grammatical approach.

*А.Ю. Архипенкова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
aa0906@mail.ru*

НЕЙРОКОГНИТИВНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ С АУТИЗМОМ

Рассматриваются нейрокогнитивные стратегии педагога при обучении старших школьников с расстройством аутистического спектра в США. Описана организация годового учебного процесса и типичного школьного дня с учетом индивидуальных учебных планов. Социализация и самореализация школьников с аутизмом является главной целью современной коррекционной педагогики.

Ключевые слова: аутизм, РАС, стратегии выбора, индивидуальный план обучения, поведенческие проблемы.

Аутизм называют эпидемией XXI в. В 2023 г. Центр по контролю и профилактике заболеваний США объявил, что за последние двадцать лет количество людей аутизмом возросло на 178%, каждый тридцать шестой ребенок имеет расстройство аутистического спектра (далее – РАС) [Zauderer 2023]. Власти Свердловской области назвали РАС самым распространенным заболеванием в 2023 г., с ежегодным приростом 45% [Джаллатова 2023]. Не приходится сомневаться в *актуальности* проблемы среди специалистов различных сфер, но в педагогической среде она занимает первое место. В связи с этим мы провели исследование, *целью* которого является маршрутизация учеников с РАС и практическая помощь преподавателям.

Объектом данной работы является программа реабилитации старших школьников с РАС, *предметом* – нейрокогнитивные стратегии педагога. *Материалом* исследования послужил наш практический опыт работы в школьном округе г. Миннетонка, штат Миннесота, а также проведение интервью с работниками образования (коррекционные педагоги, специалисты по аутизму, воспитатели/тьюторы класса, логопеды, социальные работники и пр.). Всего было опрошено 25 человек.

Результаты современных исследований показали, что нейронная пластичность является фактором, который играет ведущую роль в обучении школьников с РАС [Ермолова, Литвинов, Балыгина, Савицкая 2020: 10]. По мере взросления организма и накопления опыта обучения, группы нейронов гиппокампа обеспечивают переход информации из зоны кратковременной памяти в долговременную [там же]. Примерами использования нейропластичности в американском образовании являются: рутинный распорядок школьного дня, уроки «Функциональные навыки», нацеленные на закрепление полезных привычек и навыков самообслуживания, занятия, ориентированные на развитие речи и эффективное взаимодействие со взрослыми, сверстниками и окружающим миром (уроки кулинарии, которые проводит логопед-дефектолог, музыкальная терапия и ежедневные занятия «Социальные навыки»).

В системе образования США существуют переходные школы (transition schools), в которых школьники обучаются до совершеннолетия. По достижении 21 года им предоставляется помощь в трудоустройстве. Как сказал директор старшей школы г. Миннетонка Дж.Эриксон в нашем интервью: «Таким ученикам требуется больше времени для созревания. Мы даем мозгу возможность созреть».

Парадоксальность аутизма как части психического дизонтогенеза [Гарифуллин 2018: 233], выражается в неспособности ученика применить закрепленные навыки вне школы. В ходе учебной игры «Магазин» 85% школьников не справились с заданием купить продукты по списку, поскольку полученные знания и умения не гарантируют того, что школьник с РАС способен их применить в реальной жизни. Как видно из примеров, в ходе обучения школьников с РАС происходит слияние реабилитационной и учебной деятельности, трудно провести границу между ними, вследствие размытости параметров и сходства конечных целей.

На вопрос о том, какая педагогическая стратегия является наиболее эффективной, 100% респондентов ответили: «Поощрение». При этом многие подчеркивали необходимость сравнения успехов подростка с тем, что он умел месяц, полгода, год тому назад. Похвала и одобрение ученика, способного удерживать внимание в течение нескольких минут, мотивирует и сохраняет рабочий настрой. Закрепление правильного поведения и паттернов распределения ролей (учитель – ученик) является основополагающим принципом АВА-терапии, широко применяемой в американской системе образования. Умение контролировать свое поведение входит в задачу формирования метакогнитивных навыков у детей с РАС.

По словам ученых, современный подход обучения детей с ограниченными возможностями здоровья невозможен без индивидуализации учебного процесса, выстроенного с включением различных учебно-методических и психолого-педагогических мероприятий [Ахметова 2013: 148]. Типичный индивидуальный план обучения содержит данные наблюдений за учеником в классе, информация, полученная от родителей и педагогов, медицинская карта, рекомендации педагогов, результаты оценочных тестов, а также конкретные учебные и поведенческие цели на ближайшие полгода.

Расписание строится исходя из возможностей ученика, пожеланий родителей, с учетом учебных целей и поведенческих задач, выведенных в индивидуальном плане. Помимо традиционных уроков английского и математики, а также обязательных, для старших классов, занятий «Социальные навыки» и «Самостоятельная жизнь» школьникам и их родителям предлагается объемный перечень предметов на выбор: танцы, йога, деревообработка, физкультура, кулинария, живопись, труд, прикладная физика, бижутерия, керамика, музыка, хор, театр и т.п.

Говоря о приоритетных педагогических задачах, респонденты проявили единодушие: все информанты отметили необходимость определения интересов и сильных сторон учащегося до начала учебного года, при проведении психолого-педагогической комиссии. Речь идет о тех особенностях, которые могут быть использованы в обучении, например: быстрое усвоение материала с визуальной опорой, отличная память, охотное выполнение письменных заданий и высокий уровень грамотности. Педагог намеренно акцентирует внимание на тех заданиях, в которых школьник может проявить себя лучше всего. В этом и заключается суть психолого-педагогического сопровождения — познать себя, принять и научиться проявлять свою индивидуальность конструктивными способами [Ахметова 2013: 96].

Трудно переоценить необходимость выявления триггеров и страхов, чтобы минимизировать стереотипизацию (любое бесцельно повторяющееся движение, звуки или слова), эпилептические приступы (каждый третий ребенок с аутизмом страдает эпилепсией), а также стигматизации (неэтичное отношение окружающих). Известно, что люди аутистического спектра имеют весьма необычные страхи: от боязни комаров и бабочек до ощущения опасности в людных местах. Наше исследование показало, что даже заранее обговоренное событие (например, учебная пожарная тревога или сбой в расписании из-за праздников) способно вызвать резкую реакцию и регресс в обучении.

В компетенцию учителя также входит осведомленность о наиболее типичных и часто встречающихся источниках беспокойства, тревоги и страха у детей с аутизмом: яркий свет, громкий или необычный звук, определенный цвет, прикосновения, необходимость зрительного контакта и продолжительного пребывания среди людей. Именно поэтому классы для школьников с РАС плохо освещены, а парты располагаются на расстоянии друг от друга. Отдельно выделим наличие сенсорных комнат, предназначенных для психологической разгрузки. Как отметил педагог-дефектолог Т.Мун при личной беседе: «Продолжительное взаимодействие с внешним миром вызывает у таких детей дискомфорт. Следует действовать превентивно, заметив болезненное пресыщение, предлагая ученику сделать перерыв или провести несколько минут в одиночестве. Так минимизируется возможность срывов».

В ходе исследования нам удалось выявить следующие стратегии нейрокогнитивной реабилитации:

- *предоставление выбора* (показывая правую ладонь, учитель спрашивает: «Ты хочешь читать?») После паузы: «Или рисовать?» При этом он показывает левую ладонь);

- *планирование действий* (обсуждение предстоящих праздников, каникул, распорядка дня, очередности ответов и т.д.);

- *наглядная демонстрация времени* (на интерактивной доске выставляется десятиминутный таймер с обратным отсчетом при кратковременных перерывах);

- *торможение спонтанной реакции* (в случае нежелания выполнять задания, школьнику напоминают последовательность действий: сначала работа, потом отдых);

- *развитие когнитивной гибкости* (сбои в поведенческих реакциях часто требуют составления так называемой социальной истории, в которой учитель описывает модель правильного поведения в настоящем времени, например: «Алекс — ученик, который дожидается своей очереди, чтобы ответить или задать вопрос. Бывает, что автобус задерживается из-за непогоды. В таком случае Алекс терпеливо ждет. Задержка транспорта иногда случается);

- *поощрение* (еще раз выделим возможность похвалы не только за выполненное задание и правильный ответ, но и за соблюдение правил и ожидаемое поведение);

- переключение внимания (в случае проявления стереотипий ученика выводят в коридор, предлагают послушать музыку в наушниках, посидеть в сенсорной комнате и т.д.);

- закрепление полезных привычек и паттернов (обобщение прошедшего учебного дня с обязательным выделением положительных моментов, например: ответил на вопросы, сумел самостоятельно переодеться в спортивную форму, запомнил дни недели, красиво оформил праздничную открытку и т.п.).

Стоит особо подчеркнуть неразрывность учебно-воспитательного и социально-психологического процессов, поскольку конечной целью является социализация и самореализация подростков с аутизмом. Реабилитация невозможна без развития личных качеств (мотивация, самооценка, уверенность и т.п.), смягчения кризисных переживаний личности в формате коучинга, формирования устойчивого позитивного самовосприятия и представления о жизненных перспективах.

Литература

Ахметова Д.З. Педагогика и психология инклюзивного образования: учебное пособие / Д.З. Ахметова З.Г., Нигматов Т.А., Челнокова Г.В. и др. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013.

Ермолова Т.В., Литвинов А.В., Балыгина Е.А., Савицкая Н.В. Нейробиология когнитивных компетенций младшего школьного возраста: новейшие зарубежные исследования // Эл. журнал «Современная зарубежная психология». 2020. Т. 9. №2. С. 8-20

Гарифуллин Р.Р. Коррекционная психология и педагогика. Казань: Институт психологии и образования КФУ, 2018.

Джаллатова Д. Новая болезнь захлестнула Россию и стала эпидемией XXI века. URL: <https://ura.news/articles/1036286510> (дата обращения: 30.08.2023).

Zauderer S. Autism Statistics: How Many People Have Autism? URL: <https://www.crossrivertherapy.com/autism-statistics> (дата обращения: 28.08.2023).

*A.Y. Arkhipenkova (Moscow, Russia)
RUDN University*

NEUROCOGNITIVE REHABILITATION OF ASD STUDENTS

The article considers neurocognitive strategies of the teaching process among the high-school students with autism spectrum disorder in the USA. The paper describes the organization of the annual educational process and a typical school day and explains the role of the individualized educational plan (IEP). Socialization and self-realization of the students with ASD are the main goals of modern special education.

Key words: autism, ASD, choice-giving strategies, individualized educational plan, behavioral problems.

*A.Y. Bagiyan (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University
alexander.0506@mail.ru*

CONCEPTUAL LINGUISTIC ENGINEERING OF PROFESSIONAL IDENTITY: IN SEARCH OF A NEW SYSTEMIC METHODOLOGY

The article explores the importance of systems engineering in linguistics, highlights the main aspects of professional identity in cognitive sciences, and discusses why conceptual linguistic engineering (CLE) is considered one of the most prolific methods for shaping professional identity. The author provides a step-by-step approach to CLE as a new systemic methodology and points out its main features: synergistic effect, functional manageability, pattern universality, deconstruction <-> reshaping <-> formation capabilities.

Key words: professional identity, modelling, discourse, conceptual linguistic engineering, pragma-axiology, systems engineering, research methodology.

In our rapidly evolving world, the establishment and maintenance of professional identities become increasingly crucial for success in various fields. Effective communication and the perception of capabilities are vital components of professional identity (PI). Conceptual linguistic engineering (CLE), with its foundations in systems engineering (SE), offers a unique methodology to shape and reinforce PI. This article explores the importance of SE in linguistics, highlights the main aspects of PI in cognitive sciences, and discusses why CLE is considered one of the most prolific methods for shaping PI.

Despite the fact that the theory of transcendental philosophy as a judgment of reality (the principles of reality are to be discovered by the study of the processes of thought, where “basic rational and cognitive capacities play both an explanatory and epistemically fundamental role” [Schafer 2021: 661]) argues that the construction of any system that includes an interpretive component should be carried out taking into account the “subjective error” in calculations, the construction of even a non-technical system devoid of absolute mathematical accuracy explicates reality through the corresponding system categories, bringing it to a certain model (i.e. conceptual equivalent). Formalization and schematization are key components of scientific and philosophical knowledge, since, on the one hand, “formalization, as a parenthetical function, is a way to bring things under the criteria of cognition”, and on the other, “subjective designation of things, that is, their schemes, form a single system of transcendental reality, its possible subjective models” [Зайнуллин 2021: 111]. As a result, the object under study is designated as some formalized synonym for reality, schematically denoting the everyday equivalent of a thing.

Therefore, a deep study of the object is possible only taking into account its schematization and formalization with the subsequent procedure of research operations on the created system for its correction, improvement and bringing to the values and indicators as close as possible to ideal. That is exactly why SE has a potential of becoming a solid methodological foundation for transdisciplinary (mainly – linguistic) studies of PI.

Engineering practices, relying on the “system” as a cognitive category of analysis, build a methodological field on solving two interconnected research problems: firstly, the study of system objects as a form of existence and movement of the real world, as manifestations of its orderliness; secondly, the construction of a system of categories that reflects the system connections of the studied objects and makes knowledge itself well-structured [Заяц 2015: 85]. At the same time, the most complete and consistent methodological program is built in

the second position, representing the systemic approach during engineering as a methodology for integrating various sections of knowledge about the object into the holistic system picture.

According to computer sciences research, model-based SE is a formalized modelling application to support system requirements, design, analysis, evaluation, and validation, beginning with the conceptual engineering phase and continuing throughout development and subsequent life cycle phases. A key characteristic of this system is the support for the simultaneous use of multiple description methods (viewpoints), i.e. the simultaneous use of multiple modelling methods to obtain multiple groups of descriptions (views) that address the different interests of the relevant outcomes [Гаричев, Горбачев, Давыденко 2022: 150]. In other words, SE is the interdisciplinary approach concerned with designing, analyzing, and managing complex ‘engineering-like’ systems with a certain outcome in mind.

The application of SE principles to linguistics offers an innovative and efficient approach to analyse and manipulate language systems, leading to the development of linguistic engineering. Therefore, this methodology can be seamlessly extrapolated to linguistics, where SE would provide a valuable framework for understanding the intricate relationships between language and thought components on a much more profound level. By studying language as a ‘system of systems’, linguists can not only identify patterns, structures, and underlying rules that shape communication, but also uncover cognitive and pragma-axiological underpinnings of this communication.

Methodologically speaking, SE is designed to generalise the methods and tools of various subject areas to form methods of their localization by the deductive method – from general rules and patterns to specific solutions [Ромахов 2015]. This idea perfectly falls in line with our system of CLE of PI, since the result of the latter is the modelling of a linguocognitive system, which includes a set of basic (necessary and sufficient) characteristics, on the basis of which the full PI formation of the future specialist is possible. Thus, the system of CLE is also based on a deductive principle.

PI is the way in which individuals perceive and identify themselves within their chosen profession. We suggest that this phenomenon is best understood within the cognitive framework. From the perspective of cognitive science, PI formation involves various cognitive processes such as perception, attention, memory, and decision-making, influencing how individuals interpret and process information related to their profession and leading to their PI development. From the standpoint of cognitive psychology, PI formation involves the cognitive processes of self-reflection and self-evaluation in relation to individual’s profession. This self-appraisal process helps shape PI by identifying the attributes and characteristics people consider important to define themselves as professionals. As for cognitive linguistics, which explores how language and cognition interact, and how language influences our thinking and perception of the world [Болдырев 2019: 31], it provides valuable insights into the cognitive processes underlying communication within professional and semi-professional domains and emphasizes the role of language in constructing and expressing PI. Through the use of language, individuals can articulate their professional aspirations and establish a shared understanding of what it means to be a professional in their field. The idea of CLE as a most potent tool for shaping PI is also supported by the fact that language is the only safe ‘window’ to analyse individual’s mental and spiritual nature [Jackendoff 2007].

CLE as a new systemic methodology encompasses all the methods of analysis used for professional identity deconstruction and frames them into one supersystem. In broad terms, the methodology can be explained in the following way:

1. A linguistic engineer chooses a certain area of knowledge where PI formation is about to take place and subsequently collects a corpus of texts reflecting the corresponding

professional discourse space. As soon as all the necessary data is collected, the multifaceted modelling process begins.

2. Each analytical method that is used in PI deconstruction/formation is designed as modelling to cover each part of the cognitive framework mentioned earlier and is aimed at reconstructing each particular part of PI [Bagiyan, Shiryayeva 2018: 221-222]: linguocognitive modelling is largely based on psychological approach, socio-lexicographic modelling is based on sociological approach, pragma-axiological and linguo-ecological modelling include elements of philosophical and ethnocultural approaches. From the standpoint of applied linguistics, understanding these processes enables linguistic engineers to tailor language resources to match specific professional identities effectively; therefore, pedagogical approach is represented by a comprehensive methodology for studying language phenomena to teach languages for special purposes. Thus, the proposed methodology combines existing approaches to the study of PI when exploring it through the prism of language [Bagiyan et al. 2021].

3. When all the modelling procedures are in place, their results are combined into one CLE supersystem which has the following characteristics: all the elements of this system are co-dependent but equally important for shaping PI; the system is general has a synergistic effect, where its combined pragma-axiological influence is much greater than that of each separate part; the system is functionally manageable, i.e. each new 'independent variable' in professional discourse changes the whole pragma-axiological influence as its 'dependent variable' and, thus, shapes PI differently (therefore, the choice of lexical units as 'independent variables' becomes of crucial importance); the system helps to identify all the patterns necessary for further PI studies in terms of the universality of this process for different professional domains; the system works both ways, being able to deconstruct and reshape an already existing PI as well as to form a brand new one.

Overall, PI formation from the perspectives of cognitive science, cognitive psychology, and cognitive linguistics highlights the cognitive processes involved in self-perception, self-evaluation, and the role of language in constructing and expressing professional identities. Understanding these cognitive aspects can provide insights into how individuals develop and shape their professional identity, which is crucial for career development and professional growth. In this case, CLE, underpinned by SE and cognitive linguistics through its systemic approach to language modification, presents a versatile, effective, and powerful methodology for shaping and reinforcing PI of any professional domain.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Гаричев С.Н., Горбачев Р.А., Давыденко Е.В. Модельно-ориентированный инжиниринг физико-технических, информационных и интеллектуальных систем // ТРУДЫ МФТИ. Труды Московского физико-технического института (национального исследовательского университета). 2022. Т. 14. № 2 (54). С. 149-161.

Зайнуллин Р.А. Схема как эквивалент вещи: деконструкция объективной реальности // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448). С. 109-115.

Заяц П.В. «Система» как когнитивная категория анализа в инжиниринговых исследовательских практиках // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 7. С. 81-86.

Романов А.А. Прикладной системный инжиниринг. М.: Физматлит, 2015.

Bagiyan A.Y., Shiryayeva T.A., Tikhonova E.V., Mekeko N.M. The real value of words: how target language linguistic modelling of foreign language teaching content shapes students' professional identity // Heliyon. 2021. Vol. 7. № 3. P. 506-581.

Bagiyana A. Yu., Shiryayeva T. A. Developing the Method of Conceptual Linguistic Engineering of Professional Identity: Approaches, Essence, Prospects // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2018. Vol. 17. № 4. P. 214-228.

Jackendoff R. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure. Boston: MIT Press, 2007.

Schafer K. Transcendental philosophy as capacities-first philosophy // Philosophy and Phenomenological Research. 2021. T. 103. № 3. С. 661-686.

*А.Ю. Багиян (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНЖИНИРИНГ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: В ПОИСКАХ НОВОЙ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В статье обосновывается важность системного инжиниринга в лингвистике, освещаются основные аспекты профессиональной идентичности в когнитивных науках и обсуждается, почему концептуальный лингвистический инжиниринг (КЛИ) следует считать одним из наиболее продуктивных методов формирования профессиональной идентичности. Автор предлагает пошаговый подход к КЛИ как новой системной методологии и указывает на ее основные особенности: синергетический эффект, функциональная управляемость, универсальность паттернов, возможность деконструкции <-> перестройки <-> формирования.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, моделирование, дискурс, концептуальный лингвистический инжиниринг, прагма-аксиология, системный инжиниринг, методология исследования.

*Е.С. Баранов (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
baranovess33@gmail.com*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обсуждается вопрос о типах концептуальных метафор, связанных с базовой онтологической категорией времени в японском языке. Методологической основой работы послужили идеи Дж. Лакоффа. В статье сделан вывод об универсальном характере метафоры времени и о близости ее структуры в японском и английском языках.

Ключевые слова: концептуальная метафора, категория времени, лингвистическая типология, когнитивные науки.

Теория когнитивной метафоры исследует взаимосвязь языка и мышления, предполагая, что концептуальные образы основаны на метафорической проекции физического и абстрактного опыта на языковые конструкции. Также утверждается, что метафоры играют важную роль в формировании нашего понимания мира и являются не просто риторической фигурой речи. Одной из областей исследования в рамках теории когнитивной метафоры является изучение способов выражения и понимания времени в культуре носителей различных языков [Lakoff 1980, Баранов 2004: 9-10].

В данной статье рассматривается соотношение между онтологической и языковой категорией времени в японском языке. Целью исследования является изучение

концептуализации онтологической категории времени в японском языке с перспективой дальнейшего сопоставления с метафорическими моделями, выделенными Джорджем Лакоффом в книге «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff 1980]. В исследовании используются следующие методы: анализ лексико-семантического значения лексических единиц, обозначающих время или его формы; анализ сочетаемости глаголов – для определения принадлежности к тому или иному виду концептуальных моделей; сопоставительный анализ концептуальных моделей выделенных Джорджем Лакоффом в английском языке и автором статьи в японском языке.

Концептуальные метафоры – это устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества [Баранов 2004: 10]. Для настоящего исследования релевантны следующие типы концептуальной метафоры, связанные с онтологической категорией времени: “время как движение”, где мы предлагаем различать две подкатегории (время, как движущийся объект, и движение наблюдателя по отношению к времени); время, как ресурс; время, как физический предмет.

В работе Дж. Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем» было выведено следующие положения о концептуальной метафоре “время как движение”. Время движется спереди назад, т.е. время может двигаться по направлению к нам или время неподвижно, а мы движемся сквозь него в направлении будущего. [Lakoff 1980: 43-45] Две указанные выше категории были проиллюстрированы следующими примерами:

1) Before us is a great opportunity, and we don't want it to pass us by. «Перед нами большие возможности, и мы не хотим, чтобы они прошли мимо». В данном случае время движется в сторону наблюдателя [Там же].

2) As we go through the years... «Проходя сквозь года...». В данном случае автор движется через время [Там же].

В японском языке концептуальную метафору ВРЕМЯ КАК ДВИЖЕНИЕ тоже можно проиллюстрировать аналогичными примерами. В первом случае, как и в английском, время движется само, но не обязательно в сторону наблюдателя. Рассмотрим следующий пример: 時間が進むに従い、物理的状態が変化すること [дзикан-га сусуму-ни ситагай, буцуритэки дзе:тай-га хэнка суру кото] [Goo] «Со временем (в процессе движения времени вперед) происходит изменение физического состояния определенной системы». В данном предложении нас интересует: 時間が進む [дзикан-га сусуму] «время движется вперед», где 時間 [дзикан] – «время». Глагол 進む [сусуму] переводится следующим образом: «двигаться вперед, продвигаться, прогрессировать», что в целом можно интерпретировать как движение вперед.

Во втором случае наблюдатель выполняет движение по отношению к форме времени. Например, к прошлому, как в следующем примере: 過去を振り返るメリット・デメリットと正しい過去の振り返り方 (失敗経験も宝です) [како-о фурикаэру мэритто дэмэритто-то тадасий како-но фурикаэриката сиппай кэйкэн мо такара дэс] [Asanoyoshio] «Преимущества и недостатки **возвращения в прошлое (оборачивания к прошлому)** и правильный способ возвращения к прошлому (Опыт неудач также является сокровищем)». В данном предложении нас интересует: 過去を振り返る [како-о фурикаэру] «возвращение к прошлому / обращение к прошлому», где 過去 [како] – «прошлое», а глагол 振り返る [фурикаэру] переводится, как «физическое оборачивание назад», что в данном случае несет значение возврата к определенной точке во времени.

Следующая метафора – ВРЕМЯ, КАК РЕСУРС, опирается на метафорическую репрезентацию времени как ценного ресурса, где согласно теории концептуальной метафоры: время это вид (абстрактного) вещества [Lakoff 1980: 43-45]; время может быть довольно точно исчислено количественно; единице времени может быть приписана стоимость; время целесообразно используется; время постепенно тратится по мере достижения цели.

Например, в предложении: 時間の使い方でこんなにも人生が変わる！取り入れたい10の方法 [дзикан-но цукайката-дэ коннани мо дзинсэй-га кавару торирэтай тоо-но хо:хо] [Bizreach] «Как использование времени может изменить жизнь! 10 способов, которые вы сможете применить» – целесообразное использование. Где, фраза 時間の使い方 [дзикан-но цукайката] «способ использования времени» по значению схожая с 時間を使う [дзикан-о цуку] «использовать время», но в данном случае идет субстантивация со значением способа V₂ +方 – в итоге получается 使い方 [цукайката] «способ использования чего-либо». Глагол 使う [цукау] «использовать». Другие примеры употребления глагола 使う [цукау] «использовать»: 「ラン藻」を使うこと [раммо-о цукау кото] «использование цианобактерий»; 石油を使う [сэкию-о цукау] «использовать нефть».

Последняя категория ВРЕМЯ, КАК ФИЗИЧЕСКИЙ ПРЕДМЕТ может быть проиллюстрирована следующим примером: 細分化されたタスクの所要時間を掴むことで、全体の時間管理に対する指針が設けられます [It-trend] [сайбункасарэта тасуку-но сее:дзикан-о цукамукота-дэ дзэнтай-но дзикан канри-ни тайсуру сисин-га мо:кэрарэмас] «Путем уловления времени (получая информацию о времени), необходимого для детализированных задач, можно установить направляющие (ориентир) для общего управления временем», где нас интересует 時間を掴む [дзикан-о цукаму] «хватать время». Мы используем глагол, обозначающий физическое действие по отношению к абстрактному понятию времени – в данном случае глагол 掴む [цукаму] «хватать, захватывать, держать (зажимать)». Другие случаи употребления глагола つかむ [цукаму]; «хватать, захватывать, держать (зажимать)»: 私は彼の袖をつかんだ [ватаси-ва карэ-но содэ-о цуканда] «я схватил его за рукав».

Таким образом, мы можем прийти к следующим заключениям: во-первых, некоторые концептуальные метафоры, выведенные Дж. Лакоффом, существующие в английском языке, в похожем виде существуют и в японском (время как пространство – время движется или движется наблюдатель; время как ценный ресурс). Это может означать, что могут существовать некоторые (универсальные, общие, похожие) принципы в разных языках в формировании концептуальных моделей. Во-вторых, можно выделить метафору “время, как физический предмет”, которая существует в японском языке, но при этом не выделяется в английском.

Литература

- Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 9-10.
 Asanoyoshio.com. URL: <http://asanoyoshio.com/blog/2022/01/25/looking-back-past/Bizreach.jp>. URL: <https://www.bizreach.jp/column/ctr-no105/>
 Goo辞書. URL: <https://dictionary.goo.ne.jp/word/時間発展/#jn-300608>
 It-trend.jp. URL: https://it-trend.jp/project_management/article/33-0040#d0e9d87eb78fa54e47cd213ca7606442
 Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

*E.S. Baranov (Moscow, Russia)
RUND University*

CONCEPTUAL METAPHORS IN THE ONTOLOGICAL CATEGORY OF TIME IN THE JAPANESE LANGUAGE

The article discusses the issue of the types of conceptual metaphors associated with the basic ontological category of time in the Japanese language. The methodological basis of the work was the ideas of J. Lakoff. The article concludes about the universal nature of the metaphor of time and the similarity of its structure in the Japanese and English languages.

Key words: conceptual metaphor, category of time, linguistic typology, cognitive sciences.

*M. Borodina, E. Trilobova (Moscow, Russia)
RUDN University
borodina_mra@pfur.ru*

FEATURES OF THE USE OF YOUTH SLANG IN CONTEMPORARY FILM DISCOURSE AND SOCIAL MEDIA

This article examines the characteristics of youth slang and its evolution in the context of modern film discourse and social media. It analyses specific features and new trends in the use of youth slang, as well as its implications for language and communication in the online environment. The study is based on literary sources as well as examples from contemporary television series and popular social media platforms.

Key words: youth slang, film discourse, social media, language, online environment.

The transformation of today's communication environment continues to drive the evolution of language and communication, incorporating new forms of expression. Currently, youth slang is actively penetrating modern film discourse and social media, playing an important role in shaping and expressing the identity of the younger generation. Studying the characteristics of youth slang in these contexts is a relevant and important task for researchers. It is a phenomenon, that deserves serious attention from the research community, as it not only reflects youth culture and its characteristics, but also influences different social groups and media. The analysis and understanding of youth slang in the context of film discourse and social media will enable a better understanding of youth communication practices and their impact on the development of language and culture in general.

The main materials used in this scientific article are dissertations and researches (such authors as Beregovskaya E., Voloshin Y., Kashin M., Makovsky M., Sklyar E. etc) related to the slang and its influence to the culture. The methods used in this article include a combination of qualitative research and analysis. The aim of this article is to analyze and systematize the characteristics of youth slang in contemporary film discourse and social networks, to identify its role in the formation and expression of youth identity, and to explore its implications for the development of language and culture.

The term 'slang' has several different approaches to its definition and interpretation. M.M. Makovsky considers slang as a type of language used by particular social groups, such as youth subcultures or professional communities, to express their membership of that group and to establish their identity [Makovsky 2009]. S.B. Flexner links it to broader linguistic phenomena such as argos, jargon or the collective way of life of a particular group of people

[Flexner 2011]. In any case, slang plays an important role in the development and evolution of language, reflecting socio-cultural changes and the dynamics of society.

Over time the term 'slang' has been associated with other concepts such as 'dialectism', 'jargon', 'vulgarism', 'colloquialism' and 'regionalism'. Most of the words and phrases originally introduced into modern language as slangisms are now inextricably linked with literary language. A main characteristic of slang is its widespread use both in everyday speech and in the speech of educated people belonging to a particular age or occupational group. One of the best-known examples is youth slang [Voloshin 2000: 23].

Slang, as a form of informal language, can serve several functions. Firstly, it obliges as a means of communication within a group, creating a sense of belonging and identity. Slang expressions and idioms can become a kind of marker of group membership, dividing slang speakers into 'insiders' and 'outsiders'. Secondly, slang can be used to express emotions, to emphasize individuality and self-expression. It can be a way of showing style, humour and creativity. Thirdly, slang can be used to conceal information from external observers or to create a form of protection or confidentiality [Homyakov 1971: 43].

According to this analysis, the peculiarity of the usage of slangisms in film discourse is the exclusive use of lexical elements, which can be illustrated by means of verbal and non-verbal components of the audiovisual text. Therefore, since film discourse is exclusively oral, we can refer to the specificity of the slangisms used in the definitional analysis.

We offer for study an example from the TV series "Bones", which contains a large number of slang terms in the texts of the film dialogues. For example, the lexeme "soaker" has a direct analogue - a person who regularly consumes alcohol [Urban Dictionary]. However, the analysis of the videos revealed that this lexeme is used in a different contextual meaning in the series. In the scenes where the forensic experts are placed next to the body, they discuss the events described in the book written by Dr Brennan.

The video sequence shows a team of forensic experts gathered around a body lying on an autopsy table. They examine the body and discuss its condition, using scientific terms and methods to determine the cause of death. The characters in the series express their hypotheses and make assumptions based on the evidence found at the scene. They analyse the location of wounds and injuries, examine pathological changes that may have led to death, and discuss possible scenarios of what happened.

- *It's not right to discuss tapping asses in front of a soaker.*

In this context, "drunk" refers to a person who frequently and excessively consumes alcohol. The word "tapping" in this context can mean close observation or discussion. The phrase suggests that it is inappropriate to discuss such issues in the presence of a soaker.

- *Zach, I don't like those terms for human remains; soaker, crispy critte...*

According to this expression, "soaker" is used in the context of terms referring to human remains. Together with "crispy critte", these slang terms may be used among law enforcement or forensic scientist to describe bodies or remains that may be badly damaged or burned.

On the other hand, Internet discourse is complex and diverse, covering a wide range of topics such as politics, economics, sport, culture, agriculture, medicine, entertainment, music, cooking, education and others. Different types of material have been taken into account and special attention has been paid to the analysis of the characteristics of slang expressions, as their presentation in written form allows a much wider range of aspects to be analysed.

A common phenomenon in online discourse is the use of slang, which gives users a sense of uniformity and belonging to a particular online culture. In this context, slang has the function of forming a communicative code, common signs and symbols that facilitate easy and quick understanding. The following are examples of the use of slang expressions:

- 2meirl4meirl (RD)

It is a slang expression that is an abbreviation of the phrase “Too me in real life, for me in real life” [Urban Dictionary]. It is often used in online discourse to express a strong identification with a situation or feeling. In this context, it means that the author strongly empathises with and understands other people who are experiencing similar emotions or problems.

- *I love this cause every time I go to the library I'm like oh my gosh I love these sounds SO MUCH (YT)*

In this example phrases such as 'oh my gosh' and 'SO MUCH' serve to heighten the author's emotional response [Urban Dictionary] and convey his enthusiasm and love for the sounds he hears in the library.

- *This song gives me such a vibe and such a distinct feeling with the guitars and the vocals idk how to explain it bro (YT)*

This example shows the use of the expressions “vibe” and “idk” (short for “I don't know”). “Vibe” describes the general atmosphere or emotional impact that the song “idk” is typical internet slang used to express ignorance or misunderstanding. There is also the word “bro”, which is an informal reference to a friend or loved one.

The use of slang in Internet communication indicates the predominance of young users aged 14 to 25 years. Slang in this context performs an emotive function, allowing the speaker to express his emotions more accurately, since he cannot rely on non-verbal means and intonation. In addition to slang expressions, the use of abbreviations and abbreviations is widespread in Internet discourse, which indicates language economy. Such lexical units can be both established expressions and new formations, including slang words and neologisms.

Here are some examples illustrating the use of such lexemes in Internet discourse:

- *This is the best song in the new album imo. Ty for this masterpiece! (YT)*

“Imo” is an abbreviation for “in my opinion”, used to express the subjective opinion of the speaker.

- *I'm not used to Julian's voice in songs without much distortion/megaphone effect lol (YT)*

“Lol” is an abbreviation for “laughing out loud”, used to express the humour and laugh.

The abbreviations in these examples reflect the language economy and simplification of the expression of thoughts and emotions in Internet discourse. They allow users to briefly and quickly convey their thoughts and reactions without having to write full phrases or sentences. Such abbreviations and abbreviations are common in Internet communications and specific to this context.

As a result, we analysed the specifics of the use of youth slang in film discourse and on social networking platforms. The use of slang in the film industry was examined using the TV series “Bones” as an example. The results of the study showed that youth slang is actively used in film discourse to create realism and to convey the characteristics of the language and culture of the youth audience.

The use of slang in social media was also analysed, using YouTube and Reddit as examples. The results of the study show that youth slang is a common linguistic phenomenon in online communication. It has the function of creating group identity, enhancing the emotional connotation of messages and shaping specific communication between users.

The study thus confirmed that youth slang is an important part of the linguistic and cultural environment of contemporary English-speaking society. Its characteristics are evident both in the context of cinema, where slang is used to create realism and convey youth language, and in online communication, where it serves the functions of self-expression,

group identification and emotional communication. Understanding and studying youth slang is important for a better understanding of linguistic and cultural processes in contemporary society.

References

Flexner S.B. I hear America talking. An Illustrated treasure of American words and phrases. NY: Nostrand, 2011.

Номыков В.А. Introduction to the study of slang - the main component of English vernacular. Vologda: Ministry of education of OSFSR of Vologda State Pedagogical Institution, 1971.

Makovsky M.M. Modern English slang. Ontology, structure, etymology. 2 publ. M.: Librocom, 2009.

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 30.09.2023)

Voloshin Yu.K. Common American Slang: Composition, Derivation and Function. Krasnodar: Publishing house of the Kuban State University, 2000.

*М. Бородина, Е. Трилобова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов*

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ КИНОДИСКУРСЕ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В данной статье рассматриваются особенности молодежного сленга и его эволюция в контексте современного кинодискурса и социальных сетей. Анализируются особенности и новые тенденции использования молодежного сленга, а также его влияние на язык и общение в онлайн-среде. Исследование основано на литературных источниках, а также на примерах современных телесериалов и популярных социальных сетей.

Ключевые слова: молодежный сленг, кинодискурс, социальные сети, язык, интернет-среда.

*Ю.В. Бутузова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
kuznetsova-yuv@rudn.ru*

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВИАДИСКУРСА

Авиационный дискурс и используемый в нем язык необходимо унифицировать с целью минимизации и устранения коммуникативных сбоев. Цель данного исследования – изучить и описать лексические и фразеологические особенности авиационного дискурса. Источником эмпирического материала послужили регламентирующие стандарты ИКАО.

Ключевые слова: авиационный дискурс, фразеология радиообмена, лексические особенности, стандартизация языка.

Английский язык является официально признанным языком авиации как на международном, так и на национальном уровнях. При этом большинство представителей данной индустрии не является носителями английского языка. В этой связи человеческий фактор, в частности, уровень владения языком, иногда приводит к авиационным происшествиям по причине коммуникативных сбоев. Чтобы снизить или контролировать влияние человеческого фактора на вероятность возникновения авиационных происшествий, международные авиационные сообщества и организации разрабатывают стандарты языка авиации [Doc 4444; Doc 8400; Doc 9835; STE].

Язык авиации относится к языку профессионального общения, который отличается не просто совокупностью всех языковых единиц, используемых в профессиональной среде для точной и лаконичной передачи сообщения, но наличием разработанных стандартов, регламентирующих коммуникацию. Важно отметить, что в процесс стандартизации могут вмешаться особенности менталитета, языковой картины мира и лексико-семантические доминанты носителей тех или иных языка и культуры. Поэтому при разработке стандартного языка авиации учитываются компоненты всех уровней языка (фонетического, морфологического, лексического, семантического, синтаксического), а также все элементы, составляющие дискурс. К последним, согласно Степанову Ю.С., относятся «излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Степанов 1995: 44-45].

Во всех сферах к языку профессионального общения и к профессиональной иноязычной компетенции предъявляются разные требования, обусловленные рядом экстралингвистических факторов, к которым относится необходимость выполнения своих обязанностей с использованием иностранного языка. Так, для переводчиков среди прочего важна сформированность словообразовательной компетенции для понимания неологизмов и окказионализмов [Алюнина 2017]. Данная компетенция включает в себя «знание словообразовательных моделей, законов создания и появления слов» [Алюнина 2017: 10], что способствует пониманию и интерпретации окказиональных выражений и неологизмов.

Однако, если рассматривать словообразовательную компетенцию в рамках профессиональной деятельности пилотов, то необходимость в ее формировании и развитии минимальная, если не нулевая. Это обусловлено тем, что специфический характер языка авиационной связи выражается в преобладании заранее установленных и часто употребляемых языковых единиц, чтобы избежать любой вариативности, которая может привести к недопониманию, прямо или косвенно способствующему возникновению происшествий, в некоторых случаях фатальными последствиями.

Требования к использованию языка и соответствующему уровню языковой компетентности пилотов и диспетчеров УВД закреплены в официальных документах Международной организации гражданской авиации.

В рамках каждого уровня профессиональной коммуникации в авиационном дискурсе есть свои языковые особенности. Точность передачи информации обеспечивается за счет ее облачения в определенную оболочку, которая запаковывает объемную смысловую единицу в формально-сжатый языковой знак. Например, для передачи информации о невозможности пилота действовать согласно разрешению или указанию диспетчера используется форма UNABLE [Doc 4444: 12-4], что можно перевести на русский язык как ВЫПОЛНИТЬ НЕ МОГУ, но в общении между пилотом и диспетчером употребляется именно английский термин.

Целью данной работы является аналитический обзор элементов профессиональной коммуникации в авиационном дискурсе на английском языке на уровне лексики и фразеологии.

На лексическом уровне стоит особое внимание уделить терминам и аббревиатурам. Однако, данный уровень не ограничен только двумя представленными составляющими.

Язык радиообмена авиационной связи считается специально закодированным языком, фундаментальной частью которого являются термины. Термин является

словом или словосочетанием, обозначающим определенное понятие в специальной сфере деятельности или области знания [Томашевич, Куприянова, Кузнецова 2020: 83]. Словесные наименования понятий в рамках авиационной коммуникации позволяют специалистам данной сферы лаконично и точно описывать и излагать сложные ситуации и процессы при помощи одного слова: MAYDAY – сигнал бедствия, который на русский язык не переводится. Лексическая компетенция пилотов и диспетчеров напрямую связана с тематикой коммуникации на языке радиообмена. Ситуация общения определяет необходимый словарный запас для пилотов и авиадиспетчеров. Существует определенный перечень предметно-тематических областей и подобластей, ситуации которых описываются утвержденными и стандартизированными терминами. Например, тематическая область *Метеоусловия* включает в себя такие термины, как *попутный ветер (tail wind)* и *боковой ветер (cross wind)*.

Одной из важных характеристик авиадискурса на лексическом уровне является преобладание самостоятельных частей речи над служебными.

В рамках данного исследования было проанализировано 20 фраз из фразеологии радиообмена. Анализ показал, что преобладающее число самостоятельных частей речи остается за существительными и глаголами как на русском, так и английском языках. При общем количестве 75 слов на русском языке 37 % от общего числа составили сущ., 24% – гл., 9% – прил. и 5% – нар. При общем количестве 72 слова на английском языке, 31 % относится к сущ., 25% – гл., 15% – к прил. и 2% – к нар. Среди служебных частей речи самыми распространенными являются предлоги: 16% во фразах на русском языке и 13% – на английском языке. В эмпирическом материале исследования не было обнаружено ни одного артикля и междометия.

Отсутствие артиклей объясняется тем, что их основная функция заключена в конкретизации определенного объекта, однако рассматриваемый нами дискурс ограничивает ее участников в выборе наименований объектов, следуя своей главной философии – одно слово = одно значение [Doc 9835: 3-5]. Цель такого ограничения – избежать недопониманий, которые могут нарушить процесс коммуникации и привести к фатальным ситуациям. Что касается междометий, то в повседневной коммуникации они используются для придания фразе эмоционального окраса, но в авиации эмоции и художественная выразительность высказывания не уместны, поскольку все передаваемые и получаемые сообщения должны быть емкими и четкими. Также отметим, что в авиационном дискурсе употребляются преимущественно односложные предлоги, поскольку они лаконичны и просты в произношении (*down, up, to, at, of*), в отличие от, например, *in accordance with* и *instead of*.

Неотъемлемой частью авиадискурса являются аббревиатуры, которые позволяют избегать громоздких фраз, препятствующих быстрому и эффективному взаимодействию. С помощью аббревиатур возможно передавать большой объем информации за короткий промежуток времени, что в авиации наиболее актуально. Они способствуют экономии лексических средств и времени. Аббревиатуры в авиации можно разделить на две основные группы на основании их структуры и количества компонентов.

На основании структуры традиционно выделяются следующие виды аббревиатур: **1)** буквенные (*PM = Pilot monitoring, SID = Standard instrumental departure*); **2)** буквенно-знаковые (*D = Downward*); **3)** звуковые (*NOTAM = a notice distributed by means telecommunication, ATIS = Automatic terminal information service*); **4)** слоговые (*OPMET = Operational meteorological (information)*) [Doc 8400].

В зависимости от количества компонентов аббревиатуры могут быть монокомпонентными (включают один компонент) и поликомпонентными (включают от 2 до 7 компонентов в изученном материале). Например, аббревиатура *RVSM* (*reduced vertical separation minimum*). По количеству слов данный пример является четырехкомпонентной аббревиатурой. Такого рода сокращения являются очень эффективными для быстрой передачи сообщения в радиоэфире, особенно в момент нештатных ситуаций. Доказательством может служить следующий пример, взятый из стандартной фразеологии радиообмена. В момент турбулентности, если у воздушного судна возникают проблемы с выдерживанием высоты, пилоты передают данную информацию диспетчеру следующей фразой: *Unable RVSM due turbulence = Выдерживать RVSM (не переводится на русский язык) не могу вследствие турбулентности*. В подобных случаях использование аббревиатуры для обозначения высоты значительно экономит время передачи информации. В случае полной расшифровки *RVSM* фраза увеличивается как минимум еще на 4 компонента, что делает ее громоздкой и с фонетической точки зрения потенциально непонятной. Это в свою очередь может привести к недопониманию между пилотом и диспетчером.

Далее рассмотрим фразеологизмы, которые используются в авиационном дискурсе. Начнем с уточнения объема и содержания термина *фразеологизм* применительно к языку авиации. Фразеология – это более широкое понятие, промежуточная область между лексикой и грамматикой, изучающая устойчивые словосочетания. Фразеологизм – это устойчивое несвободное сочетание слов. У фразеологизма лексическое значение имеет не каждое отдельное слово, а все сочетание. За счет своей образности фразеологизмы являются экспрессивным средством языка, что для авиадискурса не является актуальным. Поэтому, когда речь идет о фразеологии радиообмена, подразумеваются не идиомы и крылатые выражения в лингвистическом смысле, а искусственно созданный набор фраз, необходимый с целью обеспечения эффективного, ясного, четкого и недвусмысленного обмена информацией при ведении радиотелефонной связи.

С лингвистической точки зрения фразеология радиообмена характеризуется: ограниченной областью применения (авиация) и количеством участников (двое – пилот и диспетчер); объективностью и лаконичностью предложений вследствие неиспользования личных местоимений, модальных и вспомогательных глаголов, глаголов-связок, артиклей, вопросительных предложений, преобладающим количеством именных дериватов, конструкций повелительного наклонения и усеченного пассивного залога (*напр. Start up approved = Запуск разрешаю*), широким использованием видовременных форм группы Indefinite (*напр. De-icing starts now = начинаем удаление льда*), исключением отрицания с применением частицы *not*. Отрицание в таком случае выражается посредством добавления *no* (*No delay expected*) или добавления префикса *un* (*напр. Unable*).

Рассмотренные в статье особенности лексики и фразеологии являются лишь небольшой частью уникальных характеристик авиационного языка. Главное назначение всех составляющих авиадискурса – сокращение продолжительности коммуникации, ее упорядочение, повышение надежности и качества радиообмена, исключение недопонимания между пилотом и диспетчером. Язык профессионального общения в авиации является в прямом смысле жизненно важным инструментом взаимодействия, который не должен становиться помехой во взаимопонимании с потенциально фатальными последствиями.

Литература

Алюнина Ю.М., Нагель О.В., Комиссарова О.В., Распознавание словообразовательной семантики суффиксальных неологизмов современного английского языка учебными билингвами // *Язык и культура*, 2017. № 39. С. 7-26. DOI 10.17223/19996195/39/1.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности: сб статей // *Язык и наука конца 20 века*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 35-73.

Томашевич С.Б., Куприянова М.Е., Кузнецова Ю.В., Понятие «термин» и «академический термин» в языке // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 8-2. С. 81-86.

Фразеология радиотелефонной связи на английском языке // YouTube URL: <https://youtu.be/07NRyvrFooc?si=UPTSgKum3-8AACFk> (дата обращения: 14.08.2023).

Doc 4444 – Правила аэронавигационного обслуживания, Doc 4444. Организация воздушного движения. М.: ИКАО, 2016, С. 12-3. URL: <https://www.icao.int/EURNAT/Other%20Meetings%20Seminars%20and%20Workshops/FPL%202012%20ICAO%20EUR%20Region%20Plan/Documentation%20related%20to%20FPL%202012%20Amendment/Amendment%201%20Doc4444.RU.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

Doc 8400 – Procedures for Air navigation Services, Doc 8400, ICAO Abbreviations and Codes, International Civil Aviation Organization // ICAO. URL: <https://www.icao.int/NACC/Documents/Meetings/2014/ECARAIM/REF03-ICAOCodes.pdf> (дата обращения: 12.08.2023).

Doc 9835 – Руководство по внедрению требований ИКАО к владению языком, Doc 9835. AN/453 // Международная организация гражданской авиации. URL: <https://standart.aero/en/icao/book/документ-9835-руководство-по-внедрению-требований-икао-к-владению-языком-ру-конс> (дата обращения: 10.08.2023).

STE – Simplified Technical English Specification ASD-STE100 // European Community Trade Mark No. 017966390, International specification for the preparation of technical documentation in a controlled language. 2021. Iss. 8.

*Y.V. Butuzova (Moscow, Russia)
RUDN University*

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL FEATURES OF AVIATION DISCOURSE

The discourse of aviation and its language are necessary to be standardized and unified in order to minimize and eliminate failures in communication. An objective of the study is to conduct the analysis of and describe the features of lexis and phraseology in the language used in aviation. The sources of the empiric material are the regulatory documents of ICAO.

Key words: discourse in aviation, lexical features, R/T phraseology, language standardization.

И.В. Вашунина (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов
Московский государственный лингвистический университет
vashunina@yandex.ru

М.В. Зими́на (Нижегород, Россия)

Нижегородский государственный педагогический университет
имени К. Минина
zimina2312@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ НА РОДНОМ И ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты эксперимента, проведенного с целью исследования разницы в смысловом восприятии англоязычных и русскоязычных вербальных и иллюстрированных текстов. Установлено, что добавление иллюстрации сильнее влияет на восприятие текста на английском языке (по сравнению с текстом на русском языке).

Ключевые слова: поликодовый текст, иллюстрирование текста, экспериментальное исследование, шкалирование.

Статья представляет результаты эксперимента проведенного с целью исследования разницы в смысловом восприятии англоязычных и русскоязычных иллюстрированных текстов. Были решены следующие задачи: организован эксперимент, в ходе которого испытуемые оценивали шесть текстов, результаты обработаны, проведено сопоставление оценок вербальных и иллюстрированных текстов на двух языках, полученные результаты интерпретированы.

Материал исследования – шесть текстов (381 токен). Вербальные тексты взяты с сайта ООН от 16 ноября 2022 г. (английский вариант – [COP 27 2022]; русский вариант – [КС-27 2022]) и сокращены так, что получились тексты, которые могут рассматриваться как перевод в русско-английской паре языков. Текст посвящен проблемам, которые несет изменение климата: деградация окружающей среды и как следствие утрата биоразнообразия, угроза коралловым рифам и популяции белых медведей. Из вербальных текстов было создано четыре креолизованных текста (КТ), по два на каждом языке: в одном из них изображение представляет собой фотографию кораллового рифа с голубой водой и красивыми яркими рыбками (мы условно обозначили это КТ мажорным), во втором иконическая часть – это фотография истощенного умирающего белого медведя на фоне растаявшей земли (условно КТ назван минорным). Ниже в качестве примера приведен вербальный текст на английском языке, в который вставлены и минорная, и мажорная иллюстрации.

Пример креолизованного текста

The UN Environment Programme (UNEP) explains that the loss of biodiversity is already significantly affecting regional and global changes in climate. The loss of forests, the draining of wetlands and other environmental degradation has contributed significantly to climate change.

“If we invest in nature and nature's infrastructure, forests, coral reefs, mangroves, coastal forests, well, it protects us from high storms. It provides habitat for species, but it also stores carbon. So, it has both a mitigation and an adaptation dimension,” Inger Andersen, UNEP Executive Director, told UN News.

The effects of climate change on biodiversity are already visible, especially with many animal species already forced to change migration patterns, plants struggling to adapt to changes in temperature, and of course seriously vulnerable polar bears – the ‘poster animals’ of global warming – starving at the North Pole due to the lack of sea ice in a warming world.

In the ocean, biologists are witnessing another tragedy as coral reefs, which provide food and shelter for over 7,000 other species, are dying because of the warming and acidification of the ocean. Last week, Ellie Goulding led an expedition in the Red Sea, off the coast of Sharm el-Sheikh. “There’s this sheer visual beauty. When you pass through with your mask and witness this brilliant cornucopia of marine life, you feel as if all life is swimming in front of your eyes. And it reminded me that coral covers just a tiny percentage of the sea floor, but it supports a quarter of all known marine species,” she told a panel on Wednesday. Ms. Goulding reminded participants that even at 1.5C degrees of warming, 70 to 90 per cent of all reefs will be lost; this number jumps to a worrying 99 per cent if our planet warms by 2.0 degrees C.

Таким образом, мы получили три пары текстов, которые в каждой паре могут считаться переводными. В качестве метода исследования применялось шкалирование по 15 полярным 7-балльным (от -3 до +3) шкалам.

В Таблице 1 представлены средние оценки текстов по шкалам.

Таблица 1

Средние оценки вербального текста и креолизованных текстов

шкала	1.1	1.2	2.1	2.2	3.1	3.2	шкала
легкий	0,95	0,95	-0,95	-0,2	-0,25	-0,1	тяжелый
слабый	0,95	1,5	1,45	1,1	0,6	1	сильный
плохой	0,65	0,6	1,8	1,45	0,85	1,2	хороший
маленький	-0,5	0,25	-1,5	-0,85	-1,45	-1,05	большой
светлый	0,65	1,1	0,6	0,4	1,05	0,8	темный
пассивный	0,6	1,1	0,1	0,8	1	0,5	активный
противный	-0,4	-0,25	0,15	0,75	-0,9	-0,25	приятный
холодный	-0,7	-0,75	-0,7	-1,2	-1,5	-1,5	горячий
простой	0,7	0,5	-0,55	-0,5	-0,8	-0,15	сложный
расслабленный	1,3	1,25	1,75	1,35	1,8	1,3	напряженный
чужой	-0,4	0,1	-0,2	0,15	-0,3	-0,3	родной
медленный	0,55	0,2	0,9	-0,1	0,55	0,55	быстрый
унылый	-1,35	-0,85	-0,8	-1,05	-1,75	-1,25	жизнерадостный
глупый	1,9	2,1	1,9	1,2	1,45	1,7	умный
спокойный	1,35	1,35	2	0,9	1,8	1,75	тревожный

1.1 – вербальный текст на английском языке; 1.2 – вербальный текст на русском языке; 2.1 – КТ с мажорной иллюстрацией на английском языке; 2.2 – КТ с мажорной иллюстрацией на русском языке; 3.1 – КТ с минорной иллюстрацией на английском языке; 3.2 КТ с минорной иллюстрацией на русском языке).

Начнем с сопоставления оценок текстов на русском и английском языках. По 9 шкалам из 15 наблюдается однонаправленная динамика. Оценки трех текстов на русском языке ниже в абсолютном значении (или для отдельных текстов равны) оценок соответствующих текстов на английском языке по шкалам: *плохой – хороший* (и в реальном значении также), *холодный – горячий*, *расслабленный – напряженный* (и в реальном значении также), *медленный – быстрый*, *спокойный – тревожный* (и в реальном значении тоже). Сопоставление абсолютного значения означает, что если, например, текст оценивается как *холодный*, то английским текст воспринимается как более холодный (со знаком -), чем русский, а если как *напряженный*, то английский текст более напряженный (со знаком +). Т.е., по этим шкалам использование иностранного языка интенсифицирует восприятие соответствующих аспектов содержания текста.

Все тексты оценивались испытуемыми (студентами Нижегородского государственного педагогического университета) в количестве 25 человек на каждый текст. Студенты являлись носителями русского языка, английский язык они изучают как специальность, уровень владения В2.

Оценки русского текста всегда выше (в отдельных случаях такие же), чем английского текста, по шкалам: *легкий – тяжелый*, *маленький – большой*, *противный – приятный*, *чужой – родной*. Здесь речь идет о реальном значении, т.е., если текст воспринимается как *легкий* (отрицательный полюс шкалы), то русский текст будет менее *легкий*, а если как *приятный* (положительный полюс шкалы), то русский текст более *приятный*. По шкалам *маленький – большой* и *чужой – родной* оцениваются объективные качества текстов: русский текст более *большой* и более *родной* (этой действие конструктивного механизма [Креолизированный текст 2020]), а также более *приятный*, вероятно, за счет понятности (экспрессивный механизм [там же]). Вероятно, тот же экспрессивный механизм действует и при оценке по шкале *тяжелый – легкий*: английский текст меньше по объему, он *легче*.

Также рассмотрим случаи разной по знаку оценки по шкалам одинаковых тестов на двух языках. КТ с мажорной иллюстрацией в 12 случаях из 15 оценивается в абсолютном значении ниже на русском языке, чем на английском. При оценке КТ с минорной иллюстрацией также только в трех случаях из 15 русский текст оценивается выше, в 9 случаях ниже, и в 3 случаях одинаково. В случае с чисто вербальным текстом такого не наблюдается. Мы подсчитали среднее арифметическое абсолютных оценок шести текстов. Усредненная абсолютная оценка вербальных текстов на русском и на английском языке одинаковая (0,86), т.е. конкретный язык не влияет на восприятие интенсивности качества (это утверждение действительно только как обобщение, в действительности по шкалам оценки различаются). Добавление иллюстрации сильнее влияет на смысловое восприятие текста на английском языке, чем на русском, интенсифицируя восприятие параметров текста. Наиболее значительно воздействие минорной иллюстрации в сочетании с текстом на английском языке (оценка 1,28). Наименее значительно – воздействие мажорной иллюстрации в сочетании с текстом на русском языке (оценка 0,89).

Полученные данные могут получить следующую интерпретацию. При восприятии текста на английском языке иллюстрирование сильнее влияет на

восприятие текста, т.к. образы сознания, возникающие у читателя при восприятии текста на иностранном языке, сформированы слабее, чем образы сознания, стоящие за русскими единицами. Особенно видно это на примере разницы в оценках вербального (исходного) текста на английском языке и КТ с минорной иллюстрацией на английском языке. КТ с минорной иллюстрацией (имеющей, на наш взгляд, наибольший воздейственный потенциал – на ней изображено умирающее от голода животное) оценивается почти в полтора раза выше в абсолютном значении, чем вербальный текст. Иллюстрирование относительно слабо влияет на восприятие интенсивности характеристик русского текста. При добавлении мажорной иллюстрации (разноцветных рыбок) интенсивность оценки русского текста ослабевает, т.к. эмоционально-смысловая доминанта иллюстрации и текста практически противоположны. При добавлении мажорной иллюстрации к английскому тексту происходит повышение абсолютных оценок, т.е. на восприятие сильнее влияет яркая иллюстрация.

Литература

Креолизованный текст: Смысловое восприятие: коллективная монография / ред. И.В. Вашунина. М.: Институт языкознания РАН, 2020.

КС-27: защита биоразнообразия спасет Парижское соглашение. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1434857> (дата обращения 12.04.2023).

COP 27: Protecting biodiversity is protecting the Paris agreement. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/11/1130677> (дата обращения 12.04.2023).

I.V. Vashunina (Moscow, Russia)

RUDN University

Moscow State Linguistic University

M.V. Zimina (Nizhny Novgorod, Russia)

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin

PECULIARITIES OF PERCEPTION OF POLYCODE TEXTS IN NATIVE AND FOREIGN LANGUAGES

The article presents the results of an experiment conducted to study the difference in the semantic perception of English and Russian-language verbal and illustrated texts. It was found that the addition of an illustration has a stronger effect on the perception of the text in English (compared to the text in Russian).

Key words: polycode text, text illustration, experimental study, scaling.

*В.Е. Владимирова (Томск, Россия)
НИ Томский государственный университет
picture_perfect@mail.ru*

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА БИЛИНГВАМИ¹

В статье представлены результаты исследования, посвященного когнитивной обработке грамматического рода в русском языке билингвами, в родном языке которых грамматическая категория рода отсутствует. Проведен поведенческий эксперимент с задачей на лексическое решение. Влияние билингвизма подтвердилось, результаты нашего исследования соотносятся с выводами, полученными в мировых исследованиях.

Ключевые слова: грамматический род, психолингвистика, эксперимент на время реакции, лексическое решение, билингвизм.

В современной когнитивной психолингвистике изучение билингвизма является актуальной и активно пополняющейся новыми данными областью исследований. Доказано, что языки, на которых говорят билингвы, взаимодействуют друг с другом вне зависимости от активности их использования [Hoshino, Kroll 2008: 502]. Проблема билингвизма тесно связана с проблемой ментального лексикона билингва, в рамках которой рассматривается место эквивалентных концептов в сознании билингва. Особое место в лингвистике также занимает изучение гендера, под которым понимаются социальные роли и стереотипы, подразделяющие общество на «мужское» и «женское» [Пушкарева 1999: 32], в языке: исследуются взаимосвязи между гендером и языком в речевых актах [Кирилина 1999, Земская 1993] и варианты воплощения гендера в языковых структурах [Voroditsky 2003]. Гендерные отношения в языках грамматикализуются по-разному [Corbett 2013], что мотивирует исследователей билингвизма изучить влияние грамматических структур одного из языков билингвов на другой [Voroditsky 2003: 75-77; Резанова, Ершова 2017: 106] и др.

Гипотеза нашего исследования: при обработке существительных русского языка, противопоставленных по роду, билингвами, в родных языках которых нет категории рода, проявится влияние фактора билингвизма. Языковая интерференция отразится в разных тенденциях обработки слов носителями русского как родного и билингвами. Это различие может проявиться в разной активации грамматических формальных особенностей рода и когнитивных, социокультурно обусловленных факторов, а именно гендерных стереотипов.

Нами изучается когнитивная обработка слов узбекско-русскими и китайско-русскими билингвами, в структурах которых нет грамматической категории рода. Мы привлекаем билингвов, родной язык которых функционально доминирует, второй русский язык используется для обучения или работы. В качестве контрольной группы привлекаются носители русского языка как родного. Нам интересен данный случай, поскольку, ввиду отсутствия грамматической категории рода в родном языке (узбекском или китайском), при усвоении второго языка в сознании билингва появляется новая парадигма, лакунарная в родном языке.

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Современной гендерной лингвистикой доказано, что в обществе сохраняются гендерные роли и стереотипы, закрепленные ассоциативно. На этом основании слова могут соотноситься с мужским или женским началом (например, чувство – женская соотнесенность, дело – мужская соотнесенность). По результатам предварительного тестирования мы выделили две группы слов, противопоставленных по данному параметру. В дизайн также был введен визуальный прайм мужского и женского лица для актуализации семантических стратегий когнитивной обработки (указание на референта).

Дизайн нашего эксперимента представлял собой сочетание трех независимых переменных:

1. Грамматическое значение рода слова с тремя уровнями: мужской, женский, средний.
2. Ассоциативная соотнесенность денотата с двумя уровнями: мужская, женская.
3. Праймирующий портрет с двумя уровнями: мужское, женское.

Эксперимент проводился на платформе *cognition.run* с использованием программного продукта *JSpsych*, JS version 7.3.1. В качестве экспериментальной задачи была выбрана задача на лексическое решение (*lexical decision task*).

Участники

В качестве участников мы привлекли две исследуемые группы. В экспериментальной сессии приняли участие 36 носителей русского языка как родного (10 мужчин, средний возраст – 22 года, $SD = 2,8$), а также 23 билингва (6 мужчин, средний возраст – 26 лет, $SD = 5$). Для всех участников билингвальной группы русский язык является вторым или третьим языком, языком обучения. Уровень владения русским языком по субъективным оценкам варьируется между средним и высоким (B1–C1).

Материал

В качестве целевых стимулов были отобраны 126 неодушевленных имен существительных (44 имени женского рода, 40 – мужского, 42 – среднего). Для того, чтобы избежать влияния других психолингвистически значимых факторов на скорость обработки, все стимулы контролировались по длине (послоговой и побуквенной, $p > 0,05$), а также по фактору частотности употребления (*ipm*, НКРЯ, $p > 0,05$).

Результаты и обсуждение

Всего нами собрано 3899 наблюдений в группе носителей русского языка как родного и 2218 наблюдений в группе билингвов. Статистический анализ показал, что билингвы значительно дольше обрабатывают стимулы, чем носители русского языка как родного ($p < 0,01$, критерий Краскела – Уоллиса с поправкой Бонферрони). Не было выявлено влияния структурно-языкового фактора на обработку языковых единиц ни в одной из групп участников ($p > 0,1$, критерий Краскела – Уоллиса с поправкой Бонферрони). Отмечен эффект ассоциативной соотнесенности по скорости обработки слов билингвами ($p < 0,01$, критерий Манна – Уитни): лексические единицы, соотнесенные с женским началом, обрабатываются быстрее. При обработке слов группой носителей русского языка как родного данный эффект оказывается пограничным ($p = 0,09$, критерий Манна – Уитни). Праймирование также повлияло на обработку слов билингвами: при обработке слов, соотнесенных с мужским началом, следующих за портретом мужского лица, скорость обработки увеличивается по

сравнению с обработкой слов, соотнесенных с женским началом в тех же условиях ($p < 0,01$, нормализованная выборка, апостериорный анализ Тьюки).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что при когнитивной обработке слов, противопоставленных по роду, билингвы оказываются чувствительнее к социально-обусловленным факторам. Это свидетельствует как об усвоении гендерных стереотипов и построении новых когнитивных связей, так и о более тесной гендерной соотнесенности с денотатом при усвоении второго русского языка.

В перспективах исследования предполагается введение таких факторов, как субъективная частотность и знакомость и предварительно выявленная ассоциативная соотнесенность с гендерно противопоставленным началом. Введение этих факторов поможет, с одной стороны, выявить характер гендерных стереотипов в сознании билингвов и соотнести их со стереотипами, полученными по оценкам носителей русского языка как родного, с другой стороны, мы сможем проанализировать влияние субъективной частотности на обработку стимулов.

Литература

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1993. С. 90-136.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999.

Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 15-34.

Резанова З.И., Еришова Е.Ю. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 104-124. DOI: 10.17223/19986645/50/7.

Boroditsky L., Schmidt L.A., Phillips W. Sex, syntax, and semantics // *Language in mind: Advances in the study of language and thought.* 2003. P. 61-79.

Corbett G.G. Number of Genders. // *The World Atlas of Language Structures Online.* Leipzig: MaxPlanckInstitute for Evolutionary Anthropology. 2013. Chapter 30.

Hoshino, N., & Kroll, J. F. Cognate effects in picture naming: Does cross-language activation survive a change of script? // *Cognition.* 2008. 106. P. 501-511.

V.E. Vladimirova (Tomsk, Russia)
SR Tomsk State University

COGNITIVE BILINGUAL PROCESSING OF THE GRAMMATICAL GENDER OF RUSSIAN NOUNS¹

The article presents the results of the study devoted to the cognitive processing of grammatical gender in Russian by bilinguals whose native language does not have the grammatical category of gender. The behavioral experiment with a lexical decision task was conducted. The influence of bilingualism was confirmed, the results of our study correlate with the findings obtained in world studies.

Key words: grammatical gender, psycholinguistics, reaction time experiment, lexical decision task, bilingualism.

¹ This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority 2030).

*А.Ф. Гарифуллин (Казань, Россия)
Казанский федеральный университет
airat.garifullin98@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В настоящей статье рассматривается специфика использования коммуникативно-когнитивного подхода для развития англоязычной коммуникативной компетенции на занятиях в условиях вуза. Также рассматриваются основные требования к учебной коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: коммуникативно-когнитивный подход, коммуникативная ситуация, речевой акт, когнитивная деятельность, иноязычная картина мира.

В настоящий момент в реалиях высшей школы применяются различные подходы к обучению иностранным языкам в целом, и английскому языку в частности, однако наиболее актуальными являются коммуникативный и коммуникативно-когнитивный подходы.

Ключевой целью коммуникативного подхода в обучении иностранному языку является формирование у обучающихся вторичной языковой личности, готовой участвовать в диалоге культур. Ключевыми особенностями коммуникативного подхода являются: акцент на развитие у обучающихся четырех видов речевой деятельности (говорения, письма, аудирования и чтения); реализация основных функций общения (познавательной, ценностно-ориентировочной и т.д.); накопление обучающимися субъективного опыта по использованию иностранного языка, способствующего формированию языковой, речевой, социокультурной, компенсаторной, а также универсальной компетенций. Данный подход зарекомендовал себя как наиболее актуальный, поскольку он стимулирует обучающихся транслировать личный жизненный опыт на ситуации учебной коммуникации, а также актуализирует навык спонтанной речи.

В свою очередь, когнитивный подход в обучении иностранным языкам берет начало в когнитивной лингвистике, рассматривающей соотношения языка и сознания. Центральными понятиями данной дисциплины являются: язык в его непосредственной связи с такими понятиями как память, внимание, опыт, процесс мышления, восприятие и интерпретация [Шапочкин 2019: 18]. Говоря о языке как о стержневом понятии когнитивной лингвистики необходимо уточнить, что, например, Г. Харман приравнивает изучение языка и изучение познания, отмечая, что язык является главным средством вербализации концептов. В свою очередь, А.И. Кибрик отмечает, что язык стоит рассматривать не только как средство хранения знаний и опыта, но и как средство обмена информацией. Следовательно, язык рассматривается как отдельный когнитивный процесс концептуализации различных явлений окружающей действительности, а также как механизм осуществления коммуникации [Шапочкин 2019: 26]. Также, одной и отличительных особенностей данной дисциплины является акцент на отношения говорящего и слушающего в отношении кодирования, декодирования, трансформации и перцепции информации, что в определенной степени сближает ее с теорией речевых актов.

Сущность когнитивного подхода в обучении заключается в направленности процесса обучения на решение таких проблем как перцепция, хранение и оперирование

информацией [Кубрякова 1994: 8]. Задачами когнитивного подхода в области методики обучения иностранному языку являются наиболее эффективное использование когнитивных структур обучающихся, выработка стратегий по использованию полученной ими информации в различных контекстах, создание подходящих условий для наиболее продуктивного развития когнитивных структур обучающихся, учет индивидуальных когнитивных особенностей, вариативность стратегий по усвоению и актуализации информации, обращение к личному опыту обучающихся и, наконец, осуществление коммуникации не только в рамках учебного контекста, и обращения к привычным стратегиям речевого поведения, но и учета различных когнитивных (ментальных, психологических) особенностей собеседника.

В настоящее время прослеживается тенденция к синтезу коммуникативного и когнитивного подходов, т.к. оба подхода уделяют особое внимание коммуникативной деятельности, личному опыту обучающихся, а также направлены на развитие их языкового сознания и формирование второй языковой личности. Таким образом мы можем говорить о коммуникативно-когнитивном подходе.

Говоря о ключевых особенностях данного подхода, необходимо обозначить, что в его рамках учитывается факт одновременного развития коммуникативной компетенции с поэтапным формированием и развитием второго языкового сознания личности. Например, во время развития навыков говорения происходит не только актуализация лексико-грамматического материала и различных речевых клише, но и формирование таких когнитивных процессов как перцепция, обработка, интерпретирование, трансформация и порождение иноязычной речи. В этой связи отметим, что когнитивная деятельность личности осуществляется в определенном привычном культурном контексте, тогда как для формирования второй языковой личности, необходимо развитие когнитивных процессов, присущих культуре изучаемого языка [Халеева 1989: 161]. Другими словами, применение данного подхода актуализирует потребность интегрирования обучающихся в иноязычную картину мира не только на лингвистическом и лингвокультурном уровнях, но и на лингвокогнитивном.

В рамках данного подхода также необходимо обратить особое внимание на построение такой системы, которая повлияет на активизацию познавательной деятельности, будет стимулировать обучающихся к применению различных эффективных стратегий изучения иностранного языка, а также обеспечит полноценное становление в сознании ассоциативно-вербальной сети, присущей представителям культуры изучаемого языка [Пономарева 2021: 121].

Одной из наиболее актуальных методик коммуникативно-когнитивного подхода является метод моделирования учебных коммуникативных ситуаций – тематически обусловленных, ограниченных по времени речевых актов, порождаемых обучающимися и проводимых под непосредственным контролем преподавателя. К коммуникативным ситуациям установлен ряд требований: ориентация на естественную коммуникацию, включение изучаемого лексико-грамматического материала, схожий уровень осведомленности участников коммуникации о каком-либо рассматриваемом явлении, достаточный личный опыт коммуникантов, позволяющий верно интерпретировать собеседника, а также достаточный уровень знания о принципах кодирования и декодирования информации.

Так, при моделировании коммуникативных ситуаций на занятиях по английскому языку в высшей школе, необходимо интегрировать симулируемый речевой акт обучающихся в определенный контекст, уточняя ряд экстралингвистических факторов,

таких как предполагаемое время и место общения, обозначая отношения между говорящим и слушающим, а также обговаривая вероятные предпосылки и последствия речевого акта. Стоит отдельно отметить, что необходимо учитывать не только прагматические аспекты коммуникативной ситуации, но и выдвигать дополнительные требования, способствующих развитию мышления на английском языке [Бороздина 2015: 32]. Таким образом, необходимо учитывать, что в процессе моделирования учебной коммуникативной ситуации, ее участники проводят анализ не только лексических единиц и грамматических структур, но и целостный анализ речевого поведения автора высказывания или собеседника, определяя, его интенцию, тип дискурса, стилистические особенности и семантическую структуру высказывания.

Так, например, моделируя типичную коммуникативную ситуацию по теме “Travelling” – диалог на улице с целью узнать, как пройти к какой-либо достопримечательности, необходимо не только довести до сведения обучающихся базовые формулы вежливости, такие как, например, “**Could you please...**”, “**Sorry to bother you**”, “**I hope I’m not interrupting...**”, но и обозначить семантические особенности их употребления и интерпретации. Так, например, аналогом русской фразы «**Не подскажете, как пройти...**» может выступать сразу несколько речевых клише на английском языке – “**Could you tell me how I get to...**” [enTenTen20], “**I wonder, could you direct me to...**” [enTenTen20], “**Sorry to bother you, can you tell me the way to...**” [enTenTen20]. Использование данных клише вариативно, однако каждое может быть по-разному интерпретировано, необходимо отдельно рассмотреть особенности их употребления с обучающимися.

Создавая условия, важно обозначить экстралингвистический контекст, предложив обучающимся указать время и место речевого акта, обозначить роли, потенциальные проблемы, а также предполагаемые последствия искомого речевого акта. Более того, необходимо продемонстрировать обучающимся примеры подобных речевых актов. Важно обратить внимание обучающихся на прагматические особенности высказывания, на особенности применения речевых стратегий участниками коммуникации, а также необходимо обозначить ценность интеграции личного жизненного опыта.

Таким образом мы поместим обучающихся в контекст иноязычной культуры, продемонстрируем типичное использование лексико-грамматических единиц, а также получим возможность проанализировать когнитивные особенности представителей культуры изучаемого языка.

Итак, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что на данный момент наиболее актуальным подходом в обучении иностранному языку в целом и английскому языку, в частности, является коммуникативно-когнитивный подход, рассматривающий изучение иностранного языка как средство овладения коммуникативной компетенцией, так и средство развития когнитивной структуры личности.

Литература

Бороздина И.С. Реляционный речевой акт как феномен лингвокультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. Вып. 98. С. 30-35.

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // М.: Изд-во РАН. Сер. Литературы и языка. 1994. Т. 54. С. 3-15.

Пономарева А.В. Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов // Вестник Финансового университета. 2021. №11. С. 120-124.

Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков. М.: Высшая школа, 1989.

Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2018.

*A.F. Garifullin (Kazan, Russia)
Kazan Federal University*

PECULIARITIES OF APPLICATION OF COMMUNICATIVE-COGNITIVE APPROACH IN ENGLISH LANGUAGE CLASSES

This article reviews the specifics of using the communicative-cognitive approach for the development of English-language communicative competence in university classes. It also considers the main requirements of the communicative situation.

Key words: communicative-cognitive approach, communicative situation, speech act, cognitive activity, foreign language picture of the world.

*О.В. Глухова (Ростов-на-Дону, Россия)
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
olga_glukhova_@mail.ru*

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В работе приводится обзор современных тенденций в области когнитивной лингвистики, полученный в ходе анализа исследований, опубликованных в журналах в период с 2020 по 2022 гг. Библиометрический анализ англоязычной литературы позволил выявить следующие тенденции: рост интереса к кросс-языковым изысканиям; стремление получить целостную картину влияния билингвизма на когнитивные феномены; необходимость построить интегральную теорию взаимосвязи языка и перцептивных процессов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, культура, перцепция, познание, билингвизм, когнитивные процессы.

Когнитивная лингвистика, как неотъемлемая часть когнитивной науки призвана решать проблемы взаимосвязи и взаимодействия когнитивных и языковых механизмов. При этом роль языка в этом взаимодействии оказывается различной в зависимости от господствующего философского и научно-методологического контекста, имеющего место в тот или иной промежуток времени. Так, на заре когнитивной науки считалось, что язык не оказывает какого-либо существенного влияния на когнитивные процессы, а служит для обеспечения коммуникации и выражения мысли [Chomsky 1973]. Классическая когнитивная наука отводит языку более значимую роль в когнитивных процессах и отмечает невозможность существования полноценного мышления без языка, однако язык представляется в данной теории лишь внешним модулем, задача которого состоит в выражении мыслительных концептов в целях коммуникации [Fodor 1975; 1983; 2008].

Другая парадигма в когнитивной лингвистике – так называемый посткогнитивизм – связана с работами Дж. Лакофа и М. Джонсона, которые указывают на существенную роль языка в процессе категоризации опыта, а также телесности и социокультурного опыта в формировании когнитивных способностей. В этот период происходит внедрение новых технологий (айтрекинг), приборов (МРТ, ЭЭГ) и методов

(компьютерный анализ, неинвазивная стимуляция мозга) взаимосвязи языка и мышления открываются возможности для исследования процессов концептуализации и категоризации средствами языка.

В конце XX – начале XXI в. в когнитивной науке, преимущественно в психолингвистике и когнитивной антропологии (лингвокультурологии в отечественной традиции), складывается неорелятивистское направление [Бородай 2020: 202], которое с учетом новых теоретических и эмпирических данных полученных, в ходе большого количества экспериментов, стремится переосмыслить идеи Э. Сепира и Б. Уорфа и ставит целью изучение когнитивных различий обусловленных языком. Анализ работ [там же], выполненных исследователями в этом направлении, позволяет сделать вывод, что ответ на вопрос о влиянии языка на когнитивные процессы не может быть однозначным «да» или «нет», но требует уточнения границ между языком и культурой, конкретизации терминов «когнитивный процесс», «мышление» и «влияние».

Ключевым вопросом современной когнитивной лингвистики становится вопрос о месте языка в структуре познания в определенном социокультурном контексте. С этой точки зрения анализу должно подвергаться отдельно каждое языковое сообщество, «поскольку роль языка может быть лингвоспецифичной и культурноспецифичной» [Бородай 2020: 406]. Возникает вопрос: характеризуется ли современная когнитивная лингвистика возрождением интереса к лингвоспецифичности и каковы основные проблемы, находящиеся в ее фокусе?

Для выявления тенденции развития научных исследований и идентификации наиболее значимых научных работ, которые могут иметь большую научную ценность и оказать влияние на развитие когнитивной лингвистики нами было проведено библиометрическое исследование публикаций в таких журналах как: *Cognition; Trends in Cognitive Sciences; Cognitive Sciences; Journal of Child Language; Journal of Pragmatics; Journal of Cultural Cognitive Science; Topics in Cognitive Science* и др.

Всего было проанализировано порядка 1300 статей за 2020-2022 гг., из которых было отобрано 76 исследований в соответствии со следующими критериями: весомые (в той или иной степени) показатели цитирования (от 10 и выше); наличие в названиях, аннотациях и ключевых словах таких лексических единиц как: *language, linguistics, semantics, cognitive linguistics, metaphor, conceptual metaphor*. На следующем этапе отобранные статьи были классифицированы в соответствии с годом публикации и количеством цитирований (таблица 1).

Таблица 1

Распределение публикаций по годам и количеству цитирований

Количество цитирований	10 - 20	20 - 50	50 - 100	> 100	Итого
2020	18	6	7	3	34
2021	10	9	8	1	29
2022	8	5	4	0	17
Итого	36	20	19	4	

Далее ключевые слова всех отобранных публикаций были проанализированы с помощью сервиса Free Word Cloud Generator. При формировании «облака», с целью получения более наглядных результатов, из списка ключевых слов намеренно были исключены такие лексические единицы как *language, linguistic* (рис. 1).

Рис. 1. Наиболее частотные ключевые слова в публикациях 2020-2022 гг. с количеством цитирований 10-150 (сгенерировано при помощи <https://www.freewordcloudgenerator.com>)

Наиболее частотными (обозначены более крупным шрифтом) оказываются ключевые слова *human*, *bilingualism*, *perception*, *speech*, *learning*, *theory*, что свидетельствует об интересе исследователей к таким проблемам когнитивной лингвистики как когнитивные механизмы и особенности восприятия человеком окружающего мира, проблемы билингвизма и его роли в познании, обучение с учетом достижений когнитивной науки, а также дальнейшая разработка и уточнение теоретических положений когнитивной науки в целом. Рассмотрим основные тенденции в изучении описанных выше областей когнитивной лингвистики.

В исследованиях последних лет отмечается, что билингвизм формирует особый когнитивный стиль, который обусловлен особенностями концептуализации обоих языков и зависит от различных факторов [Бородай 2020: 392]. В исследовании [Beatty-Martínez 2020] в качестве такого фактора предлагается рассматривать языковую среду и социальный контекст использования L1 или L2. Авторы утверждают, что в зависимости от того, в каких условиях используются языки (использование языков в разных социальных контекстах при отсутствии опыта немедленного переключения языков: L2 – работа, учеба, L1 – дом; свободное использование языков на выбор и опыт переключения; ввиду релокации в языковую среду L2 ограничена возможность использования L1, но имеется опыт переключения) билингвы по-разному контролируют вербальное поведение. В работе [Del Maschio N. et al. 2022] исследуется влияние двуязычия на особенности принятия решений в зависимости от длительности, уровня владения иностранным языком и типа решаемой задачи, ее модальности и контекста. Билингвизм также влияет, как отмечают [Iannuccilli et al 2021], на аксиологическую картину мира и делает детей-билингвов более снисходительными к нарушению социальных и моральных норм.

Особый интерес для исследователей последних лет представляют проблемы взаимоотношения языка и перцепции. В обзорной статье [Zacks 2021] описывается феномен событийного познания с теоретической, практической, методологической точек зрения и на основе анализа работ, выполненных с привлечением статистических или нейрофизиологических методов, выделяется два направления исследований в этой области: а) мультимодальность репрезентации восприятия и действия; б) осмысление темпоральных характеристик событий. Другие вопросы, которыми задаются ученые, изучающие взаимосвязь перцепции и языка, формулируются следующим образом: какова связь между овладением языком и развитием перцептивных способностей; влияет ли номинативная система языка на процессы распознавания и фокус внимания; какие виды межъязыковых различий приводят к наиболее достоверным различиям в

восприятию их носителей; существуют ли определенные типы языковых единиц или конкретные грамматические конструкции, в значительной степени влияющие на восприятие этих же единиц или конструкций т.д. Несмотря на то, что ответы на большинство вопросов еще не найдены, уже сейчас ученые утверждают [Lupyan et al 2020], что язык оказывает определенное влияние на такие базисные перцептивные операции как различение и обнаружение.

Еще одной важной тенденцией, которая прослеживается в ряде особенно популярных работ – озабоченность преобладанием исследований когнитивных особенностей носителей английского языка и использование их в качестве эталона при сопоставлении с когнитивными особенностями носителей других языков, что приводит к преуменьшению роли языка в познании [Blasi 2022; Barrett 2020]. Изучение всего языкового разнообразия с позиций когнитивной лингвистики открывает возможности увидеть безграничные вариации когнитивных возможностей мозга [Blasi 2022, 1165], и хотя анализ работ с 2010 по 2020 показал существенный сдвиг в этом направлении [Barrett 2020], остается еще порядка 40 процентов языков, неохваченных когнитивными исследованиями [Blasi 2022: 1165].

Таким образом, в когнитивной лингвистике последних лет обнаруживаются тенденции роста исследований, в центре внимания которых находятся проблемы взаимосвязи памяти и восприятия событий, билингвизма и познания, влияния языка на восприятие, а также вопросы проведения кросс-культурных исследований для построения объективной интегральной теории когнитивной науки, в которой не последнюю роль может сыграть принцип релятивизма.

Литература

- Бородай С.Ю.* Язык и познание: Введение в пострелятивизм / ред. В.А. Лекторский, А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2020.
- Barrett H.C.* Towards a cognitive science of the human: cross-cultural approaches and their urgency // Trends in cognitive sciences. 2020. Т. 24. № 8. P. 620-638.
- Beatty-Martínez A.L., Navarro-Torres C.A., Dussias P.E., Bajo M.T., Guzzardo Tamargo R.E., Kroll J.F.* Interactional context mediates the consequences of bilingualism for language and cognition // Journal of Experimental Psychology. 2020. Vol. 46. № 6.
- Blasi D.E., Henrich J., Adamou E., Kemmerer D., Majid A.* Over-reliance on English hinders cognitive science // Trends in Cognitive Sciences. 2022. Vol. 26. № 12. P. 1153-1170.
- Chomsky N.* Introduction // Schaff A. Language and Cognition. NY: McGraw-Hill Book Company, 1973.
- Del Maschio N. et al.* Decision-making depends on language: A meta-analysis of the Foreign Language Effect // Bilingualism: Language and Cognition. 2022. Vol. 25. № 4. P. 617-630.
- Iannuccilli M., Dunfield K.A., Byers-Heinlein K.* Bilingual children judge moral, social, and language violations as less transgressive than monolingual children // Journal of Experimental Child Psychology. 2021. Т. 208. P. 105-130.
- Fodor J.* The language of thought. NY: Harvester Press, 1975.
- Fodor J.* The modularity of mind: An essay on faculty psychology. London: MIT Press, 1983.
- Fodor J.* The language of thought revisited. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Free Word Cloud Generator.* URL: <https://www.freewordcloudgenerator.com/generatewordcloud> (дата обращения: 28.08.2023)
- Lupyan G., Rahman R.A., Boroditsky L., Clark A.* Effects of Language on Visual Perception // Trends in Cognitive Sciences. 2020. Vol. 24. № 11. P. 930-944. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.08.005>.
- Zacks J.M.* Event perception and memory // Annual Review of Psychology. 2021. Т. 71. P. 165-191.

*O.V. Glukhova (Rostov-on-Don, Russia)
Rostov State University of Economics (RINH)*

COGNITIVE LINGUISTICS: CURRENT TRENDS

The paper provides an overview of current trends in the field of cognitive linguistics, by means of journal articles research. The bibliometric analysis of English-language papers published in 2020 – 2022 revealed the following trends: the growing interest in cross-language research; attempts to explain the influence of bilingualism on cognitive phenomena; the need to hypothesize an integral theory of language and perceptual processes relationship.

Key words: cognitive linguistics, culture, perception, cognition, bilingualism, cognitive processes.

*A.B. Горбачева (Москва, Россия)
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
avgorbacheva@pushkin.institute*

ОБ ИНДЕКСАЛЬНОСТИ ЗНАКОВ В ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ¹

В статье представлены результаты экспериментального психолингвистического исследования, посвященного изучению механизмов интерпретации поликодовых текстов судебными лингвистами и людьми без экспертных компетенций. Излагается и иллюстрируется идея индексальности как функции знака в поликодовом тексте, определяющей направление интерпретации в условиях недостатка дискурсивного знания.

Ключевые слова: индекс, поликодовый текст, интерпретация, судебная лингвистическая экспертиза, экстремизм.

Введение

Интерпретация знаков и их совокупности в поликодовых и мультимодальных текстах остается актуальной темой исследований в области семиотики, лингвистики и когнитивных наук. В практическом поле эта проблема остро стоит перед судебными лингвистами, оценивающими поликодовые и мультимодальные материалы: демотиваторы, мемы, страницы пользователей и сообществ в социальных сетях и т.д. – это наиболее частотные объекты судебной лингвистической экспертизы, однако в России до сих пор не существует полноценных методик, адаптированных для этих целей.

Материалы и методы

В рамках изучения восприятия и понимания поликодовых текстов было проведено экспериментальное психолингвистическое исследование того, как судебные эксперты-лингвисты и люди без экспертных компетенций декодируют и интерпретируют текстово-изобразительные материалы конфликтной направленности. В исследовании приняли участие три группы респондентов (n = 86) с различной степенью знаний об экстремистском дискурсе: (1) 29 судебных лингвистов, (2) 22 хорошо информированных и (3) 34 плохо информированных респондентов, не обладающих экспертными знаниями. Респондентам предъявлялись 42 стимула,

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания FZNM-2020-0005 «Трансформация когнитивной и коммуникативной деятельности человека в условиях современной информационной среды».

содержащих письменное высказывание и статическое изображение; в половине из них содержалось экстремистское сообщение. Стимульные тексты были квалифицированы на наличие экстремистского сообщения опытными экспертами-лингвистами, а полученные оценки – проверены при помощи индекса сходимости. Участники были письменно проинформированы о научной цели эксперимента и возможном содержании стимулов.

В первой части эксперимента респонденты в произвольном порядке просматривали стимулы, определяли, содержит ли стимул экстремистское сообщение («да», «нет» или «не уверен/сомневаюсь»), а затем устно истолковывали сообщение. Во второй части респонденты вновь рассматривали стимулы на предмет семантической взаимосвязанности изображения и письменного текста. Обнаруживаемые взаимосвязи предлагалось отметить маркером и устно объяснить. Комментарии респондентов записывались на диктофон и впоследствии дословно расшифровывались. В дальнейшем с опорой на размеченные взаимосвязи методом компонентного анализа анализировалась их семантика.

Результаты и обсуждение

По полученным данным, эксперты дали большее число корректных ответов по сравнению с респондентами без экспертных компетенций, меньше всех допустили ошибок, а также реже всех сомневались в оценке текстов (таблица 1).

Таблица 1

Ответы респондентов

Стимулы	Группа	Доля корректных ответов, %	Доля некорректных ответов, %	Доля ответов «не уверен/сомневаюсь», %
Контрольные стимулы	Эксперты	83,77±0,15	9,21±0,06	7,02±0,08
	Хорошо информированные неэксперты	67,17±0,17	17,74±0,09	15,09±0,11
	Мало информированные неэксперты	57,39±0,22	14,08±0,09	28,52±0,16
Экстремистские стимулы	Эксперты	72,37±0,24	16,9±0,2	10,74±0,09
	Хорошо информированные неэксперты	64,4±0,22	23,17±0,17	12,44±0,11
	Мало информированные неэксперты	58,35±0,23	17,49±0,13	24,17±0,19

Тем не менее у абсолютного большинства респондентов были выявлены как ложноотрицательные, так и ложноположительные оценки стимулов на наличие экстремистского сообщения. Было обнаружено, что некорректные ответы имели место, когда респонденты, чтобы целостно интерпретировать стимул, предпринимали попытки толкования неизвестных знаков. Если респондент понимал значения окружающих знаков, то использовал последние как указатели на систему значений, в которой возможно частично либо полностью восстановить семантику неизвестного знака. Таким образом, в ситуации информационной недостаточности участники эксперимента действовали на основании присущих тексту когезии и когерентности, которые выражаются на уровне значений и форм знака в семантическом [Гак 1998: 280] и грамматическом [Апресян 1995: 14] согласовании, а на уровне знаковых отношений –

в их индексальности, т.е. способности через физическую или семантическую смежность направлять внимание на знание о некоем объекте, по Ч.С. Пирсу [Peirce 1932: 357]. Физическая смежность, являясь неотъемлемым свойством знаков в рамках одного текста, обеспечивает их потенциальную индексальность по отношению друг к другу. Она же побуждает к исследованию семантической смежности, которая, как уже отмечалось, реализуется по закону семантического согласования через повторяющиеся семы. Это соотносится с идеей Т. Гуджа о том, что «процесс идентификации, который обеспечивает индекс, является умозаключением», в котором индекс выполняет роль эксплицитной характеристики [Goudge 1965]. Таким образом, индекс можно определить как знак, означаемое которого включено в определенную систему значений как ее часть, благодаря чему индекс может указывать на другие значения в этой системе.

По результатам эксперимента, в поликодовых текстах индексальность знаков приводила к порождению неэталонных интерпретаций через наделение репрезентируемых феноменов ложными характеристиками. Так, например, респонденты (44,83 % экспертов, 28,57 % хорошо информированных и 53,91 % мало информированных неэкспертов) усматривали экстремистское сообщение в стимуле, который содержал призыв соблюдать правила русского языка от имени граммар-наци (Grammar Nazi) – защитников норм орфографии и орфоэпии, которые используют визуальные аналогии с нацизмом для представления своей группы, в том числе стилизуют букву G под нацистскую свастику. Респонденты толковали символ движения граммар-наци как неправильно изображенную нацистскую свастику, которую требуется писать верно, обосновывая свою интерпретацию символа тем, что в тексте он соседствует с изображением нацистского офицера, а также цветами флага Третьего рейха и синтаксической структурой вербальной части. Компонентный анализ комментариев респондентов показал, что наборы семантических связей в эталонных и неэталонных интерпретациях отличаются выбором мотивирующего знака в зависимости от известности / неизвестности его значения (таблица 2).

Таблица 2

Отличия предикации и интерпретации в зависимости от семантических связей и выбора мотивирующего знака

Эталонные интерпретации		Неэталонные интерпретации	
Семантическая связка	Предикация	Семантическая связка	Предикация
Символ граммар-наци – изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии	Соотнесенность с нацизмом через сходство	Изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии / Гитлера – символ, сходный с нацистской свастикой	Принадлежность к нацизму
Символ граммар-наци – использование цветов, форм и углов флага нацистской Германии		Использование цветов, форм и углов флага нацистской Германии – символ, сходный с нацистской свастикой	

Эталонные интерпретации		Неэталонные интерпретации	
Семантическая связка	Предикация	Семантическая связка	Предикация
<i>Символ грамматнаци – слово «пиши» / надпись «Пиши верно»</i>		<i>Изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии</i>	
<i>Слово «верно» - изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии</i>	<i>Образ действия, сходный с нацистским</i>	<i>Слово «верно» - изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии</i>	<i>Образ действия, соответствующий нацизму</i>
<i>Надпись «Пиши верно» - изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии</i>	<i>Отправитель сообщения – грамматнаци</i>	<i>Надпись «Пиши верно» - изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии</i>	<i>Отправитель сообщения – последователь нацизма</i>
		<i>«Пиши» / «Пиши верно» - символ, сходный с нацистской свастикой</i>	<i>Искаженная нацистская свастика</i>
		<i>Изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии – символ, опознаваемый как G от Гитлер / German</i>	

Таким образом, если реципиенту поликодового текста недостает дискурсивных знаний для толкования какого-либо знака, в качестве предиката неизвестного мыслимого объекта могут быть выбраны значения, ясные на момент толкования и соотнесенные с другими значениями в тексте, что в свою очередь провоцирует порождение интерпретаций, альтернативных интенции автора / отправителя.

Выводы

Полученные результаты демонстрируют, что в поликодовых текстах индексальность является не свойством, присущим знаку как таковому, в отличие от иконической или символической природы, а функцией, позволяющей на основе метонимичности строить и выявлять отношения между объектами мышления. В ситуации недостатка дискурсивного знания отмечается тенденция к переносу индексальной функции на знаки, понятные реципиенту и имеющие те же смысловые компоненты, что и неизвестные знаки.

Отсюда вытекает практическая рекомендация для судебных лингвистов: в затруднительных контекстах всегда следует выяснять все известные значения «темного» знака и только потом выявлять его индексальные связи с другими знаками в исследуемой текстовой системе.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Языки русской культуры; Восточная литература VIII, 1995.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Goudge T.A. Peirce's Index // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1965. 1(2). P. 52-70.

Peirce Ch.S. The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. II: Elements of Logic. / eds. C. Hartshorne and P. Weiss. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1932.

*A.V. Gorbacheva (Moscow, Russia)
Pushkin State Russian Language Institute*

ON SIGN INDEXALITY IN MULTIMODAL TEXTS¹

The paper presents the results of an experimental psycholinguistic study of the mechanisms of interpretation of multimodal texts by forensic linguists and people without expert competence. We describe and illustrate the idea of indexicality as a function of a sign in a multimodal text, which determines the direction of interpretation under the conditions of lack of discourse knowledge.

Key words: index, multimodal text, interpretation, forensic linguistics, extremism.

*Т.И. Давидюк (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт языкознания РАН
rachekit@yandex.ru*

ЛИЧНО-ЧИСЛОВОЕ СОГЛАСОВАНИЕ С ПОДЛЕЖАЩИМИ, СОЧИНЕННЫМИ СОЮЗАМИ *ИЛИ И ИЛИ ... ИЛИ:* ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В данной статье представлены результаты экспериментального исследования лично-числового согласования в русском языке с подлежащими, сочиненными при помощи союзов *или и или ... или*. Исследование выявляет некоторые различия в согласовательных стратегиях для этих конструкций и обнаруживает интересные особенности по сравнению с согласованием в предложениях с сочинительным союзом *и*.

Ключевые слова: лично-числовое согласование, сочиненное подлежащее, дизъюнкция, иерархия лиц, русский язык.

Введение

Предложения, в которых в качестве сочиненного подлежащего выступает сочиненная именная группа, представляют собой контексты для вариативного согласования. В данной статье мы представим результаты наших экспериментальных

¹ The research was funded by a Russian Government contract, project FZNM-2020-0005, "Transformation of human cognition and communication in the digital era".

исследований, направленных на изучение лично-числового согласования в предложениях, где подлежащее состоит из двух конъюнктов, сочиненных при помощи союзов *или* и *или ... или*.

В последнее десятилетие предикативное согласование с сочиненными именными группами стало предметом экспериментальных исследований, (см. [Willer-Gold et al. 2016]) среди прочих. Экспериментальный метод позволяет систематически определить границы, в которых варьируются различные стратегии согласования.

Мы сосредоточимся на сочиненных подлежащих, конъюнкты которых имеют различные значения признака лица. В этом случае, как постулируют грамматики и нормативные справочники русского языка, [РГ 1980: 243–244; Розенталь и др. 1994: 272], действует так называемая иерархия лиц: если в состав сочиненного подлежащего входит личное местоимение 1 лица, то согласование будет происходить по 1 лицу (1), если местоимение 2 лица – то по 2 лицу (2); при сочинении личных местоимений 1 и 2 лица будет согласование по 1 лицу (3).

(1) *Я и он придем.* [РГ 1980: 244]

(2) *Ты и твои родные не едете.* [РГ 1980: 244]

(3) *И я и ты добьемся своего.* [Розенталь и др. 1994: 272]

Однако в экспериментальных исследованиях (см. [Белова, Давидюк 2023]) было показано, что иерархия лиц может быть нарушена при порядке слов VS; кроме того, в подобных конструкциях возможно согласование по 3 лицу множественному числу. Экспериментальных исследований для изучения предикативного согласования с конструкциями с союзами *или*, *или ... или* на материале русского языка до настоящего времени не проводилось. Такие конструкции представляют особый интерес, поскольку их поведение может существенно отличаться от согласования в случаях, где используется обычный сочинительный союз (ср. исследование на материале английского и итальянского языков [Forpolo, Staub 2020]).

Экспериментальное исследование

Мы провели два лингвистических эксперимента. Для всех экспериментов применялась одинаковая методика оценки приемлемости предложений на шкале Ликерта от 1 до 7. Реализация экспериментов осуществлялась с использованием платформы PСIbex, и набор респондентов был собран с привлечением платформы «Яндекс.Толока». Анализ результатов проводился в программе RStudio. Для анализа влияния различных переменных мы применяли регрессионный анализ с использованием смешанных линейных моделей. Подбор оптимальных формул для моделей выполнялся вручную. Для проверки условий, входящих в формулу финальной модели, мы использовали тест Тьюки.

Примеры одной из лексикализаций для двух экспериментов приведены в (4)–(5) соответственно. В обоих экспериментах в предложениях был использован обычный порядок слов. В первом эксперименте первым конъюнктом выступало личное местоимение *я*, а вторым – имя собственное мужского рода; во втором эксперименте порядок конъюнктов был противоположным.

(4) а. *Я или Кирилл прополю/прополем/прополет/прополют эту капустную грядку.*

б. *Или я, или Кирилл прополю/прополем/прополет/прополют эту капустную грядку.*

(5) а. *Кирилл или я прополю/прополем/прополет/прополют эту капустную грядку.*

б. Или Кирилл, или я проплю/проплюем/проплюет/проплюют эту капустную грядку.

В каждый эксперимент включались филлеры, и соотношение между филлерами и экспериментальными предложениями было 1:1. Это соотношение было выбрано для предотвращения перегрузки участников в экспериментах. Например, если бы соотношение между экспериментальными предложениями и филлерами было 1:2, то эксперименты включали бы 96 предложений. Это количество предложений может создать затруднения для участников и повлиять на их способность оценивать приемлемость предложений. В состав филлеров входили как грамматичные, так и неграмматичные предложения. В грамматичных предложениях сочиненная именная группа располагалась в позиции прямого объекта, либо ее вовсе не было. Неграмматичные филлеры содержали ошибку в предикативном согласовании (*Миша или Федя поймаем эту крупную рыбу / Или Саша, или Коля прочитаем это длинное письмо*) или в согласовании между прилагательным и существительным (*Артем раскритикует эту плохой картину*).

В каждом из экспериментов приняло участие 84 человека. Результаты экспериментов в виде графиков взаимодействия представлены на рисунке ниже (рис. 1 и 2):

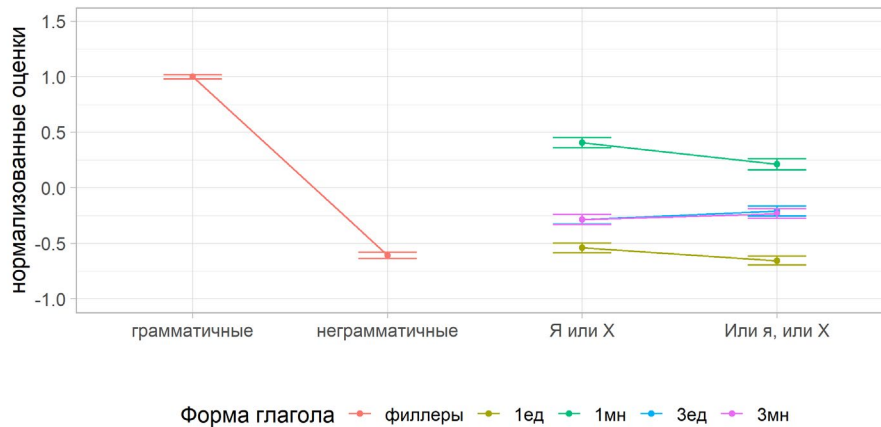

Рис. 1

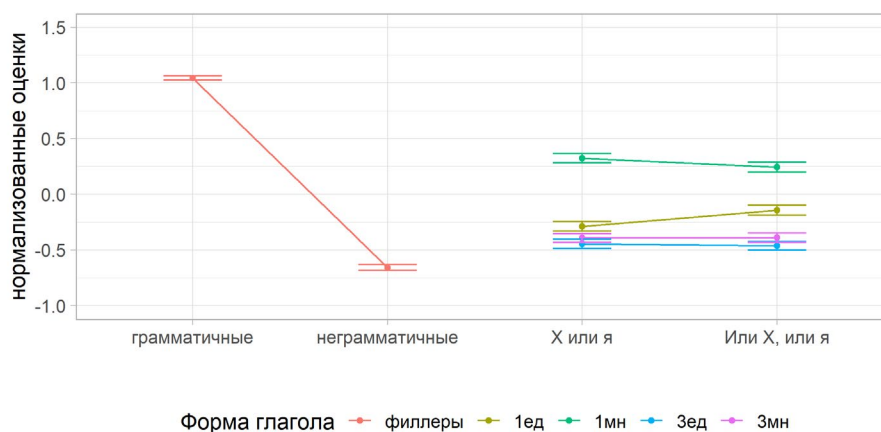

Рис. 2

Наиболее высокие оценки были получены для согласования по 1 лицу множественному числу. Это противоречит утверждению, сделанному в работе [Smith et al. 2018], согласно которому подобная стратегия согласования возможна лишь при нестрогой дизъюнкции (двойной союз *или ... или* выражает в русском языке как раз

строгую дизъюнкцию). Наблюдается влияние порядка сочиняемых элементов: мы видим снижение оценок для согласования по 1 лицу множественному числу только во втором эксперименте. Кроме того, согласование по 1 лицу единственному числу в первом эксперименте получило оценки на уровне неграмматических филлеров, но это неверно для результатов второго эксперимента. Примечательным результатом обоих экспериментов является то, что оценки для согласования по множественному числу и согласования по единственному числу в 3 лице статистически не различаются.

Сравнив полученные результаты с результатами исследования согласования с подлежащими, сочиненными при помощи союза *и* [Белова, Давидюк 2023], можно выделить следующие наблюдения. Во-первых, при обычном порядке слов в случае союза *и* согласование с ближайшим конъюнктом обычно невозможно, в то время как для конструкций с *или* такая возможность существует. Это может указывать на различие в структуре двух сочиненных групп. По общему представлению в большинстве исследований, для сочинительных союзов характерна структурная асимметрия между первым и последующими конъюнктами. Однако, как показывает наше исследование, для конструкций с союзом *или* второй конъюнкт не демонстрирует явного понижения в структурном статусе. Во-вторых, как и в экспериментах с союзом *и*, мы наблюдаем возможность согласования по 3 лицу множественному числу, что можно считать дефолтным согласованием. Однако для подтверждения этого требуется провести эксперимент, в котором оба конъюкта будут выражены местоимениями первого и второго лица.

Заключение

Экспериментальный метод позволил нам выявить возможные стратегии лично-числового согласования с подлежащими, сочиненными при помощи союзов *или* и *или ... или*. Мы сравнили полученные результаты со стратегиями согласования при использовании сочинительного союза *и*. Мы выяснили, что в случае сочинения с *или* возможно согласование с ближайшим конъюнктом, в то время как при использовании союза *и* такое согласование оказывается невозможным. Это указывает на структурные различия между этими сочинительными союзами. Также наша работа подтверждает возможность согласования по 3 лицу множественному числу, которое может рассматриваться как дефолтное согласование в данных конструкциях.

Литература

Белова Д.Д., Давидюк Т.И. Согласование с сочиненным подлежащим, содержащим личное местоимение: экспериментальное исследование на материале русского языка // *Rhema*. Рема. 2023. № 2. С. 53-88.

РГ – Грамматика русского языка / ред. В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. М.: Издательство АН СССР, 1960.

Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: Московская международная школа переводчиков, 1994.

Foppolo F., Staub A. The puzzle of number agreement with disjunction // *Cognition*. 2020. 198. P. 1-20.

Smith P., Moskal B., Hartmann K., Shen Zh. Feature conflicts, feature resolution, and the structure of ‘either...or’ // *Jezikoslovlje*. 2018. 18(3). P. 457-479.

Willer-Gold J., Arsenijević B., Batinić M., Čordalija N., Kresić M., Leko N., Marušić F.L., Milićev T., Milićević N., Mitić I., Nevins A., Peti-Stantić A., Stanković B., Šuligoj T., Tušek J. Conjunct

agreement and gender in South Slavic: from theory to experiments to theory // *Journal of Slavic Linguistics*. 2016. 24. P. 187-224.

T.I. Davidyuk (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics RAS

AGREEMENT WITH DISJOINED SUBJECTS IN RUSSIAN: AN EXPERIMENTAL STUDY

This article presents the results of an experimental study of agreement in Russian with subjects with conjunctions *il'i* 'or' and *il'i ... il'i* 'either ... or'. The study reveals some differences in agreement strategies for these constructions and reveals interesting features compared to agreement in sentences with the conjunction *i* 'and'.

Key words: agreement, coordinated subject, disjunction, person hierarchy, Russian language.

О.Л. Зимарева (Санкт-Петербург, Россия)

«Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
olgalatushkina87@mail.ru

Е.А. Карамышев (Екатеринбург, Россия)

Уральский государственный горный университет
ya.joni77@yandex.ru

ДИНАМИЗМ СЕМАНТИКИ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ TRUNK)

Суть динамики развития семантической структуры слова в процессе полисемантизации заключается в соотношении активных и пассивных семантических компонентов. Целью данной работы является определение степени сохранения исторического ядра лексемы в активных компонентах в процессе семантической деривации на примере английской лексемы *trunk*.

Ключевые слова: динамизм, многозначность, семантические компоненты, генезис, деривация, декодирование.

В своей статье Дж. Тейлор указывает на эндемический характер полисемии и указывает на очевидный парадокс. Не смотря на обилие исследований данного явления, споров о его происхождении, трудности автоматического перевода, у самих носителей языка декодирование значений как правило не вызывает проблемы в использовании полисемии в повседневной речи [Taylor 2003].

В нашем исследовании мы пытаемся заглянуть «за кулисы» значений многозначных слов, опираясь на теорию общего значения (*core meaning*). Значения не хранятся списками в ментальном лексиконе, а формируются говорящими посредством определенных лингвистических законов [Caramazza, Grober 1976; Nunberg 1979]. Однако критика общего значения состоит в том, что найти единое значение, которое бы порождало одинаковые значения для разных носителей языка, невозможно, что было доказано в исследовании Кляйн и Мерфи [Klein, Murphy 2001]. Ученые продемонстрировали это эмпирически, показав, что говорящие не воспринимают разные значения многозначных слов для обозначения одних и тех же вещей. Более

того, когда люди обрабатывают многозначное слово в одном значении, это мешает их последующей обработке слова в другом значении. Другие исследователи указывают на то, что значения необходимо указывать недвусмысленно, чтобы избежать неясности в восприятии [Cruse 1986; Lehrer 1990]. Другими словами, проблема общего значения состоит в том, что сформулировать его практически невозможно, т.к. оно индивидуально для каждого человека. В нашем исследовании мы установили, что общее значение сформулировать можно, но оно получается громоздким и становится очевидно, что в таком виде оно не может функционировать в ментальном лексиконе человека. Мы полагаем, что имеет смысл определить базовые семантические компоненты, лежащие в основе многозначного слова, т.к. это позволит увидеть лексические принципы формирования и декодирования значений как на уровне языка, так и на уровне речи.

На примере английского многозначного слова *trunk* нами предпринята попытка отследить динамику развития признаков значений. Мы полагаем, что существование слова в определенный отрезок времени диктуется набором активных компонентов, которые отражают актуальную картину мира человека. Активные компоненты лексической системы создают вектор развития слова и являются базой для удержания слова в его семантических границах. Наряду с активными компонентами мы также можем выделить пассивные признаки, составляющие резерв слова. Пассивные семантические компоненты, на наш взгляд, также выступают как «тупиковые», статичные в процессе исторического развития слова и могут выпадать из семантики слова. В этом заключен динамизм семантической структуры слова в процессе полисемантизации. Соотношение активным и пассивных компонентов в семантике слова на том или ином уровне развития способствует формированию семантических центров, сдвига значений, выпадению значений и пр.

Для иллюстрации соотношения активных и пассивных семантических компонентов в плане истории языка можно привести английское слово *trunk*, основное значение которого служит для обозначения основной части дерева, (ствола) - “the main stem of a tree” (NOED). Согласно нашему исследованию данный полисемант является необычным, т.к. в его системе на данный момент сформировано два сильных семантических центра (1. the main part of a tree; 2. The main part of a body), которые развиваются самостоятельно и имеют развитую сеть семантических компонентов, в той или иной конфигурации формирующие значения.

С целью определения активных компонентов необходимо обратиться к истории. Этимология английской лексемы *trunk* (“the main stem of a tree”) имеет богатую историю. Данное слово фиксируется в письменных памятниках английского языка в конце XV в., т. е. в конце классического (позднего) среднеанглийского периода. На графическом уровне лексема *trunk* в среднеанглийском периоде, как правило, представлена формой *tronke* (*trunke*). Например, ... *hewe the tronke of a tree oute of the whiche yssued bloode* (OED, 1490 г., Кэжстон).

В истории английского языка представленная лексическая единица является заимствованием из французского языка. Согласно словарю (ССФ), в старофранцузском языке слово *tronçon* означает “обрубок, туловище, кусок», которое в свою очередь восходит к латинскому слову *truncus* «ствол, стержень, туловище, часть туши, обрубок, сук». В этом примере возможно выделить семантические компоненты, которые можно назвать активными, т.к. они не только сохранились в лексеме в более поздний период, но также обладают тривиальным характером. Мы можем выделить такие признаки, как *туловище (основа), часть (обрубок) чего-то*.

В среднеанглийском языке лексема *tronke* (*trunke*) имеет ряд значений. Согласно MEW, основным является обозначение основной части дерева (ствола) “a tree trunk, the main stem of a tree”. На основе этого значения формируется значение «тело человека, животного». Кроме того, можно отметить такие номинации, как 1) ящик (сундук) для хранения, 2) емкость для хранения рыбы и 3) головы животного как геральдической эмблемы. В этот период активные семантические компоненты переходят в стадию порождения и формируют метафоры, в основе которых лежат базовые признаки.

Анализируя данные значения, мы можем отметить, что в плоскости семантической деривации у лексемы *trunk* в среднеанглийском периоде активным семантическим компонентом является «основная часть», в то время как значение «емкость (контейнер, внутренняя часть)» - пассивный. В современном английском языке в силу экстралингвистических факторов значение «ящик для хранения вещей» и «ящика для хранения рыбы» рассматриваются как архаизмы, а оба семантических компонента равны по силе, т.к. в современном мире существует потребность в номинации вещей для хранения.

Интересно отметить, что и в древнеанглийском, и в среднеанглийском периодах прослеживаются общие принципы семантической деривации по уравнению «ствол дерева → основа (основание чего-то) → основа (киль) корабля», где активным семантическим компонентом рассматривается «основная (главная, основополагающая) часть» / “the main or important part of something”.

Что касается семантической деривации по уравнению «ствол дерева → емкость (вместилище) → тело человека», то здесь прослеживается активный семантический компонент «основная часть, имеющая внутреннюю емкость» “the main part having a capacity”. Известно, что в средневековой европейской парадигме мировосприятия тело человека рассматривалось как хранилище души и скелета. В этой связи можно увидеть, что тело человека расценивалось как на духовном, так и на бытовом (физиологическом) уровне.

Относительно причины заимствования английским языком французской единицы *trunk* вопрос остается открытым. По нашему мнению, причина состоит в том, что определенную роль в этом процессе сыграл статус французского языка в английском обществе того времени. Несмотря на государственный (королевский) статус английского языка с 1362 г. и спад влияния французского языка, лексические заимствования продолжались, хотя уже с меньшей силой, чем в начале среднеанглийского периода. Второй причиной может являться определенная семантическая дифференциация в номинации таких понятий, как тело человека, ствол дерева, основа корабля (киль), корзина и т.д. Кроме того, в процессе данного заимствования в словарном фонде английского языка исчезает древнеанглийская лексема *lĕap* “basket, trunk of the body”, а входе среднеанглийского периода изменяется смысловая нагрузка лексемы *stem* (древнеанглийское *stefn* “stem of a tree, foundation, stem of a ship”).

Таким образом, потенциал развития семантической структуры единицы словаря во многом зависит от действующей силы семантических компонентов, в которых в той или иной степени сохраняется семантический этимон. Это означает, что компоненты в семантической оболочке лексемы находятся в иерархических отношениях, отражающие принципы мировосприятия носителями языка в тот или иной период времени. Это формирует динамизм слова. Такой подход к исследованию семантической структуры слова помогает объяснить ряд вопросов относительно

погашения того или иного значения, а также динамики развития полисемантизма в рамках формирования новых значений.

Литература

Caramazza A, Grober E. Polysemy and the structure of the subjective lexicon // *Semantics: Theory and application.* / ed. C. Rameh. Washington, DC: Georgetown University Press, 1976. P. 181-206.

Cruse D.A. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Klein D.E, Murphy G.L. The representation of polysemous words // *Journal of Memory and Language.* 2001. 45. P. 259-282.

Lehrer A. Polysemy, conventionality, and the structure of the lexicon // *Cognitive Linguistics.* 1990. 1. P. 207-246.

MEW – Middle English Wiktionary. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Middle_English (Accessed: 09.09.2023).

NOED – The New Oxford Dictionary of the English Language. M.: ACT, 2002.

OED – Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/?tl=true> (Accessed: 09.09.2023).

Taylor J.R. Polysemy's paradoxes // *Language Sciences.* 2003. Vol. 25. № 6. P. 637-655.

O.L. Zimareva (St. Petersburg, Russia)

"St. Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University" of the Ministry of Health of
the Russian Federation

E.A. Karamyshev (Yekaterinburg, Russia)

Ural State Mining University

DYNAMISM OF A POLYSEMOUS WORD SEMANTIC STRUCTURE (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LEXEME TRUNK)

The essence of the dynamics of the semantic structure development in the process of polysemantization lies in the ratio of active and passive semantic components. The purpose of this work is to determine the degree of preservation of the historical core of the lexeme with respect to active components in the process of semantic derivation on the example of the English lexeme *trunk*.

Key words: dynamism, polysemy, semantic components, genesis, derivation, decoding.

Е.Е. Киреевкова (Санкт-Петербург, Россия)

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

ekaterina.koryukina@gmail.com

СПОСОБЫ ФИКСАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ ЛИНГВОДИДАКТИКИ В РАМКАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ ЗНАНИЙ

Статья посвящена анализу англоязычных лингводидактических терминов специальной области знаний на примере тестов междисциплинарной области инклюзивного образования. Определяются структурно-семантические особенности изучаемых терминов. Изучаются способы словообразования новых терминологических единиц. Рассматриваются способы образования и фиксации терминов, что ведет к дальнейшему структурированию и преобразованию терминологии в терминосистему.

Ключевые слова: лингводидактика, лингводидактический термин, терминология, терминосистема, словообразование, структурно-семантические особенности.

В настоящее время наблюдается тенденция к стремительному росту объема специальной лексики и ее преобладанию в развитых языках. В связи с этим возникает потребность в систематизации, унификации и гармонизации динамично развивающейся лингводидактической терминологии.

Термин лингводидактика был введен в научный оборот в конце 1960-х гг. Н. М. Шанским и признан научным сообществом в 70-х гг. XX в. Опираясь на дефиницию понятия термин О.С. Ахмановой, лингводидактический термин можно определить как «слово или словосочетание специального языка, создаваемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» в области методики преподавания языков [Ахманова 1990: 102].

Одной из важных тенденций на современном этапе формирования развития и фиксации лингводидактической терминологии является проблема вариантности, которая связана с его принадлежностью к определенной системе понятий и терминосистеме, функционированием в определенном тексте [Лейчик 2006: 189]. В поддержку разграничения терминологии и терминосистемы В.М. Лейчик отмечает, что совокупности терминов могут формироваться стихийно или сознательно. Стихийно сложившуюся совокупность терминов предлагается называть терминологией, а сознательно сформированную – терминосистемой [Лейчик 2006: 67].

Предметная область инклюзивного образования стала развиваться в западных странах в середине XX в. Она образовалась в результате взаимодействия терминосистем медицины и специальной педагогики, что указывает на ее междисциплинарный характер. Из-за ее новизны в английском языке происходит использование новых лексических единиц, которые проходят период адаптации. С развитием Индивидуальной программы обучения (*Inclusive Education Plan*) в текстах, разрабатываемых в США и Великобритании, стали активно фигурировать такие термины как *credential, push-in teacher, at-risk student, Buddy Systems, Student's IEP Team, Making Action Plans System (MAPS), paraeducators (paras), caseload, pull-out classroom etc.* [NYU Child Study Center], которые на данном этапе развития терминосистемы образуют один из ее основных разделов, ориентированный на внеклассную помощь детей с ограниченными возможностями здоровья.

В ходе исследования словаря англоязычной терминологии инклюзивного образования было установлено, что в нем присутствуют различные группы лексических единиц: собственные термины, появившиеся в рамках данной терминологии (в исследуемой терминологии к ним относятся, например *tutoring support, case studies, inclusive schooling*); базовые термины – заимствованные из терминологии, которая образует фундамент данной области знания (в терминологии инклюзивного образования это термины специальной педагогики, например *special education teacher, sign language, early intervention strategies*); привлеченные термины – заимствованные из смежных областей знания (в исследуемой терминологии это термины таких областей, как педагогика, например *teacher training, child centered pedagogy, pre-teaching specialized vocabulary*, медицина, например *disablement, impairment, hard of hearing, physical disabilities*); общенаучные термины – имеющие одинаковую семантику во всех областях знания, но конкретизирующие эту семантику в составе данной терминологии (например, в терминологии инклюзивного образования *American Sign Language, Individual Educational Program (IEP Team), Education for All-Together*).

Семантика терминологической системы выражается структурными особенностями терминологических единиц. Это обусловлено развитием, которое

привело к массовому возникновению новых терминов, нуждающихся в систематизации, унификации и стандартизации.

Правильное понимание сущности термина в первую очередь связано с правильным восприятием его составных частей. В любой области терминологии с точки зрения формы можно выделить две основные группы терминов: слова (однословные термины) и словосочетания (многолексемные термины) [Алексеева 1998: 86].

Словообразовательные процессы изучаемой терминологии связаны с аффиксацией, словосложением, усечением и эллипсисом нескольких слов, сокращением, образованием цепочек терминов, образованием с помощью предлогов: аффиксация (образование термина путем прибавления к корневому термину типичного специального аффикса): *disability, impairment, blindness, retardation, non-disabled, decentralization, pre-teaching*; словосложение (использование основы одного или нескольких терминов и полной формы другого термина): *neurotypical children, whole-school approach, framework, interpersonal learners*; усечение и эллипсис нескольких слов (использование первой части сложного термина для обозначения всего термина или внутреннее сокращение слова): *autistic (spectrum) disorder, inclusion (inclusive education)*; сокращение (использование частей слов сложного термина); образование цепочек терминов (соединение полных форм слов сложного термина в один; «цепочечные образования»): *speech and language therapy, fine and gross motor skills, strong visual memories*; образование с помощью предлогов: *at-risk students, push-in teacher*.

Аббревиация является одним из важнейших источников пополнения терминологии сегодня. Под сокращением или аббревиацией понимается особый способ терминообразования, который заключается в построении усеченных вариантных терминов на основе исходных протяженных терминологических единиц [Даниленко 1976: 70]. Под акронимами понимаются аббревиатуры, образованные из начальных букв или словосочетаний, произносимых как единое целое [Арнольд 1966: 114]. Буквенная аббревиация в англоязычной лингводидактической терминологии инклюзивного образования представлена тремя типами: двузначными сокращениями (*air conduction (AC), FM system*); трехзначными сокращениями (*behavioral observation audiometry (BOA), conditioned play audiometry (CPA)*); четырехзначными сокращениями (*electrically evoked compound action potential (ECAP)*).

В целом такого рода сокращения наглядно иллюстрируют экономию выразительных средств при сохранении информационного веса термина и могут служить материалом для наиболее распространенного способа словообразования в современном английском языке – словосложения [Ткачева 1959: 198].

Анализируя семантические явления изучаемой лингводидактической терминологии, стоит обратить внимание на отношения полисемии, синонимии и антонимии терминологических единиц. Рассматривая полисемию терминов отметим, что все переводимые термины имеют один устоявшийся вариант перевода, несмотря на наличие в данной терминологии большого числа терминов, заимствованных из общеупотребительного языка и сохраняющих свойства обычного слова; присутствие в терминологии единиц, перешедших из различных смежных терминосистем; недостаточно устоявшийся характер самой терминологии [Авербух, Карпова 2009: 56]. По причинам, изложенным выше, в англоязычных текстах области инклюзивного образования практически невозможно встретить терминологические единицы, имеющие синонимы. Во всех текстах по данной теме для перевода терминологической

единицы возможен только один вариант, несмотря на то что слово имеет синоним. Например, во всех текстах встречается термин *hearing loss* (*тугоухость*), а не *poor hearing* несмотря на то, что терминологические единицы рассматриваются в языке как синонимы; в термине *language disorders* (*нарушения языкового анализа и синтеза*) слово *language* теряет свое общеупотребительное значение «язык», поскольку в данной теме, посвященной обучению детей с кохлеарным имплантом, *language* рассматривается и закрепляется как «языковой анализ и синтез». Термин *expressive language* (*активный язык*) не переводится как «экспрессивный язык», поскольку в педагогических словарях закрепился русскоязычный термин «активный язык».

Рассматривая антонимию в исследуемой терминологии необходимо подчеркнуть, что среди выбранных терминологических единиц не встречаются отношения антонимии. Найденные термины такие, как *evaluation, stimulation, inclusion, development, disorder, loss* в более обобщенных текстах других тематик могли бы иметь антонимы, однако, рассматривая тесты в области инклюзивного образования, имеющие достаточно узкую направленность, данные терминологические единицы либо употребляются самостоятельно, показывая единичность действия, не имеющего обратного процесса, либо входят в состав термина, который является устойчивой единицей, принятой данной терминологией [Авербух, Карпова 2009: 156].

Таким образом, наличие тематических групп придает семантическую связность предложенной лингводидактической терминологии. Ее системность проявляется в единообразном варианте употребления терминологических единиц, а динамика ее семантической структуры – в появлении новых терминов. Процесс эволюции терминов неизбежно сопровождается их формальной и семантической вариантностью, поэтому важной представляется задача своевременного регулирования терминологий, их анализа и описания.

Литература

- Авербух К.Я., Карпова О.М. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: издательский центр Академия, 2009. С. 50-76.
- Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования / Пермь: ПГНИУ, 1998. С. 79-102.
- Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика его исследования. Ленинград: Просвещение, 1966. С. 100-115.
- Ахманова О.С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 102-104.
- Даниленко В.П. О терминологическом словообразовании. // Вопросы языкознания. 1976. №4. С. 64-71.
- Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006. С. 60-192.
- Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Омск: Омский государственный технический университет, 1986. С. 197-213.

*E.E. Kireenkova (Saint-Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University*

THE FIXING METHODS OF ENGLISH-LANGUAGE LINGUODIDACTICS TERMS IN THE SPECIAL KNOWLEDGE FIELD

The article is devoted to the analysis of English-language linguodidactics terms the special knowledge field based on the inclusive education texts. The structural and semantic term features are determined. The ways of new terminological units word formation of are studied. The methods of terms formation and fixation are considered, which leads to further terminology structure and its transformation into a term system.

Key words: linguodidactics, linguodidactic term, terminology, term system, word formation, structural and semantic features.

*И.В. Кожухова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru*

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ ШЕЙМИНГА И ОСКОРБЛЕНИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ¹

В статье рассматриваются характеристики шейминга и оскорбления в интернет-пространстве с точки зрения модели речевых жанров Т.В. Шмелевой. Имея достаточно схожих жанровых характеристик (что делает жанры в какой-то мере смежными), основные различия касаются образа адресата, образа будущего и языкового воплощения. Так, жанрообразующим элементом оскорбления становится инвектива, в то время как в шейминге инвективы являются опциональными и даже редкими.

Ключевые слова: шейминг, оскорбление, речевой акт, речевой жанр, интернет-коммуникация, комментарий.

Данная работа написана в рамках реализации грантового проекта Челябинского государственного университета по исследованию шейминга как (новой) реальности интернет-коммуникации. В рамках проекта в печати находятся статьи, в которых отмечено, что ключевыми жанровыми параметрами шейминга являются образ будущего и образ адресата [Кожухова, Шарова 2023]. Приведено общее описание жанра и некоторые особенности его реализации. В отечественном языкознании шейминг традиционно рассматривается как жанр интернет-коммуникации, однако зарубежными лингвистами не делаются такие отличия. В рамках зарубежного подхода был проведен компилятивный обзор, в котором описывался жанр «шейминг» и «исправление ошибок» и их роль в коммуникативном аудите образовательной организации [Кожухова, Заболотнева 2023]. Отдельным направлением исследований стал цикл статей, посвященный шеймингу и смежным жанрам. Так, были сопоставлены жанры «шайминг» и «социальное порицание», «шейминг» и «троллинг». В рамках данной работы продолжим сопоставительные работы и рассмотрим общее и частное в жанрах «шейминг» и «оскорбление».

¹ Работа выполнена при содействии Фонда поддержки научных инициатив Челябинского государственного университета.

Актуальность работы обусловлена двумя факторами. Первый связан с Законом о русском языке и о возможной необходимости заменить заимствованную лексему «шейминг», которая еще не нашла отражение в словарях, на уже существующую. Второй фактор носит правовой характер: оскорбление может повлечь за собой административное наказание, однако статус шейминга в интернет-коммуникации еще не носит стабильного характера, в связи с чем выдвигается цель исследования.

Цель работы – выделить и описать основные жанровые характеристики шейминга и оскорбления в интернет-пространстве. За основу берется модель речевых жанров Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997].

Согласно Н.Н. Кошкаровой, «оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, унижающую его честь и достоинство» [Кошкарова 2011]. Оскорбление относится к оценочным речевым жанрам, в то время как шейминг тяготеет к демонстративным речевым жанрам, основной задачей которой является высмеивание и пристыжение человека, группы лиц для дальнейшего поиска сообщников, поддерживающих взгляды и позицию адресанта.

Первая группа образов в модели речевого жанра – образы автора и адресата.

Образ автора в обоих рассматриваемых жанрах довольно размыт, что обусловлено особенностью интернет-коммуникации. Режим коммуникации формата web 2.0 позволяет участникам коммуникации сохранить полную анонимность (например, режимы «Инкогнито», «Неизвестный», «Без авторизации»), либо создать пользовательский ник, который может а) отображать автора как реального пользователя (настоящие фамилия и имя пользователя); б) пользователя, «скрывающегося» за ником (ник может иллюстрировать позицию коммуниканта, либо просто быть заменой имени, которое используется в интернет-пространстве); в) провоцирующие ники, пользователи которых могут специально провоцировать конфликтные ситуации. Группы б) и в) могут пересекаться. Размытость образа автора как реального человека предоставляет адресанту коммуникативную свободу в своем поведении. Зачастую главным ограничителем комментариев является этическая политика сайта. Предположим, что деанонимизация интернет-коммуникации может минимизировать распространение коммуникативно-опасных, ликоугрожающих ситуаций виртуального общения.

Образ адресата в рассматриваемых жанрах различен. Определяющим является то, что образ адресата в случае с шеймингом бывает неочевиден, в случае с очевидным адресатом, целью адресанта является желание самоутвердиться, вызвать чувство стыда у адресата. На этом этапе шейминг может быть связан с насмешкой, и дальнейшая реализация жанра будет зависеть от реакции адресата (агрессия, оправдание и др.). Реализация шейминга находит наиболее яркое воплощение в т.н. культурах стыда. Основным речевым отличием шейминга от оскорбления является использование инвектив/инвективных речевых актов, лексем с отрицательной коннотацией в последнем. Образ адресата в оскорблении выражен однозначно, то основной целью оскорбления становится понижение статуса адресата, выражение негативной оценки действий адресата, агрессивные намерения в сторону адресата. При этом в случае с опосредованным адресатом оскорбления с размытыми инвективами (или их отсутствием) могут иметь пограничные с шеймингом формы.

Следующая группа жанровых характеристик определяет образ прошлого и будущего. В случае с описываемыми жанрами эти образы переплетаются и влияют друг на друга. С одной стороны, очевидно, что шейминг, как и оскорбление, являются реакцией автора на какой-то стимул: новость, действие, высказывание, запись,

фотографию. В рамках данной интерпретации оба речевых жанра будут рассматриваться реактивными (т.е. представляющими реакцию на стимул).

Фактор будущего в шейминге во многом зависит от социокультурных особенностей: характеристика интернет-пользователей, тематическая актуальность, темпоральная уместность. Одна и та же тема может быть по-разному воспринята различными сообществами. От этого будет зависеть дальнейшее развитие комментариев и их характер. Шейминг может превратиться в спор, перейти в оскорбление или др. жанры.

Что касается оскорбления, то хоть он и является реактивным (оскорбление – реакция на действие или слова), по мнению Т.В. Шмелевой, оскорбления (как и другие инвективы) следует относить к инициальным жанрам, влекущим за собой дальнейшее развертывание коммуникации.

Диктумное содержание жанров, на наш взгляд, идентично. Формат общения определяется особенностью web 2.0 – активная, интерактивная, спонтанная/отложенная по времени, анонимная, практически безстатусная коммуникация. Статусность может проявляться в устоявшихся сообществах, зачастую с модератором. В подобных сообществах могут существовать негласные внутренние установки и взгляды на определенные темы.

Языковое воплощение жанра предполагает специфику речевого воплощения жанра, частотные языковые модели, возможные стратегии и тактики. Т.к. цели и задачи рассматриваемых жанров различны, то и языковое воплощение имеет свои характерные черты. «Шеймингу свойственна клишированность, возникающая при полном или частичном воспроизведении мыслей чужих людей (как в семантическом и лексическом, так и в грамматическом плане). Нередко такие комментарии идут сразу друг за другом, например под видео *“Facebook gives a glimpse of metaverse, its planned virtual reality world”*, многие пользователи ссылаются на схожесть Марка Цукерберга с роботом, при этом все они цитируют одну и ту же фразу, а оформление комментария напоминает предыдущие:

Bose-Einstein: *“I thought I was supposed to be the robot.” Haha, self aware joke, look how human he is!*

Juan Sebastián Verón: *“I though I was supposed to be the robot” Oh no, he’s becoming self-aware*

pasi123567: *Mark: I thought I was supposed to be the robot Guys it's getting dangerous, he is becoming self aware!*

Пользователи могут использовать недостоверные факты, чтобы подкрепить свои аргументы для пристыжения человека, например комментариев о Грете Тунберг: *“I heard Gretta just bought a beach house and her own coal mine. She is protesting the coal mine because she doesn't want the competition”* [Кожухова, Шарова 2023].

Языковое воплощение оскорбления разнообразно и зависит от различных факторов как личного характера, так и функциональных возможностей интернет-площадки. Оскорбления, как и шейминговые высказывания, могут носить как развернутый характер, так и иметь краткую форму. Основным элементом оскорбления, как говорилось выше, является наличие прямой или косвенной инвективы.

Краткое описание двух речевых жанров показывает, что при наличии смежных черт, существуют значительные различия в реализации некоторых параметров речевых жанров. Эти параметры касаются образа адресата, образа будущего и языкового воплощения. Тем не менее, формат отличающихся параметров может достаточно

сильно видоизменяться, что может стать поводом для манипуляций и множественных интерпретаций.

Литература

Кожухова И.В., Заболотнева О.Л. Исправление ошибок и шейминг: один из аспектов коммуникативного аудита // Лингвистика и образование. 2023. Т. 3. №2. С. 74-82.

Кожухова И.В., Шарова К.Б. Образ будущего и образ адресата как определяющие компоненты шейминга // Мир науки, культуры и образования. 2023. 3 (100). С. 536-539.

Кошкарлова Н.Н. Клевета, оскорбление, диффамация: критерии разграничения и пути преодоления // Юрислингвистика. 2011. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kleveta-oskorblenie-diffamatsiya-kriterii-razgranicheniya-i-puti-preodoleniya-1> (дата обращения: 26.06.2023).

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. 1. С. 88-99.

*I.V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

SHAMING AND INSULATION AS SPEECH GENRES: COMMON POINTS

The article examines the characteristics of shaming and insulation in the Internet space from the point of view of speech genre model as suggested by T.V. Shmeleva. Having quite similar genre characteristics (which makes genres to some extent related), the main differences relate to the image of the addressee, the image of the future and the language embodiment. Thus, the invective becomes the genre-forming element of the insult, while in shaping invectives are optional and even rare.

Key words: shaming, insulation, speech act, speech genre, Internet-communication, Internet-comment.

*К.О. Косова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
kosova.ksenia.olegovna@gmail.com*

КАТЕГОРИЯ “LANGUE MATERNELLE” ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В данной статье делается попытка определить категорию “langue maternelle” во французской социолингвистической традиции. Исследование сделано на материале базы категоризации миноритарных языков в Европе. В конце автор приходит к выводу, что “langue maternelle” – это язык небольшой группы населения, а использование такого языка зачастую ограничивается рамками семьи.

Ключевые слова: миноритарный язык, langue maternelle, социолингвистика.

Введение

Данная работа вписывается в проблематику социолингвистических категорий миноритарных языков [Viaut, Moskvitcheva 2014; Busquet, Platon, Viaut 2014], в которых вопросы категоризации языков были рассмотрены в рамках европейского региона. Нами, в свою очередь, сделана попытка применить разработанную методику описания для франкоговорящего социолингвистического пространства.

Социолингвистические категории во франкоязычном пространстве обусловлены спецификой французского государства, которое является унитарным с принципиальным отрицанием наличия любых меньшинств: все права у всех одинаковы, а равенство прав, в свою очередь не признает меньшинств со своими правами. В то время как политика Советского Союза и Российской Федерации, напротив, строится на официальном признании этнических меньшинств и языков этнических меньшинств. Все категории, которые касаются «родного языка», «национального языка» развиты на территории Российской Федерации и фактически не существуют или имеют минимальное развитие на территории Французской Республики.

Методология исследования

Для анализа нами была выбрана социолингвистическая категория “langue maternelle” (далее - LM). В нашем исследовании мы пытаемся понять, что данная категория обозначает для французской социолингвистической традиции и определить ее.

Для работы мы пользовались данными, предоставляемыми базой “CLME”: Категоризация миноритарных языков в Европе (catégorisation des langues minoritaire en Europe). Эта база была создана при поддержке Дома наук о человеке в Аквитании и включает в себя подбор лингвистических и юридических текстов о миноритарных языках. Функционал базы позволяет посмотреть сколько раз была упомянута та или иная категоризация миноритарных языков и в каком контексте.

Основным методом нашего исследования является компонентный анализ.

Основная часть

Проблема определения категории LM занимает умы многих ученых-лингвистов. Так, Бернард Пош писал, что миноритарные языки часто находят свое отражение в категории LM, т.к. их связывают с первичной социализацией ребенка в кругу семьи, т.е. с фигурой матери [Fugazzi 1987: 88]. В свою очередь, Поль Волд, рассуждая о категории LM, писал, что язык, входящий в данную категорию, отсылает к языковой идентичности говорящего, к тому обществу, к которому он себя причисляет [Fugazzi 1987: 106]. О LM как элементе языковой идентичности говорила и Габриэль Варро, определяя LM как символ верности своим корням, одному из родителей, своей стране, культуре или даже просто самому себе [Fugazzi 1987: 153].

В базе “CLME” категория LM встречается в 18 лингвистических отрывках в отличие от категории “материнский язык”, которая в отрывках на русском языке встречается всего лишь 3 раза.

ID	notion	Nb. Extr	Nb. Ling	Nb. Jur
N0034	langue maternelle	18	18	0

Рис. 1. Категория “langue maternelle” в базе “CLME”

Благодаря анализу отрывков, представленных в базе “CLME” нам удалось увидеть, что данная категория употребляется в разговорах не столько об африканских франкоговорящих странах, сколько о Швеции, Бразилии, Австрии и даже Китае. Таким

образом, большая часть текстов, в которых встречается категория LM – это описание языковой ситуации в разных странах, написанное на французском языке.

Также нам удалось выявить ряд синонимов, которые используются по отношению к социолингвистической категории LM: *langue première* (первый язык), *langue seconde* (второй язык), *langue identitaire* (язык идентичности), *langue de l'école* (язык школы), *autre langue* (другой язык), *dialecte* (диалект), *langue du pays racine* (язык родной страны), *langue d'immigration* (язык иммиграции), *langue dominée* (второстепенный язык/язык, испытывающий на себе давление главенствующего языка), *langue locale* (местный язык), *patois* (нестандартный язык), *langue de l'environnement familial* (язык семейной среды), *langue minoritaire* (миноритарный язык).

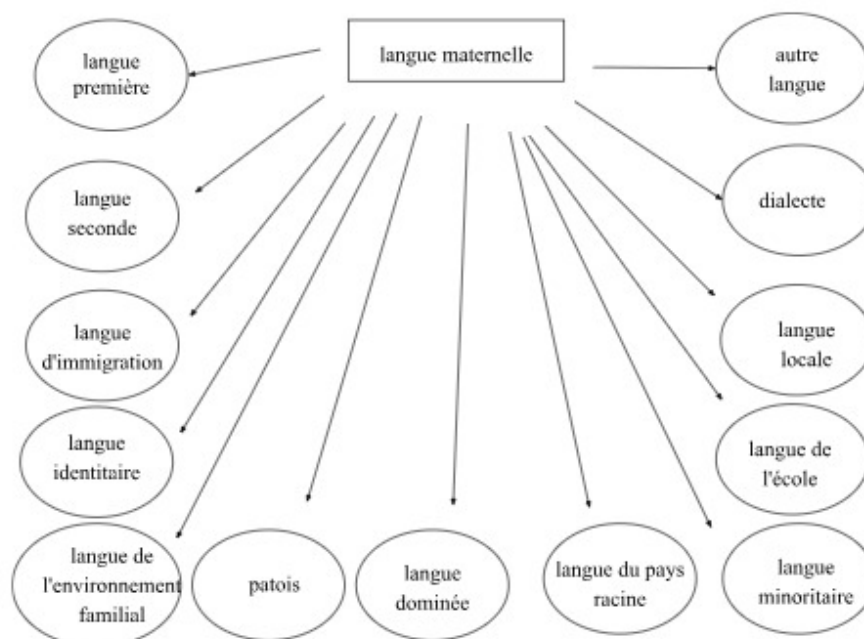

Рис. 2.

Если мы обратимся к определениям категории LM, данным в отрывках лингвистических текстов базы “CLME”, то мы увидим, что эта категоризация относится к **малочисленным, угнетенным** слоям населения, у которых нет средств для поддержания своего культурного и языкового производства: (*les minorités linguistiques dépourvues de moyens pour assurer par elles-mêmes leur reproduction culturelle et linguistique; langue maternelle du groupe opprimé*) [Document D525], для многих этот язык остается исключительно **языком общения в семье** за закрытыми дверями (*enfermée dans le foyer familial*) [Document D525], а учеников, которых застают за разговором на их материнском языке – **наказывают** (*les punitions infligées à ceux qui étaient surpris à parler le patois*) [Document D009]. Также отмечается, что использование LM является основой для развития **национального и этнического сознания** человека (*les sentiments nationaux et la conscience ethnique sont basés sur la langue*) [Document D075].

Кроме того, в приведенных отрывках лингвистических текстов LM противопоставляется **доминантным языкам** (*langue dominante*) [Document D009], **языку колонизаторов** (*langue héritée du colonialisme, langue du colonisateur*) [Document D012; Document D009], а также **официальным языкам** (*langue officielle*) [Document D012].

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что “langue maternelle” во франкоязычной социолингвистической традиции употребляется по отношению к угнетенным слоям населения, чей язык подавляется официальным государственным языком и становится языком общения исключительно в стенах своего дома.

Литература

Busquet J., Platon S., Viaut A. Identifier et catégoriser les langues minoritaires en Europe occidentale. Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014.

Document D009. URL: <https://baseclme.u-bordeaux-montaigne.fr/base/document/9> (дата обращения 09.08.2023).

Document D012. URL: <https://baseclme.u-bordeaux-montaigne.fr/base/document/12> (дата обращения 17.08.2023).

Document D075. URL: <https://baseclme.u-bordeaux-montaigne.fr/base/document/75> (дата обращения 10.08.2023).

Document D525. URL: <https://baseclme.u-bordeaux-montaigne.fr/base/document/525> (дата обращения 10.08.2023).

Fugazzi B. Compte rendu de “France, pays multilingue : en 2 t.” // Revue québécoise de linguistique. 1991. 20 (1).

Viaut A., Moskvitcheva S. Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014.

Moskvitcheva S., Viaut A. Minority Languages from Western Europe and Russia: Comparative Approaches and Categorical Configurations. Cham : Springer Ed, 2019.

Base CLME. URL: <https://baseclme.u-bordeaux-montaigne.fr/> (дата обращения 03.08.2023).

К.О. Косова (Moscow, Russia)
RUDN University

THE CATEGORY “LANGUE MATERNELLE” IN THE FRENCH SOCIOLINGUISTIC TRADITION

This article attempts to define the category of “langue maternelle” in the French sociolinguistic tradition. The study is based on the material of the database of categorization of minority languages in Europe. In the end, the author concludes that “langue maternelle” is the language of a small group of the population, and the use of such a language is often limited to the family.

Key words: minority language, langue maternelle, sociolinguistics.

Ли Кэжу (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
Likara379@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В ДИАЛЕКТАХ ПРОВИНЦИИ ШАНЬСИ

В статье обсуждаются вопросы гендерной дискриминации в паремиях диалектов провинции Шаньси в Китае. Из ряда словарей методом сплошной выборки были отобраны единицы, содержание которых можно рассматривать как гендерно маркированное, далее были выделены дискриминационные маркеры и, наконец, проанализированы факторы, гендерной дискриминации.

Ключевые слова: паремия, диалект, диалекты Шанси, гендерная дискриминация.

Введение

Под гендерной дискриминация обычно понимается неравенство в отношении к мужчинам и женщинам. Часто речь идет дискриминации в сфере работы, где права женщинах оказываются ущемлены. Например, мужчины чаще занимают руководящие посты, чем женщины. С развитием идей феминизма появляется все больше исследований по проблеме сексизма, однако большинство исследований маркеров сексизма в языке проводится на материале стандартных национальных и официальных языков, таких как английский, китайский, русский и т.д. Автор статьи анализирует явление сексизма в диалекте Шаньси, что в определенной степени расширяет исследования сексизма в языке. Наше понимание соотношения понятия диалект – язык – стандартный язык рассмотрены в работе [Москвичева 2015], соотношению диалектов и путунхуа посвящены работы [Завьялова 2010], а также [Москвичева, Ли Сюэ 2017, 2018]. Паремия понимается в русле работы [Бредис, Димогло, Ломакина 2020].

В качестве материала исследования автор использует словари различных диалектов провинции Шаньси [Ли Вансай 2009; Ли Синь 2013; Вэнь Дуаньчэн, Чжан Гуанмин 1994; Шэнь Мин, Ли Жон 1994; Чжан Хайфун 2016]. В статье анализируются единицы, маркированные как гендерно дискриминационные. Преимущественно речь идет о словах и выражениях, в той или иной степени унижительных для женщин и не имеющих аналогов в отношении мужчин. Например, женщин, которые повторно выходят замуж, называют «эрготу» ‘женщина, выходящая второй раз замуж’, «молодая поросль» ‘унижительный термин для обозначения женщины, повторно вышедшей замуж’ и др. Тогда как для мужчин, которые повторно женятся, не существует унижительного слова.

Обсуждение результатов

Гендерная дискриминация характерна для лексики многих языков. Например, в английском языке “man” может использоваться не только для обозначения мужчины, но и всех людей, включая женщин, например, “Every man has the right to vote”. Спендер [Spender 1980: 158] точно характеризует это явление: “Now she represents a woman but he is mankind. if she enters mankind, she loses herself in he”. То же самое верно и для китайского языка, например, 不要以为一个人一时正确, 就认为他永远正确。(路遥《平凡的世界》 ‘Не думайте, что если человек прав на мгновение, то он прав всегда’. Когда пол человека неизвестен, то используется для обозначения мужского пола.

Примеры паремий с компонентом гендерной дискриминации

Паремии с гендерно дискриминационными коннотациями характерны для диалектов провинции Шаньси. Автор обратился к диалектному словарю городов Тайюань, Синьчжоу, Датун и Янчэн, кратким описанию уездных диалектов (方言志 方言志 чжи) в городе Линьфэнь, Юаньпин и Датун, и, при необходимости, на ряд других источников диалектной лексики, перечисленных выше.

В Тайюаньском диалектном словаре [Шэнь Мин, Ли Жон 1994], Синьчжоуском диалектном словаре [Вэнь Дуаньчэн, Чжан Гуанмин 1994], Датунском диалектном словаре [Ли Синь 2013] и Янчэнском диалектном словаре [Ли Вансай 2009] автором статьи для анализа были выбраны разделы «Астрономия», «Общие наименования» и «Свадьба и похороны».

В шаньсийском диалекте часть выборки слова с гендерно дискриминационной компонентой условно можно разделить на три категории. Первые две категории связаны с престижными сферами и номинациями их составляющих, метафорические

переносы которых, как правило, соотносятся с мужчинами. Третья категория с преимущественно женскими номинациями принадлежит к объектам обыденной сферы.

Категория 1 (Астрономические объекты): в шаньсийском диалекте к солнцу и луне часто обращаются со словом «господин», чтобы выразить уважение, например господин луны, господин солнца. Иными словами, они маркированы как классы мужчин.

Категория 2 (Высшие силы): большинство богов и богинь в мифах считаются мужчинами, например, Бог Неба, Бог богатства, Бог огня.

Категория 3 (Социальные характеристики): Уничижительные слова, используемые только для описания женщин, и не существующие в том же значении для описания мужчин. Например, эрготу «женщина, выходящая второй раз замуж» (неодобрительно).

Мы привели несколько примеров сексизма на материале словарей диалекта Шанси. Рассмотрим далее возможные причины появления сексизма в диалекте.

Экстралингвистические факторы, приводящие к гендерной дискриминации на лексическом уровне

Основными могут быть считаться географические факторы, социально-культурные и экономические факторы.

Географические факторы. Лессовое плато, с его труднодоступностью и плохой коммуникацией, обязательно будет закрытым и сохранит множество диалектных слов, характерных для предыдущих периодов языка. Например: 害汉辰 «Женщины, убивающие своих мужей из-за любовной связи». Слово «хань», обозначающее мужа, стало использоваться не позднее династии Мин.¹

Историко-культурные факторы. Исторически сложилось так, что в обществе долгое время доминировали мужчины. Китайская культура находится под влиянием конфуцианства и в ней глубоко укоренились идеи «Трех принципов» и «Пяти принципов», превосходства мужчин над женщинами. Например: 姑娘坟 «могила девушки». Дело в том, что незамужние девушки не могут быть похоронены на кладбище своей матери, и, если они не находят себе пару, им приходится искать другое место для захоронения. По представлениям древних китайцев, во-первых, женщины выходили замуж от своих мужей, а во-вторых, древние верили, что смерть женщины до того, как она выйдет замуж, и, если она будет похоронена в родовой гробнице, неблагоприятно скажется на судьбе родовой гробницы.

Физическое и экономическое неравенство. В аграрную эпоху женщины были полностью подчинены мужчинам, поскольку в аграрную эпоху требовалась большая сила и физическая мощь, а в среднем физическая сила и мощь женщины всегда уступала мужской. В результате возникало неравенство в силе, которое приводило к неравенству в доходах, т.е. к экономическому неравенству. «Из-за отсутствия экономической независимости они теряют свое равенство с мужчинами в производственной, социальной и политической сферах». Например: 大脚婆婆 «большеголая женщина», что относится к мужчине, который любит вести хозяйство (в уничижительном смысле). В древности ведение домашнего хозяйства считалось обязанностью женщины, а для мужчины это было уничижительно, отсюда и женский термин «свекровь», уничижительный, если его применяли к мужчинам.

¹ 张海峰. 忻州方言历史词汇研究.博士学位论文/ 张海峰.-武汉: 华中师范大学,2016.-45页. – Чжан Хайфун. Исторические лексические исследования в диалекте Синьчжоу : канд. дис./ Чжан Хайфун. Ухань: центрально-китайский педагогический университет, 2016.

Заключение

Язык – это система отражения социальной жизни. В этой статье автор сделал попытку показать наличие сексизма в диалекте провинции Шаньси, а также обсудил некоторые причины появления гендерно дискриминационных слов и паремий. Особое географическое положение, культурный фон и физическая слабость и экономическая зависимость женщин — вот глубинные причины сексизма в диалекте Шаньси. Для того чтобы искоренить сексизм в диалекте, необходимо, во-первых, отказаться от идеологии превосходства мужчин, а во-вторых, общество должно обращать внимание на голоса женщин, уважать и поддерживать их, улучшить их экономическое положение. С помощью этих средств сексизм в речи можно постепенно искоренить.

Литература

Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265-284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284

Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М.: Восточная книга, 2014.

Москвичева С.А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком» // Психологические исследования. 2015. 5(42).

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве китайской народной республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1103-1117.

Ли Вансай. 李旺财. 阳城方言/李旺财. —太原: 三晋出版社, 2009年. [Ли Вансай. Диалект в городе Янчэн. Тайюань: «Саньцзин», 2009.].

Ли Синь. 李金. 大同方言博览/李金. —太原: 北岳文艺出版社, 2013年. [Ли Синь. Собрание диалектов Датуна. Тайюань: «Бэйюэ», 2013.].

Вэнь Дуаньчэн, Чжан Гуанмин. 温端政、张光明. 忻州方言词典/温端政、张光明等编. —南京: 江苏教育出版社, 1994年. [Вэнь Дуаньчэн, Чжан Гуанмин. Синьчжоуский диалектный словарь. Нанкин: Издательство Образование в провинции Цзянсу, 1994.].

Шэнь Мин, Ли Жон. 沈明、李荣. 太原方言词典/沈明、李荣等编. -南京: 江苏教育出版社, 1994年. [Шэнь Мин, Ли Жон. Тайюаньский диалектный словарь. Нанкин: Издательство Образование в провинции Цзянсу, 1994.].

Чжан Хайфун. 张海峰. 忻州方言历史词汇研究. 博士学位论文/张海峰.-武汉: 华中师范大学, 2016. [Чжан Хайфун. Исторические лексические исследования в диалекте Синьчжоу: канд. Дис. Ухань: Центрально-китайский педагогический университет, 2016.].

*Li Kezhu (Moscow, Russia)
RUDN University*

GENDER DISCRIMINATION IN THE DIALECTS OF SHANXI PROVINCE

The article discusses the issues of gender discrimination in the dialects of the Shanxi province in China. From several dictionaries, units were selected using a continuous sampling method, the content of which can be considered as gender-marked, then discriminatory markers were identified and, finally, the factors of gender discrimination were analyzed.

Key words: paremia, dialect, Shanxi dialects, gender discrimination.

Ли Сюэ (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

evelynlee@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В КНР: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ НОМИНАЦИИ ‘МИНЬ ЦЗУ’

По сравнению с рядом терминов, используемых на Западе, которые конкретно относятся к соответствующим этническим сообществам на разных исторических этапах и на разных культурных и политических уровнях, использование номинации «минь цзу» (нация, этнос, народность, народ) в китайском языке относительно однообразно. Однако, понятие «минь цзу» в китайском академическом дискурсе многогранно и богато коннотациями. В разных дискурсивных системах данная номинация может относиться к разным сообществам, а ее конкретное значение необходимо понимать исходя из контекста или определенной ситуации. Таким образом, в этой статье будут изучены семантические характеристики китайской номинации «минь цзу» и разобраны этнические категории и этническая структура Китая.

Ключевые слова: номинация, нация, этнические группы, меньшинства, семантика, этнические категории, этническая структура, КНР.

Настоящее исследование вписывается в проблематику социолингвистической категоризации языков и вариантов и их вариантов [Moskvitcheva, Viaut 2014; Moskvitcheva, Viaut 2019; Moskvitcheva 2021] в пространстве КНР [Москвичева, Ли Сюэ 2017]. Термин «минь цзу» в современном значении пришел в Китай вместе с современными западными теориями национализма в начале 20-го века и широко использовался как в академических дискуссиях, так и на практике при решении национальных и этнических проблем. Под влиянием западных теорий, но одновременно отлично от них и с опорой на китайские традиции, в КНР была проведена классификация различных общностей людей. Однако в китайском местном дискурсе для обозначения этих этнических категорий используется только номинация «минь цзу»¹. Таким образом, номинация «минь цзу» в китайском языке имеет широкий объем значений и, в основном, содержит следующие понятия.

1. Относится к сообществу различных людей, сформировавшемуся в истории на разных этапах общественного развития. Например, «чжунхуа **миньцзу**» (китайская нация)² [Ci Dian 2016: 1004];

2. Относится к сообществу людей с общим языком, общей территорией, общей экономической жизнью и общими психологическими качествами, выраженными в общей культуре. Например, «чжунго ю 56 гэ **миньцзу**» (в Китае насчитывается 56 этнических групп)³ [Ci Dian 2016: 1004];

3. Относится ко всему народу определенной страны⁴ [Ci Dian 1996: 1672];

4. Как обычное употребление, фактически относится к этническим меньшинствам, отличным от ханьцев в нашей стране (в Китае). Например, фразы «миньцзу дицюй» (этнические районы), «миньцзу ганьбу» (этнические кадры) и

¹ В некоторых случаях производные слова «минь цзу» используются для уточнения конкретных групп людей, таких как «чжунхуа миньцзу» (китайская нация), «шаошу миньцзу» (этнические меньшинства) и д.т.

² 指历史上形成的,处于不同社会发展阶段的各种人的共同体: 中华民族. (Здесь и далее перевод наш – Л.С.)

³

特指具有共同语言、共同地域、共同经济生活以及表现于共同文化上的共同心理素质的人的共同体: 中国有56个民族.

⁴ 指称某一国家的全体人民.

«миньцзу ияо» (этническая медицина) относятся к понятиям «районы этнических меньшинств», «кадры этнических меньшинств» и «медицина этнических меньшинств» (отличная от традиционной китайской медицины)¹ [Zhai Shengde 1999: 67].

Здесь необходимо остановиться на проблеме перевода. В английском, русском и других иностранных языках для обозначения «сообщества людей» существует множество терминов и концепций со схожими значениями (связанными между собой, но не идентичными). Однако, в китайском языке нет точно соответствующих и общепринятых слов, и все эти иностранные термины переводятся как «минь цзу», что привело к расплывчатости и двусмысленности его понятия. При переводе китайского слова «минь цзу» на иностранный язык необходимо выбрать «эквивалентные» иностранные слова в соответствии с контекстом для выражения конкретного значения слова «минь цзу». Если взять в качестве примера русский и английский языки, то эквивалентными русскими и английскими терминами, соответствующими китайскому слову «минь цзу», в русском языке являются – нация, этническая группа и народ, а в английском – nation, nationality, ethnic group, people и ряд других.

Содержание номинации «минь цзу» в китайском языке многослойно [Li Xue 2019]. Во-первых, она представляет собой «чжунхуа миньцзу»² (китайскую нацию), которая является общим названием для всего народа (всех людей) Китая. «Чжунхуа миньцзу» (китайская нация) имеет национально-государственный характер. Во-вторых, она включает в себя конкретные «минь цзу»³ (56 этнических групп), составляющие всю китайскую нацию (кит. 中华民族. чжунхуа миньцзу), которые признаются скорее историко-культурными сообществами, чем политическими образованиями. В-третьих, она относится к «миньцзу чжиси»⁴ (внутренним ветвям) каждой этнической группы китайской нации, например, пять видов Яо⁵ на горе Яо в провинции Гуанси [He Shutao 1988]. Структура данной номинации представлена на рисунке ниже (рис. 1).

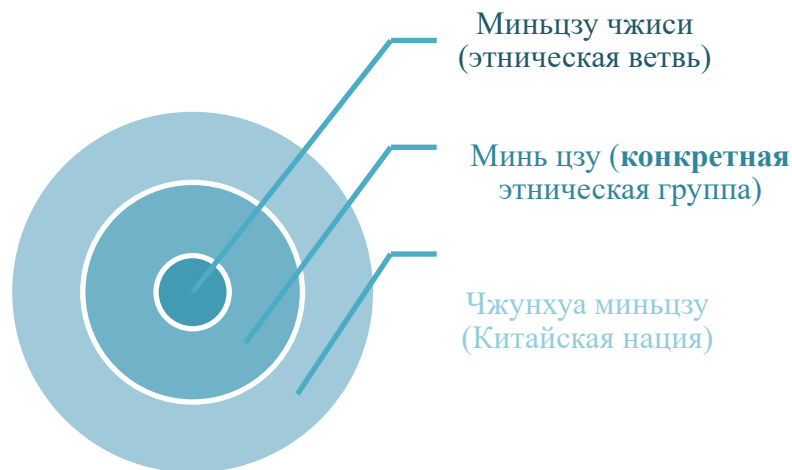

Рис. 1. Многослойная структура номинации «минь цзу» (нация, этнос, народ) (рисунок автора)

¹

作为一种习惯性用法，实际上指我国汉族以外的少数民族，如“民族地区”、“民族干部”、“民族医药”(有别于中医药)。

² 中华民族. Zhonghua minzu.

³ 民族. Min zu.

⁴ 民族支系. Minzu zhixi.

⁵ 瑶族. Yaozu: одна из этнических групп Китая.

Таким образом, несмотря на однообразное использование номинации «минь цзу» в китайском академическом дискурсе, ее богатая коннотация и широкий объем значений делают ее гибкой и инклюзивной, что существенно отличает объем и содержание понятия данной номинации от соответствующих терминов в европейских языках. Основываясь на значениях сообществ людей разного уровня и различных форм, обозначаемых номинацией «минь цзу», можно разделить основные этнические категории Китая и понять его этническую структуру, которую мы представили на рисунке номер 2.

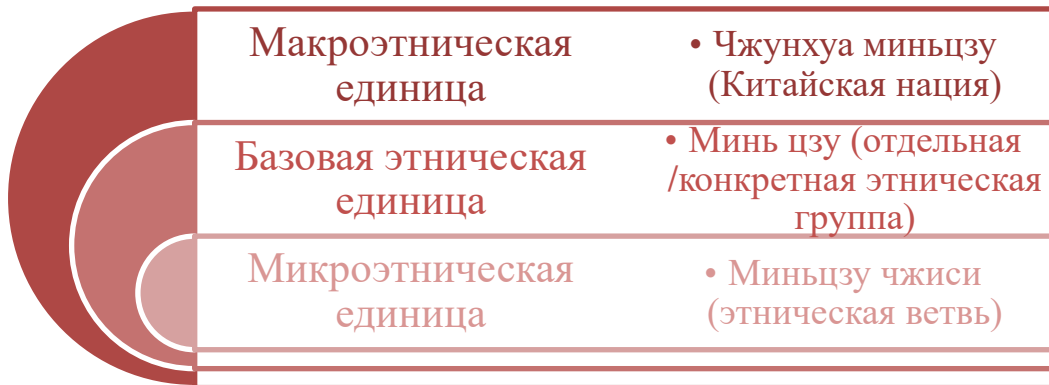

Рис. 2. Этнические категории и этническая структура Китая (рисунок автора).

Взаимоотношения между «чжунхуа миньцзу» (китайской нацией), «минь цзу» (этническими группами) и «миньцзу чжиси» (этническими ветвями) можно сравнить с отношениями между садом, цветами и лепестками. «Чжунхуа миньцзу (китайская нация) станет огромным садом цветущих цветов»¹ [Fei Xiaotong 2003: 18]; а 56 минь цзу (этнических групп) представляют собой 56 цветов в саду. Миньцзу чжис (этнические ветви) можно рассматривать как лепестки на цветах. Некоторые этнические группы имеют меньше внутренних ветвей, а некоторые – больше, например, у орхидей всего три лепестка, в то время как у хризантем и пионов их десятки [He Shutao 2009].

Литература

Ci Dian. 现代汉语词典 (第七版). 北京: 商务印书馆. 2016. P. 910, 1150. [Словарь современного китайского языка (7-е издание). Пекин: Коммерческая пресса, 2016. С. 910, 1150].

Ci Dian. 现代汉语词典 (修订本). 北京: 商务印书馆. 1996. P. 1672. [Словарь современного китайского языка (исправленное издание). Пекин: Коммерческая пресса, 1996. С. 1672].

Zhai Shengde. 翟胜德. 1999. “民族”译谈. 世界民族, 第2期. P. 67. [Чжай Шэндэ. О переводе слова «минь цзу» // Журнал изучения народов мира. 1999. Вып. 2. С. 67].

Li Xue. From Nominations of Socio-Ethnic Groups to Categorization of Minority Languages in China: Semantic Analysis // *Minority Languages from Western Europe and Russia. Language Policy*, vol 21. / eds S. Moskvitcheva, A. Viaut. Switzerland: Springer, Cham. P. 99-113.

¹ 中华民族将是个百花争艳的大园圃.

He Shutao. 何叔涛. 1988. 民族概念的含义与民族研究. 民族研究, 第5期. [Хэ Шутао. Значение понятия «минь цзу» и этнологические исследования // Этнические исследования. 1988. Вып. 5].

He Shutao. 何叔涛. 2009. 汉语"民族"概念的特点与中国民族研究的话语权 — 兼谈"中华民族"、"中国各民族"与当前流行的"族群"概念. 民族研究, 第2期. P. 11-20. [Хэ Шутао. Характеристики концепта «Минь цзу» и дискурсивная сила этно-национальных исследований Китая: Обзор концепций «Китайская нация», «Все национальности Китая» и популярной «Этнической группы» // Этнические исследования. 2009. Вып. 2. С. 11-20].

Fei Xiaotong. 费孝通. 2018. 中华民族多元一体格局. 北京: 中央民族大学出版社. P. 18. [Фэй Сяотун. Структура разнообразия в единстве китайской нации. Пекин: Издательство Китайского университета Миньцзу, 2018. С. 18].

Viaut A. et Moskvitcheva S. (dirs.). Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014.

Moskvitcheva S.A., Лу Сюэ. Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве китайской народной республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1103-1117.

Moskvitcheva, S. & Viaut A. (eds.). *Minority Languages from Western Europe and Russia. Comparative Approaches and Categorical Configurations*. Cham : Springer, 2019.

Moskvitcheva S. «Notions équivalentes ou proches en russe de celle de minorité linguistique» // Catégories référentes des langues minoritaires en Europe / dir. A. Viaut. Bordeaux-Pessac : Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2021. P. 327-350.

Lee Xue ((Moscow, Russia)
RUDN University

ETHNIC CATEGORIES IN THE PRC: FEATURES OF THE SEMANTICS OF THE NOMINATION 'MIN TSU'

Compared to a number of terms used in the West, which specifically refer to relevant ethnic communities at different historical stages and at different cultural and political levels, the use of the nomination "min zu" (nation, ethnic group, nationality, people) in Chinese is relatively uniform. However, the concept of "min zu" in Chinese academic discourse is multifaceted and rich in connotations. In different discursive systems, this nomination may refer to different communities, and its specific meaning must be understood based on the context or a specific situation. Thus, this article will study the semantic characteristics of the Chinese nomination "min zu" and analyze the ethnic categories and ethnic structure of China.

Key words: nomination, nation, ethnic groups, minorities, semantics, ethnic categories, ethnic structure, PRC.

А.А. Логунова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
anastasia.a.logunova@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТЕВЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ АНАЛИЗА СЕМАНТИКИ ПРЕДИКАТОВ *DEPEND ON / RELY ON / COUNT ON*

В работе рассматриваются вопросы, связанные с семантическим анализом синонимичных глаголов, таких как *depend on*, *rely on*, *count on* с применением триангуляционного подхода. Его суть составила методика, состоящая из комбинированного

подхода, включающего гипотетико-дедуктивный метод, семантический эксперимент, обращение к поисковым системам и работой с корпусами английских текстов.

Ключевые слова: семантика, синонимы, гипотетико-дедуктивный метод, сетевые ресурсы, лингвистический эксперимент.

В контексте развития и роста международных контактов и связанным с этим повышением интереса к категоризации процессов внеязыковой действительности группа предикатов *depend on / rely on / count on* представляет интерес для изучения, что связано в том числе и со сложностью определения их семантики, а также с оптимизацией использования сетевых технологий для решения исследовательских задач в области когнитивной лингвистики и выявлении экспериментального потенциала корпусов текстов и данных поисковых систем.

Актуальность предпринятого исследования определяется наличием общего интереса к процессам языковой категоризации и изучению концептуализации фрагментов внеязыковой действительности средствами естественного языка [Никитина 2022]. Так, широко исследуются различные группы слов со сходными значениями. В фокусе изучения оказываются и критерии взаимозаменяемости слов. Вместе с тем рассматриваемые в работе глаголы не были затронуты [Фомина 2007].

Материалом исследования послужили высказывания из английских лексикографических источников (Cambridge Advanced Learner's Dictionary); корпусов текстов (Британский национальный корпус BNC, корпус современного американского варианта английского языка COCA) с исследуемыми глаголами в количестве 596; высказывания с данными глаголами, обработанные в поисковой системе Google, в количестве 1129; высказывания, содержащие в своем составе конструкции *depend on / rely on / count on* и составленные для информантов, в количестве 24 языковых единиц; а также примеры из поисковых сетевых систем Big Data на английском языке.

Методологическую основу исследования составляют теоретические положения, представленные в работах отечественных и зарубежных ученых, анализирующих различные аспекты когнитивной лингвистики и когнитивной семантики, и связанные с:

– введением сетевых технологий в лингвистический эксперимент и оценкой их потенциала применительно к анализу различий семантики языковых единиц [Никитина 2022: 84];

– обоснованием выбора экспериментальной методики исследования в рамках общего гипотетико-дедуктивного метода и определением специфики семантического эксперимента по отношению к другим видам экспериментов: психолингвистического, полевого, социолингвистического [Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020];

– представлением о природе значения языкового знака как информации, вносимой об объекте внеязыковой действительности и имеющей языковую релевантность; “о соотношении значения знака и концепта” [Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020: 303];

– определением места лингвистической семантики и ее метаязыка в общей системе лингвистических представлений, относящихся к проблемам языковой концептуализации и категоризации, отличающих ее от когнитивной лингвистики и прагматики.

Методика настоящего исследования основана на комплексном подходе на основе ряда методик и анализов [Никитина 2022: 70]:

– критическом компонентном анализе словарных определений на базе CALD, в ходе которого были выявлены так называемые «логические круги»;

– контекстном анализе – создание эмпирической базы на основе корпусов British National Corpus и Corpus Of Contemporary American путем поиска словосочетаний с

исследуемыми лексемами. Выбор данных корпусов текстов обусловлен представленностью в них аутентичных текстов на американском и британском английском языке, что позволяет получить полную информацию об употреблении данных лексем;

– дистрибутивном анализе – проверке правого и левого контекста слов в приложении AntConc и сочетаемости глаголов на основе использования ресурсов Google. Исходная лексема в набранных предложениях заменялась синонимичным глаголом [Голубкова 2019; Лукошус 2018; Никитина 2022; Сулейманова, Лукошус 2017]. Таких языковых единиц было набрано 1192.

При этом в исследовании используется потенциал поисковых сетевых технологий BIG DATA в качестве поискового (*Search engines*) и исследовательского (*Research engines*) ресурса [Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020].

Для изучения семантики слов и особенностей их употребления релевантным представляется использование различных методик и анализов. Например, триангуляционный подход, который и предполагает использование исследовательских возможностей сетевых систем (*research engines*) наряду с вышеописанными видами анализа. В качестве таких систем могут использоваться те же ресурсы, которые были задействованы в качестве поисковой системы. Такой ресурс позволяет сделать выводы об употребляемости / неупотребляемости словосочетаний, частотности их использования. Так, при анализе графика частотности употребления лексем из сервиса Google Ngram Viewer было выявлено, что наиболее частотным глаголом в настоящее время является *count on*. Таким образом, гипотеза, сформулированная в ходе гипотетико-дедуктивного метода, получает верификацию от большого количества информантов – носителей языка, наряду с «коллективным» информантом, в качестве которого выступает источник *Big Data* [Лукошус 2018; Никитина 2022; Сулейманова 2019].

Рассмотрим формат семантического эксперимента. Информантам предлагалось заполнить анкету, где каждое высказывание представлялось в трех вариантах (с тремя исследуемыми глаголами). Первое предложение всегда содержало глагол / лексему, сочетание которого подтверждено поисковой системой – *Search u Research engines*, например: *How quickly you get compost will depend on your climate, the season.* / *How quickly you get compost will rely on your climate, the season.* / **How quickly you get compost will count on your climate, the season.* Информантам предлагалось оценить правильность каждого предложения по заданной шкале оценивания. В данном эксперименте приняли участие пять информантов: два носителя британского английского языка, два носителя американского английского языка и один информант из Канады. Отбор информантов обеспечит эксперимент разнообразными с точки зрения языковых кодов результатами [Никитина 2022].

Семантический эксперимент подтвердил результаты дистрибутивного и компонентного анализов. При этом, для носителей американского английского языка во многих контекстах наиболее приемлемым глаголом оказался предикат *count on*.

Выявлено, что глагол *depend on* выражает наибольшую степень зависимости объектов, что проявляется, например, предпочтительностью его употребления в условных и придаточных предложениях типа *depend on + if... / how... / what...*, например: *The frequency of collecting performance data will also depend on how treatment units wish to use the information.* Данный глагол также используется для описания зависимости от факторов, обозначающих жизненную необходимость, например: *Life in*

communities depend on aquatic resources. / The future of the New England groundfish industry could depend on Joseph Brancalone.

В семантике глагола *rely on* заложена информация о доверии субъекта-подлежащего к объекту-дополнению. В данном случае речь идет о меньшей степени зависимости объектов, это скорее о надежде на совершение какого-то действия, которое в свою очередь облегчит выполнение следующего действия. В пользу этого говорит частотное использование глагола в конструкции *rely on ... + for doing / to do smth*, например: *We rely on her to protect our interests.*

Глагол *count on* представляет наименьшую степень зависимости в данной группе предикатов. Его использование возможно только в том случае, если дополнение обозначает предмет / явление / действие, подконтрольное человеку. Как и в предыдущем случае, глагол отражает надежду субъекта-подлежащего на некоторое событие, однако имплицитно отсутствует наличие каких-либо гарантий на его совершение, например: *Jill and Mike count on their guests working up a good appetite from walking. Count on* также часто употребляется для обозначения поддержки, преданности или помощи: *It's fair to assume you can't count on his vote.*

Таким образом, ключевые различия в семантике данных лексических единиц определяются рядом семантических признаков, связанных с выражением уровня зависимости субъекта-подлежащего от объекта-дополнения, а также их подконтрольностью.

Литература

Никитина В.В. Концептуализация ментального состояния субъекта в конструкциях типа *X shudders to think*: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

Сулейманова О.А., Лукошус О.Г. Вопросы лексикографического портретирования слов с общим значением *странный* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2017. № 4 (70): в 2-х ч., Ч. 1. С. 179-185.

Сулейманова О.А., Фомина М.А., Тивьяева И.В. Принципы и методы лингвистических исследований: учебное пособие. М.: ООО «Языки народов мира», 2020.

Фомина М.А. Концептуализация «пустого» в английском языке (*empty, blank, spare, unoccupied, vacant и void*) // Вестник Московского городского педагогического университета. Журнал Московского городского педагогического университета. 2007. № 1(14). С. 122-127.

*A.A. Logunova (Moscow, Russia)
Moscow City University*

EXPERIMENTAL METHODICS FOR ANALYSING SEMANTICS OF PREDICATES *DEPEND ON / RELY ON / COUNT ON*

This study focuses on the three English synonymous verbs, namely, *depend on, rely on, count on* and offers results of experimental research into the verification potential of algorithms for mathematical processing of linguistic experiment results. The paper focuses on the verification potential of modern search engines and widely used text corpora, defines the role of linguistic experiment with a native speaker.

Key words: semantics, synonyms, hypothesis-deduction method, experimental methodics, linguistic experiment.

*М.Д. Маркова, И.В. Уланов (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
markova.m@edu.narfu.ru; ulanov.i@edu.narfu.ru*

АНАЛИЗ ТОНАЛЬНОСТИ КАК МЕТОД РАСПОЗНАВАНИЯ КОНТЕНТА: НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА «СКУЛШУТИНГ»

Статья посвящена методам обработки естественного языка: анализу тональности текста с использованием словаря оценочной лексики и логистической регрессии для автоматизированного выявления в социальных сетях контента, связанного с феноменом «скулшутинг». Целью исследования является рассмотрение результатов методов анализа тональности текстов данной сферы. Также используется когнитивно-матричный анализ в качестве метода исследования.

Ключевые слова: обработка естественного языка, анализ тональности, логистическая регрессия, скулшутинг, когнитивно-матричный анализ.

В современном мире социальные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни. Несмотря на наличие позитивных сторон, распространение негативного и вредоносного контента также стало важной составляющей цифровой реальности. Наш интерес направлен на случаи, связанные с таким феноменом, как «скулшутинг». Он представляет собой планирование, организацию, совершение вооруженного нападения на территории образовательного учреждения любого уровня одним или несколькими учащимися с целью массового убийства [Карпова 2021: 93]. Данный феномен изучается лингвистами, которые используют в своих подходах стилистический анализ как выявление стилистических средств и их функций, анализ языка на лексико-семантическом уровне, среди которых методы функционально-семантического поля и компонентного анализа, а также концептуальный анализ, например метод когнитивно-матричного анализа, применяющегося для исследования смыслового наполнения данного феномена в России. Тем не менее данные методы имеют существенные недостатки.

Во-первых, они не представляют собой единого набора принципов и способов исследования и описания языковых сущностей.

Во-вторых, неправильный выбор методов лингвистического исследования может существенно исказить результаты работы.

В течение последних 5 лет заметен рост интереса к теме «скулшутинг» в детскоподростковой среде. Для борьбы с этой угрозой разрабатываются и применяются передовые методы и технологии. Автоматизированное выявление подобного контента становится актуальным направлением исследований, поэтому авторы данной статьи создают собственную автоматизированную систему распознавания постов в социальных сетях, связанных с феноменом «скулшутинг». Одной из основных наших задач является обучить систему распознавать не информацию, связанную с просветительской деятельностью в данной сфере, а так называемые «триггерные» сообщения, т. е. романтизация скулшутеров, призывы к насилию и стрельбе, прямое или косвенное желание повторить подобное и т.д.

Поэтому в качестве метода выбран анализ тональности – одно из направлений обработки естественного языка, главной целью которого является определение эмоциональной окраски текста для выявления отношения автора текста к какому-либо объекту, определенной теме, процессу или явлению [Павлова 2013: 2-7].

предложениям присваивается значение 0, а позитивным 1. Принадлежность предложения к негативному или позитивному определяется на основании работу инструмента VADER, где предложения, имеющие общий коэффициент тональности меньше 0,2, определяются как негативные, а предложения со значением больше 0,2 – позитивными. Для имеющихся слов создаются специальные словари, где первый словарь содержит в себе представление слов как чисел, а второй – чисел как слов, такие словари представляют собой «словарь-кодировщик». Каждому слову дается уникальный целочисленный идентификатор с целью преобразования слов в предложениях в их цифровую последовательность. Точность предсказаний модели логистической регрессии, обученной на имеющихся данных в тестовой выборке, составляет 81%. Приведенный выше пример *Ребят я пошел рекорд делать! 50 килов!:)* модель относит к классу негативных предложений, а уверенность модели в таком предсказании составляет 84%.

Тем не менее, при использовании указанных выше способов возникает проблема эмотивности. Она предполагает существование разноуровневых языковых средств выражения эмоций [Квасюк 1983: 28] и подразумевает выявление и описание всех возможных языковых средств создания эмоционального эффекта. Несмотря на то, что мы придерживаемся бинарной классификации эмоций, существует трудность в обучении системы идентифицировать предложения, имеющие негативную коннотацию, например (орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены):

- *Казань 2023, повторим?;*
- *Доказал стволом что не терпила;*
- *Хороший мальчик правильно сделал я бы тоже бы сделала бы так же.*

Решением данной проблемы может быть тональная разметка подобных предложений вручную.

При этом, как можно заметить в предложениях выше, некоторые слова написаны орфографически неверно. В таких случаях нет необходимости исправлять подобные ошибки. Во-первых, многие пользователи намеренно пишут с ошибками для того, чтобы их не заблокировали. Во-вторых, система должна обучаться именно на существующих данных, чтобы точность предсказаний модели была выше.

Таким образом, предпринята попытка описать возможные трудности при анализе тональности при применении методов с использованием словарей оценочной лексики и традиционного машинного обучения. Результаты научного исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки автоматизированной системы распознавания и мониторинга контента, связанного с феноменом «скулшутинг», в социальных сетях. Одной из главных задач видится окончательная разметка данных для оценки эффективности подобного метода для системы и подбор оптимальной архитектуры для задачи определения тональности текста. Интересным представляется сравнительный анализ данного метода с использованием различных инструментов.

Литература

Карнова А.Ю. Скулшутинг в России: что имеет значение? // *Власть.* 2021. Т. 29. № 1. С. 93-108.

Квасюк И.И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики: дис. ...канд. филол. наук. М., 1983.

Кулагин, Д.И. Открытый тональный словарь русского языка КартаСловСент // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2021), Москва, 16-19 июня 2021 года.* 2021. № 20. С. 1106-1119.

Павлова Ю.В. Метод автоматического анализа тональности текста в применении к социологическим задачам: на примере анализа комментариев к постам Живого Журнала // Избранные тезисы докладов IV Студенческой социологической межвузовской конференции. 2013.

Hutto C.J., Gilbert E.E. VADER: A Parsimonious Rule-based Model for Sentiment Analysis of Social Media Text // Eighth International Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM-14). 2014.

Ng A., Ma T. CS229 Lecture Notes. 2023.

O'Keefe T., Koprinska I. Feature selection and weighing methods. I sentiment analysis // Australasian Document Computing Symposium. 2009.

*M.D. Markova, I.V. Ulanov (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

SENTIMENT ANALYSIS AS A METHOD FOR RECOGNIZING CONTENT RELATED TO THE SCHOOL SHOOTING

The paper is devoted to the methods of natural language processing: text sentiment analysis using the dictionary of evaluative words and logistic regression, used for the implementation of an automated system for detecting content related to the School Shooting in social networks. Cognitive matrix analysis is also used as a research method.

Key words: natural language processing, sentiment analysis, logistic regression, school shooting, cognitive matrix analysis.

С.Л. Михеева (Чебоксары, Россия)

*Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
mikhsveta@rambler.ru*

РОЛЬ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СТРУКТУРИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена описанию семантических отношений в группе прилагательных, выражающих представление человека о пространственных ориентациях. Естественной точкой отсчета в этой системе является человеческое тело и зависящее от его положения зрительное восприятие, а также тело иного живого существа, имеющее вытянутую форму. На этой основе структурируются представления о вертикальной и горизонтальной осях. Одно из ключевых понятий – образ линии, формирующий представление о границе.

Ключевые слова: пространство, пространственная ориентация, локативное прилагательное (адъектив), словобразовательный формант.

Пространство – одно из ключевых понятий, структурирующих представление человека о мире. Ориентация в окружающей его физической действительности происходит с опорой на пространственные соотношения предметов-вещей, занимающих некоторое местоположение в той или иной точке (см. в частности суждения Е.С. Кубряковой о пространстве как о «самой большой по своим масштабам, самой важной для восприятия мира и жизнедеятельности человека, а поэтому одной из самых существенных по своим последствиям <...> целостности», о «чувственной основе» представления о нем в [Кубрякова 2004: 465-466]). Языковые средства номинативной природы, самым своим значением предполагающие существование,

бытование субстанции, априори несут в себе идею о локализации этого существования – или о месте нахождения предмета.

Интерпретация и категоризация пространственной ориентации и соответственно определение этих соотношений опирается на естественную точку отсчета, в качестве которой выступает человеческое тело [Топоров 1983: 244-245], – это первый, базовый, уровень репрезентации системы представлений человека о данной области в языке. В настоящей статье рассматриваются имена прилагательные, которые могут быть отнесены к ядру этого семантического уровня и так или иначе связаны с образом человека. Их смысловая опора основывается на представлении о положении человеческого тела относительно поверхности, служащей для него опорой. Соответственно структурируются вертикальная (голова – ноги) и горизонтальная (раскинутые руки, грудь / живот – спина) оси: а) вертикальная ось – *верхний, средний, нижний (подножный)*; б) горизонтальная ось ориентирована на зрительное восприятие, зрительный охват физических объектов – *передний, задний, тыльный; правый, левый, боковой*.

В живой речевой ситуации эти оси проявляют различные свойства. Вертикальная ось статична: при условии, что человек встает на руки, т.е. вниз головой, *верхний* и *нижний* не меняются местами. Горизонтальная ось динамична и вследствие этого относительна: *передний* и *задний* для двух стоящих друг против друга людей имеют противоположный смысл.

В тесном соотношении с «осевыми» прилагательными находятся параметрические, или размерные, адъективы, также имеющие смысловую опору в представлениях о местоположении человека (*близкий, ближний – далекий, дальний*) и связанных с ним нормах размеров (*высокий – низкий, толстый – тонкий, широкий – узкий* и т.п.). Исследование этой тематической группы прилагательных имеет давнюю традицию, поэтому в данном случае это не является предметом рассмотрения.

Вторая базовая точка отсчета – представление о теле живого существа, имеющем удлинненную форму, вытянутое туловище. Соответственно этому образованы адъективы *головной* и *хвостовой*. Отметим, что в опорном представлении подразумевается семантический признак подвижности. Это проявляется в типичной сочетаемости прилагательных: *головная / хвостовая часть* поезда, колонны; *головной / хвостовой вагон, отряд, группа* и т.п. Поэтому вектор пространственной ориентации накладывается в этом случае на направление движения и коррелирует с соотношением *передний / задний*.

Следующий уровень пространственных ориентаций предполагает в качестве смысловой опоры представление внешнего по отношению к человеку мира. Здесь наблюдаем исключительный приоритет зрительного восприятия. Элементарный образ – линия, которая выполняет роль разграничителя, над и под которым может находиться объект: земная поверхность – *земной* (находящийся на земле или близко к ней, в области ее притяжения); *наземный / надземный; подземный*; соответственно водная поверхность – *водный, надводный, подводный*. Третья стихия, образующая естественную среду обитания человека, – воздух, не имеет видимых границ, кроме верхней – неба, соответственно образуются *небесный, поднебесный*. Это верхняя граница человеческого мира, за которую проникнуть нет возможности (не берем здесь в расчет историю воздухоплавания и полеты в космос), поэтому отсутствует **наднебесный*. Ни физические открытия, ни современная история освоения космоса не дали языку этого слова. Сам воздух – среда, в которой невозможно закрепиться, в ней

можно перемещаться, соответственно *воздушный* предполагает «находящийся в воздухе».

Упомянутые прилагательные характеризуются вертикальной ориентацией, что находит отражение в словообразовательных формантах *над-*, *под-*, *на-* + *-н-*. По этой модели образуются также *подлунный*, *нагорный* / *подгорный*.

Архетипическую смысловую основу имеют адъективы *потусторонний* / *посюсторонний*: в качестве границы между сторонами определяются естественные плоскости среды обитания человека – земля, вода, небо. Все, что находится за этими плоскостями, наделяется мистическими свойствами и часто оценивается как неподвластное человеку и враждебное.

Особняком стоят прилагательные, называющие стороны света. Это независимая на первый взгляд от восприятия человека система координат, соотносимая с физической картиной мира: *северный*, *западный*, *южный*, *восточный*, дополняемые названиями срединных, промежуточных направлений типа *юго-западный*, *северо-восточный* и т.п. К мифологическим представлениям о видимом движении солнца восходят значения опорных существительных *запад* и *восток*.

Далее рассмотрим адъективы, образованные от названий физических объектов, формирующих природный ландшафт: это различные формы земной поверхности – рельеф, водные образования, находящиеся в различных климатических зонах и покрытые специфической растительностью площади: *горный*, *равнинный*, *речной*, *озерный*, *морской*, *степной*, *лесной*, *тундровый*.

Водные объекты представляют естественные преграды. Соответственно словообразовательные значения производных адъективов отражают этот аспект: *за-* + *-н-* / *-ск-* – «находящийся за преградой» (*заречный*, *запрудный*, *заморский*); *при-* + *-н-* / *-ск-* – «находящийся рядом с названным водоемом» (*приозерный*, *приморский*).

По типовой модели образуются прилагательные от названий природных зон, различия между которыми определяются наличием / отсутствием определенной растительности: *лесной*, *лесостепной*, *степной*, *пустынный*. Их обобщенная семантика – «находящийся в названной производящим словом местности». Близки к ним образования от названий рельефных комплексов: *горный*, *полевой*, *луговой*, *овражный*, *пещерный*. Как особенность этой группы отметим ограничение на образование слов со значением расположения перед и за названной зоны (исключение здесь представляют *предгорный*, *заовражный* – объясняется, как и в случае с водными объектами, семантическим компонентом «преграда»). Объяснение этому представляется в истолковании смысла исходных существительных: *поле*, *степь*, *лес* и т.д. воспринимаются как обширное, не имеющее четко очерченных границ, пронцаемое пространство, допускающее свободное перемещение.

Еще одна группа прилагательных связана по своему образованию с названиями рукотворных объектов:

1) это различные виды человеческих поселений – они ограничены местом расположения, занимаемой площадью, в историческом плане буквальной оградой (каменная или деревянная стена вокруг города, забор вокруг деревни), имена прилагательные передают значение «находящийся внутри поселения» (*городской*, *сельский* / *деревенский*, *поселковый*, *хуторской*) – этот семантический компонент подчеркивается в образованиях *загородный*, *пригородный*;

2) пространственная организация поселений – деление на части, расположение ориентиров – репрезентируется производными от соответствующих существительных адъективами: *уличный*, *площадный*, *угловой*, *переулочный*, *проулочный*, *дворовый*;

3) организация жилого пространства человека строится, во-первых, на противопоставлении внутреннего и внешнего (*домашний – уличный, дворовый, надворный, огородный, парковый, садовый*); во-вторых, внутреннее структурирование связано с функциональным назначением помещений или их расположением в постройке (*комнатный, избяной, спальный, кухонный, столовый, зальный, ванный, кладовый, гардеробный, туалетный, домовый, подвальный, чердачный – многие из подобных адъективов субстантивируются, становясь самостоятельным наименованием помещения*); в-третьих, внешнее пространство также определяется по функциональному типу хозяйственной или иной постройки (*банный, конюшенный, дворцовый, амбарный, лабазный, церковный, монастырский, гостиничный*).

В сочетаниях с существительными конкретными, собирательными, вещественными локативные адъективы характеризуют элементы и детали, заполняющие названное в прилагательном пространство (*наземный транспорт, чердачное окно, гостиничный номер, океанские воды*); сочетание с именами абстрактными создает для прилагательного условия для развития оценочной семантики и соответственно формирования смыслового оттенка качественности (*дворцовые сплетни, уличные нравы, морской простор*) (условия таких семантических преобразований в значении локативного прилагательного рассматриваются в частности на материале английского языка в [Черемисин 2015]).

Литература

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: ЯСК, 2004.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. / ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227-284.

Черемисин А.Н. Прилагательные пространственной семантики как средство репрезентации оценки в современном английском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовский ГУ им. Г.Р. Державина, 2015.

*S.L. Mikheeva (Cheboksary, Russia)
Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University*

THE ROLE OF ADJECTIVES IN STRUCTURING IDEAS ABOUT SPACE

The article is devoted to the description of semantic relations in a group of adjectives expressing a person's idea of spatial orientations. The natural point of reference in this system is the human body and visual perception depending on its position, as well as the body of another living being having an elongated shape. On this basis, representations of the vertical and horizontal axes are structured. One of the key concepts is the image of the line, which forms the idea of the border.

Key words: space, spatial orientation, locative adjective, word-formation formant.

Л.Е. Налдеева (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

naldeeva@inbox.ru

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВ-ЗООНИМОВ

В статье рассматриваются вопросы многозначности сложных слов – зоонимов и их переосмысленных значений. Показаны примеры, когда сложное слово, обозначающее животное, переосмысливается и начинает обозначать оценочную характеристику артефакт или абстрактное понятие.

Ключевые слова: зооним, сложное слово, концептуальная деривация, мотивированность, многозначность.

В процессе изучения многозначности сложного слова, возникает вопрос его мотивированности. Л.В. Бабина в статье «Когнитивный аспект изучения развития многозначности сложных слов» рассматривает многозначность с позиций когнитивного подхода. Автор описывает когнитивные механизмы и модели создания композитов и их переносных значений, определяет интерпретирующие характеристики, лежащие в основе создания композитов и последующего развития их переносных значений, используя метод дефиниционно-концептуального анализа, когнитивного моделирования и метод этимологического анализа. В качестве концептуального процесса, обеспечивающего создание двухкомпонентных зоонимов и фитонимов и развитие ими переносных значений рассматривается концептуальная деривация. Л.В.Бабина на примерах показывает, что на основе одной и та же характеристики может создаваться сложное слово и развиваться его переносное значение. Так, например, при образовании сложного слова *jellyfish* (“a free-swimming marine coelenterate with a jelly-like bell or saucer-shaped body that has stinging tentacles around the edge”) [COED] используется метафорическая когнитивная модель ARTEFACT → ANIMAL, в основе метафорического проецирования находится интерпретирующая характеристика ‘physical quality - soft structure’. При создании сложного слова учитываются физические характеристики желе, такие как прозрачность, мягкая структура, а при формировании переносного значения “(informal) a weak indecisive person” [COED] те же свойства животного. Метафорический перенос позволяет осмыслить физически мягкую структуру животного как поведенческие характеристики человека, нерешительность, неуверенность. Вместе с тем показывается, что сложные слова могут создаваться и развивать переносные значения на основе разных характеристик [Бабина 2020].

Воронина Л.В., анализируя инструменты инференции производного слова, отмечает, что деривативы представляют собой динамическую смысловую структуру, в которой заложены познавательные и перцептивные процессы окружающей действительности. Автор направляет свое когнитивно-дискурсивное исследование на вычленение моделей и механизмов, чтобы закодировать либо декодировать информацию. «Любое производное слово в формальном отношении – свернутый трансформ, мотивированность которого предопределена связью с мотивирующей единицей, от которой образовано слово». Однако, исследователь признает, что в лингвистике отмечено много случаев, когда смысловое значение целого слова отнюдь не есть сложение значений компонентов, из которых оно состоит. Таким образом, при

поверхностном обзоре часть сведений имеет эксплицитное выражение, а часть может быть воспроизведена лишь при непосредственной коммуникации. [Воронина 2016] В своих исследованиях автор признает, что в итоге контекст наделен несоизмеримой функцией по снятию многозначности слова. Но при этом, фокус в психолингвистических и лингвистических исследованиях направлен на то, что различные контексты как прожектором подсвечивают разные стороны значения одного и того же слова, не изменяя его и не порождая при этом ряд нескольких совершенно новых значений [Bierwisch 1983; Langacker 1984; Рахилина 2000; Талми 2006].

Стоит отдельно отметить, значимость знаний генерирующего характера о механизмах и моделях порождения смысла. При выборе смысловых граней передачи информации, слушающий зачастую вычленяет несколько значений понятных ему из множества, тем самым происходит подсвечивание одного из значений слова, остальные же значения пребывают в тени и не осмысливаются, т.к. являются неактуальными при данной коммуникации. Существует алгоритм для сужения поиска вероятных интерпретаций смысла двухкомпонентного сложного слова. Во-первых, необходим набор знаний о формировании смыслов и словообразовательных моделях в процессе формирования семантики двухкомпонентных слов, называющих животных. Во-вторых, понимание и знание о когнитивных механизмах восприятия слов – зоонимов.

Ряд переосмысленных композитов используется для характеристики положения человека в обществе. Слово *guinea pig* “a domesticated species of South American rodent belonging to the cavy family” [<https://www.britannica.com/animal/guinea-pig>] в результате переосмысления приобретает переносное значение “a term used to describe the act of testing something, generally software related” [<https://www.urbandictionary.com>]. Развитие переносного значения осуществляется по когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL на базе концептуальной характеристики ‘interaction with people’. Полагаем, что это связано с тем, что в мире медицинской науки исследования новых медицинских препаратов происходит на крысах или морских свинках.

Слово *workhorse* “a horse used for plowing and hauling and other heavy labor” [wordnet.princeton.edu] в результате переосмысления приобретает переносное значение “a person who performs most of the work of a group task, a hardworking person” [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/workhorse>]. Развитие переносного значения осуществляется по когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL на базе концептуальной характеристики ‘interaction with people’. Человек-труженик по поведению и подходу к работе схож с рабочей лошадкой, которая всю жизнь возит грузы и обладает для этого специальной физиологией, статус рабочей лошади невысокий, но сотрудник, готовый смело и преданно «тянуть свою лямку», вызывает уважением и обладает определенной ценностью для структуры, в которой он работает.

Слово *lapdog* “small pet dog that is given a lot of attention by its owner” [COED] в результате переосмысления приобретает переносное значение “a typically young, petite, high-maintenance girl who frequents bars with hopes that men will buy them drinks, cars, houses, etc.” [<http://onlineslangdictionary.com/meaningdefinition-of/lap-dog>].

Развитие переносного значения осуществляется по когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL на базе концептуальной характеристики ‘function’. Маленькая ручная собачка сравнивается с девушкой- содержанкой, приятной наружности, которую используют как стигмат и показатель доходности, игрушку. Двухкомпонентный зооним *lone wolf* “a wolf that is not part of a pack” [https://en.wiktionary.org/wiki/lone_wolf] в результате переосмысления приобретает

переносное значение “an individual that prefers to do things by their self. They work best alone. An individual who doesn't care for having cooperation from another individual. He or she that finds it easier to take care of themselves without any social interaction. A person that lives for a goal in life. A commando that gets the job done without looking at anyone for help. An elite hero that performs the impossible by themselves for no reason but of their own. A one man army.

A man who stays to himself” [<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Lonewolf>]. Развитие переносного значения осуществляется по когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL на основе концептуальной характеристики ‘behaviour peculiarity’. Вторичное значение композита формируется за счет выявления тождественности концептов области-цели и области-источника на базе качественной характеристики – склонность к одиночеству. Так, наименование волка-бирюка, покинувшего стаю, стало использоваться для обозначения человека, ведущего одинокий образ жизни.

Двухкомпонентный зооним *pack rat* имеет прямое значение “any of various small rodents of the genus *Neotoma* of North and Central America that collect in or around their nests a great variety of small objects” [<https://www.thefreedictionary.com/>], в результате переосмысления приобретает переносное значение “a person who hoards things” [COED].

Развитие переносного значения осуществляется за счет метафорического переноса HUMAN BEING -ANIMAL на базе концептуальной характеристики ‘behaviour peculiarity’. Характеристика – склонность к собирательству – «все в дом, все в семью» или «плюшкинизм» сформировала семантику слова, описывающего запасливого человека. Осуществляя дефиниционный анализ, необходимо принимать во внимание фоновое знание об особенности поведения животного «древесная крыса известна своим пристрастием к накопительству и «собираению» ярких, блестящих вещей.

Слово *watchdog* “a dog kept to guard property” [COED] при переосмыслении приобретает значение “one that guards against loss, waste, theft, or undesirable practices” [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/watchdog>].

Развитие переносного значения осуществляется за счет метафорического переноса по когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL на основе концептуальной характеристики ‘interaction with people’. Знание об охранной функции сторожевого пса отразилось в семантике композита, номинирующего лицо, следящее за деятельностью фирмы.

Литература

Бабина Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке: дис. ... д-ра филол. Наук. Тамбов, 2003.

Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. Тамбов - М.: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003.

Бабина Л.В., Феденко А.Ю. Оценочный потенциал двухкомпонентных сложных слов, репрезентирующих знания о человеке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (042). С. 41-49.

Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. М. - Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 103-114.

Интернет-словарь идиом. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 06.06.2023).

Энциклопедия. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 06.06.2023).
American Bird Conservancy. URL: <https://abcbirds.org> (дата обращения: 06.06.2023).
Britannika. URL: <https://www.britannica.com> (Дата обращения: 06.06.2023).
Slang dictionary. URL: <http://onlineslangdictionary.com> (дата обращения: 06.06.2023).
Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 06.06.2023).

L.E. Naldeeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

FORMATION OF FIGURATIVE MEANINGS OF TWO-COMPONENT COMPOUND WORDS – ZOONYMS

The paper deals with the formation of figurative meanings of two-component compound words-zoonyms. A number of cases have been identified when rethinking occurs. Examples are given when a compound word denoting an animal is rethought and begins to denote a person.

Key words: zoonym, compound word, conceptual derivation, motivation, polysemy.

И.Ю. Рябова (Екатеринбург, Россия)
Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
i.y.ryabova_3012@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА ПАРРЕСИАСТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматривается языковая личность писателя, Ч. Диккенса, в аспекте проявления им лингвокогнитивных и психосоциальных особенностей, способствующих формированию особой практики в романном жанре – литературной практики парресии.

Ключевые слова: языковая личность, Ч. Диккенс, парресия, когнитивная лингвистика.

Введение

Художественная литература существует не только как форма изящной словесности – она способна стать страстным обличителем несовершенств, существующих в различных сферах общества. В романе как эпическом жанре социально обусловленные дискурсы (например, открытый широкой аудитории дискурс художественной литературы и дискурс одной из узкоспециальных областей – права) способны сосуществовать в одном (интердискурсивном) пространстве и обогащать друг друга концептуальными смыслами. Под интердискурсом (ИД) понимается «единое гетерогенное лингвосоциокультурное пространство, сформированное на стыке правового и художественного типов дискурса, во многом обусловленное исторической реальностью (социальным вертикальным контекстом)» [Дзюба, Рябова 2022: 59-76].

В романе, функционирующем в ИД, непосредственным выразителем суждений о существующей исторической действительности, в том числе об изъянах в судебном аппарате власти, становится автор, открыто проявляющий «участное» мышление и легитимизирующий свое право «человека говорящего» – высказать истину. Одним из ярких примеров романа, изображающего в иронически-саркастическом пародийном ключе деятельность представителей судебной власти Англии в эпоху конца XVIII-

середины XIX вв., является роман Ч. Диккенса «Холодный дом». Ч. Диккенс как мастер придания фактам действительности искусной художественно-образной обработки способен не только осветить беззаконие максимально правдоподобно (т.к. имел опыт работы в юридической сфере), но и призвать умы читателей к критике, осуществляемой в эстетической перспективе.

Предмет исследования – лингвокогнитивная и психосоциальная специфика языковой личности автора (Ч. Диккенса) как выразителя истины об эпохе. Цель исследования – систематизировать знание об особенностях репрезентации языковой личности (ЯЛ) автора в текстовом пространстве романа с позиции лингвокогнитивной и психосоциальной составляющих.

Основная часть

Ключевая роль автора художественного произведения (ХП), созданного на стыке двух полярных дискурсов, сводится к его интенции высказать истину – осуществить «паррессию» (в терминах франкоязычной школы дискурс-анализа). Паррессия – «свободная речь, откровенность, правдивость, прямота» [Фуко 2008: 159]. Подчеркнем следующее: 1) «парресиаст посредством паррессии воздействует на разум других людей, показывая им ...в чем он действительно убежден»; 2) «функция паррессии состоит не в демонстрации истины кому-либо, а в критике... и паррессия всегда исходит “снизу” и направлена “вверх”» и др. [Фуко 2008: 164, 166-167, 167]. Литературная практика паррессии (ЛПП), создаваемая Ч. Диккенсом в романе, отражает специфику ЯЛ «человека говорящего», в частности ее лингвокогнитивную и психосоциальную составляющие.

ЯЛ в самом широком смысле слова, вслед за Ю. Н. Карауловым, есть «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств...; ...языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы» [Караулов 1987: 36, 38]. Согласно Ю. Н. Караулову, структурно ЯЛ определяется тремя уровнями: вербально-семантическим (нулевым), лингво-когнитивным (тезаурусным) и мотивационным [Караулов 1987: 36-38]. Тезаурусный уровень ЯЛ неотделим от проявления ею психосоциальных факторов порождения речи и индивидуальных лингвокогнитивных особенностей, проявляющихся в корреляции различных типов социально-языкового сознания в процессе создания романа, существующего на «перекрестке» дискурсов.

Коммуникация между автором и аудиторией посредством ХП строится как опосредованное социально ориентированное общение, обусловленное биологически закрепленной языковой способностью. К. Ажеж в работе «Человек говорящий» замечает: «Психосоциальный субъект высказывания характеризуется тем, что со смирением или с готовностью соглашается нести на себе печать общества» [Ажеж 2003: 246]. В этой связи в рамках паррессиастического высказывания автор, обладая определенным статусом и позицией (как и создаваемый текст) в дискурсном поле, является своего рода «институтом» – «организмом, который накладывает ограничения на действие высказывательной функции» [Серио 1999: 28]. Кроме того, автор – субъект паррессиастического высказывания – вынужден работать одновременно в двух плоскостях – «области свободы» и «области подчинения» (по К. Ажежу), находя «консенсус» в ХП в лудической (игровой) деятельности, что К. Ажеж считает предназначением человека: «Человек – животное не только играющее, но и умеющее играть. ...он игрок по призванию и потребности» [Ажеж 2003: 249-250]. Таким

образом, с психосоциальной точки зрения в парресиастическом высказывании (в широком смысле слова, т.е. тексте ХП) его субъект определяется статусной, «закрепленной» за ним четкой позицией/высказывательной функцией и определяется как «человек играющий».

Как лингвокогнитивный феномен, ЯЛ субъекта парресиастического высказывания, проявляющаяся в гибридном тексте как репрезентанте ИД, обусловлена функционированием различных типов социально-языкового сознания – цитатного и лингвокреативного, правового и ассоциативно-образного. О. В. Соколова замечает, что «гибридизация напрямую связана с когнитивными способностями человека к созданию и восприятию гибридных объектов» [Соколова 2020: 50-86]. Заметим также, что для создания парресиастического высказывания Ч. Диккенс использует особую технику «чтение-письмо», позволяющую представить читателю правдоподобное описание судебно-правовой реальности. Литературный текст во всей своей целостности или фрагментарности – слово-реплика в сторону других текстов (т.е. реальных судебно-правовых актов). В древности глагол «читать» имел значение, о котором стоит напомнить, чтобы лучше понять самый смысл концепции «чтения-письма». «Читать» значило также «собирать», «подбирать», «подслушивать», «идти по следам», «набирать», «красть». «Письмо», по замечаниям Ю. Кристевой, «это чтение, превратившееся в производство, в индустрию» [Кристева 2004: 199]. В этой связи первостепенную роль в создании гибридного текста и отдельного парресиастического высказывания становится интертекстуальная компетенция автора романа, провоцирующая переключение между различными лингвокультурными профессиональными кодами – юриста и литератора, и между типами социально-языкового сознания.

Обратимся к примерам экспликации особенностей ЯЛ Ч. Диккенса в романе «Холодный дом» как «человека говорящего», «человека играющего» и человека-интертекстуалиста, проявляющихся на трех уровнях смыслопорождения: текстовом, собственно языковом и когнитивном.

Рассказ о перипетиях судебной тяжбы Ч. Диккенс вкладывает в уста одного из персонажей (автор сам в жизни столкнулся с подобной ситуацией): “I have been dragged for five and twenty years over burning iron... in being unjustly treated by this monstrous system... I mustn't go to Mr. Tulkinghorn, the solicitor... when he makes me furious by being so cool and satisfied – **as they all do, for I know they gain by it while I lose, don't I?** – I mustn't say to him” [Dickens 2018: 295–298]. Рамочная конструкция (или гибридная, по М. М. Бахтину), заключенная в знаки тире, выдает голос «Другого» – голос автора, его истинное мнение; риторический вопрос усиливает это мнение. Игра голосов – персонажа и автора – создает уникальную диалогическую перспективу, в которой проглядывается критика, осуществляемая в эстетическом ключе – свободно, конструктивно, живописно.

Одним из ключевых приемов реализации интертекстуальной компетенции автора, обусловленной индивидуально-авторскими лингвокогнитивными особенностями его ЯЛ и порождающей литературную практику парресии, является цитата – прямая или скрытая (в виде «инкрустированной» авторской речи). Так, посредством рекуррентной (повторяющейся) цитаты автору удается «обезличить» героя: “The Chancellor rises; the bar rises; ... **the man from Shropshire** cries, “My lord!”. Maces, bags and purses indignantly proclaim silence and frown at **the man from Shropshire**” или “Go into the Court of Chancery yonder and ask what is one of the standing jokes ... they will tell you that the best joke they have is “**the man from Shropshire**”. “I,” he said, ... am “the man from Shropshire”

[Dickens 2018: 295]. На собственно языковом уровне тексто- и смыслопорождения автор имитирует сухие, зачастую бесчеловечные отношения и жесткие рамки регулирования этих отношений в судебном аппарате власти.

Другой прием, «высвечивающий» ЯЛ автора, – прием интеллектуальной загадки. В письме юристов к Эстер (одной из героинь) Ч. Диккенс с помощью нетипичного для романного жанра приема акронимизации (опущение букв) кодирует информацию для читателя: Our **clt** Mr. Jarndyce being **abt** to **rece** into his house, under an Order of the **Ct of Chy**, a Ward of the Ct in this cause, for whom he wishes to secure an **elgble compn**, directs us to inform you that he will be glad of your **serces** in the **afsd** capacity... [Dickens 2018: 43]. Реципиенту предстоит расшифровать не только слова, представленные в трансформированном виде, но и понять интенцию автора – высказать истину о запутанности судебных дел и процесса судопроизводства в целом.

Заключение

ЯЛ субъекта высказывания – сложноорганизованный лингвокогнитивный и психосоциальный конструкт, в котором мотивационный уровень обусловлен интенцией автора высказать истину, порождающей ЛПП. Тезаурусный уровень неразрывно связан и с психосоциальной составляющей личности автора, во многом обусловленной биологически закрепленной языковой способностью. В процессе создания гибридного текста, существующего в ИД на стыке двух концептуальных областей, тезаурус субъекта парресиастического высказывания находит отражение на трех уровнях тексто- и смысловосприятия, обнаруживая единую систему языковых средств – цитаций, рамочных конструкций, интеллектуальных загадок.

Литература

- Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Дзюба Е.В., Рябова И.Ю.* Категория событийности в интердискурсе // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 3. С. 59-76.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- Серио П.* Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и порт. / ред. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1999.
- Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики: пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
- Соколова О.В.* Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 1. С. 50-86.
- Фуко М.* Дискурс и истина // Логос. 2008. 2 (65). С. 159-262.
- Dickens Ch.* Bleak House I. М.: T8RUGRAM / Original, 2018.

*I.Y. Ryabova (Yekaterinburg, Russia)
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev*

LINGUISTIC PERSONALITY OF THE SUBJECT OF A PARRHESIASTIC UTTERANCE AS A LINGUOCOGNITIVE AND PSYCHOSOCIAL PHENOMENON

The focus of the article is laid on the linguistic personality of the writer, Charles Dickens, in the aspect of his manifestation of linguocognitive and psychosocial features that contribute to the formation of a special practice in the novel genre – the literary practice of parrhesia.

Key words: linguistic personality, Charles Dickens, parrhesia, cognitive linguistics.

О.П. Рябко (Ростов-на-Дону, Россия)
Южный федеральный университет
O.Ryabko@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИРОНИИ

В статье рассмотрен феномен иронии как сегментный категориальный концепт, включающий философско-эстетическую категорию, часть категории космического и категорию иносказательности. Когнитивная природа иронии инициируется восприятием иронической информации в ментальном пространстве слушающего, где возникает противоречие между внешней / вербальной и внутренней / имплицитной информацией. Ироническое смыслопорождение появляется путем наложения фреймовых структур, как моделей лингвокультурного знания.

Ключевые слова: ирония, концепт, восприятие, смысл, фрейм.

С позиции гносеологии ирония предстает как процесс познания, транслируя эстетические знания в межсубъектную коммуникацию в форме иронической рефлексии. Онтологические аспекты и гносеологические возможности иронии делают ее присутствие актуальным во всех областях гуманитарного знания, поскольку «транзитивность отношений ирония – культура – бытие, означающая выход исследования иронии в отношения иронии и культуры, культуры и бытия, иронии и бытия позволяет на каждом уровне раскрывать противоречивость, присущую бытию культуры и бытию как таковому» [Медведева 2007: 13].

Существование иронии обуславливается антропологической характеристикой ценностной определенности сознания человека и, соответственно, ценностного отношения к реальности посредством процессов коммуникации, имеющих знаковый характер. Связь знака с его социальной значимостью и смыслом, установленная Ю.М. Лотманом, определяет иронию, как семантически основанную коммуникацию с элементами социокультурной традиции.

Феномен ирония обладает уникальной системой ценностей, представленной эстетическим отношением между субъектом (ироником) и объектом (окружающая действительность). Ирония демонстрирует неудовлетворенность субъекта существующей системой ценностей и субъект не имеет возможности их изменить. В данной ситуации ирония используется как средство косвенного стимула преобразования косности, зла, застоя, догматизма.

Изучение иронии происходит в трех направлениях. Философско-эстетический или мировоззренческий подход относится к одобрению, поддержке, похвале. Литературоведческий подход определяет иронию как вид комического, идейно-эмоциональной оценки прообраза речевой и экспрессивно-стилистической иронии как «полноправной формы комического наряду с юмором и сатирой и выступает таким же элементом мировоззрения как и они» [Походня 1984: 9]. Каждая форма комического демонстрирует наличие контраста/ отклонения от нормы при создании комического эффекта в виде насмешки, снисхождения, превосходства.

При лингвистическом подходе в изучении иронии выделяется категория иносказательности как выразительного стилистического средства, которое базируется на столкновении двух оценок, двух планов выражения. Первый эксплицитный / прямой с положительной оценкой и второй – имплицитный / не прямой с отрицательной или критической оценкой. Ирония приобретает двойной смысл в виде прямого и косвенного

значения. Здесь создается дополнительный скрытый подтекст – некий знак или символ, где маскируется истинный смысл высказывания.

Ирония является сложным сегментным концептом, состоящим из трех категорий, таких как, эстетическая категория, категория комического (его часть), категории иносказательности. Выраженная концептуальная направленность иронии позволяет рассмотреть ее когнитивную природу через мировосприятие автора художественного текста, его сознание, индивидуальное видение окружающей действительности, формирующее авторскую картину мира.

Восприятие иронической информации слушающим происходит бессознательно на ментальном уровне с привлечением когнитивных механизмов анализа, размышления, умозаключения, логичности выводов в сознании человека по оппозициям важных категорий бытия: «реальное :: нереальное»; «истинное :: ложное»; «справедливое :: несправедливое». В фокусе восприятия находится образ насмешливого человека с ироничной насмешки или притворной похвалой.

Участники иронического дискурса проявляют свое ментальное отражение полученной информации, используя базовые профессиональные знания наряду с фоновыми знаниями в области философии, культуры, истории и ряда других гуманитарных наук. Важным психологическим моментом является привлечение и активная работа социальной памяти как средства получения информации о прошлом жизненном опыте и накопленных знаниях.

В процессе восприятия иронических данных последовательно формируется смысл иронического высказывания. Далее происходит де кодирование информации. Оно основывается на противоречии между внешней / вербальной и внутренней / имплицитной формами представления иронической информации в текстовом коммуникативном пространстве, т. к. именно «в ткани художественного произведения значительную помощь оказывают текстуальные моменты, соотнесенные с общими условиями формирования смысла, которые определяют направления, из которых этот смысл складывается» [Мухина 2012: 12].

Ироническое смыслопорождение связано с авторскими ценностными представлениями, когнитивными признаками и в определенной степени положениями теории «ирония как эхо» [D.Sperber, D. Wilson 1995]. Оценка иронического высказывания воспринимается как некий отголосок того, что было сказано раньше, т. е. имеет место эхо-упоминание. Общение коммуникантов происходит вне процесса коммуникации – метакоммуникация.

Определенные контексты в авторском художественном дискурсе демонстрируют примеры нарушения причинно-следственных связей, логических законов индукции и дедукции, правил использования языковых средств выражения иронии. Предпочтения отдаются положениям теории «ирония как эхо» и определенным лексическим и стилистическим средствам. Процесс иронизирования объективируется наиболее выразительно вербальными образными и экспрессивными средствами. Действительно, источником когнитивных инноваций является изучение ментальных репрезентаций, в структуре которых общетеоретический смысл имеет понятие образа, т. к. «образ – это категория сознания, а не признак объекта» [Арутюнова 1999: 317].

В порождении иронического смысла архетипическое сознание и субъекта и объекта, участвующих в процессе иронизирования, создает новый контекст с выраженными ассоциативными связями в познании духовной и материальной культуры. Такая культурная ментальность определяет понятие концептуальный фрейм, каждая часть которого рассматривается как концептообразующий признак [Талия 2001: 413].

Изучая когнитивные аспекты иронии, внимание уделяется не только взаимодействию языка и мышления, но и довербальной и невербальной репрезентации действительности, где действуют механизмы фреймовой семантики. Иронические контексты в авторском художественном тексте продуцируют смыслы через схематизацию опыта в виде фреймов, которые могут существовать параллельно некоторое время. Для полного смыслопорождения происходит совпадение / наложение фрейма «истинность» с фреймом «лживость», как модель лингвокультурного знания.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Азбука, 2015.
- Медведева Т.А.* Ирония как форма критики в культуре: автореф. дисс. ... кандид. философ. н. Томск, 2007.
- Мухина Ю.Н.* Моделирование когнитивных контекстов вербальной иронии (на материале русского и английского языков.) // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 21-23.
- Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наумова думка., 1989.
- Телия В.Н.* Концептообразующая флуктуация константы культуры "родная земля в наименовании Родина" / В.Н. Телия // Язык и культура: Факты и ценности. М.: ЯСК, 2001. С. 409-418.
- D. Sperber D. Wilson.* Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Blackwell, 1995.

*O.P. Ryabko (Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University*

COGNITIVE ASPECTS OF IRONY

The phenomenon of irony as the segmental categorical concept which includes philosophico-aesthetical category, the consistent part of the comic category and the allegory category is considered in the article. Such categorical content stimulates the study of cognitive aspects in irony. Perception process of ironical information in the mental space of a listener is characterized by the contradiction between external / verbal and internal / implicate information. Ironical meaning – developing is appeared by the overlapping of frame structures as models of lingvocultural knowledge.

Key words: irony, concept, perception, meaning, frame.

*Ю.В. Семенова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
sepia21@yandex.ru*

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена соотношению методов когнитивистики, литературоведения и лингвистики в когнитивной поэтике. На основе обзора англоязычных сборников статей 2002–2019 года описан процесс интеграции и дифференциации данных методов, а также обозначена роль лингвистического анализа в когнитивных исследованиях художественных текстов.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, когнитивная стилистика, лингвистический анализ художественного текста, текстура текста, когнитивный анализ дискурса.

В конце XX в. в когнитивной науке выделилось направление когнитивной поэтики, объектом которой стало «соотношение между структурой художественного произведения и производимыми в ходе ее восприятия воздействиями» [Цур: 1]. Преимущество новой дисциплины Р. Цур видел в ее внимании к «особенным и сложным различиям между когнитивными процессами в целом и их специфическому использованию в эстетических целях» [там же: 2]. В монографии 1992 г. *Towards a Theory of cognitive poetics* он либо акцентирует какой-то аспект текста (рифму, ритм, семантику, стиль, метафору), либо отталкивается от «производимого эффекта» – и пишет о «поэзии ориентации и дезориентации», «альтернативных состояниях сознания», синестезии, эффекте комического. Р. Цур внимателен к языку текстов; он не раз подчеркивал значимость работ формалистов. Ссылки на формалистов встречаются и в работах П. Стоквелла; его *Cognitive poetics: an introduction* 2002 г. остается одним из базовых трудов по когнитивной поэтике. Содержание книги соответствует перечню основных когнитивных концептов; обозначена попытка соотнести их с понятиями традиционного литературоведения: прототип – с жанром, гештальт – с выдвиганием, дейксис – с точкой зрения и т.д. Предметом когнитивной поэтики П. Стоквелл полагает «естественный процесс чтения» [Stockwell: 2]. Отличие от прочих подходов он видит в точке зрения на художественный текст – с позиции его восприятия. Текст рассматривается процессуально, как «текстура», материально выраженная и воспринимаемая стилистическая вариативность [там же: 168–169]. Фактически П. Стоквелл соотносит принципы новой дисциплины не только с литературоведением, но и с предшествующим опытом стилистики (т.е. лингвистического анализа текста).

В предисловии к сборнику 2002 г. *Cognitive stylistics: Language and cognition in text analysis* (Великобритания) когнитивная стилистика определяется в как «область на стыке лингвистики, литературоведения и когнитивной науки» [Cognitive stylistics: IX]. Ее основное отличие от традиционной стилистики заключается в том, что она изучает не то, как используемые языковые структуры влияют на восприятие, а, напротив, «объясняет языковой выбор когнитивными структурами и процессами» [там же]. Цель когнитивной стилистики – «удовлетворительное описание текста или рассматриваемого явления», при этом важно не получение новых толкований, а объяснение того, как появляются толкования [Cognitive stylistics: X]. Отмечая сложность разделения терминов «когнитивная поэтика» и «когнитивная стилистика», авторы допускают их синонимическое употребление; более существенным им представляется определение «когнитивный», которое и определяет выбор методов анализа в данной книге. Так же, как и у П. Стоквелла, материал организован по когнитивным механизмам, которые применяются в анализе отдельных текстов, видов текстов (нарратив), текстов определенных жанров. Несмотря на заявленную лингвистическую направленность, собственно языковые явления в названиях статей упоминаются лишь дважды. Таким образом, в рамках когнитивной стилистики доминируют когнитивные методы, соотносимые с литературоведческими явлениями, а методы лингвистики используются как дополнительный инструмент.

Предисловие сборника 2009 г. *Cognitive poetics: goals, gains, and gaps* (США) посвящено текущему состоянию и перспективам дисциплины; она описывается как соединение (*epistemic marriage*) когнитивной науки и литературоведения, которое состоялась благодаря книге Дж. Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем» [Cognitive poetics 2009: 1]. Объединение подходов вносит вклад в понимание структуры ментальных процессов, в том числе, их креативной природы. Основным отличием

когнитивной поэтики признается ее ориентированность на процесс чтения текста, а не на сам текст и его герменевтические толкования. Постулируется и обращение к лингвистическому анализу текста, обусловленное необходимостью придать исследованиям большую доказательность. Оглавление сборника демонстрирует максимальную интеграцию подходов: название первого раздела, «Повествование» (*Story*), отсылает к литературоведческому термину; второго, «Фигура» (*Figure*), – к понятию когнитивной лингвистики; третьего, «Установка» (*Stance*), – к идеям анализа дискурса; четвертый раздел, «Критика» (*Critique*), включает когнитивную поэтику в эпистемологический дискурс.

В сборнике *Cognitive Grammar in Literature* 2014 г. (США) наблюдаются противоречивые установки, которые, тем не менее, приводят к определенным результатам. С одной стороны, постулируется когнитивная однородность литературы и других форм существования языка и возможность их анализа с помощью одних и тех же инструментов (например, символических структур). В предисловии теоретик когнитивной грамматики Р. Лэнекер рассматривает литературу как одну из возможных областей практического применения теорий когнитивной грамматики, наряду с психолингвистическим экспериментом, корпусными исследованиями, компьютерным моделированием. Ключевым преимуществом когнитивистики над формальным подходом в анализе литературных текстов Лэнекер называет обращенность к смыслу (*meaning*) с помощью инструментов «хорошо развитой концептуальной семантики» [*Cognitive Grammar*: 8]; конструирование смысла может рассматриваться как со стороны производящего, так и воспринимающего субъекта. С другой стороны, во вводной части редакторы подробно разбирают основные понятия когнитивной грамматики и выделяют в отдельную группу те из них, что особенно актуальны для литературного дискурса (например, симуляция, окружение, точка зрения). С третьей стороны, содержательно сборник поделен на две части, первая посвящена нарративу, вторая – поэзии, т.е. задается «литературоцентрическая» точка зрения на материал. Кроме того, авторы статей демонстрируют приверженность четкому лингвистическому анализу текстов.

Названием сборника 2015 г. *The Oxford handbook of Cognitive Literary Studies* (Великобритания) задается литературоведческая перспектива. В предисловии отмечается широкий характер определения «когнитивный», которое задает не столько конкретную методологию, сколько точку зрения на изучаемый материал. Подчеркивается дискуссионный характер когнитивного литературоведения, обозначается его место в ряду других современных направлений исследований литературы, а также намечаются различные области исследований внутри этого направления. Согласно оглавлению, выделено пять таких областей, содержание которых носит эклектичный характер: названия частей («Нарратив, история, воображение», «Эмоции и эмпатия», «Новое подсознательное», «Эмпирические и качественные исследования литературы», «Когнитивная теория и литературный опыт») совмещают понятия из литературоведения, психологии, когнитивистики.

В предисловии к сборнику 2019 г. *Cognitive Linguistic Approaches to Text and Discourse: From Poetics to Politics* (Великобритания) К. Харт утверждает, что употребление языка обусловлено не только телесным, но и социальным опытом, а когнитивная лингвистика обычно изучает язык вне дискурса (реального употребления). В анализе дискурса с позиций когнитивной поэтики ключевой идеей оказывается понятие конструирования (*construal*) – «способности представлять и изображать ситуацию по-разному» [*Cognitive Linguistic approaches*: 2]. Отмечается

интенциональный характер языкового употребления; язык рассматривается как «набор подсказок» для конструирования значений для успешной коммуникации, а когнитивные механизмы – как «операторы конструирования». Размышляя о различиях дискурса и текста (материального продукта дискурса), Харт подходит к разграничению дискурс-анализа и стилистики. Они рассматривают язык как основанный на употреблении (*experiencialist*) и изучают текстуальное воздействие на сознание с точки зрения единых когнитивных процессов. Различие между дисциплинами – только в материале исследования: когнитивная стилистика обращается к прозе, поэзии и драме, а когнитивный анализ дискурса – к жанрам политического выступления, дебатов, репортажей и т.д. В книге используются не только традиционные концепты когнитивистики, но и более «неуловимые», «эпифеноменальные» понятия, такие как атмосфера, тональность, резонанс, сила воздействия, идеология; названия большинства из девяти глав включают в себя и привычные когнитивные термины (метафора, текстовые миры, имидж-схемы, дейксис и т.д.), и обозначение жанра исследуемых текстов (стихотворение, роман, интернет-форум, молитва, песня сопротивления, новостной репортаж и др.), и собственно «производимые воздействия» (тональные эффекты, дезориентация и клаустрофобия, креативность, боль, идеология); таким образом, статьи получают «трехмерное» измерение.

Парадокс, отмечаемый учеными, заключается в том, что «цель когнитивной поэтики ... внеположна традиционной поэтике» [Ревзина: 117]. Вероятно, именно желанием преодолеть этот парадокс объясняется активное развитие когнитивной поэтики на протяжении вот уже 30 лет. Изначально дисциплина образовалась путем интеграции методов когнитивистики и литературоведения, причем первые занимали отчетливо доминирующее положение, а собственно лингвистические методы анализа художественного текста и вовсе оставались на периферии, уступая место эстетике, критике, психологии. Прослеживается тенденция к последующей дифференциации и исследуемого материала, и методологии. Так, в сборнике 2014 г. представлено разделение на прозу и поэзию; сборник 2015 г. хотя и основан на базовых когнитивных понятиях, но посвящен исключительно литературоведению. А в сборнике 2019 г. выделение методов когнитивной стилистики и когнитивного дискурс-анализа частично соотносится с характером материала. Обращение к целостным литературным произведениям, активное привлечение методов лингвистического анализа, учет контекста функционирования литературного текста открывают новые пути развития когнитивной поэтики.

Литература

- Ревзина О.Г. Размышления о когнитивной поэтике // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 116-127.
- Cognitive Grammar in Literature* / eds. Ch. Harrison, L. Nuttall, P. Stockwell, W. Yuan. John. Amsterdam: Benjamins Publishing Company, 2014.
- Cognitive Linguistic Approaches to Text and Discourse : From Poetics to Politics.* / ed. Ch. Hart. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.
- Cognitive poetics : goals, gains, and gaps* / eds. G.Brône, J. Vandaele // Applications of cognitive linguistics (10). Berlin – NY: Mouton de Gruyter, 2009.
- Cognitive stylistics: Language and cognition in text analysis.* / eds. E. Semino, J. Culpeper. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002.
- The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies* / ed. Zunshine L. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction.* London – NY: Psychology Press, 2005.
- Tsur R. *Toward a theory of cognitive poetics.* Amsterdam, 1992.

*Y.V. Semyonova (Moscow, Russia)
RUDN University*

DEVELOPMENT OF COGNITIVE POETICS METHODS IN THE FOREIGN STUDIES

The article investigates the interaction between cognitive science, literary studies and linguistics methods in cognitive poetics. Based on the review of 2002–2019 collected articles in English, the process of the methods' integration and differentiation has been clarified and the linguistics role in the cognitive studies of literary texts has been indicated.

Key words: cognitive poetics, cognitive stylistics, linguistic literary text analysis, texture of the text, cognitive discourse analysis.

*Е.Е. Сергеева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
SergeevaE23@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ ПРЕДИКАТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИБЛИЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ (ТИПА *TO GO UP/TO COME UP*)

В статье обосновывается актуальность исследования, посвященного изучению особенностей семантики и употребления фразовых предикатов *to go up* и *to come up* с общим значением «приближение в пространстве»; описывается методологическая база исследования; ставится проблема выделения средств обозначения приближения в пространстве в естественном языке и последующего уточнения семантики данных языковых единиц.

Ключевые слова: фразовые глаголы, приближение в пространстве, семантика фразовых глаголов, корпусный эксперимент

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу семантики английских фразовых предикатов со значением «приближение в пространстве» *to go up* и *to come up*. **Актуальность** работы подтверждается несколькими факторами.

Во-первых, фразовые глаголы с пространственным значением, образующие своеобразную систему координат материального и нематериального мира, в которой перемещается объект [Сабурова, Кутенких 2016: 4; Fomina 2014: 128], вызывают особый интерес у современных лингвистов (см., например, работы [Тарабрина 2003; Петрович 2004; Богданова 2007; Fomina 2014] и др.). В частности, ученые уделяют большое внимание исследованию когнитивных процессов концептуализации пространства в естественном языке с помощью фразовых предикатов [Петрович 2004: 7; Богданова 2007: 4].

Во-вторых, фразовые глаголы имеют большое количество контекстуально обусловленных значений, являющихся следствием метафорического переосмысления прямого пространственного значения постпозитивного компонента [Богданова 2007: 2; Сабурова, Кутенких 2016: 4], что делает их семантически сложными языковыми образованиями, характеризующимися развитой полисемией [Тарабрина 2003: 12].

В-третьих, многозначность фразовых глаголов приводит к тому, что в толковые словари попадают неточные определения данных единиц, где фразовые предикаты со схожей семантикой и одинаковым послелогом трактуются через «логические круги», то есть, когда, например, значение *to come up* определяется через *to go up*, либо имеют

похожие определения, ср.: *to come up* – to arrive at a university, especially Oxford or Cambridge, at the beginning of a term or in order to begin your studies (Oxford Advanced Learner's Dictionary.); to come to **a place regarded as higher** (Collins); **go up; move towards** (Dictionary Sensagent). *to go up* – to arrive at a university, especially Oxford or Cambridge, at the beginning of a term or in order to begin your studies (Oxford Advanced Learner's Dictionary.); **to move or lead to** or as if to **a higher place** or level; rise; increase (Collins); **come up; move toward**, travel toward something (Dictionary Sensagent).

Таким образом, в современных словарных статьях зафиксированы определения рассматриваемых единиц, содержащие повторы (ср. фрагменты, выделенные жирным). Следовательно, опираясь на словарные дефиниции, можно сделать вывод о взаимозаменяемости анализируемых фразовых глаголов в ряде контекстов. Данное умозаключение не представляется вполне убедительным, поскольку, хоть и взаимозамена глаголов с точки зрения грамматических правил возможна, смысл, вносимый данными единицами, предполагается будет различаться.

Методологическая основа исследования определяется положениями когнитивной лингвистики и когнитивной семантики, связанными с представлением о категории пространства, пониманием важности лексико-семантической группы глаголов движения в естественном языке и значимости ее исследования, а также особенностями проведения корпусного эксперимента в рамках гипотетико-дедуктивного метода.

Эмпирическая база и методика исследования

В качестве **материала** исследования послужили данные из электронных архивов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [<https://ruscorpora.ru/>], Корпуса современного американского английского языка (COCA) [<https://www.english-corpora.org/coca/>] и Британского национального корпуса (BNC) [<https://www.english-corpora.org/>]. Выбор **методики** был сделан с учетом специфики и структуры объекта исследования. Так, в рамках данной работы вслед за О. А. Сулеймановой и М. А. Фоминой для проведения семантического исследования рассматриваемых единиц применяется гипотетико-дедуктивный метод в сочетании с работой с корпусами текстов [Сулейманова, Фомина 2018: 225].

На первом этапе исследования были изучены словарные статьи английских фразовых предикатов *to go up* и *to come up* и сделаны общие выводы о специфике имеющихся определений. Для анализа значений рассматриваемых единиц на втором этапе исследования методом сплошной выборки было отобрано 600 примеров употребления анализируемых предикатов из корпусов НКРЯ [<https://ruscorpora.ru/>] и COCA [<https://www.english-corpora.org/coca/>] – 300 высказываний с предикатом *to come up* и 300 с *to go up*. Поисковые запросы в корпусах текстов включали три временные формы рассматриваемых единиц: *comes/goes up, went/come up* и *have/has come/gone up*. На третьем этапе исследования был проведен анализ дистрибутивных параметров единиц, сочетаемости, валентности и элементов контекста. Полученные результаты позволяют построить гипотезы о значении рассматриваемых предикатов.

Результаты

Были сформулированы следующие гипотезы о значении рассматриваемых единиц. Как представляется, глаголы *to come up* и *to go up* могут вносить информацию о том, что:

1) пространство (S), в котором субъект (X) осуществляет перемещение, рассматривается как физическое пространство, ср.:

(1) *Friday, Jimmy Snyder called me from across the playground, and then he **came up** to me with a bunch of his friends.* (2) *There's a helicopter circling around, and I think we're going to **go up** onto the roof.*

В первом высказывании вносится информация о том, что субъект (Джимми со своими друзьями) осуществляет перемещение в физическом пространстве (S) (*across the playground*) к определенной точке, соответствующей положению говорящего. Во втором примере сообщается о вертикальном векторе движения субъекта (*we*) в физическом пространстве (S) – снизу вверх по оси OY (*go up onto the roof*). Здесь также задается координата, к которой стремится X – *the roof*.

2) Субъект (X) может быть представлен как математический (экономический) показатель, перемещение которого в пространстве (S) (пространстве множества значений X) связано с изменением числового значения этого показателя в сторону увеличения в декартовой системе координат по вертикальной оси OY с течением времени (ось Ot), ср.:

(1) *As the price **comes up** to \$52-\$53 a barrel, we start to see some uptick in activity, as it drops to \$45, we start to see that curtailing.* (2) *Compared to the numbers in the last quarter, this indicator **went up** by \$594.6 mln.*

В первом предложении в качестве субъекта выступает экономический показатель – цена (*price*). В данном высказывании фразовый предикат *to come up* вносит информацию о том, что значение цены изменилось примерно до 52–53 долларов в сторону роста по оси цены OY. Увеличение цены можно интерпретировать как перемещение X-а в пространстве S (пространстве множества значений X). В примере (2) фразовый глагол *to go up* вносит информацию об увеличении значения экономического показателя (*indicator*) на 594,6 миллионов долларов в сравнении со значением, зафиксированным в прошлом квартале. Таким образом, координата субъекта (X) увеличилась на значение, равное 594,6 миллионов долларов, по оси OY в пространстве S (пространстве множества значений X).

3) Говорящий выражает заинтересованность (*to come up*) / не выражает заинтересованность (*to go up*) в совершаемом субъектом (X) перемещении и его результате (связанном, например, с достижением X-ом определенного значения), а также может рассматриваться (*to come up*) / не рассматриваться (*to go up*) в качестве участника ситуации, ср.:

(1) *The following month my weight **came back up** a few pounds and has not changed since, she says.* (2) *The practice shows that when a ban is enforced, the birth rate doesn't grow considerably, and it's simply the number of illegal abortions that **goes up**...*

В первом примере говорится о том, что протагонист рассматривает увеличение веса (X) на пару фунтов – перемещение X по вертикальной оси OY – как желательное для себя. Такой вывод можно сделать с опорой на широкий контекст, где речь шла о борьбе с болезнью и положительном наборе веса при выздоровлении. Следовательно, сообщается о заинтересованности говорящего, являющегося участником ситуации, в увеличении веса, что передается посредством *to come up*. Второй фрагмент иллюстрирует ситуацию, когда автор высказывания не рассматривает себя в качестве участника ситуации, выступая наблюдателем того, как X (число нелегальных аборт) увеличивается по оси OY в пространстве S в связи с введением запрета на аборт. При этом говорящий констатирует факт изменения показателя X, никак не обозначая то, что данная динамика кажется ему положительной.

Выводы

Для подтверждения гипотез далее в рамках триангуляционного подхода будет проведен корпусный эксперимент и эксперимент с носителями английского языка, где информантам будет предъявлена выборка примеров для оценки их правильности по определенной шкале. Использование триангуляционной методики дает возможность подтвердить данные из одного источника данными из другого источника, что позволяет повысить степень надежности результатов.

Литература

Богданова С.Ю. Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений: на материале английских фразовых глаголов: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Иркутск, 2007.

Петрович Ю.В. Когнитивные основы образования новых фразовых глаголов в современном английском языке: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Калининград, 2004.

Сабурова Н.А., Кутенких О.О. Семантика фразовых глаголов с постпозитивами *up* и *down* в аспекте горизонтального и вертикального членения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-(66). С. 155-161.

Сулейманова О.А., Фомина М.А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике // Русистика и компаративистика: научные труды по филологии. Москва: Книгодел, 2018. С. 220-235.

Тарабрина С.Ю. Семантика фразовых глаголов и глагольных фразеологических единиц: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 2003.

Fomina M.A. On the Representation of SPATIAL MOVEMENT in the English Language // Materialität und Medialität der sprachlichen Kommunikation: Akten des 47. Linguistischen Kolloquiums in Olsztyn 2012. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. P. 127-133.

Список использованных интернет-ресуров

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/>.
Collins. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>.
Dictionary Sensagent. URL: <https://www.sensagent.com/>.

E.E. Sergeeva (Moscow, Russia)
Moscow City University

SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH PREDICATES DENOTING MOVEMENT TOWARDS AN OBJECT

The paper aims to consider the relevance of studying semantic features and use of phrasal verbs *to go up* and *to come up* denoting movement towards an object; the author describes methodology of the study and poses the problem to identify language means denoting movement towards an object as well as to improve semantic descriptions of these units.

Key words: phrasal verbs, spatial movement, phrasal verbs semantics, corpus experiment

Э.О. Тимофеева (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
1132222047@rudn.ru

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ СТАНДАРТА В СОВРЕМЕННЫХ ПЕСНЯХ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены результаты анализа особенностей английского языка аборигенов Австралии, отличающие его от других разновидностей английского. Исследование основывается на сборнике песен *Homeland Calling*, в который вошли произведения, созданные молодыми австралийскими авторами индигенного происхождения. Значения лексических единиц, присутствующие в исследуемых текстах, сопоставлялись с приведенными в словарях. Особое внимание было уделено сравнению кодифицированных значений лексем и их семантических и прагматических особенностей в определенном контексте с учетом различий в мировосприятии у носителей разных социолектов.

Ключевые слова: английский язык, полинациональный язык, английский язык аборигенов Австралии, лингвистическая категоризация, кодификация.

Введение

Английский язык аборигенов Австралии (АЯАА) – это отдельный социолект, отличающийся от других вариантов английского языка, в т.ч. стандартного австралийского английского [Butcher 2008]. При этом изучаться лингвистами он начал только в 1960-е гг. [Eades 2013: 100], из-за чего многие его аспекты не освещены достаточно подробно, в т.ч. связь черт этого социолекта с культурно обусловленными особенностями мировосприятия его носителей. В данной работе мы выделяем лексические черты АЯАА, отличающие его от других разновидностей английского, и пытаемся найти возможные этнопсихологические причины различий. Источником материала выступал сборник стихов *Homeland Calling* (2020), в который вошли песни в жанре хип-хоп, написанные представителями молодежи австралийского аборигенного происхождения из общин по всей стране. Для сопоставления семантики лексем в АЯАА с их значениями в других вариациях английского мы применяли словарь стандартного австралийского английского Macquarie Dictionary (MD), а также Cambridge Dictionary (CamD), Collins Dictionary (CollD) и Longman Dictionary of Contemporary English (LDOCE), в которых присутствует информация о британском, американском и других вариантах английского языка. В отдельных случаях мы прибегали к глоссарию использованных в песнях слов из языков и диалектов австралийских аборигенов, который представлен в конце сборника *Homeland Calling*.

Результаты

В следующем фрагменте песни обнаружился пример несоответствия лексического значения языковой единицы в АЯАА значению этой единицы в стандартном австралийском английском:

*My deadly aunties over Muli there
Made a decision
Seen the old fellas
Resting up the back of the mission*

Githabul Next Generation “Breaking Habits” этническая группа Githabul, северо-восток штата Новый Южный Уэльс

В CamD говорится, что стандартное значение слова *auntie* эквивалентно значению слова *aunt* (т.е. «тетя»). Однако, согласно словарю MD, семантика слова *auntie* в АЯАА отличается от стандартной, т.к. в АЯАА это слово значит «любой родственник женского пола старшего поколения» или «близкая знакомая женщина неаборигенного происхождения».

То есть значение слова *auntie* в АЯАА более широкое, чем в стандартном австралийском английском. Это созвучно выводу [Butcher 2008: 637] о расширении семантики терминов родства в АЯАА. Например, слово «мать» может обозначать не только родителя женского пола, но и сестер матери, а также других родственников ее возраста. В статье также отмечено, что слова «тетя» и «дядя» могут использоваться как уважительное обращение к пожилым людям, не состоящим в родстве. То же самое отмечено в ресурсах, созданных самими аборигенами. Например, на сайте *deadlystory.com* (австралийский портал культурных ресурсов для детей и подростков коренного происхождения) отмечено, что слова *auntie* и *uncle* используются применительно к старейшинам общин, однако людям неаборигенного происхождения не рекомендуется так обращаться к старейшинам. Возможно, такое использование этих слов обусловлено тем, что расширенная семья и уважение к старшему поколению играет в культуре аборигенов большую роль, чем в культуре англоавстралийцев. [Lohoar et al. 2014]

Различие между значением лексической единицы в АЯАА и в стандарте наблюдается в следующем примере, но здесь оно затронуло не отдельное слово, а идиому.

Shake a leg in the red dirt

We dance in the dust

The Wilcannia Mob: Intergeneration “Our Country, Our Way” этническая группа Barkindji, запад штата Новый Южный Уэльс

Согласно CamD, идиома *shake a leg* используется как призыв к ускорению: ‘used to tell someone to hurry or act more quickly’.

Но в песне речь идет о танцах. Аборигены сами отмечают, что используют это выражение в значении «танец» или «танцевать». Например, так оно описывается на портале *aboriginalart.com.au*, где аборигены делятся сведениями о своем традиционном искусстве: “Dancing styles varied throughout the hundreds of tribal groups. Dancing was done with set arm, body and foot movements with a lot of foot stamping. Today this is called “shake a leg”.

«Стили танцев различались у сотен племенных групп. Танец исполнялся с определенными движениями рук, тела и ног, в том числе нужно было много топтать ногами. Сегодня это называется *shake a leg*» (перевод *наш*).

То есть наблюдается несоответствие значения этой идиомы в АЯАА ее значению в стандартном английском. Возможно, возникновение особого значения объясняется природой традиционных танцев аборигенов, которые предполагают много трясущих движений ногами, в то время как для представителей культур западноевропейского происхождения (в т.ч. англоавстралийской) трясение ногами, скорее, ассоциируется с бегом, чем с танцами.

В следующем примере мы наблюдаем лексическую единицу, которая вовсе не присутствует в стандарте, хотя в нем имеется выражение, эквивалентное данному с т.з. прагматики. Песня *Deep Sea Dreaming* (группа *Bowen Connection*, состоящая из представителей разных этнических общностей северного Квинсленда, таких как *Djabugay, Juru, Manburra* и др.) начинается с вопроса *Whichaway?* Слово *whichaway*

отсутствует в словарях Cambridge Dictionary, Collins Dictionary и LDOCE, но в глоссарии, представленном в конце сборника *Homeland Calling*, дается следующее определение: “*Whichaway (Aboriginal English): how are you?*” Возможно, *whichaway* – это предложение “*Which way are you going?*” («Куда ты идешь?»), претерпевшее выпадение элементов вследствие синтаксической компрессии, которая, вероятно, объясняется частотой его использования, ведь, судя по данному в глоссарии определению, это ходовая дискурсивная формула, использующая для того, чтобы начать диалог. Языковые элементы, выполняющие такую роль (в т.ч. приветствия) часто претерпевают элизию и эллипсис (например, преобразование *good day* в *g'day* в разговорном австралийском английском [Moore 2008: 18], использование *morning* вместо *good morning* в разных вариациях разговорного английского или переход от *здравствуйте* к *здрасте* в разговорном русском), т.к. регулярно используются в повседневных разговорах. Скорее всего, вопрос *Whichaway?* эквивалентен вопросу *How are you?* с прагматической, а не с семантической точки зрения, т.е. используется в том же контексте и с той же целью, но обозначает нечто иное. Использование вопроса «Куда ты направляешься?» вместо приветствия «Как дела?» характерно для некоторых языков австралийских аборигенов. Например, в языке куук тайоре (*Kuuk Thaayorre*) в качестве приветствия часто используется вопрос *Nhunt wanthan pal yan?* («Куда ты идешь?») [Gaby 2017: 243], а в языке каурна (*Kaurna*) вопрос *Wanti niina?* (тоже обозначает «Куда ты идешь?») нередко становится первым вопросом, задаваемым собеседнику [Amery 2016: 239].

Выводы

В АЯАА есть слова, которые присутствуют и в других разновидностях английского языка, но при этом их значения варьируются в зависимости от социолекта. В некоторых случаях допустимо объяснение таких различий особенностями культуры и этноспецифического мировосприятия (например, расширенное значение некоторых терминов родства, которое, вероятно, связано с ролью расширенной семьи и старшего поколения в жизни носителей австралийских аборигенных культур; специфичная для АЯАА семантика выражения *shake a leg*, которая может объясняться устройством традиционных танцев аборигенов). Кроме того, в АЯАА имеются лексические единицы, не встречающиеся в других вариациях английского (*whichaway*), однако к этим единицам можно подобрать прагматические эквиваленты из других разновидностей английского. Происхождение и значение таких единиц тоже можно объяснить особенностями взаимодействия, характерными для культуры аборигенов Австралии.

Литература

- Aboriginal Art & Culture* // Alice Springs Australia. URL: <https://www.aboriginalart.com.au/didgeridoo/dance.html>
- Amery R. Warraparna Kaurna! Reclaiming an Australian Language. Adelaide: University of Adelaide Press, 2016.
- Butcher A. Linguistic Aspects of Australian Aboriginal English // *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2008. Vol. 22. № 8. P. 625-642.
- Deadly Story*. URL: <https://deadlystory.com/page/tools/aboriginal-cultural-support-planning/cultural-planning---frequently-asked-questions/do-we-reference-elders-older-family-members-as-aunty-uncle>
- Eades D. *Aboriginal Ways of Using English*. Canberra: Aboriginal Studies Press, 2013.

Gaby A.R. A Grammar of Kuuk Thaayorre. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017.

Lohoar S., Butera N., Kennedy E. Strengths of Australian Aboriginal Cultural Practices in Family Life and Child Rearing. Melbourne: Australian Institute of Family Studies, 2014.

Moore B. Speaking Our Language: the Story of Australian English. Melbourne: Oxford University Press, 2008.

*E.O. Timofeeva (Moscow, Russia)
RUDN University*

NON-STANDARD LINGUISTIC PHENOMENA IN MODERN AUSTRALIAN ABORIGINAL ENGLISH SONGS

This study aims to analyse the features of Australian Aboriginal English which distinguish it from other varieties of English. The investigation is based on *Homeland Calling*, a collection of songs written by young Indigenous Australians. The lexeme meanings found in these texts are compared to definitions provided by dictionaries. Particular attention is paid to comparing the codified meanings of lexemes to the semantic and pragmatic features of these lexemes in specific contexts in the light of worldview differences exhibited by speakers of various sociolects.

Key words: English, world language, Australian Aboriginal English, linguistic categorization, codification.

*I.L. Freidkin (Moscow, Russia)
RUDN University
lomdimbeivrit@gmail.com*

BEGINNER LEVEL HEBREW LANGUAGE EDUCATION (LEVEL ALEPH-1) AS AN OPPORTUNITY TO INFORM THE STUDENTS OF CULTURE AND GEOGRAPHY OF THE COUNTRY BEING STUDIED

Use of computer study programs and chatbots can improve the ability to study languages. Study of Hebrew is in demand, currently, the demand is greater than the number of courses on offer. This is primarily due to migration, but also due to interest in the history and culture of Israel and Judaism. Covering history and culture in beginner courses allows for improvement in language skills. The purpose of the study was to evaluate the effectiveness of a chat bot in teaching Hebrew. Telegram bot “Paradise”, developed by the author for teaching Hebrew, served as research material. The use of the chatbot has proven the effectiveness of this computer technology.

Key words: Hebrew, learning Hebrew, Telegram bot, history and culture.

The demand for learning a foreign language and the improvement in the methods of teaching is connected not only with the economic but also political shifts in public life. The events of the last 10 years had an unavoidable impact on teaching of foreign languages – the connection of Russia with Bologna Process of education in 2003 and then the revocation of that process in 2022, the introduction of total distance education during the period of the pandemic, the limitation on movement, drop in tourist business and international economic cooperation. In this climate of this instability the demand for learning Hebrew remains constant. The interest in this language comes mostly from immigrants but there is also a significant amount of students who are motivated by the cultural context and the desire to get

closer to Jewish tradition. In other words, the study of Hebrew remains popular and the development of methods to teach it in off-line or on-line mode remains current.

Hebrew was modernized and put into public use at the beginning of the 20th Century. The language had eventually become the symbol of a successful rebirth of a language. Without a doubt, Hebrew as the native tongue to citizens of Israel for many generations, evolves and changes as any typical language. Hebrew is now taught by the majority of educational institutions – schools, universities, language schools and online courses.

In the beginning of the 21st century in the Russian Federation, the study of Hebrew has made significant progress. Thus, “in the Russian Federation, a private school was established to teach Hebrew as well as active scientific research, international conferences and a publication of a journal” [Kondrakova 2019a: 424].

As noted by E.B. Mariyanchik, “just the idea of competition (when searching for Hebrew teachers)... is just theoretical, because the amount of teachers is less than required” [Mariyanchik 2012: 78]. Limited opportunity to learn (and teach) Hebrew in the Russian Federation is demonstrated by the small size; of the research into this topic (E.B. Mariyanchik, U.B. Kondrakova and students), the list of teaching aids and the amount of learning institutions where one can learn modern Hebrew.

As a practicing Hebrew teacher, the author notes the following features of the current situation around the teaching of Hebrew in the Russian Federation:

1) Lack of a systematic approach. Despite the attempts to develop the general criteria for teaching English (in school, university), some with the author’s involvement (the development of tests at the Moscow Electronic School), the system for teaching Hebrew is far from unified. In every school and every university, the teaching is done with a unique textbook and even multiple different text books, depending on the educators preferences.

2) Lack of completeness. At the current moment, the educators in Moscow are developing a plan to introduce Hebrew into the common government program but each course only covers some aspects of language competency and doesn’t guarantee completeness.

3) Focus on practical knowledge. Study of Hebrew by migrants is connected first and foremost with the practical needs. It is important that the migrant is able to use the language to function in day-to-day life. This is why the syllabus doesn’t often include Jewish literature and culture. The study is focused on gaining proficiency in phrases and expressions.

But issues and misunderstanding can occur when minimum language skills are the only goal. Being able to converse in Hebrew is not even the necessity for being able to find low skilled work in Israel. Knowledge of the language is required for well-paid employment which these minimum courses do not offer leading to disillusionment of the students and unwillingness to gain better language competency.

Therefore, to optimise the teaching of Hebrew it is necessary to develop new methods to teach the language including the use of computers.

A review of literature on the topic had shown that the modern study of problems in teaching of Hebrew and solutions are built upon common pedagogical methods – the creation of computerised tests [Mariyanchik 2014; Kondrakova 2019b], use of Andragogy [Ermakova 2014], use of mnemonics, reversed classes [Mariyanchik, Kondrakova 2020], expansion of practical use of the language with modern technologies [Benkin 2022].

In order to develop a new computer-based-teaching application, Telegram bot “PARDES” (<https://t.me/ivrit4u/533>) was launched in March 2020. 2253 students from around the world made use of this application, among them 617 have completed their studies in the free introductory section. Within a short time, the course had gained popularity thanks to the recommendation from the Ministry of Foreign Affairs of Israel

(<https://www.facebook.com/IsraelRussian/posts/3465895896771326>) which had put information about the application on their official website.

The learning is conducted within a messaging application Telegram with the aid of a robot-teacher. The learning is conducted in chats between 2 people with elements of gamification. Course is designed for 128 academic hours, 64 hrs of lecture material and 64 hrs of personal work. Users can set their own tempo of the learning based on their availability. Upon completion the students earn the knowledge equivalent to level Aleph-1 which includes writing, reading, grammar (verbs in present tense and nouns) as well as conversational dialogues on popular themes (245 words). The application also offers the students a short history of the language, interesting facts about Israel, Judaism and the opportunity to converse with their partner in Hebrew. This allows the student to find out about the geography of the country, national holidays, and the Jewish Calendar. The information is presented in order to interest the students and help them advance their language skills as well as expand the list of topics which they can discuss in the language being studied.

The use of computer learning technologies such as chatbots is a developing field in the study of foreign languages. Thanks to the development of distance learning as well as due to the COVID-19 pandemic, these technologies have become widely used in educating remote communities. They are recognized as essential in enabling access to learning to a wider range of people, their effectiveness is not currently proven. Research shows that the ease of access can cause the diminishing of interest in studying and reduce motivation because it can be attempted an infinite number of times.

In conclusion, I suggest that computer learning technologies are most effective when teaching adults who possess higher motivation towards attaining new skills and have better self-organization and for whom studying a language is not a mere short fancy but a long-term pursuit aimed at attaining valuable knowledge.

Литература

Бенькин М.С. Современные методы обучения языку иврит через сериалы // Наука, общество, образование в условиях цифровизации и глобальных изменений. 2022. С. 163-167.

Ермакова Р.А. Специфика обучения иностранному языку взрослой аудитории (на примере обучения ивриту в ульпанах Израиля) // Актуальные проблемы современного языкового образования: теория и практика. 2014. С. 126-132.

Кондракова Ю.Н. Изучение современного иврита в России: многообразие целей и пути их достижения // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019а. Т. 16. № 3. С. 424-442. doi 10.22363/2618-897X-2019-16-3-424-442. *Кондракова Ю.Н.* Электронные обучающие упражнения в процессе преподавания языка иврит // Особенности реализации информационно-деятельностного подхода в практике преподавания иностранного языка: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции / ред. Л.В. Сарычева. 2019б. С. 21-27.

Марьянчик Е.Б. Компьютеризация процесса отработки материала и оценки знаний студента: проблемы и перспективы // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 3 (6). С. 12-18.

Марьянчик Е.Б. Новые технологии в преподавании иврита // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. IV М.: Сефер, 2012. С. 77-93.

Марьянчик Е.Б., Кондракова Ю.Н. Преподавание языка иврит при помощи инновационной модели «flipped learning» // Перспективы науки и образования. 2020. № 1 (43). С. 194-206. DOI: 10.32744/pse.2020.1.14

*И.Л. Фрейдкин (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов*

ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ ИВРИТА (УРОВЕНЬ АЛЕФ-1) КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ИНФОРМИРОВАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ О КУЛЬТУРЕ И ГЕОГРАФИИ ИЗУЧАЕМОЙ СТРАНЫ

Использование компьютерных обучающих программ, в частности чат-ботов, расширяет возможности изучения языков. Изучение иврита сегодня востребовано, спрос превышает предложение. Это связано, прежде всего, с репатриацией, но также и с интересом к истории и культуре Израиля и к иудаизму. Рассмотрение этих тем в начальном курсе позволяет совершенствовать языковые навыки.

Ключевые слова: иврит, обучение ивриту, телеграмм-бот, история и культур.

*А.А. Шахаева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
shakhaevaal@gmail.com*

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Преподавание иностранного языка тесно связано с достижениями в области теории языка. В последние десятилетия когнитивистика занимает ведущее направление среди подходов к изучению языка, поэтому в данной статье поднимается вопрос эффективности использования результатов когнитивных исследований в области решения проблем лингводидактики китайского языка для предупреждения ошибок на всех этапах обучения. В частности, предложены концептуальные структуры китайских глаголов направленного движения, которые позволяют сформировать корректное представление о семантике единиц у обучающихся и, тем самым, избежать типичных ошибок в их употреблении.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, китайский язык, преподавание китайского языка, обучение лексике, глаголы направления движения.

Обучение иностранному языку предполагает формирование определенного набора компетенций, которые, согласно системе Общеввропейской компетенции владения иностранным языком (The Common European Framework of Reference for Languages – CEFR), делятся на общие и коммуникативные. Если общие компетенции предполагают сумму знаний о мире, социокультурные знания, межкультурные навыки и умения, а также личностные качества обучаемого, то коммуникативные компетенции предполагают уже знания, умения и навыки в области языка. Среди компонентов коммуникативной компетенции наряду с грамматической, фонологической и лексической отдельно выделяется семантическая компетенция, и это позволяет говорить о важности лексической, грамматической и прагматической семантики при обучении иностранному языку.

Говоря о китайском языке, в силу идеографического типа письменности, семантика выходит на первое место, на чем в том числе акцентирует внимание И.В. Кочергин, утверждая, что «носители русского языка при восприятии слова фокусируют свое внимание в равной степени и на вещественной (содержательной), и на формальной (грамматической) сторонах слова, то носители китайского языка оперируют прежде всего содержанием, семантикой слова» [Кочергин 2012: 32].

С приходом когнитивной парадигмы лингвистика стала рассматривать язык как общий когнитивный механизм, в связи с чем, человек и его познавательные процессы категоризация и концептуализация становятся центральными понятиями семантической теории. Н.Н. Болдырев указывает на то, что «семантика языковых единиц (когнитивная семантика) рассматривается как результат определенного способа осмысления мира на основе соотнесения языковых значений с конкретными концептами и категориями, т.е. как отражение процессов концептуализации и категоризации в языке» [Болдырев 2004: 24]. Таким образом, придя в науку о языке, когнитивный подход неминуемо должен проникнуть и в лингводидактику, ведь, по емкому замечанию Е.С. Кубряковой, «Усваивая язык, мы усваиваем не только отдельные знаки – мы усваиваем системы категоризации мира, системы опыта и знаний, и, наконец, системы ценностей» [Кубрякова 2001: 33]. Но несмотря на то, что достижения в области изучения языка находят практическое применение в практике преподавания языка, когнитивный подход все еще не получил широкого распространения в обучении китайскому языку. В данной статье мы бы хотели поднять вопрос об эффективности когнитивного подхода в формировании коммуникативной компетенции, в частности компонентов, связанных с лексикой, грамматикой и семантикой на примере группы глаголов направленного движения.

При изучении китайского языка определенные трудности у обучающихся вызывают глаголы направления движения, которые связаны с функционально-семантическими особенностями глаголов. Данные глаголы не только употребляются самостоятельно, но и свободно могут быть сателлитами, выражая маршрут движения. В силу того, что в русском языке группа глаголов направления движения не выделяется, обучаемые в большинстве случаев неправильно выбирают слова для вербализации смысла направленного движения. Проблема кроется в том, что слова с глагольным значением русского и китайского языков, на первый взгляд, имеют равнозначное семантическое наполнение, но, как известно, наивная картина мира и пространственные отношения носителей русского и китайского языков имеют свои особенности, поэтому языковая репрезентация пространственных отношений в рассматриваемых языках несет различные типы информации о пространстве. В связи с этим, при работе с данной группой глаголов первостепенной задачей является «формирование у обучающихся знания глубинных концептуальных принципов организации системы изучаемого иностранного языка» [Беляевская 2013: 82].

По утверждению профессора Е.Г. Беляевской, «Концептуальные структуры лежат в основе употребления языковых единиц, обозначающих пространственные отношения в разных языках. Следовательно, именно концептуальные структуры – ментальные репрезентации – должны быть исходным пунктом в обучении иностранному языку, которое не сводится к овладению языковыми единицами, но предполагает формирование определенного мировидения, в данном случае – определенной пространственной картины, свойственной изучаемому языку. В целях такого обучения необходимо иметь оперативную модель концептуализации – конструирования – пространства в двух языках родном и иностранном» [Беляевская, Мальяр: 82].

Конструирование пространственной картины начинается со знакомства с семантикой глаголов направленного движения, в частности, с ментальными репрезентациями – прототипами, которые лежат в основе значения того или иного знака, объединяя цепочки всех его значений «отношениями трансформационного «родства», являясь как бы непрямыми «родственниками»» [Голубкова 2002: 71].

В учебной литературе значения глаголов направленного движения представлено статичными переводами на русский язык, которые не только не раскрывают компонентов значений лексических единиц, а, наоборот, направляют мыслительный процесс обучаемого по ложному пути. Например, с первых уроков китайского языка обучающиеся слышат от преподавателя фразу 上课 *приступаем к уроку* и, соответственно, трактуют значение глагола как *начинать, приступать к какому-либо делу*. На самом деле у глагола 上 нет указанного значения, в данном случае актуализируется «метафорический перенос в область профессиональной деятельности и переосмысление компонента «поверхность» следующей концептуальной структуры: объект X стремиться попасть, присоединиться к поверхности Y, при этом X по своим размерам меньше чем Y. Данное значение актуализирует компоненты статической ситуации в значении пиктограммы с гадательных надписей: «X располагается на поверхности Y» [Шахаева 2021: 134].

Ту же самую ситуацию можно наблюдать и с глаголом направленного движения 开, который встречается в таких сочетаниях как: 开门 *открыть дверь*, 开车 *водить машину*, 开灯 *включить свет*, 开花 *цвести (о цветах)*. Если исходить из перевода фраз, то у обучающихся складывается искаженное представление о семантике слова. В таком случае эффективным будет подход, предложенный Е.Г. Беляевской: «для минимизации интерференции необходимо не только корректировать отдельные неправильные употребления лексических единиц и/ или грамматических конструкций, но и формировать у обучающихся знание глубинных концептуальных принципов организации системы изучаемого иностранного языка» [Беляевская 2013: 82]. Если обратиться к ментальной схеме, которая лежит в основе значений глагола 开, то можно констатировать, что она является источником нескольких значений: 1) направленного движения от центра в разных направлениях, что приводит к разделению целого на части, например: 开花 *цвести (о цветах)*, 开门 *открыть дверь*; 2) начало движения, приводить что-то в движение, например: 开车 *водить машину*, 开灯 *включить свет*. Таким образом, если при работе с лексикой постепенно вводить информацию о ментальной схеме, которая стоит за семантикой слова, то можно избежать ошибок, типичных для русскоязычных студентов.

Подводя итог, можно с уверенностью говорить о том, что использование методов и результатов когнитивных исследований языка могут эффективно решать проблемы лингводидактики, повышая уровень владения необходимыми компетенциями у изучающих китайский язык.

Литература

- Беляевская Е.Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник Московского государственного института международных отношений – Университета. 2013. № 5 (32). С. 76-83.
- Беляевская Е.Г., Маляр Т.Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012.
- Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1 (001). С. 18-36.
- Голубкова Е.Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). М.: ГЕОС, 2002.
- Кочергин И.В. Очерки лингводидактики китайского языка. М.: Восточная книга, 2012.
- Кубрякова Е.С. Размышление о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 28-34.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка: монография. Страсбург; М.: Совет Европы, Департамент по языковой политике; Московский государственный лингвистический университет, 2001-2003.

Шахаева А.А. Когнитивные основания полисемии китайского глагола // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2021. Вып. 1. С. 134-138.

*A.A. Shakhaeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

A COGNITIVE LINGUISTICS APPROACH TO TEACHING CHINESE

The foreign language teaching is closely connected with the theory of language. This article is devoted to the question of the effectiveness of using the results of cognitive research in the field of solving problems of linguodidactics of the Chinese language, to prevent errors at all stages of learning. In particular, conceptual structures of Chinese direction motion verbs are proposed, which allow students to form a correct idea of the semantics of units and, thus, avoid typical mistakes in their use.

Key words: cognitive linguistics, conceptual characteristics of space, Chinese direction moving verb.

*Л.Р. Яруллина (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
ilramilevna28@gmail.com*

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье поднимается вопрос о необходимости использования настольных игр при обучении иностранному языку. Автор рассматривает разные виды настольных игр как один из способов преодоления языкового барьера. Вместе с тем описывается реальный опыт использования некоторых игр на занятиях.

Ключевые слова: коммуникативный подход, функции игры, языковой барьер, настольные игры.

Обучение иностранному языку в ВУЗе подразумевает формирование коммуникативной компетенции, которая включает овладение основными видами речевой деятельности: аудированием, говорением, чтением и письмом. В первую очередь студенты должны уметь организовать и поддержать устную и письменную беседу на иностранном языке. Конечно, студентам необходимо не только расширять словарный запас, но и осваивать грамматику. На первый взгляд цель обучения иностранному языку проста и ясна, однако она достигается благодаря решению множества отдельных задач и в течение всего периода обучения иностранному языку в ВУЗе. Одним из способов решения этих задач является применение коммуникативного подхода в обучении.

Целью коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам является формирование у студентов коммуникативной компетенции, позволяющей им

эффективно общаться в иноязычной среде [Банарцева 2017: 23]. Коммуникативный подход называют деятельностным подходом, в центре которого – обучающийся со всеми его индивидуально-психологическими и возрастными особенностями. Таким образом, именно коммуникативный подход становится в центре внимания всех современных школ и университетов.

Методическим содержанием коммуникативно-деятельностного подхода являются способы организации учебной деятельности, связанные в первую очередь с широким использованием коллективных форм обучения, с решением проблемных задач, с сотрудничеством между преподавателем и учащимися [Банарцева 2017: 26]. Одним из способов насыщения занятия подобным содержанием может стать использование настольных игр. Игра – форма «деятельности в условных ситуациях, специально создаваемых с целью закрепления и активизации учебного материала в различных ситуациях общения» [Новый словарь методических терминов и понятий 2009: 74]. Данное определение включает две ключевые составляющие: а) свод правил и б) заполнение досуга. Что касается правил, то непосредственно на уроке иностранного языка игра предоставляется как задание, в котором следует придерживаться тематических правил [Душина 2014: 54]. Организация досуга может подразумевать разрядку нагрузки обучающихся, т.е. игра может быть применена в конце какой-либо темы или просто отдельного урока.

Предметом игры становится некая ситуация, в которую обучающиеся погружаются и ищут способ разрешить ее. Как правило, в самом начале обучения студенты нередко испытывают трудности в инициации диалога, т.е. сталкиваются с языковым барьером. Языковой барьер при изучении иностранного языка – это индивидуальная, субъективная невозможность использовать те знания, которые уже есть, в процессе говорения [Фирсова 2013: 90].

Самыми распространенными причинами языкового барьера можно назвать 1) страх ошибиться; 2) недостаток лексической базы иностранного языка; 3) незнание или непонимание некоторых элементов грамматического строя языка, 4) неумение выстроить логическую речь на родном языке [Фирсова 2013: 89].

Настольные игры на занятии по иностранному языку позволяют в некоторой степени решить перечисленные проблемы. Имея подтекст интересного проведения времени, действие игры исключает первую трудность. Если во время игры студент ошибается, то это не воспринимается серьезно, а наоборот, другие участники имеют возможность обратить внимание на ошибку, исправить ее и не повторять в дальнейшем, таким образом у студента, который ошибся, снижается уровень стресса. Что касается нехватки лексического запаса обучающегося, то именно игра способствует закреплению материала, повторению пройденных слов, а также может активировать пассивный вокабуляр учащихся и даже ввести новые лексические обороты. Так в качестве одного из дополнительных сопровождающих заданий во время игры может стать запись учащимися новых слов или оборотов на плакате или доске. Рассматривая игру как соревнование, можно использовать такой вид работы как запись максимально большого количества разных грамматических конструкций за определенное время. Упоминая неумение выстраивать логическую речь на родном языке и ее перенос на иностранный, имеется в виду незнание логических слов-связок или неуверенность в их уместности. Т.е. перед каждым проведением игры можно совместно со студентами составлять различные схемы или списки оборотов, с помощью которых можно начать свой ответ по данной теме. Такие своеобразные

помощники-образцы дадут уверенность учащимся и позволить быстрее сформулировать свою мысль.

Далее поделимся опытом применения игровой методики закрепления языкового материала на уроках немецкого языка.

1. “**Vergleichen Sie zwei ...**” («Сравните два ...»). Данная игра позволяет отработать правило сравнительных форм прилагательных. В каждом поле игры приведены названия различных явлений или предметов, подлежащих сравнению, например, наименования географических объектов, относящихся к стране изучаемого языка. Поэтому игра способствует развитию не только коммуникативной, но и страноведческой компетенции. Игра реализуется следующим образом.

a. Вопрос, который выпадает на игровом поле: *Vergleichen Sie zwei deutsche Städte* (Сравните два немецких города).

b. Ответ студента: *Berlin ist größer als Bremen* (Берлин больше Бремена).

2. “**Nennen Sie drei Dinge, die**” («Назовите три вещи, которые ...»). Методической целью данной игры является корректное выстраивание порядка слов в придаточном предложении, а именно постановка сказуемого в конец предложения. Рассмотрим на примере ниже.

a. Задание: *Nennen Sie drei Dinge, über die Sie sich immer freuen* (Назовите три вещи, которым Вы всегда рады).

b. Ответ студента: *Das Wetter, Freunde und mein Geburtstag sind drei Dinge, über die ich mich immer freue* (Погода, друзья и мой день рождения это три вещи, которым я всегда радуюсь).

Что касается придаточных предложений, часто на занятиях было предложено каждому студенту обозначить ситуацию, после которой мог быть использован любой союз придаточного предложения. Далее на отдельном плакате выписывались начала предложения, и группе предлагалось по-своему продолжить каждое из них, используя любой союз. Так студенты сначала задействованы в самостоятельной работе, а потом – в групповой.

3. Отдельный вид игр, посвященный повторению лексических единиц по определенной теме, можно разделить на две категории: 1) изображения предмета или действия как его перевод и 2) использование конкретного слова в контексте. Благодаря таким играм можно объединять слова в одну лексическую группу, например, “**An der Uni**” («В университете») или “**Hausarbeit**” («Работа по дому»). Используя такой наглядный материал учащемуся легко и быстро найти необходимую лексику во время последующих занятий, ориентируясь на название лексической группы.

4. Формы глаголов в немецком языке – тема, на основе которой можно продумать большое разнообразие заданий в игре. Например, если на игровом поле перечислены инфинитивы, студенты могут а) спрягать глаголы в настоящем времени; б) составлять вопросительные предложения и задавать их друг другу; в) образовать формы простого прошедшего времени и причастия; г) использовать глагол в соответствующем контексте. Подобное поле можно использовать и в качестве самостоятельной работы, соревнуясь или на время, или на количество правильно составленных форм глаголов. В случае большой группы можно поделить всех участников по парам и предоставить возможность «проверки», называя по очереди необходимые формы глаголов и исправляя ошибки друг друга.

По результатам педагогической и методической работы было замечено, что использование перечисленных игр на уроках способствует повышению интереса студентов к повторению изученного материала. Благодаря играм студенты

самостоятельно выявляют пробелы в смежных темах, что позволяет им активировать пассивный вокабуляр и вспомнить грамматические конструкции, не являющиеся целевыми в играх.

Таким образом, настольные игры не только стимулируют студентов к высказыванию по определенной теме на немецком языке, но и способствуют снижению языкового и психологического барьеров. Последнее в свою очередь облегчает путь к формированию коммуникативной компетенции.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009.

Банарцева А.В. Коммуникативный подход в обучении иностранному языку // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки. 2017. №1 (33).

Душина Е.В. Лингвистические игры на уроках русского и иностранного языка в аспекте формирования коммуникативной компетентности учащихся. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-igry-na-urokah-russkogo-i-inostrannogo-yazyka-v-aspekte-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentnosti-uchaschihsya> (дата обращения: 20.09.2023).

Фирсова И.В. Языковой барьер при обучении иностранному языку // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. №1 (9).

*L.R. Yarullina (Moscow, Russia)
RUDN University*

BOARD GAMES IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AS A WAY TO OVERCOME THE LANGUAGE BARRIER ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN LANGUAGE

The article raises the question of the need to use board games when teaching a foreign language. The author considers different types of board games as one of the ways to overcome the language barrier. At the same time, the real experience of using some games in the classroom is described.

Key words: communicative approach, game functions, language barrier, board gamesy.

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 1 (57)

**СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ: ВАРИАТИВНОСТЬ, ФУНКЦИИ,
ИДЕОЛОГИИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ**

**Материалы международной научно-практической конференции
VI Фирсовские чтения
19–21 октября 2023 года**

Часть I

Главный редактор
Николай Николаевич Болдырев

Ответственный редактор выпуска
Ольга Валентиновна Ломакина

Компьютерная верстка Е.В. Авдеева

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 11.01.2024. Дата выхода в свет 29.03.2024. Формат 60x84/16.
Физ. печ. л. 26,63. Тираж 500 экз. Заказ 132. Цена свободная

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Общероссийская общественная организация

«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт языкознания Российской академии наук

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д.33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в типографии РУДН

115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3,

Тел. 8(495) 955-08-74. E-mail: publishing@rudn.ru

